

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

Сборник научных статей

Выпуск 6 (18)

**Иркутск
2011**

УДК 9(571.1/.5)
ББК ТЗ(2Р5)5-49
С-34

Ответственные редакторы:

А.А. Иванов, д. ист. н., профессор,
С.И. Кузнецов, д. ист. н., профессор,
Б.С. Шостакович, д. ист. н., профессор.

Редакционная коллегия:

Дамешек Л.М., Зуляр Ю.А., Перцева Т.А., Петрушин Ю.А.
(Иркутск), Исачкин С.П. (Омск), Никулина И.Н. (Барнаул),
Курас Л.В. (Улан-Удэ), Мошкина З.В. (Чита),
Казарян П.Л. (Якутск).

С-34 **Сибирская ссылка:** Сборник научных статей / отв. ред.
А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск:
Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). 720 с.

Настоящий выпуск сборника «Сибирская ссылка» продолжает публикацию статей специалистов истории карательной, охранительной и пенитенциарной политики и практики Российского государства в Сибири XVII–XX веков.

Сборник предназначен научным работникам, преподавателям высшей школы, краоведам, всем, интересующимся этой темой.

Издается с 1973 г.

ISBN 978-5-93219-293-1

© Издательство «Оттиск», 2011

Уважаемые коллеги!

Представляем вам очередной, восемнадцатый, выпуск сборника статей «Сибирская ссылка». Не одно десятилетие, и даже не один век, эта тема продолжает находить своего исследователя. Правоведы, историки, специалисты различных областей науки открывают в ней новые грани, обогащая отечественную историографию, как отдельными малоизученными сюжетами, так и современными методологическими приемами и подходами.

Такой стойкий интерес – явление закономерное. Сам объект познания – сибирская ссылка – выводит нас на еще более обширную проблематику – историю заселения, социального, культурного, политического, хозяйственного освоения и развития огромного региона, составляющего значительную часть нашей страны. В истории Сибири XVII–XX веков трудно, а быть может, и невозможно, найти сюжет, так или иначе, не связанный с уголовной или политической ссылкой, пенитенциарной, репрессивной или охранительной политикой Российского государства.

Уже с конца XVI века страна за Уральским камнем стала местом изгнания опальных вельмож, участников многочисленных дворцовых интриг и переворотов. Ссылка непокорных казаков, назначаемая «в службу, куда государь укажет», укрепляла и расширяла границы империи, делала постоянным и необратимым здесь русское присутствие. «Пашенные ссыльные» XVII века прочно обживали новые земли, их трудом решалась наиважнейшая задача – снабжение служивых людей хлебом, ценившимся в этих местах не меньше пороха и оружия.

Уложение 1649 г. положило начало ссылке в Сибирь уголовных преступников. Отправляя сюда тысячи «лихих людей», воров и разбойников, государство не стремилось исправить их души хорошо организованным трудом. Выдержав многомесячный и трудный пеший путь, пройдя через лишения и окончательно разучившись трудиться, такой ссыльный водворялся на месте причисления по существу самостоятельно, имея зачастую лишь формальную поддержку государства. В таких условиях приживались и брали зем-

лю немногие, в основном семейные, бóльшая часть этих людей уходила на прииски и копи, послужив основой для формирования крупных горнодобывающих предприятий Сибири.

Другая часть занималась бродяжничеством, воровством или откровенным разбоем. Образ «несчастливого», всеми гонимого, обездоленного и покорного судьбе, созданный нашей демократической литературой, очень редко совпадал с действительным обликом сибирского бродяги. Кусок хлеба, оставляемый крестьянами на задворках своей усадьбы, вовсе не был проявлением сострадания к этим людям, а являлся своеобразным способом откупиться от них, лишь бы не трогали и шли дальше...

Деятнадцатый век в истории Сибири прочно ассоциируется с политической ссылкой. А.Н. Радищев, декабристы, участники солдатских протестов в Новгородской губернии, матросы Черноморского флота, поляки, выступавшие с оружием в руках за свою независимость, петрашевцы, землевольцы, народники – тысячи борцов с самодержавным государством населили села и города Сибири, привнеся сюда иную общественно-политическую и бытовую культуру, активно участвуя в изучении богатств края, открытии новых земель, предпринимательстве, просвещении, литературе и журналистике. «Пришлая интеллигенция», действительно, оказала поистине неопределимую «услугу» Сибирскому краю.

Политизация общественной жизни, появление и деятельность радикальных политических партий, вовлечение в революционную борьбу в начале XX века практически всех слоев российского общества, резко изменили состав ссылки: на смену радикалу-народнику и недоучившемуся студенту-разночинцу в Сибирь стали высылать по суду, а больше всего административно, рабочих промышленных предприятий центра страны, крестьян, бунтовавших против малоземелья, учащуюся молодежь, отстаивавшую свои права на относительно независимое образование. В ссылку «пошла масса», многократно увеличившая колонии по Оби, Енисею, Ангаре, Лене, Витиму. В некоторых селах число «политиков» сравнялось или превысило количество местных жителей, отсутствие работы, и как следствие, средств к существованию, делало невольное пребывание в Сибири суровым испытанием.

Ссылка пролетарская не сумела внести столь существенного вклада в культурное развитие сибирского общества, однако осужденные эсдеки и эсеры значительно усилили местное оппозици-

онное движение: «политики» умело руководили нелегальными партийными формированиями, организовывали пропагандистские кружки, значительно политизировали рабочие и профессиональные союзы. При активном руководстве и участии ссыльных проходили крупнейшие забастовки, издавались газеты, совершались террористические акты и экспроприации. В 1917 г. именно ссыльные возглавили формирование органов новой власти, большевизацию Советов, приняли затем деятельное участие в событиях Гражданской войны.

В 1920–1930-х гг. значительная часть бывших «царских» ссыльных, занимавших, как правило, ответственные партийные и государственные посты, еще раз были отправлены в Сибирь. Режим сталинских лагерей был несравнимо суровее режима дореволюционных «централов», его можно со всей ответственностью назвать по-настоящему каторжным, направленным на физическое истребление миллионов невинных людей. Страна за Уралом вновь оказалась огромной «тюрьмой без решеток». Государство, как и прежде, использовало даровой труд лишенных прав граждан, как и прежде продолжалось экстенсивное освоение громадных сибирских территорий. Темы царской и советской ссылок действительно, неразрывны, требуют сквозного и комплексного исследования.

Вся история советского государства прошла под знаком репрессий. Власть боялась своего народа, не доверяла ему, уничтожала его. Страна пережила и два периода критики и разоблачения репрессивной политики государства: в 1956 г. после XX съезда КПСС, а позже – с началом перестройки – во второй половине 80-х годов. И та и другая кампания со временем пошла на спад и произошло это не без участия властей.

Массовые политические репрессии 1930-х годов завершили формирование жесткого тоталитарного режима в СССР. В обществе был нагнетен террор, страх, исключено всякое сопротивление властям. Репрессии обезглавили промышленность, армию, сферы обслуживания, науки, культуры. Пострадали партийные, комсомольские, советские, правоохранительные органы. В Красной Армии накануне Великой Отечественной войны были незаконно репрессированы многие тысячи офицеров. В годы «Большого террора» была «опробована» политика массовой насильственной депортации десятков народов. Заметим, что «отдаленными района-

ми СССР», куда депортировались неугодные, опять же оказалась все та же Сибирь.

В годы политического террора все крупные промышленные объекты первых пятилеток сооружались с использованием дешевого, принудительного труда заключенных, в том числе политических, интернированных и военнопленных иностранных армий.

В 1920–1950-е годы через лагеря, колонии и тюрьмы прошли десятки миллионов человек. Субкультура уголовного мира, его ценности, приоритеты, язык были навязаны обществу. Сегодня наследие Большого террора не может воплотиться, мы живем в другую эпоху. Вышло большое количество воспоминаний, книги памяти, сборники документов, научная и популярная литература по истории репрессий, однако, тема эта далеко не исчерпана. Но дело не только в этом. Наше общество еще не дало публичной оценки политического террора советского государства с правовых позиций. Не дана юридическая оценка и деятельности тогдашних руководителей страны. До сих пор не создан общенациональный памятник погибшим, который был бы поставлен государством и от имени государства. Нет и общенационального музея истории государственного террора, соответствующего по своему статусу и уровню масштабам трагедии. История террора и Гулага должна быть представлена во всех исторических и краеведческих музеях. До сих пор существуют препятствия, ограничивающие доступ к архивным материалам политических репрессий. Необходимо осуществлять общероссийскую программу поиска и мемориализации мест захоронения жертв террора. Память о терроре – это общая память народа.

Предлагаемый Вашему вниманию сборник – очередное напоминание об этой мрачной истории прошлого, о том, что никакое развитие страны, никакие её успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и людских потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправдания.

Как видим, изучение ссылки продолжается. В настоящем выпуске, наряду с нашими постоянными авторами, разрабатывающими эту тему многие годы, публикуются и труды молодых исследователей. Историография ссылки обогащается новыми именами, закономерно привносящими в тему и иные грани, сюжеты, оценки, подходы. Увеличение круга исследуемых проблем продолжает

расширять и географию наших авторов – в этом выпуске представлены практически все научные центры Сибири, впервые на наших страницах публикуются итоги исследований зарубежного специалиста – профессора токийского университета Томиа Такэси.

Думается, настоящий выпуск «Сибирской ссылки» вызовет интерес у специалистов, послужит делу дальнейшего изучения этой обширной темы.

*А.А. Иванов,
С.И. Кузнецов*

Вопросы методологии, историографии и источниковедения

УДК 930.1(09):329.021.3(571)

С.П. Исачкин

Политическая культура ссыльных и местных социал-демократов Иркутска в 1907–1917 гг. (историография и постановка проблемы)

В статье на основе историографического анализа раскрывается степень изученности проблемы политической культуры иркутской социал-демократии. Рассматриваются вопросы идейных позиций, политической ориентации, партийного примиренчества ссыльных и местных социал-демократов. Ставится задача исследования политической культуры как целостного явления общественной жизни.

Ключевые слова: Социал-демократия. Политическая ссылка. Иркутск. Идеиные позиции. Политическая ориентация. Примиренчество. Политическая культура.

S.P. Isachkin

Political culture of Irkutsk exiles and local social democrats in 1907–1917 years (historiography and putting the problem)

On the bases of historiographic analysis the article discovers the degree of studying the problem of political culture of Irkutsk social democracy. It deals with the problems of ideological positions, political orientation, party reconciliation of exiles and local social democrats. It is aimed at the study of political culture as the integral phenomenon of social life.

Keywords: Social democracy. Political exile. Irkutsk. Ideological positions. Political orientation. Reconciliation. Political culture.

Политическая культура представляет собой сложнейший элемент общественной жизни. Применительно к политическим партиям она включает в себя стратегию и тактику их деятельности, мировоззренческие установки, идейные позиции, политическую ориентацию, характер внутривнутрипартийных и межпартийных отношений, а также формы и методы влияния на свою социальную базу. Попытки учета данных компонентов впервые были предприняты в советский период отечественной историографии, когда сам термин «политическая культура» практически не употреблялся, но вопросы идейной сущности партийных организаций имели большую актуальность по идеологическим соображениям.

Существенную сложность в советской литературе вызвало определение идейно-политической сущности иркутской социал-демократии в период между двумя буржуазными революциями в России. В это время эсдеки Иркутска составляли достаточно сложный конгломерат ссыльных и местных партийцев самых различных воззрений и направлений. Среди них были как лидеры российской социал-демократии, так и люди, слабо разбирающиеся в тонкостях фракционной борьбы.

Уже в 1920-х гг. рассматриваемая проблема была проанализирована в воспоминаниях В.И. Вельмана. Несмотря на обобщающее название, они посвящались конкретным вопросам истории иркутской социал-демократии. Поэтому при изучении поставленной проблемы обойтись без них было бы неправильно. Ценность работы В.И. Вельмана состояла еще и в том, что она создавалась с учетом замечаний, дополнений и исправлений целой группы непосредственных участников описываемых событий¹. Это дает право говорить о достаточно высокой степени достоверности его воспоминаний, которые, по сути дела, являлись плодом коллективного творчества.

Изложение материала автор начинал с восстановления местной организации РСДРП в начале 1914 г. после очередного провала. С этого момента до Февральской революции им были прослежены чрезвычайно сложные процессы внутривнутрипартийных отношений. Так, В.И. Вельман отмечал численное превосходство

во меньшевиков в Иркутске, но самой активной политической силой там признавал все-таки большевиков. Обратил он внимание и на качественный состав меньшевистской ссылки города, которая была представлена видными деятелями правой социал-демократии во главе с И.Г. Церетели. Однако явное преимущество в местном комитете имели вовсе не они, а большевистские активисты, не обладавшие всероссийской известностью. По подсчетам автора, в 1914–1917 гг. в разных составах руководящего органа Иркутской организации РСДРП работало 22 большевика и всего пять меньшевиков². Интересно, что среди последних присутствовал ярый ликвидатор Л.К. Трофимов³. Его участие в подпольном комитете, конечно же, нелогично, поскольку ликвидаторы признавали исключительно легальную деятельность. Однако данный факт, скорее всего, следует объяснять не ошибкой В.И. Вельмана, а уникальностью политической ориентации представителей иркутских эсдеков. Этим же можно объяснить и причину отсутствия в руководстве организации ссыльных лидеров меньшевизма. Видимо, им отводилась роль «литературной силы» в местных легальных изданиях, что имело немаловажное значение для пропаганды социал-демократических идей. Впрочем, неординарность рассматриваемой ситуации понимал и сам мемуарист. Ее специфику он объяснял «сибирскими условиями работы», которые предопределяли необходимость «единства партии». К ним автор прежде всего относил отсутствие своевременных контактов с партийными центрами, являвшихся следствием отдаленности региона. Кроме того, межфракционному союзу в Иркутске, по мнению В.И. Вельмана, способствовало отрицательное отношение значительной части меньшевиков к Первой мировой войне. А это, в свою очередь, давало возможность противостоять активности местных эсеров, настроенных, как правило, оборончески⁴.

Вместе с тем, в анализируемых воспоминаниях содержался более яркий пример, демонстрирующий необходимость сплочения иркутских социал-демократов. Речь идет об организации выпуска антиоборонческого журнала. Как указывал сам автор, наладить его издание «при иркутских литературных силах было нетрудно». Достаточно сказать, что редактировать журнал взялись такие интеллектуалы российской социал-демократии, как, оказавшиеся в ссылке, И.Г. Церетели, Н.А. Рожков, В.С. Вой-

тинский. Однако представители местного комитета в ультимативной форме потребовали, «чтобы содержание журнала было в большевистском духе». Их поддержали типографские рабочие, от которых прямым образом зависел конечный результат всех замыслов. Тем не менее, выполнение данного ультиматума было нереальным, так как меньшевистские литераторы не могли в одночасье стать большевиками. А большевики, в свою очередь, не располагали необходимыми литературными силами, если не считать Н.Ф. Чужака (Насимовича). Да и он был далек от ортодоксальности соответствующих взглядов и отличался примиренчеством. В результате, по словам В.И. Вельмана, стороны пришли к разумному компромиссу. Было решено, «что в журнале не будет ничего противоречащего большевистскому направлению». Так, вышло по одному номеру «ярко антиоборонческих» изданий «Сибирский журнал» и «Сибирское обозрение». Автор считал их неординарным явлением отечественной публицистики тех лет. «Эти журналы, – констатировал он, – являлись за все время войны в России единственными легальными печатными произведениями, которые ясно и резко выступали против войны и военного утара, отравлявшего массы всех воюющих стран»⁵. И с данными выводами следует согласиться. Однако в свете решения поставленной проблемы главная ценность анализируемых изданий заключалась в другом. А именно в том, что они наглядно демонстрировали конструктивность совместных действий фракций РСДРП в условиях Сибири. Ведь без взаимовыгодных договоренностей между большевиками и меньшевиками Иркутска выпуск антиоборонческих журналов вообще бы не состоялся. Более того, ими была найдена «золотая середина» этого компромисса. Не случайно рассматриваемые издания получили высокую оценку в интернационалистических кругах российской социал-демократии. Примечательно, что она была дана как меньшевистскими, так и большевистскими лидерами⁶.

Особое внимание в публикациях В.И. Вельмана уделялось Союзу сибирских рабочих, образованному в Иркутске в начале 1915 г. Его «основатели», по утверждению автора, «стояли на большевистской точке зрения», но у них было и нечто свое: они выдвинули лозунг о Соединенных Штатах Европы, были противниками войны, но не во всем поддерживали «ленинскую линию» в отношении к ней. О платформе Союза В.И. Вельман

вспоминал как об очень близкой к программе-минимум РСДРП. А по своему составу организация, по свидетельству автора, была смешанной. В нее входили большевики, меньшевики и даже некоторые эсеры, причем при явном преобладании ленинцев. Несмотря на их численное превосходство и руководящую роль в Союзе, в его программе «нигде, ни единым словом» не упоминалось о большевиках. Впрочем, и на соответствующем названии организации, как указывал автор, никто из ее членов не настаивал. Сам же факт появления Союза В.И. Вельман рассматривал как своеобразную форму протеста «против той неопределенности и расхлябанности, которые временами имели место в Иркутской социал-демократической организации». Мемуарист имел в виду недовольство ее радикальной части поведением ссыльной партийной интеллигенции, не участвовавшей в подпольной работе. Однако при всем этом автор подчеркивал, что «Союз не мог быть и не был самостоятельной организацией». Большинство его представителей состояло на учете в местном комитете РСДРП, т. е. имели как бы двойное членство. Однако даже не входящие в Союз эсдеки и сочувствующие им нередко принимали участие в его деятельности. Так, по утверждению В.И. Вельмана, в создании подпольной типографии Союза и выпуске его печатного органа «Товарищ пролетария» главную роль сыграл А.К. Крайс. А он формально в рассматриваемой организации не состоял, о чем заявлял сам автор. Товарищескими называл В.И. Вельман и отношения между Союзом и местным комитетом РСДРП, «несмотря на разногласия по целому ряду вопросов». Все это позволило мемуаристу воспринимать иркутскую социал-демократию единым организмом. Союз, по заверениям В.И. Вельмана, действовал «в общем и целом, несомненно, под знаменем большевизма». Правда, автор не упустил случая подчеркнуть «неправильный уклон» в поведении местных эсдеков⁷. Судя по всему, он имел в виду примиренчество, хотя резких осуждений этого явления в тексте его труда не прослеживалось.

Таким образом, В.И. Вельману так и не удалось дать четких представлений о политической ориентации эсдеков Иркутска. И это несмотря на то, что он консультировался при написании воспоминаний с другими участниками рассматриваемых событий. Особенно много недоумений вызывали идейная сущность и организационный статус Союза сибирских рабочих. Решить данную

проблему попытался А.А. Липкин в 1927 г. Его статья, опубликованная в журнале «Каторга и ссылка», стала прямым ответом на воспоминания В.И. Вельмана. Их А.А. Липкин без колебаний признал коллективным трудом, но решил все же ориентироваться на свидетельства М.П. Жакова⁸. Он был стойким ленинцем и одним из основателей Союза. Видимо, именно поэтому историк относился к нему с особым доверием. Между тем следует отметить, что поправки М.П. Жакова к исследуемым воспоминаниям резко контрастировали с мнениями остальных консультантов, что должно было насторожить А.А. Липкина. Однако этого не произошло, поскольку концепция М.П. Жакова соответствовала задачам рассматриваемой статьи. А он, в свою очередь, настаивал на том, будто при создании Союза было решено «отказаться в праве на представительство всем неорганизованным в определенные кружки» и «не являющимся большевиками». Кроме этого, по его утверждению, основатели упомянутого объединения постановили «начать работу по всей восточносибирской линии железной дороги методами большевиков»⁹. Данные высказывания вполне устраивали А.А. Липкина. Уже в самом начале своей статьи он заявил следующее: «В числе социал-демократических организаций сибирской ссылки Союз сибирских рабочих – большевистская по составу и по идейному направлению организация, возникшая под влиянием империалистической войны, занимает выдающееся место». Его деятельность, продолжал ученый, протекала независимо от объединенной социал-демократии города. Более того, сам факт возникновения Союза он расценивал как «средство размежевания» единой организации РСДРП Иркутска, т. е. как процесс отделения большевиков от меньшевиков. И это, утверждал автор, получило «полное историческое оправдание». Единственный упрек, который адресовал А.А. Липкин «Союзу сибирских рабочих» заключался в том, «что он не называл себя официально большевистской организацией». Однако этого, по мнению ученого, Союз и не мог сделать, «поскольку его существование не было санкционировано большевистским центром», с которым в данное время «по местным условиям было почти немислимо связаться»¹⁰. Трудно сказать, на чем основывались такие выводы. Во-первых, деятели Союза и не планировали указывать в его названии фракционную принадлежность. Даже наоборот, как подчеркивал М.П. Жаков, они сознательно

придерживались «безпретенциозного» обозначения своей организации¹¹. Во-вторых, никаких бюрократических препятствий в деле формирования новых партийных организаций у большевиков тогда не было. В условиях военного положения создавать такие препоны было крайне неразумно, так как данный процесс и без того был существенно затруднен.

Кó всему сказанному следует добавить, что выводы А.А. Липкина опережали анализ фактов. Поэтому они представляли собой скорее заранее сформулированные установки, чем логические заключения. Так, например, он ставил в заслугу руководителям «Союза сибирских рабочих» то, что они смогли повести «за собой даже некоторых меньшевиков». Более того, в его статье рассказывалось о присоединении к Союзу части «Черемховской, почти целиком меньшевистской, организации». А в такой ситуации настаивать на строго большевистском составе данного объединения было несерьезно. Далее А.А. Липкин попытался проанализировать программные установки соответствующей организации. «Основу платформы Союза, – писал он, – составляли лозунги социальной революции и организация Социалистических Соединенных Штатов Европы. По отношению к войне Союз занял резкую антиоборонческую позицию, и к чести его деятелей нужно сказать, что точку зрения на войну Союз последовательно и энергично проводил в массах»¹². Однако в рассматриваемое время В.И. Ленин считал выдвижение лозунга интернационального объединения Европы бессмысленным¹³. Поэтому данную платформу нельзя было считать чисто большевистской, что, видимо, понимал и сам автор. По крайней мере он вынужден был уточнить, что «она, несомненно, была ближе к позиции ЦК большевиков, чем практическая деятельность Иркутской социал-демократической организации»¹⁴. Ряд фактов, приведенных в статье А.А. Липкина, не соответствовал и его выводу о полной самостоятельности Союза сибирских рабочих. Так, историк, опираясь на высказывание М.П. Жакова, отмечал возможность одновременного членства в двух объединениях местных эсдеков. Кроме того, он уверял, что провалом Союза в июле 1915 г. «был нанесен большой удар социал-демократической организации Иркутска, от которого та не могла оправиться до революции»¹⁵. Такое при его полной автономии было бы просто невозможно.

Следует подчеркнуть, что в статье А.А. Липкина активно использовались документальные источники главным образом материалы жандармских архивов. Однако навыками критического анализа источников автор, видимо, в достаточной степени не владел. Так, например, он не подвергал сомнению секретные сообщения агента царской охранки, действовавшего под кличкой «Далекий». Он в своих донесениях в местное жандармское управление информировал о наличии в городе «двух отдельных социал-демократических организаций»¹⁶. И этого для формулирования соответствующего вывода А.А. Липкину оказалось вполне достаточно. Однако межфракционные отношения иркутских эсдеков были настолько сложны, что разобраться в них упомянутому агенту было явно не под силу. Для этого нужны были специальные исследования, к которым историк оказался неготовым, как по субъективным так и по объективным причинам. Некритическое отношение А.А. Липкина к жандармским агентурным сводкам способствовало также неумышленному искажению действительности. Так, веря секретному сотруднику охранного отделения «Полевому», автор поместил его информацию о существовании Черемховского комитета Союза сибирских рабочих на страницах своей статьи¹⁷. Другими словами, речь шла об образовании отделения соответствующей организации на периферии. Между тем указанной структуры в реальности никогда не было. В данном случае агент-provokator допустил ошибку в своем донесении. Он принял правление нелегальной профессиональной организации местных горняков за филиал Союза сибирских рабочих, поскольку они действительно были тесно связаны¹⁸. Таким образом, несмотря на использование источников, А.А. Липкин не только не прояснил характер рассматриваемой организации, но и в еще большей степени запутал ситуацию. Видимо, стремление во что бы то ни стало доказать ленинские позиции Союза отрицательно сказалось на качестве его труда.

Анализируемая проблема была затронута в воспоминаниях П.А. Коваленко, опубликованных в середине 1930-х гг. в сборнике «Иркутская ссылка». Союз сибирских рабочих автор называл непартийным, но большевистским по характеру деятельности. Это, на его взгляд, обеспечивали руководившие организацией стойкие ленинцы. В структурном же отношении П.А. Коваленко

считал Союз «самостоятельной группой», но осуждал его функционеров за выход из Иркутской организации РСДРП. Данный акт, по мнению автора, значительно ослабил ее, так как способствовал усилению меньшевиков. «Правильной было бы, – указывал он, – вышибить ренегатов из парторганизации, очистить ее от негодного элемента, тем более, что большинство в ней было не с ними». К такому большинству П.А. Коваленко причислял и группу ссыльного социал-демократа Е.А. Преображенского, к которой принадлежал и сам. Ее члены в создавшейся ситуации решили объединиться с Союзом, чтобы как-то смягчить его ошибку. Данное соглашение было достигнуто, но слияние организаций не состоялось из-за арестов. Подробно останавливался автор и на условиях данного объединения, главным из которых было «не допускать к решению партийных вопросов «салонных» социал-демократов» из числа ссыльных меньшевиков. В конкретном случае речь шла о легалистах. О какой-либо общей программе он не писал. Видимо, таковой создано не было. Зато П.А. Коваленко дал четкие представления об основных принципах платформы группы Е.А. Преображенского. Они включали в себя признание решений Пражской конференции, пораженческую тактику, нелегальную работу и борьбу с оборончеством и ликвидаторством¹⁹. Все это свидетельствовало о твердом большевистском характере группы, но не подтверждалось документально. В своей работе автор пользовался исключительно собственной памятью.

Значительный интерес представляли воспоминания этого же сборника о деятельности бундовской группы в Иркутской ссылке. Их автор О.С. Меер утверждал, будто она преимущественно состояла из еврейских рабочих, настроенных весьма радикально. «Большинство из нас, – констатировал он, – склонялось к положению В.И. Ленина, что война империалистическая должна быть превращена в войну гражданскую, что армии воюющих стран должны повернуть оружие против своих правительств. Мы выступали против оборончества и проповеди Плеханова: «Не бастовать, не мешать делу обороны». Интересно, что с момента создания группы осенью 1915 г. она стала преследовать цель «вхождения в существующие в Иркутске подпольные социал-демократические организации для совместной революционной работы». И судя по высказываниям О.С. Меера, бундовцы тесно

контактировали с представителями левого крыла местных эсдеков. А с августа 1916 г. группа была привлечена к участию в Союзе иркутских рабочих, сведения о котором впервые прозвучали в советской историографии как раз в рассматриваемых воспоминаниях²⁰. Впрочем, работа О.С. Меера носила сугубо описательный характер и не претендовала на безоговорочную истину. Однако для формирования представлений о специфике местного социал-демократического движения она имела определенное значение.

Во второй половине 30-х – 50-х гг. XX в. специальных трудов об Иркутской организации РСДРП не издавалось. Такое положение дел было характерно для периода «культы личности», когда подпольная деятельность революционных структур рассматривалась через призму биографий «верных сынов» ленинской партии. Из таковых к Иркутску имел прямое отношение лишь С.М. Киров. Судя по содержанию соответствующих публикаций, он, находясь в городе с августа 1908 по май 1909 гг., восстановил местную социал-демократическую организацию и в значительной мере активизировал ее дальнейшую работу²¹. Разумеется, по традициям данного историографического периода такая организация могла быть только большевистской. Однако до сих пор нет никаких документальных подтверждений ни подпольной деятельности С.М. Кирова в Иркутске, ни существованию там в указанное время партийного образования ленинского направления.

Легенды периода «культы личности» оказались очень живучими. Они продолжали воспроизводиться даже после XX съезда партии. Так, в первой части «Очерков по истории Иркутской организации КПСС» вновь прозвучало утверждение о восстановлении С.М. Кировым местного подполья. Более того, автор соответствующих разделов данного труда А.А. Мухин указывал, что Сергей Миронович в августе 1908 г. лично руководил городской партконференцией²². Эти сведения в советское время не подлежали проверке. Лишь после распада СССР С.В. Макаrchук обратил внимание на отсутствие документальных подтверждений сказанному. Нет до сих пор никаких доказательств и действительному проведению самой этой конференции²³. И все же в заслугу А.А. Мухину нужно поставить то, что он не отрицал присутствия меньшевиков в восстановленной в годы реакции социал-де-

мократической организации Иркутска. Правда, автор все-таки подчеркивал, будто С.М. Киров направил ее деятельность «по ленинскому пути». Этот ориентир историк вынужден был соблюдать и далее. По крайней мере, в рамках периода 1907–1910 гг. он акцентировал внимание на большевистской тактике местного комитета, всякий раз отмечая противостояние меньшевиков. В границах же нового революционного подъема А.А. Мухин рассматривал деятельность фракций как взаимоисключающую по содержанию и антагонистическую по духу. Иркутские большевики и меньшевики выглядели в его повествовании явными антиподами. При этом не мог не возникнуть вопрос: что заставляло тех и других находиться в едином партийном образовании? Однако на него автор ответа не дал. Он лишь указывал, будто большевистская группа входила в объединенную организацию РСДРП, но «жила самостоятельной жизнью»²⁴.

В традициях предыдущего этапа советской историографии характеризовал А.А. Мухин и деятельность меньшевиков в годы Первой мировой войны. При этом безжалостной обструкции подверглись их лидеры, прежде всего И.Г. Церетели и Ф.И. Дан, проживавший некоторое время вблизи Иркутска в ссылке. «С самого начала войны, – утверждал автор, – они сползли к чистейшему оборончеству, ликвидаторству и социал-шовинизму, потянули за собой в болото социал-предательства рядовых партийных работников-интеллигентов. Они славословили о патриотизме и выступали в интересах обороны Отечества»²⁵. Между тем названные лица являлись правыми интернационалистами, резко выступавшими против социал-шовинизма. Поэтому «славословить» на указанные темы они, в принципе, не могли. И все же наибольшее недоумение вызывает другое. Непонятно, что заставило большевиков объединиться с «социал-предателями»? На этот раз А.А. Мухин попытался дать соответствующий ответ. Он объяснял причины примиренчества «недостаточной теоретической и тактической подготовленностью иркутских большевиков», последствиями их пребывания совместно с меньшевиками в тюрьмах и местах поселения, а также слабостью пролетарской базы и оторванностью губернии от революционных центров. Однако, судя по содержанию анализируемых очерков, фракции иркутских социал-демократов были настолько далеки друг от друга идейно, что данного объяснения оказывалось недостаточ-

но. Видимо поэтому ученый вынужден был специально подчеркнуть, что вхождение большевиков Иркутска в объединенную организацию РСДРП было «крупнейшей ошибкой», отступлением от ленинских принципов в партийном строительстве. И далее следовало повествование о том, как они исправляли эту ошибку. Сначала большевики спасли городскую организацию от роспуска, «вероломно» задуманного меньшевиками. А затем существенно укрепили свои позиции на декабрьской конференции 1914 г., где был избран в целом большевистский по составу комитет. Сразу же после ее проведения, как сообщалось в очерках, сторонники В.И. Ленина собрали свою конференцию, на которой решили создать самостоятельную организацию²⁶. При этом никаких документальных подтверждений данному событию не приводилось. Да и быть чисто большевистской конференции в городе не могло, поскольку сама обстановка в местном социал-демократическом движении этого не предполагала.

Тем не менее, по утверждению А.А. Мухина, именно после указанного события был образован «Союз сибирских рабочих». У его истоков стояли «опытные и стойкие» ленинцы С.Ф. Васильченко, М.П. Жаков, Д.М. Трофимов. «Создавая конспиративную большевистскую организацию, – констатировал автор, – они стремились отмежеваться от меньшевиков, сбросить связывающие их тенеты меньшевизма». Высоко оценивал ученый деятельность Союза, основу которой, на его взгляд, составляли «лозунги социальной революции». После провала данной организации ее место занял Союз иркутских рабочих. Он, по утверждению А.А. Мухина, был большевистским «по составу, целям, задачам и характеру деятельности». Этому выводу предшествовали выдержки из материалов центральных и местных архивов. Правда, не все они подтверждали мнение автора. Например, приведенные им положения устава Союза не только не раскрывали его большевистскую принадлежность, но и даже партийную. Они вполне могли составить основу соответствующего документа нелегального профессионального объединения. В целом же А.А. Мухин считал сторонников В.И. Ленина «наиболее организованной и авторитетной силой» в Иркутской губернии, несмотря на численное преобладание там эсеров и меньшевиков²⁷.

Интерес к рассматриваемым союзам не пропал у историков и в 70-е гг. XX в. При этом Союзу сибирских рабочих была посвя-

цена специальная статья А.Б. Горбачева. Уже в самом ее начале автор обратил внимание на использованный в ходе исследования фонд Иркутского губернского жандармского управления. Однако выдержки, цитируемые из его материалов, касались главным образом ареста и суда членов подпольной организации. В основу же анализируемой статьи положены опубликованные документы и литературные источники. Поэтому она не внесла ничего нового в историографию проблемы. Более того, из прошлых изданий А.Б. Горбачев заимствовал ошибочные сведения о существовании в Черемхове отделения Союза сибирских рабочих. Подобную периферийную структуру он обнаружил и в Хайте, причем непонятно, на каком основании. В результате круг членов Союза искусственно расширялся. К ним были причислены лица, в действительности в него не входящие. А П.П. Постышев даже назывался в числе основателей данной организации, что противоречило реальному положению дел²⁸. Видимо, будучи уверенным в ленинских позициях Союза, автор автоматически включал в его состав всех известных большевиков, находящихся в ссылке. Это было в корне неверно. Такие революционеры-ленинцы как П.П. Постышев, А.Е. Преображенский, Я.Д. Янсон прямого отношения к Союзу сибирских рабочих не имели²⁹. Примечательно, что А.Б. Горбачев даже и не пытался доказывать большевистскую направленность данного Союза. Историк считал это само собой разумеющимся фактом. Он лишь подчеркивал, что Союз был первой сибирской организацией, решительно размежевавшейся с меньшевиками и давшей опыт для развития этого процесса после февраля 1917 г. Более того, его деятели, по утверждению ученого, сами пытались создать «единую большевистскую организацию Восточной Сибири». И с этой целью они выпустили прокламацию под названием «Открытое письмо ко всем социал-демократам». В ней прозвучал призыв к объединению товарищей, «честь которых не запятнана изменой, противодействием и вредительством социал-демократической работе»³⁰. По представлениям советского времени, «незапятнанной честью» среди политиков могли обладать только ленинцы. Видимо, в это искренне верил и А.Б. Горбачев. Однако в указанном письме ни слова не говорилось о большевиках³¹. Очевидно, его авторы обращались ко всем левым социал-демократам. А к таковым, как известно, относились не только большевики. Да и сам факт при-

сутствия в рассматриваемом Союзе меньшевиков говорит о том, что его члены не могли обращаться исключительно к сторонникам В.И. Ленина. Кроме того, А.Б. Горбачев искажил название упомянутой прокламации. Она именовалась «Открытое письмо ко социал-демократам г. Иркутска», о чем было известно еще на начальном этапе советской историографии. Таким образом, даже в 1970-е гг. вопрос об идейном характере Союза сибирских рабочих не был решен. Наоборот, после опубликования статьи А.Б. Горбачева он еще больше усложнился.

Из работ по истории социал-демократического движения в Иркутске следует выделить статью Л.П. Сосновской, в которой была предпринята попытка определить идейную направленность «Сибирского журнала» и «Сибирского обозрения». Для дальнейшего развития проблемы это было немаловажно, поскольку многие советские исследователи совершенно необоснованно причисляли данные издания к большевистской легальной печати³². Между тем в военное время таковой вообще не существовало. В своей статье Л.П. Сосновская обратила внимание в первую очередь на состав редакции и корреспондентов обоих журналов. Он оказался социал-демократическим, но очень неоднородным во фракционном отношении. «Сотрудничество в журналах лиц различных политических направлений, – делала вывод Л.П. Сосновская, – не могло не отразиться и на противоречивости материалов, публикуемых на страницах еженедельников. В статьях и корреспонденциях большевистские положения по вопросам войны и мира, целям и задачам политической борьбы рабочего класса соседствовали с ошибочными, оппортунистическими взглядами. Все это вносило путаницу в теорию и практику революционной борьбы». В целом же, по мнению автора, большинство сотрудников журналов были далеки от ленинских позиций. Они не являлись «сторонниками лозунгов поражения царского правительства, полного и окончательного разрыва с II Интернационалом, превращения войны империалистической в войну гражданскую»³³. Следует отметить, что данные выводы не были оригинальными, так как подобные высказывания уже произносились Н.Н. Щербаковым в конце 1960-х гг.³⁴ Однако Л.П. Сосновская оценивала идейную направленность рассматриваемых изданий в специальной статье и поэтому привлекла к ней внимание сравнительно большого числа исследователей.

Кроме того, она попыталась выявить положительные стороны в публикациях меньшевиков. В частности, многие из них, на ее взгляд, по-марксистски раскрывали причины, характер, буржуазную сущность мировой войны³⁵. Этим Л.П. Сосновская вызвала еще больший интерес к своей статье, сопровождаемый обильной критикой. В лучшем случае она обвинялась в стремлении «несколько приукрасить» публицистические выступления идеальных противников В.И. Ленина, а в худшем – в непонимании принципиальных различий между платформами марксистов и «отъявленных врагов большевизма»³⁶. Данная ситуация объясняется тем, что в советской историографии меньшевики не считались марксистами³⁷. Такой подход искажал действительность. Например, меньшевики-центристы были как раз наиболее ортодоксальными сторонниками рассматриваемого учения, в то время как его «творческое развитие» В.И. Лениным являлось, в сущности, ревизией марксизма слева.

Вопросы, в той или иной мере касавшиеся политической культуры иркутских социал-демократов, продолжали освещаться историками в 90-е гг. XX в. При этом кардинально изменился взгляд на партийную принадлежность Союза сибирских рабочих, который уже не признавался социал-демократической организацией. Так, С.В. Новиков в своей кандидатской диссертации предложил назвать его блоковым, т. е. межпартийным объединением на том основании, что эсер Д. Карцевадзе принимал деятельное участие в подготовке к изданию печатного органа Союза газеты «Товарищ пролетария»³⁸. Впрочем, присутствие в данном объединении социалистов-революционеров признавалось и раньше, но это не было подтверждено документально.

В свою очередь С.В. Макачук уже в постсоветское время назвал Союз сибирских рабочих «крупнейшей внепартийной политической организацией», а М.В. Шиловский усматривал в ней попытку создания «чистого пролетарского объединения»³⁹. При этом главным их аргументом было участие в деятельности Союза беспартийных рабочих. Да и само название его не претендовало на какую-либо партийность. И все же все перечисленные доводы в пользу «надпартийности» рассматриваемой организации не выглядят достаточно убедительными. Во-первых, ее печатный орган имел, безусловно, социал-демократическую направленность и уже в первом своем номере призывал сибирский пролетариат

объединиться под знаменем РСДРП. Во-вторых, листовки выпущенные Союзом, также не оставляют сомнений в его строго выдержанной партийности. На всех их значатся и соответствующая принадлежность в виде надписи «Российская социал-демократическая рабочая партия», и ее девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». А воззвание Союза «Открытое письмо к социал-демократам г. Иркутска», заканчивающееся словами: «Да здравствует РСДРП!», говорит само за себя. С какой стати внепартийная или блоковая организация стала бы обращаться исключительно к социал-демократам?

Примечательно, что даже в жандармских агентурных сводках данное объединение фигурировало именно как «Союз сибирских рабочих Российской социал-демократической рабочей партии»⁴⁰. И это при том, что сами деятели Союза решили не указывать в его названии партийную принадлежность. Более того, они и не собирались создавать новую организацию РСДРП, параллельную уже существовавшей. Они не намеревались также терять в ней членство. Союз сибирских рабочих представлял собой своеобразное подразделение в общей структуре Иркутской социал-демократической организации. Не случайно в ее распоряжение он отдавал часть печатной продукции⁴¹. В такой ситуации само название Союза не имело принципиального значения, оно носило чисто символический характер. Им, по-видимому, руководители Союза хотели лишний раз подчеркнуть свою приверженность к подпольной работе среди местного пролетариата. Что же касается эсеров, то по свидетельству непосредственного участника тех событий М.П. Жакова (товарища Михаила), они не входили в состав самой организации, а лишь сотрудничали с ее членами⁴². Кстати, взаимопомощь народников и марксистов в деле издания пропагандистских материалов имела давние традиции, берущие свое начало со времен первых пролетарских союзов и «Народной воли». Привлечение же беспартийных рабочих к деятельности подпольных групп и кружков также не противоречило организационным принципам левых социал-демократов. Этим как раз и объясняется участие представителей беспартийного пролетариата в рассматриваемом объединении.

Итак, Союз сибирских рабочих являлся, безусловно, социал-демократической организацией. Но какова была ее политическая ориентация? Имеющиеся образцы печатной пропаганды

Союза способны дать вполне определенный ответ на этот вопрос. В частности, оба номера его печатного органа, а также листовки «Товарищи пролетарии!» («Майский листок») и «К солдатам и новобранцам!» не вызывают сомнений в их интернационалистской направленности, причем левого толка.

К «внепартийным» организациям отнесен в современной литературе и Союз иркутских рабочих, который, по мнению С.В. Макаруча, «стоял на общесоциалистических позициях»⁴³. Эта точка зрения, безусловно, имеет право на существование, тем более, что устав Союза не определял его партийного статуса. Если быть точным, то Союз ставил «своей целью организацию рабочих города Иркутска для классовой борьбы и развития среди них классового самосознания»⁴⁴. Так по крайней мере констатируется в его уставном документе. Однако классовая борьба, как известно, может быть экономической, а классовое сознание – тред-юнионистским. При таком подходе создается впечатление, что речь идет о нелегальном профсоюзе или иной чисто рабочей организации. И все же наряду с этим существует немало аргументов в пользу социал-демократического характера рассматриваемого объединения. В частности, на втором учредительном собрании Союза, состоявшемся 1 января 1917 г., было решено положить программу РСДРП в основу его деятельности. Кроме того, следует учитывать связи Союза иркутских рабочих с ленинским ЦК и с Н.К. Крупской, в то время, как о его контактах с другими партийными центрами ничего не известно.

Указывают на социал-демократическую принадлежность Союза и его непосредственные деятели. Так, например, один из его руководителей Н.М. Годовский утверждал следующее: «Союз иркутских рабочих по существу был объединенным городским комитетом, объединявшим все группы РСДРП, принимавшие активное участие в политической жизни»⁴⁵. Под последними он, разумеется, понимал антиоборонческие подпольные образования. Не случайно в листовке Союза «Товарищи!» присутствуют как ленинские, так и мартовские антивоенные идеи. И это при учете партийного состава организации, включающего большевиков, меньшевиков-интернационалистов и бундовцев, вполне объяснимо. В целом Союз иркутских рабочих находился на позициях левых интернационалистов, причем ближе к их большевистскому крылу.

Таким образом, политическая культура иркутских социал-демократов начала XX в. представляет собой сложную, многоаспектную проблему. В анализируемой литературе к ней в той или иной степени обращалось сравнительно много ученых и мемуаристов, но в их работах данный феномен так и не был рассмотрен как целостное явление. Более того, данная цель даже не ставилась. В результате в ходе исследований лишь возникали новые вопросы, а прежние так и оставались без ответа. Все это можно объяснить сложной структурой местного социал-демократического движения, обилием составлявших его группировок и неординарными формами отношений между ними. Для иркутских социал-демократов были характерны внутренняя толерантность, примиренческая направленность, конструктивность действий.

Межфракционные раздоры в серьезной степени не коснулись иркутских эсдеков, благодаря их умению идти на компромиссы ради обеспечения общей борьбы с самодержавием. Этим они продемонстрировали приверженность принципам истинного социал-демократизма, чем выгодно отличались от своих соратников по партии из центральных регионов России. Социал-демократы Иркутска представляли собой своеобразный конгломерат всевозможных фракций и течений, в них сосуществовали ссыльные и местные партийцы, среди которых были как подпольщики, так и легалисты. Все они не мешали друг другу отстаивать собственные взгляды, но делали все же одно дело. Примечательно, что аналогичная ситуация характерна для современной европейской социал-демократии. По заверениям одного из ее видных представителей В. Бранта, члены соответствующих партий «могут иметь различное мировоззрение, но их объединяют общие ценности и политические цели»⁴⁶. Правда, идейная терпимость и организационная сплоченность иркутских социал-демократов во многом диктовалась объективными условиями сибирского региона, но это не отменяет важности изучения их политической культуры в современных условиях.

К настоящему моменту, по убеждению большинства ученых и политиков, Россия исчерпала лимит гражданских войн и социальных потрясений. Поэтому на первый план сейчас выдвигаются задачи формирования идеологии примирения, толерантности и конструктивности во всех сферах общественной жизни, что, в свою очередь, невозможно без существования в ней достаточно

высокой политической культуры. В решении указанных задач определенную помощь может оказать всестороннее исследование социал-демократического движения в Иркутске, выполненное на новой методологической и источниковой основе. Разумеется, его характерные черты в той или иной мере проявлялись и в других организациях РСДРП Сибири начала XX в. Однако на данном примере проще понять сущность политического примирения, идейной терпимости и социального компромисса, которые являются критериями развитой политической культуры.

Примечания

1 Вельман В. Февральская революция в Сибири // Пролетарская революция. 1925. № 3. С. 167.

2 Там же. С. 172-174.

3 Не путать с большевиком Д.М. Трофимовым.

4 Вельман В. Указ. соч. С. 174, 175.

5 Там же. С. 179-181.

6 См.: Левин Ш. Социалистическая печать во время империалистической войны // Красный архив. 1922. № 2. С. 211, 212.

7 Вельман В. Указ. соч. С. 176, 177, 182.

8 Липкин А. Провал Союза сибирских рабочих // Каторга и ссылка. 1927. № 8. С. 70.

9 Там же. С. 72, 73.

10 Там же. С. 68, 73.

11 Там же. С. 72.

12 Там же. С. 73.

13 Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 351-355.

14 Липкин А. Указ. соч. С. 73.

15 Там же. С. 74, 84.

16 Там же. С. 80.

17 Там же. С. 77.

18 См.: Макаrchук С.В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907–февраль 1917 гг.). Состояние социал-демократических и внепартийных организаций. Кемерово, 1994. С. 136.

19 Коваленко П. О Союзе сибирских рабочих (Из воспоминаний) // Иркутская ссылка. М., 1934. С. 194-197.

20 Меер О.С. В годы войны в Иркутской ссылке // Иркутская ссылка. М., 1934. С. 203-205, 212.

21 Разгон И. Сергей Миронович Киров: краткий биографический очерк. М., 1938. С. 22; Синельников С. С.М. Киров в годы подполья // Красная новь. 1939. № 10-11. С. 130; Сергей Миронович Киров: крат-

кий биографический очерк. М., 1941. С. 19; С.М. Киров – великий патриот нашей Родины. М., 1944. С. 6, 7.

22 Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Ч. 1. Иркутск, 1966. С. 108, 109.

23 Макарчук С.В. Указ. соч. С. 124.

24 Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Ч. 1. С. 109, 113, 128, 137, 138, 165.

25 Там же. С. 173, 174.

26 Там же. С. 173-178.

27 Там же. С. 178, 179, 191, 211, 212.

28 Горбачев А.Б. Союз сибирских рабочих 1915 г. Из истории Иркутской организации РСДРП в годы первой мировой войны // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977. С. 4-9.

29 Щербаков Н.Н. Ссылные большевики и партийное строительство в Сибири (1907–1917) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 11. Иркутск, 1989. С. 239.

30 Горбачев А.Б. Указ. соч. С. 10-12.

31 См.: Липкин А. Указ. соч. Приложения. С. 88, 89.

32 См.: Соколов А.И. Идеино-политическая борьба в сибирской ссылке в период между двумя буржуазно-демократическими революциями (современная историография проблемы) // Ссылные революционеры в Сибири. Вып.11. Иркутск, 1989. С. 87.

33 Сосновская Л.П. Участие политических ссыльных в издании «Сибирского журнала» и «Сибирского обозрения» // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С.95,96,108.

34 Щербаков Н.Н. О некоторых вопросах деятельности большевиков в восточносибирской ссылке (1914-1917 гг.) // Партийные организации Восточной Сибири в борьбе за победу социализма и коммунизма. Иркутск, 1968. С. 9-13.

35 Сосновская Л.П. Указ. соч. С. 96-98, 104, 107, 109.

36 Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917). Иркутск, 1984. С. 30; Самосудов В.М. Некоторые вопросы истории партийных организаций Сибири в период между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.) // Большевики Сибири в трех революциях. Омск, 1981. С. 16; Он же. Борьба большевиков Сибири против оппортунизма и объединительные тенденции в партийных организациях в период между двумя буржуазно-демократическими революциями // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 26.

37 См.: Тютюкин С.В. Меншеви́зм как идейно-политический феномен // *Меньшевики*. М., 1996. С. 12-16; Он же. Современная отечественная историография РСДРП // *Отечественная история*. 1998. № 5. С. 57-60.

38 Новиков С.В. Деятельность большевиков по вовлечению народных масс Сибири в революционное движение в 1907–1917 гг. (современная историография): автореф. дис... канд. ист. наук. Кемерово, 1991; Он же. Социал-демократы и революционное подполье Сибири (1907–февраль 1917 гг.). Историография второй половины 50-х–80-х гг. XX века. Омск, 2003. С. 92.

39 Макаrchук С.В. Социал-демократические и внепартийные организации восточных регионов России в межреволюционный период (июнь 1907 – февраль 1917 гг.): автореф. дис... докт. ист. наук. Томск, 1995. С. 34; Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX–начала XX в. Вып. 4. Социал-демократы. Новосибирск, 1997. С. 84.

40 См.: Липкин А. Указ. соч. С. 76, 77, 85-89.

41 ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1915. Д. 5. Ч. 27. Лит. Б. Л. 29, 71.

42 См.: Липкин А. Указ. соч. С. 73.

43 Макаrchук С.В. Политическое подполье... С. 139, 293, 294.

44 ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1917. Д. 5. Ч. 27. Л. 2-6.

45 См.: Сосновская Л.П. Нелегальная печать сибирских организаций РСДРП (1907–февраль 1917 года). Иркутск, 1993. С. 63.

46 См.: Лидеры современной социал-демократии. М., 1991. С. 21.

УДК 31:343.26 (571.56)

П.Л. Казарян

Численность и состав якутской политической ссылки 1906–1917 гг. (Историко-сравнительный анализ)

Автор рассматривает некоторые методы и методики подсчета численности и определения состава политических ссыльных Якутской области, приходит к выводу о необходимости комбинирования различных способов для достижения максимально достоверного результата.

Ключевые слова: якутская ссылка, численность и состав политических ссыльных, метод историко-сравнительного анализа, исторический источник.

Number and structure of the Yakut political exile 1906-1917 (The istoriko-comparative analysis)

The author considers some methods and techniques of calculation of number and definition of structure of political exiled of the Yakut area, comes to a conclusion about necessity of a combination of various ways for achievement of as much as possible authentic result.

Keywords: the Yakut reference, number and structure of political exiled, a method of the istoriko-comparative analysis, a historical source.

По сравнению с первым (1826–1881 гг.) и вторым (1882–1905 гг.) этапами политической ссылки в Якутский край, ссылка третьего этапа (1906–1917 гг.) отличается скудностью источниковой базы. С одной стороны, это связано с безвозвратной утерей источников (как, например, пожар в Якутском областном управлении 5 мая 1916 г.), с другой – изъятием из архивов и текущих делопроизводств разных учреждений дел, касающихся ссыльных вообще, и политических, в частности, путем свободного доступа после февраля 1917 года.

И не удивительно, что если в установлении численности и состава якутской политической ссылки на первом и втором этапах методика персонального учета ссыльных вполне применима, то в отношении третьего этапа, наряду с ней, требуется и применение статистического метода учета при установлении численности и состава ссыльных.

Наши предшественники – Н.Н. Щербаков, Э.Ш. Хазиахметов и др.¹ – при определении численности и состава якутских политических ссыльных 1906–1917 гг. в основном опирались на статистический метод исследования, чем, так или иначе, искажали реальную картину.

Главный недостаток статистического метода в том, что он не дает возможность точного выяснения, с учетом причин ссылки каждого отдельного ссыльного, численности тех из них, которые подходят под критерии, при определении статуса политического ссыльного. Так, например, из Иркутской губернии и Приамурского генерал-губернаторства на основании пункта 17

статьи 19 положения «О местностях, объявляемых состоящими на военном положении» 18 июня 1892 г., в Якутскую область в 1914–1916 гг. прибыла большая группа ссыльных.

Совершенные ими ранее преступления, такие, как например, грабежи в составе «шайки», убийства и т. д., по которым они подверглись первоначально уголовному преследованию и оказались в пределах Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств, однозначно дают основание считать их уголовными ссыльными. Переназначение же их на основании пункта 17 статьи 19 требует персонального подхода к каждому ссыльному при выяснении мотивов их перевода в Якутскую область.

Используя методику статистического подхода к отображению численности политических ссыльных за 1906–1917 гг., мы, по мере сохранности источников, попытаемся внести уточнения в эти сведения.

Таблица 1
Численность политических ссыльных Якутской области
на 1 января 1907–1917 гг.

Год	Численность	Год	Численность
1907	49	1913	446
1908	137	1914	256
1909	298	1915	300
1910	420	1916	309
1911	480	1917	350
1912	492		

Так, например, в 1906 г. в Якутскую область прибыли 57 политических ссыльных. Из них пятеро совершили побег с места водворения, трое были освобождены от ссылки и на 1 января 1907 г. в области оставались 49 чел. В 1907 г. в область прибыли 142 ссыльных, таким образом, с учетом оставшихся от 1906 г. ссыльных их стало 191 чел. Из них 46 чел. совершили побег с мест водворения, пятеро переведены в другие губернии, двое освобождены от ссылки, один – покончил жизнь самоубийством. Таким образом, на 1 января 1908 г. в области находились на причислении 137 чел.²

В 1908 г. в ссылку прибыли 163 чел., в т. ч. 10 июня – самая крупная партия политических ссыльных в составе 78 чел.³ Один из них был убит, второй утонул и, с учетом оставшихся от прошлых лет ссыльных, на 1 января 1909 г. в Якутской области на причислении находились 298 чел.

Из исследователей истории якутской политической ссылки наиболее серьезной и заслуживающей внимания мы считаем попытку Э.Ш. Хазиахметова выяснить численность политических ссыльных в Якутской области на 1 января календарного года за 1907–1917 гг.⁴

Однако при сравнении наших данных с данными Хазиахметова обнаруживается совпадение только по двум годам – на 1 января 1907 и 1912 годов. В остальные годы они выглядят таким образом:

	Э.Ш. Хазиахметов	Наши данные	Разница в численности**
1908	175	137	– 38
1909	301	298	– 3
1910	404	420	+ 16
1911	458	480	+ 22
1913	462	446	– 16
1914	373	256	– 117
1915	385	300	– 85
1916	437	309	– 128
1917	528	350	– 178

Как видно, наши данные почти совпадают с данными Хазиахметова за 1909 г. В остальные годы они расходятся от 16 (1910 г., 1913 г.) до 178 чел. (1917 г.).

Сравнительно-аналитический подход к численности ссыльных позволяет не только внести уточнения, в численность ссыльных в целом, но и применить к установлению отдельных категорий ссыльных. Поэтому при выяснении численности и состава ссыльных использование статистического метода исследования необходимо сочетать, как с учетом методики персонального учета, так и учета ссыльных по категориям. Совокупное применение вышеперечисленных методов исследования позволяет достичь максимальной точности.

Таблица 2

Состав политических ссыльных Якутской области на 1 января 1907–1917 гг.⁵

Год	Сельнопоселенцы	Административно-ссыльные	Всего
1907	–	49	49
1908	10	127	137
1909	55	242	298
1910	99	321	420

* – – наши данные меньше.

+ – наши данные больше в сравнении с данными Э.Ш. Хазиахметова.

1911	142	338	480
1912	209	283	492
1913	247	199	446
1914	188	68	256
1915	229	71	300
1916	254	55	309
1917	255	95	350

Так, например, по нашим данным на 1 января 1914 г. административно-ссылные по округам Якутской области распределились следующим образом: в г. Якутске – 10, Якутском округе – 37, Олекминском – 1, Вилюйском – 6, Верхоянском – 12, Колымском – 2, всего 68 чел. По данным на 15 марта 1914 г., в области находились на причислении 188 ссыльнопоселенцев. Сведений о прибытии с 1 января по 15 марта 1914 г. новых ссыльнопоселенцев нами не обнаружено, следовательно, на 1 января численность их оставалась той же. Они были распределены таким образом: в г. Якутске – 75, Якутском округе – 33, Олекминском – 19, Вилюйском – 53, Верхоянском – 6, Колымском – 2 чел.⁶

По данным же Э.Ш. Хазиахметова, на 1 января 1914 г. численность административно-ссылных в области составляла 77 чел., ссыльнопоселенцев – 296 чел. Как видно, если данные Хазиахметова об административно-ссылных превышают наши данные на 9 чел., то разница в сведениях о ссыльнопоселенцах составляет 108 чел.

Особенно обращает на себя внимание расхождение в данных на 1 января 1917 г. – 178 чел. По данным Э.Ш. Хазиахметова, в области было 97 административно-ссылных. Эти сведения подтверждаются и нашими данными – 95 чел. В разрезе округов они выглядят таким образом: в г. Якутске – 15, Якутском округе – 44, Вилюйском – 18, Олекминском – 13 и Колымском – 5 чел.⁷

У Хазиахметова численность ссыльнопоселенцев в Якутской области указана в 431 чел. Путем анализа данных статистических обзоров и персонального состава ссыльнопоселенцев по округам у нас получилась иная картина. На 1 января 1917 г. на причислении находились: в г. Якутске – 3, Якутском округе – 182, Вилюйском – 50, Олекминском – 16, Верхоянском – 1 и Колымском – 3 ссыльнопоселенца⁸. Как видно, в области на причислении находились 255 чел. политических ссыльнопоселенцев и указанные Э.Ш. Хазиахметовым данные далеки от истины.

О том, что при выяснении численности политических ссыльных использовались только лишь статистические данные, без их сверки с данными о реально находящихся на местах причисления, что искажает истинную картину, может свидетельствовать и сопоставление наших данных с данными Е.Д. Никитиной⁹. Так, она в табл. 2, озаглавленной «Ссыльнопоселенцы распределены по Сибири», указывает на распределение в Якутскую область в 1906 г. – 64 чел., 1907 г. – 64, 1908 г. – 33, 1909 г. – 59 чел. и т. д.

Нами выявлено пофамильно прибытие в якутскую ссылку в 1907 г. – 10 и, в 1908 г. – 46 ссыльнопоселенцев¹⁰. В 1909 г. мы зафиксировали прибытие в Якутскую область трех партий в количестве: 1 июня – 18, 25 июня – 10, 12 сентября – 16 ссыльнопоселенцев. Несмотря на отсутствие пофамильного перечисления прибывших в 1909 г., мы склонны считать эти данные близкими к истинным. Так, если на 1 января 1909 г. в области на причислении находились 55 ссыльнопоселенцев, то на 1 января 1910 г. – 99.

Таким образом, по данным Е.Д. Никитиной за 1906–1909 гг. в Якутскую область были распределены на поселение 220 чел. Между тем, в 1906 г. в область не прибыл ни один ссыльнопоселенец, а численность доставленных за 1907–1909 гг. составила 103 чел.

В работе Н.Н. Щербакова, посвященной численности и составу политических ссыльных Сибири за 1907–1917 гг., в таблице 1, раскрывающей динамику численности ссыльнопоселенцев на 1 января 1907–1912 гг., нет сведений за 1908 и 1911 годы. На 1 января 1909 г. в Якутской области указано 56, на 1 января 1910 – 84, на 1 января 1912 г. – 166 политических ссыльнопоселенцев¹¹. Сравнение этих данных с данными табл. 2 выглядит таким образом:

	Н.Н. Щербаков	Наши данные	Разница в численности**
1908	Нет св.	10	+ 10
1909	56	55	- 1
1910	84	99	+ 15
1911	Нет св.	142	+ 142
1912	166	209	+ 43

* – наши данные меньше;

+ – наши данные больше по сравнению с данными Н.Н. Щербакова.

Недостаток методики подсчета Щербакова заключается в том, что он основывался только на статистических данных без попытки, по возможности, персонального учета. Ибо при таком подходе он бы выяснил, что, например, в 1907 г. в якутскую ссылку прибыли 10, а в 1908 г. – 46 ссылнопоселенцев. Но на 1 января 1909 г. в наличии в области были не все 56 учтенных статистикой ссылных, а лишь 55, потому что один из политических ссылнопоселенцев, В.К. Наратов, находящийся на водворении в Павловской волости Якутского округа, утонул 1 октября 1908 г. в озере Ыннах-Кель¹².

Кроме сведений о численности ссылнопоселенцев на начало 1917 г., других данных в работе Н.Н. Щербакова за 1913–1916 гг. не имеется¹³. Однако в данных за 1917 г. Щербаков допустил неточность. Об этом говорит сопоставление наших данных с данными Э.Ш. Хазиахметова.

Так, например, Н.Н. Щербаков в составе ссылнопоселенцев области на начало 1917 г. не указывает наличие одного ссылного в Верхоянском округе (М.А. Калугин), а в Колымском округе показывает присутствие пяти ссылнопоселенцев, тогда как там на причислении находились лишь трое – Ш.В. Сикорский, С.Ф. Литвинов, В.А. Сноксарев, а назначенные туда на поселение Г.И. Петровский и А.А. Сейлюс, так и не были отправлены до марта 1917 г из Якутска в Средне-Колымск.

Также он указывает на наличие в Олекминском округе 18 ссылнопоселенцев тогда, как на самом деле их было 16. Г.В. Васкевич, причисленный к Никольскому сельскому обществу с 1895 г., на 1916 г. числился в розыске с 15 декабря 1912 г., а И.И. Ватин вообще не прибыл в Олекминский округ, т. к. по окончании срока каторжных работ с разрешения якутского губернатора и согласия приамурского генерал-губернатора работал на строительстве Амурской железной дороги. Также не прибыли в Вилюйский округ три ссылнопоселенца из указанных в списке 53 чел.

Подобные расхождения наблюдаются по многим годам, если сопоставить цифровые данные табл. 2 и данные, содержащейся в работе Щербакова табл. 2 о динамике численности административно-ссылных в Якутской области на 1 января за 1907–1917 гг.¹⁴:

	Н.Н. Щербаков	Наши данные	Разница в численности
1907	49	49	0
1908	129	127	- 2
1909	-**	242	+242
1910	245	321	+76
1911	331	338	+ 7
1912	274	283	+ 9
1913	207	199	- 8
1914	68	68	0
1915	37	71	+34
1916	52	55	+ 3
1917	97	95	- 2

Выясняя численность политических ссыльных в Якутской области за 1906–1917 гг. и сравнивая данные Э.Ш. Хазиахметова с нашими, мы уже частично показали расхождения в составе ссыльных. Здесь уместно отметить, что при представлении этих данных Хазиахметов пользовался сведениями, содержащимися в уже упомянутой работе Н.Н. Щербакова. Сопоставление табл. 2 с данными Э.Ш. Хазиахметова о численном составе ссыльнопоселенцев выглядит таким образом:

	Э.Ш. Хазиахметов	Наши данные	Разница в численности
1908	31	10	- 21
1909	56	55	- 1
1910	84	99	+ 15
1911	120	142	+ 22
1912	209	209	0
1913	255	247	- 8
1914	296	188	-108
1915	337	229	-108
1916	382	254	-128
1917	431	255	-176

Как видно, только за 1910 и 1912 гг. наши данные совпадают или близки к нулю, в остальные же годы они разнятся, порой, весьма существенно, например, на 1 января 1916 г. разница составила до половины реальной численности, а на 1 января 1917 г. – более двух третей.

При сопоставлении данных табл. 2 со сведениями Э.Ш. Хазиахметова о численном составе административно-ссыльных Якутской области на 1 января за 1907–1917 гг. необходимо подчеркнуть, что совпадение или небольшая разница в них свидетельствуют о довольно высокой достоверности сведений Хазиахметова¹⁵:

* Численность ссыльных в Якутской области дана вместе со ссыльными Енисейской губернии в 665 чел.

	Э.Ш. Хазиахметов	Наши данные	Разница в численности
1907	49	49	0
1908	144	127	-17
1909	245	242	- 3
1910	320	321	+ 1
1911	338	338	0
1912	383	283	0
1913	207	199	- 8
1914	77	68	- 9
1915	48	71	+ 23
1916	55	55	0
1917	97	95	- 2

Те данные Хазиахметова, которые отличаются от наших данных, – результат некритического подхода к источникам. Так, например, в телеграмме якутского губернатора в Департамент полиции от 26 января 1908 г. указывается о наличии в Якутской области 144 поднадзорных и ожидаемом прибытии из Иркутска 22 чел.¹⁶

Внешне эти данные совпадают с данными Хазиахметова. Однако при близком рассмотрении возникает вопрос: ведь сведения, приведенные автором, отражают численность на 1 января, а указанные в телеграмме – на 26 января. В подтверждение того, что цифры Хазиахметова не отражают истинную картину на 1 января, приведем лишь один факт – прибытие в г. Олекминск 9 января 1908 г. четырех ссыльных (П.Э. Доблер, Н.Г. Домостров, С.Т. Русаков, Ш.Л. Унтершляк)¹⁷.

Об этих ошибках Э.Ш. Хазиахметова могут свидетельствовать и данные по другим годам, например за 1914 г. Приведенная нами цифра за 1914 г. отражает состояние на начало января – 68 чел., потому что уже на 22 января 1914 г. их число составило 71 чел. А приведенная Хазиахметовым цифра – 48 чел. за 1915 г. фигурирует лишь в одной ведомости, но она отражает численность административно-ссыльных Якутской области на 1 сентября 1914 г.¹⁸

При рассмотрении численного состава политических ссыльных Якутской области на третьем этапе ссылки обращают на себя внимание данные за 1913–1917 гг., когда ведущей в численном составе ссыльных становится категория ссыльнопоселенцев. Складывается положение, просуществовавшее в истории якутской политической ссылки до середины 90-х годов XIX в.

Этот феномен был итогом нескольких исторических факторов. Во-первых, внутри третьего этапа ссылки период с 1906 по 1910 г. выделяется тем, что число прибывших в якутскую ссылку адми-

нистративно-ссылных намного превышало число ссылнопоселенцев. Это было следствием общественно-политического положения России в 1905–1907 гг. – вооруженные восстания, деятельность революционных партий и организаций, забастовочное движение и т.д. Участники этих событий, подвергшиеся административной ссылке, численно превосходили ссылнопоселенцев. С другой стороны, в этот период наблюдается и рост числа сосланных из губерний и областей Сибири и Дальнего Востока, что в таких размерах не наблюдалось на первом и втором этапах ссылки.

Во-вторых, среди осужденных военными и гражданскими судами (военно-окружными судами и судебными палатами) большая часть подвергалась ссылке на каторжные работы, меньшая – на поселение. Последних, как правило, в этот период водворяли в южных губерниях Сибири, и в Якутскую область назначалась лишь незначительная часть.

В-третьих, в 1911 г. иссяк поток административно-ссылных в Якутскую область, что было следствием общероссийских политических процессов (спад в забастовочном, революционном движении и т.д.), и, наоборот, заметным стал процесс увеличения численности ссылнопоселенцев. Это было связано с выходом на поселение осужденных в 1906–1908 гг. на каторжные работы.

В-четвертых, заметное влияние на изменение состава якутской политической ссылки оказал именной высочайший указ «О монарших милостях населению по случаю трехсотлетия Дома Романовых» от 21 февраля 1913 г.¹⁹ С одной стороны, в результате его применения многим ссылнокаторжным были сокращены сроки каторжных работ. В результате чего они в 1913–1915 гг. были отправлены на поселение (пункты 18, 22 статьи XVIII), в т.ч. в Якутскую область. С другой – применение пунктов 1, 2, 3 статьи XXX указа, предусматривающих освобождение от гласного надзора полиции и ссылки, или сокращение срока ссылки на один год за некоторые преступные деяния, наказуемые по статье 34. Это привело к тому, что из водворенных на жительство в Якутской области по статье 34 Положения 14 августа 1881 г. 197 административно-ссылных, 69 чел. в феврале 1913 г. были освобождены от ссылки, а 84 чел. – сроки ссылки сокращены на один год. По распоряжению Департамента полиции от 5 мая 1913 г. список лиц, получивших сокращение срока ссылки, пополнился семью административно-ссылными²⁰.

Таким образом, февраль 1913 г. стал переломным в изменении соотношения численности ссыльнопоселенцев и административно-ссыльных в составе политических ссыльных Якутской области и положил начало тенденции, которая просуществовала до конца царской ссылки – до марта 1917 г.

В то же время именно в эти годы наблюдалась еще одна особенность, но уже внутри категории административно-ссыльных. Дело в том, что до середины 1914 г. основная масса административно-ссыльных состояла из лиц, высланных по статье 34 Положения о государственной охране, тогда, как лица, сосланные согласно пункту 17 статьи 19 Положения о военном положении, составляли весьма незначительную часть, не более 5%.

С одной стороны, это следствие уменьшения числа высланных в Якутскую область административно-ссыльных по статье 34, с другой – как свидетельствуют данные табл. 3, резкого увеличения числа ссылаемых по пункту 17 статьи 19. С начала Первой мировой войны, в связи с введением военного положения в ряде прифронтовых и сибирских губерний, широким применением правил о военном положении, Якутская область превращается в самое отдаленное место ссылки для этой категории ссылаемых в империи. Немаловажным являлось и то, что уже находившиеся в ссылке лица и жители из Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств, высылались, главным образом, в Якутскую область.

Таблица 3

Состав административно-ссыльных
Якутской области в 1906–1917 гг.

Год	Месяц и число	Сосланные постановлением Особого совещания	Сосланные по правилам военного положения	Всего
1906	1 августа [*]	44	–	44
1907	1 января	49	–	49
1908	1 января	125	2	127
1909	1 января	232	10	242
1910	1 января	309	12	321
1911	1 января	Нет данных	Нет данных	338
1912	1 января	Нет данных	Нет данных	283
1913	1 января	197	2	199
1914	1 января	66	2	68
1915	1 января	38	33	71
1916	1 января	32	23	55
1917	1 января	14	81	95

^{*}Первая партия политических ссыльных прибыла в область в июле 1906 г.

В сравнении со вторым этапом ссылки на третьем этапе наблюдается резкое сокращение в составе административно-ссылных числа лиц, сосланных на длительные сроки, что означало как прекращение действия повеления 22 мая 1886 г., так и соблюдение, за редкими исключениями, установленных Положением 14 августа 1881 г. сроков административной высылки.

В целом, численность и состав якутской политической ссылки отражали, с учетом региональных особенностей, присущих только якутской ссылке, процессы, протекавшие в общественно-политической жизни Российской империи в предреволюционное десятилетие.

Примечания

- 1 Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссылных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 199-242; Хазиахметов Э.Ш. Численность и состав политических ссылных в Якутии в 1906–1917 гг. // Освободительное движение в России и якутская политическая ссылка (XIX в. – начало XX в.). Ч. I. С. 52-64; Никитина Е.Д.. Ссылка 1905–1910 годов. (Историческая справка) // Сибирская ссылка. М., 1927. С. 11-24.
- 2 Государственный архив Якутии (в дальнейшем – ГАЯ), ф. 12, оп. 12, д. 828, л. 161, 209; оп. 18, д. 42, л. 16; оп. 21, д. 128, л. 243 а.
- 3 Там же, оп. 21, д. 129, л. 1 – 6.
- 4 Хазиахметов Э. Ш. Указ. соч. С. 55.
- 5 Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск, 1998. С. 316.
- 6 ГАЯ, ф. 12, оп. 12, д. 1012, л. 2, 76.
- 7 Там же, д. 1070, л. 29.
- 8 Там же, д. 1085, л. 2 – 4; д. 1130, л. 1 – 14.
- 9 Никитина Е.Д. Указ. соч. С. 11 – 24.
- 10 ГАЯ, ф. 12, оп. 18, д. 42, л. 6 – 11.
- 11 Щербаков Н.Н. Указ. соч. – С. 210.
- 12 ГАЯ, ф. 12, оп. 12, д. 866, л. 2 – 9.
- 13 Щербаков Н.Н. Указ. соч. С. 211.
- 14 Там же, с. 213.
- 15 Хазиахметов Э.Ш. Указ. соч. С. 55.
- 16 ГАЯ, ф. 12, оп. 21, д. 119, л. 138.
- 17 Казарян П.Л. Олекминская политическая ссылка... 1826–1917 гг. Изд. 2-е. Якутск, 1996. С. 367-369.
- 18 ГАЯ, ф. 12, оп. 12, д. 1012, л. 2, 44, 217.

19 Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1-е полугодие 1913 г. С. 927-946.

20 ГАЯ, ф. 12, оп. 12, оп. 170, л. 38, 84.

УДК 94(57)

С.Л. Курас

Отчётная документация министерств и ведомств Российской империи как источник изучения ссылки в Сибирь

Данная статья посвящена изучению особого вида исторического источника – отчетов министерств и ведомств. Изучение отчетной документации правоохранительных органов дореволюционной России позволяет проследить процесс трансформации отношения государства к вопросам законодательного регулирования ссылки, этапирования преступников и системы исполнения наказания.

Ключевые слова: исторический источник, отчет, министерство, ссылка, Сибирь.

S.L. Kuras

The accounting documentation of the ministries and departments of the Russian empire as a source of studying of a Siberian exile

This article is devoted to study of special type of historical source – reports of ministries and agencies. The study of the report documentation of law enforcement of prerevolutionary Russia allows to us to trace the transformation of the state's attitude to issues of law control of exiles, escorting criminals and penitential system.

Keywords: report, ministry, exile, Siberia.

Отчетная документация всех без исключения органов власти дореволюционной России содержит интересный для исследования материал, который отражает специфику их деятельности, значение проводимых мероприятий в масштабах всей страны. Важным является тот факт, что такой документ как отчет явля-

ется продолжающимся источником. До сих пор во всех ведомствах страны ежеквартально составляются отчеты о деятельности каждого отдела ведомства, затем на основе этих данных формируется итоговый годовой документ о проделанной работе. Причем, большая часть этих материалов доступна общественности, ведь основные результаты работы чиновников «выкладываются» на официальных сайтах государственных структур и печатаются на страницах ведомственных журналов.

Кроме того, что данный источник является ценным для современных исследователей, он был важен и для самого ведомства в момент составления, ведь благодаря данным отчета вышестоящее начальство могло скорректировать работу всего аппарата, исходя из данных о недостатках в деятельности департаментов.

Для представления в высшие государственные органы страны министерства и все относящиеся к ним ведомства, составляли обзоры своей деятельности за отчетный период (год или более). Такие формы документов позволяли судить о достижениях и недостатках в работе чиновников, о преобразованиях в структуре и деятельности ведомств.

Наиболее подробные и развернутые данные предоставлялись теми ведомствами, структура и полномочия которых находились в процессе реформирования. Одним из таких учреждений являлось Министерство юстиции. Отчеты и доклады должностных лиц по Министерству юстиции обладают богатым фактическим материалом для исследования проблем системы наказания в России.

Являясь одним из старейших учреждений России, министерство со дня своего образования в 1802 году управляло всеми судебными учреждениями империи. В его ведение, в частности, входили следующие направления: разработка законопроектов по судоустройству и судопроизводству, по преобразованию судебных учреждений; наблюдение за ведением судебных процессов по политическим делам, а также за производством дознаний по делам о государственных преступлениях; решение общих вопросов относительно порядка расследования, рассмотрение в ревизионном порядке уголовных и гражданских дел, жалоб на местные судебные учреждения; предоставление на рассмотрение верховной власти ходатайств о помиловании и смягчении участи осужденных и др. [3, с. 80].

Необходимость составления отчетов возникла в связи с проведением судебной реформы 1864 года, однако, и после введения основных её преобразований такие формы документации продолжали иметь место быть и публиковались на страницах «Журнала министерства юстиции».

Отчеты высших должностных лиц министерств и ведомств обладают большой информативностью в деле изучения вопросов законодательного регулирования ссылки, структуры органов власти, отвечающих за этапирование, распределение, материальное обслуживание преступных элементов.

Министерством юстиции отчеты предоставлялись по работе всех департаментов. Работе каждого департамента посвящался отдельный блок. В частности, большой раздел был посвящен состоянию делопроизводства по гражданским и уголовным делам. Структура разделов представляла собой таблицы с данными о количестве, находившихся в производстве судебных дел, указывалось сколько из них относится к ведомству по гражданским и уголовными делам. В таблицах было отмечено количество решенных дел и тех, что остались без рассмотрения в прошлом году. Каждая таблица сопровождалась пояснением о состоянии дел, сравнительными данными о количестве поступивших в ведомство следствий из всех судебных инстанций страны по сравнению с прошедшим годом.

Состояние дел в министерстве исследовалось последовательно по всем департаментам начиная с департаментов сената и всем его отделениям. Причем с указанием причин не рассмотренных уголовных и гражданских дел, а также предпринятых мер по сокращению неисполненных в прошлом году судебных решений.

В отчете министра юстиции за 1864 год уделялось внимание вопросу деятельности судебных следователей, так как впервые этот институт проходил этап серьезного реформирования. Примечательно, что в отчетной документации был дан анализ деятельности следователей за пятилетний период, который должен был показать эффективность применяемых министерством мер. В целом к началу 1864 года была выявлена неравномерность в распределении дел между следователями, что влекло за собой увеличение числа неоконченных следствий. Так, например, в 1864 году поступило на рассмотрение 164.831 дело, из них 62.774 дела к концу года остались не законченными. [5, с. 52].

В связи с большим числом неоконченных следствий было предложено ввести сто временных должностей следователей для оказания помощи постоянным следователям.

Еще один из разделов отчета под названием «Сведения о числе подсудимых содержащихся из них под стражею и приговоренных к наказаниям по решениям судебных мест» требует особого внимания – он показывает данные о числе подсудимых за три года – 1862, 1863, 1864. В виде таблиц по каждому году представлено какое количество подсудимых находилось на свободе во время следствия и сколько под стражей. Сравнительный анализ в отчете проведен по годам, а также проведено соотношение числа не заключенных под стражу к заключенным. Кроме того, чиновниками сделано гендерное сравнение, так на 1864 год число подсудимых мужчин и женщин соотносилось как 9:1 [5, с.60].

Следующий подраздел был посвящен количественным данным о числе приговоренных к различным видам наказаний. Здесь все виды наказаний были разбиты на четыре группы: ссылка, заключение, отдача в военную службу и другие менее тяжкие наказания. В двух из них есть разделение на виды наказаний: ссылки и заключения. Так отмечено, что к ссылке на поселение в Сибирь в 1864 году приговорено было 1639, в то время как на Кавказ только 135 осужденных. Эти данные убедительно показывают высокий процент сосланных в сибирский регион.

Следующие данные в этом разделе исследовали проблему соотношения числа осужденных в губернии к числу её жителей. Среди всех регионов, осуществлявших правосудие, были выделены те, в которых число осужденных на долю населения было самым большим. Сибирских губернии там отмечены не были так как, во-первых, новые судебные учреждения в них к этому времени еще не были введены, а во-вторых, жители региона страдали не от деяний местных преступников, а от все увеличивающегося числа ссыльного элемента, который продолжал наполнять отдаленный от центра край.

В отчете Министерства юстиции за 1864 год приведены данные о соотношении осужденных преступников по сословиям, выделены группы составов уголовных и политических деяний, по которым было большинство осужденных в истекшем году. Таковых больше всего было за «нарушение уставов о казенных лесах» и за воровство. Данные о количестве преступных деяний собраны

со всех губерний империи, расположены в отчете по видам совершенных злодеяний, например, «по святотатству», «по грабежу» и др. В материалах приводится сравнительная характеристика количества совершенных преступлений по губерниям. При чем ни во всех разделах преступных деяний представлена информация о количестве приговоренных к наказаниям, что затрудняет составление статистики осужденных к ссылке преступников.

Данные разделов о видах преступлений, совершенных в Российской империи, о распределении осужденных по сословиям, по уровню грамотности, стали основой для составления в дальнейшем важного источника по изучению дореволюционной преступности страны и системы наказаний – Свода статистических сведений по делам уголовным, которые производились на территории России во второй половине XIX столетия. Содержание последнего включало в себя основные разделы отчетов министерства юстиции, а также существенно расширило этот материал в видах преступлений, данных о видах злодеяний, совершаемых представителями разных вероисповедных групп. Сегодня статистические материалы «свода» являются ценным источником в деле изучения ссылки дореволюционной России.

Помимо отчетов, министр юстиции представлял доклады о проводимых мероприятиях в связи с отменой ссылки в начале XX столетия. В таких небольших по объему, в сравнении с отчетами по всему ведомству, документах приводились сведения о финансовых расходах в связи с реформированием. Кроме того, представлены данные о количестве арестантских учреждений и мест в них для осужденных преступников. В докладе министра особо отмечены новые «технические приспособления», которые планируются применять для исправления преступников [1, С. 60.].

Помимо годовых отчетов небезынтересным является практика создания отчета за истекшее десятилетие. Так, министром юстиции Н. Муравьевым был составлен доклад о работе ведомства с 1894 по 1904 гг. Структура доклада является стандартной для отчетных документов министерства: два больших раздела, первый из которых посвящен вопросам гражданского судопроизводства, где более подробно разобраны нововведения в работе по Судебному уставу 1864 года, а второй раздел рассматривает уголовное судопроизводство, проблемы все увеличивающегося числа дел, и вслед за этим возрастание аппарата чиновников, что

приводит к большим затратам из казны. Отдельным вопросом раздела была рассмотрена работа «тюремной части», где министр вновь поднимает вопрос о законодательно не решенных вопросах перераспределения полномочий между Министерством внутренних дел и Главным тюремным управлением. Особого мнения в отчете вновь была удостоена нерешенная проблема отмены ссылки. Для большего воздействия на императора и мнение Государственного совета министр юстиции даже представляет высказывания чиновников различных ведомств и рангов, в которых они настоятельно просят «избавить Сибирь от наводнения ее всеми отбросами Европейской России» [2, с. 67].

Одним из важнейших ведомств министерства юстиции, проходившим структурное реформирование, – тюремным, также составлялись отчеты о своей деятельности. Значимость данных документов показывает факт их публикации на страницах журнала министерства юстиции и проведение по ним исследования ведущими дореволюционными юристами, а также публикация одного из отчетов в виде книги. Одна из таких книг была подарена министром юстиции Иркутскому генерал-губернатору А.И. Пантелееву в 1900 году. Сегодня подаренный отчет о деятельности Главного тюремного управления за 1898 год хранится в фондах Государственного архива Иркутской области [4].

Отчеты тюремного ведомства с наиболее полным описанием состояния дел начали публиковаться с 1894 года, как раз незадолго до передачи этого ведомства в ведение министерства юстиции с 1 января 1895 года. Структура отчетов оставалась постоянной, состояла из десяти разделов (статистика количества мест заключения, строительная часть, арестантские работы, пересылка арестантов, сметная часть, несовершеннолетние, которые отбывают наказание, заведения исправительного воспитания, санитарное состояние тюрем, ссылка и каторга), с некоторыми незначительными изменениями.

В первом разделе были представлены статистические сведения о числе мест заключения, так, например, в 1893 году было 883 тюремных учреждения, а в 1898 уже 886 [6, с. 208; 7, с. 245]. Такое увеличение числа мест осуждения по мнению дореволюционных юристов было нежелательно, так как влекло за собой возрастание расходов на содержание администрации и показывало увеличение числа преступников. Данная интерпрета-

ция исследователей является злободневной, потому что сегодня государство не открывает новые места лишения свободы в связи с большими затратами на строительную часть и на обеспечение сотрудников службы исполнения наказаний.

Последний раздел отчета по тюремному ведомству был посвящен вопросам ссылки и каторги. В нем рассматривались пути передвижения этапов ссыльных – по железной дороге и сухопутным путем, представлены данные по количеству ссыльных, которые были направлены в Сибирь из Европейской части России. При этом подчеркивалось, что для царской казны такие дальние пути доставления арестантов и их дальнейшего обеспечения были крайне обременительны. Особым вопросом в разделе каторги и ссылки была проблема крайней перенаселенности преступным элементом острова Сахалин. Отчеты Главного тюремного управления позволяют изучить соотношение ссыльного элемента к другим видам наказаний, а также недостатки проводимой реформы по отмене ссылки.

В целом отчеты министерства юстиции обладают высокой степенью информативности в деле изучения дореволюционной преступности и ссылки, так как рассматривают широкий круг вопросов правоохранительной деятельности государства: от делопроизводительной части судебной системы и проблем перегруженности делами следователей до проблем связанных с изменением законодательных основ системы наказаний, отменой ссылки, устройством тюрем. Таким образом, изучение таких источников как отчеты, доклады министерств и ведомств может способствовать открытию ранее не изучавшихся сторон ссылки в сибирский регион.

Примечания

1. Всеподданнейший доклад министра юстиции о мероприятиях по тюремному ведомству к исполнению закона об отмене и ограничении ссылки // Журнал министерства юстиции.1902. № 1.

2. Всеподданнейший доклад министра юстиции статс секретаря Муравьева о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894–1904 гг.) // Журнал министерства юстиции.1904. № 2.

3. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1. СПб., 2000.

4. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 1104

5. Отчет министерства юстиции за 1864 год (окончание) // Журнал министерства юстиции.1866. № 7.

6. Отчет по Главному тюремному управлению за 1894 год // Журнал министерства юстиции.1896. № 9.

7. Отчет по Главному тюремному управлению за 1898 год // Журнал министерства юстиции.1901. № 2.

УДК 05/07/(571.1/.5) (091)

Н.П. Курусканова

**Ссылная тематика
в нелегальной печати сибирских эсеров начала XX в.**

Автор анализирует содержание нелегальных листовок эсеровских организаций Сибири начала XX века, делает вывод о том, что ссылная тема в них занимала существенное место.

Ключевые слова: политическая ссылка, эсеры Сибири, нелегальные издания, листовки.

N.P. Kuruskanova

**Ssylnaja subjects
in the illegal press Siberian эсеров the beginnings of XX
century**

The author analyzes the maintenance of illegal leaflets эсеровских the organizations of Siberia of the XX-th century beginning, does a conclusion that ссылная the theme in them took an essential place.

Keywords: a political exile, эсеры Siberia, illegal editions, leaflets.

В течение 1901–февраля 1917 г. сибирскими организациями ПСР, согласно нашим подсчетам, было издано не менее 566 наименований листовок, 35 брошюр, 20 газет, 10 журналов [1]. Заметное место в них было уделено теме политической ссылки, которая стала традиционной для нелегальной печати местных социалистов-революционеров. Ссылный мотив звучал в ней намного чаще, чем в изданиях эсеров европейской России. В отечественной историографии данный сюжет практически не изучен.

Обратимся к анализу нелегальных изданий сибирских организаций ПСР, посвященных данной тематике.

Одним из первых изданий, посвященных политической ссылке, стала листовка Сибирского союза ПСР «Якутская бойня. Как известно, в нашем обширном отечестве...» (1904, не ранее 7 марта). В ней повествовалось о вооружённом выступлении политических ссыльных в Якутске. Поводом к нему послужили новые циркуляры иркутского генерал-губернатора П.И. Кутайсова о суровом наказании ссыльных за «самовольные отлучки» из города и о запрещении им общаться с партиями ссыльных, следующих по этапу. Новый режим ставил ссыльных в совершенно нечеловеческие условия существования. 18 февраля 1904 г. 56 вооруженных ссыльных (50 из них были социал-демократами, бундовцами) забаррикадировались в доме якута Романова, подняли над ним красный флаг. Якутскому губернатору они послали петицию с требованием смягчить меры надзора за ссыльными. В случае неудовлетворения требований и штурм «романовцы» обещали применить оружие. Дом был оцеплен войсками. Во время осады 2 солдата и 1 ссыльный были убиты, 3 ссыльных ранены. После 18 дней осады «романовцы» 7 марта 1904 г. сдались.

Авторы листовки, выпущенной уже после падения «романовки», но до суда над ее участниками, выразили поддержку избранной политссыльными формы борьбы. В листовке говорилось: «Для суда над захваченными в плен товарищами был сначала учрежден военный суд, а затем Плеве (министр внутренних дел – Н.К.) решил судить обычным гражданским судом, который и назначил уже в Якутске... Во имя чего пролита эта кровь, во имя чего она будет литься на эшафоте, на который не замедлит отправить многих из наших якутских товарищей так называемый «суд»? Мы думаем, что на этот вопрос не может быть двух ответов. Она пролита во имя защиты попираемых наглým произволом достоинства личности, во имя протеста против тех жестокостей и ничем не сдерживаемых зверств, какими определяются отношения русского правительства ко всем, кто рабски не пресмыкается перед ними, кто сознает в себе человека. Но ведь это самоубийство, безумие, пожалуй, скажут нам, ведь не могли же они рассчитывать на благоприятный исход и т.д. Самоубийство – пожалуй, да, но не безумие, и не мы, конеч-

но, будем клеймить избранный нашими товарищами в Якутске способ протеста и защиты достоинства личности, попираемого полицейским каблуком».

Составители листовки заявляли о своей солидарности с политссыльными: «Мы твердо верим, что, если наши якутские товарищи избрали этот способ замозащиты, – значит, для них иного исхода не было. Для нас якутская драма говорит одно: мера терпения наших якутских товарищей лопнула, потребовалась жертва, чтобы выйти из невыносимого положения – и они эту жертву принесли, решив оружием защищать свою честь и достоинство, наперед хорошо зная, что им придется погибнуть в этой неравной борьбе с неизмеримо сильнеешим противником. И не слова укора за кажущуюся бесполезность гибели наших якутских товарищей вызывает в нас весть о новой якутской бойне, а крик негодования и жажду непримиримой борьбы с тем молохом, который в наши дни требует человеческих жертв – с русским самодержавием. Долой же самодержавие, заставляющее людей, полных жизни и жажды деятельности на благо родины, прибегать к массовому самоубийству, как единственно возможному виду протеста!» [2].

Якутский окружной суд летом 1904 г. приговорил 55 участников якутского протеста, в том числе 7 женщин, к 12 годам каторги. Они были сосланы в нерчинские тюрьмы (Александровск, Акатуй). Расправа над «романовцами» вызвала протест в сибирских колониях политических ссыльных, выступления и манифестации по всей России. Якутская трагедия, а также последовавшее вслед за ней возмущение в различных слоях общества вынудили правительство несколько смягчить режим политической ссылки. Революционная обстановка заставила царское правительство издать 21 октября 1905 г. указ об амнистии, по которой освобождение получила лишь очень незначительная часть политических заключенных и ссыльных. Все «романовцы» 26 октября были освобождены.

В ходе Первой российской революция 1905–1907 гг. эсеровские авторы еще не раз обращались к ссыльной тематике. Царское правительство, возобновившее ссылку в 1906 г., как и в предшествующие периоды, через средства массовой информации внушало общественности мысль о том, что в Сибирь и другие отдаленные местности высылают только «государственных пре-

ступников», «внутренних врагов», «бунтовщиков». В печатной агитации эсеров отводилось должное место разоблачению лживости подобных утверждений. Вот как характеризовали политссыльных авторы листовки Тюменской организации ПСР «К товарищам солдатам 9-го Тобольского полка» (1907, ранее 20 февр. №3). Обращаясь к военным, они писали: «Вы сами стережете в тюрьме и водите каждую неделю в ссылку людей, решивших поднять голос на защиту народа. Вы присматривайтесь к ним, и увидите, что этот «внутренний враг» и «разбойники», как начальство и написанные для вас газетки, вроде «Армии», «Русского чтения» и «Земли», выставляют, это самые умнейшие, самые честные люди, цвет России» [3].

Обратим внимание на некоторые особенности трактовки ссыльной тематики в нелегальной печати местных организаций ПСР. В отличие от нелегальных изданий сибирских социал-демократов, в печати эсеров не акцентировалось внимание на партийной принадлежности политссыльных [4]. Кроме того, в ней, хотя и часто звучало требование амнистии для политических ссыльных и заключенных, однако эсеровские авторы понимали иллюзорность его претворения в жизнь. По их мнению, не бесправная Дума, функционирующая в условиях самодержавия, а только Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, равного и прямого волеизъявления, сможет удовлетворить все народные требования и нужды. Как показала жизнь, ни I, ни II Государственные думы не осмелились предъявить правительству требования об освобождении политических ссыльных и заключенных.

Эсеровские издания описывали сложившуюся в стране во время спада революции обстановку репрессий и насилия. Например, в листовке Тюменской организации ПСР «К гражданам!» (1906, дек. № 1) говорилось: «Вся русская земля, потрясенная и залитая кровью, украшенная виселицами и пулеметами, переживает ужасный болезненно-напряженный момент. Правительство объявило войну русскому народу и в этой варварской расправе пускает в ход самые незаконные, даже с точки зрения незаконных российских законов, средства. ...Тюрьмы набиты битком, но их не хватает и администрация озабочена постройкой новых, этапы за этапом следуют в отдаленные места Севера, оправданные судебными властями не освобождаются тюремным начальством или вновь подвергаются одиночному заключению по распоряже-

нию охранного отделения. Мы все, конечно, знали и чувствовали, что живем не в раю, но в настоящее время каждый слепец вынужден прозреть. Наша пресса, постоянно преследуемая и караемая и судами, и высидами в крепости, и ссылками, все же не молчит. Каждый день все сильнее и ярче выступает страшная и позорная истина о нашей бессудной, бесправной родине» [5].

Авторы листовки Центральной Рабочей группы (ЦРГ) при Омском комитете ПСР «К товарищам рабочим» (1907, февр.) отмечали: «Нет, кажется, таких зверских мер, нет таких жестких приемов, перед которыми бы остановилось в борьбе наше кровавое правительство. Чужая своя скорую гибель, издыхающее, окровавленное, оно употребляет все средства, напрягает все усилия, чтобы хотя бы ненадолго придавить грозно надвигающуюся революцию, чтобы, хотя бы на несколько минут, отстрочить свою, все быстрее и быстрее, приближающуюся смерть. Сырые, холодные тюрьмы, страшные одиночные заключения, усиленные и чрезвычайные охраны, военное положение, ужасные, по своей жестокости и кровопролитию, погромы и карательные экспедиции, ссылки в отдаленные места и на каторжные работы, военно-полевые суды, расстрелы и виселицы и средневековые пытки – все, все пустило в ход наше, озверевшее и опьяневшее от крови, правительство и присные с ним» [6].

Серией листовок откликнулись местные организации ПСР на «дело Марии Спиридоновой». Красноярская организация ПСР издала в виде листовки знаменитое «Письмо Спиридоновой» (1906, апр.). В листовке Тобольской группы ПСР «Товарищи! Приближается рабочий праздник...» (1906, 14 апр. № 3) рассказывалось о произведенном убийстве тамбовской эсеркой М.А. Спиридоновой карателя, губернского советника Г.Н. Луженовского, об избиениях и истязаниях, которым ее подвергли после ареста. В листовке говорилось: «Девушка-героиня не издала ни звука, чем приводила своих мучителей в еще большее остервенение. Не хватит ни времени, ни места перечислить все преступления правительства». Авторы листовки призывали: «Товарищи! Сотни тысяч убитых, замученных на каторге, в тюрьмах, в ссылке, мучеников за свободу взывают о мщении. Сотни тысяч борцов за свободу подвергаются всевозможным мучениям в правительственных застенках. Наш священный долг отомстить правительству и капиталистам за наших мучеников» [7].

Листовки Красноярского комитета ПСР «К приезду Спиридоновой» (1906, начало июля. № 22), Ачинской группы ПСР «Граждане! В своем ослеплении...» (1906, ранее 5 июля), заметка «Ст. Зима (Проезд Марии Спиридоновой)», опубликованная в нелегальной газете Иркутского комитета ПСР «Революционное слово» (1906, июль. № 2), информировали о проезде по Транссибирской магистрали на бессрочную Нерчинскую каторгу М.А. Спиридоновой вместе с 5 эсерками-террористками (Л.П. Езерской, М.М. Школьник, А.А. Биценко, А.А. Измайлович, Р. Фиалке), о митингах и встречах узниц, организованных местными организациями РСДРП и ПСР на железнодорожных станциях [8].

В выпущенных в годы революции кассовых отчетах местных формирований ПСР нередко фигурировали такие статьи расходов, как помощь политссыльным и бежавшим с мест заключения и каторги. Например, в выпущенном в виде листовки «Отчете по кассе Иркутского комитета ПСР с 1 декабря по 1 мая 1906 г.» (1906, май) в статье расходов «Помощь товарищам» зафиксирована сумма 767 руб. 22 коп., что составило 10,3% от всех трат комитета [9].

В период революции при ряде местных организаций ПСР возникли группы Красного Креста, ставившие своей задачей облегчение участи революционеров, сосланных в Сибирь на поселение или каторгу. В местах поселения в северных уездах Тобольской губернии, Нарымском (Томская губ.) и Туруханском (Енисейская губ.) краях, в Якутской области из-за большого притока ссыльных не хватало квартир, продовольствия, денег, теплой одежды. Без помощи извне политссыльные были обречены на голод, холод и медленное вымирание. Члены Красного Креста проводили среди сибиряков сборы денег, теплой одежды и литературы. Активную работу проводила в Томске «Нарымская группа помощи политическим ссыльным Нарымского края», в состав которой входили социал-демократы и эсеры. Сторонники ПСР использовали нелегальную печать для объяснения местному населению необходимости оказывать помощь политссыльным. Так, в воззвании Иркутского комитета Красного Креста ПСР «Ко всем гражданам» (1906, 22 июня) говорилось: «Граждане! Иркутский комитет революционного Красного Креста обращается к вам с горячим призывом откликнуться на его нужды. А нужды его велики. Цель организации Красного Креста

– помогать деньгами всем борцам революции, не считаясь с их партийными взглядами. На это дело только с 20 января 1906 г. Красный Крест в Иркутске уже затратил свыше 5000 руб., давая возможность многим борцам за счастье и волю народа избежать виселицы, тюрьмы и ссылки, для того, чтобы снова продолжать свою прерванную деятельность на благо родины, оказывая помощь находящимся в тюрьмах, в ссылке и на пути туда, а также их семьям, остающимся часто без куска хлеба, без крова». Авторы листовки подчеркивали, что граждане, давая деньги для политссыльных, не благотворительствуют, а отдают их «на дело осуществления и проведения в жизнь тех идеалов, о которых они только мечтают» [10].

Ссылная тематика в нелегальных изданиях сибирских эсеров, выпущенных в течение межреволюционного периода, по-прежнему присутствовала. Эсеровские авторы, в частности, обращались к истории политической ссылки в Сибирском регионе. Так, в листовке Тюменской организации ПСР «Памяти декабристов. Сегодня 14-е декабря. Прошло 83 года с того дня...» (1908, 14 дек.) излагался ход восстания декабристов 14 декабря 1825 г., рассказывалось об их судьбе в ссылке [11].

Обращаясь к сибирякам по поводу досрочного роспуска II Государственной думы, члены Тобольской группы социалистов-революционеров в своей листовке «Товарищи и граждане!» (1907, июнь) подчеркивали: «Нечего вам ждать и от царя, кроме новой лжи и новых наглых обманов. Он царским, своим словом, обещал 17 октября свободу и, после этого, казнил десятки тысяч людей, и десятки тысяч посадил в тюрьмы. Он гарантировал неприкосновенность народных представителей и из Государственной думы отвел их в тюрьму, чтобы потом казнить или послать в каторгу» [12].

В листовке Новониколаевской группы ПСР «Ответ на думскую резолюцию о терроре» (1908, февр.) описывалась обстановка столыпинской реакции, ухудшившая положение политссыльных. В ней отмечалось, что «правительство направило на мирных граждан свои волчьи зубы: вводит публичные смертные казни; в стране царит произвол и насилие в форме военно-окружных судов; в местах заключения (каторга и др.) введено телесное наказание плетями и розгами, политические заключенные избиваются до полусмерти» [13].

После поражения Первой российской революции сибирские эсеры часть своих партийных денежных средств направляли политссылным. Судя по листовке Новониколаевской организации ПСР «Устав Новониколаевской организации партии социалистов-революционеров» (1908, март), при ней существовала касса, средства которой шли на «помощь бегущим из ссылки товарищам, в размере не больше 10% наличности кассы» [14].

В опубликованном в форме листовки «Отчете Омского комитета ПСР за март и апрель 1908 г.» (1908, апр.) имелись такие статьи расходов, как «Помощь беглым» и «Помощь арестованным», составившие 77 руб. 04 коп., или 35,9% всех трат [15].

Эсеры вместе с социал-демократами нередко проводили сборы пожертвований в помощь политкаторжанам. Читинские комитеты ПСР и РСДРП издали совместную листовку «К гражданам. Под гнетом усиленных охранных и военных положений...» (1909, февр.), в которой обратились к населению с призывом жертвовать деньги и книги в фонд помощи борцов за свободу, отбывавшим Нерчинскую каторгу. В листовке рассказывалось о тяжелом материальном и правовом положении политкаторжан, ужесточении режима политссылки, издевательствах над политическими арестантами тюремной администрации [16].

При ряде местных организаций ПСР в межреволюционный период функционировали группы Красного Креста. Эсеры размножали печатным способом подписные листы, по которым осуществлялся сбор денег в пользу политссылных. Например, у одного из лидеров омских эсеров М.М. Федорова при обыске жандармы обнаружили подписной лист Красного Креста Омского комитета ПСР. Федорова выслали 22 октября 1908 г. из Омска [17].

Публикацией писем с мест заключения и каторги нелегальная печать местных эсеров освещала жизнь политических арестантов и ссылных, привлекала к ней внимание общественности, предавала гласности факты издевательства тюремщиков над ссылными, протестов и выступлений политзаключенных. Так, газета Военно-революционного союза при Омском комитете ПСР «Солнышко (Солдатский листок)» (1907, 27 сент. № 2) напечата-ла «Письмо солдат, осужденных военно-окружным судом к каторжным работам и разным срокам наказания» [18].

В газете «Социалист-революционер» Омского комитета ПСР (1909, 31 марта. № 2) было помещено «Письмо с Ангары». В этом письме политических ссыльных (под текстом стоит подпись «Омичи») отмечено, что они интересуются событиями партийной жизни, недавно получили номер газеты «Социалист-революционер». В их письме рассказывалось об атмосфере ссыльной жизни, в том числе о репрессиях властей, об ограничениях прав ссыльных и заключенных, в частности, запрете правительством П.А. Столыпина организовываться политссыльным в колонии, создавать столовые и т. д. Авторы письма описали распри, происходившие между ссыльными, особенно в среде т. н. «желтой» (т. е. несознательной) ссылки. Несмотря на испытываемые трудности и лишения, авторы письма рекомендовали сторонникам ПСР продолжать революционную работу: «Мы знаем, что трудно начинать работу при теперешних условиях. Торжество реакции, индифферентизм общества к революционным организациям, индифферентизм некоторых партийных работников, материальные лишения – все это создает условия, при которых работа нелегка. Товарищам, начавшим работу, придется затратить массу нечеловеческих усилий на создание сил, готовых в новый момент подъема революционной волны стойко выдержать удары умирающего строя. Но «В борьбе обрешь ты право свое!», – гласит наш девиз и ему товарищи, надеемся, останутся верны. Мы приветствуем всех оставшихся на революционном посту и начинающих созидательную работу». Судя по содержанию письма, моральный дух политссыльных эсеров не был сломлен [19].

Ссыльные эсеры в Сибири не были оторваны от партийной жизни. Об этом, в частности, свидетельствуют изготовленные ими нелегальные издания. Так, группой политических ссыльных эсеров Бирюльской волости Верхотенского уезда Иркутской губернии была изготовлена рукописным способом листовка «Резолюция. Правительственная реакция, начатая после разгона II Государственной думы...» (1913, 1 окт.). Она представляла собой текст с предложением ЦК ПСР созвать съезд ПСР с целью пересмотра партийной тактики и программы [20].

Члены Яланской группы ПСР отпечатали на гектографе после 2 апреля 1916 г. листовку с текстом интернационалистской резолюции, которая была принята на съезде представителей колоний политссыльных Енисейского уезда. Составители листовки

обращались к товарищам с призывом активизировать в условиях военного времени работу среди железнодорожников и солдат. Данная листовка распространялась по территории уезда [21].

В целом, всестороннее изучение такого ценного исторического источника как нелегальная печать сибирских организаций ПСР позволяет иметь определенное представление о политической ссылке в крае, положении и условиях жизни политссыльных, об их протестах против произвола администрации, о разнообразной помощи, оказываемой им со стороны местного общества и революционных формирований и т. д. Написанные образно и эмоционально нелегальные издания сибирских эсеров, посвященные политической ссылке, производили впечатление на современников, вызывали у них сочувствие к участникам освободительного движения.

Примечания

1. См.: Курусканова Н.П. Нелегальные издания сибирских эсеров (1901–февраль 1917 г.). Томск, 2004. С. 3, 6, 35-40.

2. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 12478. Л. 1.

3. ГОПБ. ОРК. ЦЛ 18-164. Л. 1-2 об.

4. См.: Курусканов П.З. Политическая ссылка в листовках социал-демократических организаций Сибири 1901–1917 гг. // Политическая ссылка в Сибири (XIX–начало XX вв.). Историография и источники. Новосибирск, 1987. С. 170-183.

5. ТФ. ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 21. Д. 263. Л. 27.

6. Опубл.: Курусканова Н.П. Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901–февраль 1917 г.). Омск, 2000. С. 80-82; РГИА. Ф. 273. Оп. 12. Д. 584. Л. 188.

7. ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 20. Д. 496². Л. 346-346 об.

8. Курусканова Н.П. «Мы вернемся в свободную Россию»: Материалы о встречах сибиряков с группой политссыльных во главе с М.А. Спиридоновой. 1906 г. // Исторический архив. 2001. № 2. С. 211-217; Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Т. II. 1905 г. – июнь 1907 г. Томск, 1990. С. 257; ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 35705. Л. 1; РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 301. Л. 53; ГАИО. Ф. 243. Оп. 5. Д. 66. Л. 122-123.

9. Опубл.: Курусканова Н.П. Нелегальная печать сибирских эсеров... С. 73-74.

10. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 10374. Л. 1.

11. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 14962. Л. 1; Ф. ДП. ОО. 1908. Д. 9. Ч. 64. Л. 82-а; ГАПО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 26. Л. 76.

12. ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1907. Д. 9. Ч. 62. Л. 17.

13. Опувл.: Курусканова Н.П. Нелегальная печать сибирских эсеров... С. 89-91.
14. Опувл.: Там же. С. 93.
15. Опувл.: Там же. С. 93-94.
16. Рабочее движение в Сибири... Т. III. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. Томск, 1991. С. 117; ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 15291. Л. 1; ГОПБ. ОРК. ЦЛ. 18-193.
17. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5911. Л. 11-12.
18. ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1907 г. Д. 9. Ч. 38. Л. 17-18 об.
19. ГОПБ. ОРК; ИСА ОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 411. Л. 67-68 об.
20. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 700. Л. 246.
21. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. и др. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 62; ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 1395. Л. 6; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 850. Л. 23.

УДК 343.812 (571.53)

И.И. Терновая

Положение об Александровской центральной каторжной тюрьме

I.I. Ternovaya

Position about Aleksandrovsky central unbearable prison

В Государственном архиве Иркутской области в фонде 226 хранится Положение об Александровской каторжной тюрьме, которое было одобрено для временного введения в действие в 1882 году статс-секретарем Гротом¹.

Положение состоит из 12 глав:

Глава 1. Цель учреждения тюрьмы и управления оной.

Глава 2. Назначение чинов управления тюрьмы и обязанности их.

Глава 3. Порядок производства дел.

Глава 4. Порядок приема арестантов в тюрьму.

Глава 5. Зачисление каторжных в тюрьму и порядок исчисления им срока работ.

Глава 6. Занятия арестантов.

Глава 7. Занятия арестантов.

Глава 8. Наказание за проступки и преступления.

Глава 9. Освобождение каторжных от работ.

Глава 10. Наряд караула.

Глава 11. Собственные арестантские деньги.

Глава 12. Производство расходов на содержание тюрьмы и довольствие арестантов.

Все главы объединены 67 параграфами, в которых четко регламентируются основные позиции Положения.

Глава 1 содержит основные сведения о предназначении Александровской каторжной тюрьмы и о ведомственной принадлежности.

Александровская центральная каторжная тюрьма предназначалась для содержания ссыльнокаторжных мужчин без различия, состояла в непосредственном ведении Иркутского губернатора. Штат чинов управления тюрьмы был высочайше определен 18 ноября 1873 года. Управление тюрьмой осуществлялось смотрителем. Для решения наиболее важных вопросов созывался Комитет, в состав которого входили смотритель, его помощник, врач, священник и эконо².

Глава 2 раскрывает порядок назначения и должностные обязанности чинов управления тюрьмой.

О высокой степени ответственности смотрителя тюрьмы и его подчиненных говорит тот факт, что сам он назначался по представлению Иркутского губернатора генерал-губернатором Восточной Сибири, помощник смотрителя избирался губернатором, врач – по представлению Врачебной управы, священник – Епархиальным управлением и только эконом и письмоводитель – по представлению самого смотрителя тюрьмы.

В штат тюрьмы, помимо перечисленных лиц, входили фельдшер и аптекарский ученик, а также тюремные надзиратели. Первые – назначались Врачебной управой, вторые – смотрителем.

Показателен § 7 данной главы: «Надзиратели избираются преимущественно из состоящих в запасе армии или отставных нижних чинов, грамотных, известных своей благонадежностью в нравственном отношении и по возможности знающих какое-либо из производимых в тюрьме ремесел»³. Надзиратели выполняли все распоряжения смотрителя по наблюдению за арестантами во время их содержания в тюрьме и во время работ вне ее.

В обязанности смотрителя тюрьмы входило содержание тюрьмы в исправности «по всем вообще частям внутреннего и внешнего благоустройства», «заведование иными суммами тюрьмы», руководство общими правилами в соответствии с инструкцией, приложенной к статье 96 Уставления о содержащихся под стражей, а также контроль за надлежащим исполнением подчиненными своих служебных обязанностей. Смотритель тюрьмы имел право на предоставление чином управления кратковременного отпуска (не более семи дней). Сам же он мог отлучаться из тюрьмы не иначе, как с разрешения губернатора. Смотритель и его помощник замещали друг друга во время своего отсутствия, одновременное отсутствие из тюрьмы им было запрещено. Помощник смотрителя содействовал ему в надзоре и управлении тюрьмой и исполнял его обязанности в случае болезни или отсутствия.

Помимо священника тюремной церкви, в обязанности которого входило совершение богослужений, христианских треб, религиозно-нравственных бесед с арестантами, навещать тюрьму для исполнения треб разрешалось духовным лицам других христианских исповеданий.

В обязанности эконома тюрьмы входило исполнение всех поручений смотрителя по хозяйственной части, хранение и отпуск продовольственных припасов, арестантской одежды и обуви, материалов отопления и освещения, рабочих инструментов и прочего имущества.

Письмоводитель вел все делопроизводство канцелярией по управлению тюрьмой, ему вменялось в обязанность хранение тюремных дел и книг.

Фельдшер и аптекарский ученик исполняли распоряжения врача по уходу за больными и приготовлением лекарств, а также вели все письмоводство в больнице и аптеке.

Глава 3 содержит три параграфа, в которых раскрывается порядок производства дел в тюрьме: «Все пакеты на имя управления распечатываются Смотрителем, записываются во входящий журнал и закрепляются по резолюциям Смотрителя; а важнейшая документация, касающаяся порядка управления надзора за арестантами, рассматривается по журнальным постановлениям Комитета, подписанным членами Комитета и скрепленными письмоводителем, который подписывает и все входящие бумаги»⁴.

Глава 4 раскрывает порядок приема арестантов в тюрьму.

Все прибывшие в тюрьму каторжные принимались смотрителем в присутствии помощника, эконома и врача. При приеме партии сверялись приметы арестантов со статейными списками, больные – отправляются в тюремную больницу. Деньги изымались и хранились на книжке сберегательной кассы Отделения Государственного банка, недозволенные вещи – в конторе тюрьмы и выдавались арестантам по выходе их из тюрьмы. Затем каторжане вписывались в особую алфавитную книгу с подробным обозначением сведений, указанных в статейном списке. Каторжанам выдавалась отдельная книжка, в которую заносились его имя и фамилия, а также род совершенного им преступления, время поступления в каторжные работы и срок их окончания, взыскания, полученные в тюрьме, а также сведения о принадлежащих ему деньгах и вещах.

В главе 5 содержатся сведения о зачислении каторжных в тюрьму и порядке исчисления им срока работ: «Каторжные зачисляются в тюрьму немедленно по приходу. Исчисление срока работ производится со времени вступления в законную силу состоявшихся о них судебных приговоров на точном основании ст. 543 кн. 2 т. XV за. Суд. угол. по пред. 1879 года. Каторжным исправляющимся, которые с самого поступления в этот отряд, не подвергались никакому наказанию, девять месяцев нахождения в этом отряде считаются за год действительных работ и, сообразно этому, сокращается время содержания под стражей»⁵.

В главе 6 рассматриваются вопросы о разделении каторжных по разрядам и порядок их содержания.

В соответствии с Положением все каторжные вначале поступали в отряд (разряд) испытуемых. По окончании срока испытания те из них, кто показал хорошее поведение и трудолюбие, с разрешения Иркутского губернского правления переводились в разряд исправляющихся. Арестанты из отряда (разряда) исправляющихся, присужденных к работам в рудниках на три года, а к работам на заводах – один год, отправлялись из центральной тюрьмы на заводы, рудники и золотые промыслы при первой возможности, за исключением тех арестантов, которые были необходимы для проведения тюремных работ. Количество арестантов определялось ежегодно губернатором с разрешения генерал-губернатора.

Каторжане, разделенные по отрядам, содержались отдельно. «Исправляющиеся», получившие право жить вне тюрьмы, содержались в тюремных оковах. По истечению $2\frac{2}{3}$ срока испытания

оковы с разрешения генерал-губернатора могли быть с них сняты. По его же распоряжению оковы временно снимались для производства определенных видов работ. Снятие оков по распоряжению смотрителя тюрьмы производилось только в случае тяжелой болезни каторжанина с условием усиления за ним на этот срок больничного надзора.

Вся личная переписка каторжных, а также их прошения проходила через смотрителя тюрьмы.

Глава 7 раскрывает основные занятия арестантов.

Каторжане назначались на работы, как в самой тюрьме, так и вне ее. Причем, при направлении на работы учитывались разряды арестантов, а также состояние их здоровья. Арестанты из разряда «испытуемых» назначались на более тяжелые работы, нежели «исправляющиеся». Определение сравнительной тяжести работ производилось смотрителем тюрьмы.

В пределах тюрьмы выполнялись следующие виды работ:

- ремесленные работы. Изготовление сапожных, портняжных, столярных, кузнечных изделий;
- помол ручными жерновами зерна для довольствия каторжан;
- хозяйственные работы. Распилка, рубка, переноска дров, содержание в чистоте тюремных построек.

К работам вне тюрьмы относились: выделка кирпича, приготовление и доставка пиломатериалов, производство различных построек, работы в огороде и другие работы, которые могли выполнить каторжане в местных условиях.

Работы производились согласно «урочному положению». Данное положение, а также подробное распределение рабочих часов в соответствии со временем года и разрядом каторжан, составлялось Комитетом и утверждалось губернатором. Распределение каторжан по работам производил смотритель накануне каждого рабочего дня, о чем вносил сведения в лист наряда. Каторжане отправлялись на работы за пределы тюрьмы под конвоем, а те из них, кто получил право жить вне тюрьмы – под наблюдением тюремных надзирателей.

Во время сильных морозов и метелей арестанты не отправлялись на работы в открытых местах. Во время выполнения работ в отдаленных от тюрьмы местах, арестанты обедали по месту производства работ. Работы, требовавшие от арестантов особых знаний, производились под руководством надзирателей.

Каторжане выполняли работы по заказам, как правительственных учреждений, так и частных лиц. В случае одновременного казенного и частного заказа, в первую очередь выполнялись казенные заказы. Плата за выполнение заказов взималась по таксе, составленной Комитетом по управлению тюрьмой и утвержденной губернатором. Принятые заказы заносились в особую, выдаваемую каждый год губернским правлением книгу, где обозначались работы, подлежащие исполнению, цены заказы и суммы внесенной в счет работы. Вырученные средства распределялись следующим образом: 15 % отчислялись арестантам, выполнявшим заказ. Они распределялись ежемесячно в соответствии с трудозатратами каждого. Сумма заработка отмечалась вы каторжных книжках арестантов. Из заработанных денег половина могла быть использована арестантами по своему усмотрению (для улучшения питания, на пособие родным, для приобретения дозволенных предметы), другая половина хранилась до окончания арестантами срока каторжных работ и выдавалась на руки при освобождении.

Глава XVIII посвящена наказаниям за проступки и преступления.

За незначительные («маловажные») проступки каторжане подвергались наказаниям по распоряжению смотрителя тюрьмы с записью в тюремный журнал и отметкой в арестантских книжках. «Маловажными» признавались преступления и проступки, наказание за которые, по общим законам, не караются заключением в «рабочем доме». Наказанием за подобные поступки служило наложение оков, наказание плетьюми и розгами – по распоряжению смотрителя тюрьмы, а также продолжение срока пребывания в отряде испытуемых, увеличение срока работ, назначенного по судебному приговору – по распоряжению губернатора.

Глава XIX содержит сведения об освобождении каторжан от работ.

Арестанты освобождались от работ по окончании срока или по состоянию здоровья. Сведения об увольнении каторжан от работ предоставлялись за 2 месяца до истечения срока Иркутскому губернатору через губернское правление. После получения соответствующего разрешения и по окончании срока работ каторжане водворялись на поселение по распоряжению Иркутской экспедиции о ссыльных.

Каторжане по состоянию здоровья или возраста неспособные к работам, за неимением в тюрьмы богадельни содержались в тюремных зданиях, до окончания назначенных им сроков или же направлялись по распоряжению Иркутского губернатора в заводские богадельни. Освидетельствование таких арестантов производилось Комитетом по управлению тюрьмой при участии командированных губернатором чиновника и лекаря.

Глава X дает сведения о наряде караула.

«Караул при тюрьме и конвой к арестантам назначается по правилам воинского устава о караульной службе от Александровской местной команды, которая в случае законного требования тюремного начальства должна содействовать к сохранению и восстановлению порядка в тюрьме»⁶.

Конвой назначался таким образом, чтобы на каждые 10 арестантов приходилось по одному конвойному, не считая надзирателей, а при каждых 10 конвойных по одному унтер-офицеру.

Глава XI раскрывает понятия «собственные арестантские деньги» и возможности их использования.

Собственные арестантские деньги образовывались из сумм, присылаемых на имя арестантов до заключения и во время содержания их в тюрьме, а также из 15 % вознаграждения за сверхурочные работы, производимые ими в тюрьме. Сумма заносилась в шнуровую книгу, затем арестантские деньги отсылались для хранения по именованным книжкам в сберегательные кассы отделения Государственного банка на все время нахождения арестантов в тюрьме. В арестантских именованных книжках делались специальные отметки. При освобождении арестантов из тюрьмы эти деньги с накопившимися процентами выдавались им на руки. При переводах каторжан до окончания срока в другие тюрьмы, именные сберегательные книжки отправлялись их начальникам для дальнейших действий.

Любопытно, что в случае побега арестантов из тюрьмы или в случае их смерти, если в Сибири не оказывалось ближайших родственников, поступали в экономический поселенческий капитал.

Глава XII содержит сведения о расходах на содержание тюрьмы и довольствие арестантов.

Расходы включали в себя следующие позиции: содержание личного состава Управления тюрьмы, довольствие каторжан пищей и одеждой, ремонт зданий, содержание рабочего скота, обеспече-

ние хозяйственными принадлежностями, медикаментами. Все они были объединены общей сметой, которая вносилась на утверждение Министерства внутренних дел. Смета составлялась Комитетом по управлению тюрьмой не позднее 1 февраля и предоставлялась вначале начальнику губернии, который после предварительного рассмотрения ее в Губернском Совете, направлял ее генерал-губернатору Восточной Сибири не позднее 1 мая предшествующего сметного года. Расходы на приобретение рабочих инструментов, материалов покрывались за счет доходов от заказов.

Закуп материалов для арестантской одежды и обуви, хлеба, мяса и прочих продуктов производился посредством торгов, устраиваемых в Иркутском губернском совете. Пошив одежд и обуви, заготовка дров, работы в огороде, ремонт тюремных зданий производился самими каторжанами. «Арестанты довольствуются пищей из общего котла. Размер довольствия производится на основании положения о провиантском приварочном довольствии войск, Высочайше утвержденного 31 июля 1871 года. Одеждой и обувью снабжаются на основании особого распоряжения, утвержденного генерал-губернатором Восточной Сибири. Вещи эти приобретаются не в готовом виде, а в материалах»⁷.

Необходимые на содержание тюрьмы и арестантов средства выделялись Иркутским губернским казначейством авансом по «асигновкам» губернатора или председателя губернского правления. Смотритель отчитывался по расходам кассой, счетами, авансовыми счетами по правилам единства касса и иными надлежащими документами. Выделенные средства, материалы заносились в установленные книги и хранились: первые – в сундуке, последние – в кладовых тюрьмы под надзором военного караула. Ежемесячно комитетом по управлению тюрьмой проводилась сверка наличности денег, материалов, тюремного имущества, результаты которой отмечались в подлежащих книгах. По истечении года в Губернское правление направлялся отчет о расходе материалов, одежды и обуви.

Таким образом, Положение об Александровской центральной каторжной тюрьме дает четкое представление о системе управления тюрьмой, содержании арестантов и дополняет наши знания об истории общегосударственной тюремной системы России в конце XIX века.

1. Грот Константин Карлович (1815-1897) – государственный и общественный деятель, председатель особой комиссии о тюремном реформе в Государственном совете.
2. ГАИО. Ф.226. Оп.1. Д.374. С. 1.
3. Там же. С.2.
4. ГАИО. Ф.226. Оп.1. Д.374. С. 4.
5. Там же. С. 7
6. ГАИО. Ф.226. Оп.1. Д.374. С. 12.
7. ГАИО. Ф.226. Оп.1. Д.374. С. 14.

Законодательство о каторге и ссылке; деятельность правоохранительных и пенитенциарных органов, следствия и суда в Сибири

УДК 343.26 + 343.813] (47)

И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек

Ссылка и каторга в имперском законодательстве

Статья посвящена анализу российского законодательства о ссылке и каторге. В исторической ретроспективе показан процесс юридического оформления и регулирования этого вида наказания, последовательно рассмотрены формы изоляции, а также организация каторжного труда.

Ключевые слова: российское законодательство, каторга и ссылка, Устав о ссыльных, тюремное заключение.

I.L.Dameshek, L.M.Dameshek

The reference and penal servitude in the imperial legislation

Article is devoted the analysis of the Russian legislation on the reference and penal servitude. In a historical retrospective show process of legal registration and regulation of this kind of punishment is shown, isolation forms, and also the hard labor organization are consistently considered.

Keywords: the Russian legislation, penal servitude and the reference, the Charter on exiled, imprisonment.

В императорской России традиционным наказанием за тяжкие уголовные и политические преступления было лишение свободы. Оно могло быть реализовано через непосредственное тю-

ремное заключение, либо через ссылку на поселение и каторгу. В дореволюционной России наиболее распространенным видом наказания были ссылка на поселение и каторгу. Система подобного наказания в империи складывалась на протяжении столетий. Не менее длительное время занял процесс юридического оформления и регулирования ссылки и каторги в российском законодательстве.

Своими корнями ссылка, как одна из мер наказания, уходит в Древнюю Грецию. Она подразумевала принудительное удаление государственной властью своих или чужих граждан (например, ссылка военнопленных буров Англией на остров Святой Елены) в отдаленные местности, на окраинах государства или же в его колониях, для пожизненного или временного там пребывания. Целью ссылки могло быть как избавление страны (метрополии) от порочных или вредных в политическом отношении людей (административная и политическая ссылка), так и заселение малоллюдных колоний (принудительная колонизация), наказание и исправление преступников (судебная ссылка)¹.

В древнейшем русском праве первые упоминания об этом виде наказания мы встречаем в судебных актах Российского государства конца XV–начала XVI в., в соответствии с которыми за серьезные преступления в качестве наказания полагалась смертная казнь, а за менее важные – ссылка в «украинные и понизовые» города. Пробразом ссылки на поселение является «выбитие вон из земли», вошедшее со времен Ивана IV в понятие опалы, представлявшее собой расселение жителей какого-либо города или местности целыми семьями по другим городам. В качестве примера можно сослаться на практику «вывода» сосланных бояр после присоединения Новгорода и Пскова к Москве.

Во второй половине XVI столетия в практику входит уже ссылка в определенное место, например, «в украинные города – Севск, Курск и другие по указу»^{1582 г.}, когда ссылка выступает преимущественно как политическая мера². До Соборного уложения 1649 г. ссылка в основном применялась в отношении опальных бояр и не слишком опасных политических преступников. В Уложении царя Алексея Михайловича ссылка назначалась за различные преступления. Так, например, надлежало «за первую татьбу ... бить кнутом, отрезать левое ухо и посадить в тюрьму на два года, а затем послать в украинные города, где

государь укажет и велит в украинных городах быть, в какой он чин пригодится»; то же полагалось и за вторую татьбу, с увеличением срока тюрьмы, а равно за мошенничество и за первый разбой³. Шли в ссылку корчемники и табачники за многие пригоды, последние – с урезанными носами и порванными ноздрями; подъячие – за «незапись» судного дела, для того чтобы переложить государственную пошлину в свой карман и т. д.⁴ При этом о ссылке в Сибирь в Уложении упомянуто лишь однажды, в качестве наказания для московских посадских людей за самовольную приписку себя к различным лицам и учреждениям: «... А будет они вперёд учнут за ково закладываться и называться чьими крестьяны, или людми, и им за то чинити жестокое наказание, бити их кнутом по торгом и ссылати их в Сибирь на житье на Лену»⁵.

Между тем, присоединение Сибири открыло новый край для ссылки и дало правительству возможность воздерживаться от смертной казни и «членовредительных» наказаний, способствуя в то же время «...заселению этого обширного и обильного естественными богатствами края, нуждающегося в рабочих силах...»⁶. Таким образом, Сибирь стала краем массовой ссылки и каторжных работ, и продолжала оставаться им на протяжении нескольких веков. Не случайно, у большинства жителей Российской империи понятие «Сибирь» ассоциировалась исключительно с местом ссылки⁷.

Данное наказание особенное развитие получает в XVII веке. С этого времени ссылка в Сибирь на каторгу и поселение приобрела общезаконодательный характер⁸. Посредством удаления в Сибирь преступников (политических и уголовных, в равной степени) правительство решало сразу две задачи: карательную и колонизационную. В конечном итоге, ссылке принадлежит немалое экономическое значение в освоении окраин империи. Не случайно, еще в указах царя Алексея Михайловича четко предписывалось за воровство «казни не чинить, а *ссылать в Сибирь на вечное житье*⁹. В последующие несколько десятилетий происходит законодательное закрепление подобной практики. При этом ссылка выступала в качестве самостоятельного наказания¹⁰.

Нередко ссылка практиковалась как политическая мера: например, к участникам псковского бунта 1650 г., бунта 1662 г.,

к сообщникам Стеньки Разина и т. д. Она же встречается и в виде меры против раскола, как, например ссылка в 1660 г. знаменитого Аввакума, оставившего описание своего бедственного путешествия по странам даурским¹¹.

Нередко ссылка выступала в качестве меры помилования. Например, в указе 1691 г. четко предписывалось: «Которые люди... по их государскому указу и по соборному уложению и по особым статьям, по градским законам и в сыском приказе довелись смертные казни, а той казни им не учинено, и тех воров указали они, Великие Государи, *вместо смертные казни, пятнать и ссылать*»¹².

Ссылные направлялись в разные окраинные и понизовые места, позднее в Сибирь; но по большей части в законе не определялось место ссылки, что давало возможность направлять ссылных туда, где существовала потребность в рабочих руках. В Московском государстве почти не было непроизводительной ссылки: ссылаемые «в службу», «в посад» и «на пашню» по прибытии на место одинаково тотчас шли в дело – кто на пашню, кто для делания засек и просек, а кто и прямо на то же государственное дело, на котором он прежде проворовался. Ссылным пашенным людям отдавалась земля и давалась ссуда на пашню, на заведение домашнего хозяйства. Только в редких случаях опалы ссылные заключались на месте ссылки в тюрьмы¹³.

Окончательное юридическое оформление система ссылки воров и разбойников вместе с семьей прямо на сибирские пашни получила во времена Петра Первого. Тем самым были оформлены колонизационные цели ссылки¹⁴. В XVIII в. происходит дальнейшее развитие нормативной базы сибирской ссылки. Связано это было прежде всего с возросшим экономическим значением региона для империи в целом. Открытие и начавшаяся разработка даурских серебряных рудников, развитие горнорудной промышленности в Нерчинске, и как следствие – дефицит рабочих рук – повлекли за собой появление целого ряда указов об отправке осужденных на каторгу на сибирские казенные заводы¹⁵. Параллельно с этим идет постепенное расширение перечня преступлений, наказанием за которые следует ссылка в Сибирь. К таковым стали относиться нищенство, побег солдат, членовредительство и бродяжничество¹⁶.

В 1753 г. в России была отменена смертная казнь и заменена вечной ссылкой в Сибирь¹⁷. Вслед за этим последовал указ 1762 г., в соответствии с которым помещикам было разрешено ссылать своих крестьян (вместе с женой и детьми) в Сибирь, засчитывая их вместо рекрутов¹⁸.

В последней четверти XVIII в., с открытием горных заводов в Екатеринбурге и суконной фабрики в Иркутске, вновь встала проблема обеспечения производства рабочими, что повлекло за собой очередной цикл указов о ссылке. В частности, для обеспечения стабильной работы, на суконную фабрику следовало отсылать всех женщин, направляемых в ссылку¹⁹. В начале XIX столетия идет постепенное (при этом стабильное) увеличение числа преступлений, наказанием за которые полагалась ссылка в Сибирь²⁰.

Самым тесным образом с ссылкой была связана каторга. Термин каторга происходит от греческого «галера» – гребное судно, на которое преступники ссылались в гребцы. Работа на галерах являлась одной из самых распространенных форм подневольного труда преступников в Средние века во многих странах Европы. Постепенно во всем мире каторжные работы становятся особым видом наказания, при котором заключенные привлекались к тяжелому физическому труду. В России каторга появилась на рубеже XVII–XVIII вв. Изначально под ней подразумевалась отдача на тяжелые принудительные работы по строительству портов и крепостей. В частности, в указе 24 ноября 1699 г. в качестве наказания посадским людям за взятки было определено: «И тем людям... сказать смерть и положить на плаху, а от плахи подняв, бить, вместо смерти, кнутом без пощады и сослать в ссылку в Азов с женами и с детьми, и быть им на катаргах в работе»²¹. Затем труд каторжан стали использовать на постройке кораблей и гаваней. Каторжный труд играл большую роль во всех постройках и сооружениях первой половины XVIII столетия. Позднее появляются работы рудниковые и заводские. В Сибири каторжные работы начинаются с начала XVIII века, с открытия даурских рудников и горных работ в Нерчинске.

По срокам отбывания, существовало два вида каторги. Во-первых, это вечная, по которой работы прекращались только в случае смерти, дряхлости или увечья осужденного. По Указу 19 декабря 1707 г. дряхлых и увечных надлежало отсылать в мо-

настыри, где, заковав их в кандалы, держать в вечных работах; но позднее, такие лица по освобождении из тюрем отсылались в Сибирь на пропитание²². Во-вторых, так называемая срочная каторга, которая назначалась от 1 года до 20 лет, причем по Указу 1721 г. каторжные по отбытии наказания возвращались на прежние места жительства, а по другим позднейшим указам подлежали ссылке на поселение²³. Первая попытка распределения работ по важности преступлений была сделана лишь при императоре Павле I. Указом 1797 г. преступники были разделены на три разряда: первый следовало отправлять в Нерчинск и в Екатеринбург на работу в рудники на добычу золотых и серебряных руд и драгоценных камней; второй разряд – в Иркутск на местную суконную фабрику, а за отсутствием на фабрике рабочих мест – на поселение, третий разряд – осужденных в смирительные и рабочие дома и другие казенные работы, отправлять к крепостным строениям; но это различие не представляло чего-либо точно определенного; так, в следующем же году было разъяснено, что в крепостные работы можно направлять только мужчин, осужденных в рабочие дома на большие сроки²⁴.

Неопределенным оставалось отношение каторжных работ к ссылке на поселение; так, например, в соответствии с законом 14 января 1704 г. надлежало: а) виновных в убийстве, измене и бунте «казнить смертью»; б) всех прочих «преступников, подлежащих смертной казни, вместо оной бить кнутом и по заклеянии ссылать вечно на каторгу»; и в) тех, «которые по закону подлежат телесному наказанию и дальнейшей ссылке, ссылать на каторгу на 10 лет без наказания»²⁵. С этого времени и до Екатерины II распространяется практика объединения ссылки на поселение с каторжными работами. При этом отдельно ссылка назначается только в виде исключения, например, указом 30 января 1725 г. преступников, «коим за их вины ноздри выняты и уши и носы резаны и руки сечены», велено ссылать в Сибирь на вечное житье²⁶.

Однако во времена Екатерины II поселение снова появляется как самостоятельное наказание, с ярко выраженным стремлением к колонизации Азиатской России, а отчасти и Оренбургского края. Правительство предписывало наделять ссыльных землями, предоставлять им семена для посева и инвентарь для обработки почвы, освобождать на первое время от податей. Ссыль-

ные сажались на казенную пашню, а неспособные причислялись к селениям старожилов. Однако эта система не была четко организована. Поэтому на протяжении XVII–XVIII вв. шли вечные пререкания московского правительства с сибирскими воеводами о том, что они «по ссыльному делу плутуют, своевольничают и корыстуются». Не помогла и жестокая расправа Петра в 1721 г. с первым сибирским губернатором князем П.М. Гагариным; за ним следовали не менее памятные в истории Сибири администраторы типа сибирского генерал-губернатора, отца лидера Южного общества декабристов И.Б. Пестеля, иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина и их помощников – Лоскутова и Белявского²⁷.

Кроме этого, ссылка страдала отсутствием «правильной организации», что приводило к страшным беспорядкам на месте и делало призрачными все предположения правительства о колонизации азиатской окраины.

Ситуация изменилась лишь с прибытием в Сибирь нового генерал-губернатора М.М. Сперанского. Будучи в течение двух лет в крае, на основе материалов, полученных во время ревизии, он разработал проект «Учреждения для управления Сибирских губерний» – своего рода, первый в истории империи свод комплексного регионального законодательства. Составной частью «учреждения» стали Уставы о ссыльных и об этапах²⁸.

Уставы 1822 г. о ссыльных и об этапах явились первыми кодексами сибирской ссылки, они не только объединили все действующие законодательные акты по вопросам сибирской ссылки, но и выделили в особый институт полицейского права законодательство о ссылке в Сибирь, детально регламентировали деятельность местной администрации по этому вопросу²⁹.

Фактически, в уставе о ссыльных впервые была предпринята систематическая разработка вопроса о принудительной колонизации Сибири. Изучив на месте положение ссылки, Сперанский составил план обширного ее преобразования, послуживший основой вышеназванного устава. Главнейшие задачи этого документа сводились к замене домашнего управления ссылкой «служебными», т. е. к организации правительственной администрации и к введению принудительных работ.

Устав о ссыльных, явившийся первым опытом кодификации российской ссылки, имел громоздкую систему. Он состоял из 33

глав, 435 параграфов. Несмотря на это, Устав учреждал достаточно стройную систему управления ссыльными. Не случайно, он был положен в основу всех последующих законов о ссыльных. В Уставе впервые была предпринята попытка только судебного порядка применения ссылки как вида наказания. Ссылка четко определялась в двух видах: 1. «На каторгу» и 2. «На поселение». И то, и другое определялось «не иначе, как приговорами судебных мест». В Тобольске учреждался приказ о ссыльных, состоящий из управляющего, двух заседателей и канцелярии, а в каждой губернии создавалась экспедиция о ссыльных. В обязанности приказа входили прием и распределение ссыльных «во всех местах находящихся» до их окончательного водворения. Таким образом, прием ссыльных начинался в Тобольском приказе, а заканчивался в Иркутской экспедиции³⁰.

Устав определил соотношение между каторгой и поселением, при этом на устройство поселенцев авторы Устава обратили особое внимание. Ссылаемые на поселение разделялись на шесть категорий³¹:

1) временные заводские рабочие, работавшие вместе с каторжными, но не более 1 года. По окончании этого срока, «ежели в бытность на заводе не были по суду наказаны за новые преступления», отсылались в экспедицию о ссыльных для распределения «в другие разряды», при этом год работы на заводе засчитывался за два³²;

2) дорожные рабочие, направляемые преимущественно на устройство путей сообщения. Традиционно в этот разряд отбирались молодые и здоровые люди. По истечении срока работ они переводились в казенные поселения, с правами переселенных государственных крестьян³³;

3) ремесленники – традиционно люди трудоспособного возраста, владевшие ремеслами. Они подразделялись на отделения (от 15 до 35 человек) плотников, столяров, кузнецов, слесарей, каменщиков, кожевников, маляров и чернорабочих. Из перечисленных отделений создавались ремесленные дома. В них ссыльным следовало пребывать в течение 6 лет, по истечении которых они получали право на водворение³⁴;

4) ссыльные с минимальными ремесленными навыками причислялись в разряд слуг. Они отдавались в услужение «желающим... с ведома экспедиции о ссыльных». По истечении 8 лет

ссылные этой категории могли вступать в разряды мещан и цеховых «на общих правилах»³⁵;

б) поселенцы – причисляемые к деревням старожилов или водворяемые в новых поселениях, традиционно осужденные, склонные к «сельским упражнениям». Создаваемые казенные поселения должны были полностью заселены в течение двух лет. После трех лет проживания в подобной деревне поселенцы должны были начать выплату ссуды – денег, затраченных казной на устройство этого селения. В части управления поселенцы находились в ведомстве земской полиции, и уравнивались в правах с государственными крестьянами. При этом ссыльные, причисленные к уже существующим деревням старожилов, сразу же подлежали обложению соответствующими податями (подушными и оброчными). В течение первых пяти лет проживания в деревне они оставались поднадзорны экспедиции о ссыльных. При этом, как только у них появлялись дома, они переходили под обычный земский надзор и записывались в крестьянское состояние. Следует отметить, что ссыльные этой категории при водворении пользовались трехлетней льготой от уплаты податей и двадцатилетней – от рекрутской повинности. По истечении десяти лет пребывания в Сибири, они причислялись к категории государственных крестьян³⁶;

б) неспособные. В это разряд зачисляли больных и неспособных людей. Их приписывали к волостям на вольное пропитание, под надзор местного начальства (экспедиции о ссыльных нужно было только знать местопребывание такого осужденного). Если кто-то из «неспособных» самостоятельно обзаводился хозяйством, или принимался в семью старожилов, он мог быть причислен к категории крестьян, соответственно пользовался льготами по выплате и выполнению податей, в том числе и рекрутской³⁷.

С особой тщательностью нормы Устава регламентировали деятельность губернской администрации по отправке, приему, распределению и содержанию ссыльных³⁸. По прибытии в губернию, ссыльные поступали в ведение местной экспедиции о ссыльных, которая распределяла их «по разным хозяйственным заведениям». Для осуществления над ними надзора, по усмотрению Главного управления (фактически, генерал-губернатора), «назначается потребное число городских казаков». При этом подчеркивалось, что надзор за ссыльными (в том числе ссыльно-

каторжными) «зависит от местного управления каждым заведением»³⁹. Впервые были введены нормы имущественного и семейного характера для ссыльных, оговаривалось снабжение ссыльных, как продовольствием, так и одеждой. В частности, Устав предполагал либо выдачу кормовых денег (из казначейства), либо продуктов – «по усмотрению генерал-губернатора»⁴⁰. Обеспечение одеждой проводилось по «прилагаемому положению». Летняя форма одежды состояла из двух рубах, двух портов, двух легких онучей и холстяного мешка (замена происходила через шесть месяцев), зипуна, армяка или другой длинной одежды и летней шапки (выдавались один раз в год). Каждые три месяца ссыльным выдавалась пара сапог или чирков. В период с сентября по март к этому добавлялись шаровары крестьянского сукна без подклада, шуба овчинная, пара теплых рукавиц и зимняя шапка (выдавалась раз в год)⁴¹.

Одновременно с Уставом о ссыльных Сперанским был введен еще один специальный закон о препровождении осужденных в Сибирь – Устав об этапах, коренным образом изменивший порядок отправления осужденных в Сибирь. Устав об этапах (13 глав, разбитых на 199 параграфов) определял состав и обязанности этапных команд, порядок движения партий, ряд положений документа касался содержания этапов и самих этапных команд⁴². Заметим, что реализация уставов о ссыльных и об этапах в части управления поселением была затруднена рядом объективных обстоятельств, которые не были учтены законодателем. Прежде всего, не выдержала проверку временем система деления ссыльных на разряды: вследствие недоброкачественности и непроизводительности подневольного труда, заводы постоянно уклонялись от приема ссыльных: к началу 30-х годов XIX в. пришлось упразднить разряд дорожных работников и закрыть ремесленные дома, исключая Иркутский. Свободное водворение ссыльных в деревнях старожилов своим прямым последствием имело усиление бродяжничества в Сибири. Правительство вынуждено было поэтому прибегнуть к устройству отдельных казенных поселений. Однако, несмотря на все старания правительства, которое, основав в 1829-м и последующие годы в Енисейской губернии 22 колонии для ссыльных, усиленно заботилось об их благосостоянии (водворение ссыльного обходилось от 100 до 150 руб.) и даже снабжало их женами и «женками» из числа женщин-пре-

ступниц, все эти колонии вскоре пришли в упадок и опустели: в 1842 г. в них почти не оказалось ссыльного населения и их пришлось причислить к обыкновенным крестьянским селам⁴³.

Фактически, проблема заключалась в том, что «установленная еще в XVII столетии ссылка преступников в Сибирь некогда содействовала заселению этого обширного и обильного естественными богатствами края, нуждающегося в рабочих силах... Но, по мере того как стали прибывать в Сибирь все в большем и большем числе свободные переселенцы., дальнейшее направление туда ссыльных оказывалось не только *бесполезным, но и вредным для края*»⁴⁴.

Начальник Иркутского губернского жандармского управления полковник Янковский весьма жестко отзывался в своем донесении по поводу сложившейся ситуации: часть сибирского населения, «которую правильнее называть *ржавчиной или паразитом общества* – это сосланные на поселение. Эти отверженные., представляя собой самое жалкое сословие, не приносящее себе никакой пользы и поставленное в исключительное положение – вредит вместе с тем и остальным, как бесполезное бремя общества и как главный источник всевозможных преступлений; сосланные в чуждый, неприветливый край, они мыкаются из угла в угол, не находя себе нигде радушия и пристанища...». Поэтому он предлагал «избрать единственным местом для каторжных и поселенцев Сахалин» – работать на угольных копях и заниматься огородничеством⁴⁵.

Первый же преемник М.М. Сперанского на посту генерал-губернатора Восточной Сибири, А.С. Лавинский, пытался обратить внимание имперских властей на эту проблему. Заводы и фабрики, на которые по Уставу 22 июля 1822 г. отсылались осужденные на каторжные работы, в связи с резким увеличением числа последних, вскоре исчерпали свою потребность в рабочей силе. Поэтому значительная часть заключенных (до 50 %) оставались по словам генерал-губернатора, «без дела на казенном содержании». У Лавинского вызывало беспокойство, что ссыльные оставались не только «без дела, но и, главным образом, без надзора», который воинская охрана при заводах, в силу своей малочисленности и обязанности охранять магазины, кладовые и пр., «не могла осуществлять должным образом»⁴⁶.

Рядом с праздностью каторжных нельзя было не отметить и отсутствия надзора за ними, выражавшегося невероятным количеством побегов. В Енисейской губернии, например, с 1828 по 1833 годы было в бегах: с Канского завода 259 человек из 285, а с Троицкого солеваренного – 290 из 680. Побеге стали настолько привычным явлением, что бывали случаи, когда сам начальник завода при приеме партии выкрикивал: «Кто хочет оставаться, получай одежду, а кто в бега, тому незачем!»⁴⁷.

Ссылаемые на поселение, будучи распределенными «по волостям для периселения к деревням старожиллов», подчинялись «наравне с оседлыми крестьянами» только земскому и сельскому начальствам. Поскольку местная администрация состояла из небольшого числа служащих, постольку было очевидно, «что три или четыре человека в целом округе за многими тысячами, равно как несколько человек в волости за сотнями ссыльных, иметь надзора вовсе не могут». Следствием отсутствия должного надзора были постоянные побегии ссыльных с заводов и поселений, и совершение ими различного рода преступлений (грабежи, воровство, убийства). Устойчиво высокий процент беглых был отличительной чертой сибирской ссылки.

Данные об общем количестве ссыльных в Сибири в XVII и XVIII столетиях неизвестны. Примерные цифры имеются только с 1807 г., а более точные – с 1882 г. Всего же было сослано с 1807 по 1823 г. 46 474, с 1824 по 1886 гг. – 67 2856, с 1887 по 1898 г. – 157 191, а всего – 876 521⁴⁸. При этом к 1 января 1898 г. в бегах («безвестной отлучке») числилось: в Енисейской губернии 22,65% ссыльных, в Иркутской – 40,95%, в Забайкальской области – 23,44%, в Якутской – 24,66%, Амурской – 71,27%, в Приморской области – 85,82%⁴⁹.

Массовые побегии заключенных вызывали серьезные опасения со стороны местных властей, и, прежде всего, генерал-губернаторов, в ведении которых находилось управление каторгой и ссылкой⁵⁰. В частности, А.С. Лавинский отмечал отсутствие у ссыльных страха перед наказанием, поскольку оно было «ограничено законом до известной степени» и не могло «служить верным средством к их обузданию», и предлагал наказывать по полемому уголовному уложению ссыльных, совершающих новые преступления, полагая это единственным способом к сокращению числа таковых⁵¹.

Вскоре имперское правительство решило предпринять ряд мер для предотвращения различного рода «тяжких преступлений и злодеяний», а также «сохранения спокойствия и безопасности в Сибири». Именным рескриптом Николая I генерал-губернатору В.Я. Руперту (а затем и Н.Н. Муравьеву, как его преемнику) было предоставлено право ссылных-рецидивистов «предавать военному суду». При этом прерогатива окончательного утверждения приговоров по подобному рода преступлениям принадлежала непосредственно генерал-губернатору⁵². Однако эта мера не внушала особого страха ссылным, которые, по словам генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова «проникают повсюду, наталкивая на порок и взрослых, и детей». Среди наиболее часто совершаемых ссылными преступлений были: кражи – 56%, бродяжничество – 14%, убийства – 8%, нанесение ран – 4%, грабежи – 3% и поджоги 2%⁵³. Тобольский губернатор В.А. Арцимович писал, что «местные власти, при настоящем положении полицейского управления, лишены возможности достигнуть...исправления ссылных и устройства их, а также не могут и оградить коренного населения от вредного влияния порочных пришельцев». Арцимович искренне сожалел, что «...нельзя еще ныне уничтожить...ссылку в Сибирь...»⁵⁴. Забегая вперед, заметим, что к вопросу ограничения ссылки имперское правительство обратилось только в конце 90-х гг. XIX столетия, когда пришло к пониманию, что сибирская ссылка есть ничто иное, как наследие средневекового прошлого, некогда эффективная, но уже отжившая форма карательной политики⁵⁵.

Дальнейшее конституирование системы наказаний произошло в 1845 г. – новым уголовным Уложением и дополнительными постановлениями от 15 августа 1845 г. о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы. В соответствии с этим законом вводилось два принципиально новых положения в существующую систему реализации каторги. Во-первых, каторжные работы объявлялись бессрочными (но не вечными). При этом законодатель отмечал, что продолжительность каторжных работ должна была зависеть отныне исключительно от «нравственного исправления преступников, засвидетельствованного их начальством». Во-вторых, законодатель подразделил каторжные работы на три степени (в зависимости от тяжести совершенного преступления): работы рудниковые, крепостные и заводские,

которые и назначались соответственно тяжести преступлений; каждый из этих видов в Уставе о ссыльных именовался разрядами: первый, второй и третий⁵⁶. Заметим, что в этом вопросе разработчики закона не учли одного важного момента: тяжесть каторжной (подневольной) работы определялась не только степенью физического напряжения при работе, но и всем порядком содержания заключенных. О единообразии в условиях содержания не могло быть и речи, поскольку каждый род каторжных работ находился в заведовании различных ведомств: рудники – горного, крепости – военного, заводы – казенных палат⁵⁷. Было очевидным, что спрос на рабочие руки по каждой категории каторжных работ не будет пропорционален числу лиц, приговариваемых к той или другой степени этого наказания, так что необходимо было допустить замену одного вида другим.

Реалии жизни подтвердили обоснованность этих опасений. Из работ в рудниках наиболее тяжелыми были ломка пород и добывание глыб. Тяжесть определялась прежде всего тем, что заключенные находились целый день в подземелье, получая травмы при быстром неожиданном взрыве боковой скважины или при неумелом отломе породы. При этом гораздо более легкой считалась работа по переносу отбитых и поднятых из шахт глыб в сортировочные склады и оттуда в «рудораздельное отделение»; несравненно физически легче были работы в золотопромывательных промыслах, так как даже самая тяжкая – унос промытого, ненужного песка («хвосты убирать») считалась тяжелой только благодаря продолжительности, однообразию и кажущейся бесполезности.

Наоборот, в работах заводских, считавшихся по Уложению самыми легкими, были такие, которые могли конкурировать с рудниковыми; в число последних входили работы на солеваренных заводах (Селенгинском, Троицком и Усть-Кутском), гонка рассола из источников по желобам, особенно зимою, или работа в варницах, где редкий рабочий выдерживал более двух месяцев.

Но особенно тяжело было в сибирских крепостных ротах, например в Омской крепости, описанной, в частности, и Ф.М. Достоевским в «Мертвом доме»; содержание в ней считалось тяжелее всякого рудника или промысла Нерчинского округа⁵⁸.

Уложение допускало замену видов (степеней) каторжных работ. В частности, работы в рудниках могли быть заменены крепостными (на те же сроки), а для женщин допускалась замена крепостных и рудниковых работ заводскими, с первоначальным увеличением срока в полтора раза (после закона от 17 апреля 1863 г. – без увеличения срока)⁵⁹. Затем законами 1859 и 1869 гг. позволялось каторжных, приговоренных к работам на заводы, переводить в рудники с зачетом полтора года за год работы рудниковой⁶⁰. Наконец, еще в 1845 г. Положением о местах заключения было «допущено временно», в случае сокращения работ в рудниках или по необходимости умножения рабочих на заводах, переводить туда и каторжных первого разряда без продления сроков.

Реалии жизни повлекли за собой и более разнообразные случаи замены, превратив, таким образом, высшее уголовное наказание в нечто мифическое, совершенно не соответственное закону. Суд по-прежнему приговаривал и в рудники, и в крепости, и т. п., зная, что его приговор в действительности мертвая буква и что каторжный или будет бродяжничать в Сибири, или просто будет сидеть в каком-нибудь остроге.

Причина этого заключалась в том, что карательная сторона каторжных работ стояла на втором плане. Государство собственно не наказывало, а снабжало только рабочими руками преступников разные ведомства. Каторжное хозяйство носило на себе как бы отпечаток того же крепостного хозяйства, по которому жила вся тогдашняя Россия. На первом плане стояли не интересы юстиции, а интересы ведомств. Именно по этой причине отмена крепостного права совпала с полным распадом каторжной работы⁶¹.

Прежде всего была отменена так называемая крепостная каторжная работа: число вновь строящихся крепостей уменьшилось, а для производящихся построек военное ведомство посчитало каторжный труд убыточным, само же помещение каторжных внутри крепостей – неудобным в военном отношении. Поэтому в 1864 г. прекратилась отсылка заключенных в крепости и приговоренных следовало направлять на заводы и фабрики, а с 1870 г. – в устроенное для них специально каторжное отделение в Тобольске, где до 1876 г. помещались и приговоренные к

каторге лица военного звания, переведенные затем в Усть-Каме-ногорск⁶².

Столь же недолговечным оказался и третий разряд. Фабрики и заводы, а особенно винокуренные, открывались без всякого плана, весьма часто в местностях, которые в них вовсе не нуждались, иногда только в интересах строителей и заведующих, а потому или оставались без дела, или работали в убыток. Поэтому Министерство финансов с начала царствования императора Александра II стало закрывать эти заводы и фабрики или передавать их в частные руки, вовсе не заботясь о том, что будет с находившимися там ссыльными.

Не лучше было и положение каторжных в рудниках, где также производились «различные опыты», не имеющие ничего общего с интересами юстиции. Так, в конце сороковых годов по предложению горного начальника Разгильдьева были почти прекращены работы в серебряных Нерчинских рудниках, а все ссыльнокаторжные направлены на золотоносные Карийские россыпи, на которые возлагались большие надежды. В 1850 г. от стечения на Каре огромного числа каторжных, которым приходилось жить в тесных, сырых, неподготовленных тюрьмах, работать нередко по колено в грязи, начались страшные повальные болезни. Кара стала принимать все меньшее количество осужденных, затем прекратился прием и на рудники, находившиеся в заведовании Кабинета, так как Кабинет находил более выгодным труд свободный.

Таким образом, к концу шестидесятих годов вся каторжная система была расшатана, что и вызвало известные Временные правила 18 апреля 1869 г, на основании которых в Сибирь на каторгу предписывалось ссылать только сибирских уроженцев и жителей зауральских частей Пермской и Оренбургской губерний, а из прочих местностей – женщин и мужчин, за которыми последуют их семейства⁶³.

Все прочие каторжники должны были размещаться в особо приспособленных для того тюрьмах: новоборисоглебской, новобелгородской, илецкой, виленской, пермской, симбирской и псковской (четыре последние тюрьмы в начале 80-х гг. обращены в исправительные тюрьмы), а равно и в сибирских тюрьмах – двух Тобольских и Александровской близ Иркутска. При этом закон не определял подробно ни устройства этих тюрем,

получивших в народе название «централок», ни порядка содержания в них арестантов. Только в 1875 г. законом 22 мая было разъяснено, что поскольку эти тюрьмы соответствуют каторге, то по отбыванию в них сроков, определенных для пребывания в разряде исправляющихся, преступники ссылаются в Сибирь на поселение. Этим же законом генерал-губернатору Восточной Сибири было предоставлено право высылать до 800 человек на остров Сахалин для отбывания каторги там, и таким образом положено начало сахалинской ссылки⁶⁴. Однако первый опыт отправки на Сахалин значительной партии ссыльных – до 600 человек, с поселением их навсегда на острове, был реализован только в 1879 г. С 1883 г., для обеспечения естественного прироста населения, туда стали посылать семейства и каторжных женщин, а циркуляром 1895 г. – всех ссыльных женщин не старше 40 лет. Таким образом, была начата колонизация русскими людьми острова Сахалин.

Российская каторга состояла из двух элементов: тяжелая работа, а затем поселение. Приговор к каторге всегда сопровождался лишением всех прав состояния, а до Закона 17 апреля 1863 г. назначалось еще наказание плетью и клеймение.⁶⁵ Каторга назначалась или бессрочная, или срочная от 4 до 15 лет, а в случаях рецидива – до 20 лет⁶⁶. По отбытии каторги преступники переводились на поселение в предназначенные для того местности.

Срок каторги изначально исчислялся со дня поступления на каторгу, а с 1876 г. – со дня вступления приговора в законную силу, с 1887 г. – со дня провозглашения приговора. Осужденные в каторжные работы направлялись на работы в Сибирь, или на остров Сахалин, или размещались в особо приспособленных для того тюрьмах. Помимо этого, часть «государственных преступников» приговоренных к каторге, содержались в шлиссельбургской тюрьме, управляемой по особо утвержденному Положению 19 июня 1884 г. и состоявшей в непосредственном заведовании командира отдельного корпуса жандармов; по отбытии же срока каторги преступники подлежали ссылке на поселение⁶⁷.

Другой вид каторги составляла каторга в районе реки Кары – на Карийских золотоносных промыслах. Она была существенно расширена в 1880 г. Туда направлялись каторжные разряда исправляющихся, которые по окончании срока каторги сели-

лись неподалеку от района промыслов; затем была возобновлена каторжная работа в серебро-свинцовых рудниках Нерчинского округа, причем, при многих рудниках были отстроены новые помещения. Центральным местом карийской каторги являлись Зерентуйская каторжная тюрьма; затем идут Алгачинская, Кодаинская, Мальцевская, Кутомарский сереброплавильный завод и Акагуевская тюрьма, где содержатся и политические преступники. В Нерчинской каторге к 1 января 1899 г. было 1562 человека⁶⁸.

Что касается заводов, то работы производились в Иркутской и Енисейской губерниях на казенных солеваренных – Иркутском, Усть-Кутском, Петровском и др., и на частных – Николаевском железодельном и др.; но, как указывает отчет, ближайшее ознакомление с помещением каторжных на частных заводах обнаружило нежелательность такового, так как условия их жизни там оказались совершенно одинаковыми с вольными рабочими.

Из оставшихся каторжных центральных тюрем Новобелгородская и Новоборисоглебская в Харьковской губернии (переименованные в 1892 г. в Андреевскую и Печенежскую), Илецкая в Оренбургской губернии и Усть-Каменогорская в Семипалатинской области закрыты в 1893 г. и в зданиях первых трех учреждены арестантские отделения, а затем в Харькове учреждена особая пересыльная тюрьма для преступников, направляемых на Сахалин. Таким образом, из каторжных тюрем остались Тобольская 1-я и 2-я и центральная Александровская в Иркутске.

Имперские законы четко регламентировали распределение каторжных по отдельным местам отбытия наказания. В частности, указывалось, что женщины не определялись в работы, производимые под землей (добыча руд и каменного угля), также на иные работы, указанные в «особом расписании», остальные же каторжные определялись в подземные или другие, наиболее тяжелые из существовавших работ. Каторжные мужчины направлялись в ведомство Нерчинской каторги, в тобольские тюрьмы или в распоряжение иркутского и приамурского генерал-губернаторов, а женщины – в распоряжение иркутского или приамурского генерал-губернаторов для размещения по фабрикам и заводам. В Сибири каторжные, как и поселенцы, поступали в ведение Тобольского приказа, который делает их распределение, ведет им счет и алфавитные списки⁶⁹.

Каторжные всех отделений, приступая к работам, зачислялись в отряд испытуемых и содержались в общем заключении. При этом их «разобщали» на ночь там, где для этого были возможности – бессрочных в ножных и ручных оковах, а остальных только в ножных; из женщин содержались в оковах (менее тяжелых) только бессрочные; больные обеих полов от оков освобождались.

При размещении каторжных и при определении их в работы местному начальству надлежало наблюдать, чтобы каторжные разделялись на отделения, по возможности, в соответствии с совершенными ими преступлениями и срокам наказания: было необходимо не допустить какого-либо общения бессрочных каторжных с другими осужденными. При этом женщины и несовершеннолетние всегда содержались в особых помещениях⁷⁰.

Время пребывания в отряде испытуемых зависит от срока наказания: для бессрочных – восемь лет, для срочных – четверть присужденного срока⁷¹.

Заклученные, подававшие надежду на исправление «доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбия» зачислялись в отряд исправляющихся⁷². Исправляющиеся содержались отдельно от испытуемых, без оков, направлялись на более легкие работы; им предоставлялось большее количество выходных дней: для испытуемых – 15, а для исправляющихся – 23. Более того, для каторжных из отряда исправляющихся, которые со дня поступления ни разу не подвергались наказаниям, 10 месяцев работ засчитывались за год, с соответствующим сокращением срока каторги. Труд каторжных подлежал оплате: в их пользу отчислялась 1/10 стоимости работ⁷³.

Приговоренные к каторге, которые вследствие болезни не могли проследовать к месту ссылки, (в том числе заключенные старше 70 лет, а также лица, которые вследствие дряхлости или увечьям оказывались неспособными ни к какой работе), подлежали заключению в тюрьмах: бессрочные – в течение 25 лет, а срочные – в течение определенных им сроков. Сроки эти за хорошее поведение могут быть сокращаемы на 1/3. Освобождаемые из тюрем помещаются в заведения Приказа общественного призрения, а по истечении 10 лет за хорошее поведение могут быть освобождаемы и из сих заведений.

По окончании срока работ каторжные переводятся на поселение. Бессрочные, по удостоверении в нравственном их исправлении, могут быть освобождаемы от работ не иначе как с утверждения высшего начальства и не прежде истечения 20 лет со дня поступления на каторгу.

Все время, свободное от работ и праздничные дни, каторжные проводили в остроге. О каких-либо мерах нравственного воздействия на каторжников во всем обширном Уставе о ссыльных не было ни слова. Они рассматривались как «конченные люди», не подверженные никакому нравственному влиянию. В частности, в уставе о ссыльных, изд. 1857 г., было только одно указание, что в праздничные дни, непосредственно после молитвы, назначается час или более на чтение особого поучения или назидательной по указанию духовного начальства книги, но и это правило впоследствии было упущено⁷⁴.

Но если Устав мало говорил о нравственном и религиозном воздействии на каторжных, зато он подробно останавливался на ответственности их за проступки, создавая как бы отдельное Уголовное уложение для ссыльных, отличающееся особой суровостью, при этом следует подчеркнуть, что эта суровость была создана отнюдь не Уставом 1822 г., а возрастала постепенно, в результате чего эта мера наказания была существенно усилена, и стала для простолюдинов предметом страха и опасения. Некоторое смягчение наказуемости ссыльных сделано было только в 1871 г. с отменой шпицрутен⁷⁵. Отбывая каторгу, заключенные также подвергались физическим наказаниям.

На рубеже XIX–XX вв. в соответствии с Уставом о ссыльных по продолжению 1886 г., преступления, совершаемые каторжными, подразделялись на две категории – маловажные и важные. К первой группе преступлений относились кратковременные отлучки из места работ и обмен имен с другими преступниками, употребление алкоголя, буйное поведение, попытка уклониться от работ, непослушание и пр. В качестве наказания совершившие подобные преступления подвергались: 1) наказанию розгами до 50 ударов; 2) содержанию в оковах, если они были сняты, на срок до 1 года; 3) продолжению пребывания в отряде испытуемых на срок до 1 года; 4) смещению из разряда исправляющихся на время до 1 года, причем меры, в пп. 2-4 указанные, могут быть соединяемы с телесным наказанием. Наказания эти

налагаются по непосредственному усмотрению и распоряжению начальства по правилам, в Уставе о ссыльных изложенным⁷⁶.

За тяжкие преступные деяния каторжные наказываются по суду. При этом, по усмотрению суда к наказанию может быть добавлено: 1) телесное наказание розгами от 10 до 100 ударов в случае назначения за новое деяние каторги и от 10 до 50 ударов при назначении исправительного дома; 2) наложение оков на время свыше одного года; 3) содержание на хлебе и воде в карцере с прекращением всякого сообщения с другими содержащимися и с отпуском горячей пищи через 3 дня в 4-й, на срок до 40–50 дней⁷⁷.

Таким образом, отличительной чертой прежней системы наказания для ссыльных являлась страшная ее суровость и господство в ней телесных наказаний, в частности плетей, а для бессрочных каторжных – своеобразное наказание в виде приковывания к тележке, причем, по уставу о ссыльных издания 1890 г., от телесных наказаний не освобождались ни женщины, ни престарелые, ни увечные, но мера наказания их назначалась по соразмерности их сил, по предварительному медицинскому освидетельствованию⁷⁸.

Дальнейшая история каторги и поселения представлялась, по словам профессора Таганцева, «продолжением их фактического разложения, а в соотношении с этим и постоянных видоизменений законодательных определений». Вследствие множества «неустройств» ссылки, не единожды поднимался вопрос об ее полном упразднении. Во второй половине 90-х годов очевидная пагубность переполнения Сибири уголовниками вновь вынудила власти продолжить обсуждение проблемы реформирования сибирской ссылки. В 1894–1899 гг. Сибирь для обследования состояния каторги и ссылки регулярно посещали правительственные чиновники: начальники Главного тюремного управления М.М. Галкин-Врасский и А.П. Соломон, а также министр юстиции Н.В. Муравьев. В результате, правительство пришло к осознанию необходимости разработки мероприятий по отмене ссылки. Высочайшим повелением от 16 мая 1899 г. о создании соответствующей Комиссии было признано, что дальнейшее направление ссыльных в Сибирь для ее заселения не имеет смысла и вредит краю. Общеуголовная ссылка в Сибирь с целью её заселения объявлялась нецелесообразной. Гораздо важнее для го-

сударства становится поддержка массового движения в Сибирь свободных людей⁷⁹. Результатом работы Комиссии стал законопроект коренного реформирования ссылочной системы, который 25 марта 1900 г. был представлен на рассмотрение Государственного Совета. После одобрения законопроекта Соединенными департаментами и Государственным советом, он был утвержден Николаем II⁸⁰.

В итоге, закон отменял общеуголовную ссылку и ссылку в Сибирь на водворение за бродяжничество, а также существенно ограничивал ссылки по приговорам обществ.

Если до принятия закона доля политических ссыльных в общем числе была весьма незначительной, то, начиная с 1900 г. сибирская ссылка превращается, прежде всего, в ссылку политическую.

Позднее, в 1905–1907 гг. предпринимались дальнейшие попытки ограничения ссылки в Сибирь. В частности, под влиянием революции 1905 г. были разработаны несколько законопроектов (о неприкосновении личности, об исключительном положении и другие), по которым предусматривалась полная отмена административной ссылки, а в 1913 г. предлагалось преобразовать каторгу и отменить ссылку на поселение как ее последствие. Однако, вплоть до амнистии 1917 г., сибирская политическая ссылка жила главным образом по правовым нормам, принятым в конце XIX в. и Закону от 12 июня 1900 г.⁸¹.

Долгожданная отмена ссылки в Сибирь вызвала неоднозначную реакцию прессы – ранее сибирские издания почти единодушно требовали отмены ссылки как наказания за преступления, связанные с лишением прав состояния, называя ее анахронизмом. Старейшая газета «Московские ведомости» отмечала, что «вся сибирская печать с редким единодушием высказывалась против ссылки, об отмене ее просили думы чуть ли не всех сибирских городов, на вред ее указывали губернаторы и генерал-губернаторы»⁸².

Однако, как это кажется не парадоксальным, уже вскоре после отмены общеуголовной ссылки тон комментариев изменился. В частности, столичная «Биржевая газета» на первой полосе отмечала, что эта мера стала шагом назад в культурном и экономическом развитии Сибири. В одной из своих публикаций из Иркутска под названием «Оборотная сторона медали» газета пи-

сала: «Известно, с каким восторгом приветствовала вся русская печать отмену ссылки в Сибирь, как наказания за преступления, связанные с лишением прав состояния. Ссылка на поселение <...> сделалась анахронизмом с проведением великого сибирского железнодорожного пути, соединившего далекую восточную окраину с Европейской Россией... Многих удивит поэту, что сами сибиряки отнеслись к этой реформе не столь сочувственно, как она этого заслуживала с точки зрения людей незнакомых со своеобразными условиями сибирской жизни». В публикации подчеркивалось, что эта мера будет шагом назад в культурном развитии и освоении Сибири. «Сибирь не только не вздохнет свободно с упразднением ссылки, но закон этот оставит заметный и некоторое время ничем не заполняемый пробел во всех отраслях ее умственной и экономической жизни и даже крестьянского быта»⁸³.

Примечания

- 1 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // <http://www.brocgaus.ru/text/094/506.htm>
- 2 Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 1.
- 3 ПСЗ-1. Т. 1. Соборное Уложение. Гл. XXI, ст. 9-11, 16.
- 4 Там же. Гл. XXV, ст. 3, 16, гл. X, 127, 198.
- 5 ПСЗ-1. Т. 1. Соборное Уложение. Гл. XIX. ст. 13.
- 6 Высочайшее повеление о создании Комиссии для разработки мероприятий по отмене ссылки // Тюремный вестник. 1899. № 5. С. 188.
- 7 Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 243; Подосенов О.П. Законодательство о каторге и ссылке в России в XVIII веке // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 10.
- 8 ПСЗ-1. Т. 1. № 105, № 343. № 441, пп. 8, 24, 47, 84, 104; Анучин А.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. СПб., 1873. С. 5.
- 9 ПСЗ-1. Т. 1. № 343.
- 10 ПСЗ-1. Т. 2. № 772, 970.
- 11 Житие протопопа Аввакума.
- 12 ПСЗ-1. Т. 3. № 1404.
- 13 Таганцев Н.С. Уголовное право. // www.allpravo.ru 18 февраля 2007 г.
- 14 ПСЗ-1. Т. 2. № 1002, 1004.

- 15 ПСЗ-1. Т. 6. № 3955. О ссылке преступников на даурские серебряные заводы. № 4111; Правила об употреблении преступников на казенных заводах. Т. 7. № 5383; Об отсылке на сибирские казенные заводы каторжных, находящихся в Москве. Т. 8. № 6205; Распределение преступников на работы в разных казенных заводах. Т. 9. № 6830, 6867; Об отправке в Сибирь всех преступников, подлежащих вечной ссылке и о распределении их на казенных заводах. Т.9. № 6835; О распределении на заводские работы раскольников.
- 16 ПСЗ-1. Т. 8. № 5441, 5611, 5632. Т. 9. № 6406.
- 17 ПСЗ-1. Т. 8. № 10086.
- 18 ПСЗ-1. Т. 8. № 9643: О ссылке в Камчатку фабричных по просьбе господ; Т. 15. № 11116: О приеме в Сибирь на поселение людей от помещиков, а также дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян.
- 19 ПСЗ-1. Т. 20. № 14286: Об отсылке преступников по-прежнему в Сибирь и Оренбург; Т. 25. № 18437: Об отправлении преступников в Екатеринбург; Т. 26. № 19409, 19529, 19564, 19593, 19641., Т. 24. № 17844: О ссылке на Иркутскую суконную фабрику.
- 20 ПСЗ-1. Т. 26. № 19409: О ссылке в Сибирь евреев, не платящих подати по три года и бродяг из иностранцев; № 19593: О ссылке нижних воинских чинов за неоднократные временные преступления; Т. 32. № 25170: О ссылке в Сибирь за дурное поведение мещан и государственных крестьян, в случае негодности их в военную службу; № 25581: О ссылке помещичьих крестьян за порубку лесов, в случае негодности в военную службу.
- 21 ПСЗ-1. Т. 4. № 1732.
- 22 ПСЗ-1. № 2179.
- 23 В качестве примера можно привести указ 1788 г. (ПСЗ-1. № 16621), в соответствии с которым для обработки казенных пашен при Нерчинских заводах следовало селить при самих заводах и таких преступников, которые еще способны к каторжным работам, если они пробывали в работе не менее 5 лет и «пришли в раскаяние о своем преступлении и подали явные тому опыты добропорядочной жизнью и устройством своего хозяйства».
- 24 ПСЗ-1. Т. 5. № 18140; Таганцев Н.С. Уголовное право. //www.allpravo.ru 18 февраля 2007 г.
- 25 ПСЗ-1. Т. 6. № 1957.
- 26 ПСЗ-1. Т. 6. № 4645.
- 27 См.: Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма.... С. 88-101.
- 28 ПСЗ-1. Т. 38. № 29125, 29128, 29129.

- 29 Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 159.
- 30 ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. Пар 1, 2, 33, 156-158, 219.
- 31 Там же. Пар. 193.
- 32 Там же. Пар. 267-273.
- 33 ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. Пар. 274-277.
- 34 ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. пар 281-299.
- 35 Там же. Пар.322-340.
- 36 Там же. Пар. 350-390, 401-403.
- 37 ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. пар. 341-346.
- 38 ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. пар.21, 233-237.
- 39 ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. пар.21, 233-237.
- 40 Там же. Пар. 201, 214, 416.
- 41 Там же. Пар.144-147. Положение о снабжении ссыльных одеждой. См.: Штаты к уставу о ссыльных..
- 42 ПСЗ-1. Т. 38. № 29129.
- 43 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. <http://www.brockhaus.ru/text/094/506.htm>.
- 44 Высочайшее повеление о создании комиссии для разработки мероприятия по отмене ссылки //Тюремный вестник. 1899. № 5. С. 188.
- 45 ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп.50. Д. 80. Л. 13 об.-15.
- 46 ГАРФ. Ф. 109 (III Отделение). 1 эксп. Оп. 8. Д. 253. Л. 8-8 об.
- 47 Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.? 1892. С. 270.
- 48 ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 525. Л. 1 об.-2, 13-18; Анучин А.Н. Исследования о проценте...С. 17-23.
- 49 Марголис А.Д. Тюрьма в императорской России. Исследования и архивные находки. М., 1995. С. 37.
- 50 Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма. С. 118-120.
- 51 ГАРФ. Ф. 722; Там же. Л. 9-9 об.
- 52 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 1723. Л. 1-4 об.
- 53 ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 525. Л. 7, 10-12.
- 54 ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 50. Л. 13-14.
- 55 Марголис А.Д. Тюрьма в императорской России... С. 14.
- 56 СЗРИ. Т. 15, кн. 1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845; ПСЗ-П. Т. 8. № 19284.
- 57 Таганцев Н.С. Уголовное право // www.allpravo.ru 18 февраля 2007 г.
- 58 Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого Дома. -Л., 1972.
- 59 СЗРИ. Т. 15, кн.1. Уложение о наказаниях 1845 г. ст. 74, 75; Уложение о наказаниях 1866 г. ст. 72, 73.

- 60 Устав о ссыльных по прод. 1886 г. ст. 560, прим. 1.
- 61 Таганцев Н.С. Уголовное право // www.allpravo.ru 18 февраля 2007 г.
- 62 ПСЗ-2.Т.16. № 40832., СЗРИ. Устав о ссыльных по прод. 1886 г. ст. 583, прим. 5.
- 63 ПСЗ-2. Т. 18. № 46984; СЗРИ. Устав о ссыльных (по прод. 1886 г.), ст. 4. прим. 1.
- 64 Таганцев Н.С. Уголовное право // www.allpravo.ru 18 февраля 2007 г.
- 65 Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897. С. 45.
- 66 СЗРИ. Т. 15, кн. 1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 64-67.
- 67 СЗРИ. Устав о ссыльных по прод. 1886 г. Ст.3, 12.
- 68 ПСЗ-2. Т. 18. № 46984; СЗРИ. Устав о ссыльных (по прод. 1886 г.), ст. 4. прим.1.
- Таганцев Н.С. Уголовное право // www.allpravo.ru 18 февр. 2007 г.
- 69 СЗРИ. Устав о ссыльных по прод. 1886 г. Ст. 4, 5, 122.
- 70 СЗРИ. Устав о ссыльных по прод. 1886 г. Ст. 285-293.
- 71 Там же. Ст. 299.
- 72 СЗРИ. Устав о ссыльных по прод. 1886 г. Ст. 300.
- 73 Там же. Ст. 292-295, 300, 359.
- 74 СЗРИ. Т. 15, кн.1. Устав о ссыльных 1857 г. ст. 566.
- 75 Закон 28 октября 1871 г. см.: Евреинов Н. История телесных наказаний в России. ПГ., 1917. С. 76.
- 76 Устав о ссыльных по прод. 1886 г. Ст. 440, 443, 472 и др.
- 77 Там же. Ст. 473-476 и др.
- 78 СЗРИ. Устав о ссыльных по прод. 1890 г. ст.464.
- 79 Марголис А.Д. Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 г. //Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 140.
- 80 Марголис А.Д. Указ. соч. С. 143.
- 81 Хазиахметов Э.Ш. Положение политических ссыльных между революциями 1905 и февраля 1917 гг. // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 177-178.
- 82 Московские ведомости. 1901. 2 дек. С. 4.
- 83 Биржевая газета. 1901. 24 дек. С. 1.

УДК 343.8(571.1/5)(091)(094)

Н.Г. Степанова (Шенмайер)

Управления каторгой в Сибири в начале XIX века (правовой аспект)

Рассматриваются сборники законов – «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах в сибирских губерниях» 1822 г., на основе которых осуществлялось формирование централизованного управления сибирской каторгой в начале XIX века.

Ключевые слова: Сибирь, каторга, сборники законов, централизованное управление, правовое регулирование.

N.G. Stepanova (Shenmaier)

Managements of penal servitude in Siberia in the XIX-th century beginning (legal aspect) Collections of laws – «the Charter about exiled» and «the Charter about stages in the Siberian provinces» are considered 1822 on which basis formation of the centralized management by the Siberian penal servitude in the XIX-th century beginning was carried out.

Keywords: Siberia, penal servitude, collections of the laws, the centralized management, legal regulation.

В предлагаемой статье продолжено исследование проблемы правового регулирования каторги в Сибири¹. Автором поставлена задача выявить особенности правового регулирования управления сибирской каторгой в начале XIX в. Для этого проведен анализ «Устава о ссыльных» и «Устава об этапах в сибирских губерниях» 1822 г.² – первых сборников законов, на основе которых в начале XIX века проходила реорганизация сибирской каторги, и формировалось централизованное управление. Вопрос управления сибирской каторгой и ссылкой рассматривается в контексте общей темы имперского управления регионами. «Центром» управления Сибирью являлись император, утверждавший законы и высшие государственные учреждения столицы, где принимались стратегические решения. В Сибири, по причине удаленности региона от Санкт-Петербурга, и, как следствие этого, сложности его контролирования «центром», непосредственное управление территориями осуществлялось через генерал-губернаторов и губернаторов. Губернаторы (в пограничных облас-

тях – военные губернаторы) являлись первыми блюстителями в губерниях «неприкосновенности прав верховной власти, пользы государства и повсеместного, точного исполнения законов, уставов, высочайших повелений, указов правительствующего Сената». Военные губернаторы были наделены не только гражданскими полномочиями, но и военными. Похожие функции, но на уровне нескольких губерний (областей) – генерал-губернаторств выполняли генерал-губернаторы. Кроме перечисленных обязанностей, они контролировали работу губернаторов и следили за политическим настроением населения. Пользуясь доверием императора, были наделены полномочиями военных диктаторов и могли в случае необходимости предпринимать меры быстрого реагирования³.

В начале XIX в. реформирование управления каторгой в Сибири проходило на фоне общего реформирования управления сибирским регионом. С 1822 г. «Учреждением для управления сибирских губерний» Сибирь была разделена на западную Сибирь и восточную. В состав Западной Сибири входили Омская область, Тобольская и Томская губернии, в Восточную Сибирь – Иркутская и Енисейская губернии, а также Якутская область. Территории, входившие в состав Западной и Восточной Сибири, соответственно разделились на Западносибирское и Восточносибирское генерал-губернаторства. Губернии и области делились на округа, волости и инородческие управы. На уровне генерал-губернаторств управление осуществлялось Главным управлением, губернии – Губернским управлением, округа – окружным управлением, волости – волостным и инородческим. В состав Главного управления входили генерал-губернатор и Совет; Губернского управления – председатель губернских мест, прокурор и начальники отдельных частей управления; окружного управления – председатели городских и окружных управлений и стряпчий. Советы являлись совещательным органом при председателе, который принимал и утверждал решения. Все управления были подчинены Главному, а Главное управление – Сенату⁴.

Генерал-губернаторы и губернаторы Сибири в отношении сибирской каторги и ссылки осуществляли функции главного контроля. В Тобольское главное управление, возглавляемое тобольским генерал-губернатором, регулярно должен был подаваться общий годовой отчет о ссыльных Сибири. Губернаторы несли

ответственность за работу местных губернских правлений, которые они возглавляли. Уставы подробно рассмотрели полномочия и обязанности губернских правлений и других органов местной власти, причастных к делам ссылки и каторги [Гл. IV, §§ 54, 56; Гл. XIII, §§ 151–155 Устава о ссыльных; Гл. III, §§ 21–25 Устава об этапах].

В начале XIX в. в управлении сибирской каторгой и ссылкой шел процесс усиления централизации и бюрократизации государственного аппарата, что соответствовало внутренней политике Российского государства этого периода. На повестке стоял вопрос об учреждении такой специализированной структуры, которая бы непосредственно занималась вопросами сибирской каторги и ссылки. В результате «Уставом о ссыльных» 1822 г. центральным государственным административным органом сибирской ссылки был определен в городе Тобольске Тобольский приказ о ссыльных (далее по тексту – Тобольский приказ)⁵, который должен был обеспечивать главное руководство приемом, распределением и общим учетом ссыльных на территории Сибири. В Тобольский приказ должна была поступать (и архивироваться) вся информация о каждом ссыльном: его продвижении до Тобольска, всех передвижениях на территории Сибири, поступлении и выбытии из ведомств, изменениях при использовании на работах. Необходимо подчеркнуть, что Тобольский приказ создавался в качестве центрального государственного органа управления ссылкой только на территории Сибири. И хотя в ряде случаев Тобольский приказ получил право напрямую обращаться в Правительствующий Сенат⁶, его связь со столицей была опосредованной. Тобольский приказ находился в прямом подчинении тобольского губернатора, который осуществлял функции контроля над его деятельностью. В штат Тобольского приказа о ссыльных входили: управляющий (председатель) и канцелярия, состоявшая из двух отделений, возглавляемых заседателями.

Устав подробно рассматривал порядок доставки ссыльных в Сибирь, их распределение в регионе и компетенции всех служб (ведомств) в этом деле. Вводилась следующая система учета и контроля исполнения наказания. Все суды Российской империи обязаны были отправлять в Тобольский приказ предварительные уведомления о приговорах с уточнением вида наказания (сибирской ссылки в каторжные работы или на поселение) и места,

куда после окончания срока осужденный должен быть возвращен. К этим документам требовалось приложение прежних «послужилых списков» ссыльного: информации о чине, сроках и месте службы, до момента лишения его политических прав. Получив такое уведомление, Тобольский приказ ставил осужденного на учет и определял в Сибири место отбывания им наказания. Устав предусматривал наказание за несвоевременную подачу предварительных уведомлений о приговорах – взыскание с виновных лиц денег, использованных на содержание ссыльного [Предварительные положения, §§ 2–7; 15 Устава о ссыльных].

На первом этапе отправления ссыльных в Сибирь, приговоренные должны были пройти регистрацию и по возможности освидетельствование в местном губернском правлении (губернского города). Поэтому, параллельно с регистрацией в Тобольском приказе всех предварительных уведомлений о приговорах, была введена в губернском правлении регистрация номеров этих предварительных уведомлений [Предварительные положения, § 13; Гл. I, § 27 Устава о ссыльных].

Предполагалось собирать ссыльных и распределять в партии только в губернских городах. После вынесения приговора осужденного подвергали экзекуции и отправляли в сибирскую ссылку. Экзекуцией назывались телесные наказания шпицрутенами или плетьюми – осужденного проводили сквозь строй солдат, которые били по его обнаженной спине⁷. В Уставах 1822 г. мы не найдем описания экзекуции. Иллюстрация этого наказания взята из исторического романа Ю.Н. Тынянова «Кюхля»: «Раз Вильгельм, проходя мимо плаца, утром видел экзекуцию. Наказывали за какой-то проступок человек двадцать солдат. Главное в этой экзекуции был порядок. Два полубатальона солдат... были построены параллельно, шеренгами, лицом к лицу. Каждый солдат держал в левой руке ружье у ноги, а в правой шпицрутен; шпицрутен был гладкий и гибкий лозовый прут, длиною в сажень. ... В середине стоял офицер, держал в руках бумагу и выкликал имена – он говорил, сколько кому пройти кругов. ... Первым пяти осужденным скинули рубашки до пояса, головы их были открыты. Их поставили гуськом одного за другим; руки каждого из осужденных были привязаны к примкнутому штыку; штык проходил против живота, и вперед осужденный бежать не мог; за приклад спереди тащили его два унтер – офицера, и

он не мог податься назад. Раздался резкий стук барабана...Они продвигались по кругу, один за другим ... Каждый солдат из шеренги делал правой ногой шаг вперед – шпирцутен взлетал и ложился на спину – солдат делал шаг назад. Все движения были точны и размерены, как будто из машины выделялся какой-то рычаг и снова в нее уходил. С обеих сторон в такт музыке свистели мелодически шпирцутены и одновременно ложились на спины»⁸.

Исполнение экзекуции входило в обязанности городской (земской) полиции, а контроль над исполнением – губернского правления. Оно же занималось подготовкой партии ссыльных к отправке: оформлением соответствующих документов, переводом уведомлений в Сибирь, снабжением ссыльных одеждой, продовольствием и кормовыми деньгами, отсылкой осужденных до ближайшей на этапном пути губернии. Губернское правление определяло день отправки партии, составляло маршрут до ближайшего губернского города с указанием ночлегов и остановок в пути и вообще отвечало за своевременность отправления партии [Гл. I, §§ 17–21, Гл. III, 48 Устава о ссыльных; Гл. VI, § 109 Устава об этапах].

Для организации централизованного управления ссылкой и каторгой, в целях организации учета и контроля над ссыльными, а также для профилактики побегов требовалось реорганизовать систему делопроизводства. Этот аспект подробно рассмотрен в исследуемых сборниках. «Устав о ссыльных» устанавливал единую систему делопроизводства: единые требования оформления документов, их классификацию по номерам и буквам. Основным документом, подтверждающим личность ссыльного, объявлялся статейный список, который составлялся в двух экземплярах и содержал всю важнейшую информацию о ссыльном: характеристику внешних данных, биографию, информацию о наказании. Один экземпляр статейного списка отправлялся в Тобольский приказ, второй передавался препровождающей страже, ответственной за сохранность документации, и этот экземпляр вместе с ссыльным «шел по этапу». Кроме индивидуального статейного списка составлялся список всей партии ссыльных (так называемый, партионный список). Партионный список, как и статейный, следовал вместе с партией ссыльных и передавался от одно-

го офицера другому при сдаче партии на этапах. [Гл. I, §§ 22–30; 32 Устава о ссыльных; Гл. II, § 26 Устава об этапах].

Во избежание беспорядков при конвоировании партий ссыльных до Сибири, их задержки в губернских городах или других местах остановок устанавливались единые правила отправления ссыльных. Отправление партии из губернского города осуществлялось один раз в неделю и строго по расписанию – в день, определенный для данного губернского города. При формировании партий требовалось каторжан отделять от остальных ссыльных в группы по десять человек, летом общее количество ссыльных в партии не должно было превышать шестидесяти человек, зимой допускалось сто и более.

В начале XIX в. Россия делилась на губернии (во главе с губернатором), губернии – на уезды (с Нижним земским судом – главным органом власти, возглавляемым капитаном-исправником), а город, управляемый городничим, признавался отдельной административной единицей. По «Уставу о ссыльных» городская и земская полиция, городничие были обязаны четко исполнить предписания губернского правления, а также способствовать быстрому отправлению партии ссыльных по заданному маршруту. Городничих обязывали проводить сверку поступивших лиц с партионными и статейными списками, определять состояние одежды ссыльных и о нарушениях доносить губернскому правлению для соответствующего взыскания с виновного лица. В случае болезни ссыльных, они контролировали их нахождение в больнице и отравление в ссылку после выздоровления (обо всех этих моментах своевременно извещая губернское правление). Партионный список поступившей партии требовалось передать в губернское правление, где бы он хранился. Для дальнейшего движения ссыльных составлялся новый партионный список, дополненный списком приговоренных этого губернского города. Перед отправкой партии из губернского города по заданному маршруту, губернское правление должно было передать партионный список с указанием дня отправки, прилагаемым маршрутом и статейными списками в полицию данного города (поскольку непосредственно отправление ссыльных производила местная полиция, а губернское правление контролировало эту отправку, информировало Тобольский приказ о ее дате, прилагая при этом извещении статейные списки). В конце

года губернское правление составляло отчет, где обозначалось общее количество лиц, ссылаемых за год, составляло ведомости о неоконченных делах, и передавало в архив дела завершённые. Общий годовой отчет отправлялся в Тобольский приказ, документы об израсходованных денежных суммах – в казенные палаты («для обревизования»). В свою очередь Тобольский приказ составлял общий годовой отчет (с приложением таблиц), который передавался местному Главному управлению [Гл. III, § 49; Гл. IV, §§ 54, 56; Гл. VII, §§ 76–81; Гл. XIII, §§ 151–155 Устава о ссыльных; Гл. II, §§ 29, 31; Гл. III, §§ 21–25; Гл. VI, § 110 Устава об этапах].

В случаях, когда судебные приговоры выносились в местах, независящих от губернского правления, предписывалась следующая схема действий:

«§ 42. Все места и лица, от губернского правления независящие, к которым поступят для исполнения судебные приговоры, отделяют экзекуцию от ссылки.

§ 43. Экзекуцию производят по принятому и узаконенному порядку.

§ 44. Отправляя в ссылку, составляют статейные списки.

§ 45. Вообще отправление делают до ближайшего города.

§ 46. Статьиные списки заготавливают двойные: один следует с ссыльным, другой отправляется прямо в губернское правление, в ведении коего состоит тот город, куда ссылаемые препровождены будут.

§ 47. Губернское правление, получив уведомление о присылке людей из стороннего ведомства, в свидетельстве их и снабжении поступает точно так же, как бы люди сии непосредственно из его ведомства посылаемы были. Составляет о сих людях статейный список; а присланный из стороннего ведомства удерживает у себя. Собственные деньги отбирает и отправляет в Тобольск, как выше означено» [Гл. II, Устава о ссыльных]. Уставом были продуманы и определены действия органов управления ссыльными при потере документов, болезни или смерти ссыльных, их побегах, утрате казенной одежды, а также привлечение к ответственности должностных лиц, допустивших нарушения.

Всех сосланных в Сибирь предписывалось этапировать только через г. Тобольск и проходить регистрацию в Тобольском приказе. Здесь же определялось окончательное место их ссылки на

территории Сибири. После распределения ссыльных Тобольским приказом, ссыльные, определенные для прохождения наказания в Тобольской губернии, поступали в ведение Тобольской экспедиции о ссыльных. Ссыльных, которые после Тобольска продолжали свой этапный путь в другие сибирские губернии, Тобольский приказ, по установленному порядку, передавал военной страже. В следующей сибирской губернии они поступали в ведение Томской экспедиции о ссыльных, те ссыльные, что направлялись дальше, по прибытии в Красноярск – в ведомство Енисейской экспедиции о ссыльных, а в Иркутской губернии – Иркутской экспедиции о ссыльных. Таким образом, на территории Сибири создавалось четыре экспедиции о ссыльных: тобольская, томская, енисейская и иркутская. За ссыльных Омской области отвечала «Исполнительная экспедиция областного правления» [Гл. V, § 70; Гл. XIV, § 162, 168 Устава о ссыльных].

Экспедиции о ссыльных отдельным присутственным местом не являлись, состояли из канцелярских чинов, возглавляемых советником, и находились в двойном подчинении: управляющего Тобольского приказа и местных губернаторов. Конкретное количество канцелярских чинов этого учреждения определялось в соответствии с книгой штатов, прилагаемой к «Уставу о ссыльных». Советник экспедиции о ссыльных входил в состав общего собрания губернского правления, где занимался только вопросами ссылки. В обязанности экспедиций входило непосредственное управление ссыльными, поступившими в их ведомство: осуществление строгого учета количества ссыльных, регистрация новых поступлений и выбытия из ссылки, распределение ссыльных по работам, контроль над установленным надзором за ссыльными, проведение ревизий состояния ссыльных. Партия ссыльных, прибывшая в губернский город, по именованным спискам принималась городничим, а партионные списки и маршруты для ревизии препровождения ссыльных поступали в экспедицию о ссыльных [Гл. XIV, § 162–166; Гл. XXII, § 233–240 Устава о ссыльных; Глава II, 29; Глава VI, 111 Устава об этапах].

«Уставы о ссыльных и этапах» определили контролирующие функции экспедиций о ссыльных, установив полномочия и четкий правовой регламент этого учреждения в вопросах учета ссыльных и проведения ревизий порядка препровождения партий ссыльных к местам их водворения. В тоже время в отно-

шении ссылных, уже отбывающих наказание на территории Сибири, эти сборники законов только декларировали перечень обязанностей экспедиций о ссылных, но не раскрывали механизмов их выполнения. Поэтому, не умаляя значения «Уставов о ссылных и этапах 1822 г.», внесших значительный вклад в модернизацию управления сибирской ссылкой начала XIX в.: учреждение Тобольского приказа о ссылных, экспедиций о ссылных, определение компетенций этих органов управления, а также введение строгой правовой регламентации обязанностей губернских (земских) правлений, городской (земской) полиции, городничих и конвойной стражи в вопросах отправления ссылных в Сибирь, что, безусловно, было прогрессивным явлением того времени и подтверждает наличие в управлении сибирской каторгой и ссылкой элементов централизованной системы, необходимо заметить, что в этой системе прослеживались очевидные недоработки.

Уставы также предложили создание единой системы надзора за ссылными в период их этапирования. Общие принципы контроля и надзора над ссылными, обязанности препровождающей и внутренней стражи в губерниях определялись на основании «Устава о ссылных». «Устав об этапах в сибирских губерниях» регламентировал состав этапных команд, порядок отправления и движения, препровождаемых ими партий; обязанности этапных команд, их зависимость, отношения к местному начальству, пособия от земли, продовольствие и снабжение [Гл. VIII, §§ 82–87 Устава о ссылных; Введение, § 6 Устава об этапах].

Весь путь по дорогам Сибири (от границы Пермской губернии с Тобольской, через Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии и до г. Иркутска) был разбит на этапы: 40 этапов на территории Западной Сибири и 21 – Восточной Сибири. Этапы предполагалось обустроить тюрьмами для ссылных и казармами (либо казенными квартирами) для сопровождающей их регулярной конвойной команды и городских казаков. Строительство и содержание этих помещений вменялись в повинность местных обывателей. Таким образом, впервые в истории сибирской каторги на уровне закона были приняты нормы о содержании этаплируемых ссылных и конвоя в казенных этапных помещениях с установленными санитарными нормами и температурным режимом.

До 1840 г. партии ссыльнокаторжных шли пешком, но для перевоза провианта, необходимых вещей и больных ссыльных нанимались подводы. Запрещались остановки здоровых ссыльных на пути следования до губернского города и задержка партий ссыльных в губернском городе более чем на 6 суток. Исключением признавался период весенней распутицы в Сибири, когда возникали затруднения с переправами на реках; в этих случаях «Устав об этапах» рекомендовал остановку партий ссыльных с 10-го апреля в Тобольске на три недели и с 17-го апреля между Тюменью и Тобольском – в течение двух недель. На всем протяжении этого изнуряющего пути, продолжительностью по времени более семи месяцев, контроль над состоянием здоровья этаплируемых и их конвоиров, оказание им медицинской помощи были возложены всего на 8 врачей [Глава VI, § 77 Устава о ссыльных; Глава II, §§ 21, 37, 38 Устава об этапах].

В начале XIX в. создание профессионального конвоя для сопровождения ссыльнокаторжных по этапам стало необходимостью. «Раньше, утверждает автор «Хронологического перечня важнейших данных из истории Сибири» И.В. Щеглов, для препровождения ссыльных по Сибири командировались через каждые два года башкиры и мещераки из Оренбургской губернии. Но с одной стороны, командировки эти были разорительны для их хозяйства, а с другой, отправление ими этой службы сопровождалось величайшими злоупотреблениями: буйство, разврат и бесчеловечие составляли отличительные черты этой полудикой стражи; пьянство, побеги, воровство, заразные болезни большей частью происходили от этого конвоя; почти в каждом преступлении ссыльных участвовали и башкиры, и мещераки. Уставом 1822 г. они были освобождены от этой повинности...»⁹. По новым нормам ссыльных должен был сопровождать конвой, который следил за дисциплиной, соблюдением временных сроков и заданного маршрута. Вводился единый порядок движения партии ссыльных – двумя рядами между двух рядов конвоя. Запрещалось расходиться в стороны, выходить из своего места во время следования, останавливаться во время движения партии (допускались только организованные остановки всей партии ссыльных). Каторжане должны были следовать в оковах, отдельно от поселенцев и размещаться особыми рядами. В слу-

чае необходимости, конвоирам разрешалось применять оружие [Глава III, §§ 47–50 Устава об этапах].

Сопровождение ссыльных обслуживало 2082 человека (см.: табл. «Распределение этапов в Сибири» в «Уставе об этапах»); их количество и состав были определены из расчета на 3000 человек, ссылаемых в Сибирь в течение одного года¹⁰.

На каждый этап определялась этапная команда из одного офицера – этапного начальника (управляющего командой), двух унтер-офицеров, одного барабанщика и двадцати пяти рядовых пеших гарнизонных солдат. Этапные команды предполагалось комплектовать из военнослужащих гарнизонных полков (батальонов), расположенных в губерниях, исполняющих обязанности охраны внутреннего порядка в городе и подчиненных командиру этого гарнизонного полка (батальона). Обязательным условием приема в этапную команду считались такие качества военнослужащих, как благонадежность, наличие семьи и двух-летнего стажа службы во фронтовых батальонах. Функции конного конвоирования партии и преследования беглых ссыльных выполняли четыре конных городских казака, состоящие в подчинении этапного начальника. В уездных городах, где не были предусмотрены этапные команды, сопровождение ссыльных возлагалось на инвалидные команды.

«Устав об этапах» рассмотрел порядок управления этапными командами и всей препровождающей стражей, проработал систему их наказаний и поощрений. За работой этапной команды на этапе следил этапный начальник. Он был обязан доносить обо всех нарушениях начальнику внутренней стражи в губернии. Тот управлял порядком конвоирования ссыльных: контролировал дисциплину военнослужащих на этапе (через рапорты этапных начальников, инспекторские смотры этапных и инвалидных команд), отвечал за своевременное продвижение ссыльных с места на место, принимал соответствующие меры по устранению нарушений, имел право командировать на этап офицеров своего полка (батальона) для инспекции и наведения порядка. В его компетенции входили подборка кадров, наложенные взысканий и представление к наградам подчиненных. Но прием на службу, увольнение и, в случае необходимости, передача под суд этапных начальников вменялись в обязанности командира отдельного корпуса. Казаков увольняло их начальство.

Гарнизонные командиры контролировали обеспечение этапных команд одеждой, продовольствием и вооружением (экипировали в походное обмундирование при полном вооружении и с боевыми снарядами) [Глава I, §§ 7 – 19; Глава III, §§ 46, 47; Глава VI, §§ 92 – 99, 103, 107; 108; 112 Устава об этапах].

Если в вопросах доставки ссыльных в Сибирь «Уставы о ссыльных и этапах» 1822 г. рассмотрели управление в целом, с небольшими поправками на категорию ссыльных-каторжан, то распределение каторжан на работы в Сибири «Устав о ссыльных» обозначил следующими принципиальными положениями.

Всех ссыльных разделили на шесть разрядов. В первый разряд были включены ссыльные, осужденные «за более значительные преступления и наказанные плетьюми», которых направляли на заводы и относили к категории временных заводских работников. Во второй вошли дорожные работники ведомства сухопутных сообщений. Ссыльных третьего разряда именовали ремесленными работниками. Четвертый разряд представлял цех слуг. Пятый – поселенцев, способных к сельскохозяйственным работам (их так и называли поселенцами). В шестой разряд причислили больных – неспособных к работам, старых и калек, то есть «ссыльных дряхлых»¹¹.

Поскольку каторга предполагалась как особо строгое наказание по тяжести работ, то каторжан причислили к первому разряду и предписывали направлять только на заводы или фабрики [Гл. XVII, § 195 Устава о ссыльных]. При этом не приводились подробный перечень и описание каторжных работ, а только акцентировалось, что работы должны проходить на заводах и фабриках Сибири. Контроль над исполнением каторжных работ всецело ложился на местную администрацию. Не были прописаны основные принципы и требования этого контроля, не указан перечень работ, поэтому фактически труд каторжан мог использоваться не только на литейных, винокуренных и солеваренных заводах Сибири, но в рудниках, на строительстве дорог и других работах, в зависимости от усмотрения местной администрации.

Ссылка в каторжные работы была разделена по срокам наказания на бессрочные работы и срочные. Еще не было предложено деление срочной каторги по разрядам, но предел бессрочной каторги был установлен и определен сроком в двадцать лет, пос-

ле чего предполагалось освобождение каторжан и закрепление их за тем заведением, где они работали [Гл. XXIII, § 260 Устава о ссыльных]. Срочных каторжан по истечении срока наказания должны были отправлять в ссылку на поселение, а бывших военных – к воинскому начальству¹². Не имеющих возможности водвориться, распределяли по ближайшим от завода казенным волостям на вольное пропитание [Гл. XXIII, § 261 Устава о ссыльных].

Если в губернских центрах России в исследуемый нами период существовала разветвленная сеть тюремных учреждений: тюремных замков и крепостей, то в Сибири каторжан содержали в тюремных бараках или в домах, построенных на их собственные средства. При этом не устанавливались нормы на объем строительства, сроки и суммы финансовых вложений, не оговаривал условия тюремного режима [Гл. XXIII, § 249 Устава о ссыльных]. Содержание каторжан находилось в ведении местной администрации фабрик и заводов, и на правительственном уровне единой программы строительства тюремных зданий для каторги еще не было разработано. Не требовалось раздельное содержание каторжан в соответствии со степенью присужденного им наказания и по половому признаку.

Каторжный режим предполагал физические наказания по приговору суда и за совершенные каторжанами проступки в период прохождения ссылки [Гл. XXXIII Устава о ссыльных]. Но «Устав о ссыльных» не приводил конкретные варианты наказаний. И только в параграфе 76 «Устава об этапах» есть разрешение употребить оружие против беглого ссыльного, который будет угрожать его конвоирам. Отсутствие в сборниках норм физических наказаний каторжан за их преступления и проступки могло повлечь с одной стороны, бездействие администрации по профилактике правонарушений и ослабление режима содержания ссыльных в каторжные работы, с другой стороны – спровоцировать произвол и разгул реакции местной администрации, определявшей наказания «по своему усмотрению».

Таким образом, в Российской империи начала XIX в. в контексте реформы управления регионами проходила реформа сибирской каторги и ссылки. В это время в центре России создавалась система отраслевого управления, единоначалия и прямого подчинения министров перед императором, а в Сибири (по при-

чине удаленности от Санкт-Петербурга, и как следствие этого, сложности контролирования) власть концентрировалась в руках генерал-губернаторов и губернаторов, через которых осуществлялась связь со столицей. Реформирование сибирской каторги и ссылки произошло под руководством сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского и охватило такие направления, как проведение кодификации законов о ссылке, реорганизацию управления сибирской ссылкой и каторгой с введением элементов централизации и четким разделением компетенций всех административных органов, установление правового регулирования положения ссыльных. Все перечисленные направления нашли отражение в двух сборниках законов – «Уставе о ссыльных» и «Уставе об этапах в сибирских губерниях» 1822 г.

Уставы внесли значительный вклад в модернизацию управления сибирской каторгой начала XIX в.: заложили основы правового регулирования сибирской каторгой, установили единые нормы отправления ссыльных в Сибирь, их строгого учета, приема, распределения и конвоирования, ввели элементы централизованного управления. Новым направлением в управлении сибирской ссылкой стало учреждение Тобольского приказа о ссыльных и четырех экспедиций о ссыльных (тобольской, томской, енисейской и иркутской). Впервые вводились требования содержать этаплируемых ссыльных и конвоя в казенных этапных помещениях с соблюдением санитарных норм и температурного режима.

В тоже время в Уставах дано неполное рассмотрение целого ряда вопросов законодательного регулирования ссылки в каторжные работы, что создавало препятствия для правового регулирования каторжных работ и реализации задач, поставленных законодателем перед институтом российской каторги:

– полумерой было создание государственного учреждения – Тобольского приказа о ссыльных, выполнявшего функции центрального органа управления сибирской ссылкой только на территории Сибири и практически не имевшего выхода на столицу. Тобольский приказ находился в прямом подчинении Тобольского губернатора, который кроме вопросов ссылки курировал широкий спектр других направлений: отвечал за все учреждения гражданского ведомства, «являлся председателем ряда губернских присутствий и комитетов, попечителем всех находивших-

ся в губернии женских гимназий и прогимназий. Осуществлял руководство через подчиненные ему губернское правление и губернские учреждения, ведавшие административно-политическими, тюремными, судебными, благотворительными, просветительными и хозяйственными учреждениями губернии»¹³, то есть на вопросах ссылки не специализировался;

– в Уставе о ссыльных не были обозначены функции генерал-губернатора Восточной Сибири;

– в подчинении Тобольского приказа о ссыльных находились экспедиции о ссыльных. Но экспедиции одновременно подчинялись местным губернаторам, что порождало дублирование функций органов управления;

– отсутствие в исследуемых правовых сборниках норм физических наказаний каторжан за их преступления и проступки могло повлечь с одной стороны, бездействие администрации по профилактике правонарушений и ослабление режима содержания ссыльных в каторжные работы, а с другой стороны – спровоцировать произвол и разгул реакции местной администрации, определявшей наказания «по своему усмотрению»;

– «Устав о ссыльных» 1822 г. не регламентировал вопросы управления ссыльными в местах прохождения ими ссылки, не определял механизма контроля над работами и содержанием каторжан. Это создавало «благоприятные» условия для творчества и инициативы на местах, могло привести к произволу и злоупотреблениям местных чиновников, ослаблению дисциплины или насилию над ссыльными, а в целом, препятствовало реализации задач, поставленных законодателем перед институтом российской каторги.

Примечания

- 1 Степанова (Шенмайер) Н.Г. Правовое регулирование сибирской каторги в первой половине XIX века // Сибирская ссылка: Сб. науч. статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17). С. 240-251.
- 2 ПСЗ-1. Т. 38. №№ 29128, 29129.
- 3 Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. М.: Эксмо, 2008. 960 с.: ил.
- 4 Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032-1882 гг. Сургут: «Северный дом», 1993. С. 255-256.
- 5 До 1822 г. в городе Тобольске приемом, распределением, учетом и содержанием колодников руководил заведующий колоднической

- частью Тобольского городского полицейского управления. В 1822 г. колодническую часть упразднили, и в соответствии с «Уставом о ссыльных» центральным государственным органом управления сибирской ссылкой был определен Тобольский приказ о ссыльных // Заведующий колоднической частью Тобольского городского полицейского управления. URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html> (дата обращения: 02.02. 2011 г.).
- 6 Тобольский приказ обязан был подавать в Правительствующий Сенат информацию о пропавших без вести ссыльных, которые после отправления «по этапу» в течение полутора лет не прибыли в город Тобольск.
 - 7 Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. М.: Эксмо, 2008. 960 с.: ил.
 - 8 Тынянов Ю.Н. Кюхля; Подпоручик Киж; Восковая персона; Малолетний Витушишников. М.: Худож. лит., 1989. С. 154-155.
 - 9 Щеглов И.В. Указ. соч. С. 266-267.
 - 10 Там же. С. 226.
 - 11 ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. Гл. 17. § 193.
 - 12 Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше утвержденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб: Типография СПб. тюрьмы, 1900. С. 17.
 - 13 Тобольский губернатор. URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html> (дата обращения: 02.02. 2011 г.).

УДК 9(47) „1825”

Т.А. Перцева

Наказание декабристов: долженствующее и реальное.

1. Этапирование

Настоящая статья посвящена изучению организации наказания декабристов сибирской ссылкой и каторгой. Автора интересует деятельность чиновников самого различного ранга, в силу своей службы обязанных обеспечить этапирование, изоляцию, подневольный труд и быт осужденных.

Ключевые слова: сибирская ссылка декабристов, этапирование, конвойные команды, полицейский надзор.

Punishment of Decembrists: forced and real.

I. Etapirovanie

The present article is devoted studying of the organization of punishment of Decembrists by a Siberian exile and penal servitude. The author activity of officials of the most various rank, owing to the service obliged to provide support, isolation, forced labor and a life of the condemned interests.

Keywords: a Siberian exile of Decembrists, etapirovanie, convoy commands, police surveillance.

Проблема «Декабристы в Сибири» претерпела значительную эволюцию. Из краеведческой, какой была в 20-е годы прошлого века, она постепенно превратилась в научную, а в последние двадцать лет в нее все более вторгается полемическая публицистичность. За опровержение «неправильного» видения прошлого зачастую берутся люди, не обладающие ни навыками исторических исследований, ни знаниями всего обширного круга источников по этой теме, но убежденные (и некоторые вполне искренне), что могут судить объективнее профессиональных ученых. Однако недоверие, а порой и неприятие всего, сделанного в советское время, приводят к тому, что все сводится к перемене знаков: плюс – на минус, а минус – на плюс. В результате оказывается, что предметом спора является отношение к нашему недавнему прошлому и его деятелям (масштаб здесь почти не имеет значения, это могут быть и первые лица государства, и преподаватель, когда-то поставивший на экзамене автору не ту оценку), а декабристы становятся лишь аргументом в этой полемике.

К числу вопросов, ставших такой своеобразной «разменной монетой» в «обличениях» ссылных дворян, относится и их положение в Сибири. Общеизвестно, что правовой статус «государственных преступников», как в официальных документах именовались декабристы, существенно отличался от статуса преступников уголовных. Но, признавая данный факт, одни склонны видеть в этом проявление особой жестокости нового императора, другие же – излишнего и даже прискорбного его милосердия.

По приговору Верховного Уголовного Суда, подтвержденному Николаем I, к ссылке в Сибирь приговаривалось 99 человек. Правда, как это часто случалось в истории русского судопроизводства, в нем были сделаны и исключения. По ходатайству родственников осужденных, которым порой не мог отказать император, участь некоторых (например, В.А. Дивова, В.С. Норова, В.К. Кюхельбекера) была облегчена: ссылка в сибирскую каторгу заменялась крепостными работами и отправкой на службу на Кавказ. Облегчение, правда, было относительным. Так, участник Отечественной войны Норов в 1837 г., вновь получив первый офицерский чин, действительно был уволен в отставку и обрел относительную свободу, поселившись в имении родителей. Дивов же умер от ран, полученных в стычке с горцами в 1842 г. В отношении других (Г.С. Батенькова, И.В. Поджио) наказание было ужесточено и вместо Сибири они на долгие годы (один на 20 лет, второй на 8) подверглись строгому одиночному заключению в российских крепостях.

Впрочем, делами декабристов занимался не только Верховный уголовный суд. В Петербурге состоялось два военно-полевых процесса по делу солдат, принимавших участие в восстании на Сенатской площади. В январе 1827 г. военный суд Московского полка вынес приговор унтер-офицеру А.Н. Луцкому и рядовому Н. Поветкину: «сослать в каторжную работу вечно». В июне того же года подобное судебное заседание состоялось и в Гренадерском полку, на котором шесть солдат: П. Долговязов, Г. Мезенцев, С. Рытов, Д. Соловьев, Ф. Трофимов и Т. Федотов были осуждены на бессрочные каторжные работы. Дело о восстании Черниговского полка рассматривалось в двух комиссиях военного суда при Первой армии. Четверо офицеров: А.А. Быстрицкий, А.Е. Модзалевский, В.Н. Соловьев и И.И. Сухинов были приговорены к вечной каторге, та же мера была избрана и в отношении фельдфебеля М. Шутова.

Кроме того, в 1826–1827 гг. военно-полевыми судами на различные сроки каторжных работ и поселение в Сибирь были осуждены члены тайных обществ: Астраханского, Оренбургского, Военных друзей. Не будучи непосредственно связаны с Северным и Южным обществами, они, тем не менее, были близки к ним по духу и устремлениям, а участники их (А.Л. Кучевский, А.И. Вегелин, К.Г. Игельстром, М.И. Рукевич, Х.М. Дружинин,

Д.П. Таптыков и др.), разделив судьбу более известных товарищей, приняли и общее для всех «государственных преступников» этого периода название – декабристы.

Всего в Иркутскую губернию в 1826–1827 гг. было отправлено 105 участников декабристских организаций, 90 из них – в каторжную работу, 11 – на бессрочное поселение, 3 (А.Л. Кожевников, В.Н. Петин и Н. Поветкин) – в солдаты Иркутского гарнизона и А.Н. Муравьев – «на жительство без лишения чинов и дворянства».

Общеизвестно, что декабристы были изъяты из-под юрисдикции Устава о ссыльных, определявшего положение каждой категории осужденных в Сибири. Условия их содержания в «краю изгнания» полностью зависели от особых монарших указов и разработанных на основании этих рескриптов специальных положений сразу нескольких учреждений: III Отделения, Генерального штаба, Военного министерства, Министерства внутренних дел, почтового ведомства и временного Особого комитета. Такое количество распорядителей, к тому же находившихся в состоянии постоянного соперничества, нередко приводило к несогласованности и даже противоречивости требований и действий. Только к маю 1828 г. надзор за декабристами был окончательно сосредоточен в руках шефа III Отделения и корпуса жандармов. В Сибири управление ссылкой декабристов должен был осуществлять генерал-губернатор Восточной Сибири, а в месте отбытия каторжных работ было учреждено специальное Нерчинское комендантское управление во главе с генералом С.Р. Лепарским.

Создание особой системы надзора за новым для России институтом относительно массовой политической ссылкой свидетельствует о понимании Николаем I смысла произошедшего 14 декабря 1825 г. в Петербурге и о его стремлении локализовать и по возможности изолировать это явление. Причем, охранять эта система должна была не только образованное российское и еще недостаточно образованное, но стремящееся к образованию сибирское общество, но и маргинальную среду каторжников и ссыльных.

Отступление от общих положений в отношении каторжников для декабристов началось уже с момента этапирования. Обращение к этой теме историков, занимавшихся сибирской ссылкой,

было неизбежно. Однако даже работы, посвященные непосредственно доставке ссыльных дворян в Сибирь¹, носят, в значительной мере, описательный характер. В 20–30-х гг. прошлого века, когда стали доступны неизвестные дотоле архивные документы, это было естественно: перед исследователями стояла задача введения в научный оборот новых материалов. В дальнейшем тема стала вспомогательной, призванной уточнить данные о сроках пребывания того или иного декабриста в «краю изгнания» и подчеркнуть тяжесть наказания первых русских революционеров, жестокость царского правительства и неспособность чиновников справиться с поставленными задачами. Исключением стали работы С.В. Кодана, сделавшего попытку историко-юридического анализа всей системы наказания декабристов².

Вынесенный Верховным уголовным судом приговор предполагал переправку в Сибирь значительного числа осужденных. Но это было сопряжено с большими трудностями. Существовавший порядок доставки приговоренных к местам отбытия наказания не отвечал одному из главных пунктов приговора – «политической смерти» ссыльных дворян. Многомесячное «путешествие» через полстраны в компании ли с другими каторжниками или отдельной партией, потребовало бы, с одной стороны, усиленной охраны и введения в местах прохождения особых, если не чрезвычайных мер контроля. С другой стороны, было ясно, что меры эти возбудили бы интерес к необычным ссыльным, последствия которого предугадать было невозможно. «Доведя дело до осуждения нас и исполнения приговора, – писал позднее в своих воспоминаниях Д.И. Завалишин, – правительство решительно встало в тупик, что с нами делать. Оно не только не отважилось отправить нас обычным путем с партией арестантов, идущих в Сибирь, но боялось вести нас целою массою даже отдельно»³.

Именно поэтому в Главном штабе был разработан специальный план отправки декабристов в Сибирь. Согласно ему, отправление арестантов необходимо было «строить таким порядком, чтобы следуемые по одному тракту выезжали не в один день, а через сутки, <...> имея при каждом преступнике 1 жандарма и при 4-х – 1 фельдъегеря». Кроме того, предписывалось, чтобы отправка производилась «ночью и по секрету, чтобы никто из них не был послан через Москву, чтобы следуемые в Сибирь были отправлены по Ярославскому тракту и, наконец, чтобы

маршруты следования их не были никому сообщены⁴. Для ускорения процесса доставки и, следовательно, уменьшения возможности общения с осужденными местного населения (особенно в Сибири, где отношение к ссылным всегда было достаточно сочувственным) были созданы беспрецедентные условия. Всем гражданским губернаторам губерний, расположенных по маршруту от Петербурга до Иркутска, велено было «распорядиться о заготовлении надлежащего числа лошадей для проследования по тракту отправляемых с 21 июля преступников, осужденных Верховным уголовным судом, <...> чтобы <...> не могли иметь никакой остановки»⁵. Сопровождавшие осужденных фельдъегери получали особые предписания всем местным военным и гражданским начальникам «оказывать во всяком случае по требованию его скорейшее пособие, как равно и в снабжении его подводами»⁶.

Первая партия ссылных декабристов отбыла из Петропавловской крепости в ночь на 21 июля 1826 г. Входивший в нее Е.П. Оболенский вспоминал: «Командант крепости, генерал от инфантерии Сукин, громко сказал: «По высочайшему повелению вас велено отправить в Сибирь закованными». <...> Вскоре потом принесли тяжелые ножные цепи, нас заковали, сдали фельдъегерю Седову при четырех жандармах, и мы вышли, чтобы отправиться в дальний путь»⁷.

Применение при этапировании осужденных дворян оков противоречило существовавшему тогда законодательству: согласно указу от 19 августа 1825 г., они препровождались к месту отбытия наказания «просто под строгим только надзором». И только в декабре 1827 г., видимо, под влиянием новых обстоятельств, стремясь придать определенную законность сложившейся практике в отношении политических ссылных, Сенат сохранил эту привилегию лишь в отношении ссылаемых на поселение⁸. О причинах такой суровости размышлял А.Е. Розен: «Не знаю, почему против принятого порядка заковывали в железы дворян, осужденных в каторжную работу; такому сугубому наказанию подлежат только те из каторжных, которые подвергаются новому наказанию или покушаются на бегство. Нельзя было опасаться побега, потому что на каждого ссылного дан был жандарм для караула; всех отправляли на почтовых с фельдъегерями. Причину такой предосторожности приписали человеколюбию

<...>. Говорили, что заботливое правительство опасалось мести и остервенения народа против нас, чтобы нас на дороге не разодрали в куски; другие же утверждали, что оно этим средством отправки хотело препятствовать распространению вредных понятий, опасных слухов, кои сто человек с лишним легко могли передать народу на пространстве 6600 верст»⁹. Несостоятельность первого объяснения становится очевидной, если учесть, что «как страна ссылки, Сибирь снисходительно принимала всех без разбора <...> и слово «несчастный», которым звали сибиряки сосланных, очень хорошо выражает то понятие, которое они себе составили о них»¹⁰. В воспоминаниях декабристов немало описаний доброжелательного, даже трогательного отношения сибиряков к отправляемым в ссылку дворянам¹¹.

Следом за первой были отправлены еще 10 партий декабристов: одна – на каторгу, остальные – на поселение в северные районы Западной и Восточной Сибири, в солдатчину в «дальние гарнизоны» и сосланный «на житье в Сибири» бывший полковник А.Н. Муравьев. Отправляемые на поселение также ехали в сопровождении жандармов и фельдъегеря, хотя и без оков. Но 4 августа 1826 г. отправка осужденных была приостановлена.

Существовавшая тогда организация каторжных работ не отвечала поставленным императором задачам. В остроге, под строгим надзором и скованными, содержались обычно «злостные преступники» – совершившие побег или осужденные вторично. Поэтому во всем Нерчинском крае не нашлось достаточно вместительной тюрьмы, где можно было бы разместить и более 80 арестантов, и особую команду для надзора за ними (а она составляла более 150 человек), и к тому же не допустить сношений «сиятельных каторжан» с обычными. Еще 17 июля 1826 г. было принято решение о постройке особого тюремного помещения для «государственных преступников». С.Р. Лепарскому было поручено в пределах Нерчинских горных заводов выбрать «место, которое, по его благоусмотрению, будет признано удобным». Выбор пал на Петровский Завод. Место было достаточно удаленное, как от сибирских городов, так и от Нерчинских рудников с их непредсказуемым, взрывоопасным контингентом (Зерентуйский заговор И.И. Сухинова показал, что опасения императора были небеспочвенными). В то же время, благодаря своей экономической значимости для региона, дороги к нему были относительно

но благоустроены, существовала определенная инфраструктура, сложившаяся система управления и надзора за каторжными. Но, поскольку строительство новой тюрьмы требовало времени, решено было до того, как новые «казармы будут устроены», разместить всех декабристов в небольшом этапном острожке в деревушке Чита в достаточном отдалении от рудников и заводов Нерчинской каторги¹². Однако и это помещение требовалось приспособить к принятию нескольких десятков арестантов и надзирателей. На это ушло несколько месяцев, и только в декабре 1826 г. отправка декабристов возобновилась.

Кроме того, выявилось несовершенство созданных второпях инструкций, на основании которых отправляли первые партии. Практически сразу после проезда первых партий декабристов посыпались доносы об их неподобающем арестантам поведении и попустительстве сопровождавших их надзирателей. «Употребляемый по особым поручениям» статский советник М.К. Грибовский, подавший еще в 1821 г. записку о тайном обществе, доносил шефу III Отделения Бенкендорфу о различных нарушениях режима. В вину ставилось и то, что провозимые через Нижний Новгород «государственные преступники» Якубович, Артамон Муравьев, Оболенский и Давыдов «обедали и пили вино» в трактире «против почтовой конторы», при этом «фельдъегеря и жандармов очень ласкали и угощали», и то, что «Трубецкой писал жене», и даже то, что «Давыдов брился»¹³. Проведенное расследование показало, что нарушения действительно были, и объяснялись они не только корыстью или сочувствием к заключенным их конвоиров, но и недостатками данных последним предписаний. Чтобы исключить в дальнейшем подобные попустительства, фельдбегерь Седов был отстранен от службы и отдан под надзор полиции, о чем было сообщено всем привлекаемым к этапированию декабристов; по пути их следования организована особая система слежки, а в инструкциях старались предусмотреть любые ситуации, которые могут возникнуть в дороге. Так, в одной из инструкций указывалось: если кто-то из перевозимых заболел, «то такового оставлять *тогда только* (выделено мною. – Т.П.), когда предвидится, что не можно будет довести его до места без опасности для его жизни. В таком случае, буде нельзя достигнуть города, то оставлять оного в ближайшем удобном месте, но не иначе, как с одним жандармом, и при проезде через

губернский и уездный город известить о том местное начальство для принятия нужных мер как для попечения об оном, так и для надзору»¹⁴. Таким образом, инструкция оставляла определение тяжести заболевания на усмотрение не слишком грамотного фельдъегеря и делала положение декабристов более тяжелым, чем все других ссыльных. При следовании обычных партий освидетельствование больных должны были производить «военные и гражданские лекари», находившиеся «в местах квартирования этапных офицеров», они же «подают им нужное пособие»¹⁵. Декабристов же предлагалось либо, несмотря на состояние, везти до уездного или губернского города, либо оставлять их в местах, куда помощь могла и не успеть.

Принятые меры действительно способствовали ужесточению режима перевозки декабристов. Не желая вызывать недовольства начальства, фельдъегери нередко закрывали глаза на болезненное состояние своих подопечных. Как позже вспоминал Н.И. Лорер, «Бобрищев-Пушкин, выехав из каземата не совсем здоровый, дорогой сильно расклеился, и Подгорный хотел оставить его где-то в городе, в России еще; но, не исполнив этого, довез кое-как до Сибири. Пушкин до того ослабел, что часто на станциях, когда он долго не выходил из саней, мы и сами уже думали, не умер ли он». Тот же Подгорный, опасаясь интереса к необычным ссыльным местного населения, «на станциях запирали за нами ворота и ставил жандармов на часы <...> и только тогда успокаивался, когда мы оставляли города и станции»¹⁶. Чтобы избежать встречи братьев Муравьевых с родственниками, фельдъегерь «в полуверсте от первой почтовой станции велел остановить <...> повозки, а сам пустился во весь опор к станционному дому, откуда вскоре возвратился со свежими лошадьми». Свой поступок он объяснил тем, что «за исполнением предписанных ему инструкций следят»¹⁷.

Но больше всего конвоиры боялись сбиться с заданного ритма. Стремясь не допустить этого, они готовы были отказать своим поднадзорным даже в том, что им было положено. Так, братья Бестужевы, И.И. Горбачевский и А.П. Барятинский были лишены отдыха в Тобольске из-за «прибытия следующей партии <...> в Тобольск и страха, чтоб следующая <...> партия <...> не опередила». «О, бюрократическая Россия! – возмущался М.А. Бестужев, – тебя готовы загнать, погубить администраторы, что-

бы только не нарушить нумерацию: 1, 2, 3, 4 и так далее...»¹⁸. Описания таких гонок и их печальных последствий (перевернувшиеся повозки, вывихнутые конечности и ушибы заключенных и жандармов, загнанные лошади, стоимость которых не возмещалась ямщикам) встречаются в воспоминаниях М.А. Бестужева, И.Д. Якушкина, А.Е. Розена и других. Остановки для отдыха и даже для ночлега были крайне редки. Отчитываясь за командировку по сопровождению А.П. Арбузова, А.И. Тютчева и И.Д. Якушкина, жандармы отмечали, что «до Тобольска оставались пять ночей, от Тобольска до Иркутска пять ночей, а из Иркутска до С.-Петербурга – 24 ночи»¹⁹.

Впрочем, нарушения предписаний и излишняя спешка объяснялись не только боязнью перед возможным наказанием. Многие фельдъегери не могли устоять перед соблазном поправить свое материальное положение за счет своих поднадзорных. Как с горьким юмором заметил А.Е. Розен, «кажется, в наш век все заразились наживанием денег, от министра до поденщика, от полководца до фурлейта, от писателя до писаря, почему же и фельдъегерю не накапливать себе капиталец?»²⁰ Экономили на прогонах, беря вместо четырех три тройки, посадив одного конвоируемого в свою повозку. Некоторые платили ямщикам лишь половину положенного. Разрешая декабристам самим оплачивать питание в пути или пользоваться добровольными пожертвованиями сочувствующих местных жителей, фельдъегерь клал в свой карман и положенные на каждого этапирнуемого 30 копеек в сутки²¹.

Была, по-видимому, и еще одна статья дохода у предпринимчивых государевых слуг. Демонстративно не допустивший свидания братьев Муравьевых с матерью, женой Никиты Михайловича и ее сестрой, фельдъегерь все же взял у них для передачи своим подопечным «много денег», т. к. Екатерина Федоровна, по словам П.Е. Анненковой, муж которой находился в той же партии, «задарил также и Желдыбина»²². Десять месяцев спустя, сопровождая И.И. Пущина, П.А. Муханова и А.В. Поджио, тот же Желдыбин, «не заметил» мимолежного свидания Пущина с его родственником П.И. Кошкулем, передавшим ему 300 рублей. А в Ярославле, «вопреки данной ему инструкции, объявил <...> сестре преступника Лунина г-же Уваровой <...>, что он везет преступника Муханова, ей знакомого, позволил ей с ним видеть-

ся, равномерно допустил Пущина иметь свидание с находившимися там в то время г-жею Якушкиной и матерью ея, которая Пущина при отъезде благословила образом». Допрошенный во время дознания о потерянных Желдыбиным компрометирующих писем, жандарм Кузьмичев подтвердил эти сведения и добавил, что видел, как «Якушкина дала фельдъегерю два картуза табаку и в ящичке припасов»²³. Кроме того, он согласился доставить родственникам Пущина его записную книжку и записки сестре Муханова Е.А. Шаховской и знакомому Поджио К.К. Рачинскому. И.И. Пущин действительно «умел располагать к себе людей», но, думается, «любезность» Желдыбина, названного в письме декабриста из конспирации Приваловым, объяснялась надеждой на вознаграждение. «Наградите щедро моего Привалова, – просил Пущин сестер, – он добр»²⁴.

Пожалуй, наличие или отсутствие у декабристов именно денег существенно влияло на степень исполнения их сопровождающими своих обязанностей. Разумеется, при отправке декабристов, деньги, бывшие у них, изымались и отправлялись генералу Лепарскому, который должен был выдавать их по мере надобности небольшими суммами. Однако родственники, хорошо зная российскую действительность, стремились снабдить отъезжающих доступными им средствами втайне от властей. Несколько эксцентричная и деятельная Н.Д. Фонвизина, разузнав о маршруте, которым должны были везти мужа, сообщила ему, где он должен будет встретиться с нею и ее отцом. Получивший от жены на первой после Петербурга станции тысячу рублей М.А. Фонвизин (как в скобках заметил его спутник Н.В. Басаргин, фельдъегерь, «вероятно, все знал, но не хотел показать то») сумел облегчить путешествие и себе, и своим товарищам, купив повозку и запасшись теплыми одеялами²⁵. Это, конечно, противоречило предписанию, 4-й пункт которого гласил: «Буде кто из арестантов захочет ехать в своем экипаже, то сего не позволять»²⁶. Но фельдъегерь, по воспоминаниям Басаргина, «поступал с нами так, чтоб только самому не подвергнуться ответственности за слабый надзор», и даже, «заметив, что железа мешают нам спать, был так внимателен, что позволил на ночь снимать их. Жандармы нам прислуживали»²⁷. Такое отношение к арестантам сохранил и сменивший фельдъегеря тобольский частный пристав, сопровождавший их вместе с прежними жандармами

до Иркутска. Возможно, Басаргину и его товарищам по партии повезло, и им встретились действительно добрые и совестливые люди. Следует, наверное, учитывать и особый характер Н.В. Басаргина, который, будучи человеком религиозным, склонен был больше видеть в людях добро. Нельзя исключать и того, что на конвоиров оказало влияние отношение к ссыльным тобольского губернатора Д.Н. Бантыш-Каменского. «В Тобольске, – писал с дороги жене Фонвизин, – Каменские приняли меня хорошо и по-родственному – им обязан я, что провожавший нас офицер обходился с нами очень хорошо и даже согласился переслать тебе письмо сие»²⁸.

Совсем другим было обращение с неимущими и не имевшими влиятельных родственников братьями Бестужевыми, И.И. Горбачевским и А.П. Барятинским. Фельдъегерь Чернов, как вспоминал М.А. Бестужев, «кормил нас одним молоком и простоквашей, нигде не останавливался для отдыха <...>, мы не имели времени переменить дорогой <грязное белье>, а нижнее – не имея возможности по причине наглухо заклепанных желез <...>, и трижды чуть не разбил нас вдребезги». В результате неоправданной спешки и жестокого обращения Чернова с ямщиком в одной из таких аварий у Михаила Бестужева был пробит череп, «Горбачевский страшно разбил все лицо, ямщик переломил руку, а один из двух жандармов, переломив крестец, умер на дороге»²⁹. И такой случай не был единичным, о подобных происшествиях рассказывали А.М. Муравьев и И.Д. Якушкин³⁰.

Еще более тяжелым было положение декабристов и приравненных к ним лиц, дела которых разбирались военными судами. И если в отношении приговоренных к каторжным работам солдат применение положений «Устава об этапах», т. е. доставка в Сибирь «по канату», не противоречило ни существовавшим тогда законам, ни сложившимся традициям, то распространение их на дворян, пусть даже лишенных сословных привилегий по суду, безусловно, создавало совершенно особый прецедент. Но вряд ли стоит обвинять нового монарха в такой жестокости. Как бы ни был злопамятен Николай I (а эту черту отмечали в нем даже его приверженцы), трудно предположить, что все свое стремление к мести он направил на никому неизвестных провинциальных офицеров – черниговцев (И.И. Сухинова, В.Н. Соловьева, А.Е. Мозалевского и А.А. Быстрицкого), бело-

стокцев (А.И. Вегелина, А.М. Гриневича, К.Г. Игельстрома и М.И. Рукевича) и оренбуржцев (В.П. Колесникова, Х.М. Дружинина и Д.П. Таптыкова). Власть в большей степени была заинтересована в быстрейшем завершении «прискорбной истории», чтобы можно было предать ее забвению. Однако несогласованность ведомств, занимавшихся на первых порах организацией системы наказания политических противников режима, бюрократическая рутина, свойственная чиновничьему аппарату, а также отсутствие влиятельных родственников, которые могли бы привлечь внимание к их ужасающему положению, привели к тому, что эти бывшие офицеры также были включены в партии уголовных ссыльных. Для чиновников же из губернских правлений, непосредственно ведавших отправлением осужденных, они были просто именами в статейных списках, которые лишь нужно было оформить по всем правилам для Тобольского приказа о ссыльных. А в статейных списках были ссылки на приговоры не Верховного уголовного суда, а военных судов и причиной их называлось стандартное «участование в мятеже против высочайшей власти». Исключение представлял Луцкий, которому вменялся «бунт 1825 года 14 декабря»³¹.

Черниговцы и члены Общества военных друзей были доставлены из Киева и Белостока в Москву, а оттуда, обычным порядком, через Казань в Тобольск, члены Оренбургского общества – сразу в Тобольск. Солдаты-декабристы и А.Н. Луцкий были отправлены из Петербурга в Сибирь через Москву по Владимирке. Не все смогли выдержать выпавшие на их долю испытания: несколько недель провели в лазарете московского тюремного замка «в сильной горячке» (по-видимому, в сыпном тифу) Сухинов, Соловьев, Мозалевский и Быстрицкий, последний был оставлен здесь на несколько месяцев, в тюремной больнице Казани скончался А.М. Гриневич³².

Сведения об этом эпизоде декабристской ссылки очень скудны, т. к. прошедшие путь в Сибирь по этапу, не оставили своих воспоминаний. Сохранились лишь небольшие рассказы В.Н. Соловьева и В.П. Колесникова, причем записанные не ими самими, а С.В. Максимовым и В.И. Штейнгейлем³³. Как и всех следующих по этапу на каторгу, их переодели в казенную арестантскую одежду, на которую «в предупреждение побегов и для удобнейшего распознавания ссыльных» были нашиты «по

два <...> лоскута на спине, до двух вершков во все стороны, отличного цвета от самой одежды»³⁴. Во время пути к ножным кандалам, обязательным для всех мужчин, добавлялись ручные, которыми они «по двое пристегивались на прут или длинную веревку» (общий их вес составлял от 5 до 9 кг.). И даже на ночь ноги колодников заковывали на «лису» (особое устройство из брусьев), при котором «невозможно иметь другого положения, как только приподнявшись сесть и опять лечь на спину – и так целые 12 часов»³⁵. К этим лишениям добавлялись и недостатки питания: «в пути следования скованных ссыльных» предписывалось «довольствоваться каждому по 12 коп.»³⁶. Возможности же купить что-то у местных жителей они были лишены. Согласно правилам, «поелику многие из ссыльных, имея при себе собственные деньги, предаются пьянству и разврату, покушаются на побег и самую препровождающую стражу, делают поползновения на разные беспорядки, то <...> при отправлении партии, имеет строжайшим образом обыскивать и отбирать от них деньги. <...> В отобранных деньгах выдавать каждому ссыльному квитанцию». В дальнейшем деньги декабристов поступили в распоряжение Нерчинского комендантского управления³⁷.

Следует, правда, отметить, что опасения относительно наличия у ссыльных «собственных денег» не были беспочвенными. Так, шедший в одной партии с участвовавшими в восстании 14 декабря солдатами-гренадерами А.Н. Луцкий сначала под предлогом «тяжкой болезни» на несколько месяцев задерживался в Москве, Казани и Перми. Затем, уплатив 60 рублей ассигнациями следовавшему для поселения в Ачинский округ Енисейской губернии за бродяжничество Агафону Непомнящих, поменялся с ним статейными списками. Такой же обмен совершил и бывший солдат лейб-гвардии Гренадерского полка Семен Рытов с поселенцем Андреем Сергеевым. Четверо их товарищей – Пантелей Долговязов, Даниил Соловьев, Трофим Федотов, Федор Трофимов, доставленные 9 марта 1829 г. в Петровский Завод, никому об этом не проговорились. Только через несколько месяцев обман был раскрыт, Луцкого и Рытова доставили в иркутскую тюрьму, где 23 февраля 1830 г. были приговорены к наказанию розгами (100 ударов) и отправке в Нерчинские заводы. Впрочем, относительно Луцкого и иркутских чиновников возникли определенные сомнения: определить ли его «в Нерчинскую горную экспедицию для употребления

в заводскую работу или переслать его в ведение Нерчинского коменданта». К тому времени также шедших по этапу членов Общества военных друзей и Оренбургского общества передали в ведение Лепарского. Однако после попытки И.И. Сухинова поднять восстание заключенных в Петербурге решили «отправить помянутого Луцкого, куда был послан, на каторжную работу, наказав его по существующему положению за вновь учиненное преступление»³⁸.

Трудности пути, безусловно, оказали влияние, как на физическое, так и на душевное состояние декабристов. И только И.И. Сухинов, по словам его товарища Соловьева, «всю дорогу <...> ни разу не хотел сесть на подводку» и говорил, что «будет стараться изыскивать все средства, чтобы бороться с ненавистным ему правительством». Не скрыл он этого и от догнавших их партию в мае 1827 г. Е.П. Нарышкиной и А.В. Ентальцевой. По-видимому, именно от женщин узнали о настроении черниговца читинские узники, и во время останковки их этапа в Чите С.Г. Волконский просил жену не только «к ним пойти, оказать им помощь», но и постараться успокоить Сухинова, который был очень возбужден, и внушить ему терпение»³⁹. Однако увещевания Волконской, Трубецкой и Ентальцевой оказались тщетны. Трудно сказать, почему офицеров-черниговцев не оставили, как и других шедших по этапу дворян вместе с остальными декабристами в Читинском остроге. Возможно, причиной этому была все та же неповоротливость бюрократической машины. Но нельзя исключать и того, что на их положении сказалось их непосредственное и самое активное участие в восстании Черниговского полка, именно к ним в буквальном смысле относились слова приговора – «участие в мятеже».

Облегчить положение декабристов в пути или хотя бы предоставить им несколько часов передышки в приличных условиях могли чиновники и уважаемые жители тех мест, через которые проходил маршрут их следования. Воспоминания многих декабристов сохранили имена людей, не побоявшихся проявить к ним участие – тобольского губернатора Д.Н. Бантыш-Каменского и полицмейстера Алексева, каинского городничего Степанова, советника Красноярской казенной палаты И.И. Коновалова и красноярского купца И.В. Старцова, часового в иркутском тюремном замке, бывшего семеновца Андреева и иркутского почтосодержателя Анкудинова⁴⁰.

Вместе с тем, в воспоминаниях немало упоминаний и прямо противоположного характера. Со слов Соловьева И.И. Горбачевский описывал встречу его товарищей с сенатором Б.А. Куракиным, ревизовавшим в это время Западную Сибирь: когда они «представили страшную картину их жизни и просили, чтобы он приказал им снять с рук и ног обременяющие их железа, то князь, тронутый их бедственным положением, соболезновал и в заключение всех утешений и состраданий объявил, что в сем отношении не может им ни в чем помочь и не имеет права удовлетворить их просьбам»⁴¹. Положим, сенатор действительно не мог полностью освободить декабристов от оков, но распорядиться перековать М.А. Бестужева, который еще в Шлиссельбурге второпях был закован «в перверт», отчего не мог нормально ходить, было вполне возможно. Однако, как доносил сам Куракин Бенкендорфу (по совместительству он исполнял и обязанности доглядчика за режимом этапирования «государственных преступников»), «так как цепи были пробуравлены, и нужно было обратиться к кузнецу, я не осмелился позволить себе это; впрочем, три четверти пути были уже закончены»⁴². Похоже, в географии этот вельможа был не более сведущ, чем фонвизинский Митрофанушка. И чем выше был пост чиновника, тем более неловко чувствовал он себя, вынужденный общаться со странными арестантами, на что обратили внимание Н.И. Лорер и Н.В. Басаргин. Последний, рассказывая о посещении их в иркутской тюрьме генерал-губернатором Восточной Сибири А.С. Лавинским, отметил: «При разговоре старался избегать слова «вы», а говорил с нами в третьем лице, обращаясь более к бывшим тут чиновникам, а не к нам. Это было и странно, и смешно, даже неловко ему самому. Может быть, возвратясь только из Петербурга, он имел особенные приказания насчет нас от государя и, соображаясь с ними, хотел в присутствии чиновников показать, что мы потеряли уже право на принятые в образованном обществе условия. Странно только было то, что высший государственный сановник мог думать о таких мелочах»⁴³. Для человека внутренне свободного это, пожалуй, действительно не имело большого значения, но для человека на службе, к тому же только что наделенного особыми полномочиями в отношении декабристов, никакая мелочь не была мелкой. Он должен был учитывать и возможность доноса (а Сибирь славилась этим

официально-литературным жанром), и свое близкое знакомство с влиятельными родственниками некоторых ссыльных.

Период этапирования декабристов в Сибирь, вопреки расчетам правительства, растянулся на два с половиной года – с июля 1826 по март 1829 г. Он показал неготовность власти к решению новой для нее задачи – борьбе с политической оппозицией. Из-за отсутствия в местах сибирской каторги помещения, в котором можно было сразу разместить большое число людей, приговоренных к политической смерти, не удалось достаточно быстро переместить их в отдаленный регион. Наличие родственников, для которых следование христианским и родственным чувствам оказалось более значимым, чем подчинение требованиям власти, не позволило поставить «государственных преступников» в абсолютную и унижительную зависимость от милости или немилости власть имущих. Сословная солидарность части сибирских чиновников и сочувственное отношение сибирского населения к «несчастливым» сорвали надежды на полную их изоляцию. Последовавшие вслед за тем события (революция в Польше, процесс петрашевцев) заставили правительство обратиться к опыту доставки к местам наказания достаточно больших групп осужденных, полученному во время этапирования декабристов.

Примечания

1. Модзалевский Б.Л. Декабристы на пути в Сибирь. (Донесение сенатора Б.А. Куракина) // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925; Чернов С.Н. Декабристы на пути в Благодатск // Каторга и ссылка, 1925. № 5; Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925; Большаков Л. Отечеству драгие имена. Ч. 2. Челябинск, 1975; Марголис А.Д. Путь следования декабристов в Сибирь // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977 и др.

2. Кодан С.В. Управление политической ссылкой в Сибири (1826–1856 гг.). Иркутск, 1980; Он же. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX века. Иркутск, 1980; Он же. Сибирская ссылка декабристов. Иркутск, 1983.

3. Завалишин Д. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 319.

4. РГВИА, ф. 36, оп. 4, д. 266. Лл. 80–81.

5. РГИА, ф. 1286, оп. 4, 1826, д. 712. Л. 8.

6. Там же, ф. 676, оп. 1, д. 3. Лл. 4–5.

7. Воспоминания о 1826-м и 1827-м годах князя Евгения Петровича Оболенского // Мемуары декабристов: Северное общество. Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 97.

8. 1 ПСЗ, т. 40, № 30457; 2 ПСЗ, т. 2, № 1641.
9. Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 200–201.
10. Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 118.
11. Розен А.Е. Указ. соч. С. 217; Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 117, 123; Муравьев А.М. Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 104–105.
12. См.: Кодан С.В. Указ соч. С. 99; Марголис А.Д. Указ. соч. С. 166.
13. Цит. по: Кодан С.В. Указ. соч. С. 100.
14. РГИА, ф. 676, оп. 1, д. 4. Л. 4.
15. Устав об этапах в Сибирских губерниях. 22 июля 1822 г./ История Сибири 16–начала 20 вв.: сб. документов. Кемерово, 2010. С. 248.
16. Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 125.
17. Муравьев А.М. Указ. соч. С. 104.
18. Воспоминания Бестужевых /ред., статья и коммент. М.К. Азадовского. Репринт. изд-е 1951 г. СПб.: Наука, 2005. С. 142.
19. Цит. по: Кодан С.В. Указ. соч. С. 103.
20. Розен А.Е. Указ. соч. С. 214.
21. Там же. С. 214–215; Муравьев А.М. Указ. соч. С. 105; Воспоминания Бестужевых. С. 139; Лорер Н.И. Указ. соч. С. 128.
22. Воспоминания Полины Анненковой с приложением воспоминаний ее дочери О.И. Ивановой и материалов из архива Анненковых. Красноярское кн. изд-во, 1977. С. 106.
23. Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 85, 86; ГА РФ, ф. 109, оп. 1, д. 61, ч. 15. Л. 97-97об.
24. Пущин И.И. Указ. соч. С. 92.
25. Записки И.И. Горбачевского. М., 1925. С. 212; ГА РФ, ф. 1706, оп. 1, д. 15. Л. 3; Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1979. С. 135; Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 114-115, 116.
26. РГИА, ф. 676, оп. 1, д. 4. Л. 4.
27. Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 115, 116.
28. Фонвизин М.А. Указ. соч. С. 134.
29. Воспоминания Бестужевых. С. 139–141.
30. Муравьев А.М. С. 105; Записки И.Д. Якушкина. М., 1925. С. 115.
31. ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 969. Л. 51–55.; ф. 1 (общ.), оп. 1, д. 7218. Л. 9.
32. ГА РФ, ф. 109 оп. 1, д. 136, ч. 3. Л. 3.
33. Соловьев В.Н. Записка о поручике Черниговского полка И.И. Сухинове // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 2. М., 2008; Штейнгейль В.И. Записки несчастного, содержащее путешествие в Сибирь по канату // Большаков Л. Указ. соч.

34. Устав о ссыльных. 22 июля 1822 г. / История Сибири 16–начала 20 вв. С. 192.
35. Большаков Л. Указ. соч. С. 211-212.
36. ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 903. Л. 30.
37. Устав о ссыльных. 22 июля 1822 г. С. 201, 202; ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 903. Л. 29.
38. Кубалов Б.Г. Указ. соч. С. 157, 160; К России любовью горя: Декабристы в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1976. С. 41, 43.
39. Соловьев В.Н. Указ. соч. С. 27; Записки княгини М.Н. Волконской. Красноярское кн. изд-во, 1975. С. 93–94.
40. Розен А.Е. Указ. соч. С. 216; Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 117; Муравьев А.М. Указ. соч. С. 107; Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов: Южное общество. Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 201, 202; Беляев А.П. Воспоминания декабриста о переезде и пережитом и пережитом. Красноярск, 1990. С. 147, 148.
41. Соловьев В.Н. Указ. соч. С. 14.
42. Воспоминания Бестужевых. С. 139; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 121.
43. Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 123–124.

УДК 67.3

А.А. Плотников

Этапирование ссыльнокаторжных на остров Сахалин во второй половине XIX в.

Статья посвящена этапированию осужденных (ссыльнокаторжных), в том числе по политическим мотивам, из центральной части Российской империи на остров Сахалин во второй половине XIX в. В ней даётся анализ нормативных документов, регламентировавших этапирование сухопутным и морским путём. Описаны маршруты передвижения этапов, режим содержания осуждённых в пути.

Ключевые слова: Сахалин, ссыльнокаторжные, этапирование, инструкция, правила, режим, каторга, транспортная тюрьма, этапная тюрьма, Устав о ссыльных.

Transporting of deportees (convict settlers) to Sakhalin Island in the second half of XIX century

The article is devoted to the procedure of transporting exiles, including political prisoners from the central part of Russian empire to the island of Sakhalin in the second half of XIX century. The article analyzes the legislation regulating transport procedure of convicts by land as well as by sea. It describes the routs of transporting and the order of delivering prisoners on the whole way.

Key words: Sakhalin Island; deportees (convict settlers); transporting; instruction; rules; regime (procedure); penal servitude; ship-prison; transport prison; Rules of Exiles.

Открытие дальневосточных земель русскими землепроходцами, флотоводцами и учеными позволило закрепить этот край за Россией. Исследования, проведенные Г.И. Невельским, привели в 1849 году к открытию островного положения Сахалина. На острове были найдены большие залежи каменного угля и нефти. Кроме того, Сахалин имел для России важное стратегическое значение.

Выбор острова Сахалина для создания каторги был далеко не случайным. Во-первых, он удален на значительное расстояние от центральной части России. Во-вторых, островное положение Сахалина и его удаленность от материка, по мнению царских чиновников, почти исключали побег, характерные для тюрем Сибири. В-третьих, сосредоточение большого количества ссыльнокаторжных со всей страны в одном месте позволяло сократить расходы на их содержание. В-четвертых, с помощью бесплатной рабочей силы можно разрабатывать и эксплуатировать богатейшие недра острова и тем самым снабжать русский флот углем, а также экспортировать его.

Начиная с апреля 1869 года, на Сахалин этапом стали поступать партии каторжан. В числе поступивших 800 каторжан находились лица, осужденные за «неповиновение властям», а также участники крестьянских волнений, то есть лица, связанные с революционной деятельностью, хотя политическая каторга на Сахалине была официально учреждена позже, но на ней

отбывали наказание как политические, так и лица, осужденные за уголовные преступления.

Политические процессы пореформенного периода отражали суть положения в стране, и многие из осужденных приговаривались к каторжным работам на Сахалине. Наиболее многочисленными представителями из числа осужденных отбывавшими каторгу на Сахалине, были народники.

На Сахалин этапировались лица, осужденные за политическую работу в царской армии и на флоте. Например, в 1884 году состоялся процесс по делу военной организации партии «Народная воля». В эту организацию входили офицеры: полковник М.Ю. Ашенбрэннер, мичман И.П. Ювачев, поручик артиллерии Н.М. Рогачев, лейтенант флота барон А.П. Штрюмберг и другие. Цель организации – свержение царизма в России вооруженным путем. В результате предательства члены организации были арестованы и преданы суду. Вместе с ними перед судом предстали лица, тесно связанные с этой организацией: Вера Фигнер и Людмила Волькенштейн (Александрова). Волькенштейн была приговорена к смертной казни, замененной впоследствии пятнадцатью годами каторжных работ, из которых четырнадцать лет отбыла в одиночной камере Шлиссельбургской крепости, а затем сослана на Сахалин. Из этой же группы был отправлен на Сахалин Ювачев, которому смертная казнь была заменена пятнадцатью годами каторжных работ.

Этапирование каторжан на Сахалин осуществлялось двумя путями: сухопутным – через Сибирь и морским – вокруг Азии. Традиционный сухопутный путь этапирования в Сибирь существовал задолго до открытия каторги на острове, а морской был открыт в 1879 году. Центральным сборным пунктом, где формировались партии каторжан, направляемых на о. Сахалин, являлась Бутырская пересыльная тюрьма в г. Москве.

Сухопутный этап проходил через европейскую часть России, Западную и Восточную Сибирь. Это были утомительные переходы, длившиеся до трех лет¹. Из Бутырской пересыльной тюрьмы партиями до 200 человек каторжан отправляли по Владимирскому тракту. Впоследствии их стали перевозить в специальных вагонах по железной дороге до Нижнего Новгорода. Оттуда в летнее время на специально оборудованных баржах, буксируемых пароходом, по рекам Волге и Каме, один раз в неделю дос-

тавляли в Пермь. Из Перми они конвоировались до Тюмени, а далее на судах по рекам Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи прибывали в Томск. Затем по сибирскому тракту поступали в Александровский каторжный централ, расположенный близ Иркутска, в котором находился инспектор по пересылке арестантов в Восточной Сибири². Далее каторжан перевозили на пароходах через озеро Байкал, этапировали до Сретенска, а оттуда на баржах по рекам Шилке и Амуру сплавливали до г. Николаевска. Из Николаевской пересыльной тюрьмы на судах, зафрахтованных главным тюремным управлением (далее ГТУ), по Татарскому проливу каторжан доставляли в административный центр Сахалинской каторги – Александровский пост, откуда их распределяли по тюремным округам острова. Сухопутный этап был настолько тяжел, что сосланный в Сибирь Г.К. Орджоникидзе писал: «... хуже этого этапа ничего нет»³.

Режим этапирования политкаторжан на о. Сахалин регламентировался как уставами, так и отдельными правилами. В соответствии с Уставом о содержащихся под стражей, управлением этапов каторжан к месту отбывания наказания ведал главный инспектор по пересылке арестантов, назначавшийся из числа генералов Военного министерства и подчинявшийся начальнику ГТУ⁴. На местах руководство этапами осуществляли участковые (местные) инспекторы по пересылке арестантов в Западной и Восточной Сибири, которым подчинялись конвойные команды, сопровождавшие партии каторжан. В Уставе о содержащихся под стражей пересылке каторжан посвящена седьмая глава. В ней регламентированы некоторые вопросы, связанные с порядком сопровождения и управления партиями каторжан, а также даны нормы довольствия в пути.

В соответствии со ст. 375 Устава на каждого ссыльнокаторжного заводят «открытые листы» или же, так называемые «статейные списки» (личное дело арестанта). В них давалось описание примет осужденных, а также приводились данные о судимостях.

Статья 377 Устава предоставляла право руководству этапов по своему усмотрению содержать во время следования по этапу каторжных в кандалах. В отношении этапирования каторжан, осужденных к ссылке в каторжные работы, данная статья отсылает к статье 237, в которой дается четкое предписание: «В осо-

бенности же должны быть закованы в кандалы все осужденные к ссылке в каторжные работы».

Устав устанавливал различные условия режима для лиц из разных социальных слоев, то есть осуществлялся классовый подход. Так, статья 378 предписывала арестантам «... из дворян и отставных офицеров, кои окажутся не имеющими состояния, даются прогоны из казны каждому на одну лошадь...». Как видим, классовый подход осуществлялся в отношении тех, кто уже осужден и этапируется к месту отбывания наказания. Это же вытекало из смысла статьи 390 Устава, в которой предусматривался расчет денег на питание в пути. «... Тем из арестантов, которые принадлежат к высшим сословиям, – по пятнадцати копеек в сутки, а принадлежащим к прочим сословиям – по десять копеек в сутки»⁵. Следует отметить, что на политкаторжан это правило не распространялось. Они, независимо от социальной принадлежности, льгот не имели. Относительно вещевого довольствия ссыльнокаторжных во время этапирования Устав о содержащихся под стражей отсылал к Уставу о ссыльных, в котором вопросам этапирования посвящена глава, несколько детальнее регламентирующая режим этапирования каторжан.

Ссыльнокаторжные, подлежащие этапированию, в соответствии со статьей 331 Устава о ссыльных перед отправкой проходили медицинский осмотр. В состав комиссии, проводившей осмотр, помимо врачей входили представители тюремной администрации, а также прокурорские чиновники. Цель медицинского освидетельствования – определить возможность того или иного ссыльнокаторжного преодолеть громадное расстояние пешком или морским этапом до о. Сахалина. В случае разногласий членов комиссии окончательное решение принимал губернатор.

Поскольку Сахалинская каторга пользовалась самой мрачной славой, осужденные применяли различные уловки, чтобы не попасть туда. Политкаторжанин А.И. Ермаков вспоминает: «... Время близилось к медицинскому освидетельствованию каторжан, которых по состоянию здоровья распределяли по разным округам. Тут меня поразило одно явление. Я наблюдал, как многие каторжане нарочно калечили себя: пили настой из табака или же какой-либо кислотой разводили себе язвы на теле, словом, старались подорвать свое здоровье. Я заинтересовался, почему уже осужденные на каторгу, точно перед солдатчиной,

причиняют себе всевозможные страдания, сокращая годы жизни. Мне сообщили, что каторга не везде одинакова, есть очень страшные места и есть много лучше, вроде богадельни. Калечившие себя сказали мне, что они боятся Сахалинской каторги, и вот, чтобы не попасть туда, уродуют себя»⁶. Часто каторжане из тех, кто уже прошел медицинское освидетельствование, предпочитали умереть, чем попасть на Сахалинскую каторгу. «Некоторые каторжане, уже назначенные на Сахалин, все еще не теряли надежды избежать этот проклятый остров и вернуться назад в Бутырки..., употребляли все злейшие средства, чтобы исколечить свое здоровье. Несколько человек при этом пересолили и до отправки на каторгу отправились в могилу»⁷.

Устав о ссыльных так же, как и Устав о содержащихся под стражей, закреплял классовый подход к режиму содержания каторжан во время этапирования. Так, статья 83 Устава о ссыльных обязывала во время следования этапа надевать наручники на тех осужденных, которые этапировались без кандалов, исключение составляли осужденные из дворян.

Женщины, следовавшие на каторгу, в соответствии с Уставом о ссыльных разделялись на два разряда: идущие по собственному желанию вместе с осужденными к каторжным работам мужьями и направленные на каторгу по судебным приговорам. Согласно статье 85 Устава о ссыльных женщины, следовавшие добровольно с мужьями на каторгу, содержались вместе с ними и не подлежали «строгости надзора». Однако это положение Устава о ссыльных не распространялось на женщин, следовавших с мужьями, осужденными за государственные преступления. В отношении жен политкаторжан существовали различные ограничения. Так, согласно секретному циркуляру № 979 от 31 мая 1878 г. генерал-губернатор Восточной Сибири женам, добровольно следовавшим за сосланными государственными преступниками, запрещались какие-либо отлучки из мест их пребывания. Кроме того, по прибытии на Сахалин за женами политкаторжан, в соответствии с указанием начальника ГТУ, в течение четырех лет осуществлялся полицейский надзор. Некоторые жены политкаторжан не выдерживали трудностей этапа и погибали. Таким образом, «строгость надзора» распространялась и на них. В отношении же лиц, осужденных за государственные преступления, генерал-губернатор Восточной Сибири барон Фредерикс

31 мая 1878 г., издал циркуляр № 927, в котором предписывал изолированное содержание политкаторжан, следовавших по этапу. «... В случае назначения ссыльных упомянутой категории в вверенную Вам область или проследования по оной, они при остановках на пути следования в местах назначения были содержимы в тюрьмах отдельно от арестованных других категорий и чтобы настоящее требование исполнялось без малейшего послабления ...».

В Уставе о ссыльных говорится даже о медицинской помощи этаплируемым ссыльнокаторжным⁸, однако практически она почти не оказывалась. По словам политкаторжанина А.И. Ермакова, в пути «... на какую бы болезнь каторжанин ни жаловался, фельдшер пичкал всех касторкой ...»⁹. На самом же Сахалине «... врачи вместо лекарств прописывали розги»¹⁰.

На основании положений Устава о ссыльных ссыльнокаторжные в период этапирования снабжались необходимой по сезону одеждой. В отношении политкаторжан имелись ограничения, введенные циркуляром № 62 Министерства внутренних дел от 4 июня 1879 г. В нем указывалось, что с целью предупреждения побегов политкаторжанам запрещалось переодеваться, и они должны были следовать в одной и той же одежде в течение всего пути этапирования. Военный губернатор Приморской области в своем указании № 6499 от 10 октября 1879 г. потребовал от заведующего ссыльнокаторжными строго соблюдать это положение циркуляра.

В Уставе о ссыльных имеется ряд статей, посвященных устройству и содержанию этапных тюрем. Главное требование, предъявляемое к тюремным зданиям, состояло в том, чтобы из них невозможно было совершить побег. На элементарное санитарное состояние этапных тюрем внимания почти не обращалось, что подтверждается архивными материалами. Статья 77 Устава о ссыльных предусматривала, что там, где недостаточно помещений для этапных тюрем, следует арендовать их за счет казны. Данное положение, как и многие другие, касавшиеся улучшения быта каторжан, не выполнялось. Это вынуждены были признать даже высшие царские чиновники. Генерал-губернатор Восточной Сибири барон Фредерикс в письме № 3204 от 19 августа 1879 г. на имя военного губернатора Приморской области со ссылкой на материалы проверки, проведенной ин-

спектром по пересылке арестантов в Восточной Сибири подполковником Загариным в отношении Николаевской этапной тюрьмы, писал, что эта тюрьма содержится в особенно поражающей нечистоте, «... нет никакой вентиляции, и при закрытых окнах воздух сгущается до того, что почти нечем дышать, и тут помещались больные арестанты, одержимые цингой на голых нарах и на полу под нарами в грязном белье и буквально без всякого призрения, а тридцать человек каторжных помещались в сараях на тюремном дворе и в течение четырех дней больным не было подаваемо медицинской помощи не только доктором, но и фельдшером, и они умоляли своими стонами о какой-нибудь помощи, и хотя была подана затем помощь фельдшером, но она ограничилась лишь дачею на каждого больного по одному перу полевого лука, а пища арестантов состояла только из рыбы, выдаваемой им на руки в сыром виде»¹¹.

В таких же антисанитарных условиях содержались ссыльнокаторжные на сплавляемых по Амуру баржах. Баржи были разнотипные, не приспособленные для перевозки людей, и большинство из них давали течи. Генерал-губернатор Забайкальской области в своем рапорте № 6231 от 22 сентября 1876 г. вынужден был признать: «... накопившаяся в трюмах вода к концу плавания начинала разлагаться и, распространяя зловоние, весьма неблагоприятно подействовала на здоровье арестантов»¹².

Из г. Николаевска в п. Александровский на о. Сахалине ссыльнокаторжных перевозили на морских судах в таких же антисанитарных условиях, как и на баржах. Из сообщения № 3204 от 19 августа 1876 г. генерал-губернатора Восточной Сибири военному губернатору Приморской области видно, что шхуна «Тунгус», на которой предполагалось отправить на о. Сахалин около 150 человек арестантов, в том числе и больных, оказалась непригодной. Так, арестанты должны были содержаться в темных сырых трюмах судна, не имевших никакой вентиляции¹³.

Режим содержания каторжан в ходе этапирования, помимо Устава о содержащихся под стражей и Устава о ссыльных, регламентировался ведомственными инструкциями. С открытием морских перевозок на о. Сахалин возникла необходимость регламентации содержания каторжан на судах, так как в Уставах эти вопросы не освещались. 26 мая 1879 г. МВД была утверждена

«Инструкция чиновнику, командированному для сопровождения в качестве смотрителя партии ссыльнокаторжных, отправляемой на о. Сахалин морем». Инструкция состояла из одиннадцати пунктов, она регламентировала действия смотрителя партии ссыльнокаторжных и командира судна по установлению режима содержания каторжан. В соответствии с этой инструкцией, смотритель партии ссыльнокаторжных находился в двойном подчинении: главного инспектора по пересылке арестантов и командира судна.

Лица, предназначенные для отправки морским путем на о. Сахалин, вначале доставлялись в г. Одессу. Из Одесской тюрьмы каторжане партиями до восьмисот человек на судах товарищества «Добровольного флота» отправлялись в двухмесячное плавание вокруг Азии. Необходимо отметить, что для пересылки ссыльнокаторжных строились специальные «транспортные тюрьмы». Так, на перевозке ссыльнокаторжных на Сахалин было занято несколько судов, переоборудованных под плавучие тюрьмы. Среди этих судов был пароход «Ярославль», построенный в 1893 году шотландской кораблестроительной фирмой «Денни» по заказу «Добровольного флота» специально для перевозки каторжан на Сахалин¹⁴. Постройка специального судна была вызвана следующими причинами: с одной стороны, сократить возможность побегов ссыльнокаторжных с судов во время их плавания и стоянки в портах, а с другой – предотвратить самоубийства. Доведенные до отчаяния жестоким режимом, каторжане при удобном случае бросались в море, предпочитая утонуть, чем попасть на Сахалин¹⁵. Немаловажной причиной постройки этой плавучей тюрьмы явилось то обстоятельство, что потерпел крушение и затонул у берегов Сахалина пароход «Кострома», занятый на перевозке ссыльнокаторжных¹⁶. Все это свидетельствует о том, что царизм рассчитывал на долгосрочную перспективу использования каторги на Сахалине. До последних лет существования каторги на острове туда поступали этапы как сухопутным, так и морским путем.

В Одесском порту на борт плавучей тюрьмы каторжан принимали старшие помощники командиров судов, которые поступление каждого каторжанина отмечали в соответствующем списке. Они же организовывали охрану доставленных и выставляли посты из числа конвойных матросов. В каждой партии этапирова-

мых на о. Сахалин политкаторжане составляли один – два процента, так как в помещениях разрешалось содержать не более одного-двух осужденных за государственные преступления. Так, в сообщении ГТУ № 6982 от 14 июня 1886 года говорилось, что на пароходе «Нижний Новгород» отправлено 5 осужденных членов партии «Пролетариат». В следующем году весенним рейсом из Одессы убыло уже 11 членов той же партии.

В соответствии с пунктом третьим Инструкции от 26 мая 1879 года размещение осужденных по трюмам производил командир судна. «Трюм был обнесен толстой решеткой, а за решеткой находился узкий проход, где посменно дежурили конвоиры-матросы. В трюме были устроены нары в три этажа, которых хватало для всех, но на верхних нарах, благодаря жаре и духоте, не ложились и предпочитали валяться на полу под нижними нарами»¹⁷.

Пункт шестой инструкции регламентировал распорядок дня на судне для каторжан. Он требовал от каторжан «... безусловно исполнять все последовавшие от командира судна распоряжения...». Об условиях режима содержания на судне командир инструктировал каторжан, как правило, сам. А.И. Ермаков пишет: «Когда мы разместились и освоились со своим положением, к нам явился командир парохода и грозным голосом, с грубыми ругательствами, предупредил, что если кто-либо из нас вздумает устроить побег или же мы захотим бунтовать, то он живо усмирит всех, как клопов или тараканов ошпарит паром. При этой угрозе он показал на несколько паровых труб, проведенных через трюм»¹⁸. В условиях царившего произвола и беззакония командир корабля, безусловно, осуществил бы свою угрозу при попытке каторжан выразить каким-либо образом свой протест.

Эта инструкция формально уделяла внимание санитарному состоянию содержания ссыльнокаторжных во время этапирования. Смотрителю партии ссыльнокаторжных вменялось в обязанность «... наблюдение за поддержанием чистоты и порядка в камерах, занимаемых каторжными». В случае заболевания кого-либо из них предписывалось докладывать врачу и командиру судна. В действительности же это положение инструкции не исполнялось. «Да, это трудное и долгое, почти двухмесячное путешествие оставило во мне воспоминание чего-то жуткого, кошмарного. Духота, жара, качка ... И мы все, обнаженные,

потные, обессиленные, столпились внизу, тремся друг о друга голыми телами, копошимся в своем тесном гнезде, точно засыпающая рыба в неводе. При таких антигигиенических условиях было неизбежным, что нас почти всех охватывала тропическая сыпь – наши тела были разрисованы отвратительными чирьями, которые не поддавались лечению. Впрочем, и лечение было самое примитивное»¹⁹.

В соответствии с инструкцией, право наложения дисциплинарных взысканий на ссыльнокаторжных в пути следования принадлежало командиру судна. Здесь наблюдается сращивание пенитенциарных функций и функций по управлению судном в одном лице. Налагаемые взыскания, согласно пункту десятому инструкции, заносились в особый журнал. За малейшее нарушение режима ссыльнокаторжных помещали в темные тесные карцеры на хлеб и воду.

Пищу каторжанам на судне выдавали один раз в сутки, но и ее они были не в силах принимать. «... Морская кашка отбивала часто не только охоту к еде, но и всякие помыслы о ней»²⁰. Выдаваемая пища к потреблению была не пригодна. В море приходилось есть тухлую солонину с червями ... Когда мы макали в кружку галеты, то из них выползали маленькие беленькие червячки и тонким слоем покрывали воду»²¹.

Инструкция заканчивалась указанием смотрителю: о сдаче очередной партии каторжан на острове докладывать в Министерство внутренних дел. Из этого видно, что этапированию морским путем, исключающему побеги, наиболее быстрому способу доставки ссыльнокаторжных на остров, придавалось особое значение.

Исследуемая инструкция являлась основным документом, регламентировавшим некоторые стороны режима содержания ссыльнокаторжных во время этапирования морским путем. Помимо этой инструкции, МВД направляло генерал-губернатору Восточной Сибири различные указания, в которых содержались отдельные положения, связанные с режимом этапирования. Так, Департамент полиции 23 июля 1879 г. в своем сообщении № 5695 на имя генерал-губернатора Восточной Сибири, ставя в известность о направлении на о. Сахалин морским путем первой партии каторжан в количестве шестисот человек на пароходе «Нижний Новгород», сообщал, что они по медицинскому осви-

детельствованию годны к производству самых тяжелых работ, т. е. тем самым давалось разрешение об их использовании на тяжёлых каторжных работах.

И так почти по всем крупным процессам пореформенного периода: осужденные этапировались на Сахалин, так как эта каторга считалась наиболее надежным местом изоляции.

Примечания

1. Чехов А.П. Остров Сахалин. Хабаровск, 1981. С. 184.
2. Примечание к ст. 387 Устава о содержащихся под стражею. С. 83.
3. Орджоникидзе З.Г. Путь большевика: Страницы из жизни Г.К. Орджоникидзе. М., 1986. С. 69.
4. Ст. 385 Устава о содержащихся под стражею.
5. Это положение повторяется в ст. 48 Устава о ссыльных.
6. Ермаков А.И. Из быта Сахалинской каторги. М., 1929. С. 8-9.
7. Там же. С. 11.
8. Примечание 3 к ст. 200 Устава о ссыльных.
9. Ермаков А.И. Указ. соч. С. 16.
10. Дриль Д. Ссылка во Франции и России. СПб., 1899. С. 71.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 24, оп. 2, д. 141, к-2262, л. 21-22.
12. Там же, л. 28.
13. См.: Там же, л. 22.
14. См.: Щербаков А.В. Перевозка ссыльнокаторжных на остров Сахалин морем // Тюремный вестник. СПб.: ГТУ, 1893. № 6. С. 239.
15. Там же. С. 307.
16. См.: Там же. С. 301.
17. Ермаков А.И. Указ. соч. С. 15.
18. См.: Там же. С. 15.
19. См.: Там же. С. 18.
20. Щербаков А.В. Указ. соч. С. 305.
21. Ермаков А.И. Указ. соч. С. 18.

Д.А. Бахшт

**Подавление «Туруханского бунта»:
карательный аппарат царской России за Полярным кругом**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с установлением военного положения в Туруханском крае Енисейской губернии для противодействия вооруженной группе ссыльных в 1909 году. Целью статьи является показать скрытые мотивы установления Временного Туруханского генерал-губернаторства через деятельность различных структур власти Енисейской губернии.

Ключевые слова: Туруханский бунт, генерал-губернаторство, Туруханская ссылка, жандармерия, полиция

D.A. Baksht

**Suppression of “the Turuhansk revolt”:
the executive device of tsarist Russia behind Polar circle**

In the article are considered questions connected with declaration of the martial law in Turuhansk region of the Yenisei province for counteraction to armed group of exiled in 1909. The article purpose is to show the latent motives of declaration of the Provisional Turuhansk general-governorship through activity of various structures of the power in the Yenisei province.

Keywords: the Turuhansk revolt, the exile to Turuhansk province, gendarmes, police

«Туруханским бунтом» принято называть деятельность вооруженной группы ссыльных на территории Туруханского края в 1908–1909 гг. Название это получило у современников и закрепилось окончательно под влиянием статьи Я.М. Свердлова с одноименным названием [1].

Стоит сказать, чем интересен именно этот эпизод истории Енисейской ссылки. Во-первых, «бунт» поднимает вопрос о контингенте ссылки, о чем стали писать уже с 1909 г. в сибирской прессе сами ссыльные и местная интеллигенция. Во-вторых, это, несомненно, поведение власти в установлении чрезвычайных положений в отдельных местностях. Специфика Турухан-

ского края (географическое положение, крайне малая плотность население и т. д.) позволяет оценить военно-административный аппарат самодержавного режима в Сибири. Мы сделаем акцент на последнем аспекте, и в связи с этим предметом исследования станет именно имперский аппарат власти.

Историография вопроса крайне скудна. Основой сведений являлись статьи Свердлова (написанные позже событий) и воспоминания Д.И. Ермаковского [2]. Главное назначение темы являлось показать неэффективность анархических методов борьбы против царизма. Так, в «Истории Сибири» на одной странице разместились критика террора читинских эсеров и теории ассоциативного анархизма (идеология туруханских анархистов) [3]. Вклад сделал Э.Ш. Хазиахметов в своей монографии, хотя Туруханскому бунту было отведено полторы страницы. Были использованы два документа из фонда департамента полиции и процитирован план П.Д. Турчанинова (идейного вдохновителя бунта) по побегу из ссылки, подтверждающий преобладание анархизма у «бунтовщиков» [4]. Долгое время туруханские события обходились стороной, и сведения считались достаточными. Новые уточнения ввел краевед В.В. Денисов [5].

Туруханская массовая ссылка была организована с лета 1906 г. Перед описываемыми событиями (на ноябрь 1908 г.) в ссылке находилось 559 человек «на лицо» помимо 133 бежавших, 4 умерших и 49 освобожденных или переведенных в другие местности. Кроме того, ожидалось прибытие 327 человек [6].

Территориально край входил в состав Енисейского уезда, однако, фактически это была отдельная территория, управляемая губернатором через «отдельного Туруханского пристава», сочетавшего административную, полицейскую и судебную власть в одном лице. С 1902 по 1909 г. эту должность занимал Л.Ф. Булевский, польский беспоместный дворянин [7]. На допросе Д.И. Ермаковский показывал, что Булевский установил в крае по отношению к ссыльным достаточно мягкие условия и «покровительствовал» им. Жандармский полковник в 1908 г. жаловался, что он несвоевременно сообщает о побегах [8].

На территории Туруханского края также был очень слабый аппарат полиции:

Табл. 1: Полицейские чины в Туруханском крае на 1908 г.[9]

Принадлежность	Чины	Количество (чел.)
Казачество	Урядники	3
	Казаки	10
Полицейская стража		30

В начале 1908 г. стал организовываться кордон в селе Ворогово для пресечения побегов (граница края с уездом), где было помещено 15 стражников [10].

В Енисейском уезде была схожая ситуация: полиция была разбросана по станам и небольшая часть находилась в городе. В январе 1908 г. была сокращена жандармерия: офицер из Енисейска был переведен в Красноярск, упразднен пункт в селе Казачинском (2 унтер-офицера), уезд был в наблюдательном отношении подчинен Красноярску. А с мая 1908 г. осталось лишь два нижних жандармских чина [11]. Из военных подразделений в уезде была лишь Енисейская местная команда. Согласно памятной книжке на 1909 г., при команде должно быть 2 офицера. Однако в январе 1909 г. мы видим лишь 1 офицера при несоответствующей штату численности команды (82 вместо 101 человека). Команда так и не была задействована в подавлении беспорядков, оставшись исполнять конвойные функции и охрану Енисейского тюремного замка [12].

К лету 1908 г. ссылка начала создавать свое беспартийное экономическое объединение. Идея исходила от ссыльного Я.Ф. Тиллока. Он вел активную борьбу с П.Д. Турчаниновым, проповедовавшим «ассоциативный анархизм», т. е. отказ от создания каких-либо партий и объединений с использованием террора для построения общества «без какой-либо власти». Турчанинову удалось расколоть колонию Сумарокову на две коммуны: «эволюционеры» Тиллока и «боевики» Турчанинова [13].

Удалось организовать съезд в селе Верхне-Инбатском, проходивший с 20 по 27 июля при участии 29 крупных колоний. Были вынесены шесть вопросов и неделя дебатов окончательно расколола всю ссылку на «мирных» (большинство) и «боевиков». По окончании съезда на основании резолюции было организовано Центральное бюро (под председательством эсера В. Шубина, будущего агента полиции). В Сумароковой организован Боевой комитет, куда вошли будущие активные участники «бунта» (Н.

Дронов, М. Самойлов (Орлов), И. Кадинери др. при «директиве» П.Д. Турчанинова) [14].

Турчанинов хотел установить связь с Якутской и Нарымской ссылкой и к весне 1909 г. осуществить вооруженный побег с захватом парохода [15], однако Дронов, Кадинер, Самойлов и еще несколько человек внезапно произвели ограбление фирмы «Рошет». Полиция быстро арестовала участников ограбления и вышла в сторону Ворогово. Однако 8 декабря 1908 г. в Осиновском при помощи местных ссыльных было совершено нападение на конвой, остановившихся на ночлег стражников, из которых двоих убили, пятерых разоружили. Через день была ограблена почта, а 11 декабря было совершено нападение на очередной конвой из 4 человек. 20–23 декабря был разграблен Туруханск, убит помощник пристава, несколько казаков и несколько жителей, уничтожен архив [16]. Пристав Булевский накануне выехал из города.

Вследствие отсутствия телеграфной линии, до Енисейска сведения о нападении на конвоиров в Осиновке дошли несколько дней спустя. Незамедлительно в Ворогово выехал пристав с 16 полицейскими. Однако по прибытии выяснилось, что в Ворогово практически все чины находятся в нетрезвом состоянии, оказывают сопротивление, практически разоружены и некоторые отказываются подчиняться прямым приказам. Сформированный приставом отряд из «енисейцев» и нескольких «туруханцев» смог совершить лишь небольшой рейд до Осиновой 18 декабря 1908 г., когда еще не был разгромлен Туруханск. Произведя несколько арестов, отряд был вынужден повернуть, поскольку полицейские опасались дойти до следующего станка. Они считали, что вся ссылка заодно и готова оказать сопротивление властям. Кроме того, были завышены цифры «боевиков»: из 8–11 человек «шайка» выросла до 80 [17]. Пристав после возвращения в Ворогово тем же днем запросил Красноярск выслать войска. Полиция оказалась бессильна в экстремальных условиях.

В Красноярск стали поступать сведения о бунте, цифра в 80 человек временно стала официальной. Жандармский полковник Н.Г. Иваненко разработал план, который в дальнейшем послужит руководством к действиям генерал-губернатору. Согласно ему, невозможно навести порядок силами жандармерии, поэтому Иваненко называет силы, которые необходимы для следствия

и подавления мятежа: около сотни солдат и казачий взвод при содействии отряда жандармских чинов. План был отправлен в Департамент полиции [18].

Очевидно, план жандармского полковника одобрили в Петербурге, поскольку 4 января 1909 г. Николай II подписывает указ, в котором объявляет Туруханский край на военном положении, а Енисейский уезд переведен в состояние усиленной охраны. Иркутскому генерал-губернатору было передано право назначать лицо для осуществления военной власти в крае [19]. В этот же день оповещен Красноярск и Иркутск.

Временным генерал-губернатором Туруханского края был назначен генерал-майор В.О. Трофимов, командир 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Ему были подчинены армейские формирования, полиция и жандармерия, вся администрация территорий кроме чинов прокурорского надзора. Местом водворения арестованных определили Енисейск, а дело с 13 января передали в военное ведомство [20].

Весь контингент был объединен в «военный отряд при генерал-губернаторе», начальником которого назначался подполковник Образцов.

Табл. 2: Военный отряд при генерал-губернаторе

Подразделение		Количество (чел.)		Итого
		офицеров	Ни ж н и х чинов	
Отряд Нагурного		1	20	21
3-й казачий взвод		1	6	7
7 роты ВССП	1-й взвод	1	22	23
	2-й взвод	1	22	23
	3-й взвод	1	23	24
	4-й взвод	1	39	40
16 роты ВССП	1-й взвод	1	29	30
	2-й взвод	1	25	26
	3-й взвод	1	34	35
	4-й взвод	1	34	35
Енисейская местная команда		1	82	83
Итого		11	336	347

Еще до объявления военного положения из Красноярска был отправлен сводный отряд 20 стрелков 31-го Восточно-Сибирского полка под командованием поручика Н.Д. Нагурного. Естественно, все это делалось негласно, поскольку, если судить по

сибирским и красноярским газетам, то население оставалось в догадках и неведении до февраля 1909 г. Нагурный добрался до Енисейска 26 декабря 1908 г. Тройх из команды оставили для сопровождения почты, остальные продолжили свой путь на север [21].

Первый «эшелон» полуроты солдат и казаков вышел 9 января 1909 г. из Красноярска [22]. В дальнейшем такой порядок поможет в весьма короткие сроки отправлять ссылных эстафетным порядком из Туруханского края в Енисейск.

До начала февраля 1909 г. шел процесс концентрации основных сил в Енисейском уезде и Туруханском крае. Енисейск был выбран резиденцией генерал-губернатора, поскольку в городе был проведен телеграф. В самом городе, как сообщает анонимный корреспондент из Енисейска, царила подавляющая атмосфера [23].

Интересно, что зачастую принято выделять казачьи войска, описывая подавление того или иного противоправительственного выступления. В случае с «Туруханским бунтом» взвод не вступил даже на территорию Туруханского края и использовался для наведения порядка в Приангарье [24].

27 января 1909 г. команда Нагурного прибыла в Туруханск, где обнаружила мертвых и раненных, вернувшегося пристава Булевского. Была выяснена численность «шайки» – 18 человек, которые покинули Туруханск еще 10 января в сторону Дудинского. Нагурный был вынужден отправить в Енисейск одного солдата за доктором, а на следующий день отправился в погоню, включив в свой отряд казака Пуссе (проводник) и пристава Булевского. Стоит отметить, что в самом начале подготовки операции, в Иркутске обнаружилось, что контингент невозможно обеспечить картами края крупного масштаба, поэтому пока команда двигалась вдоль Енисея, то не возникало проблем, но для погони через тундру военные оказались не готовы.

5 февраля, разбившись на 3 группы, военные окружили село Хатангское, где засели «боевики» и, воспользовавшись эффектом неожиданности, без потерь взяли «шайку», застрелив при этом пятерых человек. Но до Туруханска не доехали еще 5 человек: 1 умер от ран, 4 пытались бежать [25].

Военное положение было снято 29 июля 1909 г., когда были закончены мероприятия в крае и с летней навигацией эвакуиро-

ваны войска [26]. 27-29 сентября решением Временного военного суда было постановлено признать виновными всех членов «шайки», однако повесили только четверых, остальных отправили на бессрочную Нерчинскую каторгу. Поскольку сохранились протоколы дознаний, мы знаем, что Ермаковский и Шальчус сами пошли на контакт с жандармерией, поэтому и сохранили себе жизнь. Ровно через год состоялся гражданский суд над сообщниками, где из 17-ти десятерых признали виновными и отправили на 3,5 года в исправительные отделения.

Из всех глав правительственных ведомств был отмечен только полковник Иваненко, переведенный на более высокое место – начальника Смоленского губернского жандармского управления, ротмистр Щербатов, который вел аресты и дознание в крае, через год также оказался в Смоленске. Информацию о награждении остальных мы не находим, у генерала Трофимова должность генерал-губернатора не отмечалась в «Списках полковникам по старшинству».

«Туруханский бунт» показал слабость поздней монархии в противодействии внутренним врагам: выбрав путь репрессий, российское самодержавие не обладало на периферии эффективным полицейским аппаратом. Только армия была способна противостоять внутренним врагам режима. Пример «Туруханской истории», когда ни полиция, ни жандармерия были не в состоянии задавить банду из 20 человек, когда местное крестьянство не смогло составить «дружину» под руководством полицейского пристава ясно показывает нам, что ситуация зависимости самодержавной власти от армии растянулась на весь межреволюционный период.

Примечания

1. Свердлов Я.М. Избранные произведения. М., 1957. С. 32-45.
2. Ермаковский Д.И. Туруханский бунт. М., 1930.
3. История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 335.
4. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка. 1905–1917 гг. Томск, 1978. С. 46-47.
5. Денисов В.В. Хронология Таймыра: хронология исторических событий генезиса Таймыра и Норильского района. Норильск, 2009.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 860. Оп. 1. Д. 1. Л. 41 об.
7. ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1137. Л. 3-10.
8. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 128. Л. 10; Ф. 860. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

9. Там же. Д. 1. Л. 50.
10. В.Б. [Беренчик В.К.]. Необходимое добавление к истории Туруханского «бунта» // Сибирские вопросы. 1910. № 45-46. С. 27.
11. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 17. Л. 6; Д. 23. Л. 1.
12. Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. Красноярск, 1908. С. 81; ГАКК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 1. Л. 42-42 об.
13. ГАКК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.
14. Там же. Л. 61 об.-62.
15. Хазиахметов Э.Ш. Указ. соч. С. 47.
16. ГАКК. Ф. 516. Оп. 3. Д. 245. Л. 3-5 об.
17. ГАКК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 1. Л. 7, 19-20.
18. ГАКК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 в.
19. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 29. Ч. 1. № 31345.
20. ГАКК. Ф. 516. Оп. 3. Д. 245. Л. 31; Ф. 860. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 106.
21. ГАКК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
22. Там же. Л. 23.
23. Красноярск. 1909. № 10 (14.01.1909).
24. ГАКК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 1. Л. 126, 220 об., 306, 332.
25. Там же. Л. 265-266 об.
26. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 29. Ч. 1. № 32434.

УДК 351.74/.76 (571.53) (091)

С.Е. Кравцов

О некоторых направлениях деятельности губернских жандармских управлений в начале XX в. (по материалам Иркутской губернии)

На основании анализа архивных материалов в статье рассматриваются процессуальные формы деятельности губернских жандармских управлений по борьбе с преступлениями против государственной власти в Российской империи нач. XX в.

Ключевые слова: государственные преступления, губернские жандармские управления, дознание, Отдельный корпус жандармов, районные охранные отделения.

Some directions of activity of the province gendarmerie branches in the beginning of XX century (on materials of Irkutsk province)

This article is about legal forms of activity of the province gendarmerie branches in its war against revolutionary movement and the opposition in late Imperial Russia.

Key words: state crimes, province gendarmerie branches, inquiry, The Separate Corps of Gendarmes, district security branch.

К началу XX в. на территории Российской империи сформировалась разветвленная сеть специализированных государственных учреждений, основная задача которых сводилась к охранению существовавшего монархического строя и противостоянию революционным силам. Вплоть до настоящего времени специфика их деятельности на региональном уровне не изучена в достаточной степени, что во многом объясняется сложностью организации и соподчиненности органов политической полиции в указанный период.

Основным звеном структуры, на которое возлагались функции по непосредственному осуществлению уголовного преследования государственных преступников, являлись губернские жандармские управления, учрежденные в 1867 г. Созданию жизнеспособной системы жандармских управлений, наделенных всеми процессуальными средствами для ведения борьбы с революционным движением, предшествовал продолжительный период становления, переломным моментом которого стало принятие 19 мая 1871 г. правил о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений¹. Нормами указанного документа офицеры управлений были наделены полномочиями «по производству дознаний о преступлениях государственных на основании точных, согласованных с судебными уставами 20 ноября 1864 года... узаконений, взамен преподанных в прежнее время Корпусу жандармов инструкций».

Отметим, что ранее действовавшим положением о Корпусе жандармов² от 9 сентября 1867 г., губернским жандармским управлениям предписывалось «нести обязанности только наблюдательные, содействуя впрочем к восстановлению нарушенного

порядка только в том случае, когда будут приглашены к тому местными властями».

С упразднением указом от 6 августа 1880 г. III отделения³, положение губернских жандармских управлений еще более укрепляется в связи с тем, что, несмотря на возложение на министра внутренних дел полномочий шефа жандармов⁴, Отдельный корпус фактически продолжает оставаться подчиненным Военному ведомству.

Несмотря на внешнюю запутанность системы органов политического сыска, возглавляемой Департаментом полиции, именно в период с 1880 по 1917 гг. «слова «жандарм» и «охранка» становятся главными ругательствами оппозиционных слоев российского общества и синонимами основной опасности для них со стороны власти, чего даже при жизни III отделения не существовало»⁵.

По данным на 15 мая 1890 г., в Иркутске постоянно присутствовали 6 унтер-офицеров и 2 писаря Иркутского губернского жандармского управления (далее – ИГЖУ), возглавляемого полковником фон Плотто, а также 1 вахмистр и 11 унтер-офицеров пункта помощника начальника ИГЖУ в Иркутском и Балаганском округах. Кроме того, в Верхоленске квартировался штат помощника начальника ИГЖУ в Верхоленском округе, включавший 1 вахмистра и 3 унтер-офицера⁶.

Специфика сибирского региона, как места постоянного пребывания большого числа ссылнопоселенцев и каторжан⁷, наложила отпечаток на структуру органов политического сыска. Так, после побега 11 мая 1882 г. из Карийской государственной тюрьмы восьми «политических преступников» была учреждена должность помощника начальника ИГЖУ на Каре. Приказ Департамента полиции об этом вышел 16 июля 1882 г.⁸. Уже в 1890 г. при помощнике начальника ИГЖУ на Карийских присках полковнике Масюкове числились 19 унтер-офицеров и 1 вахмистр⁹.

Относительно небольшая численность штата губернских жандармских управлений компенсировалась высоким уровнем подготовки офицеров, что достигалось проведением комплексных организационных мероприятий, координируемых Департаментом полиции. Соответствующие циркуляры детально регламентировали деятельность местных органов политического сыска,

а также порядок их взаимодействия друг с другом, обеспечивая эффективное решение задач по борьбе с оппозицией.

П.П. Заварзин, характеризуя порядок работы жандармских управлений и всей системы политической полиции, отмечал: «Борьба с различными революционными партиями и группами велась на основании законов, а потому говорить о произволе, как основе деятельности исполнительных органов, не приходится... Мало кто вдумывался в то, что розыскной государственный аппарат боролся с очень сильным, организованным и опытным противником, который притом имел то преимущество, что, не стесняясь никакими законоположениями, поставил своего врага вне закона, тогда как охранительный аппарат власти должен был действовать в строгих рамках, предусмотренных законами, хотя эти законы и не могли, конечно, предвидеть всех особенностей такой борьбы»¹⁰.

Что касается полномочий рассматриваемых государственных органов, здесь считаем целесообразным обратиться к разъяснению жандармского полковника Добрякова, которое размещено в качестве предисловия к изданному штабом Отдельного корпуса своду законоположений и служебных циркулярных распоряжений: «Специальные обязанности чинов губернских жандармских управлений заключаются, главным образом, в производстве дознаний по общим и государственным преступлениям, а также в негласном наблюдении за местным населением с целью обнаружения и пресечения таковых преступлений. При исполнении этих обязанностей жандармские чины... должны руководствоваться как законоположениями, изложенными в Уставе уголовного судопроизводства... так и разъяснениями и указаниями своего жандармского начальства, которые они получают в настоящее время от Департамента полиции Министерства внутренних дел»¹¹.

Вышесказанное, с определенной долей условности, позволяет выделить процессуальные (производство дознаний) и не процессуальные (наблюдение) формы деятельности жандармских управлений.

Не анализируя в данной статье не процессуальные формы, отметим, тем не менее, что наблюдение, по свидетельству А.Т. Васильева, занимавшего в период с сентября 1916 г. по февраль 1917 г. пост директора Департамента полиции, «осуществлялось

двумя разными способами, которые должны были дополнять друг друга. С одной стороны, так называемая система наружного наблюдения, а с другой – внутренняя агентура»¹².

Более подробно остановимся на характеристике отдельных аспектов производства предварительного расследования. Прежде всего, интерес в этом отношении представляет анализ секретного циркуляра Департамента полиции от 23 февраля 1910 г. № 106765, позволяющего более или менее адекватно оценить подследственность уголовных дел офицерам губернских жандармских управлений: «Циркулярною депешою от 21 сентября 1909 г. за № 1402 я, в виду участвовавших ограблений крупных денежных сумм, счел необходимым предупредить, что дальнейшее повторение подобных явлений будет отнесено к неисполнению чинами Отдельного корпуса жандармов своих обязанностей, и предложил господам жандармским офицерам незамедлительно усилить в должном направлении агентуру для своевременного предупреждения готовящихся нападений.

Между тем, как усматривается из производящейся по Департаменту полиции переписки, некоторые чины корпуса, истолковав означенную депешу, как возложение на них производства розыска по общеуголовным преступлениям, стали заниматься расследованием мелких грабежей и краж, обнаружением фальшивомонетчиков и т. п. делами, входящими в сферу компетенции общей полиции, и, если и относящимся к обязанностям чинов Отдельного корпуса жандармов, то исключительно лишь тех, кои призваны к железнодорожной жандармско-полицейской деятельности.

В виду сего в настоящее время считаю необходимым разъяснить, что упомянутая циркулярная телеграмма имела в виду вовсе не раскрытие всех общеуголовных преступлений, а подготовляемых на партийной почве революционными организациями ограблений должностных и частных лиц, казенных и общественных учреждений»¹³.

Содержание указанного документа позволяет сделать вывод о неподследственности чинам жандармских управлений дел по общеуголовным преступлениям. Тем не менее, жандармы нередко участвовали в производстве отдельных процессуальных действий по таким делам на основании ст. 261.2 Устава уголовного судопроизводства¹⁴.

Согласно предписанию начальника ИГЖУ от 27 июня 1902 г. № 74, «для раскрытия преступления и обнаружения виновных производится предварительное исследование, состоящее из двух частей: подготовительной – дознания, и главной – предварительного следствия». При этом дознание имеет целью «собрать и сохранить первоначальные сведения, данные о преступлении, виновных лицах и тем дать основание для начала предварительного следствия»¹⁵.

По свидетельству П.П. Заварзина, все расследования по государственным преступлениям принимали одну из трех форм:

«1) Предварительное следствие, производимое следователем по особо важным делам округа судебной палаты.

2) Формальное дознание, производимое жандармским офицером в порядке ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства...

3) Административное расследование, или «переписка», производившаяся на основании положения о государственной охране»¹⁶.

Первые две формы завершались направлением дела на рассмотрение судебной палаты или Сената, последняя – направлением дела губернатору для составления заключения и дальнейшим рассмотрением особым совещанием при Министерстве внутренних дел.

При этом при каждом жандармском управлении находилось одно или несколько лиц прокурорского надзора, которые наблюдали за ходом и направлением всех политических дел. Кроме того, дела о государственных преступлениях по окончании расследования передавались прокурору для направления в судебную палату¹⁷. Соответственно, процессуальная деятельность должностных лиц губернских жандармских управлений в указанных случаях ограничивалась исключительно досудебными стадиями.

Заметим, однако, что существует также ряд отдельных фактов, позволяющих усомниться в беспристрастности и объективности жандармских офицеров при исполнении ими своих обязанностей. Так, например, 22 августа 1906 г. Иркутским губернским жандармским управлением был получен циркуляр Департамента полиции следующего содержания: «Государю Императору благоугодно было указать на желательность разрешения и приведения к окончанию находящихся в производстве дел о преступных деяниях государственных, по возможности, в те-

чение осени текущего года. О таковой монаршей воле сообщая начальникам губернских и областных жандармских управлений для немедленного принятия самых решительных мер к скорейшему производству и окончанию, не позже осени сего года, всех возникших донесений... и еще не оконченных формальных дознаний по делам о преступных деяниях государственных. Соответствующие указания преподаны также Министерством юстиции прокурорам судебных палат»¹⁸.

В то же время, предписания ведомственных актов детально регламентировали необыкновенно широкий круг общественных отношений, связанных с производством предварительного расследования по делам о государственных преступлениях, что может быть оценено как создание дополнительных гарантий законности процессуальной деятельности чинов жандармских управлений.

Непрерывное обновление соответствующей нормативно-правовой базы, без сомнения, способствовало повышению уровня эффективности органов политического сыска, которые получили возможность оперативно приспосабливаться к изменяющимся условиям борьбы с оппозицией. Так, например, примечательным представляется содержание циркуляра Департамента полиции от 5 ноября 1907 г. № 115030, полученного ИГЖУ 28 ноября 1907 г. Нормы указанного акта определяют порядок производства допросов по «отдельным требованиям» жандармских управлений отдаленных губерний, с целью «наивозможно быстрого и успешного» производства дознаний¹⁹, что фактически является прообразом современного уголовно-процессуального института судебно-следственных поручений.

Другим, не менее показательным примером, служит циркуляр Департамента полиции от 27 июля 1908 г. № 134352, в котором, под грифом «Совершенно секретно», губернские жандармские управления извещаются «для сведения и соображений при розыске» о полученном агентурным путем шифре, «которым пользуются члены железнодорожного союза при сношениях между собой»²⁰.

Вышесказанное позволяет судить о высоком качественном уровне организации процессуальных форм деятельности губернских жандармских управлений. Данный вывод подтверждается, в том числе, и итогами реформ 1906–1907 гг., в результате которых осуществление не процессуальных форм деятельности органов политического сыска было передано вновь созданным

Охранным отделениям, находившимся в непосредственном подчинении Департамента полиции.

Кроме того, на территории империи создавались районные охранные отделения, включавшие в сферу деятельности несколько губерний и подчиненных охранных отделений. Так, циркуляром от 15 декабря 1907 г. за № 143265 было сообщено о «сформировании для объединения и руководства деятельностью всех розыскных органов в Иркутском, Приамурском и Степном генерал-губернаторствах и губерниях Томской и Тобольской – Сибирского районного охранного отделения»²¹.

Как отмечают исследователи, «охранные отделения забирали в свое ведение у губернских жандармских управлений губернские города, и губернским жандармам оставалась функция реализации их оперативных наработок, то есть дознание и следствие по делам арестованных революционеров и привлечение их к судебной ответственности, а также ведение политического сыска в уездах и волостях»²².

Результатом передачи исключительного права на ведение наблюдения и агентурной работы Охранным отделениям должно было стать повышение эффективности политического сыска в целом. Вместе с тем, на территории Сибири итоги реформы вылились в совмещение жандармскими офицерами должностей в губернских управлениях и охранных отделениях, что обусловлено, в том числе, отсутствием достаточного количества квалифицированных кадров для формирования штата.

В обоснование представленной позиции приведем тот факт, что уже 30 декабря 1911 г. Департаментом полиции упраздняется Читинское охранное отделение, а «ведение политического розыска в Забайкальской области» возлагается «на помощника начальника Иркутского губернского жандармского управления в этой местности»²³.

В дальнейшем циркуляром Департамента полиции от 18 января 1912 г. № 95736 «в интересах политического розыска» Сибирское районное охранное отделение было разделено на Западно-Сибирское «с возложением обязанностей начальника отделения на начальника Томского губернского жандармского управления» и Восточно-Сибирское «с возложением обязанностей начальника отделения на начальника Иркутского губернского жандармского управления»²⁴.

Приведенные факты свидетельствуют не столько о неразрывной взаимосвязи различных направлений деятельности губернских жандармских управлений, сколько о высоком уровне организации и детальности правовой регламентации процессуальных аспектов уголовного преследования.

Уже из краткого анализа документов, содержащих сведения о деятельности губернских жандармских управлений, представляется очевидным, что система местных органов политического сыска к началу XX в. являла собой сложный механизм противодействия антиправительственной деятельности. При этом следует особо подчеркнуть, что, выполняя роль следственных органов на досудебных стадиях уголовного процесса, жандармские управления не наделялись функциями по принятию окончательного процессуального решения по делу и исполнению наказаний.

Примечания

1. ПСЗ. Собр. 2. Т. 46. № 49615.
2. ПСЗ. Собр. 2. Т. 42. № 44956.
3. ПСЗ. Собр. 2. Т. 55. № 61279.
4. ПСЗ. Собр. 2. Т. 55. № 61279.
5. Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 7.
6. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса Жандармов. Исправлен по 15 мая 1890 г. СПб.: Типо-лит. Месника и Римана, 1890. С. 56-57.
7. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. СПб.: Типография Майкова в д. Министер. Фин., 1873. С. 8.
8. Клер Л.С. Карийская каторга. Ее место и роль в карательной системе самодержавия // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 9. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. С. 224.
9. Общий состав управлений и чинов... С. 57.
10. Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Изд. автора. Париж, 1930 г. С. 8.
11. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. п-к Добряков. СПб.: Типография Штаба Отд. Корп. жанд., 1903. С. 5.
12. Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, под-

гот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 349.

13. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 38. Л. 178.

14. Краткий систематический свод действующих... С. 216.

15. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 6. Л. 64.

16. Заварзин П.П. Работа тайной полиции // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. Т. 1. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 416.

17. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 33. Л. 25.

18. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

19. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.

20. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 38. Л. 150.

21. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 38. Л. 160.

22. Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов / Б. Григорьев, Б. Колоколов. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 268.

23. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 38. Л. 191.

24. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 38. Л. 192.

УДК 947(571)+347.965

С.Л. Шахерова

**Присяжная адвокатура Сибири:
разработка проекта создания профессиональной группы (60-е гг. XIX в.)**

В статье освещается процесс разработки и обсуждения проекта особого отдела комиссии В.П. Буткова по формированию присяжной адвокатуры Сибири как профессиональной группы. Подробно изучены предложения и замечания сибирской администрации, а именно Главного управления Восточной Сибири, а также Государственного Совета по вопросам юридического и корпоративного статуса присяжной адвокатуры региона. Выявлены причины и специфика предлагаемых изменений, установлена взаимосвязь содержания проектов и взглядов правительства на развитие административно-судебной системы региона.

Ключевые слова: адвокатура, присяжный поверенный, судебная реформа, Сибирь.

Public legal profession of Siberia: working out the project of professional group creation (the 60th years of the XIX century)

The article is devoted to the process of working out and discussion of the project of the commission of V.P. Butkov on Siberian legal profession formation as a professional group. Offers and remarks of the Siberian administration, namely Central administrative board of Eastern Siberia, and also the State Council concerning the legal and corporate status of region legal profession are in detail studied. It was established the reasons and specificity of offered changes, the interrelation of the maintenance of projects and sights of the government at regional administrative-judicial system development.

Keywords: legal profession, public solicitor, juridical reform, Siberia.

Судебная реформа 1864 г. не затронула окраины России, в том числе и Сибирь. На протяжении 60-х – первой половины 90-х гг. XIX в., вплоть до проведения судебной реформы, шел процесс обсуждения основ будущего сибирского суда, в том числе и положения присяжной адвокатуры. Наиболее активное обсуждение пришлось на 60-е гг. XIX в., время подготовки судебных уставов, а затем деятельности специально созданной под председательством В.П. Буткова комиссии «О рассмотрении применения в Сибири высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. основных положений». Правительственный взгляд на место и роль региона в развитии страны, установившееся мнение о необходимости сохранения особого управления, а, следовательно, и особого судоустройства, с одной стороны, ожидания сибирской общественности, с другой, привели к созданию проектов особой судебной реформы для региона. Обсуждение статуса присяжной адвокатуры Сибири было неотъемлемой частью обсуждения вопроса о судебной реформе вообще.

Первые отзывы с мест относительно преобразования судебной части Сибири поступили еще в процессе подготовки судебных уставов. Это были замечания частных лиц и чиновников, отправленные в комиссию для составления проектов судебных уставов и составившие XXIX том «Дела о преобразовании судеб-

ной части России». Большинство авторов замечаний указывали на сложность применения судебных уставов в регионе во всей их целостности. Мнения представителей сибирского судебного мира, да и ряда простых обывателей разделились: одни допускали проведение реформы с определенными ограничениями, другие считали, что край к реформе не готов. Так, курганский мещанин Григорьев писал: «Я прихожу к тому горькому заключению, что край наш еще немного зеленеват, но это да не послужит помехой к осуществлению прекрасной судебной реформы»¹. Тобольский губернский прокурор Жемчужников, считал, что реформа суда в Сибири мало осуществима в силу грубости, невежества и притупленности чувства справедливости у местного населения².

Основная же часть авторов высказывалась за острую необходимость судебной реформы для Сибири. Тобольский губернский казенных дел стряпчий Лобковский в замечании на «Основные положения» отмечал, что «если явилась насущная потребность повсеместной реформы судебной части в России, то тем более эта реформа необходима для Сибири, где потребность эта положительно, можно сказать, вошла в народное сознание». Окончивший курс юридических наук в Харьковском университете, живший в Красноярске Иван Подлесный начал свое замечание таким вступлением: «Нет нужды говорить о том, что введение предстоящей реформы в Сибири гораздо настоятельнее и необходимее, чем в России Европейской»³. Данную точку зрения разделял и известный писатель В.И. Вагин.

Именно в этих замечаниях был поднят вопрос о том, какой должна быть присяжная адвокатура региона. В силу недостаточного количества квалифицированных юридических кадров, предполагаемых проблем их комплектования предлагалось понизить образовательный и имущественный цензы для мировых судей и присяжных поверенных. Предлагалось для звания присяжного поверенного считать достаточным образовательный ценз среднего учебного заведения, восполненный (а некоторые думали и заменимый) цензом служебным. Согласно «Судебным уставам», присяжный поверенный должен был иметь высшее юридическое образование и пятилетний стаж работы в качестве помощника присяжного поверенного или служащего суда. По всем остальным пунктам – правилам организации професси-

ональной и корпоративной деятельности – адвокатура региона должна была соответствовать общепринятому образцу.

После принятия судебных уставов был поднят вопрос о реорганизации судебной системы окраин. Первым шагом стало установление 11 октября 1865 г. правил, облегчавших процесс судопроизводства в судах «прежнего порядка». Для детальной разработки судебной реформы в Сибири в том же году была создана специальная комиссия «О рассмотрении применения в Сибири высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. основных положений» во главе с В.П. Бутковым. На момент начала работы членам комиссии стало ясно, что для Сибири будет необходим существенный отход от основных положений судебной реформы в силу уже названных в замечаниях на «Основные положения» причин. Определенную сложность представляла реорганизация суда для инородцев, ссыльных, рабочих золотопромышленности, то есть для тех категорий населения, которые при составлении судебных уставов не вошли в силу географического расположения в поле зрения законодателей⁴.

К обсуждению основных положений нового законопроекта были привлечены представители сибирской администрации, главные управления Восточной и Западной Сибири, председатели судов, прокуроры. Основные дебаты развернулись вокруг организации в Сибири мирового суда. Сомнения правительства и представителей сибирской администрации по вопросу наличия квалифицированных кадров на местах и нравственных качеств сибиряков привели к разногласиям и по поводу введения в Сибири адвокатуры, принципов её организации. Всеми членами комиссии, а также в присланных отзывах отмечалось, что в Сибири людей с высшим юридическим образованием крайне мало, ещё меньше тех, кто вместе с юридическим образованием имел бы пятилетнюю практику в судебных местах. Юристы из центра страны не высказывали желаний ехать в Сибирь, а местные кадры, получив высшее образование, предпочитали оставаться в Европейской России. С другой стороны, отмечалось, что при незначительном количестве гражданских дел в крае, сами тяжбы и иски по цене так малы, что звание присяжных поверенных в Сибири не только не представит достаточных материальных выгод, но едва ли даст средства к безбедному существованию. Боль-

шинство членов комиссии признавало образование корпорации присяжных поверенных в Сибири весьма затруднительным.

Таким образом, главным предметом обсуждения стал вопрос о понижении требований, предъявляемых судебными уставами к поверенным, и вовлечении в присяжную адвокатуру местных чиновников. Представители сибирской администрации предложили, во-первых, назначать присяжных поверенных от правительства (1–3 чел.), во-вторых, облегчить вступление в должность присяжных поверенных лицам со средним образованием, но обладавшим 5-летней судебной практикой, а также лицам, приобретшим по службе другого рода познания и опыт в производстве дел⁵.

Особый отдел комиссии В.П. Буткова, разделяя мнение о затруднительном введении в Сибири адвокатуры, не мог согласиться с мыслью о назначении присяжных поверенных от правительства. Создание государственной адвокатуры в Сибири предполагало бы дополнительные затраты от казны, с чем комиссия, желавшая свести расходы по проведению судебной реформы в регионе к минимуму, не могла согласиться. Отдел полагал, что при отсутствии присяжных поверенных по ст. 416 У.С.У. суды будут иметь возможность назначать в качестве защитников кандидатов на судебные должности⁶.

По вопросу о понижении требований к присяжным поверенным особый отдел комиссии согласился, что отступления, имевшие место в 1864–1865 гг. в Европейской России, должны быть применены и к Сибири, но с учетом местных условий. Предлагалось временно отменить положение об обязательности высшего юридического образования до того момента, пока в Сибири не появится достаточное количество образованных юристов из местного населения. Особый отдел комиссии предложил допустить в адвокатуру лиц, имевших высшее юридическое образование и двухлетнюю судебную практику, а также лиц, занимавшихся ведением судебных дел в течение трёх лет. Для лиц, имевших высшее юридическое или среднее образование, срок предварительной службы по судебному ведомству определялся в два года. В основу предложений была положена ст. 44 «Положения о введении в действие судебных уставов 20. 11. 1864 г.». ⁷

По вопросу о том, какие должности поверенные должны были занимать до момента вступления в присяжную адвокату-

ру, считалось, что помимо судебных должностей существовала масса других, которые могли бы дать достаточные знания для занятия адвокатской практикой. К данному разряду относились должности столоначальников, начальников судебных отделений в советах главных местных управлений, в губернских советах, (рассматривавших, согласно ст.ст. 19 § II и 33 § II «Сибирских Учреждений», уголовные и следственные дела, частные жалобы по гражданским делам и протестам губернских прокуроров, не уваженных губернскими местами); должности губернской и земской полиции. Предполагалось, что с введением в Сибири судебной реформы необходимость в этих должностях отпадёт, поэтому они могли бы оказаться полезными для первоначального образования местной адвокатуры. Этим достигались бы две цели: во-первых, трудоустройство людей, занимавших упразднённые должности, во-вторых, создание «задела» для адвокатуры. Кроме того, особый отдел комиссии предложил, разрешить поступление в присяжные поверенные должностным лицам VII – IX класса⁸.

Постановление комиссии было разослано для обсуждения на места вместе с проектом организации судебной части в Сибири. Нужно отметить, что не все положения о присяжных поверенных встретили поддержку со стороны местной администрации. Совет Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) в соображениях о применении реформы в Сибири отмечал, что понижение уровня требований для присяжных поверенных в регионе крайне необходимо. Прекрасно осознавая, что адвокатура не должна уступать прокурорам и судьям в профессионализме, и что любое понижение уровня требований, предъявляемых к присяжным поверенным, приведет к установлению неравенства между судом, обвинением и защитой, и что это не очень желательно для правительства, члены ГУВС все же высказывались за еще большие отступления от судебных уставов. Совет отмечал: местные условия таковы, что правительство вынуждено делать уступку для присяжных поверенных.

ГУВС одним из первых поднял опрос о материальном благополучии присяжной адвокатуры. Совет ГУВС беспокоило, что в старых судах ходатай едва сводил концы с концами, а в новых – его деятельность будет ещё менее прибыльной. Основным источником дохода подпольной адвокатуры были неблагоприятные

сделки, подстрекательство людей к ведению тяжб и исков. Присяжные поверенные, считалось, подобным видом деятельности заниматься не будут. Предполагалось, что приехавшие в Сибирь юристы предпочтут государственную службу адвокатуры. Совет справедливо полагал, что адвокаты поедут в Сибирь лишь тогда, когда в регионе разовьются гражданские отношения, повысится экономическое благосостояние населения, когда не будет нужно понижение условий приёма в адвокатуру, что, по мнению ГУВС, случится не скоро.⁹ Отмечалось, что в Сибири людей с высшим юридическим образованием немало, но они не оставят своё служебное положение ради адвокатуры и будут искать места в новых судах или, по крайней мере, поступать в кандидаты по судебному ведомству. Чтобы привлечь присяжных поверенных в Сибирь, нужно выполнить два условия: понизить требования, а также предоставить гарантии хотя бы на первое время, что они не останутся без средств к существованию. Данное предложение совет мотивировал тем, что в Сибири на 100 уголовных дел 80 от крестьян, казаков, ссыльных, представлявших собою малообеспеченные слои населения. Для оказания юридических услуг этим категориям совет предложил создать должность «коронного адвоката», состоявшего на обеспечении правительства¹⁰.

Совет также предлагал отменить п. 4 ст. 355 У.С.У., по которому присяжными поверенными не могли быть лица, состоявшие на службе. При этом правительству не нужно было бы излишне тратиться на содержание адвокатуры, не нужно одновременно замещать множество вакансий, а также не нужно предъявлять пониженные требования к присяжным поверенным. Это предложение Совета встретило бурный протест со стороны комиссии, считавшей, что чиновники, пусть даже не судебного ведомства и полиции, как предлагал ГУВС, не должны быть защитниками.¹¹

Для пополнения местной присяжной адвокатуры совет предлагал, согласившись с мнением комиссии, расширить условия приёма для лиц, не имевших высшее юридическое образование, предлагая понизить планку должностей X–VI классами. Данные меры, по мнению ГУВС, должны были носить временный характер. Чтобы уберечь адвокатуру от вредных влияний, совет предложил совместить адвокатуру с должностью кандидата на судебные должности, поскольку предложенные меры могли при-

вести к проникновению в адвокатуру нежелательных элементов. Кандидаты на судебные должности должны были входить в корпорацию присяжных поверенных, образуя две группы: штатную (с жалованьем) и сверхштатную (без жалованья)¹². Однако и это мнение не получило поддержки. Таким образом, ГУВС предлагал создать зависимую от суда и в определенной мере от местной администрации адвокатуру, по существу, лишенную всякой самостоятельности. Был бы и нарушен принцип незаинтересованности и независимости сторон в состязательном процессе.

Проект, предложенный комиссией В.П. Буткова, вызвал дебаты и в Государственном Совете. Если сибирскую администрацию волновал вопрос наполняемости профессиональной группы, то членов Государственного Совета волновал вопрос об осуществлении контроля над деятельностью присяжных поверенных на обширных пространствах Сибири и Дальнего Востока. При обсуждении проекта в соединённых департаментах Государственного Совета выдвинулось два мнения. Большинство считало, что присяжные поверенные должны быть причислены к судебным палатам, что предложение П.А. Панина о причислении поверенных к окружным судам при его реализации затронуло бы развитие сословия. Эта группа справедливо полагала, что в таком случае создание корпоративного органа самоуправления было бы при окружных судах весьма затруднительным. Небольшое количество присяжных поверенных при окружных судах могло затормозить процесс создания совета присяжных поверенных, особенно в малонаселённых местах, где желающих записаться в корпорацию будет мало. П.А. Панин же, со своей стороны, указывал на то, что при создании одной палаты в Иркутске совету присяжных поверенных будет невозможно осуществлять контроль над деятельностью поверенных на такой огромной территории, и, следовательно, это приведёт к безнаказанности. Поэтому поверенных лучше приписать к окружным судам, которых будет учреждено, вероятно, не много¹³.

Что касается вознаграждения, было предложено отменить для Сибири ст. 195 У.С.У., определявшую размер оплаты труда присяжного поверенного. Было признано, что Сибири нужна особая такса, размер которой соответствовал бы местным условиям.

Приём на момент формирования профессиональной группы должны были осуществлять специальные комитеты, состоявшие

из председателя, его товарищей, палат уголовного и гражданского суда, губернского прокурора. Члены Государственного Совета признавали, что в Сибири создание подобного рода комитетов окажется затруднительным, поскольку губернские суды существовали только в Иркутске и Красноярске, а в Чите, Якутске и Николаевске, в которых губернские суды отсутствовали, пришлось бы призывать к участию окружного судью и прокурора¹⁴.

На основе предложений должностных лиц и государственных деятелей был составлен итоговый «Проект положения о введении в действие судебных уставов 20.11.1864 г. в губерниях и областях Восточной Сибири». Задачей комиссии В.П. Буткова была полная реализация основных положений реформы при приближении её к местным условиям и минимуме финансовых затрат на ее проведение. Шестой пункт проекта заключал в себе «Первоначальное образование сословия присяжных поверенных».

Как уже было отмечено, приём в присяжные поверенные должны были осуществлять советы общих губернских и областных управлений. В заседаниях советов должны были принимать участие лица, назначенные министром юстиции как заместители должностей окружных судов и их товарищей. В Иркутске и Красноярске в советы также должны были входить председатели губернских судов, в Чите, Якутске, Николаевске – окружные судьи (ст. 65). Эти советы, за шесть месяцев до срока открытия судебных учреждений, через публикации в губернских ведомостях должны были приглашать к подаче или посылке заявлений всех желающих и имеющих право быть присяжными поверенными (ст. 66). В прошении должно было быть указано, к какому суду кандидат желает быть приписан, а также приложено удостоверение непосредственного начальства, что оно не возражает против вступления в адвокатуру (ст. ст. 67-68). Первое время в присяжные поверенные могли поступать лица с высшим или гимназическим образованием, если их должности были не ниже IX класса и если они прослужили: первые – два года, вторые – три года на этих должностях (ст. 69)¹⁵. В данном случае предложение ГУВС не было учтено.

После принятия в присяжные поверенные советы должны были выдавать специальное свидетельство, причём оговаривалось, что в будущем, когда при достаточном числе адвокатов будет открыт совет присяжных поверенных, именно он будет

выдавать свидетельства и осуществлять прием в корпорацию. Губернские советы обладали правом отказа кандидату при обязательном условии разъяснения его причины (ст. 70). Несогласным с решением совета предоставлялось право обжалования в семидневный срок и повторная попытка вступить в присяжную адвокатуру через новые судебные учреждения, когда они будут открыты. Однако была сделана оговорка, в целях пресечения поступления в адвокатуру неблагонадежных лиц, кандидаты, подавшие заявление повторно, могли быть допущены в корпорацию только с разрешения министра юстиции (ст. 71). Сведения о лицах, удовлетворявших условиям, должны были немедленно предоставляться губернаторами министру юстиции. При открытии новых судебных мест окружные суды и Иркутская судебная палата распоряжались бы открытием советов присяжных поверенных, причём в состав советов могли быть избраны лица, соответствующие 69 ст. (ст. 73). Лица, не имевшие гимназического образования и служившие на должностях не ниже IX в течение четырех лет и соответствующих должностях по специальным ведомствам не менее пяти лет, получали право на занятие открывшихся вакансий кандидатов на судебные должности при наличии трехлетнего ходатайского стажа.¹⁶

Таким образом, исходя из местных условий, предполагалось создать некий суррогат, не отвечавший требованиям составителей судебных уставов. Необязательность высшего образования, совместительство звания присяжного поверенного с должностью кандидата на судебные должности умоляли общие принципы организации адвокатуры: вели к ухудшению качественного состава присяжных поверенных по сравнению с центром страны. Если учесть, что чиновники Сибири, по отзывам современников, не блистали высокими моральными качествами, то можно представить, насколько «гремучей» была бы эта смесь. Предлагаемый в проекте комиссии институт адвокатуры был лишён своей независимости, будучи поставлен под контроль министра юстиции и местной администрации, что не отвечало идеалам правосудия. Комиссией отмечалось, что отступления от судебных уставов будут носить временный характер и в будущем присяжная адвокатура обретёт независимость в лице своего совета. На наш взгляд, условия проекта не способствовали созданию нормального института адвокатуры, несмотря на обратное желание его создателей. Более

того, можно с уверенностью сказать, что в случае утверждения данного проекта были бы нарушены основы состязательности судебного процесса, важными и незаменимыми элементами которого были независимость и незаинтересованность защитника, отсутствие давления на него должностных лиц любого уровня.

Главными же выводами комиссии В.П. Буткова явилось заключение о невозможности скорого и повсеместного введения нового судоустройства в Сибири и о необходимости в этом деле действовать без «всякой поспешности, путём строгой постепенности и осторожности»¹⁷. С одной стороны, отказ от реформирования судебной системы региона был связан с отсутствием четкого правительственного взгляда на нужды его административно-судебного развития. С другой стороны, правительство пугали предстоявшие расходы на судебные преобразования. Это был не категоричный отказ от реформ – правительство решило изменить тактику, пойдя по пути поэтапного введения новаций в судебную систему Сибири. 1 января 1870 г. комиссия В.П. Буткова была закрыта.

Примечания

1. Вологодский П. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12. С.4.
2. Там же. С. 5.
3. Там же. С. 5.
4. Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика во второй половине XIX в. Омск, 1997. С. 144.
5. Соображения особого отдела комиссии, высочайше утверждённой для работ по преобразованию судебной части по предложениям главных местных начальников и должностных, и частных лиц сибирского края о применении высочайше утверждённых 29.09.1862 г. «Основных положений» / Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Материалы Государственного Совета. Дело 3. Т. 244 (1896). С. 39.
6. Там же. С. 40.
7. Там же. С. 40
8. Там же. С. 41.
9. Соображения совета Главного управления Восточной Сибири / Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части России... С.28-29.
10. Там же. С. 30.
11. Там же. С. 30.
12. Там же. С. 36.

13. Там же. С. 36.
14. Там же. С. 36-37.
15. Проект положения о введении в действие судебных уставов 20. 11. 1864 г. в губерниях и областях Восточной Сибири / Замечания о развитии основных положений... С. 13.
16. Там же. С. 13.
17. Ремнёв А.В. Указ. соч. С. 146.

УДК: 94(57)+343

Г.А. Шайдурова

Развитие пенитенциарных учреждений в Иркутской губернии во второй половине XIX века

В статье рассмотрены основные особенности функционирования тюремных заведений в Иркутской губернии в 1860–1890-х гг., определена их численность, структура и система управления. На примере мест заключения сибирского региона сделан вывод о постепенном реформировании тюремной системы России в рамках международной пенитенциарной теории и практики.

Ключевые слова: Россия второй половины XIX столетия. Реформа пенитенциарной системы Восточная Сибирь. Иркутская губерния. Иркутская губернская тюрьма.

G.A. Shajdurova

Development of penitentiary establishments in Irkutsk province in second half of XIX-th century

In article the basic features of functioning of prison institutions in Irkutsk province in 1860-1890th are considered, their number, structure and a control system is defined. On an example of jails Siberian re-giona the conclusion is drawn on gradual reforming of prison system of Russia within the limits of the international penitentiary theory and practice.

Keywords: Russia second half XIX centuries. Reform of a penitentiary system Eastern Siberia. Irkutsk province. Irkutsk gubern prison.

Свобода человека, как часть естественных прав личности, не исключает сохранения государственных карательных институтов. Тюрьма является зеркалом, отражающим социально-политическую и экономическую действительность. До XIX столетия в России отсутствовало единое для всей страны законодательство, регулирующее назначение и исполнение наказания в виде лишения свободы. Тюрьмы, устройство которых предписывалось в каждом губернском городе, были разными, это зависело от того, в каком регионе страны они находились.

Первая половина XIX в. характеризуется существенными изменениями в системе управления государственными делами. Создание министерств (1802), Государственного Совета (1810), усиление законодательного начала в регулировании различных сфер общественной жизни, подтверждением чему является издание Свода законов Российской империи (1832). Тем не менее, управление тюрьмами в России в первой половине XIX в. было чересчур сложным, разнвластным и непрактичным. Центральное управление тюремной частью находилось в заведывании Министерства внутренних дел и Министерства юстиции, но компетенции министров четко не были определены. Фактически тюремной частью заведовало Министерство внутренних дел, при нем в 1802 г. был создан Департамент исполнительной полиции. В департаменте полиции существовало тюремное отделение, именно оно осуществляло контроль над тюрьмами страны. В губерниях тюремная часть была подчинена губернаторам, которые действовали через губернские правления, полицмейстеров, исправников, отделения обществ Попечительства о тюрьмах. Общество Попечительное о тюрьмах, созданное в России в 1819 г., было принято под непосредственное покровительство Александра I.

Местные комитеты попечительства о тюрьмах начали функционировать с 1822 г. Их задачами было содействие облечению участи заключенных, забота о нравственном исправлении, восполнение пожертвованиями недостатка казенных средств. Обществам на местах были даны широкие возможности участия в тюремном деле. По мысли создателей, именно Попечительское общество должно было со временем получить исключительное право заведывания тюрьмами. Данная идея не осуществилась: заведывание тюрьмами получило двойственный характер деления власти между обществом и административными властями.

Тем не менее, в России сложилась следующая схема управления. Попечение обо всех исправительных местах лишения свободы было предоставлено Обществу попечительному о тюрьмах; заведывание местами заключения в порядке государственного управления принадлежало министрам внутренних дел и юстиции; заведывание местами содержания политических арестантов – Третьему отделению его императорского величества канцелярии. Кроме этого в губерниях заведывание тюрьмами принадлежало прокурорам, начальникам губерний, губернским правлениям, городским полициям. Круг деятельности властей судебных, административных и благотворительных не был разграничен друг от друга¹.

В первой половине XIX столетия надзор за арестантами осуществлялся военными караулами и тюремными надзирателями. По выражению А.П. Саломона, надзиратель являл жалкое зрелище, ничем не отличавшийся от арестантской массы, имевший жалование 8 рублей в месяц при собственной пицци и одежде². Практически нигде в местах заключения не применялся арестантский труд, т. к. законодательство о применении труда арестантов было непоследовательным.

Переломным моментом в истории тюремного дела в России является тюремная реформа 1879 г. Упорядочение управления тюремной частью было сделано созданием в 1879 г. Главного тюремного управления. Осуществлению тюремной реформы предшествовала организация в 1872 г. Комиссии для подготовки тюремной реформы. В 1877 г. председателем комиссии тюремной реформы был назначен К.К. Грот. Грот был убежденным поклонником западноевропейской культуры, изучение им тюремного дела происходило на западе. Главный принцип, которого он придерживался при реформировании пенитенциарной системы – постепенность. Комиссия дала реалистическую оценку существовавшему положению дел в местах лишения свободы, проанализировала причины крайне неудовлетворительного их состояния. Акцент был сделан на несовершенстве законодательства, регулирующего институт наказания в виде лишения свободы. Отмечалось жалкое положение карательных учреждений, поэтому главной задачей комиссия ставила подготовку нормативных документов, на основе которых тюремная администрация могла

бы приступить к переустройству существующих и возведению новых тюремных зданий³.

Основным организационным началом тюремной реформы стало учреждение Главного тюремного управления. В отличие от других руководителей Департамента полиции, начальник ГТУ обладал распорядительной властью, имея большую самостоятельность. В ведении ГТУ находились все места заключения, каторжные работы, ссылка арестантов. ГТУ решало наиболее важные вопросы, касающиеся прохождения службы чинов тюремной администрации, сооружения и ремонт тюремных зданий, снабжения арестантов всеми видами довольствия. С первых дней учреждения ГТУ руководящий состав управления разъехался по губерниям, областям империи с целью инспектирования и изучения мест заключения. В 1880 г. Тюремное управление было расширено учреждением в его составе статистического отдела. Только в 1882 г. ГТУ ввело подробную отчетность о числе арестантов по всем местам заключения, поэтому вполне объяснимо отсутствие сведений о численности арестантов в местах заключения за определенные годы середины XIX столетия. Был учрежден новый коллегиальный орган, входивший в систему МВД – Совет по тюремным делам. К моменту проведения тюремной реформы в России насчитывалось 84 губернских тюремных замка, 510 уездных тюремных замков, 33 исправительные тюрьмы, 11 смиренных домов, 12 пересыльных тюрем, 12 каторжных тюрем. К началу XX столетия общее число тюремных заведений достигает 895, из них 718 – это тюремные помещения общего устройства, куда относились и тюремные замки⁴.

Примером использования опыта западноевропейской пенитенциарной системы в России служила тюрьма в Петербурге. Это была «образцовая» тюрьма, единственная в России, построенная по плану бельгийских тюрем. Санкт-Петербургские места заключения находились в непосредственном ведении Главного тюремного управления. Это делало их положение исключительным и давало право испытывать на практике различные административные и хозяйственные мероприятия, которые со временем могли быть применимы в других местностях. Пенитенциарная система Иркутской губернии в этот период включала 111 мест постоянного и временного лишения свободы. Это: Иркутская губернская тюрьма, каторжные тюрьмы – 2, уездные тюрьмы – 4, пересыльные тюрьмы – 3, воло-

стные тюрьмы – 79, этапы – 4, приюты для несовершеннолетних⁵. В системе мест заключения преимущественно были тюрьмы. Наиболее крупными тюрьмами в губернии были Иркутская губернская тюрьма и Александровская каторжная. Александровский централ был рассчитан на 1000 человек арестантов и находился в непосредственном подчинении ГТУ. В тюрьме применялась классификация преступников, велась книга рецидивистов, действовала антропометрическая станция. В 1897 году в ней содержалось 1650 человек. В отдельные годы численность достигала до 3000⁶.

Иркутская губернская тюрьма, рассчитанная на 700 человек, всегда была крайне переполнена. В условиях острой нехватки тюремных помещений на территории Восточной Сибири, тюрьма нередко вмещала более 4000 человек. Это объясняется спецификой сибирских губернских тюрем. Во-первых, они использовались как пересыльные тюрьмы для размещения ссыльных арестантов, направлявшихся в Якутию, в северные уезды Иркутской губернии, на Нерчинскую каторгу. Во-вторых, тюрьмы организовывались как составная часть местной или горной промышленности. В-третьих, тюрьмы испытывали недостаток специалистов тюремного дела, врачей. Так, например, в 1897 году единственный специалист с высшим образованием в тюрьмах Иркутской губернии был врач больницы Иркутской губернской тюрьмы. Среди тюремного персонала только два человека имели среднее образование – смотрители Александровской и Балаганской тюрьмы.

В Иркутской губернии самой старой по времени постройки была Иркутская губернская тюрьма. Александровская каторжная, Киренская, Балаганская, Нижнеудинская тюрьмы были возведены в 90-е гг. XIX столетия, практически все тюрьмы к 1897 году были восстановлены после пожаров. Александровская тюрьма была мужской, а в Нижнеудинской содержались только осужденные женщины. Сравнивая уровень содержания мест лишения свободы в Иркутской губернии с местами лишения свободы в Западной Сибири (Тобольский тюремный замок и Томская губернская тюрьма), нельзя не заметить, что масштаб реорганизации тюремных сооружений в рамках тюремной реформы в Западной Сибири был гораздо шире. Во второй половине 1870-х гг. в Тобольске были открыты три каторжные тюрьмы, а к 1906 году 15 тюремных замков получили статус губернских⁷.

Местное тюремное управление находилось в заведывании губернаторов. Совершенно новым институтом, не имевшим аналогов в зарубежной пенитенциарной практике, стало создание в 1890 году губернских тюремных инспекций. Это было обусловлено тем, что функционирование в губерниях тюремных комитетов обществ Попечительства о тюрьмах часто было номинальным. Реформа пенитенциарной системы не упраздняла эти комитеты, а предусматривала создание управленческого звена на губернском уровне. В 24 губерниях России вводились губернские тюремные инспекторы на правах вице-губернаторов, в том числе, и в Иркутской губернии. В состав Иркутской губернской тюремной инспекции входили тюремный инспектор, помощник тюремного инспектора, секретарь при тюремном инспекторе, старший делопроизводитель. Функции губернского инспектора заключались в надзоре за деятельностью местных карательных учреждений, руководство местной тюремной администрацией, возбуждение ходатайств перед ГТУ, обобщение тюремной практики. В канцелярии Губернского управления было образовано особое Тюремное отделение.

Таким образом, в пореформенной России сложилась следующая пенитенциарная система:

1. В центре – Министерство внутренних дел, позднее Министерство юстиции в лице ГТУ и Совет по тюремным делам.

2. На среднем уровне: губернаторы, губернские правления с тюремными отделениями в составе тюремного инспектора, его помощника и определенного штата служащих.

3. На низовом уровне – тюремная администрация во главе с начальником, его помощником, священники, врачи, фельдшеры, тюремная стража, старшие и младшие надзиратели.

В пенитенциарной практике применялись наказания: каторга, назначаемая бессрочно или на срок с последующим переводением на поселение, ссылка на поселение без срока, заключение в исправительный дом, заключение в крепость, заключение в тюрьме, арест, денежная пеня.

Создатели тюремной реформы в России ориентировались на опыт пенитенциарной системы европейских стран и США. В создании проекта тюремной реформы участвовали видные деятели тюремной науки. Некоторые из них были участниками международных тюремных конгрессов, неоднократно знакомившиеся с опытом тюремных заведений в Западной Европе. Создатели тю-

реформы разработали теоретические законоположения, используя оптимальные подходы в тюремной теории и практике европейской пенитенциарной системы. Однако можно отметить, что тюремное реформирование в России в большей мере было связано с разработкой теоретических законоположений, нежели с их практическим применением. Опыт отдельных тюрем России, например, Петербургской, находящейся в прямом подчинении Главному тюремному управлению, не всегда распространялся на тюрьмы российских губерний. Это было обусловлено общей социально-политической ситуацией в России, недостаточным финансированием, консерватизмом аппарата управления, удаленностью территорий, особенностями климатических условий и т. д.

Примечания

1. Таганцев Н.С. Уголовное право. Часть 2. 1902. С. 352.
2. Саломон А.П. Тюремное дело в России. СПб., 1898. С. 7.
3. Проект положения о тюрьмах. Официальное издание СПб., 1873.
4. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. М., 2004. С. 241.
5. ГАИО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 35694. Л. 12, 14, 16.
6. Отчет Иркутского губернского инспектора за 1897. Иркутск, 1898. С. 10
7. Бортникова О.Н. Возникновение и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири (1801–1917): Автореф. дисс. докт. ист. наук. Тюмень, 1999.

УДК 343.8 (571.53) (091)

Л.В. Шапова

Амнистии и начало реорганизации пенитенциарной системы в Иркутской губернии в 1917 г.

В данной статье освещается история проведения политической и уголовной амнистии, а также начальный этап реформирования пенитенциарной системы в Иркутской губернии в период Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: Февральская революция, пенитенциарная система, 1917 год, тюрьма, ссылка, амнистия.

Amnesties and the reorganization beginning Penitentiary system in Irkutsk province in 1917

In given article the history of carrying out of political and criminal amnesty, and also the initial stage of reforming of penitentiary system in Irkutsk province in February revolution of 1917 is shined.

Keywords: February revolution, penitentiary system, 1917, prison, the reference, amnesty.

В Декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. первым пунктом значилось: «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.»¹. Для Иркутской губернии эта мера имела чрезвычайное значение, так как здесь находился один из крупнейших российских центров политической и уголовной каторги и ссылки. К этому времени только в губернском центре было около 250 политических ссыльных². Сразу же после этого заявления политическая амнистия начала проводиться явочным путем. Уже 3 марта прокурор иркутского окружного суда Левберг объявил о полученном по телеграфу из Петрограда распоряжении министра юстиции А.Ф. Керенского об освобождении из тюрем всех политических заключенных. В ночь на 4 марта началось освобождение заключенных Иркутской и Александровских тюрем³. Сделать это было поручено бывшим политическим ссыльным, членам только что созданного Комитета общественных организаций. Решение об амнистии принималось на месте, в тюрьме. Тюремная администрация и чины прокурорского надзора при этом не чинили никаких препятствий, демонстрируя полную лояльность по отношению к новой власти. Затруднения возникали только с определением характера преступления: мотивы преступления могли быть политические, а статьи наказания уголовные и наоборот. Тем не менее, как вспоминал участник этого процесса, представитель КООРГа В. Войтинский, «мы толковали постановление об освобождении политических так широко, как только было возможно»⁴. Через три дня на вокзале торжественно встречали освобожденных заключенных

Александровского централа. В первые же дни из губернской и Александровских тюрем было освобождено несколько сотен человек. Шел процесс амнистирования политических ссыльных и в отдаленных северных районах губернии, но большая их часть смогла выехать в Иркутск и вернуться в Европейскую Россию только весной–летом 1917 г.

Одновременно начался сбор пожертвований в пользу амнистированных. Зачинателями в этом деле выступили предприниматель Я.Д. Фризер, торговые дома Второва и Камова. В короткие сроки было собрано более 30 тыс. руб. от частных благотворителей и 5 тыс. руб. пожертвовала городская дума. Вскоре был создан Комитет по оказанию помощи амнистированным, руководителей которого стала Р.И. Кроль. Обращает на себя внимание практическая одновременность и аналогичность событий в центре и провинции. По воспоминаниям Н.Н. Суханова, в эти же дни организовался центральный комитет помощи амнистированным под председательством известной революционерки В.Н. Фигнер. В короткие сроки был создан фонд в полмиллиона рублей (по тем временам – огромная сумма), по большей части состоящий из пожертвований буржуазии⁵. Иркутский комитет постоянно получал значительную материальную поддержку из центра. Уже в середине марта в Иркутск поступило 25 тысяч рублей от Фигнер и 50 тыс. руб. от Московской городской управы. К лету, когда стали прибывать партии амнистированных ссыльных из Якутии и с севера Иркутской губернии, перечисляемые из центра суммы возросли до 300 тыс. Значительные пожертвования продолжали поступать и от местных благотворителей. Например, иркутская колония греков в течение 3-х дней собрала и передала комитету 911 руб., денежную помощь оказали еврейская и мусульманская общины, различные общественные организации. На эти средства для освобожденных заключенных в помещении духовной семинарии было организовано общежитие со столовой и лазаретом, приобреталась одежда, проездные билеты, оплачивалась медицинская помощь⁶.

Официально политическая амнистия началась с указа правительства от 7 марта. По своему содержанию, в отличие от позднее изданного указа об уголовной амнистии, он был краток и декларативен. Согласно ему, освобождались от ответственности и наказания лица, осужденные за «деяния, совершенные по

политическим побуждениям (за исключением побуждений изменнического свойства)⁷. Процедура амнистирования была предельно проста: заключенные должны были написать заявление с указанием сведений о характере дела, за которое они были осуждены, а также назвать лиц, которые могли бы подтвердить политический характер их действий, повлекших приговоры к каторге или ссылке.

На протяжении нескольких месяцев в Иркутск прибывали политические ссыльные из отдаленных мест губернии и отсюда же, получив помощь, выезжали в центральные районы России. Всем амнистированным, желающим уехать, выдавались необходимые документы, бесплатный железнодорожный проездной билет, пищевое довольствие, одежда. Иркутские присяжные поверенные В.Г. Дистлер и Н.Н. Алексеев организовали бесплатные юридические консультации. Достаточное материальное обеспечение, четкая организация, моральная поддержка различных общественных организаций, быстрое включение бывших ссыльных и каторжан в общественно-политическую жизнь региона и страны, позволили успешно и в короткие сроки провести политическую амнистию и решить все связанные с ней проблемы.

Однако в условиях всеобщего революционного энтузиазма, настроенности общества на радикальное переустройство всех сфер жизни обойтись только политической амнистией было невозможно. В местный Комитет общественных организаций уже с первых дней революции постоянно поступали запросы и предложения о сроках и характере реформирования системы уголовных наказаний и требования о распространении условий политической амнистии на уголовную ссылку и каторгу. На станции Тыреть скопилось значительное количество уголовных ссыльных, требующих распространения на них амнистии и выдачи проездных билетов. В Черемхово, где на угольных копах до 80 % рабочих были уголовными ссыльными, даже было создано общество борьбы с уголовной ссылкой, которое добивалось отмены в паспорте записи о судимости, так как такая запись «делает невозможной для бывших уголовных поступить на какую-либо службу, помимо копей»⁸. В Александровском центре воинская команда отказалась нести охрану тюрьмы и потребовала освобождения каторжан⁹.

14 марта КООРГ, заслушав отчет комиссара М.А. Кроля о посещении Александровского централа, принял постановление о расковке каторжан, сокращении сроков наказания, переосвидетельствовании больных, устранении от должности начальника пересыльной тюрьмы и «исходатайствовании перед петроградским правительством о смягчении участи заключенных»¹⁰. КООРГ послал Временному правительству телеграмму «о необходимости ознаменовать торжество революции актом милости по отношению к лицам, ввавшим в уголовные преступления при царизме». Вскоре было получено известие от министра юстиции А.Ф. Керенского с обещанием обеспечить уголовным заключенным «значительное облегчение», так как они тоже должны «почувствовать себя гражданами»¹¹.

12 марта Временное правительство отменило смертную казнь с заменой ее на срочную каторгу, а 17 марта подписало указ об уголовной амнистии. Согласно этим указам, смертная казнь всем осужденным заменялась ссылкой в каторжные работы на 15 лет, освобождались от наказания осужденные за уклонение от отбывания воинской повинности, уменьшались наполовину сроки наказания, бессрочная каторга заменялась срочной. Кроме того, для ссылочнопоселенцев и арестантов отменялись такие виды наказания как наложение оков, надевание смирительной рубашки, розги¹². Примечательно, что эти документы все иркутские газеты напечатали полностью, дополнив пространными разъяснениями и комментариями. Проблемы амнистии и пенитенциарных учреждений постоянно и подробно освещались в периодической печати. Необходимость в этом была чрезвычайной из-за наличия в губернии значительного контингента уголовных заключенных и ссыльных.

Всего в России по амнистии из мест заключения было освобождено 88 097 человек, из них 5 737 являлись политическими, 82 360 – уголовными заключенными, а еще 14 536 – «освобождены «без соответствующего распоряжения надлежащих начальств», т. е. фактически самовольно покинули места заключения и поселения¹³. Губернский комиссар И.А. Лавров информировал КООРГ о том, что к маю 1917 г. по амнистии из губернской тюрьмы и обеих Александровских тюрем было освобождено около 7 тысяч уголовных преступников, в заключении оставалось еще 795¹⁴. Весной были ликвидированы арестантские работы на

Усинской колесной дороге в Енисейской губернии (здесь работали заключенные Александровской каторжной тюрьмы) и казенных Бархатовских копей. Вместе с освобожденными уголовными заключенными в Иркутск стали прибывать ссыльнопоселенцы, как отбывшие сроки наказания, но не выехавшие из пределов губернии, так и не отбывшие, но получившие право отпуска для поездки на родину.

Часть уголовных ссыльных, не отбывших трех лет поселения, воспользовалась правом трехмесячного отпуска на родину. Тюремная инспекция выдала им необходимые документы и проездные билеты. Однако постановлением Временного правительства от 26 апреля 1917 г. отменялась ссылка как вид наказания, а также ссылка на поселение после отбытия каторжных работ и за бродяжничество. Освобожденные могли самостоятельно выбирать место жительства, за исключением отдельных местностей, входящих в перечень территорий с ограничениями в проживании. Однако на местах, куда прибывали «отпускники», власти, отчасти из-за незнания этого постановления, а чаще нежелания оставлять здесь уголовных ссыльных на постоянное место жительства, заставляли их по истечении срока отпуска возвращаться в Сибирь.

В силу этих причин контингент уголовных амнистированных лиц в Иркутской губернии практически не сократился. В качестве меры, позволяющей выдворить хотя бы часть их из пределов губернии, могло стать восстановление бывших уголовных заключенных во всех правах при условии мобилизации и отправки их на фронт. Однако в уголовной среде эта мера не нашла широкого отклика. Нередко на предложение поступить на военную службу следовал ответ: «Мы и без прав проживем, по крайней мере, живы будем»¹⁵. Однако все же часть амнистированных уголовных лиц была зачислена в воинские части. К этому негативно отнеслось военное командование. Председатель совета военных депутатов А.А. Краковецкий на заседании КО-ОРГА констатировал, что уголовные амнистированные внесли большую дезорганизацию в солдатские массы. По его мнению, со стороны Временного правительства допущена громадная ошибка в плане широкой уголовной амнистии, так как все равно из 400 амнистированных 200 будут снова препровождены в тюрьму. Этот прогноз подтверждался общероссийской тенденцией: чис-

ленность заключенных с июня по сентябрь выросла с 25 193 до 36 486¹⁶. Российское общество в целом негативно отнеслось к столь массовой уголовной амнистии. Недаром, в народе освобожденных уголовных называли «птенцами Керенского».

Скопление уголовного контингента в Иркутске резко осложнило криминальную ситуацию в городе. Участились случаи разбоя, грабежей, убийств, пик которых приходится на апрель-июль. Городские власти, в первую очередь, стремились ограничить контингент бывших уголовных заключенных. Но требовались средства для отправки их на родину. Кроме того из-за резкого вздорожания продовольствия в апреле пришлось увеличить суточно-проездной паек с 30 до 70 копеек. Краевой комиссар Салтыков в Петербурге занимался «выбиванием» денег на эти нужды, но их явно было недостаточно. Тем не менее, к 15 мая из Иркутской губернии было отправлено на родину 5 636 чел. Из них 1797 – женщины и дети. На одежду им была отпущена тысяча руб.¹⁷

Одновременно предпринимались попытки реализации указаний Главного тюремного управления (26 апреля переименовано в Главное управление по делам мест заключения), возглавляемого профессором права А.П. Жижиленко, которого в иркутских газетах характеризовали как человека «культурного и гуманного». В одном из приказов, подписанных им отмечалось, что «борьба с преступностью, ограничивающаяся одним только применением наказания, никогда не может дать благоприятных результатов... Как бы ни было правильно поставлено тюремное воспитание, оно само по себе не может надлежащим образом выполнить своей задачи, если не будет принято никаких мер попечения о дальнейшей судьбе лиц, отбывающих наказание»¹⁸. Предлагалось создавать и развивать сеть различных общественных организаций покровительства отбывшим наказание лицам, обществ патронажа, используя при этом дореволюционный опыт. Первые такие учреждения в Иркутске появились только в мае. Это были просто временные приюты для неимущих. Несколько позднее возобновило свою деятельность существующее еще до 1917 г. общество патроната. Увеличился (до 500 чел.) и изменился его персональный состав, был принят новый устав, в котором акцент делался на воспитательные функции общества. Но на практике первоочередной заботой было обеспечение амни-

стированных уголовных пристанищем и работой. С этой целью в июле патронатом был открыт приют «Очаг», расположившийся в арендуемом за 3 тыс. руб. в год доме на углу улиц Баснинской и Луговой. Насущной потребностью было также снабдить бывших заключенных одеждой, так как «арестантские бушлаты, в которых они вступили на волю, для большинства населения кажутся столь страшными, что думать о каком-либо заработке у обывателя не приходится»¹⁹. В июле Комитетом общественных организаций патронату было выделено 3 тыс. руб., но, учитывая количество освобожденных, скопившихся в Иркутске, дороговизну, разовость субсидий, этих средств было мало. КООРГ, с одной стороны, призывал население города создавать в помощь милиции отряды охраны, с другой – активнее участвовать в работе патроната, оказывать ему материальную и моральную поддержку, но самими опекаемыми это общество расценивалось только как благотворительная организация, у которой «можно выпросить 3 рубля», а обыватели не спешили с помощью.

Предпринимались попытки вовлечения бывших уголовных заключенных в общественную жизнь. По инициативе политических амнистированных, но самими уголовными в Иркутске было создано Общество борьбы с преступностью. Однако его деятельность фактически ограничилась призывом к преступникам «воздержаться от всяких преступлений, так как новым правительством вырабатываются новые законы, и тот, кто позволит себе преступления, будет пользоваться презрением даже среди своих». Тем не менее, митинговая стихия тех месяцев охватила и эту часть общества. В первых числах июня в Иркутске на Тихвинской площади состоялся массовый митинг с участием более чем 400 амнистированных уголовных, выступавших против обвинений в преступлениях²⁰. В целом же, меры по адаптации бывших уголовных заключенных к жизни на воле, предпринимаемые как центральной, так и местной властями, в условиях политической нестабильности, ухудшения экономической ситуации и обострения социальной обстановки были эпизодическими, скудно финансируемыми, не встречающими широкой поддержки и одобрения общества, а, следовательно, и мало результативными.

Указы о политической и уголовной амнистии от 7 и 17 марта и постановление Временного правительства от 26 апреля 1917

г. об отмене ссылки повлекли за собой кардинальные изменения структуры пенитенциарной системы. В Иркутской губернии была ликвидирована Александровская пересыльная тюрьма, закрылась Тельминская богадельня для нетрудоспособных ссылных и каторжан, расформированы конные обозы при Иркутской и Александровских тюрьмах. Александровская центральная каторжная тюрьма с упразднением других сибирских каторжных тюрем получила статус всесибирской, сюда должны были направляться заключенные каторжного разряда со всей Сибири. В губернии в ведении Тюремной инспекции оставались Александровская каторжная тюрьма, тюрьмы в Иркутске, Балаганске, Киренске, Нижнеудинске и Бодайбо²¹. Были пересмотрены штаты сотрудников тюрем, увеличено жалованье. К тюремной службе привлекались бывшие политические заключенные, по личному опыту знакомые с тюремными порядками. Начальником Иркутской губернской тюрьмы был назначен бывший шахтер Файбусов. Осенью 1917 г. намечалось открыть «курсы тюремного ведения» по подготовке тюремного обслуживающего персонала, но из-за революционных событий этого не произошло.

Значительное внимание в процессе реорганизации пенитенциарной сферы уделялось проблеме гуманизации исполнения наказания. Министерство юстиции рекомендовало «признавать в заключенном личное человеческое достоинство», не прибегать к телесным наказаниям, устранить применение оков в качестве меры предупреждения побегов, устранить из одежды заключенных все знаки отличия, унижающие их, разрешить заключенным чтение ежедневных газет, журналов и книг²². Особое внимание в циркулярах Главного управления местами заключения обращалось на организацию труда заключенных не только как средство исправления, но и мера поддержания материального достатка. Работы должны дать заключенным «знания, с которыми они при выходе на свободу могут найти себе подходящее занятие» и «значительное облегчение во время содержания под стражей». В июне возобновились приостановленные еще в марте работы в тюремных мастерских. В губернской тюрьме в портняжной мастерской было занято более 80 чел. Заключенные работали по 10,5 час. в сутки и получали 40–60% с рубля заказа, но это были мизерные суммы (для сравнения: на воле портной получал 60 коп., а заключенный за аналогичную работу только

8 коп.). Кроме того, заказы были дешевыми, небольшими, не обеспеченными полностью необходимыми материалами²³. Для реализации новых подходов к условиям содержания заключенных не оказалось необходимых материальных и организационных условий.

В первые месяцы революции, когда основное внимание власти и общественности концентрировалось на общеполитических проблемах, реформирование пенитенциарной системы ограничивалось частичным исполнением рекомендаций и циркуляров ГУМЗ. Сказывалась и в целом негативная реакция общественности на уголовную амнистию. Только к концу лета намечается более целенаправленное и заинтересованное со стороны Временного правительства и местных властей отношение к решению этой проблемы. Краевой съезд общественных организаций Восточной Сибири в августе обсуждал подходы, принципы и методы завершения процесса политической и уголовной амнистий и комплексного реформирования пенитенциарной системы²⁴.

В это же время в Иркутске при ведомстве тюремного инспектора было создано Совецание по тюремным делам. Его состав и полномочия свидетельствовали о более профессиональном, квалифицированном и практическом подходе к реформированию системы наказаний, а также о стремлении привлечь широкую общественность к этому делу. В Совецание вошли представители от КООРГа, Совета рабочих и солдатских депутатов, губернской по земским делам комиссии, совета присяжных поверенных, Иркутского окружного суда, прокурорского надзора, тюремной администрации, общества патроната. Задачей Совецания была выработка мер по реорганизации устройства мест и режима заключения, материального обеспечения тюрем, подготовка кадров²⁵. Однако последовавшие вскоре события, установление советской власти и гражданская война, прервали проведение пенитенциарной реформы.

В период между февралем и октябрём 1917 г. преобразования системы наказаний, при общем стремлении к демократизации и гуманизации этой сферы, в значительной степени проводились под влиянием стихийного поведения масс и настроения общественности. Это обусловило характер, сроки, методы и средства проведения политической и уголовной амнистий и реформирования пенитенциарных учреждений. В условиях сложной со-

циально-политической обстановки, низкой правовой культуры общества, отсутствия достаточных экономических, социальных, организационных условий, а также лимита отведенного историей времени для реализации планов, осуществить полномасштабную реформу не удалось.

Примечания

1. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. В 9-ти тт. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазных революций. С. 125.
2. Романов Н.С. Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 234.
3. Сибирь. 1917. 4 марта.
4. Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений [Электронный ресурс]. Режим доступа: [books.ru>authors/voitinskii-v/f14/html](http://books.ru/authors/voitinskii-v/f14/html)
5. Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-х тт. Т. 1. М., 1991. С. 245.
6. Иркутская летопись. 1661–1940 / сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 321.
7. Сибирь. 1917. 10 марта.
8. Иркутская жизнь. 1917. 8 июля.
9. Войтинский В.С. Год побед и поражений...
10. Сибирь. 1917. 14 марта.
11. Там же. 17 марта.
12. 1917. 17 марта.
13. Тимофеев В.Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. Чебоксары, 1999. С. 21.
14. Иркутская жизнь. 1917. 24 мая.
15. Там же. 1917. 2 августа.
16. Тимофеев. Указ. соч. С. 34.
17. Иркутская жизнь. 1917. 18 мая.
18. Цит. по: Перминов О.Г. Уголовно-исполнительное право: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hghltd/yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fpravo.vuzlib>
19. Иркутская жизнь. 1917. 7 мая.
20. Романов Н.С. Указ. соч. С. 242.
21. ГАИО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.
22. Там же. Л. 17.
23. Иркутская жизнь. 1917. 1 июня, 22 июля.
24. ГАИО. Ф. 741. Оп. 2. Д. 4. Л. 20.
25. Иркутская жизнь. 1917. 4 авг.

Уголовная ссылка и освоение Сибири в XVII–XX вв.

УДК 343. 81 (47) (063)

А.А. Иванов

Политика штрафной колонизации Западного Забайкалья в XVII–XX вв. и ее итоги

В настоящей статье дан анализ политики штрафной колонизации Западного Забайкалья – от появления здесь первых острожных крепостей до событий начала XX века. Автор приходит к заключению о неэффективности государственной стратегии применения уголовной ссылки для социально-экономического освоения края, а также раскрывает причины такого результата.

Ключевые слова: штрафная колонизация, уголовная ссылка в Сибирь, освоение и заселение Западного Забайкалья, государственная политика.

A.A. Ivanov

Penal colonization policy in Western Trans-Baikal in the XVII-XX c. and its results

The article examines the penal colonization policy in Western Trans-Baikal – from the period of the first fortresses construction up to events at the beginning of the XX-th c. The author concludes the state strategy inefficiency of the penal exile application in the social and economic regional development. Besides he specifies the reason of such result.

Key words: penal colonization, penal exile to Siberia, development and settling of Western Trans-Baikal, public policy.

История ссылки Западного Забайкалья всегда рассматривалась в качестве составной части общероссийской проблематики. Первые работы о ссылке принадлежали высокопоставленным служащим Министерства внутренних дел империи, рассматривавшим ее как необходимое средство изоляции и наказания преступных элементов, а также как фактор колонизации окраинных территорий, расположенных, в том числе, и за Байкалом. Среди работ этого периода лидирующие позиции принадлежат коллективной монографии «Ссылка в Сибирь», авторы которой сумели дать весьма исчерпывающую картину положения уголовной ссылки за Байкалом, собрать разноплановый фактический материал, большая часть которого и сегодня имеет научное значение [27].

Представители сибирской администрации, отмечая положительную в целом роль ссылки в деле заселения края, пытались обратить внимание на ее дороговизну, отсутствие системы в управлении, неэффективность в деле перевоспитания преступников [14; 12]. Дореволюционные исследователи истории Сибири оценивали ссылку как, в основном, необходимую меру, игравшую положительную роль в укреплении восточных границ империи [18; 5]. Либеральные публицисты рассматривали ссылку в качестве проявления несправедливой и грабительской колониальной политики метрополии, видели в ней источник «пагубного влияния на сибирское общество», в том числе, и старожильческое население Западного Забайкалья [19; 33].

Советские исследователи, решая вопросы заселения и освоения Западного Забайкалья, уделяли определенное внимание и уголовной ссылке. О.И. Кашик, исследуя роль крестьянской колонизации бассейна Селенги, определила количественные характеристики «сосланных на пашню» [15]. И.А. Асалхановым выявлены места компактного размещения ссыльных и их занятость [3]. Е.М. Залкиндо затронуты вопросы участия ссыльных в колонизации территории по реке Уде [11]. В работах М.М. Шмулевича установлено число невольных поселенцев в крае, дана география их расселения [30].

В 1990–2010-е годы изучение настоящей темы сибирскими историками было практически свернуто, а ее богатая проблематика сведена или к сложившейся еще в советский период констатации «Забайкалье – край каторги и ссылки», причем, при

этом имеется в виду ссылка политическая, или переведена в разряд краеведения [25; 4; 9]. В настоящей статье, на основе фактического материала, попробуем разобраться в этой научно-исследовательской проблеме, поставив ее несколько иначе – насколько эффективной была государственная политика штрафной колонизации при освоении земли за Байкалом.

Отечественная историография ссылки в Сибирь, как правило, выделяет два периода ее истории – московский и петербургский. Ссылка московского периода была начата практически сразу же после похода Ермака. При этом, служивых людей, казаков, детей боярских, отправляя в ссылку, по существу лишь перемещали на новые необжитые места, стремясь поручить им выполнение в «сибирской уkraine» трудных, важных и далеко небезопасных дел. Личные качества человека, его способности и знания, потребность в нем государства, а не его вина, определяли и место наказания.

Ссылка этого периода носила характер опалы: в Сибирь, в том числе и в Западное Забайкалье, отправлялись политические противники, участники заговоров и дворцовых интриг, а также «радетели за истинную веру». По всей видимости, первым известным политическим ссылкой в Забайкалье был протопоп Аввакум. В 1653 г. он за «многое безчинство» был сослан «з женою и з детьми в сибирский город на Лену». В декабре этого года Аввакум был в Тобольске, в конце 1655 г. – в Енисейске, в октябре 1656 г. – в Братском остроге. В следующем году Аввакум под присмотром казаков отряда А.Ф. Пашкова переправился через Байкал и все лето двигался против течения Селенги и Хилка, достигнув осенью 1657 года Иргень-озера, а затем реки Нерчи.

Протопоп вместе со всеми испытывал тяготы этого много-трудного похода – тянул лодки и нарты, несколько раз тонул, голодал. «По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был, – и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третье тонул. Барку от берегу оторвало водою, – людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с

кормщиком помчалю... Несло с версту... Все розмыло до крохи!», – писал Аввакум затем в «Житие».

Протопоп Аввакум ярко и живо сумел описать не только свои страдания, потерю близких (в Забайкалье умерли два его малолетних сына), издевательства, которые он претерпел, но и дал подробное описание озера Байкал, одним из первых подчеркнув значение его ресурсов для предстоящего освоения края. «Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, – дватцеть тысяч верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Лук на них растет и чеснок, – больши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопли богорасленныя, а во дво-рах травы красныя – и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, – по морю, яко снег, плавают. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо, – нельзя жарить на сковороде: жир все будет» [10, с. 34, 46].

Не менее знаменит и другой ссыльный Западного Забайкалья этого периода – гетман Левобережной Украины Д.И. Многогрешный. В 1674 г. гетман был отправлен в Иркутск, а в Забайкалье добрался только в 1683-м. В Селенгинске опального гетмана заключили в тюрьму и содержали «с великим бережением». В 1687 г. по приказу Ф. Головина он был освобожден и поверстан в дети боярские. Служил приказчиком Селенгинского острога – чин по тем временам немалый. В конце своей жизни постригся в монахи [22, с. 35].

А вот еще пример. В 1681 году в Баргузинский острог были сосланы из Якутска сыны боярские Юрий Крыженовский и Петр Ярыжкин, провинившиеся в Охотском и Зашиверском острожках, с женами и детьми в пеший казацкий строй. Значит, край за Байкалом столь сильно нуждался во всякого рода государевых людях, что их прошлое не играло решающей роли. Преступника отправляли туда, где оптимальнее всего можно было использовать его знания и опыт. «Сослать в службу, на какую пригодится» – вот типичная формулировка при определении места отбывания наказания [2, с. 41].

Остроги Западного Забайкалья – Баргузинский (1648), Селенгинский (1665), Верхнеудинский (1666) и другие были не только опорными пунктами для закрепления казаков на новых

землях. Помимо сторожевых башен, приказных изб, гостиных дворов и амбаров под рухлядь, в них сразу же строились и тюремные помещения – застенки – по образцу «московских» с общими и одиночными камерами. Здесь отбывали наказание как местные жители, не желавшие платить ясак, так и «секретные» арестанты из столицы. Только в Селенгинском остроге в разное время содержались Д.И. Многогрешный с семьей, сын казенного кабинет-министра Артемия Волынского Петр, вице-адмирал флота, генерал-лейтенант С.Г. Лопухин с супругой Н.Ф. Лопухиной. Держать «под крепким караулом не исходно, и кроме церкви Божьей никуда не пускать, чтобы с ними никто не говорил, бумаг и чернил не давать», – так предписывала инструкция для содержания Лопухиных [9, кн. 2, с. 79-80].

Своеобразными тюрьмами на Руси, в том числе и в Забайкалье, были монастыри. Помимо выполнения религиозной и хозяйственной роли, они предназначались для заточения наиболее важных государственных и политических преступников. При этом ссылка в монастырь нередко сопровождалось насильственным пострижением в монахи. Под тюремные помещения здесь использовались монашеские кельи, казематы или «каюты».

Селенгинский Троицкий монастырь не стал исключением. Исследователь сибирской ссылки краевед И.С. Сельский, говоря о ссылке сюда преступников, указывал на то, что здесь погибло много людей, сосланных без показания их имени. Как считает Л.П. Шорохов, условия содержания узников были наиболее суровыми. Сохранились сведения лишь об отдельных заключенных. Так, 1770 г. в монастыре был обнаружен бывший подпоручик Сибирского пехотного полка Родион Колев. Проведя в «железах» в одиночном заключении более четверти века, он сошел с ума. Ранее этого, в 1734 году, сюда был выслан по указу Анны Иоановны архиепископ Гедеон (Георгий Дашков). В 1735 г. он был отправлен дальше в Нерчинский Успенский монастырь, где и умер [31, с. 69].

По сведениям В.К. Андриевича, в 1701 г. в Забайкалье были сосланы «единомышленники типографщика Григория Талицкаго, напечатавшего воровские письма, в которых Петр I назывался Антихристом; всего их сослано семь человек и с ними пять вдов казенных преступников. В 1703 году могло попасть в За-

байкалье небольшое количество астраханских казаков, сосланных за бунт, поднятый ими за русскую старину» [18, с. 42].

Сибирская ссылка пополнялась не только за счет русских служилых людей. Едва ли не ранее всего применялась ссылка в Сибирь военнопленных, что считалось проявлением милости к своему недавнему противнику. В судебных приговорах этого периода можно было встретить такую формулировку: «Государь помиловал, велел живот дать, приговорил послать в ссылку». В 1711 г. в Сибирь было сослано большое количество солдат регулярной армии Карла XII, взятых в плен после битвы под Полтавой и Переволочной. Сначала они размещались в Свияжске, Казани, Азове и Воронеже, затем были отправлены в Сибирь. Самое большое число пленных – до одной тысячи человек – осело в Тобольске, однако кроме этого шведов размещали в Нарыме, Березове, Таре, Томске, Енисейске, Туруханске, Иркутске, Нерчинске, Якутске, Селенгинске, Илимске (генерал Канифер), Киренске. Среди шведов были представители различных мирных профессий – учителя и гувернеры, художники и музыканты, сапожники и портные, аптекари и врачи. Они внесли в сибирское общество европейскую бытовую культуру, новые профессиональные навыки и ремесла [29, ст. 529].

С приходом XVIII века связано начало ссылки петербургского периода. Удаление в Сибирь «в службу, куда государь укажет» продолжалось, однако доминирующим становится ее массовый, колонизационный характер. Возросло количество так называемых «пашенных ссыльных», которые должны были обеспечить хлебом увеличивавшееся население Сибири, испытывавшее хроническую нехватку продовольствия. Такие ссыльные ценились особо, государство стремилось снабдить их ссудой на приобретение инвентаря, давало льготы при уплате налогов. Именно с пашенными ссыльными началось планомерное земледельческое освоение этой территории. При этом на пашню в Забайкалье ссылались не только преступники. Зачастую сюда отправляли целыми деревнями и ни в чем неповинных крестьян.

Уже в 1682 г. на пашню в Баргузинский острог было определено восемь ссыльных крестьян из Спасского монастыря с Яковлевского Костромского уезда. О результатах первого посева ими ржи говорится в отписке иркутского письменного головы Л. Кислянского енисейскому воеводе К.О. Щербатому: «Того ж

191 (1683) году писал из Баргузинского в Иркутский приказик пятидесятник же казачей Козьма Федоров: В Баргузинском же остроге на полуторах десятинах ужато тысяча шестьсот тридцать снопов, а в умолоте де тех снопов из десяти умолочено дватцать без чети ржи и впредь де он Козьма к 192 (1684) году посеял на великих государей для опыту меж Читсаном и Колуаем, и озимь в том месте взшла крайню ж добра...» [2, с. 42].

Центрами земледельческого освоения Западного Забайкалья становятся остроги, расположенные по реке Селенге и ее притокам – Уде, Хилку, Чикою. Особенно интенсивно развивалось земледелие в низовьях Селенги. Тем не менее, своего хлеба для обеспечения служилых людей еще не хватало. В виду этого иркутский воевода И.Е. Власов просил в 1681 г. Сибирский приказ о присылке к прежним 96 иркутским ссыльным еще 50 семей пашенных крестьян для расселения их по реке Селенге [15, с. 237].

Понимая стратегическое значение края, государство всячески стремилось увеличить масштабы и штрафной колонизации. С этой целью было принято несколько указов. Еще 17 ноября 1680 г. состоялся боярский приказ о ссылке в Сибирь «на вечное житье на пашню с женами и с детьми тех воров, которые объявятся в первой или двух татьбах». В видах скорейшего заселения края в 1700 г. государь распорядился о высылке в Нерчинск беглых крестьян из России с их семействами, которые объявятся в Сибири. О том, что такое распоряжение было дано тобольскому воеводе видно из указа от 1 февраля 1701 г. Нерчинскому воеводе стольнику Бибикову. В статье 10-й этого указа предписывается расследовать о притеснениях и злоупотреблениях боярского сына Петра Мелешкина, который в 1697 г. повел из Тобольска семейства беглых верхотурских крестьян в числе 624-х душ. Из этого числа крестьян в 1700 г. пришло в Нерчинск только 403 души, остальные или умерли, или бежали. Пришедшие в Нерчинск были посажены на пашни [18, с. 135].

По указу Петра в 1704 г. было велено «в Троицком Селенгинском монастыре вольных людей, кто похочет, из ссыльных и из гулящих людей принимать и селить на пашню». Селенгинскому монастырю отводилось 900 десятин земельных угодий у озера Байкал до реки Хилка, а также «сенные покосы на 3000 копен» [31, с. 160].

11 января 1708 г. указом царя предписывалось селить крестьян с женами и детьми на заводских пашнях. В 1722 г. 10 апреля последовал указ о ссылке преступников в Даурию на серебряные заводы и о переводе 300 семейств туда же для поселения на удобных к хлебопашеству землях. По указу от 15 июля 1729 г. в сибирскую ссылку из центра страны стали отправлять бродяг и беглых, что придавало политике штрафной колонизации необходимые силы. С 1731 г. предписано было ссыльных переводить в состав заводских крестьян, и эта мера становится постоянной.

Очередной импульс сибирская ссылка получила указом 1754 г., заменившим смертную казнь для преступников удалением их за Уральский камень. В 1762 г. были изданы узаконения о прекращении ссылки на Колыванские заводы колодников и о селении их на дистанциях от Тобольска к Иркутску до Нерчинска, а также о ссылке преступников в Рогервик и в Нерчинск, смотря по близости расстояния этих мест от места посылки. В 1763 г. последовал Указ о формировании в Сибири, «для защищения этого края», пяти пехотных и двух конных полков из вывозимых из Польши беглых российских подданных и о поселении тех из них, которые в военную службу негодны, в Нерчинском и Селенгинском уездах для распространения хлебопашества [32, с. 172-176].

Началом массовой ссылки в Сибирь стали все-таки 1760-е годы. 13 декабря 1760 г. был принят указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков... крестьян, с зачетом их за рекрут». Затем в течение двух лет, правительство приняло, по крайней мере, еще пять законодательных актов, расширявших масштабы ссылки в зачет рекрут: от 17 января и 15 марта 1761 г., 22 января, 22 мая и 6 августа 1762 г. Как следует из документов, местом для ссылки первоначально был определен именно Нерчинский уезд.

Первые же партии следующих в Нерчинск ссыльных выявили «узкие места» плана расселения, главное из которых заключалось в отсутствии по дороге необходимого количества продовольствия. На трудности пути в Нерчинск указывал и сибирский губернатор Ф.И. Соймонов, сам бывший ссыльный, пропешедший всю Сибирь до Охотска и обратно. Как известно, после помилования он возглавлял Нерчинскую экспедицию, одной из задач которой было определение в Забайкалье земли «к хлебопашеству

годной». Именно Ф.И. Соймонов предложил не отправлять крестьян в Нерчинский уезд пока там «хлебопашество еще не размножено», а основное их количество селить по Иртышской линии. Так, он писал в правительство, что при переводе в 1754 г. из Соликамских соляных варниц в Нерчинск 2151 человека, при переходе незаселенными болотистыми местами по Кети, за семь недель умерло от голода и болезней 517 человек [16, с. 44].

Сколько ссыльных было отправлено в Забайкалье по «рекрутским» указам? Согласно подсчетам А.Д. Колесникова, в Сибирь в 1761–1781 гг. было выслано не менее 35 000 душ мужского пола. Если же иметь в виду, как считает исследователь, что женщины в этот период составляли около 75–80% от числа сосланных мужчин, то можно полагать, что в Сибирь за двадцать лет прибыло около 60 тысяч ссыльных и членов их семей. Часть этих поселщиков были отправлены, как того и требовали указы, в Нерчинский уезд, часть осели в Западном Забайкалье [16, с. 51].

В 1775 году в Селенгинском уезде крестьян, сосланных по воле помещиков вместе с беглыми раскольниками из Польши, получивших наименование здесь «семейских» или «поляков», насчитывалось уже 1660 ревизских душ. В последующие годы приток ссыльных продолжался. Так, в 1812 г. Н.И. Трескин в отчете об управлении краем писал, что за пять лет с 1806 по 1812 гг. «в Нерчинском округе по дороге вокруг Байкала и по тракту до границы Томской губернии водворено 9716 душ» [7, л. 29].

Помимо крестьян, отправляемых помещиками в зачет рекрут и поступавших в Сибирь постоянно, государство предпринимало и попытки очагового заселения этой территории. Так, 17 октября 1799 г. указом, данным Сенату, повелено было заселить южную часть Восточной Сибири, прилегающую к границам китайским, между Байкалом, Ангарой, Нерчинском и Кяхтой, с предоставлением различных выгод желающим. На первый раз назначалось для поселения десять тысяч душ, в состав которых должны были войти отставные солдаты – по собственному желанию, а также преступники, присуждаемые к ссылке в каторжные работы. На поселение планировали отправлять людей здоровых и сильных, не старше 45 лет. На местах надлежало отводить по 30 десятин земли на душу. Помещики при сдаче людей, обязаны

были снабжать их годовым жалованьем, провиантом и одеждой на том же основании, как и за отдаваемых в рекруты.

На первоначальное поселение отпущено было около ста тысяч рублей – сумма немалая, а указом Сената от 19 марта 1800 г. предписано Иркутскому губернатору Б.Б. Леццано, чтобы, по крайней мере, третья часть домов была готова к приходу поселенцев. Между тем, опасения в снабжении продовольствием, заставили поселенцев остановиться в Красноярском уезде. В 1801 г. В Иркутск пришло только 1454 человека, часть которых тогда же отправили за Байкал. Оказалось, что часть людей были отправлены помещиками без надлежащей одежды; большинство не имело в дороге кормовых денег. Такое «переселение» увеличило бродяжничество в крае: поселенцы с женами и детьми толпами ходили по деревням и селам, питались подаванием, «отягощая» и без того небогатое придорожное население. Те, кто доходил до своих мест за Байкалом, находили земли неудобными, бесплодными и гibli, не получая ни малейшего призрения от правительства [6, л. 4-42].

В 1802 г. Сенат представил Александру I, доклад, в котором констатировалось, что «благое предприятие о заселении полуденного края Сибири от небрежного исполнения предначертанных мер, вместо чаемого населения, обращается в сущую пагубу туда посылаемых». В январе этого года правительство вынуждено было остановить дальнейший прием помещичьих людей, пока не будет все готово для водворения их в Забайкалье. Это было весьма запоздалое решение – по донесению ревизовавшего тогда Сибирь сенатора И.О. Селифонтова, поселенцев сошло в Тобольской губернии такое множество, что их решительно некуда было распределить, кормовых денег было недостаточно и многие умерли голодной смертью. Селифонтов предположил отправить поселенцев ближе к Иркутску и расселить в Нижнеудинском округе. 8 февраля 1802 г. его доклад был утвержден Сенатом. Однако план «Байкальского заселения» до конца отвергнут не был, ссылкой предоставлялся выбор – поселиться в Даурах или вблизи Байкала [32, с. 211].

Для руководства поселением в январе 1802 г. в Сибирь был командирован д.с.с. Лаба. Чиновник встретил крайние затруднения при выполнении своего поручения, вследствие величайшей запутанности в сведениях о поселенцах. Разобраться в си-

туации он успел только к 1805 г. Донесения его подтвердили прежние известия о небрежном препровождении ссыльнопоселенцев. Ссылные терпели недостаток в продовольствии, были чрезвычайно перемешаны, сопровождали их частью воинские команды, частью сами обыватели; с большими женщинами поступали крайне небрежно, их тащили с партиями; большие умирали по дороге. Беспорядок был так велик, что потерялся счет и в людях, и, само собой, в деньгах. По личному осмотру Лабы в пути оказались 412 человек вовсе негодных для поселения – или по старости, или по болезни. Всего им было осмотрено 10 430 душ. Кроме того, 1315 человек по каким-либо причинам не были представлены к осмотру, т. е., чиновник вообще не смог их обнаружить.

Зато Лабà нашел нарушения не только в деле препровождения ссыльных, но и в организации их водворения. Так, назначенные за Байкалом земли для поселения были рассеяны на пространстве более 4000 верст, некоторые вовсе найдены негодными для расселения. Ни хлеба, ни домов для 2000 душ заготовлено не было. Несмотря на то, что Лабà отыскал большое количество плодородной земли, за Байкалом в конечном итоге было водворено всего лишь 610 душ [32, с. 212].

Надо подчеркнуть, что у правительства на протяжении всего XVIII в., несмотря на целый ряд принятых указов, так и не было четкой программы по заселению Сибири, в том числе Западного Забайкалья, ссыльными. Ситуация не изменилась и в XIX в. По-прежнему здесь царил неразбериха, отсутствовала планомерность и последовательность. К тому же Иркутское губернское и Забайкальское областное начальство, несмотря на огромный хронический дефицит рабочих рук, смотрело на ссыльных как на дополнительную обузу, всячески стараясь отказаться от них. Свои решения оно обычно мотивировало неурожаем в крае. Так, в 1812 г. Н.И. Трескин доносил в Петербург, что водворение поселенцев за Байкал им приостановлено «...по недостатку личного потребного для того хлеба». В 1815 г. предполагалось переселить в Верхнеудинский уезд сразу 2 тысячи поселенцев, но и здесь сослались на неурожай. В результате к 1817 г. за Байкал удалось водворить из этого числа всего лишь 158 душ [6, л. 14].

Несмотря на отсутствие планомерной организации в деле расселения ссыльных, их численность в Западном Забайкалье все же неуклонно возрастала. Так, в 1814 г. в Урлукской волости числилось уже 544 поселенца из ссыльных. В качестве примера, рассмотрим динамику численности уголовных ссыльных по Тарбагатайской волости за 1818–1844 гг. В 1818 г. сюда был помещен 221 ссыльный, в следующем – 272, в 1822 г. – 425, в 1823 г. – 421, в 1826 г. – 445, в 1828 г. – 251 (учтены только мужчины), в 1835 г. – 287 и в 1844-м – 568 человек. Как видим, количественные показатели ссыльных, взятые за четверть века, практически постоянно возрастали – с 221 ссыльного в 1822 году, до 568 человек в 1844-м. Всего же за этот период в Тарбагатайской волости было размещено 2890 ссыльных или по 111 человек в год [30, с. 26-27].

Упорядочение Сибирской ссылки было предпринято в 20-х гг. XIX в. и связано с именем М.М. Сперанского. Получив назначение на пост генерал-губернатора Сибири, Сперанский совместно с Г.С. Батеньковым разработал Уставы о ссыльных и этапах, в которых постарался учесть и разрешить большинство накопившихся в «ссылном деле» проблем. Одним из главных условий нового устава стало требование обязательного труда. Однако реальная действительность очень быстро показала неосуществимость и даже утопичность большинства положений закона. Дело в том, что Сперанский предполагал ежегодное увеличение объемов ссылки не более как на 3 тысячи человек. В начале так и было: в 1812–1831 гг. за Уральский камень было отправлено около 40 тысяч ссыльных. Однако в последующем темпы ссылки стали быстро нарастать: в следующем десятилетии – 91 709 человек, а в 1832–1841 гг. – еще 78 823. Всего же, по данным Марголиса, с 1807 по 1881 гг. Сибирь приняла 635 319 ссыльных [20, с. 30].

Во второй половине XIX в. в Западное Забайкалье направлялись в основном ссыльнопоселенцы. На поселение выходили как по суду, так и после отбытия каторжных работ. Ссылка на поселение по суду планировалась Сперанским как наиболее суровое наказание. Однако на самом деле и этого не получилось. Например, преступники из непривилегированных сословий подлежали на четыре года отдаче в казенную работу на заводы. Но в виду того, что всем ссыльнопоселенцам мест на заводах не хва-

тало, абсолютное их большинство поступало непосредственно в места причисления. Ссылнопоселенцы не могли менять места пребывания, им воспрещалось (для лиц крестьянского звания) проживать в городах. Однако, те, кто уходил на золотые прииски, при условии удовлетворительного поведения, получали соответствующий билет.

Лояльно относились власти и к тем из ссылнопоселенцев, кто желал заниматься торговлей, промыслами или приобрести недвижимость для оседлой жизни. После шести лет одобрительного поведения такой ссыльный мог пречисляться к крестьянскому сословию и получал право свободного передвижения в Сибири.

Следующую категорию ссылаемых на поселение по суду составляли водворяемые рабочие. Под этим термином Устав о ссыльных подразумевал бродяг, ссылаемых в Сибирь «на водворение». Ссылка на водворение считалась наказанием исправительным. После прибытия в место пречисления такие ссыльные попадали под строгий надзор, и в течение полутора лет должны были использоваться на каких-либо работах. Но так как никакой работы им, как правило, не находилось, они по существу самостоятельно устраивались, испытывая при этом лишь ограничения в передвижении по территории Сибири. В течение четырех лет относительно этой категории ссыльных действовал надзор полиции.

Последняя категория ссылнопоселенцев по суду – сосланные на житье. Уложение о наказаниях предусматривало ссылку на житье для преступников из привилегированных сословий. Таким ссыльным воспрещалось покидать место причисления, они обязаны были избрать себе род занятий, записываясь, с дозволения начальства, в мещанское или сельское сословие без права участия в выборах. По прошествии трех лет пребывания в ссылке им разрешалось заниматься торговлей или промыслами, приобретать землю и становиться собственниками.

По закону, каждая из категорий ссыльных должна была различаться в условиях отбывания наказания. На практике же различие в режиме содержания ссыльных не соблюдалось, они сливались в одну однообразную массу. Это происходило, как по вине местной администрации, так и потому, что условия проживания в Сибири ставили ссыльных в одинаковое положение. Та-

ким образом, главным различием ссыльных в этих обстоятельствах было наличие у них денежных средств.

Закон всячески поощрял обзаведение ссыльных семьями. Например, женщина «свободного состояния», выходя замуж за ссыльнопоселенца, получала одновременно денежное вспомоществование. В Забайкальской области сумма помощи была самой большой в Сибири и составляла 57 рублей 14 ½ коп. Для сравнения – подобное пособие в Енисейской губернии исчислялось лишь в 29 рублей [26, ст. 766].

Забайкальским областным правлением в 1870-х гг. были разработаны и утверждены правила распределения ссыльнопоселенцев. Согласно правил, все вообще ссыльные, способные к труду, приселялись к деревням старожилов соответственно количеству свободной земли, остающейся по удовлетворении наличного населения 15-десятинным наделом, с тем, однако, чтобы ссыльные не превышали трети этого населения.

Ссыльных, происходящих не из крестьянского звания, и непривычных к земледельческому труду, а также мастеровых, предусмотрено было селить близ городов. Ссыльных, знающих ремесло, необходимо рассылать в те районы, где их навыки и умения, имели бы спрос. Например, колесников, тележников, а также бондарей, причислять к Кабанской волости Селенгинского округа, где население по преимуществу занимается извозом и ловлей рыбы. В областном управлении было даже приступлено к составлению особой карты с обозначением сосредоточения мест различных ремесел.

Ссыльных, неспособных к труду из-за отсутствия богаделен, следовало причислять к многолюдным селениям, хотя бы и малоземельным, исходя из того, что там легче пропитаться милостыней.

Ссыльных лютеранского вероисповедания следовало селить в селениях, расположенных по Иркутскому тракту, например, в село Хараузкое Никольской волости Верхнеудинского округа. Евреев надлежало селить повсеместно в открытых для ссылки округах, за исключением 100-верстной полосы от китайской границы и земель, лежащих вблизи золотых приисков. Закон подчеркивал особый статус Забайкальской области, определяя ее при ссылке евреев. Согласно Устава о ссыльных, преступники еврейской национальности, даже если они принимали христиан-

ство, подлежали ссылке только в Якутскую или Забайкальскую области. Евреи, отбывшие положенный им срок каторжных работ, выходили на поселение также только в эти две области [26, ст.871-873].

Уголовная ссылка стала главным источником формирования в Западном Забайкалье мусульманской общины. Закон закрывал для значительной части мусульман возможность возвращения на родину, поэтому после отбытия наказания они оставались в Забайкалье, приписываясь к податному сословию. Отбывших наказание каторгой, селили преимущественно в местах проживания священнослужителей, с тем, чтобы они могли опрavelять свои духовные потребности. При этом численность мусульман не должна была превышать третьей части коренного населения. Компактные поселения имелись в Кульской, Малокуналейской, Нижнеларинской и Еланской волостях [23, с. 14-16].

Ссылные на поселение водворялись далеко не по всему Западному Забайкалью. С каждым годом количество мест, предназначенных для расселения ссылных, неуклонно сокращалось. В Троицкосавском и Акшинском округах, населенных в значительной части инородцами или казаками, водворение ссылных не допускалось и ранее. По существу, для ссылки были открыты лишь три округа – Верхнеудинский, Селенгинский и Баргузинский. К концу XIX в. эти округа уже испытывали тяжесть переполнения ссылкой. Еще в 1880-х гг. Баргузинское окружное полицейское управление представило в Забайкальское областное правление ходатайство всех сельских обществ округа о прекращении причисления к ним ссылных из-за недостатка удобных земель и непригодности местных условий для развития земледелия. Ярким примером переполненности ссылным элементом может служить Горячинское отдельное общество, в котором, как видно из мирского приговора, на 103 души коренного населения, при отсутствии свободных земель, причислено 94 ссылных, из которых 45 человек были дряхлыми – их приходилось поочередно содержать по домам старожилов [27, с. 130].

Сколько ссылнопоселенцев было в Западном Забайкалье во второй половине XIX в.? Вряд ли можно ответить на этот вопрос однозначно. Статистика ссылных здесь, как и вообще в Сибири, не безупречна и часто страдает неполнотой, бессистемностью, а нередко и противоречивостью. Это объясняется, как

«текучестью» ссыльного контингента, так и несопоставимостью методик подсчета. Следует иметь в виду также, что по закону, поселенцы, причисленные к крестьянским обществам, в третьем поколении ссыльными себя уже не считали, хотя и продолжали проживать в общих семьях. Дед – «из ссыльных», а внук – уже нет, каким образом учитывать такую семью?

По подсчетам М.М. Шмулевича, в Западном Забайкалье к середине 40-х годов существовало более 230 селений. Если душ обоего пола было здесь 48 375, то ссыльных насчитывалось 1413 человек, что составляло 2,9%. Со временем количество ссыльных увеличивалось, хотя по отдельным годам и наблюдалось их некоторое уменьшение. Например, по донесениям полицейских исправников, в августе 1871 г., здесь было 5186 поселенцев-мужчин. В 1877 г. учтено чуть меньше ссыльных – 4630. При этом, обращает внимание большое число осужденных женщин – 1329, или 28,7%. Через пять лет, в 1882 г., ссыльных зафиксировано еще меньше – 3705. К 1894 г. их количество увеличилось и составило уже 7888, что в два раза превосходит предыдущие показатели. В 1899 г. зафиксировано 7628 ссыльнопоселенцев. Двадцатое столетие принесло увеличение числа ссыльнопоселенцев. Из обзора по Забайкальской области за 1904 г. следует, что ссыльных всех категорий здесь было 8330 душ обоего пола [30, с. 36, 53; 21, с. 96, таблицы].

Как видим, анализ статистических сведений за более чем полувековой период свидетельствует о стойком увеличении в Западном Забайкалье числа уголовных. Данные, взятые по отдельным волостям, свидетельствуют о том, что число ссыльных в них нередко составляло более 8-ми и даже 10-ти процентов от общего количества старожилов. Однако, и эти цифры, вероятнее всего, занижены: в селах, куда на протяжении нескольких десятков лет постоянно ссылались поселенцы, их соотношение к местным жителям следует считать подавляющим.

Для того, чтобы сравнить динамику ссыльных в Западном Забайкалье с Восточным, приведем сведения об уголовных ссыльных в целом по области, взяв их только за 1898–99 гг. В этом году ссыльнопоселенцев имелось всего 11 941, из них мужчин 10 828, женщин 1113. Приписано к крестьянскому сословию было 6729, к прочим сословиям – 5212, в безвестной отлучке от этого числа находились 2554 человека, призрето в богадельнях

всего 4, получали пособие 298. Водворяемых рабочих числилось 2280 человек, из них получали пособие 52 ссыльных. Ссыльных на житье в Забайкалье в этот период было всего 117 человек. Из них зачислено в податное сословие 53, в отлучке – 33, получали пособие 2. Сосланных по приговорам обществ было 26, зачисленных из них в податные сословия 3. Сосланных по распоряжению административных властей – 31, из них зачислено в податные сословия 10. Сосланных в порядке административном не имелось. Таким образом, говоря о ссыльных Западного Забайкалья, следует иметь в виду лишь ссыльнопоселенцев и водворяемых рабочих, другие категории ссыльных составляли здесь незначительное число [27, с. 217].

Как жилось ссыльнопоселенцам за Байкалом? Ссыльные прибывали сюда в этапных партиях в сопровождении конвойной стражи и поступали в распоряжение уездных или окружных полицейских управлений. Затем их отправляли в правления тех волостей, куда они подлежали пречислению. По прибытии в волость, их имена вносились в списки, а затем волостное правление распределяло по селениям.

Со дня прибытия в волостное правление выдача кормовых денег прекращалась. По проверке численности и документов прибывших, партия разбивалась волостным писарем на мелкие части, которые в сопровождении сотских, должны были отправляться по деревням для водворения. На место водворения уходили практически только семейные, истосковавшиеся за месяцы пути по своему очагу. Одинокие же в большинстве своем, меняли или продавали крестьянам свою казенную одежду и шли кто куда. Многие продолжали оставаться в этих же уездных центрах, сбивались в группы, жили подаянием, а чаще скрытым разбоем и воровством.

По свидетельствам чиновников по крестьянским делам, положение большинства прибывших ссыльных было удручающим. Не имея средств, не ориентируясь в местных условиях, привыкнув к казенному пайку, они оставались в забайкальских селах по существу брошенными на произвол судьбы или обстоятельств и практически целиком зависели от крестьянина-старожила.

Прибывшие в деревню с намерением заняться земледелием ссыльные обращались к сельскому старосте с просьбой отвести им землю. После ряда проволочек ее отводили, при этом ссыль-

ным доставался крайний, слабо культивированный участок. В Западном Забайкалье ссыльным, на основании постановления Совета ГУВС должна была отводиться земля в количестве 15 десятин на душу. Однако крестьянское население само всегда ощущало «стеснение» в свободной земле, поэтому на деле ссыльным доставались остатки или вообще целинные земли. В части районов сельские общества давали полупай земли или покоса, смотря, с каким трудолюбием семья ссыльного обрабатывает надел, и лишь постепенно через несколько лет увеличивали количество земли.

Среди ссыльных было немало людей незнакомых и несклонных к крестьянскому труду. В Верхнеудинском округе, например, большинство ссыльных, причисленных к обществам причихойских волостей, вообще не брали земельных участков. По словам местных крестьян, «поселенец только покажется, выправит билет, да и марш обратно, только его и видели». Поселенцам, желавшим осесть, крестьяне этих волостей охотно отводили приусадебную землю, или из вымороченных участков, или на краю селений на свободных местах. Под пашню в абсолютном большинстве случаев предоставлялась неразработанная земля, и только изредка давался неполный надел из выморочного участка. Покосом ссыльных здесь наделяли на полдуши, но с обязательством платить кроме поселенческого оклада волостные и мирские сборы.

В Мало-Архангельском обществе поселенцы в течение первых трех лет получали только усадебные земли, а по истечении этого срока – только полная покоса и полторы десятины мягкой пашни. В Котойском и Байхорском обществах ссыльнопоселенец с первого же года получал усадьбу, полная сенокоса и пашни с условием платежа повинностей. При наделении поселенцев землей большая часть сельских обществ выкупа не требовала. Крестьяне довольствовались обыкновенно «угощением» – водкой, выставляемой поселенцем обществу. Однако были и такие селения, где с ссыльнопоселенца взимался так называемый «вкуп», достигавший 5, а иногда 10 или даже 15 рублей [14, с. 137].

Кроме затруднений в получении земли при водворении, не менее важной причиной неуспешности заведения своего хозяйства является отсутствие материальных средств. Деньги с собой в ссылку привозили очень немногие, пособий же, положенных

ссылному при водворении у местных властей не было. По закону, в местах поселений у областных властей должен был существовать т. н. поселенческий капитал. На практике эти капиталы смешивались с экономическим капиталом ссыльных и расходовались исключительно на пособия неимущим и неспособным к труду ссыльным.

Несостоятельность правительственной поддержки для водворяемых ссыльных видна даже из ст. 329 Устава о ссыльных. Согласно этой статьи, старожил, пускающий ссыльнопоселенца к себе в дом на житье, должен был получать вознаграждение в виде полплаката арестантского содержания в течение четырех месяцев за каждого принятого ссыльного. Так государство стремилось к стимулированию помощи для ссыльных. На деле же этого не было, подобные случаи неизвестны.

Ссыльнопоселенца, все же рискнувшего осесть на землю и обзавестись инвентарем, ждала еще одна неожиданность – непомерно высокие цены на орудия сельскохозяйственного труда, а также домашнюю утварь, предметы обихода. По подсчетам забайкальской администрации, устройство крестьянского хозяйства среднего достатка обходилось от 300 до 600 рублей, а в некоторых отдельных селах и больше. Понятно, что таких денег у поселенцев, вышедших с каторги или отправленных по суду, просто не могло быть.

Интересны сведения о размерах земледелия и скотоводства. На 100 наличных хозяйств ссыльных, приходилось: не имевших пашни – 64,3%, арендовавших пашню – 11,9%, не получавших душевых покосов – 48,3%, косивших на своих расчистках – 1,1%, не имевших никакой запашки – 58,9%. Таким образом, безземелье среди ссыльных было бытовым явлением.

Те немногие, кто сумел завести земледельческое хозяйство, вели его далеко не в таких размерах как старожилов. Например, имеющие свою запашку ссыльные в среднем запахивали не более трех десятин земли. Такая же отсталость ссыльных от старожилов была и в скотоводстве: лишь 57,6% ссыльных, имевших свое хозяйство, обладали крупным рогатым скотом, 47,3% не имели вообще рабочих лошадей, 41,2% вели хозяйство без всякого скота. При этом, на одно хозяйство ссыльнопоселенца крупного скота приходится четыре головы, а у старожилов 16, рабочих лошадей – одна голова против трех у старожилов. В

целом же скота у старожилов Забайкалья к началу XX в. было 24,8 голов, у ссыльных – от 2 до 6 [27, с. 222].

После земледелия и скотоводства немалую роль в благосостоянии населения играло занятие промыслами и ремеслами. Из, несомненно, доходных и жизненно важных промыслов Забайкалья, на первые места можно поставить занятия рыбной ловлей, охотой, заготовкой леса и извозом. Однако эти промыслы были заняты старожилами, которые вели их из поколения в поколение и новых предпринимателей туда допускали с большой неохотой. Это подтверждает и статистика: на 100 хозяйств ссыльных, занимавшихся ремеслами было 27,4%, промыслами – 10,4%, другими заработками – 7,1%. Ссыльные, таким образом, занимались местными промыслами в три раза меньше, чем старожилы.

Ссыльные, принятые в состав обществ, платили подати и несли повинности на общем основании с прочими крестьянами. Однако размер всех обязательных платежей для ссыльных был всегда самым высоким. Данная таблица подтверждает это и дает основание судить о их характере (в рублях на 1896 г.):

Поселенцы:	1 разряда	2 разряда	3 разряда
Подушная	1,3	1,17	1,04
Оброчная	2,72	2,72	2,72
На межевание	–	–	–
Пожарная	–	–	–
Экономическая	0,15	0,15	0,15
Частная	3¼	3¼	3¼
Ясак	–	–	–
Итого:	4,20¼	4,07¼	3,94¼

Для сравнения приведем здесь же размер платежей для крестьян, казаков и инородцев:

Крестьяне:	4,17¼	4,04¼	3,91¼
Казаки	0,49	0,36	0,28
Инородцы	4,27¼ (оседл.)	2,68¼ (кочев.)	2,04 (бродячие)

Как видим, налоговое бремя распределялось неравномерно и ссыльнопоселенцы испытывали его в большей мере [12, с. 139].

Если ссыльный не владел каким-либо ремеслом, способным его прокормить и дать хоть какую-то сумму для обзаведения своим хозяйством, ему оставалось только одно – идти в наем

к крестьянам-старожилам. По статистике, в работники по Забайкальской области нанималось в конце XIX в. 45,8% водворившихся ссыльных. Положение такого ссыльного было крайне тяжелым. Старожилы использовали безвыходное положение ссыльных и платили им гораздо меньше, чем крестьянину-посельщику, держали в многолетней кабале, изначально опутывая накрепко долгами и данными ссудами. Озлобленные таким отношением, ссыльные нередко оказывали стихийное сопротивление – обворовывали хозяина, сжигали его сено, расхищали урожай. Это, в свою очередь, вызывало ответную реакцию у старожилов – современники приводят немало свидетельств физической расправы крестьян со своими работниками и безнаказанного убийства «горбачей».

В Западном Забайкалье незначительная часть ссыльных водворялась в городах. Здесь они поступали под надзор городской полиции. В области на этом основании в 1900 г. по официальным данным (сколько их было на самом деле, неизвестно, но, по крайней мере, в несколько раз больше), проживало в Чите – до 360 ссыльнопоселенцев, Троицкосавске – до 30, Верхнеудинске и Нерчинске – по 20 [27, с. 206].

Несмотря на такое, казалось бы, незначительное число, работы ссыльным в городах хронически не хватало. Какая то часть из них устраивалась сторожами, грузчиками и уборщиками улиц, основная же масса оставалась без постоянной работы, а значит, и без средств существования. Безработные ссыльные пополняли отряды бродяг, занимались воровством, их содержание ложилось тяжким бременем на городской бюджет.

Общество по разному относилось к ссыльным. Предприниматели охотно нанимали образованных ссыльных. Такой работник «стоил» недорого, а работал нередко гораздо лучше «своего» горожанина. Среди водворяемых в городах заметно меньше хлопот доставляли сосланные на житье. Некоторые из них принадлежали ранее к числу состоятельных людей, имели имущество и недвижимость. Такие ссыльные и в ссылке чувствовали себя достаточно сносно.

Каторжный труд в Западном Забайкалье существовал только на Петровском железодельном заводе (административно относился к Иркутской губернии). О положении рабочих завода сохранилась статья в газете «Жизнь на восточной окраине»

за 1896 год за подписью «А. П-инъ» [А. Першин]. Автор, сам в прошлом местный рабочий, оставил нам яркий и несколько наивный рассказ о горькой судьбе работавших здесь в 1840-х годах. Рабочие на заводе, – пишет П-инъ, – были трех разрядов. Первые составляли родившиеся от горно-заводских рабочих, которые с 12 лет поступали в работу и до 18-ти числились малолетками, а затем принимали присягу на верность службы. Несли эту службу, или тяжелую мускульную работу, 35 лет, после чего получали чистую отставку. «Плохая им досталась доля»: счастливцев, которые доживали до заветных 53 лет, было очень и очень мало.

Второй разряд составляли рекруты из сдаточных крестьян, принадлежавшие Кабинету. Их отправляли вместо солдатской службы на заводские работы, которые продолжались 25 лет. Дети их были гораздо несчастнее своих отцов: они причислялись к первому разряду, или, к каторге по рождению.

Третий разряд составляли присылаемые ссыльнокаторжные. Срок их работ продолжался 20 лет. Их содержание здесь было столь ужасным, что они мало держались при заводе, а по большей части находились в бегах. Нередко, из 100 каторжных оставалось лишь несколько человек. Этими тремя разрядами людей исполнялись все работы. Работали ежедневно не менее 12 часов, за что получали в месяц 2 пуда яричной муки и 2 рубля ассигнациями [1].

В начале 1890-х г. в Петровском Заводе содержалось незначительное количество арестантов – от 20 до 60. На 1 января 1891 г. их было 23 человека. В 1896 г. при личном обозрении Петровского Завода, Н.А. Крюков пришел к выводу, что объем работ там для каторжников крайне недостаточен. Это было связано с низким качеством изделий и, как следствие, низким покупательным спросом. «Огромные мастерские, – пишет автор, – стоят пустыми. Положение рабочих и жителей села Петровского весьма неустойчиво» [12, с. 109].

В середине XIX в. ссыльные были основным источником формирования рабочих золотопромышленности. Так, например, в 1853 г. на Баргузинских приисках из 570 рабочих 337 (59,1%) были ссыльнопоселенцами. Затем доля ссыльных среди горняков резко уменьшилась – в 1863 г. из 2447 приисковых рабочих ссыльнопоселенцев было уже 206 человек (8,42%). В 1895

г. из 1129 золотодобытчиков ссыльнопоселенцев было всего 84 (7,45%). В 1914 г. в Западном Забайкалье в золотодобывающей отрасли значилось 3381 рабочий, из них ссыльными заявили себя лишь девять человек [24, с. 63, 64].

Причина столь резкого уменьшения численности ссыльных на приисках Баргузинского округа крылась в отмене крепостного права и изменении рынка труда, а также была связана с бурным развитием золотодобычи в Приморье, куда и уходили ссыльные.

Труд ссыльнокаторжных Забайкалья применялся на строительстве Кругобайкальской железной дороги. По свидетельству начальника ГТУ П.К. Грана, бывшего в Восточной Сибири летом 1913 г. с инспекторской поездкой, на сооружении вторых путей дороги были заняты четыре команды арестантов в количестве 922 человек и команда ссыльнопоселенцев. Работы велись в 1911–1912 годах на участке от станции Байкал до 74-й версты и в 1913–1915 гг. – от Мурино до Выдрино. Труд арестантов использовался на неквалифицированных и низкооплачиваемых работах, в основном земляных, а также в тоннелях и на возведении каменных мостов [13, с. 29].

Ссыльнопоселенцам, занятым на сооружении Кругобайкальской железной дороги, предоставлялись значительные льготы. Так, например, ссыльнокаторжным при условии «одобрительного поведения» восемь месяцев непрерывных работ здесь зачитывались за год наказания, а поселенцам, стремившимся к причислению в крестьяне, один год шел за два, т.е. срок причисления сокращался в два раза. Сосланным на жительство пятнадцатилетний срок также подлежал уменьшению наполовину [28, с. 164].

С весны 1910 года каторжный труд стали использовать и на сооружении Амурской железной дороги. Главное тюремное управление ведало работами на двух участках, один из которых – западный – находился в пределах Забайкальской области. На западном участке во время посещения Забайкалья и Приморья Граном в 1913 г., работало около 1250 арестантов. Из этого числа около 500 были заняты земляными работами по устройству насыпи близ поселка «Раздольного», а также разработкой карьера и балластировкой пути. До 300 каторжан использовалось на устройстве пристанционных путей, свыше 200 невольных рабочих были заняты по устройству большой перевальной выемки.

Забайкальская администрация отмечала, что среди ссылных, занятых на строительстве дороги, добросовестных работников все-таки немного, а большинство отличается склонностью к пьянству и буйству. «Заработав немного денег, они тотчас же уходят, увлекая своим примером иногда целые партии своих товарищей, поступают к другому подрядчику и снова через непродолжительное время уходят, повторяя подобный прием помногу раз» [17].

Помимо золотодобывающих приисков и сооружения железной дороги, ссылные Западного Забайкалья были заняты на рыбных промыслах, на строительстве Кругоморского тракта, в речном судоходстве и некоторых других предприятиях местной промышленности, где доля их труда была всегда незначительна.

Для неспособных к труду ссылных закон предусматривал особую форму призрения, а именно, приписку их по волостям «на вольное пропитание». В Забайкальской области вольное пропитание неспособных к труду составляло род натуральной повинности: прокармливаемые переводились со двора на двор крестьянам, где и оставались на сроки в зависимости от зажиточности хозяина. Число дряхлых ссылных в Забайкалье достигало огромных размеров – 4 тысяч человек, что составляло в конце 1890-х гг. не многим менее 1/3 ссылных, водворяемых в области.

Подведем некоторые итоги. Особенностью социально-экономического развития Западного Забайкалья в XVII–XIX вв. являлось наличие здесь значительного числа уголовных ссылных. Первоначально государство применяло ссылку в качестве опалы, удаляя своих подданных за Байкал «в службу». Такой ссылный фактически лишь менял место «возле трона» на опасную и неустроенную жизнь на далекой окраине. В этот период ссылные активно участвовали в освоении территории, были заняты в управлении, несли военную службу. Ссылка сыграла свою позитивную роль, исправно поставляя в Забайкалье людей грамотных, способных, имеющих организаторские навыки, знающих ремесла.

С 1760 г. государство стало использовать ссылку в качестве инструмента освоения края в массовом порядке. Сюда направлялись не только преступники, но и помещичьи крестьяне в зачет

рукрут, а также высланные по приговорам сельских обществ. Именно эти ссыльные, занимавшиеся в Забайкалье хлебопашеством, могли оказать существенное позитивное влияние на экономику края. Однако государство плохо использовало возможности и потенциал ссылаемых крестьян: предоставленные льготы носили формальный характер, реальных средств на обустройство ссыльным не выделялось. В результате в сельскохозяйственной отрасли Забайкалья ссыльные занимали крайне незначительные позиции, пополняя ряды наиболее бедных крестьян.

Вклад поселенцев в социально-экономическое развитие Забайкалья был неравноценен и определялся как самим контингентом, так и политикой правительства. Сосланные сюда крестьяне наиболее легко приживались, быстрее налаживали хозяйство. Сельский труд был им хорошо знаком и привычен. Часть таких ссыльных, в основном семейных, пустили здесь прочные корни. Уголовные ссыльные составляли разительный контраст ссыльным крестьянам: они не были приучены к труду, не желали заниматься сельским хозяйством. Основная масса уголовных становилась бродягами, жила воровством и разбоем. В редких случаях такие поселенцы заводили семьи, а значит их приживаемость в крае, была низкой.

Государственная политика создания специальных поселений для ссыльных изначально была обречена на провал, так как принудительный труд везде малопродуктивен и неэффективен. Кроме этого, в организации подобных мест не было системности, экономического обоснования, процветало казнокрадство. На результатах этих мер сказывалось равнодушное отношение местных чиновников, видевших в ссыльных, при отсутствии постоянных субсидий из центра, лишь обузу и обременение своей деятельности.

Вклад ссыльных был хорошо замечен лишь в горнодобывающей и горнозаводской, а также местной промышленности, строительстве железных и грунтовых дорог. До 1861 г. ссыльные составляли значительное число рабочих на приисках Баргузинской тайги, были заняты на земляных работах при сооружении Кругобайкальской и Уссурийской железных дорог, выполняя здесь, впрочем, самые неквалифицированные работы.

По официальным данным, в середине XIX–начале XX века в Западном Забайкалье было сосредоточено ежегодно от 1400 до

9 тысяч ссыльных разной категории, в основном, поселенцев. Ссыльные составляли, таким образом, от 2 до 10% от общего числа жителей, однако, следует признать, что их доля в Забайкалье была гораздо выше официальной статистики, но при этом, не могла превышать, на наш взгляд, более половины сельского населения.

Уголовная ссылка – результат колониальной и пенитенциарной политики государства – сложное многогранное явление в истории края, сыгравшее значительную роль в формировании демографической, социальной и экономической ситуации в регионе.

В целом, государственную политику штрафной колонизации Западного Забайкалья следует признать малоэффективной. Причины этого кроются, в том, что данную задачу правительство всегда стремилось решать попутно, наряду с выполнением других разноплановых проблем, в числе которых на первом месте стояло удаление и изоляция опасных для общества маргинальных элементов, на втором – попытка снижения перенаселенности центральных губерний за счет массовых ссылок помещичьих крестьян, на третьем – вопросы укрепления стратегической обороноспособности сибирских окраин и создания здесь для этого мощной приграничной транспортной и промышленной структуры.

Примечания

1. А. П-инъ. Оскар Александрович Дейхман (из воспоминаний горнозаводского рабочего) // Жизнь на восточной окраине. 1896. 11 нояб.
2. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. 386 с.
3. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963.
4. Базарова Р.Э. Время, события, люди Заиграевского района. Улан-Удэ, 2004.
5. Будицкий П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.
6. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 1.
7. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 442 б.
8. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 118.
9. Дёмин Э.В. Золотая россыпь Селенгинска: Историко-краеведческие очерки. Улан-Удэ, 2009–2010. Кн. 1, 2. Кн. 2.
10. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и др. его соч. Иркутск, 1979.

11. Залкинд Е.М. Начало русской колонизации бассейна р. Уды // Культура и быт народов Бурятии. Вып. 4. Улан-Удэ, 1965.
12. Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении / сост. Н.А. Крюков, агроном при Приамурском генерал-губернаторе. СПб., 1896.
13. История пенитенциарной системы в Бурятии / под общ. ред. С.П. Суша; сост. Л.В. Курас и др. Улан-Удэ, 2006.
14. Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию. 1897. Иркутск, 1900.
15. Кашик О.И. Из истории заселения Иркутского уезда в XVII–начале XVIII вв. // Уч. зап. Иркут. гос. пед. ин-та. Благовещенск, 1958. Вып. XVI. С. 227.
16. Колесников А.Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVII–начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 38-59.
17. Краткая объяснительная записка к проекту министра юстиции... // Тюремный вестник. 1913. № 12.
18. Краткий очерк истории Забайкалья от древних времен до 1762 года / сост. В.К. Андриевич. СПб., 1887.
19. Максимов С. Собр. соч. в 7 томах. М., 2010.
20. Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследование и архивные находки. М., 1995.
21. Обзор Забайкальской области за 1904 г. Чита, 1905.
22. Первое столетие Иркутска: В память 250-летия Иркутска. Иркутск: изд. В.П. Сукачева, 1902.
23. Перинов В.В. Мусульмане в Забайкалье (середина XIX века–1917 год): Автореф. ...канд. ист. н. Улан-Удэ, 2010.
24. Раднаев Б.Э. Формирование рабочего класса в золотодобывающей промышленности Забайкалья конца XIX–начала XX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии. XVII–начало XX в. Новосибирск, 1987.
25. Русские в Бурятии: история и современность / ответ. ред. В.И. Затеев. Улан-Удэ, 2002.
26. Свод законов. Т. XIV. Устав о ссыльных. Ст. 766, примечание. СПб., 1857.
27. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900.
28. Устав о ссыльных // Свод Законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857.
29. Устав о ссыльных (по изданию 1909 г.). Сост. Л.И. Марколь. Приложение П. Иркутск, 1911.
30. Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. Ст. 529.

31. Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья (XVII–середина XIX в.). Новосибирск, 1985.

32. Шорохов Л.П. Узники сибирских монастырей в XVIII веке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. Новосибирск, 1978.

33. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993.

34. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1892.

УДК 94 (57)

В.П. Шахеров

Ссылка как фактор хозяйственного и социокультурного освоения Сибири

Статья посвящена проблеме сибирской ссылки, ее восприятия в российском и сибирском обществе на разных исторических этапах. Рассматриваются основные виды и функции ссылки, динамика численности, роль и место в системе хозяйственного и социокультурного освоения Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, ссылка, каторга, колонизация, штрафная колонизация.

V.P. Shakherov

Exile system as the factor of economic and socio-cultural development of Siberia

Article is devoted a problem of a Siberian exile system, its perception in the Russian and Siberian society at different historical stages. Principal views and reference functions, dynamics of number, a role and a place in system economic and социокультурного development of Siberia are considered.

Keywords: Siberia, the reference, penal servitude, colonization, penal colonization.

История ссылки и каторги в Сибири начинается едва ли не с начала ее присоединения к России. Трехвековая история сибирской ссылки породила множество различных оценок и трактовок ее роли для России и Сибири. Даже среди специалистов встречаются различные, подчас противоположные взгляды о влиянии ее на экономическое, общественное и культурное развитие восточных окраин империи. Одни исследователи были склонны преувеличивать роль ссылки в колонизации Сибири, особенно Восточной, считая всех жителей потомками бывших преступников, другие вообще отрицали колонизационное значение ссылки. Некоторые западные историки усматривали в сибирской ссылке некий психологический феномен российской действительности, считая ее чуть ли не национальной чертой россиян, или, говоря о роли пограничного фактора (фронтира), писали о складывании в Сибири особого социума из бродяг, преступников и тому подобных элементов. Для них сибирская ссылка выступала как своеобразный символ «загадочной» и «непонятной» русской нации¹.

Сибирская действительность рождала множество мифов, толкований, способствовала формированию различного восприятия ссылки в самой Сибири, России, за рубежом. Образ мрачного, дикого края, полного безысходной грусти и холода, заселенного отверженными, преступниками проникал не только в обыденное сознание россиян, но и в литературные и исторические сочинения. Страх перед Сибирью, как перед чем-то неизведанным и страшным сформировался с началом массовой крестьянской ссылки в XVIII в., когда помещики получили правосылать неугодных им крепостных в административном порядке, отрывая от привычной среды и близких людей. Тем более, что из-за огромных расстояний, несовершенства путей сообщения возвращение в Россию было невозможным. Представление о Сибири, как только о месте содержания преступников, о крае полного беззакония было очень живучим в российском обществе. Один из помещиков даже назвал «Сибирью» пустынное место в Тверской губернии, куда он отправлял провинившихся крепостных, как бы напоминая им о еще более страшном наказании². Этот образ был растиражирован и отечественной литературой, в результате чего ссылка стала основной доминантой восприятия Сибири, заглотив собой другие реалии сибирской действительности. То есть

со временем в народном сознании ссылка из категории административно-правовой трансформировалась в морально-этическую, приобретя определенный эмоциональный оттенок и социально-психологическую окраску. Так, в творчестве К.Ф. Рыльева и А.С. Пушкина Сибирь ассоциировалась с каторжными норами, была одним из кругов Дантова ада, мрачным подземельем. Для Ф.М. Достоевского – это «мертвый дом». «Боже мой, как далека здешняя жизнь от России, – восклицал А.П. Чехов. И у него же в пьесе «На дне» Лука говорит: «Тюрьма добру не научит, и Сибирь не научит». И он же советует Ваське Пеплу идти в Сибирь, где нет закона»³.

Так же смотрели на сибиряков российские власти, стремясь особыми мерами поддерживать там порядок и покой. Даже отдельные представители местной администрации, прикрывая свою бездеятельность и беспомощность, утверждали, что здесь бороться с воровством и разбоем невозможно: «Что же теперь делать, на то и Сибирь! Надо же вора где-нибудь жить!»⁴ Впрочем, за редким исключением власть российская рассматривала сибирские земли лишь как место размещения неугодных элементов, и как кладовую полезных ископаемых. Министр иностранных дел России второй четверти XIX в. граф Нессельроде цинично заявлял: «Сибирь была для России глубоким мешком, в который опускались наши социальные грехи и подонки в виде ссылных и каторжан и тому подобное»⁵. Центру были глубоко безразличны подлинные нужды и перспективы развития Сибири, и он отмахивался от решения проблем, тяготивших население края.

Следует отметить, что государство использовало ссылку не только как карательную меру с целью обеспечения внутренней безопасности, но и как средство заселения сибирских территорий, направляя тысячи ссылных на строительство и эксплуатацию путей сообщения, разработку природных богатств края. Штрафная колонизация была одним из постоянных источников роста российского населения в Сибири и формирования местного крестьянства. Уже в XVII в. оформилось несколько видов ссылки. Массовой была ссылка провинившихся казаков, стрельцов, военнопленных в службу для пополнения служилого населения Сибири. Крестьян, посадских, гулящих людей ссылали, как правило, на поселение в посад или в пашню. Само правительст-

во в 1698 г. констатировало, что «такими многими ссыльными людьми сибирские города и слободы и деревни везде полнятся». В XVIII в. ссылка на поселение становится ведущей. Указами 1760-х гг. помещики получили право ссылать своих крепостных за «непристойные и предерзновенные поступки». Однако разрешалось ссылать только здоровых мужчин не старше 45 лет, пригодных к хлебопашеству, а семейных – с семьями.

Еще одним видом ссылки была ссылка в заключение, когда преступников не только ссылали в Сибирь, но и заточали их в острог или монастырь. Ссылка в заключение применялась в основном к опальным представителям власти, изменникам, противникам официальной церкви и религиозным вольнодумцам. Всех их предписывалось держать в темницах скованными, за крепким караулом, «чтоб к ним никто не приходил и злого учения у них не принимал». Одним из первых прошел через нее протопоп Аввакум. В первой половине XVIII в. в Сибири оказались участники дворцовых переворотов А.Д. Меншиков, А. Девиер, А.Г. Долгорукий, Б.К. Миних, Ф.И. Соймонов и др.

В начале XVIII в. появился новый вид ссылки – ссылка на каторгу, т. е. на принудительные работы. Каторжан в основном направляли на горные заводы и рудники, где использовали как даровую рабочую силу. Со второй половины XVIII в. основным местом каторги стали горнозаводские предприятия Нерчинского горного округа, принадлежавшие Кабинету. Кроме закоренелых уголовников в каторжные работы стали направлять «секретных арестантов» за разного рода политические преступления. Указом от 13 сентября 1797 г. предписывалось «произносителей дерзких слов против императорского величества, равно возмутителей народа и пристанодержателей (т. е. укрывателей. – В. III.) отсылать в Нерчинск на работу». В округе находилось до 3–4 тыс. каторжан, среди которых на особом положении содержались «секретные арестанты», о которых составлялись для иркутского губернатора именные ведомости.

Сроки ссылки в рассматриваемый период никак не оговаривались. Фактически она была пожизненной. Только каторга, как особо тяжелый вид ссылки, с течением времени получает ограничение во времени. С 1822 г. ее максимальный срок определяется в 20 лет. Но и отбывшие ее не получали свободу, а переводились на пожизненное поселение в то место, которое оп-

ределяли местные власти. Не имея средств к существованию, без какой бы то ни было поддержки властей, очень немногие из них могли встать на ноги и влиться в состав старожильского крестьянского населения Сибири. Большинство же было вынуждено наниматься в работники к хозяевам-старожилам, уходить на различные промыслы и отхожие заработки, а с середины XIX в. – на золотые прииски. Следует иметь в виду также, что ссылка автоматически означала лишение всех сословных прав, а часто и имущества, и переход в особую бесправную группу сибирского населения – ссыльных. Превращение в изгоя, отверженного усугубляло и без того тяжелое физическое и моральное состояние ссыльного. В тоже время, следует учитывать, что ссыльные в Сибири со временем могли быть приписаны к сословию государственных крестьян, или если знали ремесло то и в городское мещанское или цеховое общество, то есть становились обладателями тех же прав, что и сибиряки, за исключением возможности вернуться в Россию. Эта ситуация бывала порой парадоксальной: крепостной крестьянин, отправленный своим помещиком в ссылку, в Сибири становился свободным человеком.

Определить численность людей, сосланных на протяжении XVIII–первой четверти XIX в. практически невозможно, так как общей статистики ссыльных не велось. Партии ссыльных препровождались без всякого порядка. Начальство не знало, кто, за что был отправлен и куда направляется. В этапные списки без разбора вносили поселенцев и каторжан, мужчин и женщин, взрослых и детей. Нередко ни в чем не повинные люди, по какой-то случайности попавшие в списки ссыльных и лишенные возможности исправить ошибку, т. к. ссыльным воспрещалось подавать жалобы, годами безвинно пребывали в неволе. Среди ссыльных было много больных и увечных. Управление ссылкой в самой Сибири было децентрализовано и не выходило за пределы административных функций местных губернаторов и начальников сибирских заводов и рудников. До 1822 г. практически не было специальных местных учреждений управления ссыльными. Они полностью зависели от произвола местных властей. Полное бесправие родителей распространялось и на детей, рожденных в Сибири. Россия не имела четкого правового определения ссылки и каторги. Одновременно действовали десятки указов и манифестов о ссылке, нередко противоречащих друг другу. Между тем

количество ссыльных в Сибири постоянно возрастало. Во второй половине XVIII в. по различным подсчетам в Сибирь было отправлено до 60 тыс. человек⁶. Часть из них была направлена на заводы Нерчинского горного округа, многих расселили в окрестностях Усть-Каменогорской и Бийской крепостей, основную же массу водворили вдоль Сибирского тракта. В это же время на Алтай и в Забайкалье переселили до 10 тыс. старообрядцев, выведенных с территории восточной Польши. На Алтае они получили название «поляки», а в Забайкалье – «семейские».

В XIX в. поток ссыльнопоселенцев значительно возрос. Только в 1800–1825 гг. в Сибирь поступило более 80 тыс. ссыльнопоселенцев⁷. Местные власти просто не справлялись с таким потоком. Те немногочисленные суммы, которые отпускались на устройство ссыльных в новых местах, просто разворовывались чиновниками. Так, плачевно закончилась попытка правительства ускорить заселение Восточной Сибири в конце XVIII в. По указу 1799 г. предусматривалось поселить на юге Прибайкалья и в Забайкалье до 10 тыс. человек из отставных солдат, ссыльнопоселенцев и помещичьих крестьян, сосланных в зачет рекрут. Но уже в 1806 г. правительство признало свою неспособность разместить всех ссыльных, которые бродили «толпами по Сибирской дороге, питаясь подаванием обывателей». Бесконтрольность в отправке ссыльных в Сибирь, не умение и не желание местных властей принимать в их отношении радикальные меры приводили к тому, что значительное количество ссыльных не могло быть устроено на новых местах. Так, за десятилетие с 1795 по 1805 гг. из числа направленных в Кудинское комиссарство 2,7 тыс. ссыльнопоселенцев только 2,5% смогло «основательно водвориться», еще 4,4% не потеряли надежду к водворению, а остальная масса оказалась неустроенной. Всего же только в Иркутском уезде насчитывалось более 5 тыс. неводворенных поселенцев⁸. Появился даже специальный термин для неустроенных ссыльнопоселенцев – «вольнопропитанные». Подавляющее большинство среди ссыльных составляли мужчины, среди которых было много престарелых, больных и увечных. В результате, как констатировалось в одном из официальных отчетов, «новопоселенцы без женщин и семейного быта разными случаями...исчезают, дома пустеют»⁹.

Тяжелое положение каторжан и отсутствие порядка в их препровождении и устройстве приводили к массовым побегам. Вместе с неустроенными поселенцами они промышляли любой работой, просили милостыню, а более решительные сбивались в разбойничьи шайки и грабили на большой дороге. Побег с заводов в конце XVIII в. приобрели массовый характер. Только на Тельминской казенной мануфактуре в начале XIX в. в бегах числилось до 1034 рабочих¹⁰. Всего же по разным данным до половины сосланных находились в бегах.

Состояние сибирской ссылки, слабый надзор за препровождением и размещением ссыльных, многочисленные злоупотребления не прошли мимо внимания М.М. Сперанского. Объехав основные места поселения, осмотрев тюрьмы и горное производство Нерчинской каторги, он принял решение о систематизации законодательства и подготовки новых нормативных актов, регулирующих положение ссыльных и самой ссылки. Уставы 1822 г. не только объединили все существующие акты по вопросам ссылки, но и выделили в особый институт полицейского права законодательство о ссылке в Сибирь, детально регламентируя деятельность губернской администрации по данному предмету. Нормы устава регулировали порядок отправления, устанавливали необходимую для этого документацию и определяли правовое положение ссыльных на каторге и поселении. Была ликвидирована величайшая несправедливость в отношении детей осужденных. Сперанский считал этот шаг едва ли не главной своей заслугой. Дети каторжников и ссыльных получили право вступать в свободные сельские и городские сословия, тогда как до этого они зачислялись «в состояние отцов», то есть ссыльных и каторжан с момента рождения.

Реформа сибирской ссылки явилась составной частью широкого плана государственных преобразований в Сибири. Была создана система административных мер, вводящая в хаос временных положений о ссылке строгий порядок. Но изменить правовую сущность ссылки как меры уголовной репрессии, направленной в основном против угнетаемых слоев населения России, эти документы не смогли. Уже первые годы применения уставов 1822 г. о ссылке показали, что надежды М.М. Сперанского и Г.С. Батенькова на решение всех сложных вопросов ссылки и каторги чисто административными средствами, оказались тщетны.

Многие нормы уставов оказались преждевременны или просто ненужными для правительства, а ряд вопросов не был определен и потребовал дополнительных постановлений. Непрактичность некоторых положений «Устава о ссыльных» породила критические оценки оценки современников¹¹.

В XIX в. ссылка принимает массовый характер. Уже не десятки, а сотни тысяч людей направляются на сибирские окраины, пополняя контингент нищих и обездоленных людей, незащищенных и бесправных перед законом. По официальным данным за XIX в. в Сибирь поступило более 800 тыс. ссыльных (включая членов семей, добровольно последовавших за сосланными)¹². Все заметнее становится участие ссыльных в хозяйственной жизни края. Среди основных занятий были батрачество, промысловые работы, обслуживание водного транспорта, извоз, ремесло. В документах комитета министров отмечалось, что «перевозка товаров, идущих из внутри России на Кяхту, и из Кяхты в Россию зимой, отправление с наступлением весны судов с ними и барок с хлебом, соляные операции по Иртышу, развозка по губернии вина и соли...и, наконец, внутренняя торговля одного города с другими требует множества людей, которые ничто иное, как поселщики, с сим ли названием, или под именем старожилов, населяющих губернию»¹³. Хозяйственная деятельность ссыльных сдерживалась рядом правительственных указов. Выступая как один из отрядов вольнонаемной рабочей силы, они в тоже время продолжали оставаться поднадзорным населением со значительными ограничениями свободы передвижения. Однако роль их в развитии экономики края была столь велика, что местные власти вынуждены были ставить вопрос о снятии с них ряда ограничений. В частности, был поставлен вопрос о разрешении выдавать ссыльным паспорта для отлучек по хозяйственным делам в пределах Сибири¹⁴.

В тоже время в условиях модернизации экономики России, в какой-то степени затронувшей и сибирские окраины, все более очевидной для властей, а тем более для самих сибиряков, становилась неэффективность штрафной колонизации. Непроизводительные затраты на ее организацию и неэффективное использование людских ресурсов подрывало ее роль как колонизационного фактора. Власти не смогли рационально организовать труд ссыльных в Сибири, а слабое развитие сибирской промышленно-

сти не позволяло создать необходимое количество рабочих мест. Большинство из них так и не стали надежными налогоплательщиками. Только по Западной Сибири в 1836 г. за ссыльными числилось недоимок на 1,8 млн руб.¹⁵

С развитием путей сообщения и укреплением хозяйственных связей Сибири с метрополией разрушаются сложившиеся стереотипы. Ссылка, как и сама Сибирь, теряют свое устрашающее воздействие. Крепостные крестьяне, солдаты, рассматривали ссылку в Сибирь как желанную свободу. Поэтому в правительстве возникали проекты ужесточения режима ссылки, устройства в Сибири особых казенных поселений для ссыльных, поселенческих рабочих рот. Для того чтобы сохранить устрашающее значение ссылки жандармский генерал Н.Я. Фалькенберг предлагал для крестьян, сосланных по воле помещиков, ссылку в Сибирь заменять заключением в крепость и арестантские роты¹⁶. Но поиски альтернативных вариантов наказания и изоляции преступников ни к чему не привели. Министерство финансов решительно высказалось против применения принудительного труда осужденных на заводах и фабриках. В результате, Государственный совет в 1838 г. вынужден был признать, что замена ссылки другими мерами наказания представляется «неудобнее и вреднее»¹⁷.

Самодержавие так и не смогло установить баланс между колонизационным и карательным назначением ссылки. С середины XIX в. последнее стало превалировать. Ссылка продолжала казаться наказанием строгим и выгодным для государства, эффективным средством избавить европейские губернии от социально нежелательных элементов. Не найдя разумных и действенных способов к интеграции ссыльных в состав сибирского общества, не сумев создать удовлетворительной системы управления и надзора за ними, самодержавие упорно продолжало выталкивать в Сибирь преступников и других нежелательных лиц. При этом возможности для употребления принудительного труда в Сибири были крайне ограничены, а постоянное увеличение ссыльных не могло не отражаться на благосостоянии и моральном состоянии сибирских крестьян.

Лишенные средств к существованию, сломленные морально, а часто и физически, не имеющие никаких прав, ссыльные представляли собой объект самой жесточайшей эксплуатации со сто-

роны зажиточных крестьян-старожилов, купцов и владельцев золотых приисков. Лишь немногие могли обустроиться в местах поселения. Если среди крестьян-старожилов Восточной Сибири в конце XIX в. насчитывалось около 5% бездомных, то среди ссыльных таковых было более 50%. В бегах постоянно находилось от 30 до 40% ссыльных. Томский губернатор устроил как-то облаву на бродяг и беглых, и за одно утро в окрестностях города было задержано до 800 человек. Согласно официальным источникам, эти беглые и составляли армию бродяг, «которые зимой переполняют сибирские тюрьмы, а летом выпрашивают милостыню у населения, воруют скот и все, что плохо лежит, сжигают на сотни верст тайгу, не останавливаются и перед убийством, за то и сами подвергаются жестокому самосуду коренного (старожильческого) населения»¹⁸.

Ценность ссыльных с демографической точки зрения также была весьма невысокой. Абсолютное преобладание мужского населения приводило к тому, что до 70% ссыльных не участвовали в воспроизводстве сибирского населения и фактически были обречены на вымирание. Крестьяне-старожилы неохотно выдавали своих дочерей за ссыльных. Пытаясь стимулировать подобные браки, правительство даже выдавало по 150 руб. за прием ссыльного в свой дом на правах родственника, но и эта мера помогала плохо. Возрастной состав ссылаемых, более половины которых было представлено людьми старше 40 лет, также не способствовал образованию семей. По словам М.М. Сперанского, большинство ссыльных, оставаясь «в работниках и ведя вообще холостую жизнь, редко оставляет по себе потомство».

Ссылка потеряла и свой карательный характер, как мера наказания. Лишь немногие имели возможность стать полноправными членами местного общества. Следует отметить, что исправительное значение сибирской ссылки вообще преувеличено в литературе. Так, декабрист В.И. Штейнгейль считал, что ссылка в Сибирь является одним из действенных наказаний для дворянства, так как в Сибири они становятся полноправными сибиряками, их принимают в обществе, а сочувствие и добросердечность сибиряков дает им возможность проявить свои лучшие качества. «Можно с достоверностью сказать, – писал он в записке «Нечто о наказаниях», – что легкая ссылка в Сибирь может быть наказанием исправительным, – длинное путешествие, пе-

ремена предметов и лиц и самое неожиданное, вместо мучений, сострадание и помощь довольно сильны, чтоб исправить нравственность преступника»¹⁹.

Действительно, сибирское население с пониманием относилось к ссыльным, оказывало им посильную помощь. Когда колодники проходили мимо какой-нибудь деревни, ее жители выходили к дороге и передавали им продукты, одежду, деньги. Нередко были случаи помощи сибиряков беглым каторжникам и их укрывательство. «Сибирь принимала всех без разбора, – писал декабрист Н.В. Басаргин. – Когда ссыльный вступал в ее границы, его не спрашивали, за что и почему он подвергся каре законов»²⁰. Другой современник, А.П. Степанов, замечал о сибирских крестьянах: «Главные добродетели их – гостеприимство и сострадание.... Они ссыльных называют не иначе, как несчастными и готовы помогать бедным, бесприютным»²¹. Известный немецкий ученый Альфред Брем, посетивший Сибирь в 1870 г., помимо всего прочего познакомился с жизнью заключенных и поселенцев и отмечал, что принятая в Сибири система измененного взгляда местного общества на ссыльных, отсутствием оскорбительных попреков преступлениями, пренебрежения к ссыльному и желанием администрации вызвать в преступнике хотя бы остатки человеческих чувств и добродетели, служит лучшей мерою к исправлению преступника. Тогда как у него на родине полное пренебрежение к впадшему в вину не дает никаких средств к исправлению. «Жаль, – восклицал Брем, – что у нас нет такой Сибири»²².

Однако большинство ссыльных так и не могло найти свое место в сибирском обществе и не ощущало ее своей второй родиной. Сами власти признавали, что «ссылка не имеет ни одного из элементов уголовного наказания: ни исправления, ни возмездия за преступление». Ссыльная среда была постоянным источником новых преступлений. В конце XIX в. если среди всего сибирского населения ссыльные составляли чуть более 5%, то среди обитателей сибирских тюрем их доля превышала 70%²³.

Так же двойственным было воздействие ссылки на формирование морально-этических норм и культурного облика сибирского населения. С одной стороны, расширение уголовной среды способствовало росту преступности и снижению нравственных устоев в сибирском обществе. Рост числа ссыльных, бродяг и

беглых, а также причисление ссыльнопоселенцев в казенные селения нарушали сложившиеся традиции и порядки. Особенно пагубным было это влияние на молодежь. Абсолютное преобладание в составе ссыльных мужского населения приводило к нарушению сословной замкнутости семейно-брачных отношений, содействовало ассимиляционным процессам, увеличивало число бобылей, пьяниц, бродяг.

С другой, среди ссыльных, особенно политических, было много людей образованных, оставивших значительный след в культурном развитии края. Трудно переоценить их вклад в научное изучение Сибири, роль в ознакомлении образованных кругов России и Европы с историей и современным состоянием восточных окраин страны. Уже одно общение с такими ссыльными содействовало расширению кругозора сибиряка, формированию его общественных и культурных запросов и вкусов. Ссыльные исследователи сибирского края, начиная от Аввакума, Ю. Крижанича, Страленберга, Фика, Радищева, декабристов не только раскрывали новые грани земли сибирской, но и закладывали традиции сибирского краеведения, пробуждая местный патриотизм и любовь к родному краю. О влиянии политических ссыльных на социокультурную жизнь сибиряка и в формировании общественных и политических взглядов у сибирской интеллигенции написано очень много. Именно под влиянием политической ссылки происходит пробуждение сибирского регионализма, которое накладывалось на традиционно недоверчивое отношение сибиряков к России и всему «рассейскому». Привыкшие надеяться только на себя, сибиряки отзывались о России с пренебрежением, а само слово «рассейский» было даже несколько обидным, особенно применительно к крестьянам-переселенцам, значительно уступавшим сибирякам в деловых навыках и общем культурном развитии.

Заметную роль в развитии городского общества и культуры Сибири сыграли ссыльные из привилегированных сословий, не обязательно политические. Хотя многие из них лишались дворянского звания и чинов, местное начальство относилось к ним с большей снисходительностью. Во-первых, сибирские чиновники знали, что нередко высочайшая опала довольно быстро сменялась милостью и прощенные могли доставить немалые неприятности слишком строгим своим надзирателям. Правда,

более характерно это было для XVIII в. с его чередой дворцовых переворотов и придворных интриг. Во-вторых, у некоторых ссыльных оставались в России влиятельные родственники и друзья, принимавшие участие в судьбе «несчастных», и с этим тоже нельзя было не считаться. И, наконец, при огромном дефиците в сибирском крае умных, образованных, культурных людей местные власти не могли не пытаться использовать их невольное появление здесь для решения неотложных задач и нужд Сибири. Так, сосланный за контрабанду на Ревельской таможне М.М. Геденштром в 1809–1810 гг. участвовал в исследовании побережья Ледовитого океана, а позднее занимал должность исправника в г. Верхнеудинске. Заметный след в культурной жизни края оставил сосланный в Иркутск по ложному обвинению П.А. Словцов. В 1815 г. он был назначен директором иркутских училищ и, по словам первого сибирского романиста Т.П. Калашникова, «можно сказать по справедливости, что Иркутская губерния в отношении образования много обязана просвещенным и неусыпным трудам Словцова»²⁴. Ссыльный П.П. Сумароков принимал деятельное участие в издании в Тобольске первого сибирского журнала «Иртыш». Два других ссыльных – гвардейский офицер А.П. Шубин и князь В.Н. Горчаков – устроили в Иркутске в 1805 г. «публичный театр»²⁵. Необходимо отметить, что многие из ссыльных сами стремились принести хоть какую-то пользу местному населению и употребляли все свои познания и таланты на благо края, ставшего для них местом изгнания. Это желание принести пользу окружающим со стороны отверженных и, казалось бы, замкнувшихся в своем горе людей еще в юности поразило будущего декабриста В.И. Штейнгейля и вызвало появление в 1811 г. его первой небольшой журнальной публикации под очень символическим и пророческим названием «И в несчастье можно служить обществу». Героем ее был некий ссыльный, организовавший в Кяхте домашнее обучение для бедных и неимущих сирот, а также хор певчих, который довел «до возможного в сем маленьком местечке совершенства». Этими своими бескорыстными поступками он даже «в пустынях сибирских снискал уважение и любовь умом, терпением и добродетелью»²⁶. Огромную роль в культурном просвещении Сибири в XIX в. сыграли политические ссыльные.

С середины XIX в. передовая общественность Сибири выступает с требованиями отменить ссылку и каторгу в Сибирь. Наиболее ярко этот протест проявился в прокламациях и публицистике идеологов областного движения Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Уже в 1840-х гг. власти принимают меры к возможному ограничению или ликвидации общеуголовной ссылки. Начало было положено резолюцией Николая I на рапорт томского гражданского губернатора: «Рассмотреть, нет ли возможности вовсе прекратить ссылку в Сибирь, оставя сие для одних каторжных». Вскоре началась подготовка законопроекта, но в ходе обсуждения его в Государственном Совете большинство министров высказалось против отмены ссылки, ограничившись указанием на необходимость упорядочить «ссылочную систему».

С развитием вольнонаемного труда стали совершенно невыгодными и затратными для государства каторжные работы. По-прежнему, сложной и запутанной была система управления ссылкой и каторгой. Вопросами ссылки занимались сибирские генерал-губернаторы и десятки различных ведомств и министерств, в том числе Сенат, Комитет Министров, Государственный Совет. Все это лишь приводило к запутанной и бесплодной переписке между ними. Не изменило положение и образованное в 1879 г. при Министерстве внутренних дел Главное тюремное управление (ГТУ). В 1895 г. оно было передано в Министерство юстиции для соединения судебной и тюремной частей в одном ведении. Но какого-либо существенного изменения в карательной политике не произошло. Власти так и не смогли даже наладить сколько-нибудь достоверный учет ссылных. Как отмечалось в отчете по Восточной Сибири за 1885 г. ни экспедиция о ссылных, ни местная полиция, ни волостное начальство не способны эффективно заниматься ссылными, и надзор за ними «является совершенно фиктивным»²⁷.

Буржуазные реформы 1860-х гг. не могли не оказать заметного влияния на институт ссылки. В частности, была ликвидирована ссылка крестьян по воле помещиков. Вновь был поднят вопрос об отмене административной ссылки. Признавая полный провал общеуголовной ссылки, правительство, тем не менее, считало, что ссылка как «исключительная кара» является более эффективным средством борьбы против политиче-

ских и религиозных преступлений, чем тюремное заключение. В результате рассмотрение вопроса об отмене ссылки в Сибирь затянулось до 1890-х гг. Специально созданная во главе с министром юстиции Н.В. Муравьевым комиссия для разработки законопроекта об отмене ссылки отметила, что ссыльный элемент «является существенным препятствием для развития в нем (Сибирском крае) благоустройства и правильной общественной жизни». Законом от 12 июня 1900 г. была полностью отменена ссылка на поселение, что затронуло, так или иначе, 85% всей массы ежегодно ссылаемых в Сибирь²⁸. Но при этом были сохранены ссылка на каторжные работы за особо тяжкие и государственные преступления, а также административная высылка по политическим и религиозным соображениям. Таким образом, с этого времени ссылка становится почти полностью политической.

Примечания

1. Горюшкин Л.М., Дергачев А.Ю. Современные буржуазные англо-американские историки о политической ссылке в Сибири в XIX – начале XX в. // Политическая ссылка в Сибири XIX–начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 76.

2. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 35.

3. Более подробно см.: Агеев А.Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002, с. 102-106.

4. Петров М. Западная Сибирь. Губерния Тобольская и Томская. М., 1908. С. 88.

5. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 272-273.

6. Зуев А.С. Сибирь: вехи истории. Новосибирск, 1998. С. 272.

7. Там же, с. 281.

8. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5035. Л. 4 об.

9. История Сибири с древнейших времен и до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 360.

10. ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 228. Ч. 1. Л. 71 об.

11. См., например: Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 441, 468.

12. Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 224-225.

13. Журнал комитета министров. СПб., 1891. Т. 2. С. 339.

14. Там же.

15. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 28.
16. Сибирь в составе Российской империи. С. 280.
17. Там же.
18. Марголис А.Д. Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири (XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 136.
19. Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Записки и статьи. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 78.
20. Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 118.
21. Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997, с. 174-175.
22. Софронов В. Бременские путешественники // Родина, 2000, № 5, с. 123.
23. Сибирь в составе Российской империи. С. 284.
24. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 370.
25. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII–начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 231.
26. Штейнгейль В.И. Указ соч. С. 338-341.
27. РГИА. Ф. 1586. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.
28. Марголис А.Д. Система сибирской ссылки... С. 140.

УДК 9(571.1/.5)

М.В. Шиловский

Экономическая эффективность каторжного труда в Сибири во второй половине XIX–начале XX в.

Автор исследует различные виды каторжного труда в Сибири во второй половине XIX–начале XX в. На основании многочисленного фактического материала сделан вывод о низкой рентабельности принудительного труда и нецелесообразности его дальнейшего применения.

Ключевые слова: принудительный труд, уголовные ссылки, каторга, рудничные и строительные работы.

Economic efficiency of a hard labor In Siberia in second half XIX-beginning XX century

The author investigates various kinds of a hard labor in Siberia in second half XIX-beginning XX century On the basis of a numerous actual material the conclusion is drawn on low profitability of forced labor and in expediency of its further application.

Keywords: forced labor, criminal exiled, penal servitude, miner and civil work.

В системе наказаний императорской России каторжные работы по степени тяжести стояли на втором месте после смертной казни. Их непременным атрибутом являлось использование осужденных на тяжелых работах. Даже в последней по времени редакции Устава о ссыльных 1909 г. предписывалось ссыльно-каторжан отправлять «в рудники, на заводы, фабрики и другие работы в Сибири»¹. Экономическая целесообразность применения принудительного труда сокращалась по мере расширения рынка рабочей силы. Принудительный труд, несмотря на кажущуюся дешевизну, был дорог, поскольку малоэффективен (ниже вольнонаемного по производительности в 2-3 раза). Поэтому в экономике региона во второй половине XIX в. происходит переход преимущественно к капиталистическим методам развития, сведя к минимуму использование принудительного труда. По подсчетам В.П. Зиновьева в 1898 г. каторжане составляли 1,4 % от общего числа горнорабочих Сибири, в 1908 – 1,8 %, в 1913 – 2,3 %, в 1916 г. – 1,8 %².

Основным районом применения труда ссыльнокаторжных с XVIII в. стали серебряно-свинцовые рудники Нерчинского горного округа Кабинета его императорского величества (КИВ). При этом основное внимание обращалось не на карательную и исправительную составляющие данного вида наказания, а на получение прибыли. Как отмечалось в памятной записке помощника управляющего КИВ генерал-майора В.К. Болдырева от 15.12.1904 г. и в «Кратком описании каторжных работ на Нерчинских рудниках и заводах Министерства юстиции» (не позднее 21.10.1913 г.) к началу XIX в. в Забайкалье функционировало 8 казенных серебряных заводов и большое количество рудников. К 1820-м гг. «работы, однако, шли без должной систе-

мы, и много труда и затрат пропало на закладку и разработку... рудников, бедное содержание коих этих усилий не оправдало. Было много и других не порядков, вплоть до голодовок, заставивших освобождать колодников на поручительство «по малоимению хлеба». В делах был полный неуспех и заводы падали»³. Но, «за неимением более подходящего места ссылки преступников, чем рудники Нерчинского округа, закрыть серебро-свинцовое производство округа считалось неудобным». Возрастающий поток ссыльных еще больше обострил проблему⁴.

Положение на некоторое время спасло открытие в 1838 г. поручиком И.А. Павлуцким богатых Карийских золотоносных россыпей, на разработке которых стали активно использовать труд каторжан. В 1850–1852 гг. сюда переводятся с Нерчинских заводов 1300 мастеровых и 1500 ссыльнокаторжных, а на шахтаминский «Императорский промысел» – еще 1500 заключенных. Максимальный показатель добычи драгметалла в 172 пуда достигается в 1853 г.⁵ Но, «от громадного скопления каторжных, работавших в болоте, а в свободное время запертых в тесных и сырых тюрьмах, вспыхнула тифозная горячка, унесшая в один год более 1000 человек. После этого добыча сразу упала, дав в 1860 году 60 пудов на всех Нерчинских приисках, и с тех пор продолжала уменьшаться ежегодно, оказывая этим постепенное сокращение направляемых на прииски ссыльных»⁶.

Ситуация усугубилась после перевода местных приписных крестьян в казаки образованного в 1851 г. Забайкальского казачьего войска. Поэтому рудники оказались убыточными и Кабинетом были закрыты. Однако, как нередко бывает в России, экономическая целесообразность была подчинена политическим соображениям. В правительственных сферах в середине 1860-х гг. в рамках общего реформирования империи возобладало мнение «о лучшей организации Нерчинской каторги и приурочении ее к рудничным работам как наказанию, наиболее соответствующему духу карательного закона». С этой целью в 1867 г. МВД договорилось с Министерством императорского двора о продолжении эксплуатации полиметаллических месторождений Забайкалья с использованием труда каторжан, но при условии возмещения убытков Кабинета⁷.

Во исполнение достигнутого соглашения указом от 4.03.1869 г. предусматривалось создание специальной структуры – Нер-

чинской каторги. 18.04.1869 г. между КИВ и МВД состоялось соглашение об использовании принудительного труда, согласно которому заключенные передавались из Горного ведомства в ведение МВД. В 1871 г. между последним и Министерством императорского двора заключается соглашение о возобновлении серебрено-свинцового производства в Нерчинском горном округе КИВ «с исключительной целью употребления на работы в рудниках и на Кутомарском сереброплавильном заводе ссыльно-каторжан» в количестве 1200–1400 чел. Работы должны были осуществляться под руководством Кабинета, но с возмещением из казны возможных убытков. На расконсервирование рудников и разведку новых месторождений государство отпустило 455 тыс. руб.⁸

На практике соглашение начало осуществляться в 1883 г. после того как начальник Главного тюремного управления МВД М.Н. Галкин-Враский посетил и обследовал тюрьмы Забайкальской области. Для размещения ссыльнокаторжан принимается решение о строительстве тюрем (лагпунктов по советской терминологии) Нерчинской каторги со штаб-квартирой в Горном Зерентуе. Выбор ее места дислокации оказался неудачным. От Читы ее отделяло более 600 верст (357 по железной дороге и 257 почтовым трактом), от ряда подведомственных тюрем 160–175 верст. Началось сооружение инфраструктуры каторги: в 1889 г. сдается Зерентуйская тюрьма на 340 мест, Акатуевская на 104 и Кутомарская на 100 мест; в 1890 г. Алгачинская тюрьма на 300 мест; в 1892 г. – Александровская на 100 мест; в 1893 г. Кадаинская на 100 и 1898 г. Мальцевская на 100 мест⁹. Всего комплекс был рассчитан на 1444 заключенных.

К весне 1898 г. на балансе Управления Нерчинской каторги на рудниках и заводах Нерчинского горного округа КИВ находилось 213 зданий (10 каменных и 203 деревянных) семи тюрем 1-го и 2-го разряда. В течение 1897 г. в них прибыло 1818 осужденных, выбыло 2020, осталось на 1.01.1898 г. 1759 чел. Функционирование тюремного комплекса обеспечивали: Управление в составе 14 чиновников во главе с начальником в чине полковника, руководящего состава тюрем в количестве 23 чел., 44 старших и 74 младших надзирателей, 794 военнослужащих конвойной стражи (12 офицеров, 45 фельдфебелей и унтер-офицеров, 721 рядовых и ефрейторов, 16 писарей, фельдшеров, ору-

жейных мастеров). Всего 949 чел.¹⁰ 5.07.1895 г. особый статус комплекса получил нормативную базу в утвержденных императором «Правилах об управлении Нерчинской каторгой».

Помимо выделенных и потраченных КИВ 445 тыс. руб., к 1904 г. на строительство каторжного комплекса потратили еще 750 тыс. руб., на компенсации Кабинету понесенных убытков до 1897 г. – 180 тыс. руб. Весь проект по восстановлению добычи полиметаллических руд силами ссыльнокаторжан обошелся казне в 1,5 млн руб., не считая текущее содержание мест заключения и зарплату обслуживающего персонала¹¹.

Предпринятые усилия не дали экономического эффекта. Главной причиной краха проекта В.К. Болдырев считал неэффективность принудительного труда: «Каторжный труд как подневольный по существу своему, едва ли мог быть производительным, особенно в тех условиях содержания каторжных и отчисления им заработка, которое практиковалось в отношении преступников, занятых на серебро-свинцовых рудниках»¹². Затянулись подготовительные работы, не удалось разведать богатых месторождений. Отрицательное воздействие на реализацию проекта оказали междуведомственные разногласия. Поэтому в 1893 г. начались переговоры между МВД и Министерством императорского двора о полном подчинении Главному тюремному управлению (ГТУ) технического руководства функционированием горнодобывающего комплекса. Соглашение затягивалось из-за частой смены начальников ГТУ и его передачи в 1896 г. из МВД в Министерство юстиции.

Нарастающий комплекс проблем и убыточность комплекса подвигнули КИВ к негативной оценке возможности дальнейшей реализации проекта. Выражая ведомственные интересы, министр императорского двора, барон В.Б. Фредерикс в отношении министру юстиции от 5.03.1904 г. констатировал: «Я полагаю, что в настоящее время наиболее целесообразною мерою – было бы полное закрытие серебросвинцового производства, эксплуатируемого трудом ссыльнокаторжных в Нерчинском округе, – если только ваше высокопревосходительство не найдете возможным принять сказанное производство Кабинета в ведение Главного тюремного управления»¹³.

Альтернативой горному промыслу в использовании принудительного труда с конца XIX в. стало привлечение каторжан к

строительству Транссибирской железнодорожной магистрали. На основании высочайшего повеления от 9.05.1895 г. и временных правил от 7.05.1894 г. на рубеже 1895–1896 гг. на строительство Забайкальской ж. д. из тюрем Нерчинской каторги отправили 610 заключенных¹⁴. Всего же, по подсчетам В.Ф. Борзунова в 1902–1903 гг. на строительстве Кругобайкальского участка магистрали задействовали 5250 ссыльных и 750 каторжан, или соответственно 35 и 5 % от общего числа строителей¹⁵. При сооружении Уссурийской ж. д. (Владивосток–Хабаровск) в 1891–1897 гг. ежедневно привлекалось на земляные работы по 250–300 ссыльнокаторжан, доставленных с Сахалина.

О реальном применении принудительного труда в конце XIX в. можно судить по годовому отчету военного губернатора Забайкальской области генерал-майора Е.О. Мациевского за 1897 год. В нем констатируется постепенное снижение количества используемых на рудниках: в 1875 г. 250 чел. ежедневно, в 1897 г. – 365, на 1898 г. запланировано 189. «Чтобы вывести на рудник трех или четырех тюремных арестантов, приходится назначать конвоиров чуть ли не вдвое более выводимых арестантов, – печалился администратор и предлагал в духе предложений В.Б. Фредерикса, – полагал бы более целесообразным серебросвинцовые рудники Нерчинского округа передать в ведение Министерства юстиции... с тем, чтобы управление каторгой и рудниками, во избежание могущих быть пререканий, было сосредоточено одном месте». В целом в 1897 г. заключенные в рудниках и на Кутомарском заводе отработали 78 320 человекоднев и заработали 12 736 руб. 21 коп., в среднем по 16,26 коп. в сутки. В то же время на железной дороге, не считая сверхурочных, зафиксировано 78 813 человекоднев, сумма заработка составила 55174 руб. 85 коп. или по 70 коп. в сутки. Принудительный труд явно не оправдывал содержание заключенных. В том же году расходы на эти цели составили 352 253 руб. 91 коп., а содержание одного сидельца обошлось в 256 руб.¹⁶ Для сравнения: в 1911 г. содержание одного заключенного в Российской империи обошлось в 176 руб., а каторжанина в Забайкалье в 300 руб.¹⁷

Параллельно с кризисными явлениями в функционировании Нерчинской каторги в плане использования принудительного труда, во второй половине XIX в. сам институт каторги вступил в полосу системного кризиса, связанного с невозможностью рас-

пределять осужденных согласно приговорам, а большая часть приговоренных к каторжным работам не могла быть задействована на них. Для расширения практики каторжных работ высочайшим повелением от 18.04.1869 г. в порядке эксперимента 800 осужденных морским путем отправили на Сахалин. В последующем на остров ежегодно высылали по 1 тыс. чел., для которых открыли семь каторжных тюрем¹⁸. Всего с 1880 по 1900 гг. на Сахалин прибыло 24 730 каторжан¹⁹. Поэтому в 1894 г. в Европейской России закрыли все временные каторжные тюрьмы. В ходе Русско-японской войны ссыльных с Сахалина пришлось эвакуировать. В 1904 и 1905 гг. ссыльнопоселенцев амнистировали, а ссыльнокаторжан «перечислили в ссыльнопоселенцы и частью даже в крестьяне»²⁰. Данное обстоятельство еще больше обострило ситуацию по поводу преобразования каторги. И вновь взоры администраторов сосредоточились на Забайкалье.

Предложение Министерства императорского двора от 5.03.1904 г. вызвало в Министерстве юстиции неоднозначную реакцию. Его руководитель Н.В. Муравьев в ответном письме от 16.10.1904 г. согласился с утверждением о бесперспективности развития серебро-свинцового производства, но, исходя из твердого убеждения, «что никаких иных работ, кроме горных, в сколько-нибудь значительных размерах в тюрьмах Нерчинской каторги организовать нельзя», ухватился за идею использовать ссыльнокаторжан на принадлежащих Кабинету золотых промыслах²¹. В конечном счете образуется межведомственная комиссия из представителей министерств: юстиции, императорского двора, финансов и государственного контроля. На основе ее рекомендаций в 1905 г. закрываются полиметаллические рудники и Кутомарский сереброплавильный завод. На основании соглашения двух заинтересованных министерств – императорского двора и юстиции принимается решение об использовании труда заключенных на золотых промыслах КИВ в количестве не менее 500 чел., «впредь до их закрытия».

Достигнутый компромисс в нормативной части свелся к утвержденным двумя министрами 29.04.1906 г. «Правилам работ ссыльнокаторжан на золотых промыслах Нерчинского округа, принадлежащих Кабинету его императорского величества». В производстве должны были быть задействованы физически здоровые, способные к тяжелым работам заключенные, «преиму-

шественно из числа тех, которым в ближайшие годы предстоит перевод на поселение». Администрация КИВ обеспечивала привлекаемый контингент производственными и отопляемыми жилыми помещениями, питанием по раскладкам для вольнонаемных рабочих, оплачиваемых Министерством юстиции. Кроме того, Кабинет «отпускает всем ссыльнокаторжным, выполнившим урок или исправно проработавшим на поденных работах, по десять копеек в день на человека на выкупку продуктов». За произведенные работы привлекаемые получают от Кабинета зарплату по таксе, установленной для вольнонаемных. «Независимо от заработной платы и пищевого довольствия всем ссыльнокаторжным, проработавшим на промыслах не менее одного года, при переводе их на поселение, выдаются премии из особого фонда...». Наконец, правила вводили хорошо известную по истории советского ГУЛАГа практику зачета: «Ссыльнокаторжным, проработавшим на промыслах не менее одного года и отличившимся в поведении, срок каторги сокращается зачетом восьми месяцев пребывания на промыслах за целый год»²².

Введенная правилами система оплаты составляла 10 % от 80 % заработанных заключенными средств за вычетом разных удержаний (на улучшение пищи, за утерянный инструмент и т. д.). Она была настолько ничтожной, «что тюремная администрация и управляющие промыслами считают необходимым поощрять арестантов отчислением в их пользу так называемых старательских денег и платы за сверхурочные работы»²³. Естественно, подобная практика не стимулировала интенсификации труда заключенных.

О том, как фактически задействовали заключенных Нерчинской каторги можно судить по отчетным документам ее Управления по состоянию на июнь 1910 г. Всего отбывало наказание 3791 чел., в том числе 405 политических (10,5 %), 3543 мужчины и 248 женщин (6,5 % к общему числу). Из этого количества различными видами трудовой деятельности было охвачено 134 политических (33,08 % от их численности) и 2831 уголовников (83,36 %), всего 2965 чел. или 78,2 % от всего контингента. Из 826 не занятых работами 216 являлись больными, 293 относились к категории слабосильных и совершенно не способных к труду (инвалиды, престарелые и т. д.), 365 чел. не использовались на внешних работах из-за отсутствия профессиональных

навыков и 121 из-за отсутствия работы для них. Казалось бы, уровень вовлечения заключенных в различные формы физического труда был достаточно высок – 3305 чел. из 3791 или 87 %, но на золотых промыслах трудилось всего 797 каторжан (21 % к общему количеству, 27 % к числу занятых). Основная масса заключенных была занята на бесплатных работах по обеспечению функционирования комплекса: хлебопеки, кашевары, слесари, бондари, столяры, трубочисты, строители, огородники, конюхи и т. д.²⁴

Летом 1913 г. число привлеченных к разработке золотоносных месторождений заключенных Нерчинской каторги достигло почти 2 тыс. чел. Как отмечалось в «Кратком описании каторжных работ...», «главное препятствие для успешной организации промысловых работ следует видеть в отдаленности некоторых промыслов от тюрем, затрудняющей как доставку туда арестантов, также одежды и обуви для них, так и должное наблюдение за ходом работ. Так, от ближайшей тюрьмы Зерентуйской Новотроицкий стан [прииск. – М. III.] отстоит в 280, а Казаковский – в 258 верстах. На Нижне-Борзинском промысле, расположенном недалеко от Горного Зерентуя, арестантские работы идут несколько успешнее, чем на остальных. Ввиду близости этого промысла, где работает в общем свыше 300 арестантов, от управления каторги и Зерентуйской тюрьмы, начальник каторги имеет возможность часто посещать работы и спешно заменять неподходящих арестантов другими. Опасаясь такой смены, арестанты стараются здесь вести себя хорошо и работать производительно»²⁵. Касаясь перспектив развития каторжного комплекса, авторы упомянутой записки приходят к неутешительному выводу: «Что же касается дальнейшей судьбы Нерчинской каторги вообще, то неоднократные посещения ее должностными лицами центрального управления тюремного ведомства и ознакомление с существующими в тюрьмах означенной каторги порядками приводили к заключению, что затруднительность надзора, невозможность правильной организации работ, дороговизна строительных материалов и содержания арестантов – ставят неодолимые препятствия к тому, чтобы даже при совершенно исключительных затратах казенных средств можно было бы создать на Нерчинской каторге сколько-нибудь целесообразный порядок»²⁶.

Тем временем существенно изменилась ситуация с контингентом осужденных на каторжные работы в целом по стране. Амнистии 1904, 1905 гг., ликвидация Сахалинского каторжного комплекса привели к сокращению его численности до 5748 чел. к началу 1906 г. Преследование участников революции 1905–1907 гг., рост уголовной преступности привели к росту количества приговоренных к каторжным работам. К началу 1908 г. их численность составила 12 591 чел., на январь 1909 г. 20 936 и в течение 1912 г. приблизительно 32 тыс. чел. В последующем число каторжан стабилизировалось в пределах 27 тыс. чел., а с началом Первой мировой войны стало сокращаться²⁷.

В Сибири к 1913 г. находилось около 12 тыс. ссыльнокаторжан, в том числе 3,3 тыс. в Александровских каторжной и пересыльной тюрьмах, 0,7 тыс. – в Тобольской каторжной тюрьме, около 4 тыс. – на Нерчинской каторге и 3,5 тыс. чел. – на строительстве Амурской железной дороги²⁸. По состоянию на начало марта 1915 г. здесь содержалось 10 537 заключенных этой категории. Из них заняты были работами: на строительстве Амурской ж. д. – 3370 чел., усилении провозной способности Кругобайкальской ж. д. – 1000 чел., на Бархатовских каменно-угольных копях (Иркутская губ.) – 335 чел., золотых промыслах Кабинета в Нерчинском горном округе – 1932 чел., направлены на строительство Усинского тракта – 1000 чел. и на Кругобайкальскую ж. д. – 300 чел. «Остальные (2600 чел.) непригодны к наружным работам (больные, слабогрудые, туберкулезные, увечные, калеки, совершившие побег, покушавшиеся на побег, дурного поведения, политические, бродяги и евреи)»²⁹.

После Февральской революции на 1 марта 1917 г. в семи тюрьмах Нерчинской каторги и на Амурской ж. д. (п. Раздольное) находилось 4036 каторжан обоего пола. На основании указа Временного правительства от 6 марта 1917 г. об амнистии за политические преступления в первой половине марта освободили 229 чел., в течение следующего месяца еще 150 чел., «относительно которых выяснялось или путем справок, или путем определения окружного суда, что они тоже подпадают под амнистию»³⁰. Что касается уголовников, то они не были амнистированы, как утверждают некоторые исследователи³¹. Их перевели в категорию ссыльнопоселенцев и уже к 1 апреля 1917 г. 1983 осужденных из числа каторжан направляются в Читу для распределения по

волостям, еще 1504 разрешили быть призванными в армию³². Забайкальский областной КОБ принял решение о ликвидации каторги в пределах территориально-административного образования.

В начале XX в. существенно изменилась система применения каторжного труда в Сибири. В Тобольской каторжной тюрьме на 700 арестантских мест, положенных по статусу каторги, тяжелых работ не существовало. Заключение привлекались к содержанию тюремного комплекса и только с 1910 г. в ходе строительства железной дороги Тюмень–Омск, туда стали выводить до 200 и более заключенных³³. Александровская каторжная тюрьма (централ) (открыта в 1873 г.) вместе с Александровской пересыльной тюрьмой (открыта в 1888 г.), ставшей с 1900 г. отделением централа, в 70-ти верстах от Иркутска, была рассчитана примерно на 2270 сидельцев, при наличии в 1915 г. 1448 штатных мест³⁴. Их охраняло 98 надзирателей и 661 военнослужащий конвойной команды (данные на 1916 г.)³⁵. Заключение участвовали в бесплатных работах по содержанию централа, в швейной, сапожной и столярной мастерских производилась необходимая для арестантов одежда и обувь. В 1911–1915 гг. их использовали при строительстве вторых путей в районе станции Байкал на участке Мурино–Выдрино (более 900 чел. в 1913 г.). Примерно до 16 % каторжан комплекса (от 266 чел. в 1912 г. до 412 чел. в 1915 г.) привлекались к добыче угля на Бархатовских копях. Принудительный труд, кроме того, использовался на условиях поденной оплаты на Александровском винокуренном и Усольском солеваренном заводах. По сведениям А.В. Филатова, в 1915 г. в доход Иркутского губернского казначейства из Александровской каторжной тюрьмы перечислили 26 543 руб. заработанных арестантами денег³⁶.

В Забайкалье, помимо привлечения ссыльнокаторжан Нерчинской каторги на золотые прииски Кабинета, с 1903 г. их стали использовать на строительстве Амурской колесной дороги («колесухи»), предназначенной для обеспечения сооружения Амурской железной дороги. В июне того же года учреждается временное управление ссыльнокаторжанами на постройке магистрали, просуществовавшее до мая 1911 г., в распоряжение которого поступали заключенные из тюрем Нерчинской каторги. 28.05.1911 г. подписывается указ «Об установлении временных

правил о заведывании арестантами, привлеченными к работам по сооружению Амурской железной дороги»³⁷. Как уже было отмечено выше, количество их в 1915 г. составило 3370 чел. «По отзыву местного железнодорожного начальства все работы, принятые на себя тюремным ведомством, – отмечалось в «В кратком описании каторжных работ..», – выполнены безукоризненно, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия грунта и часто неблагоприятную погоду. Но накладные расходы по ведению работ (стоимость надзора и конвоя, а равно дороговизна содержания заключенных в глухой тайге) достигли значительных размеров. В частности, весной и осенью, когда вследствие наступающей распутицы совершенно прекращалось этапное движение, в главном лагере работ на западном участке – «Раздольном» приходилось содержать значительное число не занятых производительным трудом арестантов, продовольствие которых, притом, в такие периоды обходилось особенно дорого. Вследствие этого и ввиду низкой оценки арестантского труда, принятой на этом участке, арестантские работы, производившиеся на нем, не только не принесли чистого дохода, но даже дали некоторый убыток»³⁸.

Для стимулирования трудовой активности заключенных 22.08.1910 г. вводилась практика зачета «2-х дней, действительно проведенных на ... работах за три дня каторги». Продолжительность рабочего дня них устанавливалась в 11 часов. Привлекаемый контингент подбирался и из мест заключения в Европейской России (Москва, Орел, Вологда) специальными медицинскими комиссиями. В период разгара строительных работ (1911–1914 гг.) на разных участках магистрали трудилось до 5 тыс. ссыльнокаторжан. В среднем на 100 осужденных приходилось 40 надзирателей и до 300 военнослужащих конвойных команд³⁹.

Первая мировая война внесла свои коррективы в дислокацию каторжных тюрем. Принудительный труд стал востребованным в Европейской России, прежде всего на реконструкции транспортных коммуникаций в Архангельской и Вологодской губерниях, по которым осуществлялись поставки России грузов союзниками. Согласно информации начальника Главного тюремного управления от 21.03.1915 г., оно «ныне озабочено безотлагательным сформированием арестантских партий для работ

по переустройству железнодорожной линии Вологда–Няндом (300 чел.) и перегрузке грузов на станциях Котлас–Пермской железной дороги (2000 чел.) и Няндом Северных железных дорог (300 чел.)»⁴⁰.

Осуществленный мной анализ использования принудительно-го труда ссылнокаторжан в Сибири во второй половине XIX–начале XX в. показал низкую экономическую эффективность этого процесса. К этому же выводу пришли и сами представители тюремного ведомства, которые в неоднократно цитированной объяснительной записке о преобразовании каторги констатировали: «Возникнув под влиянием высших интересов государства и согласуясь в начале с его потребностями, ссылка в каторжные работы по нашему Уставу о ссыльных давно уже отстала от исторического развития нашего отечества, а в особенности от культурного роста Сибири, где она, по мысли Устава, сосредоточена. Потеряв, таким образом, связь с окружающей жизнью, одряхлевшая система наказания стала с общегосударственной точки зрения в некоторых своих проявлениях бесполезной, а в некоторых вредной»⁴¹.

Примечания

1. Цит. по: Филатов АВ. Использование труда каторжников в каторжных тюрьмах Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16). С. 208.

2. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX–начало XX в. Томск, 2009. С. 34.

3. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 127.

4. РГИА, ф. 468, оп. 28, д. 423, л. 14.

5. Игнаткин Ю.А. По диким степям Забайкалья (Очерки золота Забайкалья). Чита, 1994, с. 30-31.

6. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 128.

7. РГИА, ф. 468, оп. 28, д. 423, л. 14 об.

8. Там же, л. 2.

9. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 131.

10. ГАТО, ф. 29, оп. 1, д. 158, лл. 205-211.

11. РГИА, ф. 468, оп. 28, д. 423, л. 8.

12. Там же, л. 15.

13. Там же, л. 4 об.

14. ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 158, л. 205.

15. Борзунов В.Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции (По материалам строительства Транссибирской магистрали). М., 1965, с. 197.

16. ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 158, л. 217.
17. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 139 об.
18. Там же, л. 128 об.
19. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1990, с. 237.
20. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 138.
21. РГИА, ф. 468, оп. 28, д. 423, л. 10-10 об.
22. РГИА, ф. 468, оп. 28, д. 423, л. 177-178 об.
23. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 134.
24. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 3702, лл. 41-44.
25. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 134 об.
26. Там же, л. 135.
27. Там же, л. 138.
28. Там же.
29. РГИА, ф. 1405, оп. 539, д. 778, л. 2.
30. ГАЧО, ф. Р-587, оп. 1, д. 200, л. 16.
31. Зуев А.С., Константинов А.В., Мошкина З.В. Каторга в Сибири в XVIII–начале XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009, т. 2, с. 47.
32. ГАЧО, ф. Р-587, оп. 1, д. 200, лл. 16-17.
33. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 129.
34. Степанова Н.Г. Каторга в системе карательной политики российского самодержавия // Сибирская ссылка (XIX–XX вв.). Иркутск, 2003, вып. 2 (14), с. 194.
35. Быкова Н.Н. Александровский централ: администрация и охрана // Сибирская ссылка (XIX–XX вв.). Иркутск, 2003, вып. 2(14), с. 218, 220.
36. Филатов А.В. Указ. соч., с. 213-214.
37. Клер Л.С. Органы управления Нерчинской каторгой (середина XIX в.–1917 г.) // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1989, вып. 11, с. 155-156.
38. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 135 об.
39. Кораблин К.К. Каторжане и ссылнопоселенцы на строительстве Уссурийской и Амурской железной дорог (вторая половина XIX–начало XX века) // История государства и права, 2007, № 14, 20.
40. РГИА, ф. 1405, оп. 539, д. 778, л. 2.
41. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 154об.- 155.

Нерчинская каторга: ее место в карательной и пенитенциарной системе государства

УДК 343.813 (571.55) (091)

А.В. Волочаева

Виды труда на Нерчинской каторге во второй половине XIX в.

Автор исследует основные виды труда на Нерчинской каторге во второй половине XIX в., к которым относит труд в рудниках, на частных золотых промыслах, на сооружении железных дорог, в строительстве, а также использование преступников на хозяйственных работах и другие.

Ключевые слова: ссылка в каторжные работы, рудник, золотые промыслы, Нерчинская каторга, принудительные работы, законодательство о ссылке.

A.V. Volochaeva

Work kinds on Nerchinsk penal servitude in second half XIX century

The author investigates work principal views on Nerchinsk penal servitude in second half XIX century to which carries work in mines, on private gold-fields, on a construction of the railways, in building, and also use of criminals on economic works and others.

Keywords: the reference in a hard labor, mine, gold-fields, Nerchinsk penal servitude, forced hard labor, the legislation on the reference.

Из-за ограничения или полной невозможности применения труда каторжных на нерентабельных серебряноцинковых рудниках Кабинета Е.И.В. перед органами власти в центре и на местах

во второй половине XIX в. встала проблема поиска других мест использования труда уголовных преступников. При этом важно было сохранить каторжные работы, как особый вид наказания, не изменяя при этом режим содержания арестантов и получая от их труда прибыль. В связи с активным развитием в Забайкалье в это время золотодобывающей промышленности данную проблему пытались разрешить направлением всех преступников каторги на прииски и промыслы Кабинета Е.И.В. и частных лиц.

Основным разработчиком золоторудных месторождений в Забайкалье был Кабинет, среди промыслов которого (в 1864 году их было 13¹) особое значение имели Карийские – на них уже с 1838 года использовался труд преступников. Кроме промыслов Кабинета в начале 60-х годов XIX века на территории Нерчинского горного округа частным лицам разрешено было заниматься поисками и разработками золотоносных россыпей², свободных рабочих рук в Забайкалье было недостаточно. Поэтому, чтобы поддержать частную золотую промышленность, а в большей степени, чтобы найти место для применения каторжного труда и «уменьшить расходы казны на содержание ссыльных»³, местные органы власти предложили золотопромышленникам использовать труд преступников.

Так же, как при организации работ на рудниках, предложения и рекомендации по употреблению каторжных на промысловых работах составлялись горными начальниками Нерчинских заводов и местными тюремными чиновниками.

В августе 1869 г/ горный начальник Кокшаров и заведующий ссыльнокаторжными Загарин предоставили в Нерчинский горный Совет доклад «о порядке употребления ссыльнокаторжных в работы»⁴. Работу на золотых промыслах по докладу должны были выполнять преступники разряда исправляющихся. Поскольку труд на приисках считался более легким (в сравнении с рудниками), то работы здесь оценивались как льгота для арестанта этого разряда. Каторжные испытуемые могли работать только на Карийских промыслах и на самых тяжелых работах. Кроме Кары существовали другие промыслы Кабинета – Урюмские, Желтугинские, Казаковский и др. Но обеспечить необходимый режим содержания там было очень сложно, поскольку тюремное начальство должно было выделить также помещения для охраны. В этом отношении наиболее подходили только Ка-

рийские промыслы. К тому же, каторжные разряда испытуемых не могли иметь никаких льгот, поэтому использоваться они должны были на работы самые тяжкие, т.е. съемку торфов.

Главное, на что было обращено внимание авторов доклада – это выгодность труда преступников. Поэтому труд преступников, по мнению докладчиков, рентабелен был только тогда, когда они работали как вольнонаемные рабочие. Это условие касалось и рабочего времени и оплаты, и высчитывалось по урочному положению. Учет работ и заработанных денежных средств предлагалось осуществлять по выданным от промыслового управления рабочим книжкам. Заработанные деньги преступники получали на руки за вычетом 15% (только исправляющиеся), которые управляющий промыслами по окончании операции отсылал гражданскому начальству. Преступники разряда испытуемых деньги на руки не получали. По выполнении заданной промысловым управлением к определенному сроку работы им выдавалась квитанция.

В общем же докладчики были убеждены, что промысловые работы рассчитаны на непродолжительный срок (не более 3-х лет). Поэтому необходима дальнейшая разведка⁵.

Нерчинский горный совет в декабре 1869 года утвердил условия, указанные в проекте⁶, с небольшими изменениями (количество рабочих дней – 230). Решения совета были одобрены министерствами императорского двора и внутренних дел⁷. Таким образом, положение преступников приравнивалось к статусу вольнонаемных рабочих с конкретными уроками и расценками, что в определенной степени мешало непосредственному тюремному начальству оказывать «сверхдавление» при организации работ (т.е. самоуправствовать). Единственным отличием в положении каторжного, по сравнению с вольнонаемным рабочим, был пониженный урок⁸. Годовой урок каторжных исправляющихся составлял – 57 куб. саж⁹. Для преступников разряда испытуемых, содержащихся в тюрьмах и работающих в оковах, годовой урок составлял – 40 куб. саж¹⁰. На работы их назначали втрое больше вольнонаемных¹¹. За неисполнение годового урока преступники обоих разрядов наказывались заключением в штрафную тюрьму и лишением некоторых льгот¹².

Понижение годового урока для каторжан связано было с тем, что они осуществляли работы в оковах и считались неквалифици-

цированными рабочими. Поэтому важно было поддержать режим даже в ущерб финансовым соображениям.

Но, несмотря на появление положения, регулирующего труд преступников на золотых промыслах, на практике было много нарушений. Например, на отдаленных промыслах Кабинета использовались преступники разряда испытуемых¹³ (Желтугинские промыслы – 1873 г.), хотя они должны были работать только на Каре. Режим содержания здесь осужденных тоже был изменен и не выполнял уже в полной мере своего карательного назначения. На основании отчета инспектора Власова выявлены следующие нарушения каторжного режима¹⁴:

Во-первых, преступники на отдаленных промыслах употреблялись в работы и проживали совместно с вольнонаемными рабочими, или размещались на частных квартирах.

Во-вторых, употребление на работы и возвращение назад на Кару каторжных осуществлялось без надзора, что влекло за собой практическую их «свободу» и совершение новых проступков – хищения золота, побегов и др.

В-третьих, вознаграждение за труд на отдаленных промыслах для заключенных было слишком большим, что существенно отличало их от преступников, работающих на Каре и рудниках Нерчинского округа.

Таким образом, из-за отсутствия у государства достаточного количества финансов на восстановление рудников, оно было вынуждено немного поступиться некоторыми правилами каторжного режима, используя преступников на более легких видах труда – золотых промыслах. Но это было единственным найденным способом сохранить карательное назначение каторги. Этот вид труда преступников считался только временной мерой, пока не наладится система каторжных работ в России¹⁵.

В то же время количество задействованных на промысловые работы преступников резко уменьшилось. Так в течение 1873 года из 2751 человек, содержащихся на Каре (согласно ведомостям) за исключением 564 богадельщиков и 8 подсудимых работали всего 401 человек (данные на январь 1873 года)¹⁶. В мае этого же года – только 250 из общего состава каторжных, содержащихся в Карийских тюрьмах (2568 человек)¹⁷. То есть, и на золотых промыслах начинается «безработица» преступников, схожая с положением на рудниках. Но даже в 1876 году промы-

словые работы приносили больше дохода, чем рудники. Например, ссыльнокаторжные заработали на Карийских, Урюмском, Ключевском, Кудеченском и Итакинском промыслах более 34 тысяч рублей¹⁸, а на рудниках Алгачинском, Зерентуйском и Кутомарском заводе в этот же год всего около 1400 рублей¹⁹.

Нерчинский Горный Совет в 1873 году, планирующий операции в 1874 году, постановил оставить без изменений работы в рудниках и на таежных промыслах²⁰ (то есть в горном ведомстве ждали положительного разрешения сложившейся ситуации).

В дальнейшее время ситуация в пользу развития «золотого дела» не разрешилась. В срочных сведениях, представленных тюремными смотрителями о результатах земляных работ на Карийских промыслах, говорилось, что «количество выработок, значительно уменьшаясь с каждым месяцем, ныне выражается недоработкой более чем наполовину против определенного урочным положением»²¹. Постановление Нерчинского горного Совета 1875 года гласило, что «закон, карающий преступников ссылкой в каторжные работы для исправления, в отношении Карийских каторжных, не достигает цели, и успех горных работ, производимых ссыльнокаторжными ежегодно слабеет, что значительно влияет на постепенное возрастание убытков, которые несет Правительство от содержания преступников»²². То есть, наказание каторжными работами на золотых промыслах Кабинета неэффективно для государства ни в карательном, ни в финансовом отношении. Убытки от неисполнения ссыльнокаторжными уроков, возлагаемых на них тюремным начальством, нес и Кабинет Е.И.В. Также горный совет предположил, что уменьшение срока работ, согласно Уставу о ссыльных, для каторжных, отличившихся по поведению и нравственности, с 12 месяцев до 10 месяцев – очень мало. Для пользы дела, по мнению Совета, его нужно было уменьшить до 6 мес., а каторжных разряда испытуемых перечислять в разряд исправляющихся ранее сроков, указанных в законе, с разрешения главного местного начальства²³.

То есть, Горный Совет, указывая на то, что каторжные работы на Каре не соответствуют карательным и финансовым интересам государства, и составляют убытки для Кабинета, настаивал на изменении режима содержания преступников, путем его смягчения (увеличения льгот). На это государственная власть пойти не могла.

В 1891 г. (по отчету состояния Нерчинской каторги) работы на золотых промыслах местной тюремной властью были признаны неудобными, как непостоянное занятие, прекращающееся зимой, и располагающимися далеко от тюрем (причем постоянно удаляющимися). С согласия ГТУ каторжные работы на Каре все более ограничивались. Так, тюрьмы на Верхней Каре были упразднены в 1884 г., на Средней Каре – в 1889 г., на Нижней Каре – 1891 г. Преступники были переведены на рудники и в Усть-Карийскую тюрьму²⁴.

Таким образом, работы на золотых промыслах Кабинета на протяжении второй половины XIX в. были введены как временная мера, поскольку этот труд преступников не был признан особо тяжким и часто создавал больше проблем (выражающихся в ослаблении режима), чем разрешал в целом вопрос об устройстве каторжных работ в России.

Иным образом обстояли дела по организации работ на частных золотых промыслах. Исходя из архивных материалов, можно говорить о том, что на частных золотых промыслах в 60-х годах применялся труд тех ссыльнокаторжных, которые были уволены от работ по истечении срока наказания (т.е. ссыльно-поселенцев)²⁵. В 70-е годы ссыльнокаторжных, не уволенных от работ, также начинают направлять на частные золотые промыслы. По отчету Забайкальского военного губернатора за 1875 год «каторжные преимущественно задолжаются в работы на золотые промыслы Кабинета Е.И.В. и частных владельцев»²⁶. Связано это было, на наш взгляд, с уменьшением количества работ на данное время на промыслах Кабинета Е.И.В. и рудниках горного округа. Чтобы хоть как-то исполнять карательную функцию наказания каторгой, основой которого являлся принудительный труд, власть разрешила временно употреблять преступников в работы на частных золотых промыслах.

Так, в 1872 году появились «Правила об употреблении ссыльнокаторжных в работу на частных золотых промыслах и на проведение дорог в отдаленных местностях»²⁷.

Не все ссыльнокаторжные отправлялись на частные промыслы. В «Правилах» оговаривались условия отбора. Преступники должны принадлежать к категории осужденных в работы на срок не более 12 лет, быть в возрасте не старше 45 лет и иметь

хорошее здоровье (ссылнокаторжные обязательно проходили медицинский осмотр).

Кроме этого, было еще несколько условий, при которых некоторые ссылнокаторжные к выбору не допускались. К этой категории относились преступники, совершившие неоднократные побег и другие проступки, а также арестанты, на которых отсутствовали письменные сведения (т.е. статейные списки).

Свою «добрую нравственность» каторжные доказывали еще до отправления на работы. Выбранные для промысловых работ частных лиц преступники проходили так называемый испытательный срок на городских общественных работах, сначала под усиленным конвоем, потом (если они это заслужили) под полицейским присмотром.

Перед отправкой ссылнокаторжных делили на артели по 10 человек, в которой действовала круговая порука, выражающаяся в ответственности всей артели за проступки отдельных ссылнокаторжных. Было определено два вида ответственности: *денежная*, связанная с вычетом из заработанных артелью денег причитающейся части на пополнение ущерба; *карательная* – ограничение тех льгот, которые предоставлены были арестантам в виде поощрения.

Сопровождение до места назначения и заведование ссылнокаторжными осуществлял офицер или урядник, назначенный генерал-губернатором, с необходимым числом конвойных. При количестве арестантов до 75 человек назначался урядник или унтер-офицер, а более 75 человек – офицер.

Содержание конвоя в дороге производилось за счет арестантского заработка, а на промыслах по взаимному соглашению золотопромышленника с чиновником, исполняющим обязанности инспектора каторжных работ.

На промыслах «Правила» рекомендовали помещать ссылнокаторжных отдельно от вольнонаемных рабочих, но вблизи с конвоем.

Распределение арестантов по работам и назначение уроков зависело от промыслового управления. То есть урок устанавливался не по урочному положению, как это было на промыслах Кабинета, а по усмотрению начальства прииска. Так, например, первоначально ссылнокаторжные не выполняли уроки, поэтому на приисках бр. Бутиных он для них был уменьшен²⁸.

В обязанности офицера на промысле входило: контроль за исполнением уроков ссыльнокаторжными; предупреждение их проступков; представление сведений о каждом арестанте за 3 месяца до окончания срока работ в Губернское Правление.

Офицер также в районе назначенных для арестантов работ, в виду уравнивания их тяжести, мог переставлять артели с одного пункта на другой, а также в виде поощрения за счет заработка отпускать арестантам в разрешенном количестве чай, масло, сахар, мыло и другое.

Пища арестантов и конвоя на прииске относилась на счет золотопромышленника и должна была быть в том же размере, как и у вольнонаемных рабочих (т.е. тюремное ведомство экономило на содержании преступников и даже конвоя). Оплата труда не могла быть меньше, чем у вольнонаемных²⁹. Даже на работы арестанты могли ходить без конвоя, лишь под присмотром приисковых служащих и казаков³⁰. То есть положение ссыльнокаторжных на частных золотых промыслах приравнивалось к положению вольнонаемных рабочих. Отличия были лишь с каторжными отряда испытуемых – они должны были содержаться в кандалах и с бритыми головами, как указано в Уставе о ссыльных³¹.

На обращение генерал-губернатора Восточной Сибири в МВД с «представлением о разрешении задолжать в работы частных золотых приисков каторжных без оков»³² (т. е. нарушить одно из условий режима) был получен отказ и рекомендовано либо назначать на частные золотые промыслы только каторжных – исправляющихся, либо каторжных – испытуемых содержать в кандалах и брить головы³³.

Несмотря на стремление власти сохранить каторжный режим, в переписке между генерал-губернатором Восточной Сибири, Министерством финансов и др. 1872 года появились беспокойства о невозможности принятия ссыльнокаторжных на прииски Бутиных и Верхнеамурской компании, т.е. преступники снова могли остаться без работ. На этих приисках использовался труд в основном наемных рабочих, и не было возможности содержать ссыльнокаторжных³⁴. Для частных золотопромышленников выгоднее было нанимать вольнонаемных рабочих, более квалифицированных, чем привлекать преступников, для которых нужно было обеспечивать еще и дополнительные условия

жизни. Хотя, все-таки, при отсутствии рабочих рук некоторые промышленники были вынуждены использовать каторжных, в чем было заинтересовано гражданское ведомство, которое часто предоставляло некачественную трудовую силу, т.е. больных и физически слабых³⁵. В 1875 году ссыльнокаторжные находились на приисках Дарасунских бр. Бутиных (до 460 чел.), Маломальском Переяславцевой (85 чел.) и Елизаветинском купца Голдобина (60 чел.)³⁶.

В целом же, отправление ссыльнокаторжных на частные золотые промыслы считалось «временной» мерой. Поэтому в связи с разработкой Кабинетом Е.И.В. новых промыслов и выходом из кризиса рудников (временно), в 1884 году был прекращен «наряд ссыльнокаторжных на частные заводы»³⁷.

Еще одним видом каторжных работ в Забайкалье была постройка железной дороги. Также как и промысловые работы, этот труд определялся как временный.

Первоначально преступники, направляемые на дорожные работы, подчинялись «Правилам об употреблении ссыльнокаторжных в работу на частных золотых промыслах и на проведение дорог в отдаленных местностях» 1872 года³⁸.

То есть к этому труду привлекались арестанты в возрасте до 45 лет, здоровые и способные к тяжелым работам и осужденные на срок не выше 12 лет. На постройке дороги арестанты делились на артели по 10 человек с круговой порукой. Но сведений о данном виде занятий в это время в архивных документах не обнаружено. Единственное, что известно, труд ссыльнокаторжных использовался на строительстве колесной дороги от р. Шилки до Урюмских и Желтугинских промыслов в 1869 году. Сюда были направлены ссыльнокаторжные разряда исправляющихся и богадельщики³⁹.

Проблема использования труда преступников на этом виде работ более ясно сформировалась в связи со строительством Сибирской железной дороги.

По мнению исследователя жизни преступников в русских тюрьмах XIX века Гогеля, проведение Сибирской железной дороги являлось самой крупной общественной работой⁴⁰. В 1891 году были образованы первые железнодорожные каторжные команды. В начале этого года были опубликованы «Правила о привлечении ссыльнокаторжных, ссыльнопоселенцев и арестантов

разных категорий к работам по сооружению Сибирской железной дороги»⁴¹, а в мае 1894 года были Высочайше утверждены Временные правила для привлечения арестантов и ссыльных разных категорий на работы по постройке среднего участка Сибирской железной дороги⁴².

По этим «Правилам» Приамурскому и Иркутскому генерал-губернаторам предоставлено было право «привлечь к работам по сооружению Северо-Уссурийской, Амурской и Забайкальской железных дорог арестантов и ссыльных разных категорий»⁴³. То есть уголовные каторжане Нерчинского округа попадали под действие данных норм.

По соглашению с железнодорожным управлением, генерал-губернаторы устанавливали сроки и место производства работ, и размер заработной платы. Из заработанных ссыльнокаторжными сумм в их пользу отчислялось «не менее установленного по закону части из вырученной обязательными работами платы» (то есть 10%), а также дополнительные вознаграждения за сверхурочные работы (размер определял генерал-губернатор). Остальная часть заработанных преступниками сумм расходовалась «на потребности, обусловливаемые правильной организацией дела и успешным ведением работ». Кроме того, преступникам каторжного разряда законом были предоставлены некоторые льготы. Например, сокращены были сроки работ «зачетом 8 месяцев за 1 год», а с ссыльнокаторжных испытуемых снимались оковы⁴⁴. Предполагалось и усиленное довольствие для арестантов, работающих на железной дороге, которое предоставлялось железнодорожным управлением. Так, на завтрак и ужин к обычному составу пищи для всех преступников выдавалось мясо, а в высокоторжественные праздники или дни отдыха (до четырех раз в месяц) – винная порция⁴⁵. Таким образом, впервые в истории Нерчинской каторги были внесены кардинальные изменения в условия жизни и режим содержания преступников. Финансовые интересы стали превыше карательных: например, в 1896 году на IX участке Забайкальской железной дороги выгода казне от работ преступников составила около 3 тыс. рублей (при всей заработной плате – 23 897 руб. 80 коп.⁴⁶).

Условия «задолжения» преступников каторжного разряда корректировались в соответствии с местными обстоятельствами,

и составлялось отдельное соглашение между заведующим Нерчинской каторгой и начальником железной дороги⁴⁷.

В 1896 году труд преступников на железной дороге исследовался чиновником особых поручений при Министерстве юстиции Д.А. Дрилем.

По его отчету, «железнодорожные работы, производимые подвижными партиями ссыльнокаторжных, дают весьма удовлетворительные результаты во всех отношениях. При осмотре участков близ Хабаровска и Читы выявлено значительное улучшение питания, труд на чистом воздухе, сокращение сроков каторги за участие в работах и большая заинтересованность в них, вследствие их платности и выдачи не только 10% заработной суммы, но и особого вознаграждения за сверхурочный труд, все это оказывает прекрасное влияние на арестантов; содействует улучшению их поведения, поднятию уровня нравственности и повышает их трудоспособность, вследствие чего от работ получается чистый доход для казны. Мало здесь и беспорядков»⁴⁸. То есть результаты труда преступников были оценены положительно и предложено дальнейшее сохранение и развитие этого вида занятий.

В январе 1897 г. Приамурским генерал-губернатором были утверждены новые Правила о работах ссыльнокаторжных по сооружению Забайкальской железной дороги⁴⁹, в соответствии с которыми преступники для выполнения заданий высылались по распоряжению военного губернатора и при согласовании с Управлением железной дороги. То есть военному губернатору подчинялись все местные управления каторжными командами.

По Правилам для железнодорожных работ использовались каторжные тюремного и внетюремного разрядов, полносилые и хорошего поведения. Размещались они в специально построенных для этого бараках, удаленных от городов, но располагающиеся от места работ не более трех верст. В случае непредставления занятий Управление дороги должно было уплачивать тюремному ведомству по 70 копеек в день за каждого арестанта. То есть отсутствие работы считалось проблемой не тюремного, а железнодорожного управления. Медицинская помощь каторжным оказывалась местными врачами и врачами железнодорожного управления.

Каторжные на железной дороге выполняли следующие виды работ: земляные, плотничные, столярные, каменные и другие. Земляные работы оплачивались из расчета за кубическую сажень, с учетом состава грунта (обычный, глинистый) и сложности работы (работа ломом, с использованием динамита и без). Норма урока устанавливалась в летнее время – 0,35 куб. сажень в день (по легкому грунту); 0,22 куб. сажень (по среднему); 0,12 куб. сажень (по твердому). За сверхурочные работы, каторжные получали деньги на руки. А поденный труд (т.е. оплачиваемый по количеству проработанных дней) оценивался по 70 коп. в любое время года.

Плотничные, каменные, земляные и другие работы, не упомянутые выше, нормировались и оплачивались по особому соглашению между начальником участка и заведующим командой каторжных.

То есть земляные работы, считавшиеся всегда самым тяжким и основным видом каторжного труда, теперь были не единственными. Плотничные, столярные и другие работы (т.е. более легкие и ранее не относившиеся к каторжным) теперь также включены были в это наказание, что вновь свидетельствовало об изменении в режиме характера труда.

В 1897 г. преступники Нерчинской каторги работали на стройке железной дороги в г. Чите, Урульге, Яблоновом хребте и 5 участке. В течение года на этот вид работ были направлены заключенные из Зерентуйской, Алгачинской и Акатуйской тюрем в количестве 334 человек⁵⁰.

В 1898 г. в пределах Забайкальской области на стройке железной дороги работало 408 каторжных и 3 временно заводских рабочих. Работы производились поденно. Уплачено вознаграждения за урочные работы: земляные – 28093 руб. 35 коп., издельные – 11501 руб. 70 коп. Кроме того, за сверхурочные работы выдали на руки арестантам 3440 руб. 22 коп.⁵¹ Значит, в среднем преступниками было заработано более 43 тыс. рублей.

Таким образом, несмотря на то, что количество преступников каторжного разряда в железнодорожных работах принимало небольшое количество, труд этот приносил финансовую и стратегическую выгоду государству. Коренное изменение режима содержания преступников каторги свидетельствует о важности этих работ. Изменения режима были следующими:

1. Каторжные отрядов исправляющихся и испытуемых работали совместно, причем с последних снимались оковы;
2. Срок работ преступников сокращался (8 месяцев считалось за год), хотя прежнее сокращение предполагалось зачетом 10 мес. за год и возможно было только при хорошем поведении каторжного за весь период.
3. Размещались арестанты во временных бараках и без особой охраны.
4. Каторжными признавались не только земляные работы на строительстве железной дороги, но и плотничные, столярные, каменные, которые также оплачивались.

Все эти изменения карательного характера режима каторги свидетельствовали о том, что при осуществлении железнодорожных работ, правительство преследовало в первую очередь финансовую цель.

В поисках мест применения принудительного труда преступников и уменьшения расходов на их содержание тюремное ведомство вынуждено было использовать труд заключенных также на работах, которые часто не были определены в законе как каторжные. Практически каторжане выполняли все виды работ, какие были в распоряжении у местной тюремной администрации или у губернского управления и в наличии частных лиц, причем не всегда эти работы оказывались прописанными в нормативных документах, и практически, не оплачиваемы для преступников.

К этой категории работ, в первую очередь, относились хозяйственные (общественные) работы.

Понятно, что этот вид занятий существовал для преступников со времени существования наказания каторжными работами, но к числу каторжных не причислялся. Хозяйственные работы выполняли, в основном, женщины, семейные каторжные (для поддержки их семейств) и преступники, определенные как неспособные к работам (причем часто являющиеся абсолютно здоровыми)⁵². Также за неимением «специальных заведений» карательного характера для бродяг и ссыльнопоселенцев – эти категории преступников тоже использовались на «домашние» тюремные работы без применения сокращения сроков наказания⁵³. Во всех случаях преступники, использующиеся на «домашних» работах, относились к разряду исправляющихся, хотя, как нарушение, могли работать и испытуемые⁵⁴.

Виды работ, определявшиеся в системе наказаний как «хозяйственные» изменялись, поэтому указом Правительствующего Сената от 12 июня 1882 года под понятие хозяйственных работ были «подведены» лишь такие, как приготовление пищи, носка дров и т.п. Также Циркуляром ГТУ от 25 апреля 1886 года дополнительно разъяснялось, что определенное законом вознаграждение за хозяйственные работы назначается арестантам, занятым этими работами только в виде ремесла, т.е. кашеварам, хлебопекам, свечникам и т.п. и не распространяется на работы, выполняемые обязательно и поочередно всеми арестантами⁵⁵. Последнее было подтверждено Циркуляром ГТУ от 20 ноября 1887 года, в котором указывалось, что «содержание чистоты в тюремном помещении и очистка отхожих мест должна быть производима, в виду сокращения расходов, преимущественно трудом арестантов⁵⁶. Указанные виды работ, как правило, не выполняли «привилегированные» категории каторжных.

К категории частично оплачиваемых занятий каторжных также относились работы по требованию разных частных лиц, например, плотницкий труд на баржах; рубка дров для лазарета, тюрьмы, детского приюта; работы для товарищества амурского пароходства и др.⁵⁷

По мнению коллежского советника Власова, «этот порядок не соответствовал значению каторжных работ» и служил «выкупом от наказания», поскольку преступники размещались в вольнонаемных квартирах или в своих домах и были избавлены от надзора и «стеснения тюремной жизни». В подобном же положении находились и заключенные, работающие у начальствующих лиц прислугой. Причем, среди прислуги, по утверждению Власова, были каторжные, присужденные к рудничной работе без срока, которые также «числились сторожами занимаемых чиновниками помещений и состояли как бы на хозяйственных работах, получая арестантский паек и жалование»⁵⁸.

Между общественными работами и по заказу частных лиц, находились работы арестантов по чистке улиц и площадей в городах, отчистке от снега и грязи, выравниванию и исправлению дорог и т.д.⁵⁹ В 70-е годы производились работы в с. Сретенском, в городах Благовещенске, Софийске и Николаевске⁶⁰. Содержались здесь каторжные за счет своего заработка (пищевое и вещевое довольствие), получаемого наравне с вольнонаемными

рабочими и прислугой. В 1883 году генерал-губернатор Восточной Сибири обратился с предложением в МВД «о применении труда каторжных в больших размерах при устройстве в городах разных сооружений»⁶¹. Употребление каторжных на городских работах он считал «необходимым» в городах Восточной Сибири, где «вследствие малой населенности, рабочие руки и редки и дороги». Он предлагал для реализации этой цели расположить в городах отдельные команды ссыльнокаторжных, преимущественно разряда испытуемых или только что перешедших в разряд исправляющихся. В 1890 году военный губернатор Приморской области обращался к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой отправить с Карийских промыслов ссыльнокаторжных для работ в г. Хабаровск для устройства городского парка и площади. На этот вид работ использовались преступники, как правило, недолгосрочные (т.е. небольшим сроком каторжных работ)⁶².

К отдельному виду частично оплачиваемых (или часто не оплачиваемых) работ относилось строительство тюремных помещений каторги. Чтобы уменьшить расходы государства на постройку новых и ремонт старых тюрем, к этому виду работ привлекались именно преступники. Соответственно выполняли они их бесплатно. Только в 80-х годах XIX века статус занятий преступников по строительству тюрем был частично изменен.

В начале 80-х годов XIX века Министр внутренних дел обратился в комитет министров с представлением о назначении вознаграждения каторжным, работающим при постройке тюрем при Нерчинских рудниках. Ходатайство было удовлетворено, и 19 июня 1881 года было утверждено положение «О назначении вознаграждения каторжным, работающим при постройке тюрем при Нерчинских рудниках»⁶³.

Согласно этому нормативному документу, временно (на 3 года) генерал-губернатору Восточной Сибири разрешено было назначать «каторжным, работающим при постройке тюрем при Нерчинских серебряноцинковых рудниках, особо отличившимся хорошим поведением и усердием к труду», денежное вознаграждение за сверхурочные работы. Денежные средства «по усмотрению заработавшего и с ведома начальства» расходовались на улучшение пищи, пособия родственникам и другие дозволенные предметы. Кроме того, министру внутренних дел предоставлено было право разрешать собственной властью и с соблюдением ус-

ловий выдачу денежного вознаграждения за сверхурочные работы, проводимые вообще преступниками каторжного разряда. То есть впервые работы преступников, выполняемые сверх урока, стали частично оплачиваться.

В 1887 г. инспектор по тюремной части при генерал-губернаторе Приамурского края в докладе сделал еще более широкие предложения. Он писал, что строительные работы ведутся на практике бесплатно, так как производятся для нужд самого ведомства и ведутся за счет казны, что несправедливо. Он указывал, что количество преступников на бесплатных работах задействовано больше, чем на платных, соответственно режим содержания и условия жизни преступников существенно отличаются⁶⁴. Генерал-губернатор барон Корф и министр внутренних дел поддержали предложение тюремного инспектора, но Департамент государственной экономии исключил из сметы на 1888 год запланированную сумму⁶⁵. То есть местная власть обращала внимание, что бесплатный труд преступников не только не эффективен, но и то, что отбывание каторжными работами на постройке тюремных помещений (не оплачиваемых работах) существенно отличается от такового положения преступников на рудниках и промыслах, где условия употребления в работы заключенных по некоторым критериям (рабочее время и оплата труда) приравнены к положению вольнонаемных рабочих. Но, поскольку труд преступников на строительстве тюрем по закону не относился к категории каторжного и из экономии денежных средств, центральная власть не желала ничего в этом положении изменять.

Единственным новым видом оплачиваемых занятий преступников на Нерчинской каторге, появившимся в последнее десятилетие XIX в., в связи с сокращением каторжных работ на рудниках и их отсутствием на золотых промыслах Нерчинского округа, были ремесленные работы по производству отдельных видов продуктов не только на потребности каторги, но и для продажи. В 1891 году к этим работам относились: изготовление белья, одежды и обуви (в основном на Каре⁶⁶), перемол зерна яричного хлеба и выделка кожи⁶⁷, т.е. часть работ, которые до этого времени значилась как хозяйственные работы для нужд тюрьмы и на заказ частным лицам.

В конце XIX в., в связи с окончанием работ по постройке Забайкальской железной дороги, ремесленный труд преступников стал основным видом каторжных занятий. В декабре 1898 г. на основании предписания губернатора Забайкальской области состоялось заседание Канцелярии Нерчинской каторги под руководством Начальника каторги «по вопросу организации работ в тюрьмах каторги»⁶⁸.

Согласно протоколу, на заседании обсуждались в основном такие виды производств, которые необходимы для создания условий жизни самих преступников, – хозяйственные работы. Лишь продукты некоторых видов ремесленных работ ориентированы были на продажу – сапожных и портняжных, но при материале заказчика (работа для частных лиц). Также планировалось создать новые виды производств – шорное, витье веревок, катанье валенок, шапок и туфель, изготовление ружейных пыжей, плетение корзин, изготовление сельскохозяйственных орудий. Но для их организации требовались денежные средства в количестве 2200 рублей.

В 1899 г. были организованы работы в Мальцевской и Кадаинской тюрьмах. В первой – выделка крестьянам сукна и варежек, во второй – изготовление кирпича и извести. В 1900 – в Алгачинской тюрьме – выделка кирпича и обжиг извести, фабрикация ружейных пыжей, плетение корзин, печенье булок, баранок и сушек, выделка мехов и их окраска, колбасное, шорное, войлочное, кузнечное и сапожное производства⁶⁹.

О каких-либо особых изменениях в режиме каторги и условиях жизни в это время при осуществлении ремесленных работ по документам не обнаружено.

Таким образом, главное, что пыталась сделать власть, организуя для преступников ремесленные работы – это занять их принудительным трудом, сохранив данный вид наказания. Выполнение хоть каких-нибудь принудительных работ частично соответствовало понятию «каторжных». Тем более что производство продуктов этого труда лишь в небольшом количестве шло на продажу (небольшие частные заказы). Но власть не хотела понимать, что в полной мере покарать преступника такими видами работ крайне затруднительно. Поскольку некоторые работы выполняли те преступники, которые что-либо понимали в этом деле, т.к. на воле были мастерами. Соответственно здесь на

каторге они выполняли тот же труд, что и на свободе. Учитывая, что ремесленные работы еще и оплачивались, то они в корне изменили карательное предназначение каторги в Забайкалье.

По итогам всего вышеизложенного можно сделать вывод, что организация каторжного труда была одной из основных проблем государственной власти в деле реформирования Нерчинской каторги второй половины XIX в. От того, какие работы определялись как каторжные, зависело сохранение или изменение карательного режима для преступников, а значит сущность и предназначение этого вида наказания.

Главной составляющей режима каторги был тяжкий принудительный труд, к которому относились по нисходящей степени работы на рудниках, в крепостях и на заводах. Соответственно, другие виды занятий преступников основным сводом законов не регламентировались, и использование на них преступников каторжного разряда допускалось по особым правилам. Такая ситуация возникла потому, что во второй половине XIX века в Забайкалье рудничные и связанные с ними заводские работы периодически находились в сложном кризисе или приходили в полный упадок, производство сокращалось. В связи с этим осужденные могли остаться на каторге без каких-либо занятий. Это было нарушением режима. Поэтому на протяжении всего этого периода власть пыталась восстановить рудничное производство, как основное. Но даже при частичном разрешении этого вопроса обеспечить работу всем преступникам в полном объеме не удалось. Работа в рудниках требовала постоянного исследования и дополнительных финансовых затрат. Кабинет Е.И.В., как основной собственник рудников и золотых промыслов в Нерчинском горном округе, финансово не был заинтересован в постоянной растрате денежных средств на восстановление нерентабельного для него производства. Тюремное ведомство, в свою очередь, ограниченное в денежных средствах, не в состоянии было тратить крупные суммы на организацию рудничного производства, поскольку даже удовлетворительные условия жизни преступников (питание, одежда, помещения) не могло организовать. Поэтому второй задачей государственной власти в центре и на местах был поиск других видов работ, которые относились бы к понятию каторжных, но при этом не изменяли коренным образом карательного предназначения каторги и позволили ли бы экономить

на содержании преступников. Первоначально эти новые виды занятий каторжан определялись как временные. К этой категории относились промысловые работы на приисках Кабинета Е.И.В. и частных лиц. При организации этих занятий преступников, власть настаивала на сохранении карательных основ режима (содержания в оковах, использования на самых тяжелых работах и т.д.). Но, тем не менее, в отчетах инспекторов ГТУ часто наблюдались нарушения установленного режима.

При организации других видов каторжных работ – строительстве железной дороги и ремесле – временными их уже не называли. Но в связи с отсутствием других занятий преступников, организация этих работ коренным образом изменяла режим, а значит и карательную сущность каторги, позволяя заведующим каторжными снимать оковы, создавать альтернативные виды работ, не соответствующих понятию «тяжких». Можно говорить о том, что в конце XIX в., каторжный режим был изменен в угоду финансовым соображениям (дешевый труд на железной дороге и уменьшение расходов тюремного ведомства по содержанию в тюрьме путем полного самообеспечения преступников с помощью организации ремесла). В целом каторжный режим уже особо ничем не отличался от режима содержания в обычной тюрьме. Именно поэтому в конце XIX – начале XX вв. снова (как и в период буржуазных реформ) дискуссионной станет проблема применения данного вида наказания.

Примечания

1. Игнаткин Ю.А. Очерки золотого Забайкалья. Чита, 2004. С. 28.
2. Боголюбский И. Указ. соч. С. 63-64, 76-77; ГАЗК, ф. 31, оп. 5, д. 926, л. 1, 11.
3. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб, 1898. Т. 2. С. 19.
4. РГИА ДВ, ф.701, оп.1, д. 16, л. 4 -10об.
5. РГИА ДВ, ф.701, оп.1, д. 16, л. 8об.
6. ГАЗК, ф. 1 о.о., оп. 1, д.1337, л. 6-33об.
7. ГАРФ, ф.29, оп.1, д. 235, л. 106 об.
8. РГИА ДВ, ф. 701, оп. 1, д. 16, л. 289.
9. ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 235, л. 107.
10. ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 235, л. 107.
11. РГИА ДВ, ф. 701, оп. 1, д. 16, л. 289 об.
12. Там же. л. 108.
13. ГАРФ, ф. 29, оп.1, д. 207, л. 10-10об.

14. Власов. Указ. соч. С. 5-10.
15. Там же. С. 10.
16. ГАЗК, ф. 701, оп. 1, д. 7950, л. 1об.-2об.
17. Там же. л. 28-28об.
18. ГАЗК, ф. 1 т.о., оп. 4, д. 113, л. 5-5об.
19. Там же. л. 5об.
20. ГАРФ, ф. 29, оп.1, д. 235, л. 12-12об.
21. ГАЗК, ф. 1 т.о., оп. 1, д. 33, л. 80
22. ГАЗК, ф. 1 т.о., оп. 1, д. 33, л. 11об.; ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 235, л. 103об.
23. ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 235, л. 104-104об.
24. ГАРФ, ф. 122, оп. 5, д. 2593, л. 12,19, 30 об.
25. ГАЗК, ф. 1 о.о., оп. 1, д. 817, л. 4-10 об.
26. РГИА, ф. 1284, оп. 69, д. 331, л. 5-5 об.
27. ГАЗК, ф. 1 о.о., оп. 1, д. 12738, л. 63-71; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп. 1, д. 36, л. 16-17об.
28. Семевский В.И. Указ. соч. С. 22.
29. ГАЗК, ф. 1 о.о., оп. 1, д. 1337, л. 33-33об.
30. ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д. 12738, л. 68.
31. Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. 1857. Т. 14. С. 82-85.
32. ГАЗК, ф. 1 т.о., оп. 4, д. 100, л. 11.
33. ГАЗК, ф. 1 о.о., оп. 1, д. 817, л. 30-30об.
34. ГАИО, ф. 24, оп. 2, д. 543, картон 2182, л. 1-10.
35. Власов. Указ. соч. С. 5.
36. Семевский В.И. Указ. соч. С. 22.
37. Обзор десятилетней деятельности Главного Тюремного Управления 1879–1889. СПб., 1890. С. 83.
38. ГАЗК, ф. 1 о.о., оп. 1, д. 12738, л. 63-71.
39. ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 86, л. 1-4.
40. Гогель С.К. Арестантский труд... Указ. соч. С. 76.
41. Устав о ссыльных. Приложение к ст. 289 (примечание). РГИА ДВ, ф. 702, оп. 4, д. 61, л. 3 – 5об.
42. Временные правила для привлечения арестантов и ссыльных разных категорий на работы по постройке Среднего участка Сибирской железной дороги // 3 ПСЗ. СПб., 1898. Т. 14 за 1894 год. № 10587. С. 240-242.
43. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 4, д. 61, л. 3; Временные правила для привлечения арестантов и ссыльных... Указ. соч. С. 240.
44. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 4, д. 61, л. 3-4 об.; Временные правила для привлечения арестантов и ссыльных... Указ. соч. С. 240-242.
45. ГАЗК, ф. 28, оп. 3, д. 11, л. 10, л. 33 ж-з, л. 90-90 об., л. 97.
46. РГИА ДВ, ф. 1590, оп. 1, д. 5, л. 56-58 об.

47. ГАЗК, ф. 28, оп. 1, д. 18, л. 314-318.
48. Каторга и ссылка на о. Сахалин, в Приамурский край и в Сибирь. Извлечение из отчета чиновника особых поручений при Министерстве юстиции Д.А. Дриля по командировке в 1896 г.. Указ. соч. С. 22.
49. ГАЗК, ф. 1 т.о., оп. 1, д. 92, л. 106-108.
50. ГАЗК, ф. 1 т.о., оп. 1, д. 98, л. 19-19 об.
51. Арестантские работы. Дорожные работы каторжных в Сибири // Тюремный вестник. 1899. № 5. С. 269.
52. Власов. Указ. соч. С. 6, С. 44.
53. Забайкальский край. Исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. С. 98.
54. Поездка в Сибирь и на о. Сахалин в 1881–1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского. СПб.: б.и., 1901. С. 44.
55. Гогель С.К. Арестантский труд... Указ. соч. С. 103-104.
56. Гогель С.К. Указ. соч. С. 104.
57. ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 218, л. 29-30 об., л. 33, л. 47, л. 108, л. 173.
58. Власов. Указ. соч. С. 5-6.
59. Гогель С.К. Указ. соч. С. 81.
60. Власов. Указ. соч. С. 10-18.
61. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 4, д. 26, л. 5-10 об.
62. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 4, д. 26, л. 2.
63. О назначении вознаграждения каторжным, работающим при постройке тюрем при Нерчинских рудниках // 3 ПСЗ. СПб., 1888. Т. 1 за 1881 год. № 278. С. 163-164.
64. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 4, д. 77, л. 1 об.-3.
65. Там же. л. 9, 12-13 об.
66. ГАРФ, ф. 122, оп. 5, д. 2593, л. 22.
67. Там же. л. 19.
68. ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 1010, л. 83.
69. ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 1010, лл. 70, 75, 210.

УДК 343.813 (571.55) (091)

А.С. Гулин

Гарибальдийцы на Нерчинской каторге 1863–1867 гг.

Данная статья является краткой реконструкцией истории пребывания «гарибальдийцев», добровольцев французско-итальянского легиона Ф. Нулло, на Нерчинской каторге с 1863 по 1867 год. В статье использованы архивные материалы, французские и польские мемуарные источники.

Ключевые слова: Январское польское восстание 1863 года, гарибальдийцы, политический преступник, Нерчинская каторга.

A.S. Gulin

Soldiers Garibaldi on Nerchinsk penal servitudes 1863–1867

Given article is short reconstruction of history of stay volunteers of the French-Italian legion of F. Nullo, on Nerchinsk penal servitude with 1863 for 1867. In article archival materials, the French and Polish memoirs sources are used.

Keywords: January Polish revolt of 1863, soldiers Garibaldi, the political criminal, Nerchinsk penal servitude.

В советской и современной российской исторической литературе нет до сих пор ни одного общего исследования, касающегося вопроса пребывания иностранцев политических преступников на Нерчинской каторге. Этот контингент ссылнокаторжных, *de facto*, имея на каторге одинаковый статус с остальными заключенными, *de jure* оставался под защитой своих государств, и судьбы их влетали в сложные международные отношения. С 1863 по 1865 гг. большая группа, около 400 человек, по С.В. Максимову – 385, иностранных подданных участников Январского восстания в Польше были приговорены российским правительством к каторге и ссылке: 1) австрийские подданные (преимущественно поляки из Галиции) – 259; 2) прусские подданные (преимущественно поляки из Познани) – 102; 3) итальянцы – 10; 4) французы – 10; 5) английские подданные – 2; 6) гессен-дармштадские – 1; 7) саксонские – 1¹; 8) швейцарцы – 3²; 9) венгры – 1³. Из всей этой массы только около трех де-

сятков были собственно иностранцами. Почти половина из них отбывала каторгу на Нерчинских рудниках с 1863 по 1868 гг. Среди них были: итальянцы, французы, швейцарцы и венгры. Среди ссыльных иностранцев было большая группа французов из отрядов Рошбрюна и де Бланкенгейма, отбывших ссылку в Енисейской губернии. Самой же большой группой из политических преступников иностранцев были так называемые «гарибальдийцы» – итальянцы и французы из легиона полковника Франческо Нулло, входившего в состав отряда Й. Миневского, взятые в плен в количестве 11 человек 5 мая 1863 г. в битве под Кшиковкой.

Фрагментарное упоминание о гарибальдийцах на каторге в русской дореволюционной литературе мы встречаем у С.В. Максимова в его «Каторге и ссылке⁴» и в кратких мемуарах М.Д. Муравского⁵. В советской историографии гарибальдийцам были посвящены четыре небольшие статьи Б.Г. Кубалова, опубликованных в разное время с 1959 по 1971 гг.⁶, частью со ссылками на источники, частью без них, основанные как на архивных материалах, так и на «дневнике военнопленного» Эмиля Андреоли «Из Польши в Сибирь», опубликованного частично в 1868 г.; из этого источник Кубаловым переведены и использованы только отдельные фрагменты.

В польской исторической литературе Ф. Нулло и его легионерам посвящены две монографии К. Ферлей-Беляньска «Нулло и его товарищи» и А. Островского «Нулло – герой польский и итальянский». В итальянской исторической литературе можно выделить две работы, освещающие данную проблематику, это книги Дж. Локателли, написанные в соавторстве с Алессандро Венанцио, одним из ссыльных гарибальдийцев: «Бергамцы в Сибири 1863–1867» и «В ужасной Сибири: искры итальянского героизма в сибирских степях и каторге».

Из мемуарных источников нужно выделить, прежде всего, воспоминания Э. Андреоли «Из Польши в Сибирь», Л.Я. Зелёнки «Воспоминания из Сибири 1863–1869 годов», Л. Менжиньского «Воспоминания о январском восстании и сибирской каторге 1863–1869 годов», Б. Дыбовского «Воспоминания д-ра...от 1862 по 1878 годы», В. А. Обручева «Из пережитого».

Эти исследования и мемуары, а также архивные материалы местных и центральных архивов легли в основу нашей статьи.

Иностраннный легион Нулло, получившего впоследствии название «гарибальдийский», включал в себя 30⁷ итальянцев и французов. В результате сражения были убиты полковник Ф. Нулло и капитан С. Марчетти. Частями генерала А.И. Шаховского в плен было взято примерно 30 повстанцев. Значительной частью среди пленных оказались легионеры Нулло, шедшие в арьергарде и прикрывавшие отступление отряда: итальянцы: 1) А. Джуппони; 2) Дж. Меули; 3) Л. Меули; 4) Ф. Арканджели; 5) Дж. Клеричи; 6) А. Бенди (Борджиа); 7) Л. Кароли; 8) А. Венанцио; французы: 9) Э. Андреоли; 10) Л.-А. Дие; 11) Ш. Ришар (в действительности российский подданный из Риги).

Итало-французская группа из 11 человек была названа гарибальдийцами, несмотря на то, что собственно в рядах Гарибальди сражалось только 6 человек из числа попавших в плен. Но так как все они были добровольцами иностранного легиона под командованием гарибальдийского полковника Ф. Нулло, а униформой отряда были знаменитые гарибальдийки, мы можем по праву сохранить за этой группой пленных название «гарибальдийцы».

После пленения, гарибальдийцы в достаточно хороших условиях почти два месяца содержались в тюрьме в Ченстехова. Они рассчитывали на свое скорое освобождение и отправку на родину. За их освобождение хлопотали итальянский и французский посланники. Брат Л. Кароли Бернард, имевший широкие связи в дипломатических кругах, хлопоча об освобождении брата и своих соотечественников, дошел до самого военного начальника варшавского отдела барона Корфа. Однако 16 июня гарибальдийцев переводят в Александровскую цитадель в Варшаву. Уже 23 июня военно-полевой суд отдал распоряжение о предании суду иностранцев и в тот же день произвел свое первое заседание, по решению которого гарибальдийцам был вынесен приговор – смертная казнь через расстреляние. Приговор, предусматривающий как меру наказания смертную казнь, должен был утверждаться Полевым Аудиториатом. 1 июля Полевой Аудиториат выдал заключение, где признал, «что все упомянутые обвиняемые на основании ст. 185 т. XV Свода законов Российской империи и статей 174 и 175 кн. I Дисциплинарного воинского Устава подлежат смертной казни, но учитывая, что они не были руководителями повстанческих шаяк, ни эмиссарами, ука-

занных в циркуляре от 24 мая к военным начальникам отделов Царства Польского, учитывая возможность причисления их ко 2-й категории и на этом основании, взамен смертной казни, лишить всех прав состояния и сослать в Сибирь в тяжелые работы: Э. Андреоли, Л. Кароли, Дж. Клеричи, А. Венанцио, Л. Меули, Дж. Меули и А. Джуппони (7 человек) в рудники на 12 лет, а остальных трех: Л. А. Дие, К. Ришара и А. Бенди, как стоящих относительно своего звания и общественного положения значительно ниже первых, в крепости на 10 лет⁸. 1 июля приговор был подтвержден Наместником Царства Польского великим князем Константином. В соответствии со ст. 2 Свода уставов и учреждений о ссыльных, гарибальдийцы, как осужденные в каторжные работы «на время свыше восьми и до двенадцати лет», относились к каторжным 2-го разряда⁹. Арканджели, который, вследствие ранения остался в Олькуше, позже военно-полевым судом в Радоме был приговорен лишь к ссылке на поселение в Сибирь, которую отбывал в Омске.

Приговор был оглашен иностранцам в ночь со 2 на 3 июля. Князь Бебутов 3 июля доносил, возвращая приговор барону Корфу, что в настоящий день высланы железной дорогой в Москву (через Петербург) к московскому генерал-губернатору политические преступники «соответственно следующего списка»: Николай Станислав Эпштейн, Франчишек Соколовский, 9 итальянцев и французов, все в тяжкие работы (Л. Меули по болезни остался в госпитале); Александр Станьский, Франчишек Ориньский и Станислав Редлих – на поселение¹⁰.

Гарибальдийцы следовали на каторгу установленным порядком: Варшава – Гродно – Петербург – Москва (по железной дороге); Москва – Владимир – Нижний Новгород – Казань – Вятка – Пермь – Тобольск (на почтовых); Тобольск – Тара (пешком, в партии с уголовниками); Тара – Каинск (Куйбышев) – Томск – Красноярск – Иркутск (на телегах); Иркутск – Чита – Петровский завод.

Имя Гарибальди, пожалуй, самой популярной личности в Европе того времени, было широко известно не только в самой России, но и в Сибири. ореол его славы окружал и гарибальдийцев, следовавших на каторгу. По пути следования, в губернских городах, их часто навещают местные офицеры и дамы, но чаще из любопытства. Все изменилось для иностранцев после

Тобольска. Из Москвы до Тобольска их везли на почтовых, при каждом по жандарму, под особым надзором. И как вспоминал Э. Андреоли, что они думали, что таким порядком они и будут следовать в Сибирь, а Тобольск являлся их местом каторги. Лишь в тобольской пересыльной тюрьме им объяснили ясно и четко, что они следуют до Иркутска, где им и будет определено окончательное место отбывания наказания. Тобольский губернатор Деспот-Зенович, будучи известен своей справедливостью, назначает гарибальдийцам, в виде исключения, кормовых по 15 коп. в день. Это была их единственная привилегия. Дальше они должны были следовать пешком этапным порядком в партии с уголовниками.

Заметим, что до изменения положения о выдаче кормовых денег 1864 г., когда непривилегированным стали выдавать по 10 коп. в день, а привилегированным 15, кормовые деньги выдавались в таком размере: от Тобольска до Томска – 7 коп. в день; от Томска до Красноярска – 6 коп.; от Красноярска до Иркутска – 3½ коп.; от Иркутска до Читы – 2½ копейки в день. Если на 6-7 копеек арестант на этапе мог досыта поесть один раз в день, то на 3 копейки в Восточной Сибири было сложно купить даже фунт черного хлеба, цена на который доходила до 4 копеек¹¹.

В Таре гарибальдийцы добиваются от местного исправника Гулькевича, чтобы тот выделил им подводы за собственный счет для следования отдельно от партии уголовников, пытавшихся их ограбить. Кроме того, они добиваются размещения их в тюремном госпитале, где условия существования позволяли сохранить подорванное здоровье. Гарибальдийцы понимают, что только если они смогут по возможности останавливаться даже на короткое время в тюремных госпиталях, это поможет им сохранить здоровье и живыми добраться до места каторги, они добиваются этого и в Каинске, и в Красноярске.

Почти 10 000 километров пути, с 3 июля 1863 г. по 2 февраля 1864 г., более полугода гарибальдийцы шли на каторгу, испытывая нужду, голод, унижение, угрозу убийством от уголовников.

Прибывавших в Иркутск политических, назначенных на каторжные работы в рудники, отправляли в Петровский завод, как во временное место сосредоточения политкаторжан до организации особого комендантства, согласно плана генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсаков, изложенного им в

своим ходатайстве от 9 ноября 1863 г. на имя статс-секретаря В.П. Бутакова, управляющего делами 2-го Сибирского комитета¹², куда 18 октября 1863 г. заведующим над политическими преступниками был назначен старший бригадный адъютант 1-й конной бригады Забайкальского казачьего войска сотник Разгильдеев¹³. В этот период, т. е. конец 1863 – начало 1864 гг., это было единственное место в Забайкалье лучше всего приспособленное для содержания политкаторжан в большом количестве в бывшем остроге декабристов, где была возможность организации для них работы. Туда, в Петровский завод, 13 декабря 1863 г. были отправлены Андреоли и Кароли, прибывшие в Иркутск раньше других гарибальдийцев¹⁴. Вслед за ними, 27 января 1864 г., были отправлены Ш. Ришар, Л.-А. Дие, Дж. Клеричи, А. Венанцио, братья Меули, А. Джуппони и А. Бенди в партии вместе с А. Красовским, Н. Васильевым и 12 поляками¹⁵.

Кароли и Андреоли прибывают в Петровский завод 21 декабря 1863 г.¹⁶, где они застают еще 8 политических, остальные прибывают следом 2 февраля 1864 г.¹⁷ Эти три десятка политических были первыми каторжниками, сосланными по польскому восстанию 1863 г., прибывшими в Забайкалье.

В феврале 1864 г. при осмотре их доктором Елиным все вновь прибывших 30 человек помещены в больницу как больные и ослабшие. Выписки из медицинских заключений Елина гласили: А. Бенди – «вид чахоточный (*Habitus phtysicus*). Физическое состояние груди не оставляет никакого сомнения в том, что у него развивается чахотка легких (*Tuberculosis pulmonum*)»; А. Джуппони: «*Habitus phtysicus* (вид чахоточный), поражения венерического характера, выражающиеся в поражениях на нижних конечностях и туловище»; Дж. Клеричи: «Среднего сложения. На левой ноге следы огнестрельной раны. В правом боку замечается язва, оставшаяся после раны, из которой извлечена была пуля с осколком ребра. Язва в скором времени не обещает закрыться, по случаю костоеды ребра, в которое ударились пуля»¹⁸.

25 января 1863 г. Андреоли делает запись в своем дневнике, отрывки которого из его неопубликованной части Ферлей-Беляньска цитирует в своей книге: «...Тюремное заключение было бы сносным, если бы не было той проклятой работы. Товарищество превосходное. Надзор не был строгим, были книги и наши товарищи ссыльные. Наши воспоминания, диспуты, лекции и

чтение в свободное время, дни пролетали незаметно. Есть своя необыкновенная прелесть смотреть, как главный инженер варшавско-венской железной дороги [Витольд Марчевский] бьет руду... Начиная со второго дня после прибытия, заковали всех без исключения. Я думал, что они снимаются с усталых ног на ночь, но горе тому, кто пойдет на такие «нарушения». Ему на следующий день «жестко и коротко» наложат оковы на руки...»¹⁹

«На работу их посылали на настоящую: бить руду и т. п., во всякую погоду, – вспоминал о встрече с гарибальдийцами Обручев, – но, впрочем, с таким расчетом, который обеспечивал отдых. Раз в столярную мастерскую, которую я посещал утром и после обеда, на короткое время пришли точить инструменты четыре человека: одноглазый француз Андреоли, австриец граф Карольи²⁰ и два поляка. Андреоли был в общеустановном полушубке сверх арестантской рубахи, которая тоже не сходилась на груди, так что широкая полоса груди была совершенно обнажена. Граф Карольи, статный мужчина с подстриженными баками, был одет хорошо, в венгерке из темного крестьянского сукна и в что ни на есть первый сорт таежных сапогах. Конечно, тут же конвойные со штыками – все как следует. Я бы весьма предпочел не встречаться; но раз встреча произошла, попросил у них позволения помочь им и вступил в беседу, имея, прежде всего в виду исполнение своей обязанности как русского и, так сказать, хозяина дома по отношению к двум иностранцам. Беседовал – о чем было прилично. На заявление мое о необходимости остерегаться сибирских морозов Андреоли ответил: «Oh, moi, j'ai une santé de fer!»²¹. По наружности этого нельзя было сказать; но он говорил бойко и вообще держался молодцом. Единственный глаз действительно все оглядывал»²².

В остроге каторжане жили «огулом» или «коммуной», главным организатором которой, соединившим всех этих людей – поляков, украинцев, русских, итальянцев и французов – был Витольд Марчевский, молодой талантливый инженер. Учредили общую кассу, общую кухню, школу для малограмотных, университетские доклады и научные вечера. Марчевскому активно помогали Ф. Соколовский, Н. Эпштейн, граф Э. Чапский, Э. Андреоли.

Андреоли познакомился в Петровском заводе с И. И. Горбачевским. Француз ему «не раз писал записки по разным делам

и получал от него книги. Чрезвычайно его возмутила одна штука. В заводе существовало фортепиано, и Андреоли выпросил у проезжающего губернатора разрешение перевезти его в острог; но комендант все-таки не позволил. Хотелось также ссыльным выписать «Opinion Nationale»²³, что, по-видимому, тоже не удалось. Свою первую записку к И.И. Горбачевскому (а может быть и не одну первую, не помню) Андреоли подписал: «Andréoli, journaliste, à Paris»²⁴.

Самыми простыми способом организации острожного быта были земляческие артели, которые насчитывали, как правило, от 3 до 10 человек, их главной задачей было перераспределение средств, получаемых от родственников, т. к. многие были лишены таких возможностей, а на 2,5 копейки в день нельзя было свести концы с концами, более состоятельные земляки помогали малоимущим. Такой земляческой артелью жили гарибальдийцы, где Кароли был единственным, кто получал деньги от родных и притом в значительном количестве. Но, согласно правил, на содержание из личных денег можно было получать только 25 рублей в месяц²⁵. Решение о выдаче пособия из личных денег именно в такой сумме было принято по предложению генерал-губернатора Западной Сибири А. Дюгамеля, который, обеспокоенный поступлением больших денежных средств на имя ссыльных (Н. Эпштейн, Л. Кароли, Д. Дамиони) от их родственников и тем, что положение 1826 г. устарело в связи с изменившимся курсом денег, внес данное предложение на имя главноуправляющего III-м отделением генерала-адъютанта князя Долгорукова²⁶.

Только благодаря случаю, положение иностранцев существенно улучшилось. Военный губернатор Забайкальской области Дитмар, являющийся непосредственным начальником коменданта Разгильдеева, во время инспекции в острог, узнав, «что Кароли имеет значительные капиталы у коменданта в Петровске и что из получаемых 25 рублей все раздает между бедными своими земляками, – вспоминал Л. Я. Зелёнка, – позволил вопреки данному приказу из Петербурга, чтобы Кароли, в виде исключения, выдавали ежемесячно по 75 рублей»²⁷. Распоряжение Дитмара было дано негласно, в обход существующего порядка. Как выше мы упоминали, таким же образом поступил Деспот-Зенович, тобольский губернатор, распорядившись выдать гарибальдийцам кормовые в двойном размере. Именно этих двух губернаторов

многие политические ссыльные того времени в своих мемуарах упоминали с большим почтением и благодарностью.

Жизнь гарибальдийцев на каторге понемногу упорядочивалась, вся корреспонденция на имя ссыльных итальянцев и их родственников проходила в основном через маркиза Пеполи, принимавшего участие к судьбе соотечественников. Бернад Кароли через московского банкира Цургозена налаживает стабильную пересылку денежных переводов. «Присылайте мне деньги, чтобы мы не умерли с голода»²⁸, – пишет Кароли на карточке, украдкой отправленной домой, в обход обычного порядка, т. к. политическим позволено было писать домой только один раз в три месяца. Всего за два года пребывания Л. Кароли на каторге им было получено от родных, согласно официальных источников, около 2500 рублей²⁹, не считая займов сделанных им у сибирских купцов, к примеру, у Асташова в Красноярске и у Шредера в Забайкалье.

Отношения с местным начальством были сложные. Еще с этапов за ними закрепилось определение как «дерзких», что отмечено было в партийных списках. Но за дерзость, порой, принимали веселый нрав этих детей солнечной Италии, и их национальный темперамент, неумение и нежелание склонить голову, к чему приучен русский, и о чем знал поляк. Но статус иностранных подданных и дипломатические связи семьи Кароли иногда помогали гарибальдийцам, и они получали некоторые маленькие привилегии, им спускалось порой с рук то, что не простили и не позволили бы ни поляку, ни русскому.

Гарибальдийцы думают о побеге, перспектива остаться навечно в Сибири, т. к. после каторги им предстояло проживать на поселении, не устраивает отчаянных молодых людей, не боявшихся смотреть в глаза смерти. Они обсуждают эту идею с Андреем Красовским, бывшим гусарским подполковником и гарибальдийцем, который, как и они, в 1860 г. сражался, но инкогнито, в рядах «краснорубашечников», и тоже вынашивал план побега. На Красовского донесли, Разгильдеев приказал дать ему 50 розог³⁰.

Горбачевский, осведомленный о происходящем в остроге, писал к Андреоли, вкладывая в слова свой суровый опыт ссыльного и мудрость пожилого человека: «Забудьте злость и раздражение, противопоставьте ясную голову злой фортуне. Отречение, духов-

ное равновесие, сосредоточение мысли в науке – это лучшее, это единственный способ, чтобы не ощущать тяжесть оков, чтобы не сохранить пятна от них, когда вы их когда-нибудь снимите, чтобы остаться молодым!»³¹

К концу 1864 г. происходят значительные изменения в жизни и в условиях содержания, как гарибальдийцев, так и всех политических заключенных, связанные с организацией комендантского управления на Нерчинских заводах, которое было высочайше утверждено 5 апреля 1864 г.³² Основным местом сосредоточения для политических был назначен Кадаинский и близ к нему лежащие рудники.

15 мая 1864 г. «высочайшим приказом» императора Александра II был назначен и сам комендант, генерал-майор М.С. Шилов. Сам Шилов появился на Нерчинских заводах только к концу 1864 г., и, проведя инспекцию, 4 ноября в рапорте на имя Корсакова он сообщает, что в настоящее время не существует каких-либо условий для сосредоточения политических преступников в одном месте по причине большой отдаленности тюрем одной от другой и из-за отсутствия новых и негодности старых тюремных помещений³³. Петербургская и иркутская администрации, плохо представлявшая себе весь масштаб происходящего на местах, по сути, сверстала эфемерный, нереализуемый план. В Забайкалье к концу 1865 г. сосредоточилось около 1400 политических преступников и около 3700 уголовников³⁴, осужденных в каторжные работы. Тюремь были настолько переполнены, что ссыльных размещали в сколько-нибудь приспособленных казенных зданиях. В Сивяково, где было сосредоточено около 700 политических, последние строили сами себе дома и землянки.

В этот критический момент администрация стремилась выйти из создавшегося положения. С этой целью, по распоряжению председательствующего в совете ГУВС К.М. Шелашникова, была приостановлена отправка партий в Нерчинские заводы, вследствие этого, произошло чрезвычайное скопление ссыльных в самом Иркутске и на этапах. Шилов же, со своей стороны, внес предложение о реорганизации комендантского управления, которым предусматривалось сокращение числа политических преступников, находящихся в ведении коменданта, за счет отделения «лиц низшего сословия, которые по недостатку воспитания были слепым, бессознательным орудием...восстания,

что значительно сократило бы физическую силу заключенных масс»³⁵. Идя навстречу предложению Шилова, Шелашников выносит распоряжение о разделении политических преступников на две категории: 1-я – лица привилегированного сословия и те из непривилегированного сословия, чье влияние на других опасно; 2-я – лица простого звания. Кроме того, лица 1-й категории поступали в ведение Нерчинского коменданта, а лица 2-й – военного губернатора Забайкальской области Дитмара»³⁶.

Заведующие политическими преступниками на местах составляют списки политкаторжан по категориям, и начинается массовая пересылка ссыльных по местам, подведомственным соответствующим начальникам. Все политические преступники в Забайкалье были распределены следующим образом: 1) в ведение Нерчинского коменданта: в Александровском заводе, Алгаче, Акатуе, Кадае, Кличке, Красноярово, Кутомаре, Зерентуе; 2) в ведение военного губернатора Забайкальской области: в Чите, Акше, Беклемишево, Дарасуне, Домне, на Каре, Кеноне, Петровском заводе, Сивяково, Сретенском, Титово.

Гарибальдийцы кроме Кароли, Венанцио и Андреоли, как важные политические преступники, были отправлены в Нерчинские заводы 15 сентября 1864 г. в партии количеством 45 человек³⁷, несмотря на то, что шестеро из них относились к лицам простого звания и должны были остаться в Петровске в ведение Дитмара. Кароли и Венанцио³⁸, включенные в список этой партии, были отправленный за свой счет 6 октября вслед за партией на телегах, а через четыре дня, 10 октября, на почтовых отправлены Андреоли и Красовский³⁹.

По прибытии в Читу следующих отдельно от партии Кароли и Венанцио, возникает конфликт по поводу кормовых и личных денег. Кароли подает прошение на имя вице-губернатора Забайкальской области с просьбой разобраться в сложившейся ситуации и просит о «дозволении ...лично изложить...просьбу и ...представить те злоупотребления, какие дозволяют себе чиновники с...иностранцами, не понимающими русского языка»⁴⁰. Такая официальная докладная записка была неслышанным по сию пору заявлением. По поводу данной записки между Кароли и адъютант-прокурором Макаровым произошли личные объяснения. Требования Кароли были удовлетворены.

По прибытии на Нерчинские заводы гарибальдийцы были распределены по разным рудникам. Клеричи, Дие и братья Меули были помещены в Кличинский рудник; Джуппони – в Александровский завод; Кароли, Венанцио и Андреоли – в Кадаинский рудник. Бенди и Ришар, как лица простого звания, были отправлены в совершенно другие места: первый – в Сретенск, второй – на Кару⁴¹. Между тем, Дие, Джуппони и братья Меули, не принадлежавшие к привилегированным сословиям, остались в ведении Нерчинского коменданта.

Шилов, согласно должностной инструкции, лично знакомится со всеми прибывающими в его распоряжение. 24 марта 1865 г. Шилов получает от Шелашникова список лиц 2-й категории, содержащихся в рудниках Нерчинского округа, подлежащих отправке на Кару, в одно из мест сосредоточения политкаторжан простого звания, в который были включены братья Меули, Джуппони и Дие⁴². Шилов ответил рапортом от 21 апреля: «По рассмотрению списка присланного при предложении вашего превосходительства от 30 марта с. г. за № 170-м, о 51-м политическом преступнике, отнесенных Вами ко 2-й категории и предназначенных к отправке на Кару, оказалось, что в нем заключаются преступники: Л. Меули, Ж. Меули, А. Джуппони (все трое из итальянских подданных) и М. Риттер (из австрийских подданных, еврей), которые хотя и по рождению не принадлежат к привилегированному сословию, но по степени образования они, как я лично удостоверился, стоят несравненно выше многих политических преступников, принадлежащих до ссылки к привилегированным занятиям..., и потому я испрашиваю разрешения вашего превосходительства на оставление вышепоименованных 4-х преступников под ведомом моим»⁴³. В результате рапорта Шилова, трое, о которых просил комендант, остались в его ведении, а Дие был переведен по назначению.

Но, даже находясь в ведение Нерчинского коменданта, гарибальдийцы перемещались в разные рудники: в Кадае, в Кличке, в Алгаче, в Александровском заводе, в Акатуе. Их постоянные перемещения и отрывочные сведения не позволяют составить точных и датированных маршрутов. Оказавшись разбросанными по разным рудникам, они не только утратили связь между собой, но и Кароли было сложно оказывать им помощь; однако, это не значит, что они попали в полную изоляцию, их поддер-

живали поляки, ценившие услуги, оказанные их родине. Кроме того, почти в каждой тюрьме существовала хорошо отлаженная артель со старостой, общей кассой и экономическим бытом, позволяющая поддерживать малоимущих. К тому же Шилов запретил выдачу Кароли прежней суммы, 75 рублей, ограничив ее суммой предписанной законом – 25 рублей. 18 декабря 1864 г., братья Меули и Джушпони, помещенные в Кличке, отправляют на имя Шилова письмо с просьбой поместить их с Кароли и Венанцио или сообщить им, где они находятся⁴⁴. Отчаянную попытку делает Бенди, он заявляет, что его настоящая фамилия Ян Мардиони, что он барон и служил в итальянской артиллерии поручиком⁴⁵, что позволило бы его причислить к 1-й категории и перевести в ведение Шилова, ему не поверили.

Кароли, находясь в более удобных условиях, чем его соотечественники, как человек настойчивый и взявший на себя ответственность за товарищей, добивается от Шилова разрешения перечислять 25 рублей из причитающихся ему собственных средств ежемесячно в пользу своих товарищей. Эта просьба не только не вызвала возражений со стороны коменданта, напротив, тот предложил Кароли через заведующего политическими преступниками в Кадае Софронова, чтобы он всякий раз для такой передачи денег подавал докладную записку⁴⁶.

Кароли и Андреоли, проживая бок о бок с Николаем Чернышевским, естественно, сблизилась с ним, и хотя сведения о их контактах очень скупы, мы все же имеем прямое свидетельство, оставленное нам Андреоли в его записках, где он указывает не только на свое знакомство с Чернышевским, но и называет его своим другом, излагая один из рассказов, записанных им со слов самого писателя. Глубоким уважением к русскому мыслителю пронизано каждое слово, посвященное ему французом. Парижскому интеллектуалу и социалисту было о чем побеседовать с Чернышевским. Там же гарибальдийцы познакомились и подружились с М.Л. Михайловым, как отмечали в своих мемуарах поляки, человеком добродушным, открытым и общительным, чья жизнь так трагически оборвалась на каторге в Кадае.

Режим был не очень строгий, на работу водили редко, одноэтажные тюремные здания даже не огорожены тыном, без решеток, здесь некуда было бежать. Читали книги, любимого французами Гюго, Кароли выписал последние собрания сочи-

нений Пушкина и Лермонтова⁴⁷. Грустная лирика Лермонтова, которая так совпадала с его личными переживаниями, особенно нравилась ему.

Прошло два года каторги. Родственники Кароли по-прежнему не оставляли надежд облегчить участь брата и добиться его освобождения. Еще в октябре 1864 г. Элиза Аглиарди во время пребывания Александра II в Ницце добивается аудиенции и подает ему прошение о помиловании Л. Кароли – безрезультатно⁴⁸. Кароли все чаще впадает в депрессию, становится раздражительным. Его нервное напряжение возрастает. Заботы о своих обездоленных товарищах, постоянные мысли о доме, об освобождении, о котором пекутся беспрестанно родные, о побеге; наконец, письма от Джузеппины Раймонди, ее фотографии, висевшие у него над нарами по свидетельству Л.Я. Зелёнки⁴⁹, все эти обстоятельства расшатывали его психическое состояние. Весной 1865 г. по каторге разносятся слухи о готовящейся амнистии, что администрацией готовятся материалы, затребованные правительством, разрабатывающим всемилостивейший манифест в связи с помолвкой цесаревича Николая Александровича с датской принцессой Дагмарой. Но 12 апреля 1865 г. цесаревич, страдавший золотухой, умирает в Ницце. Мрачная весть повергает всех ссыльных в уныние: амнистии не будет. Эти обстоятельства окончательно сломали Кароли, его здоровье резко ухудшается. «6 июня. Опасаюсь, что Кароли сходит с ума, – делает запись в своем дневнике француз. – Судя по тому, как письма из дома подействовали на него, он две недели говорит мне, что чувствует в себе какую-то большую болезнь.

7 июня. Сегодня утром Кароли стал безнадежен. Нет спасения от его болезни...»⁵⁰. Андреоли помогают ухаживать за больным молодой поляк Рапацкий и Н. Чернышевский, находившийся в соседней камере. Врачи из политических Стецевич и Пашковский были бессильны. 8 июня 1865 г. Кароли умирает от «воспаления мозга».

Еще 28 мая 1865 г. комендант Шилов, который был обязан ежемесячно отправлять отчеты о состоянии здоровья Кароли в Иркутск на имя Корсакова, докладывал: «Л. Кароли – здоров»⁵¹. Андреоли, безотлучно находившийся у постели больного, писал в тот же день коменданту: «Кароли умер этой ночью от болезни, продолжавшейся 6 дней. В прошлом году в Петровском заводе,

после смерти Збышика⁵², его друзьям было разрешено уведомить об этом депешей его родных. Прошу разрешить сделать то же в отношении Кароли и послать депешу его брату, сообщить о кончине, и чтобы он больше не посылал ему денег. Мне хотелось бы написать его сестре и подробно рассказать о смерти Кароли»⁵³.

Заведующий политическими преступниками в Кадае хорунжий Сафронов разрешил его друзьям организовать похороны Кароли. Могила гарибальдийца была высечена в скале рядом с могилой Литыньского, сосланного по делу 1846 г. и умершего здесь в 1855 г. М.Л. Михайлов произнес речь на могиле итальянца и два месяца спустя, скончался вслед за своим товарищем 3 августа 1865 г. и был похоронен рядом с ним⁵⁴.

Со смертью Кароли гарибальдийцы потеряли друга и товарища, лидера и защитника и материальную поддержку. Андреоли обращается с прошением к Шилову о распределении оставшихся после смерти Кароли денег между его товарищами итальянцами, на что получил ответ, «что деньги, принадлежащие покойному Л. Кароли, не могут быть выданы его соотечественникам без согласия родственников покойного». Тут же Шилов предложил Андреоли изложить данную просьбу письмом к родственникам Кароли⁵⁵. Андреоли поспешил воспользоваться данной возможностью. Ответа пришлось ждать более 4-х месяцев.

В своем письме на имя генерал-губернатора Восточной Сибири родственники Кароли – брат Бернард и сестра Элиза Аглиарди – не только поддержали просьбу Андреоли о разделе денег, оставшихся после смерти брата, между его соотечественниками, но также испрашивали разрешение о перевозке праха покойного на родину и о присылке оставшихся после него бумаг⁵⁶. Вопрос о перевозке праха Кароли Корсаков даже не стал решать, зато поинтересовался на счет бумаг покойного, каковых по рапорту коменданта не оказалось. В действительности же, бумаги, оставшиеся после Кароли, были спрятаны и вместе с его личными вещами вывезены Й. Чеховичем и Э. Штольцем, когда те возвращались на родину, а Л. Замбасович, их товарищ по каторге, переслал бумаги и вещи сестре покойного в Италию⁵⁷.

Когда стал решаться вопрос о разделе оставшихся денег Кароли итальянцам, то оказалось, что за покойным имелись долги более чем на 125 рублей различным кредиторам. Среди заимодавцев оказались политические преступники: 1) Ш. Токаржев-

ский – 30 руб.; 2) К. Гесс – 18 руб.; 3) Л. Шмидецкий – 20 руб. и 4) Н. Чернышевский – 55 руб.⁵⁸ Кроме того, Кароли оказался должным статскому советнику Асташову из Томска – 300 руб. Получили ответ из Томска, «что г. Асташов покойного Луи Кароли должным себе не считает, а кредиторы из политических преступников «следующие с Кароли деньги отказывают в пользу находящихся в Нерчинских заводах ...итальянцев...». Таким образом, сумма в 274 руб. 65 $\frac{1}{4}$ коп. была поделена между шестью итальянцами: Дж. Клеричи, А. Бенди, Джакамо и Лючио Меули, А. Джуппони и А. Венанцио⁵⁹. Вся эта бюрократическая эпопея с наследством Кароли длилась почти год – до марта 1866 г.

После неудачного покушения 4 апреля 1866 г., Александр II издает манифест от 16 апреля 1866 г., согласно которому, иностранцы, число которых не превышало и 400 человек, сосланные за участие в польском восстании 1863 г., подлежали амнистии и отправке на родину, остальным же ссыльным по этому делу срок каторги сокращался наполовину⁶⁰. Казна терпела огромные издержки, сама организация такой масштабной ссылки была бесперспективной и бессмысленной, ее необходимо было вернуть в размеры нормального, с точки зрения количества ссыльных, состояния, управляемости.

К этому времени гарибальдийцев переводили в разряд испытуемых, срок испытания для каторжных 2-го разряда, к которым относились гарибальдийцы, устанавливался в 1,5 года. Если учитывать, что срок их пребывания на каторге исчисляли с момента прибытия в Петровский завод, т. е. с 21 декабря 1863 г. и со 2-го февраля 1864 г., что за время их пребывания, срок испытания никому из них не был увеличен, то к августу 1865 г. они должны были все быть переведены в разряд «исправляющихся». На деле же все обстояло совсем иначе, нормативные сроки не выдерживались, что было связано с общей неразберихой, бюрократическими проволочками, порою просто по нерадивости заведующих политическими преступниками, а в целом с общей традицией ведения дел. Срок испытания для каждого закончился в разное время: А. Бенди был переведен раньше всех 2 февраля 1865 г., Э. Андреоли – 21 декабря 1865 г., А. Венанцио – 2 февраля 1866 г., Джуппони, Клеричи и Дж. Меули – 2 августа 1866 г., а Л. Меули – лишь только 2 февраля 1867 года!⁶¹

Даже после выхода манифеста о помиловании его исполнение растянулось на несколько лет. Одной из причин тому стало восстание польских ссыльных на Кругобайкальском тракте 24 июня 1866 г., после подавления которого, по каторге прокатилась волна репрессий, следствий и дознаний, и работа по проведению амнистии была приостановлена. Только к концу 1866 г., администрация приступила к исполнению манифеста, с декабря 1866 г. началась отправка на родину гарибальдийцев, последний из них, Людвиг-Альфред Дие, был отправлен 14 июля 1867 г.⁶²

Андреоли амнистия застала в Кличке, куда он был переведен из Кадаи. Все эти годы, начиная с апреля 1863 г., он день за днем вел свой дневник, который пообещал опубликовать своим товарищам по каторге.

Профессор Б. Дыбовский, бывший в то время в Чите, вспоминал о встрече с Андреоли: «На обратном пути мы запрягли две лошади в тарантас и отвезли Андреоли в Читку, ...не ведая даже о возможных неприятностях, которые предвидел Андреоли. Другой чертой его характера была поистине женская страсть к болтливости. Так, например, встретившись с Жихлинским в Кайдаловской, он рассказал ему, что у него с собою дневник, и что он думает провезти его скрытно, а приехав в Читку, и мне признался в том же самом; когда ему рассказали, что Жихлинский подал уже донос на Бонгарда, и что, скорее всего, сделает то же самое в отношении его, сильно опечалился и был очень обеспокоен. Остановился у Слонимского, там же, где гостил и Бонгард; Слонимский, отличный столяр, сделал в ларе Андреоли замысловатый тайник. Я его заверил, что в Чите уже не обращают внимания на тайные доносы Жихлинского, но пусть ему будет наукой, что лучше для каждого, если держать язык за зубами. Андреоли обещал написать мне, когда счастливо доберется до родины со своим дневником; он сдержал свое обещание, прислав на руки Тачановскому в Варшаву известие о том, что он в полном порядке. Я слышал затем, что он смог опубликовать в печати свой дневник»⁶³.

Еще до своего отправления в дорогу Андреоли удалось переслать в парижскую газету «Le Temps» открытое письмо, опубликованное в ней под заголовком «Военнопленные в России» 27 января 1867 г., где он резюмировал положение пленных иностранцев в сибирской ссылке и пообещал в ближайшее время рассказать правду о положении дел с политическими заключен-

ными в России⁶⁴. По прибытию в Париж, Андриоли возвращается к журналистской деятельности, сотрудничает с журналами «Etudes religieuses, philosophiques, historiques et littéraires», «Revue Moderne», «Revue contemporaine», пишет статьи по политическим, экономическим и финансовым вопросам. Готовит свои записки к печати и, ждет возвращения и ссылки своих товарищей, освобожденных по амнистии, чтобы не навредить им своей публикацией. Договорившись с редакцией «Revue Moderne», он публикует в четырех номерах журнала с 25 августа по 10 октября 1868 г. первую серию «дневника пленного», а в газете «La Presse» за 23 сентября 1868 г. статью «Великодушные царя» по поводу всемилостивейших манифестов от 16 апреля 1866 г. и от 25 мая 1868 г., критикуя ложный гуманизм этих актов, представленных в таком виде европейской общественности.

«Это принадлежит Вам, Государь, которому я посвящаю эти строки, – писал в предисловии к своим запискам Андреоли, – так как я принужден Вами пройти по безграничности Вашей империи: увидеть там унижительное положение Ваших подданных, коррупцию Ваших служащих, и ужасные результаты Вашего деспотизма. Я там собрал необходимые материалы, чтобы покрыть стыдом Вашу политику, которая скрывается за речами о Ваших обычаях, неизвестных Европе, ... пусть эти строки выживут в веках, чтобы помешать сказать Вам, каким вы были знаменитым, щедрым, великодушным царем, царем-освободителем».

Российское правительство незамедлительно отреагировало на публикации бывшего политкаторжанина: посольство в Париже предприняло демарш, и на публикации Андреоли был наложен цензурный запрет. Ш. Токаржевский писал о тех событиях: «Тогдашний русский посланник при французском дворе, князь Орлов, в первый же день скупил все книги до последнего экземпляра. Так что от них не осталось и следа»⁶⁵. Является ли этот факт историческим анекдотом, ведь князь Н.А. Орлов в то время был посланником в Брюсселе, а во Франции только с 1871 г., тем не менее, он имеет право на существование, ведь от Брюсселя до Парижа несколько часов по железной дороге. Той же версии об Орлове придерживается Каролина Ферлей-Беляньска, лично знавшая свидетелей тех событий.

Каждому историку известно, что первым, кто в 1891 г. познакомил Европу и Америку с русской политической ссылкой и

каторгой, был американский журналист Дж. Кеннан, но все же первую попытку этой трудной акции осуществил Э. Андреоли еще в 1868 г. Только отсутствие достаточных средств у француза и сила политического влияния России в Европе не позволили ему осуществить задуманное. Тем не менее, дошедшая до нас опубликованная первая часть дневника, которая в ближайшее время будет издана впервые в русском переводе, является неоспоримым доказательством этой героической попытки французского журналиста и ученого.

Примечания

1. С. В. Макимов. Сибирь и каторга // Собр. соч. в 7-ми тт., М., Терра, 2010, т. 2, с. 183.

2. ГАЗК, ф.1(п), оп.2, д.52, л.250.

3. ГАЗК, ф.31, оп.1, д.2618а, лл.377-422

4. С. В. Макимов. Указ. соч., там же.

5. Ссылка и каторга в 60-х годах. (отрывок из письма Муравского) // Былое, Вып. 2, Донская речь, Ростов-на-Дону, 1906, с.62.

6. 1) Б. Г. Кубалов. Гарибальдийцы и поляки-повстанцы в Тарбагатае // Уч. записки Географ. Об-ва СССР. Вост.-Сиб. отд. обл. музея краеведения. Вып. 4, ч.1. Вопросы истории Сибири, Иркутск, 1971 г., с.98-101;

2) Б. Г. Кубалов. Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов и гарибальдийцы на кадаинской каторге // Сибирские огни, 1959 г., № 6, с. 139-144;

3) Б. Г. Кубалов. Страницы из жизни гарибальдийцев в Петровском заводе // Свет над Байкалом, Улан-Удэ, 1960 г., № 4, с.139-141; 4) Кубалов Б.Г. Из сибирских встреч Н.Г.Чернышевского, Исторический архив, 1861 г., № 3, С. 283-284.

7. К. Ferlej-Bielańska. Nullo i jego towarzysze, Warszawa, 1923, s.159-162.

8. К. Ferlej-Bielańska. Указ. соч., с.178-179.

9. Ст.2, Устав о ссыльных. Всемиловитые уставы // СЗРИ, т.XIV, С.-Петербург, 1842 г.

10. К. Ferlej-Bielańska. Указ. соч., с. 179-180.

11. L. J. Zielonka. Указ. соч., с.18

12. РГИА, ф. 1265, оп.12, д.149, лл.1-3-об.

13. ГАИО, ф. 24, оп. 12, д.140, л.1.

14. ГАИО, ф.24, оп.3, д.46, к.41, л.117.

15. ГАИО, ф.24, оп.3, д.46, к.41, л.89.

16. ГАЗК, ф.31, оп.1, д.2818а, лл.377-408.

17. Там же.

18. ГАЗК, ф.1(п), оп.1, д.96, лл.46,49.

19. К. Ferlej-Bielańska. Указ. соч., с. 120-122.

20. Обручев ошибочно называет Кароли австрийцем и слегка искажает фамилию. На левом глазу у Андреоли было бельмо.

21. «О, у меня железное здоровье!» (франц.)
22. В. А. Обручев. Указ. соч., с. 575-576.
23. «Национальное мнение»
24. В. А. Обручев. Указ. соч., с.576.
25. РГИА, ф.1286, оп.25, д.1548, л.10.
26. РГИА, ф.1286, оп.25, д.1548, л.5.
27. L. J. Zielonka. Указ. соч., с.117.
28. K. Ferlej-Bielńska. Указ. соч., с.122.
29. ГАИО, ф.24, оп.3, д.41, к.40, т.1, лл.11,25,28,31,32; Там же, д.29, к.1763, л.74; ГАЧО, ф.1(о), оп.1, д.625, лл.18, 52, 121.
30. K. Ferlej-Bielńska. Указ. соч., с.127.
31. K. Ferlej-Bielńska. Указ. соч., с.186.
32. Л. С. Клер, Б. С. Шостакович. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1864-1874) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в.- февраль 1917 г.), Вып. 10, Иркутск, 1987, с.101.
33. ГАИО, ф.24, оп.3, д.8, к.1758, л.52.
34. А. В. Волочаева. Численность и состав преступников Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX в. // Сибирская ссылка, вып. 5 (17), Иркутск, 2007 г., с. 338.
35. ГАИО, ф.24, оп.3, д.8, к.1758, л.64.
36. ГАИО, ф.24, оп.3, д.5, к.1758, лл.75-79.
37. ГАЧО, ф.1(п), оп.1, д.113, л.21.
38. ГАЧО, ф.1(п), оп.1, д.111, л.259.
39. ГАЧО, ф.1(о), оп.1, д.627, л.4.
40. ГАЧО, ф.1(п), оп.2, д.47, л. 2.
41. ГАЧО, ф.31, оп.1, д.3372, лл.41, 49.
42. ГАИО, ф.24, оп.3, д.5, к.1758, лл.80-82.
43. ГАИО, ф.24, оп.3, д.5, к.1758, лл.101-102.
44. ГАРФ, ф.29, оп.6, д.11, лл. 45(а) -45(б).
45. ГАРФ, ф.29, оп.6, д.4, л. 113.
46. ГАРФ, ф.29, оп.6, д.11, л. 92.
47. ГАРФ, ф.29, оп.6, д.1, л. 300.
48. K. Ferlej-Bielńska. Указ. соч., с.115.
49. L. J. Zielonka. Указ. соч., с.118.
50. K. Ferlej-Bielńska. Указ. соч., с.70.
51. ГАИО, ф.24, оп. 3, д.29, к.1763, л.81.
52. Збиевский Франчишек.
53. Б. Г. Кубалов, Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов и гарибальдицы на кадинской каторге // Сибирские огни, 1959, №6, с.143.
54. L. J. Zielonka. Указ. соч., с.119.
55. ГРАФ, ф.29, оп.6, д.1, л. 397.

56. ГАИО, ф.24, оп.3, д.123, к.44, лл.3-4.
57. L. J. Zielonka. Указ. соч., с.119.
58. ГАИО, ф24, оп.3, д.123, к.44, л.8.
59. ГАИО, ф24, оп.3, д.123, к.44, лл.18-19.
60. ГАЧО, ф.1(п), оп.2, д.52, л. 235.
61. ГАЧО, ф.31, оп.1, д.3372, лл.472, 490, 491, 497, 499; Там же, д. 3404, л.493; сроки перевода в отряд исправляющихся Ш. Ришара и Л.-А. Дие не установлены.
62. ГАЗК, ф.28, оп.3, д.6, л.51.
63. Dубow-ski Benedykt. Pamietnik dra... od roku 1862 poczawszy do roku 1878, Lwów, 1930, s.267-268.
64. Le Temps, №2089, 27 janvier 1867.
65. Шимон Токаржевский. Тернистым путем // Шимон Токаржевский. Сибирское лихолетье, Кемерово, Кузбассвузиздат, 2007, с.712.

УДК 343.813 (571.55) (091)

Е.В. Иванова

Побеги уголовных ссыльнокаторжных Нерчинского горного округа и Петровского железоделательного завода (30–40-е гг. XIX в.)

Настоящая статья посвящена анализу статистики побегов уголовных каторжан Нерчинского горного округа в 1830–1840-х гг. На основании данных Государственного архива Забайкальского края автор дает количественные показатели этого явления.

Ключевые слова: уголовная каторга, побеги, Нерчинский горный округ, статистика.

E.V. Ivanova

Runaways criminal sсыльнокаторжных Nerchinsk mountain district and Petrovsky железоделательного factory (30–40th XIX century)

The present article is devoted the analysis of statistics of runaways criminal каторжан Nerchinsk mountain district in 1830-1840th On the basis of the data of the State archive of Transbaikalian edge the author gives quantity indicators of this phenomenon.

Keywords: criminal penal servitude, runaways, Nerchinsk mountain district, the statistican.

Изучение ссылки в Сибирь в первой половине XIX в. является одной из актуальных и малоисследованных тем в исторических исследованиях. В рамках данной статьи затронут один из аспектов, неизменно присутствующий на протяжении всей истории ссылки в Сибирь – бегство приговоренных к каторге с места заключения. Осветить данный вопрос по отношению к Нерчинскому горному округу и Петровскому железодельному заводу позволяют архивные документы Государственного архива Забайкальского края.

К 1840 г. в Нерчинском горном округе действовало 6 сереброплавильных заводов (Нерчинский, Дучарский, Кутомарский, Газимурский, Александровский, Шилкинский) и 10 рудников, обеспечивавших заводы рудой (Воздвиженский, Благодатский, Зерентуйский, Кадаинский, Кличкинский, Алгачинский, Газимурвоскресенский, Култоминский, Шилкинский, Газимурский). [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 2. Д. 85. Л. 45 об.] В ведомостях о ссыльных Нерчинского горного округа отдельной строкой включена информация о ссыльных Петровского железодельного завода, который не входил в состав округа.

Данные Государственного архива Забайкальского края дают возможность составить таблицу и проследить динамику побегов ссыльнокаторжных за 11 лет, с 1830 по 1840 год. Следует заметить, что это те беглые, которых не удалось поймать¹.

Таблица 1.

	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840
	Бежало/об.кол-во	Бежало/об.кол-во	Бежало/об.кол-во	Бежало/об.кол-во	Бежало/об.кол-во	Бежало/об.кол-во	Бежало/об.кол-во	Бежало/об.кол-во	Бежало/об.кол-во	Бежало/об.кол-во	Бежало/об.кол-во
Заводы											
Нерчинский		2/2	1/3	4/7	10/17	6/23	1/24	23/47	15/62	13/74	30/104
Дучарский		8/8	4/12	4/16	0/16	3/19	6/25	24/49	30/79	9/88	16/104
Кутомарский	5/5	7/12	7/25	17/42	10/52	10/62	6/68	14/82	40/122	26/148	2/150
Газимурский										9/9	16/25
Александровский						/19				/80	/75
Шилкинский	3/3	1/4	3/7	5/12	4/16	4/20	11/31	22/53	15/68	13/80	20/94

Рудники												
Воздвиженский*			4/4	1/5	3/8	3/11	4/15	8/23	7/30	1/31	17/48	
Благодатский	5/5	2/7	1/8	1/9	0/9	2/11	1/12	12/24	29/53	11/64	15/79	
Зерентуйский										/94	/110	
Кадаинский										/68	/95	
Кличкинский	4/4	0/4	6/10	1/11	1/12	9/21	5/26	8/34	23/57	0/57	8/65	
Алгачинский		4/4	3/7	0/7	4/11	5/16	2/18	0/18	1/19	16/35	3/38	
Газимуровск- ресенский**	1/2	10/12	4/17	10/27	13/ 40	12/ 52	39/91	1/92	7/99	48/146	/121	
Култумин- ский		2/2					1/3		1/4	0/4	1/5	
Шилкинский										/2	/1	
Газимурский										/4	/5	
Итого по Нерчинскому горному округу	18/19	29/55	27/97	45/152	45/187	54/260	76/317	137/427	171/601	375/1086	141/1201	
Петровский железодел. завод	43/43	33/76	52/138	56/194	20/214	7/221	43/264	47/311	35/346	55/391	50/441	
итого	61/62	62/131	79/235	101/346	65/401	61/481	119/581	184/738	106/997	430/1477	191/1642	

* В ведомости Воздвиженского рудника указаны имена 85 беглых каторжан без года побега.

** В ведомости по Газимуровскресенскому руднику указан один беглый с 1828 г.

Приведенные данные позволяют сделать некоторые обобщения. В указанный период с Нерчинских заводов и рудников бежало около 1200 человек, с Петровского железоделательного завода – около 400 человек. Общая цифра – около 1600 человек.

К сожалению, обнаруженные к настоящему времени данные о количестве пойманных беглых каторжан относятся лишь к периоду от декабря 1839 до декабря 1840 гг.²

Таблица 2

	Бежало		Поймано		Вернулся добровольно	
	С заводов и рудников Нерчинского горного округа	С Петровского желез. завода	С заводов и рудников Нерчинского горного округа	С Петровского желез. завода	С заводов и рудников Нерчинского горного округа	С Петровского желез. завода
Декабрь 1839г.	8	3	7	1	5	0
Январь 1840 г.	17	0	17	3	1	0

Февраль 1840 г.	14	3	16	6	0	0
Март 1840 г.	17	0	15	0	4	0
Апрель 1840 г.	194	11	17	0	4	0
Май 1840 г.	111	9	59	6	10	
Июнь 1840 г.	56	1	45	1	10	0
Июль 1840 г.	43	14	33	0	3	0
Август 1840 г.	51	9	13	3	7	0
Сентябрь 1840 г.	58	25	24	5	3	0
Октябрь 1840 г.	40	7	25	11	1	0
Ноябрь 1840 г.	18	0	13	3	0	0
Декабрь 1840 г.	8	-	14	-	4	-
итого	635	82	298	39	52	0
всего	717*		389*		52*	

* Подсчитано автором

За один 1840 год с заводов и рудников Нерчинского горного округа и Петровского железодельного завода бежало 717 человек. Из них было поймано 389 человек, что составляет 46 %. Добровольно вернулось на каторгу 52 человека – 7 %. Из этого количества нет ни одного человека, вернувшегося в Петровский железодельный завод. Причины этого еще предстоит выяснить.

Данные о соотношении общего количества ссыльнокаторжных с количеством бежавших и не пойманных на сегодняшний момент доступны также лишь за 1839 и 1840 г.³

Таблица 3

	Нерчинский горный округ			Нерчинский горный округ и Петровский железодельный завод		
	Общее кол-во ссыльных	Кол-во бежавших и не пойманных	% беглых к общему кол-ву	Общее кол-во ссыльных	Кол-во бежавших и не пойманных	% беглых к общему кол-ву
К декабрю 1839	2890	1091	37	3177	1482	46,6%
К декабрю 1840	2340	1194	51	2681*	1630*	60,8% *

* Данные за ноябрь 1940 г.

Общее количество ссыльных на заводах и рудниках Нерчинского горного округа и Петровского железоделательного завода к ноябрю 1840 года составляло 2681 человек. К этому же моменту в бегах находилось 1630 человек, что составило 60,8 % от общего количества.

Представленные архивные данные позволили установить, что к 1841 году на территории Нерчинского горного округа находилось свыше 1600 беглых ссыльнокаторжных. Несомненно, что такое большое количество беглых преступников представляло угрозу местному населению, создавало криминогенную обстановку. Беглые ссыльные, чтобы выжить, совершали новые преступления. Усилия местных властей, как по пресечению побегов, так и по поимке беглых каторжан, были неэффективны. Возможно, причиной являлось недостаточное количество лиц, охраняющих ссыльных. Трудности поимки беглых преступников можно объяснить также обширностью и малозаселенностью территории Нерчинского горного округа.

Примечания

1. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 2. Д. 85. Л. 45-769.
2. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 2. Д. 85. Л. 45, 769.
3. Там же.

УДК 343.813 (571.55) (091)

З.В. Мошкина

Учреждение жандармского надзора на Нерчинской политической каторге

В публикации представлены документальные свидетельства учреждения жандармского надзора на Нерчинской политической каторге с целью ужесточения режима содержания политических заключенных.

Ключевые слова: политические каторжане, ужесточение режима содержания, губернское жандармское управление.

Establishment of gendarme supervision On Nerchinsk political penal servitude

Documentary certificates of establishment of gendarme supervision are presented to publications on Nerchinsk political penal servitude for the purpose of toughening of a mode of the maintenance of political prisoners.

Keywords: political каторжане, toughening of a mode of the maintenance, provincial gendarme management.

Во второй половине XIX в. Нерчинская каторга по-прежнему оставалась местом содержания уголовно преследуемых участников радикального общественно-политического движения России, деятельность которых квалифицировалась как государственное преступление, то есть как самое опасное. Основной нормативно-правовой базой функционирования крупнейшей в России Нерчинской каторги являлся Устав Учреждений и Уставов о ссыльных. Однако содержание этих заключённых осуществлялось с отступлениями от него, то есть в условиях особого режима и особого надзора. Политкаторжан держали в помещениях отдельно от уголовных заключённых, а надзор поручался особым учреждениям. Официальная власть таким способом выделяла политкаторжан в особую группу заключённых и отступала от действовавшей в стране обще-уголовной нормативно-правовой базы исполнения наказания. Впервые такую систему надзора на Нерчинской каторге применили к декабристам, затем к политкаторжанам 60-х годов. В следующий раз установление особого режима и надзора было предпринято правительством в конце 70-х годов XIX века.

В тот период в Российской империи значительно обострилась политическая обстановка. Народническое движение вступило в новый этап своей борьбы. Началась полоса террора, остановить который правительство попыталось усилением репрессий, которые в первую очередь обрушились на тех, кто уже находился в местах заключения, в том числе и на Нерчинской каторге. Здесь предпринимаются действия по ужесточению режима содержания и надзора за его исполнением. Эти, ставшие уже тра-

диционными, меры сопровождалась отступлением от Устава о ссыльных.

В ноябре 1877 года военный губернатор Забайкальской области, обеспокоенный увеличением на Нерчинской каторге количества государственных преступников, на запрос об уточнении условий их содержания из Главного управления Восточной Сибири получил следующее секретное предписание.

Главное Управление
Восточной Сибири
отделение 1, стол 3
ноябрь 3, 1877 г. Иркутск

Секретно
Господину исправляющему
должность военного
губернатора Забайкальской
области.

«Вследствие представления вашего превосходительства от 7 минувшего октября за № 6109 с примечанием донесения заведующего Нерчинскими ссыльнокаторжными, по предмету размещения вновь назначенных в каторжные работы на Карийские золотые промыслы государственных преступников и о прочих, я вышел вместе с сим в сношения с Генерал – Губернатором Восточной Сибири, прося его распорядиться по возбужденным Вами вопросам.

Сообщая об этом, покорнейше прошу Ваше Превосходительство, впредь до получения ответа Генерал-адъютанта Барона Фридерикса распорядиться, чтобы упомянутые государственные преступники содержались на гауптвахте Нижнее-Карийского промысла, к приспособлению которой для помещения их уже Вам представлено, с тем, однако ж, чтобы преступники, насколько представляется возможным, были размещены каждый отдельно. Что касается задолжения преступников в работы, то, применяясь к высочайше утверждённой в 1826 году инструкции коменданту на Нерчинских заводах, назначить их в работы наравне с другими каторжными, но преимущественно с такими, которые будут признаваться самыми благонадёжными в нравственных качествах, при усиленном конвое, а в отношении наложения на них взысканий за маловажные проступки, применять к ним общий закон об обыкновенных ссыльнокаторжных.

Председатель в Совете генерал-лейтенант Шелашников [1].

Несколько месяцев спустя военному губернатору Забайкальской области поступило ещё одно секретное распоряжение, даю-

щее рекомендации по поводу содержания политкаторжан на Каре.

Главное Управление
Восточной Сибири
отделение 1, стол 3
января 12 дня, 1878
№ 50, г. Иркутск

Секретно
Господину исправляющему
должность военного
губернатора Забайкальской
области.

«Впоследствии предложения от 3 и 24 ноября минувшего года за № 1143 и 1237, препровождая при сём копию с полученного мною ныне отзыва г. генерал-губернатора Восточной Сибири от 28 того же ноября за № 171, по предмету содержания государственных преступников, отправленных в 1877 году на Карийские золотые промыслы, покорнейше прошу ваше превосходительство сделать распоряжение о размещении сказанных преступников согласно требования генерал-адъютанта барона Фридерикса, то есть отдельно, по разным тюрьмам Карийских промыслов, не допуская содержания их даже по два в одном помещении, с употреблением в работы и о последующем уведомить».

Председательствующий в Совете генерал-лейтенант Шелашников [2].

Как видно, местная администрация была обеспокоена нарастающим в стране противостоянием политических сил, но в первую очередь, она была озадачена проблемой содержания в местах ссылки главных противников самодержавия. Поэтому непосредственные исполнители режима наказания этой категории заключённых запрашивали для подстраховки у выше стоящей местной администрации об уточнении существенных его деталей, а та, в свою очередь, обращалась за разъяснениями в вышние и центральные органы, мнение которых являлось фактическим правовым ориентиром в осуществлении исполнения наказания. И это мнение было изложено в циркуляре Департамента полиции всем губернаторам от 23 сентября 1878 г.: «Согласно установившимся правилам в распределении для отбывания наказания осуждённых в государственных преступлениях, а также в пересылке их по назначению, соблюдается независимо от постановлений в Уставе о ссыльных и содержащихся под стражею, особый порядок – по указанию главного начальника Третьего отделения е.и.в. канцелярии» [3].

Из документа следует, что официальная власть в определении режима содержания государственных преступников исходила не из имеющегося нормативно-правового документа, Устава о ссыльных, а из собственного представления о содержании и цели наказания государственных преступников, которые, в конечном итоге, зависели не от имеющегося закона, а от воли власти. Именно поэтому для государственных преступников составлялись особые инструкции по корректировке режима содержания и по установлению над ними особого контроля со стороны общегосударственных учреждений политического надзора.

В свою очередь, Главное управление Восточной Сибири не отставало от центральных органов власти, и регулярно присылало местному каторжному начальству циркуляры с требованиями и рекомендациями мер по усилению надзора за находящимися в крае политкаторжанами. В них передавались основополагающие установки карательной политика царизма. Вот выдержка из секретного циркуляра Департамента полиции Министерства внутренних дел от 15 августа 1878 г., которая послужила основой выше изложенных инструкций ГУВС. «Политические арестанты, как по роду, так и по важности преступлений их составляют совершенно особую категорию, а потому должны быть содержимы отдельно от прочих заключённых. К этому присовокупляю, что самые помещения для арестантов означенной категории должны быть отводимы, по возможности, в таких частях тюремных зданий, которые не имели бы сообщения с общими камерами, или, по крайней мере, могли бы быть разобщены от сих последних соответствующими приспособлениями, причём, во всяком случае и во всей строгости должны быть соблюдаемы условия безопасности от побегов арестантов». Управляющий Министерства внутренних дел статс-секретарь Маков [4].

Стремление к полной изоляции государственных ссыльнокаторжных – часто повторяющееся требование в секретных предписаниях. Вот одно из них, составленное в ГУВС от 26 мая 1878 года.

Главное Управление
Восточной Сибири
отделение 1, стол 3
мая 26 1878 г.
№ 926, г. Иркутск

Секретно
Господину губернаторе
Забайкальской области.
Циркулярно

«По существующему порядку политические арестанты вообще содержатся в одиночном заключении. Правило это имеет целью устранить вредное влияние преступников означенной категории на прочих преступников, против которого в особенности необходимо принятие соответственных мер, ибо содержащиеся по страже представляются, по своей нравственной испорченности, средо наиболее доступную всяким преступным внушениям.

В виду сего, указываемые правила должны быть применяемы и к содержащимся под стражею, во время следования в места назначения, ссыльнокаторжным из государственных преступников.

Согласно полученного отзыва товарища министра внутренних дел от 10 минувшего апреля за № 27, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать распоряжение, чтобы ссыльные помянутой категории при остановках при пути следования в места назначения по Забайкальской области, были содержимы в тюрьмах отдельно от арестантов других категорий, и чтобы настоящее требование исполнялось без малейшего послабления, не оставив уведомить меня о распоряжениях ваших по сему предмету». Генерал-губернатор генерал-адъютант барон Фридерикс [5].

Корректировка режима содержания политкаторжан в конце 70-х годов XIX в. происходила не только по общим и принципиальным положениям, но и по частностям, например, касалась переписки. В инструкции ГУВС военному губернатору Забайкальской области от 14 июня 1878 года было сказано: «Что касается корреспонденции государственных преступников, сосланных в каторжные работы, то преступникам сим воспрещается вовсе писать и посылать от себя письма к кому бы то ни было, но женам их, кои будут жить вместе с ними в остроге или отдельно от острога, позволяется посылать от себя письма к родственникам и иным лицам, но эти письма должны просматриваться» [6].

Наметившаяся в конце 70-х годов тенденция усиления надзора за политзаключёнными Нерчинской каторги получила в начале нового десятилетия логическое завершение. Практическое осуществление надзора за режимом содержания было передано в ведение жандармского управления. Инициировалась эта акция Главным управлением Восточной Сибири.

В октябре 1879 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Шелашников, располагая информацией о том, что заведующий Нерчинскими ссыльнокаторжными полковник В.О. Кононович ослабил режим содержания политкаторжан, устроил на Каре проверку. Туда для сопровождения группы политкаторжанок был отправлен жандармский штабс-капитан Бурлей, который получил особое задание, обнаружить допущенные заведующим Нерчинскими ссыльнокаторжными нарушения. Следует заметить, что в действительности Кононович не позволял нарушений, он в своих действиях руководствовался Уставом о ссыльных, ну а начавшееся сверху ужесточение режима содержания политических арестантов не согласовывалось с прежней практикой правительства борьбы с инакомыслящими.

Вернувшийся из командировки жандармский офицер сообщил непосредственному начальству об обнаруженных, на его взгляд, существенных послаблениях режима содержания политзаключённых, разрешённых заведующим Нерчинскими ссыльнокаторжными полковником Кононовичем. Нарушения Бурлей усмотрел в том, что ссыльные государственные преступники по прибытии на Кару сразу же, независимо от срока приговора, освобождаются от оков. К ним в качестве прислуги приставляются уголовные заключённые. Все государственные преступники на работы не привлекаются, им не возбраняется носить собственную одежду и бельё, они пользуются для улучшения питания собственными деньгами, привезёнными из дома. Более того, все они содержатся не в тюрьме, а на вольных квартирах, а двое из них – Чарушин и Синегуб – даже занимаются обучением приютских детей и получают за это жалованье. И далее штабс-капитан высказал свое предложение, мотивируя его тем, что на Кару ожидается наплыв политических преступников. «А там допускаются неоправданные отступления от указанных в законах и преподанных Главным местным начальством правил, необходимо для исключительного наблюдения за этими преступниками учредить на промыслах жандармский пункт в составе одного офицера и не менее 16 унтер-офицеров» [7].

Действительно, несостоявшаяся практика сосредоточения в центральных каторжных тюрьмах приговорённых к каторжным работам государственных преступников, заставила власть вернуться к ссылке их на Нерчинскую каторгу.

Удивительным образом мнение Бурлея совпало с настроением главного местного начальства, как ГУВС, так и военного губернатора Забайкальской области. По утверждению проверяющего, эта власть, так усердно добивающаяся исполнения на каторге законного режима содержания, добиться своего не смогла, так как все эти усилия сводились к нулю неисполнительным Кононовичем. Естественно, вся эта информация была доведена до сведения в МВД. От Кононовича потребовали объяснений. В мае 1880 года он ответил, что в своих действиях руководствовался Уставом о ссыльных, который не запрещает применять к политкаторжанам ряд льгот [8].

В процессе переписки, между ГУВС и Кононовичем, обнаружился ряд несоответствий между нормами Устава о ссыльных и содержанием ряда секретных циркуляров, исходящих от МВД, Третьего отделения е.и.в. канцелярии, ГУВС, Иркутского губернского жандармского управления и других административных ведомств. Несовпадения эти явились результатом всей предшествующей не до конца последовательной и согласованной политики по регламентации режима содержания государственных преступников, стремлением администрации вывести государственных преступников, как преступников особого рода, из общеправовой системы исполнения наказания. Об этих недостатках говорил в своём ответе Кононович. Однако его мнение не было учтено. Более того, его резко отрицательное отношение к предложению об учреждении на Каре жандармского пункта, возможно, послужило причиной перевода Кононовича на новое место службы. Кононович, посчитав для себя необходимым высказать своё мнение начальству, настаивал на сохранении системы единого управления Нерчинскими ссыльнокаторжными. «Учреждение же жандармского поста существенно нарушает такое единство, дело будет по-прежнему всею тяжестью ответственности лежать на Управлении, и я затрудняюсь понять для какой надобности потребовалось бы назначение жандармского надзора» [9].

Предложение о передаче жандармским учреждениям надзора за содержанием государственных преступников на каторге с большой заинтересованностью поддержали в Третьем отделении. Этот институт власти намеревался учредить абсолютный контроль на политической каторге. Хотя функция общего надзора за исполнением наказания на каторге официально возлага-

лась на полицмейстера Карийских золотых промыслов [10]. Но и Третье отделение не отступало и в Иркутское губернское жандармское управление переслало следующее предписание: «Необходимо доставить в Третье отделение е. и. в. канцелярии в самом непродолжительном времени списки тех лиц, прикосновенных к политическим делам, которые находятся ныне под стражей, как осужденных, так и подвергнутых предварительному заключению в пределах вверенного вам района. В этих списках должны быть показаны имена, отчества, фамилии, звание, и с какого времени содержатся. Такие списки должны быть предоставлены в Третье отделение к первому числу каждого месяца» [11].

Усилиями учреждения политической полиции с 1880 года на Каре стал действовать жандармский пункт. Сюда был командирован из Иркутского губернского жандармского управления жандармский офицер, который получил право следить за действиями тюремной администрации и выявлять отклонения от режима. Обо всех нарушениях он обязан был сообщать военному губернатору Забайкальской области и начальнику Иркутского губернского жандармского управления. Ему в помощь в качестве надзирателей политической тюрьмы направлялись 8 жандармов нижних чинов. Первоначально жандармский офицер только следил за заведующим нерчинскими ссыльнокаторжными, который пока продолжал осуществлять делопроизводство, хранил и вносил изменения в личные дела заключённых, обеспечивал снабжение продовольствием, одеждой, дровами, занимался ремонтом тюрьмы, командовал караульной командой, контролировал внутренний распорядок тюрьмы. Также в поле зрения жандармского офицера находился и смотритель политической тюрьмы [12]. Таким образом, официальная власть посчитала для себя необходимым особо бдительно следить не за всеми заключёнными каторги, а исключительно за государственными преступниками. Несколько позднее роль и предназначение жандармов на Каре была изменена.

Весной 1882 г. из Карийской тюрьмы совершили побег 8 политкаторжан. После их поимки всех государственных преступников, содержащихся на каторге, передали в полное ведение жандармов. На Каре 12 мая 1883 г. Высочайшим повелением была учреждена штатная должность помощника начальника Иркутского ГЖУ, а ему в помощь 20 унтер-офицеров [13]. Фак-

тическая передача государственных преступников в ведение корпуса жандармов состоялась за год до высочайшего повеления. По распоряжению военного губернатора Забайкальской области от 29 мая 1882 г. все Нерчинские ссыльнокаторжные государственные преступники передавались в ведение майора корпуса жандармов Халтурина. Передача 124-х заключённых состоялась 11 июня 1882 г. [14].

Между жандармским офицером и заведующим Нерчинскими ссыльнокаторжными было проведено разграничение полномочий. Каждый из них получил отдельную инструкцию, сначала утверждённую генерал-губернатором Восточной Сибири, а затем и наверху. О полномочиях жандармского офицера в инструкции было сказано: штаб-офицер заведует всеми ссыльнокаторжными государственными преступниками на Каре, мужчинами и женщинами. Он же есть и комендант политической тюрьмы, подчиняется прямо губернатору. Ему подчиняются смотритель политической тюрьмы и надзиратели и все смотрители и надзиратели, где содержатся политические преступники. В своей служебной деятельности жандармский офицер обязан был руководствоваться Уставом о ссыльных, имеющимися в его распоряжении особыми секретными инструкциями, а также последней инструкцией генерал-губернатора Восточной Сибири от 12 мая 1882 г., которая давалась заведующему Нерчинскими ссыльнокаторжными. Тот же, в свою очередь, не отстранялся совсем от исполнения своих полномочий по отношению к государственным преступникам [15]. Таким образом, сложилось многоярусное нагромождение над политической каторгой органов исполнения наказания и учреждений, надзирающих за ними.

За жандармским офицером и заведующим Нерчинскими ссыльнокаторжными в инструкциях закреплялись конкретные дела. Вот несколько примеров. Жандармский офицер наблюдает за тем, чтобы положенные от казны средства на содержание политкаторжан отчислялись тюремным ведомством регулярно и в установленных размерах. На него возлагалась ответственность за расходование денег, принадлежащих заключённым, он же дает разрешение на расходование этих денег и хранит их в общей тюремной кассе. Вместе с заведующим Нерчинскими ссыльнокаторжными и командиром караульного батальона осматривает получаемые с почты посылки, прочитывает письма

заключённых. Не менее одного раза в неделю он обязан посещать заключённых в тюрьме, о чём ведёт запись в специальном журнале. Один раз в месяц он организует обыски лично заключённых и их камеры.

Под особым его контролем находилась караульная служба. Он следил за точным исполнением охранной службы, а команда, несущая караул политкаторжан вместе с командиром, подчинена жандармскому офицеру.

Установлена была и подотчётность жандарму заведующего Нерчинскими ссыльнокаторжными, который «в случае надобности по первому требованию жандармского офицера обязан оказывать ему полное содействие всеми имеющимися в их распоряжении силами» [16].

Для второго лица, обеспечивавшего исполнение наказания государственных преступников, для заведующего Нерчинскими ссыльнокаторжными на Каре была составлена особая инструкция. В ней заведующий обязан был обеспечивать порядок содержания непосредственно в тюремных помещениях, то есть следить, чтобы камеры находились под замками, на прогулки заключённых выводить по камерам, по нужде выпускать во двор днём по одиночке, на ночь ставить в тюрьме «параши». Следить за тем, чтобы заключённые сами убирали эти бачки во двор вне прогулочного времени.

Далее, на заведующего возлагалась ответственность следить за тем, чтобы все арестанты носили только казённую одежду. Заключённые разряда испытуемых заковывались в кандалы, а приговорённые к приковыванию к рабочей тачке, действительно приковывались к таковой. В инструкции требовалось, чтобы заведующий строго контролировал наличие собственных вещей, но допускаемых по правилам. А запрещенные предметы и личные вещи в обязательном порядке подвергались изъятию. Раз в месяц всем заключённым под надзором заведующего брили половину головы.

Организация пищевого довольствия государственных преступников также вменялась в обязанности заведующего Нерчинскими ссыльнокаторжными. Он обеспечивал порядок общения заключённых с родственниками, проживающими рядом с политической тюрьмой, организацию письменных занятий, чтение разрешённых книг. Оговаривались в инструкции и правила посе-

щения заведующим каторгой политической тюрьмы. Совершать это он должен был не реже одного раза в месяц. Смотритель тюрьмы или надзиратель вместе с начальником караула обязаны были присутствовать во время утренней и вечерней поверке, и не менее двух раз в неделю проводить в тюрьме обыски.

Собственные деньги заключённые расходовали также под контролем заведующего ссыльнокаторжными. И весь остальной внутренний уклад тюрьмы был его заботой [17].

Содержание этих инструкций подтверждает сомнение Коновича В.О. в целесообразности создания двойного надзора за исполнением наказания государственных преступников. Это приводило к межведомственной конкуренции, неразберихе в нормативно-правовой базе и несогласованности в практике её применения.

Примечания

1. ГАЗК, ф. 1 пол. отдел, оп. 1, д. 1180, л. 12-13.
2. ГАЗК, ф. 1 пол. отдел, оп. 1, д. 1180, л. 24-25.
3. ГАРФ, ф. 109, 3 эксп., 1874 г., д. 144, ч. 21, т. 3, л. 24.
4. ГАРФ, ф. 122, оп. 1, ч. 1, д. 61, л. 70.
5. ГАЗК, ф. 1 полит. отдел, оп. 1, д. 1180, лл. 56-57.
6. ГАЗК, 1 пол. отдел, оп. 1, д. 407, лл. 1-3.
7. ГАЗК, ф. 1 пол. отдел, оп. 2, д. 212, л. 3 об.
8. ГАРФ, ф. 122, оп. 1, ч. 1, д. 198, лл. 14-20.
9. ГАРФ, ф. 533, оп. 1, д. 732, л. 104.
10. РГИА, ф. 1152, оп. 8, 1874 г., д. 132, л. 4 об.
11. ГАРФ, ф. 109, 1979 г., 3 эксп., д. 198, ч. 1, л. 1.
12. ГАРФ, ф. 533, оп. 1, д. 732, лл. 71-73.
13. ГАРФ, ф. 102, 2 делопроизв., оп. 40, д. 436, л. 36 об.
14. ГАЗК, ф. 1 пол. отдел, оп. 1, д. 526, л. 6.
15. ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 408, л. 8.
16. ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 408, л. 8-10.
17. ГАРФ, ф. 29, оп. 1, д. 408, л. 3-5 об.

УДК 94.(57)

Л.Б. Романюк

Организация труда ссылнокааторжных Нерчинского горного округа

Статья раскрывает особенности организации труда арестантов Нерчинской каторги в конце XIX–начале XX века. Показаны причины ненадлежащего выполнения циркуляров Главного тюремного управления в данном вопросе. Автор описывает виды трудовой деятельности ссылнокааторжных Нерчинского горного округа.

Ключевые слова: Ссылка в каторжные работы, Главное тюремное управление, правовое регулирование каторжных работ, наружные и внутренние работы.

L.B. Romanjuk

The organization of the exile convicts' work at the Nerchinsk mountain district

The clause shows the features of the organization of the prisoners' work in Nerchinsk penal servitude at the end of the XIX–the beginning of the XX century. The reasons of the inadequate performance of circulars of the Main Prison management are shown in the given question. The author describes the kinds of the labour activity of the exile convicts of Nerchinsk mountain district.

Key terms: The exile to the penal servitude, the Main Prison Management, the law regulation of the penal servitude, the external and internal works.

В середине XIX в., накануне проведения тюремной реформы, в российском обществе все чаще стали обсуждать сибирскую каторгу и ссылку. Многие специалисты тюремоведения и профессиональные юристы выработали свое мнение по поводу природы, пределов и характера осуществления уголовного наказания, в частности, говорилось о необходимости отмены такого вида наказания, как ссылка в каторжные работы. Одним из аргументов данной позиции был вопрос о том, что тяжелый подневольный труд, как основа этого вида наказания, в действительности пло-

хо организован, либо отсутствует вовсе. В целом, организация принудительного труда арестантов каторжных тюрем оставляла желать лучшего, о чем свидетельствовали инспекционные проверки чиновников Главного тюремного управления. Галкин-Брасский, посещая места организации работ в ходе своей поездки по Сибири и на о. Сахалин в 1882 г., отмечал, прежде всего золотые прииски Кабинета его императорского величества. Так, например, он писал: «Для труда ссыльных предоставлялись золотые прииски, но труд здесь деморализовал ссыльных...», что «работа на золотых промыслах не дает оседлости и затрудняет надзор». Статский советник указывал на неблагоприятные условия содержания каторжан в местах добычи золота, в частности, отмечалось отсутствие на приисках богаделен и церквей, везде тайная продажа вина, а практика выдачи продуктов в долг закабаляла рабочих, так как их продавали в три раза дороже. «Отсутствие занятий и неспособность организации работ приводит ко всякого рода негативным последствиям», – вот главные выводы Галкина-Брасского, который в итоге рекомендовал расширение каторжных работ, организацию больниц и богаделен¹.

Обязательность и тяжесть труда была законодательно закреплена за каторжниками еще в XVIII в. В XIX в. законодательно было закреплено, что физический труд каторжных должен соответствовать тяжести работ, установленных судом. Использование каторжных на работах предполагалось в соответствии с разделением их на разряды. Однако, на протяжении XIX в., все чаще звучит мысль о том, что труд в системе учреждений исполнения наказаний должен выполнять роль нравственного совершенствования осужденных.

Нормативно-правовой основой организации каторжных работ в конце XIX в. являлись статьи Устава о содержащихся под стражей, Устава о ссыльных и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных – общеимперских законодательных актов. В частности, Уложение о наказаниях (1845) регулировало вопросы организации работ, распределяя ссыльнокаторжных на разряды, определяя работы рудничные, крепостные и заводские. В 1885 г. высочайше утвержденным мнением Государственного Совета распределение каторжных на рудничные, крепостные и заводские было отменено, но распределение каторжных на разряды (1–3) сохранилось. В Уставе о ссыльных 1890 г. разряды преступни-

ков были связаны со сроком каторжных работ, а не с их видом. Вопросы регламентации оплаты труда каторжан регламентировались Уставом о содержащихся под стражей, где в ст. 359-й говорилось о делении всех заработанных денег арестантами на 3 доли, причитающиеся: а) в доход казне; б) в доход тюрьме; в) в собственность арестантам (п. 4-й Устава о содержащихся под стражей)². Важным документом является изданный в 1869 г. высочайше утвержденное положение Комитета об устройстве каторжных работ «По вопросу о будущей организации каторжных работ и временном распределении каторжных»³. Этот документ являлся законодательным актом общего характера. Многие же вопросы организации каторжных работ уточнялись в инструкциях – особых нормативно-правовых актах подзаконного характера. Однако в царской России деления законодательных источников на законы и подзаконные нормативно-правовые акты отсутствовало. Поэтому инструкции – уточняющего характера документы, где достаточно подробно прописывались конкретные указания лицам администрации и надзора системы исполнения наказаний о том, как себя вести в той или иной ситуации. Среди инструкций, определяющих порядок привлечения ссылнокаторжных к работам, особенно выделяются инструкция «О порядке производства ссылнокаторжными работ на золотых промыслах Нерчинского округа, принадлежащих Кабинету его императорского величества». В инструкции устанавливался принцип взаимной ответственности управления Нерчинской каторги и промыслового начальства. Управление каторги обязывалось четко соблюдать требования промысловых управлений к отправляемым на работы арестантам⁴.

Вопросы каторги и ссылки были в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири, который непосредственно был ответственен перед управляющим III отделением е.и.в. канцелярией, а через него – перед императором. С 1880 г. III отделение становится Департаментом государственной полиции в ведомстве МВД. С 4 марта 1869 г. каторга и ссылка в Забайкальской области находится в ведении военного губернатора и областного правления, которые напрямую подчинялись генерал-губернатору. Функции военного губернатора по руководству каторгой включали в себя кроме надзора за деятельностью администрации каторги еще и соблюдение законодательства и административных актов о ка-

торжных работах. Следовательно, военный губернатор обязан был запрашивать информацию у заведующего Нерчинской каторгой об организации работ в учреждениях исполнения наказания. Он контролировал и вопросы организации труда каторжан. Поэтому, на имя военного губернатора все чаще отправляются циркуляры, где даются указания на предстоящие нововведения в организации труда каторжан.

Так, мнение Главного тюремного управления по вопросам организации труда арестантов Нерчинской каторги было обнародовано циркуляром от 25 апреля 1909 года № 12 «О развитии арестантских работ». Данный документ напоминал начальникам тюрем и губернатору Забайкальской области о том, что «...занятие арестантов работами издавна считается и наукою, и практикой, и наиболее существенным условием целесообразного тюремного заключения...»⁵. Документ подчеркивал, что главная функция арестантского труда заключается в «...осуществлении уголовно-исправительных задач». Таким образом, в начале XX в. государство отводит приоритетную роль мерам исправления преступников. Чиновники Министерства юстиции признавали безусловное влияние труда на волю арестанта и нравственность преступника, в чем заключалась сущность перевоспитания осужденных. Надлежащая организация арестантского труда улучшала дисциплину в исправительном учреждении, так как «труд, заполняя арестантский день, придавал ему осмысленное содержание, что создавало условия для порядка и дисциплины в тюрьме»⁶.

Анализируя отчеты начальников тюрем⁷, можно встретить документы под названием «Сведения о числе дней, проведенных ссыльнокаторжными по отдельным отраслям работ, производившихся в 190... года»⁸, или «Ведомости по организации работ в местах заключения каторги, о порядке устройства этих работ»⁹, где по окончании календарного периода, указывалось какое количество арестантов работало, проявляя себя в том или ином виде труда, определенном ГТУ. Анализ данных источников позволяет утверждать, что тюрьмы Нерчинской каторги к концу XIX в. занимали своих арестантов как внутренними работами, которые обеспечивали наказание внутри тюрьмы, так и наружными, когда, выйдя за пределы учреждения, каторжане работали на заводах, промыслах и рудниках.

Внутренние работы – это работы по производству и изготовлению каких-либо изделий, сбыт которых приносил доход тюрмам Нерчинской каторги. По данным на 1910 г.¹⁰, каторжане были заняты выделкой овчин, шитьем арестантской одежды и обуви, изготовлением столярных изделий, надзирательского обмундирования, постовых принадлежностей. Им даже доверяли мелкий ремонт вооружения надзирателей. Принимались заказы на шитьё обуви и одежды для частных лиц. Кузнечные работы выполнялись также по заказам. Печники выкладывали печи либо во вновь построенных зданиях Нерчинских тюрем, либо по заказам жителей забайкальских сел. Выполнялись слесарные, переплетные, жестяные, шорные, бондарные, гончарные работы¹¹. Каторжане занимались набивкой папирос, распилкой леса, ремонтом часов, золотых вещей, замков и запоров, изготовлением печатей и штампов, шили фуражки, чинили арестантскую одежду и обувь, приводили в порядок различную утварь, например «бильярд для офицерских чинов». В тюрьмах Нерчинской каторги арестанты производили: кошевки, жестяные изделия, решетки, колеса, рамы, экипажи, гробы, стульчики, двери, катанки. Изготавливали посуду для засолки капусты, деревянные ложки, ванны, выносные ведра, постовые тулупы, телеги и сани. Здесь также лудили котлы, вязали варежки, чулки. Каторжане сами устанавливали столбы и кронштейны для фонарей. В лесу собирали материалы, используемые на строительстве зданий (мох, кору, глину). Арестантам вменялось в обязанность строить бани и прачечные¹², ремонтировать тюремные здания. Маломощным, особенно женщинам, поручали тереть шерсть и прясть пряжу, заниматься очисткой пера и пересадкой цветов. Такие виды труда, как установка паротводных труб, токарных станков, устройство подпольного пространства для хранения овощей и припасов¹³ требовали мужских усилий.

По числу задействованных дней лидировали работы по шитью арестантского белья и изготовлению постовых принадлежностей (14 282 «арестанта/дней в году»). Достаточно много ссыльнокаторжных было занято на починке арестантского белья и обуви (8504 дня), а также на столярных работах (2098 дней). 610 дней в году провели арестанты на ремонте тюремных зданий. 402 дня каторжане были заняты на изготовлении разного инвентаря. На «околачивание» и навешивание дверей ушло 486 дней. Доста-

точно много – 240 дней занимались устройством пожарного оборудования¹⁴.

Таким образом, можно утверждать, что Нерчинская каторга к 1910 г. представляла комплекс различных мастерских и производств внутри тюрем, тем самым экономя государственные средства, занималась самообеспечением почти всем необходимым для функционирования учреждения. Так, по данным на 1910 г. производственным способом было заработано внутри тюрем 9294 руб. 25 коп.¹⁵

Хозяйственные работы – это второй вид работ внутри тюрьмы, определённых в отчетах начальников тюрем. Это были работы по самообслуживанию обитателей тюрем, по налаживанию тюремного быта. Они подразделялись на оплачиваемые – «платные» и неоплачиваемые – «неплатные». На работах по тюремному хозяйству были заняты рабочие кухни: «хлебопеки», «кашевары», «хлеборезы». Для обеспечения приготовления пищи требовались рабочие, «занятые на подвозе воды» с местных водоемов, и занятые «на возке и заготовлении дров». Другие арестанты были задействованы «на подноске воды в кухне и пекарне». Все каторжане находились под общим тюремным контролем со стороны тюремного начальства, но особыми помощниками у надзирателей были «камерные старосты», своеобразные «белые воротнички», пользовавшиеся доверием у начальства. Старосты назначали «дневальных» – дежурных, в обязанность которых входило обеспечение общего порядка в камере, и «коридорщиков», обеспечивающих порядок в коридорах. Были должности тех, кто непосредственно занимался обеспечением чистоты и порядка в тюрьме, осуществлял ежедневные уборки мусора, грязи и нечистот. Это так называемые «уборщики», «парашники», «дворники», «трубочисты». Кроме того, на мытьё полов при тюремных зданиях назначались отдельные арестанты. «Прачки» стирали белье. «Сторожа» и «караульщики» при зданиях и амбарах обеспечивали сохранность казенного имущества. «Плотники» и «столяры» в хозяйственных видах работ были свои, они занимались ремонтом тюремных зданий, ремонтировали деревянную мебель и другие столярные изделия. «Колёсники» справлялись с поломкой колёс у телег. В помощники им назначались арестанты, которые именовались в табели как «занятые на исправлении рабочих телег и саней» – эти каторжане, ско-

рее, мало разбирались в ремонтных работах, но могли, прилагая свои усилия поддержать, поднять, подтолкнуть, когда это было необходимо в ходе ремонтных работ. Если механизм был сложнее, то дело поручали «слесарям». Подковать лошадь мог только «кузнец». Для сооружения бочек требовались «бондары». «Бычники» и «конюхи» назначались по уходу за животными, исползуемыми внутри тюрьмы, как тягловая сила. «Пастухов» при казенной скотине назначали именно для пастьбы. Здесь тоже был тяжелый труд, заключающийся в обеспечении сохранности тюремного стада, а знойное забайкальское лето и тучи комаров и мошки превращали этот труд в пытку. «Лазаретные служители» и «прислуга при лазарете» выполняли роль санитаров, ухаживая за больными. Они обязывались выполнять любые поручения врачей. Их неквалифицированный труд был часто необходим в медицинских учреждениях при тюрьмах, где также как и в камерах, требовалось обеспечить порядок и чистоту. «Служителей при тюремной церкви» заставляли обслуживать церковную утварь, следить за надлежащей организацией отправления церковных обрядов. Тюремное хозяйство было больших размеров с множеством различных зданий и сооружений. Телефонная связь только начала появляться, а при отсутствии средств связи требовались «рассыльные». Некоторых каторжан задействовали на заготовлении мелкого леса, арники для метел и ковыля для кистей. При побелке зданий требовалось множество арестантов, обладающих этими умениями. «Табельщиков» и «писарей» держали для обеспечения учета и ведения делопроизводства в тюрьме. Они всегда были в цене, т. к. грамотных, особенно среди уголовников было небольшое количество¹⁶.

Оплачиваемым, среди всех видов работ, был труд хлебопеков, кашеваров, плотников, столяров, слесарей, кузнецов, парашников, бондарей, трубочистов, белильщиков, печников, шорников, ламповщиков, прачек, починщиков, бычников, конюхов, цирюльников, водовозов, служителей при лазарете, каменщиков, пастухов казенного скота.

Анализ всех перечисленных в документах арестантских должностей и профессий, позволяет сделать определенные выводы. В частности, можно утверждать, что наблюдается некая иерархия среди каторжан, обусловленная профессиональными навыками и определенным видом труда. Наличие у арестанта каких-ли-

бо навыков и умений, позволяло ему быть обладателем той или иной профессии и занимать определенную нишу в пространстве квалифицированного труда как внутри тюрьмы, так и за ее пределами. Так появлялись кузнецы, столяры, плотники, хлебопеки, кашевары, портные, слесари. Тот, кто не обладал профессиональными навыками, оказывался занятым на подвозе воды, на заготовлении дров¹⁷. Таких назначали уборщиками, парашниками. Камерными старостами назначали тех, кто отличился и вызвал доверие у тюремной администрации. Дневальными становились, скорее всего, все по очереди. Профессия «писаря» при тюрьме поручалась тому, кто отличался не только грамотностью, но особой аккуратностью. Наиболее грамотные арестанты могли даже учить детей в арестантском приюте¹⁸, заполнять ведомости, табели по учету работ.

В отчетных ведомостях начальника Нерчинской каторги встречаются повторения, например «столярные работы» указаны среди внутренних производственных работ и среди хозяйственных. С одной стороны, это можно признать несовершенством при производстве годовых отчетов. Представляется возможным утверждать, что эти же работы могли быть оплачиваемые и приносить доход тюрьме при продаже изделий (тогда их относили к внутренним оплачиваемым работам). Но если с помощью столярных работ была исправлена какая-либо тюремная утварь, либо отремонтировано изделие, необходимое для ведения хозяйства в тюрьме (стулья в тюремной столовой), то такого рода работы относили к хозяйственным, не приносящим доход арестанту.

Достаточное количество профессий и должностей являлись неоплачиваемыми, их в отчетах начальника каторги называют работами «хозяйственными, неплатными»¹⁹. Среди них можно перечислить труд общих камерных старост, дворников, табельщиков, коридорщиков, караульщиков и сторожей. Не оплачивалось мытье полов в тюремных зданиях, различных подносчиков, дневальных, хлеборезов, служителей при тюремных церквях, рассыльных, занятых на возке дров и воды в тюрьме, занятых на подноске воды в кухне и лазарете. Не оплачивалась работа прислуги при Зерентуйском приюте. Очистка прорубей и колодцев также становилась принудительной обязанностью арестантов. Принудительно чистили канавы и площади в населенных пунктах, заделывали ямы, исправляли дороги, производили ре-

визии припасов, материалов и вещей, копали могилы для умерших, пилили лес для нужд тюрьмы, убирали снег, топили бани и грели воду в них, стирали и чинили арестантское белье в лазаретах. Арестантов заставляли выкачивать воду из выгребных ям, чистить подполья и погреба, строить кухни и многие другие хозяйственные здания. Готовить лес, арнику, мох, ковыль тоже приходилось бесплатно. Не ждали вознаграждения за укладку и перекладку дров в поленницы, возку сена с покосов, прополку и обработку от вредителей казенных огородов, добычу льда для погребов, доставку муки в пекарни. Белить, конопатить и штукатурить тюремные здания, производить мелкий ремонт, чистить сараи и хранилища, вывозить кирпич, и даже печь белый хлеб для арестантского лазарета – было принудительным делом и не оплачиваемым трудом в тюрьмах Нерчинской каторги. Выполнение этих видов работ вменялось в обязанность арестантам. Сколько сэкономило тюремное хозяйство на этом – не известно, так как стоимость этих работ не указывалась ни в одной ведомости²⁰.

Отсутствие квалифицированных обладателей профессий – главная проблема у администрации тюрем. Так, например, отчитываясь перед вышестоящим начальством, в частности, перед военным губернатором Забайкальской области, начальник Нерчинской каторги неоднократно сообщал: «...Ничтожное количество мастеровых», так как прибывают на каторгу чаще всего «отбросы общества», и «если среди них и попадаются мастеровые – то такие негодяи, что их из одиночки выпустить нельзя...»²¹. Это подтверждают и данные А.В. Волочаевой, которая, анализируя социальный состав уголовной каторги, приводит данные по численности мастеровых. Начиная с 50-х гг. в социальном составе ссыльнокаторжных среди различных сословий было: мастеровых (к ним относятся ремесленники и работные люди) в 50-х гг. – 2%, в 60-х гг. – 2%, 70-х – 3%, в 80-х гг. – менее 1%, в 90-е гг. – от 2 до 6%. Причем, в 90-е гг. преступников, отбывающих вторичное наказание (рецидивистов) – до 40%. Таким образом, здесь находились действительно самые опасные преступники, совершившие тяжкие преступления²². Эти каторжане не умели и не хотели хорошо работать и исправляться не собирались, поэтому можно утверждать о действительно больших усилиях начальников тюрем по организации каторжных работ.

Производительный труд в такой ситуации был настоящей проблемой. А начальники тюрем совершали невероятные усилия по устройству работ и организации арестантского труда. Так как все тюрьмы Нерчинской каторги располагались вдали от крупных населенных пунктов, лишённые удобных и дешевых путей сообщения, были тем самым поставлены в крайне неблагоприятные условия для организации работ. Однако, этот фактор был и подталкивающим к организации производств, так как только с помощью дешевого труда обитателей тюрем можно было удовлетворить потребности самой каторги. Изделия мастерских тюрем Забайкалья были более дешевыми, чем покупные и привозные, что отмечали чиновники ГТУ²³, их производство было вынужденным для начальников тюрем в условиях отдаленной местности.

Судя по отчетным ведомостям, на Нерчинской каторге занимались производством сельскохозяйственной продукции в Алгачинской, Мальцевской, Акатуевской и Зерентуйской тюрьмах²⁴. В Алгачинской тюрьме существовало овчинно-шубное производство. В отчете тюремного инспектора говорилось, что Алгачинская тюрьма имеет возможность изготовлять хорошего качества полушубки и более дешевые, чем высылаемые ГТУ²⁵. В Акатуевской тюрьме арестанты были заняты на производстве золота на Акатуевском руднике и руднике купца Василия Кузьмина²⁶, который взял в аренду участок земли у Кабинета е.и.в. Необходимо отметить, что в начале XX в. наружные работы, на которых задействовались каторжане Нерчинской каторги, осуществлялись как на кабинетских промыслах, так и на промыслах частных подрядчиков – арендаторов и субарендаторов (Кореневых, Ларионовых, Миллера (концессия), Кузьмина)²⁷.

Наружными работами в 1914 г. в Акатуевской тюрьме было занято всего 5 арестантов. Основным же товаром, который приносил доход Акатуевской тюрьме, являлись теплые варяги из овечьей шерсти²⁸. Мальцевская тюрьма в 1914 г. занимала своих арестантов наружными платными работами в количестве 40 человек. Главный продукт, который здесь производился – мыло, им снабжались все тюрьмы каторги²⁹. По данным на 1909 г., в тюрьмах Нерчинской каторги были заведены книги, куда записывались заказы различных ведомств на ту или иную продукцию. Начальник Нерчинской каторги в своем докладе военному

губернатору отмечал, что в Мальцевскую тюрьму поступил заказ Восточно-Сибирского стрелкового полка на 3000 шерстяных ваят³⁰.

В Кутомарской тюрьме 20 человек были заняты производством у подрядчика на Казаковском стане³¹. В Зернуйской тюрьме на работах по данным на 1914 г. было занято 313 человек на Борзинских промыслах, на разных платных при тюрьме работах – 47 человек³². Всего по данным на 1914 год промысловые работы были организованы преимущественно в Казаковской тюрьме и во временных Новотроицкой, Юшковской тюрьмах, где работали каторжные этой тюрьмы и две команды арестантов на Нижнеборзинских промыслах. Всего занято горными работами 1323 человека, из них собственно при Казаковской тюрьме 311, в Новотроицкой – 270, в Юшковской – 429, в Лопатинском стане – 216, и в Коржихинском – 97. Работы наружные промысловые велись под военным конвоем³³. Однако, именно они приносили доход арестантам.

Официальные документы свидетельствуют о трудностях, которые испытывали заведующие тюрем в организации каторжных работ: тюрьмы были разбросаны на большие расстояния, что затрудняло поставку арестантов в места работ; ничтожное количество мастеровых среди уголовных арестантов. «Ссылно-каторжные, прибывающие на каторгу – отбросы, которых не терпят по остальным тюрьмам»; ограниченное количество частных заказов, т. к. цены на продукцию устанавливали довольно высокую; нехватка соответствующего инструмента, с помощью которого могла быть произведена продукция арестантами Нерчинской каторги; беспорядки в тюрьмах, создающие обстановку невозможности занятия трудом.

Таким образом, сравнивая организацию каторжного труда в XIX и XX вв., необходимо отметить, что труд в тюрьмах Нерчинской каторги был разнообразнее в XX в. и больше приносил доход, как тюремному начальству, так и каторжанам. Администраторам тюрем пришлось преодолеть невероятные препятствия для должной организации арестантских работ, но все же их усилия вознаграждались и были отмечены ГТУ. В начале XX в. были организованы ряд производств на основе сельскохозяйственных ферм и промышленных мастерских. Однако, каторжане уголовной каторги как в XIX, так и в XX вв. находились в

бесправном и унижительном положении, получая за свой труд мизерное вознаграждение, а порой и не имея его вовсе.

Труд арестантов расходовался без соблюдения бережливости, а порой и без действительной в том нужды, нарушая безопасность и не сохраняя здоровья арестантов. Отчетные документы составлялись так, что свидетельствовали о достаточном разнообразии видов работ, показывали достаточно большие суммы, которые сэкономило государство, принуждая арестантов заниматься самообслуживанием, тяжелым принудительным хозяйственным трудом, который совсем не оплачивался. Таким образом, можно утверждать, что система исполнения уголовного наказания в царской России видела в обязательном арестантском труде один из элементов наказания. Законодательные нормы, устанавливавшие в обязанность начальников тюрем соблюдение соотношения фактических работ и тяжесть труда арестантов, определенную судами, не соблюдалось.

Примечания

1. Галкин-Врасский М.Н. Записки начальника ГТУ, тайного советника Галкина-Врасского по командировке его в Сибирь и на о. Сахалин в 1881–1882 гг. // Восточное обозрение. 1882. С. 2.

2. ГАЗК, ф. 1 (т.о.), оп. 1, ед. хр. 205, л. 45.

3. 2 ПСЗ.-СПб., 1873. Т. 44 за 1869 год. Отд. 1. № 46984; Волочаева А.В. Численность и состав преступников Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX века // Сибирская ссылка: Сб. науч. статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2009. Вып. 5 (17). С. 338.

4. Березина О.Б. «Нерчинская каторга в системе пенитенциарных учреждений России в конце XVIII-начале XX вв. [текст]: [монография] /О.Б.Березина. Чита, 2008. С. 108-109.

5 ГАЗК, ф. 1 (т.о.), оп. 1, ед. хр. 205, л. 33.

6. ГАЗК ф. 1 (т.о.), оп. 1, ед. хр. 205, л. 32.

7. ГАЗК, ф. 1 (т.о.), оп. 1, ед. хр. 341, л. 14-16.

8. ГАЗК, ф. 1, Оп. 2, ед. хр. 2210.

9. ГАЗК, ф. 1, оп. 4. ед. хр. 34, л. 20, л. 3; Ф. 1 (т. о.), оп. 1, ед. хр. 341, л. 13-16.

10. Там же, л. 13об-16.

11. Там же, л. 14.

12. Там же, л. 14 об.

13. Там же, л. 14 об.

14. ГАЗК, ф. 1 (т.о.), оп. 1, ед. хр. 341, л. 13-16.

15. ГАЗК, ф. 1 (т.о.), ед. хр. 341, л. 14 об.

16. ГА ЗК, ф. 1, оп. 4 (т.), ед. хр. 234, л. 30. Рапорт начальника Нерчинской каторги; Ведомости о ходе работ сыльнокаторжных в местах заключения Нерчинской каторги и о вырученных от работ деньгах.

17. ГАЗК, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 2210, л. 1-1 об.; Там же, л. 8-8 об.

18. Бодяк М.Г. История строительства Зерентуйской каторжной тюрьмы и судьба здания //Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Вып. 2 (14). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2003. С. 205.

19. ГАЗК, ф. 1 (т.о.), оп. 1, ед. хр. 341, л. 15.

20. ГАЗК, ф. 1 (т. о.), ед. хр. 341. л. 16.

21. ГАЗК, ф. 1 (т. о), оп. 1, ед. хр. 204, л. 160.

22. Волочаева А.В. Указ. соч. С. 372.

23. ГАЗК, ф. 1 (т. о.), оп. 1, ед. хр. 176, л. 10.

24. ГАЗК, ф. 1 (т), оп. 4, ед. хр. 368, л. 3.

25. Газк, ф. 1 (т. о), оп. 4, ед. хр. 368, л. 2 об.

26. ГАЗК. ф. 1 (т. о.), ед. хр. 368.

27. ГАЗК, ф. 1 (т. о.), ед. хр. 341, л. 13 об.

28. Там же, л. 6.

29. Там же, л. 11.

30. ГАЗК, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 204, л. 160.

31. Там же, л. 8 об.

32. Там же, л. 10.

33. Там же, л. 11 об.

Политическая ссылка XIX–начала XX в. и сибирское общество

УДК 9 (571.56)

А.И. Архипова

Участие политических ссыльных в подготовке проекта земельной реформы губернатора В.Н. Скрыпицына в Якутской области

В статье исследуется роль политических ссыльных в научном изучении Якутской области, в частности, участие в подготовке проекта земельной реформы губернатора В.Н. Скрыпицына.

Ключевые слова: Якутская область, политические ссыльные, научное изучение края, земельная реформа.

A.I. Arhipov

Participation of political exiled in preparation of the project of land reform of governor V.N.Skrypitsyna in the Yakut area

In article the role of political exiled in scientific studying of the Yakut area, in particular, participation in preparation of the project of land reform of governor V.N. Skrypitsyna is investigated.

Keywords: the Yakut area, political exiled, scientific studying of edge, land reform.

Участие политических ссыльных в изучении жизни народов Якутского края стало особенностью научного изучения области. Благодаря исследовательской деятельности ссыльных-народников И.И. Майнова, Л.Г. Левенталея, В.И. Иохельсона, Э.К. Пекарского, С.В. Ястремского и ряда других в составе Сибиряковской (Якутской) историко-этнографической экспедиции 1894–1896

гг., был собран огромный материал по истории, этнографии, антропологии и социально-экономическому положению населения Якутской области.

В период с 1892 по 1903 г. пост губернатора Якутской области занимал действительный статский советник В.Н. Скрыпицын, получивший военное образование и имевший опыт работы в контрольных палатах империи. Из года в год в крае росли недоимки по уплате ясака, ведущей отраслью, продолжало оставаться скотоводство, которое не отвечало растущим потребностям населения. Приступив к исполнению обязанностей, новый губернатор обратил внимание на «...крайний беспорядок в деле взыскания и раскладки податей, в связи с этим заметил, что большинство инородцев находятся в глубокой личной и экономической, правильнее крепостной, зависимости от местных «тойонов»** [1]. Согласно «Уставу об управлении инородцев» разработанному М.М. Сперанским в 1822 г., у инородцев области сохранялись старые формы общественного устройства, при которых родовая верхушка владела лучшими пастбищными и сенокосными угодьями. При ревизии округов области, губернатор обратил внимание на то, что «хотя земля у якутов – достояние целого общества, члены которого должны быть равноправны, а порядок землепользования общинный, но последнее почти повсеместно приняло характер захватного пользования, благодаря главным образом тому, что община находится обыкновенно под управлением главварей, людей богатых и влиятельных, сосредоточивающих в своих руках обширные и наилучшие покосные места, способствуя таким образом обогащению одних за счет других» [2]. Отметив, что основной проблемой, тормозящей развитие области является земельный вопрос, губернатор приступил к разработке реформы землепользования в крае. Для этого требовалось тщательное изучение социального устройства быта инородцев, условий жизни, особенностей земельных отношений. Поэтому, когда встал вопрос об организации историко-этнографической Сибиряковской (Якутской) экспедиции, губернатор не только разрешил ее, но и возглавил. Благодаря стараниям губернатора в ее работе смогли принять участие некоторые политические ссыльные, их исследования были использованы при составлении проекта реформы.

* Богатые родоначальники, потомственные лидеры народа Саха.

В июне 1894 г. В.Н. Скрыпицын командировал чиновника особых поручений Г.Л. Кондакова, хорошо владевшего якутским языком и политического ссыльного М.М. Майнова для обследования крестьянских селений Якутской области, а также стояла задача исследовать быт, судебно-административное устройство русских крестьян и оседлых «инородцев». И.И. Майнову было предложено исследовать положение приленских крестьян и олекминских инородцев, объядучивание русских в Олекминском округе, в виду проектируемых правительством изменений их сельского управления. Экскурсант И.И. Майнов и Г.Л. Кондаков провели в командировке четыре с половиной месяца – с августа по декабрь 1894 г. За это время они посетили все крестьянские поселения Якутского и Олекминского округов. Всего в области насчитывалось пять округов, Якутский самый большой по численности населения, Вилюйский, Олекминский, и северные Верхоянский и Колымский. В своей работе, помимо изучения местных архивов, они использовали материалы подворной переписи, производившейся олекминскими якутами в 1893 г. [3]. По возвращении из этой экспедиции, И.И. Майнов на основании отчета о положении русских крестьян и оседлых инородцев выработал проект сельского управления, который получил одобрение областного Совета. Результаты исследовательской работы были озвучены в общем присутствии Якутского областного правления 9 мая 1896 г. Позднее И.И. Майнов, на основе собранного материала, издал первое монографическое исследование русских крестьян Якутии и якутов Олекминского округа, в котором рассмотрена история заселения русскими крестьянами Якутии, состав крестьянского населения, общественное управление и административное устройство, наделение землей, скотоводство, земледелие и пр. [4].

Долгая и кропотливая работа по подготовке проекта реформы продолжалась семь лет. В результате был оставлен первый вариант «Инструкции о порядке уравнительного распределения в наслеге (или селении) земель между общественниками в соответствии с податными и повинностными платежами», опубликованный в 1899 г. В ее основу легли данные, собранные политическими ссыльными С.Ф. Коваликом, И.И. Майновым, Л.Г. Левенталем, М.И. Сосоновским. С.Ф. Ковалик написал исследование о земельном вопросе в крае. Политический ссыльный

отметил частые конфликты в земельных отношениях между богачами и бедной, подчеркнул, что необходимость распределения земли по числу всех мужских душ, включая и малолетних. М.И. Сосновский, также изучавший этот вопрос по заданию губернатора, в 1895 г. написал о необходимости преобразования системы распределения земли, поддерживая мнение беднейшей части населения о необходимости подушного распределения. Н.А. Виташевский отмечал, что для нормального существования одной семьи необходимо большее количество скота, чем имеется в наличии у большинства общественников. Замечания Э.К. Пекарского касались некоторых вопросов перевода и особенно понятийного аппарата. Л.Г. Левенталь кроме архивных работ производил опросы по улусам в виде дополнения к материалу из текущих дел инородных управ и присутственных мест г. Якутска. Эти данные были необходимы для характеристики современного экономического положения якутов.

Ссылные обратили внимание губернатора на необходимость проведения подворной переписи. Для полного выяснения экономического положения округов «вызвать тех хозяев, личный опрос которых окажется нужным, чтобы представляли хранимые под строгим секретом земельные и земельно-передельные ведомости, местные книжки обществ, списки надельных плательщиков податей...» [5]. Но проведение подворной переписи не было разрешено ввиду предстоящей в 1897 г. Всероссийской переписи населения. Сохранилась статья Л.Г. Левенталья «К инструкции Скрыпицына», которая содержит предложения к проекту реформы губернатора:

1. Перераспределять землю между улусами и наслегам так, чтобы на один и тот же оклад податей и внутренних повинностей приходилось в каждом наслеге и улусе одинаковое количество остожьев.

2. По родам необходимо разделить землю на сорта: лучшие, средние, худшие, и ежегодно каждому хозяйству столько паев, сколько покосных работников может выставить оно из собственных членов семьи.

3. Платежи податей и внутренних повинностей должны полностью соответствовать количеству паев, получаемых хозяйством по числу его работников [6].

В результате своих наблюдений он пришел к выводу, что улучшения старых покосов и расширения их площади за счет неудобных земель практически не происходит, так как зажиточные общественики имеют достаточно земель и не стремятся заниматься обработкой, а у бедного населения нет сил и средств. Благодаря исследовательской работе насельных, были обозначены основные трудности в решении вопроса землепользования: отсутствие подготовленных кадров, особенности природно-географического положения, отсутствие удобных путей сообщения, «незнание качества здешних покосов и свойства трав... скрытность, неправдивость якутов...» [7]. Работая в составе экспедиции, экскурсанты отмечали особенности отношений с местным населением. Например, чтобы получить данные, необходимо «говорить с ними мирно и обходительно, если словесно убеждать их много и долго, вместо того, чтобы писать и письменно приказывать» [8].

Проблему достоверности получаемых от инородцев сведений Л.Г. Левенталь, С.Ф. Ковалик, И.И. Майнов обозначили на совещании участников экспедиции, проходившем 11–25 января 1895 г. Подчеркнули, что тойоны часть информации утаивают, и зачастую данные неверны и подлежат тщательному, глубокому изучению, особенно в вопросах численности населения и распределения земли.

До момента создания «Инструкции...» раскладка и взимание податей и повинностей у населения производились на основании разделения на пять классов: 1–3 – способные платить ясак; 4 класс – платившие подушную подать, но не платившие ясак; 5 – калеки и сироты. Последние два класса земель не наделялись. Однако первоначальный вариант «Инструкции» вызвал много нареканий у родовых глав. Проект был переработан и дополнен после обсуждения на «съезде сведущих лиц», в котором принимали участие образованные якуты. В издании окончательного варианта инструкции также принял участие Э.К. Пекарский. Ряд параграфов был переработан, внесены существенные дополнения: если первоначальный вариант содержал 16 статей, то окончательный увеличился до 37. Основные положения «Инструкции» отменяли классную систему наделения землей и устанавливали уравнильное распределение, контролировать это должны были Инородные управы и должностные лица, имеющие непосредственный надзор за общественным управлением.

По положениям «Инструкции» стало невозможно иметь участки сверх надела без «установленного разрешения». Все вопросы, касающиеся землепользования, должны были решаться наследными собраниями большинством голосов, вводилось тайное голосование. «Инструкция», разработанная губернатором, учитывал экономические условия центральной России, давала возможность увеличивать свои владения за счет купленной земли. «Инструкция о прядке уравнительного распределения земель в наслеге (сельском обществе) в соответствии с податными и повинностными платежами», измененная согласно указаний съездов сведущих лиц (декабрь 1900 и февраль 1902 г.), была опубликована в газете «Якутская жизнь» в 1908 г. Несмотря на проведенную работу, на практике реформа была проведена в некоторых улусах Олекминского, Вилюйского и Якутского округа. Для ее существования не было необходимой законодательной базы, Указ Сената от 12 февраля 1903 г. подтверждал, что распределение земель между наслегами должно происходить с их согласия и без вмешательства власти.

Либерально настроенный губернатор понимал, что в условиях отдаленности территории и практически повсеместном отсутствии специалистов в различных науках, необходимо использовать имеющийся потенциал политических ссыльных для изучения и развития края. Политические ссыльные, И.И. Майнов, Л.Г. Левенталь, Э.К. Пекарский, Н.А. Виташевский, работая в составе Сибиряковской экспедиции, помогли обеспечить научное изучение основных социально-экономических вопросов развития края. Политические ссыльные открыли для себя новые возможности, превратились в крупных исследователей.

Примечания

1. Якутские областные ведомости. 1902. № 23. С. 1.
2. Там же. С. 1.
3. Горохов К.И. Земельные отношения якутов во второй половине XVIII века в освещении участников сибиряковской экспедиции. 1960. Вып. 2. С. 27.
4. Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912.
5. СПФРАН. Ф. 161. Оп. 1. Д. 69. Л. 12.
6. Там же. Л.10.
7. Там же. Л. 11.
8. Там же. Л. 12.

УДК 947 (571.5)

Е.В. Болонкина

Ссылка в истории Енисейской губернии (1820-е – начало 1860-х гг.)

Исследуется роль ссылки в заселении и экономическом развитии Енисейской губернии на протяжении 1820–начала 1860-х гг. Проанализированы основные показатели «штрафной» колонизации, которые демонстрируют специфику и динамику заселения Приенисейского края. Рассмотрен вопрос о степени участия ссыльнопоселенцев в экономической жизни губернии.

Ключевые слова: Енисейская губерния, «штрафная» колонизация, ссыльнопоселенцы.

E.V. Bolonkina

**The reference in the history of the Yenisei province
(1820 – the beginning of 1860th)**

Abstract: The role of references in the population and economic development of the Yenisei province during 1820 - early 1860's. Analyzes the main indicators of «penalty» of colonization, which demonstrate the specificity and dynamics of settling Yenisei region. The question of the degree of participation in the economic life of the Exiles province.

Keywords: Yenisei Province, «penalty» colonization, ssylnoposelentsy.

Важной составляющей исследования социально-экономической истории Енисейской губернии во второй четверти XIX в. является выяснение динамики численности населения. Во многом это позволит раскрыть вопрос относительно развития производительных сил в крае. Население Енисейской губернии, как и всего сибирского региона, росло не только за счет естественного прироста, но и в результате переселенческого движения: «штрафной» и добровольной колонизации.

На протяжении исследуемого периода ссылка оставалась важной составляющей политики царизма относительно увеличения численности сибирского населения. Усиление потока ссыльных в восточносибирский регион в 1820-е гг. непосредственно было

связано с изданными царским правительством указами, положениями и уставами¹. Для более интенсивного земледельческого освоения Приенисейского края в 1827 г. было принято решение об устройстве 22 казённых поселений из ссыльных в Канском, Минусинском и Ачинском округах. В Канском округе в Иланской и Рыбинской волостях выделили земли для 14 селений (Бородино, Ловать, Карапсель, Степановское (Сопожок), Елизаветинское, Бирюсинское, Новойское, Вершино-Рыбинское, Агинское, Нагорное, Приречное, Николаевское, Александровское, Малое). В Минусинском округе было построено 6 поселений: Сагайское, Ермаковское, Сабинское, Восточное, Дубенское и Тигрицкое. А в Ачинском округе построили еще два казенных поселения – Мало-Улуйское и Тарутино. На устройство 5955 д.м.п. и 155 д.ж.п. казна отпустила 479 927 руб.² Однако, на протяжении 1820–начала 1860-х гг. царскому правительству по многим причинам не удалось сделать «штрафную колонизацию» ведущей в освоении Приенисейского края. По данным В.М. Кабузана³, доля ссыльных в 1830–1850-е гг., в среднем по восточносибирскому региону и Енисейской губернии в частности, составляла 35–50 % от общего потока населения извне. По сравнению с другими сибирскими губерниями, в Приенисейский край ссылалось с 1824 по 1851 гг. до 25 % от общей численности всех ссыльных в Сибири⁴. В целом же, «штрафная» колонизация составляла 23 % (900–1500 д.об.п. в год) от общего прироста населения губернии (см. табл.).

Таблица:

Рост численности русского населения Енисейской губернии
(1823–1863 гг.)

Период	Продолжительность периода	Рост населения за весь период (тыс. д.об.п.)	Среднегодовой рост за счет естественного прироста (тыс. д.об.п.)	Среднегодовой рост за счет ссылки (тыс. д.об.п.)	Среднегодовой рост за счет миграции (тыс. д.об.п.)
1823–1863 гг.	40 лет	151	1,8–3,6	0,9–1,5	1,05–1,35

Примечания

1. «Об отсылке крепостных людей за дурные поступки в Сибирь на поселение» (1822 г.) (ИПСЗ. Т. 38. С. 99–101), «О ссылке крепостных людей представляемых помещиками, за дурные поступки в Сибирь на поселение, через губернские заведения, не производя о том никаких ис-

следований в судебных местах» (1823 г.) (1ПСЗ. Т. 38. С. 1034–1035), «О предоставлении помещиками крепостных людей к отсылке в Сибирь на поселение без ограничения лет» (1824 г.) (1ПСЗ. Т. 39. С. 190–191), «О ссылке в Сибирь всех бродяг поступивших дотоле в крепостные работы» (1823 г.) (1ПСЗ. Т. 38. С. 751–752), «О дозволении женам людей, ссылаемых в Сибирь на поселение, по просьбам помещиков, следовать по их желанию за своими мужьями» (1827 г.) (2ПСЗ. Т.2. С.12–13), «О дозволении сосланным вступать в брак с коренными жителями свободного состояния» (1828 г.) (2ПСЗ. Т. 3. С. 819–820), «О недозволении казенным крестьянам и мещанам следовать за женами их, ссылаемыми в Сибирь за преступления» (1833 г.) (2ПСЗ. Т. 8. С. 88), «О дозволении женам ссылаемых в Сибирь казенных крестьян, бывших удельных, следовать за мужьями» (1836 г.) (2ПСЗ. Т. 11. Отд.2. С. 294).

2. Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. 2. С. 16–17; Владимиров Е. Казенные поселения в Енисейской губернии //Альманах Енисея. 1971. № 6. С. 78–80.

3. Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII–начале XX вв. (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 28–35.

4. Колесников А.Д., Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. //Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начале XX вв.). Новосибирск, 1975. С. 229.

5. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 47.

6. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1 С. 94–95.

7. Хроленок С.Ф. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока (1832–1917 гг.): дисс...д-ра ист. наук. Иркутск, 1973. С. 293.

УДК 94(571.12) : 323.281 «1907/1910»

С.В. Макаrchук

Ссылные социал-демократы в Тюменской организации РСДРП. Июнь 1907–1910 гг.

Изучается роль ссыльных социал-демократов в деятельности Тюменской организации РСДРП после государственного переворота 3 июня 1907 г. до 1910 г. Показан решающий вклад ссыльных, прежде всего В.П. Каца, А.А. Сольца, Г.Н. Мельничанского в партийную социал-демократическую работу в Тюмени.

Ключевые слова: эсеры, социал-демократы, политическая ссылка, Тюменский комитет РСДРП, ликвидаторы, меньшевики, большевики, экспроприации, газета «Тюменский рабочий», листовки, прокламации.

S. Makarchuk

Exiles Social Democrats in the Tyumen of the RSDLP. Июнь 1907 – 1910's.

Examines the role of the exiled Social Democrats in the Tyumen activity of the RSDLP after the coup d'état June 3, 1907 to 1910. Showed a decisive contribution to the exiles, first VP Katz, A.A. Soltz, GN Melnichansky to the party of Social-Democratic work in Tyumen.

Keywords: The Socialist Revolutionaries, Social Democrats, a political exile, Tyumen Committee of the RSDLP, the liquidators, the Mensheviks, the Bolsheviks, expropriation, the newspaper «Tyumen worker», flyers, leaflets.

Организация РСДРП в Тюмени окончательно оформилась в ходе революции 1905–1907 гг. при активном участии политических ссыльных. Как и все социал-демократические организации в Сибири, она была единой и объединяла партийцев, считающих себя как большевиками, так и меньшевиками, а также внефракционными. С момента создания Тюменская группа вошла в состав Уральского областного союза РСДРП, причём меньшевистская часть её, возглавляемая политссыльным В.П. Кацем, ещё во время революции ставила вопрос о присоединении к Омскому району Сибирского союза РСДРП, руководимому Омским комитетом РСДРП в котором преобладали меньшевики¹.

На события 3 июня 1907 г. Тюменский комитет откликнулся выпуском листовки № 1 «Ко всем». В последующие дни в подпольной типографии комитета было отпечатано ещё не менее 4 наименований листовок². 9 июля 1907 г. при обыске у одного из руководителей организации учителя М.Т. Мишина были обнаружены не только многочисленные листовки Тюменской организации, но и прокламации ЦК РСДРП³. 12 июля жандармской полиции удалось застать врасплох в доме по улице Воиновской печатающих прокламации Тюменского комитета РСДРП Т.В.

Жданова и К.Ф. Горелова. Тайная типография организации оказалась проваленной, произведены аресты.

По мнению Н.Н. Щербакова, после июльского провала, в 1907 – начале 1908 года, в Тюменской организации «заметным влиянием» пользовались меньшевики⁵. В 1908 г., практически одновременно с политическим ссыльным Аароном Сольцем, в организацию влились большевистски настроенные ссыльные социал-демократы В.А. Трифонов, Б.Е. Шалаев, И.В. Буторин⁶. Значительную часть организации составляли преимущественно меньшевистско-примиренчески настроенные социал-демократы еврейской национальности: В.П. Кац, Б.П. Вальберг, Л.М. Глазман, М.А. Глузман, И.Е. Гоникберг, Л.Д. Гудович, Э. Рабинович⁷. Почти все они являлись политическими ссыльными.

В январе 1908 г. был переизбран комитет организации, которому уже к февралю удалось восстановить тайную типографию и издать за 10 месяцев 35 тыс. экземпляров листовок⁸. А. Сольц вошёл в комитет под партийной конспиративной кличкой Андрей. С первых дней пребывания в Тюмени Сольц возобновил переписку со старым знакомым по партийной работе в Вильно А. Пальчиком, проживающим в Мюнхене. Благодаря этим связям на имя Сольца стали поступать центральные социал-демократические издания как большевистского, так и меньшевистского направления: «Пролетарий», «Социал-демократ», «Голос социал-демократа».

Регулярные взаимодействия Тюменская организация РСДРП осуществляла с Большевистским центром и редакцией «Пролетария». В одном из сообщений в Большевистский центр отмечалось, что «недавно при организации создана специальная касса борьбы»⁹. Туда же был послан отчёт комитета с 28 марта по 2 мая 1908 года. Из отчёта видно, что крупные денежные суммы организация тратила на содержание профессиональных работников, конспиративных квартир и печатной техники. За отчётный период было организовано 10 рабочих собраний и массовок, распространено 10270 экземпляров листовок, причём в это число входили не только собственные издания, но и прокламации Екатеринбургского и Уральского областного комитетов¹⁰.

В фонде редакции газеты «Пролетарий» сохранился также отчёт Тюменского комитета РСДРП с 20 июня по 31 августа 1908 года¹¹. Членские взносы организации за это время составили более 50 рублей. Значительные суммы продолжали тра-

титься на конспиративные цели, содержание профессиональных работников и техники. Усилилась издательская деятельность: листовок издано 12 наименований – 6500 экз., брошюр – 430 экз., программы партии – 200 экз. При комитете существовал забастовочный фонд. Об «обширных связях» с рабочими говорится в заметке, поступившей в редакцию из Тюменской организации. В ней же сообщается об устройстве кружков среди рабочих и проведении массовок, на которые собирается по 50-60 человек¹².

Работавшие вместе с А.А. Сольцем товарищи по организации отмечали его «исключительные конспиративные способности»¹³. Но и он 26 апреля 1908 г. был арестован по постановлению Тобольского губернатора и помещён в тюрьму¹⁴. И, хотя, ничего предосудительного у него найдено не было, Сольц отсидел в камере предварительного заключения целый месяц. В написанном в тюрьме письме А.Пальчику в Мюнхен он указал на вероятность своего возвращения в Туринск. «Тебя это не должно смущать, – пишет Сольц, – Эсаул тебе вышлет адрес, и продолжай аккуратно своё дело»¹⁵. Это доказывает, что и в Туринске Сольц намеревался сохранить конспиративные связи с Тюменью.

В этом же письме Сольц рассуждает о политическом положении в России, перспективах партийной работы, сущности фракционных разногласий. Он считает «чересчур скоропалительным» вывод о наступлении реакции в стране и необходимости в связи с этим «порвать все связи с революционным авантюризмом». «Я полагаю, – пишет Сольц, – что партийная работа должна вестись и дальше и в более широком масштабе... Ни одна рабочая организация не должна остаться в пренебрежении. Необходимо отрешиться от фантазии – принесения в жертву партии более широким рабочим организациям».

Резкий антиликвидаторский настрой Сольца отражался и в следующих словах письма: «Большевиком я стал, как только заметил расплывчивость, неверие в партийность в меньшевиках. Если бы не большевики, то от партии давно бы остались рожки да ножки. В настоящее время... осталась всё-таки партия, вышедшая с большим опытом и даже с большими силами с поля битвы. Это единственная организационная сила, которая даст о себе знать, и на сплочение этой партии нужно отдать все свои силы».

Как видим, в письме Сольц однозначно провозглашает себя большевиком. Между тем, Тюменская организация РСДРП никогда не была чисто большевистской. В ней бок о бок работали как большевики, так и меньшевики. Впоследствии А.Сольц, давая оценку последним писал, что они «хотя и считали себя меньшевиками... но, по существу, были большевиками, так как действовали по большевистски, создали подпольную организацию и в ней работали»¹⁶. Это высказывание показывает, что Сольц не придавал в то время значения глубинным разногласиям между фракциями, обращая основное внимание на признание ими необходимости подполья. Тюменская организация являла собой классический пример осуществлённого на деле организационно-союзного союза большевиков и меньшевиков-партийцев.

В то же время, как для организации, так и для Сольца являлись неприемлемыми идеи и действия отзовистов, отрицающих любые виды легальной партийной деятельности. Однако, опыт работы тюменских социал-демократов показал, с какой осторожностью следует относиться к сближению политического партийного подполья с легальными околопартийными структурами.

Летом 1908 г. комитет Тюменской организации РСДРП, фактически возглавляемый Сольцем, пошёл на организационное слияние с полулегальной «кассой взаимопомощи» рабочих и служащих тюменских предприятий. Отчёт «кассы взаимопомощи при рабочем коллективе» был впервые приложен к общему отчёту Тюменского комитета с 20 июня по 31 августа 1908 г., в котором сообщалось о поступлении в «кассу» 3-х рублей от 12 человек. Как явствует из информации, отправленной тюменскими эсдеками в газету «Социал-демократ», в рабочий коллектив входили представители промышленных предприятий Тюмени¹⁷. Хотя рабочий коллектив являлся организацией беспартийной, он признавал руководство Тюменского комитета РСДРП, под грифом которого выпускал листовки, обращённые к рабочим. Из отпечатанного в подпольной типографии комитета «Устава кассы взаимопомощи при рабочем коллективе Тюменского комитета РСДРП» следует, что целью кассы являлась взаимопомощь в борьбе с хозяевами. Членом кассы мог быть «всякий рабочий и служащий в городе Тюмени», платящий членские взносы. Деньги хранились при комитете РСДРП, «который ответственен за их целость, но ни в коем случае не может ими распоряжать-

ся». Эта привилегия принадлежала исключительно рабочему коллективу. Половина средств должна была идти в стачечный фонд, другая же половина – на пособия по случаю болезней и безработицы¹⁸.

Тесное организационное сотрудничество партийного подполья Тюмени с беспартийной организацией, несомненно, сближало социал-демократов с рабочими. Но, с другой стороны, близость с группировкой в которую мог входить «всякий рабочий и служащий» непременно вела к ослаблению конспирации. Это облегчало проникновение в организацию различного рода секретных сотрудников и провокаторов со стороны охранного отделения. Особый вред нанесла деятельность А. Левченко, приведшая к арестам начала 1909 г., в т. ч. А. Сольца и близкого к нему политссыльного Г. Мельничанского. Специальным «извещением», изданным отдельной листовкой, Тюменская организация РСДРП объявила провокаторами скрывшихся из города Николая Семёнова и Семёна Логинова¹⁹.

В штате Тюменского Охранного отделения находился также секретный сотрудник «Лесной», доставляющий сведения сразу по двум организациям – социал-демократической и эсеровской. Однако чины охранки не были довольны своим сотрудником, полагая, что он, «находясь между двух организаций, собирает сплетни и существенной пользы не даёт...»²⁰. Между тем, в августе 1908 г. от секретных сотрудников стали поступать сведения об образовании в г. Тюмени сильной военно-революционной организации, «вербующей с успехом в свои ряды солдат из местного гарнизона» и имеющей прочные связи с Тобольском, Уфой и Екатеринбургом²¹. При дальнейшей разработке сведений оказалось, что организация создана социал-демократами и руководит ею соратник А. Сольца по комитету меньшевик-партиец, политический ссыльный В.П. Кац. Местные социалисты-революционеры также пытались приобщиться к её работе²².

Наряду с секретными сотрудниками (сексотами) для получения сведений о Тюменской организации РСДРП использовались агенты наружного наблюдения – филёры. Работа филёров и сексотов приводила к установлению членов организации и её комитета. От сотрудника «Василия» в Пермском районном охранном отделении стало известно, что вместе с А. Сольцем («Андрей») в

состав комитета входит «Максим»²³. В ходе дальнейшей разработки было выяснено, что это партийная кличка бежавшего из ссылки в Обдорск партийного профессионала Г. Мельничанского. Вошедший в комитет не ранее лета 1908 г. Мельничанский пользовался доверием и уважением комитетчиков. Именно ему поручили представлять организацию на Уральском съезде социал-демократов, хотя эта поездка и не состоялась.

По данным Пермского районного охранного отделения вместе с Г. Мельничанским и А. Сольцем в комитете Тюменской организации РСДРП состояла «Хина» – Эстера Рабинович. Она ходила на свидания к А. Сольцу во время нахождения его в тюменской тюрьме. На имя члена комитета Глузмана поступали письма, которые «несомненно, имеют скрытый текст, так как для прочтения письма подогреваются над лампой». Казначеем организации являлся П.И. Шабалин на квартире у которого состоялась городская конференция для посылки делегата на съезд. Из присутствующих на конференции были выявлены Сольц и Шалаев. Через члена комитета П.Е. Калугина осуществлялась переписка Сольца, в т. ч. с А. Пальчиком. В организации работала также находящаяся на поселении в Тюмени сестра Сольца Эсфирь Александровна Сольц²⁴.

Материалы наружного и внутреннего наблюдения, вкупе с судебными, следственными и другими документами дают представление о численности, составе, идейном состоянии внутреннем строении Тюменской организации РСДРП. Согласно отчету самой организации, опубликованному в газете «Социал-демократ» в ней к началу 1909 г. насчитывалось 180 членов²⁵. Эта цифра и перекочевала в труды исследователей (Е.И. Рябухин, Д.И. Копылов и др.). Однако в данное количество включены все члены рабочих кружков, а также социал-демократы, отошедшие от работы в подполье. Более реальная цифра приводится в «Очерках истории Тюменской области» – 120 человек²⁶. Она также основана на данных самой организации, присланных в редакцию «Социал-демократа»²⁷. Но реальное количество социал-демократов, продолжающих подпольную деятельность, составляло примерно втрое меньшую цифру. По агентурным сводкам по состоянию на 20 октября 1908 г. организация насчитывала 32 члена²⁸. Хорошо законспирированный Г. Мельничанский не попал в сферу агентурного наблюдения. По всей видимости он

являлся тем не раскрытым полицией «профессионалом», который сосредоточился на «постановке техники» и содержался за счёт организации, получая от неё 51 рубль. Расходы по «технике» только за последние два летних месяца 1908 г. составили 107 руб. 47 копеек²⁹.

Персональный анализ состава организации показывает, что из 32 её членов 12 являлись административно-ссылными. К «иудеям» отнесены 6 членов организации, в т. ч. Аарон и Эсфирь Сольцы. Среди евреев не было представителей рабочих специальностей, всего же в организации состояло 6 рабочих, остальные – врачи, учителя, конторщики, провизоры, служащие, ветеринары. 17 социал-демократов отмечены как лица, обладающие «особой зловредностью для общественного порядка и спокойствия», среди них – А. Сольц. Обращает на себя внимание молодость организации, где возраст самого старшего члена не превышал 40 лет³⁰. Следует отметить, правда, что возраст подпольщиков филёрами и сексотами определялся часто «на глазок». Так, А. Сольцу во время работы в организации было 36 лет, а в агентурной сводке он проходит как 25-летний. Г. Мельничанский вошёл в организацию в 22-х летнем возрасте.

С помощью «техники» и «профессионалов», которыми в организации считались А. Сольц и Г. Мельничанский, был продолжен выпуск листовок и прокламаций. В прокламации № 22 «Ко всем тюменским рабочим» (1908) отразились взгляды руководителей организации на экспроприации: «Экспроприации приносят только вред революции. Экспроприации только разрушают дело организации борьбы рабочих с их врагами. И только во имя интересов революции, только защищая дело рабочего класса мы зовём вас на борьбу с экспроприациями». Тюменский комитет РСДРП потребовал ответа у Тюменской организации партии социалистов-революционеров по поводу экспроприации на вокзальном мосту в Тюмени: «Перед лицом всех тюменских рабочих мы требуем от вас ответа: докажите тюменскому рабочему необходимость этого грабежа... Докажите, что это не авантюристически глупое дело, а важный революционный акт»³¹.

При непосредственном участии Мельничанского и Сольца был написан, принят и отпечатан в подпольной типографии в количестве 500 экземпляров «Устав Тюменской организации РСДРП»³². Согласно § 1 Устава: «Членом организации счита-

ется всякий, кто признаёт партийную программу, платит членский взнос, оказывает услуги организации, подчиняется уставу партии и организации». Как видим, большевистско-ленинский принцип обязательности участия в работе организации заменён в Уставе «оказанием услуг». Несомненно, в этом выразился общий меньшевистско-примиренческий настрой организации, которая не хотела терять социал-демократов, ведущих легальную пропагандистскую работу, но не желающих тесно связывать свою судьбу с подпольем.

Главным делом организации в период работы в ней Сольца и Мельничанского стало издание в конце 1908–начале 1909 гг. нелегальной газеты «Тюменский рабочий», первый номер которой вышел 10 сентября 1908 года. Мельничанский и Сольц также считали постановку типографии и выпуск газеты главным своим делом в Тюмени. В позднейших воспоминаниях Сольц видит свою заслугу в том, что, находясь в Тюмени, «сплотил довольно значительную организацию, создал типографию, обслуживающую своими изданиями Урал и Вятку»³³. Мельничанский о своей работе в Тюмени, в частности, пишет: «Здесь задержался работой в местной организации, ездил на Урал, издавали газету «Тюменский рабочий», которая обслуживала Урал и Сибирь»³⁴. О совместной работе в Тюменском подполье ни Сольц, ни Мельничанский, к сожалению, ничего не пишут. Учитывая то, что они знали друг друга не только по партийным кличкам, но и по дальнейшей общей работе, остаётся предположить, что каждый из них стремился в советский период обратить внимание именно на себя, как главного организатора подполья и вдохновителя выпуска газеты.

Статьи органа Тюменского комитета РСДРП газеты «Тюменский рабочий» по понятным причинам не имеют подписей. Авторство их установить пока не представляется возможным. Не исключено, что члены комитета Сольц и Мельничанский являлись авторами целого ряда статей и материалов, помещённых в газете. Из всех членов комитета, выпускающих газету, они были самыми опытными, подготовленными теоретически и искушёнными во внутрипартийной борьбе. Во всяком случае, политическое направление газеты совпадало со взглядами Сольца и Мельничанского того времени.

В одной из статей первого номера содержалось обоснование тактики сочетания нелегальной и легальной деятельности партии, а также звучал призыв создавать как легальные, так и нелегальные рабочие организации. Подвергались критике взгляды отзовистов, проведение в жизнь которых признавалось «вредным»³⁵. Вместе с тем, газета выступала против действий большевиков и меньшевиков, ведущих к нарушению единства партии. В этом отношении она отражала мнение единой Тюменской организации РСДРП и в № 4 приводила в изложении решение ноябрьского собрания организации, которое «выслушав сообщение о том, что и большевистские и меньшевистские органы призывают не к партийному, а фракциональному объединению, протестует против такого образа действий...». Далее выражалась уверенность, что «фракционные разногласия, терзающие партию, потеряют свою остроту и будут разъясняться и решаться членами партии, не вредя организационному росту последней»³⁶.

Газета продолжала начатый в листовках спор с эсерами о роли и значении экспроприации. Этой проблеме посвящён 3-й номер газеты. «Самостоятельное значение экспроприации сводится в настоящее время к нулю, – утверждала газета, – С.Р. возражают нам, что экс-ции нужны для развития террора. Много уже говорилось о его бесполезности и даже вреде. Теперь же в эпоху самого широкого белого террора, красный террор особенно подчёркивает своё полное бессилие сколько-нибудь способствовать перевороту, в нём ярче, чем когда-либо, сказывается характер мести»³⁷. В передовой статье доказывалось, что деньги, добытые «кучкой революционеров» не могут быть проконтролированы широкой партийной массой. Сами рабочие привыкают равнодушно относиться к денежной поддержке своей организации: к чему рабочие копейки, когда есть сотни награбленных рублей. Эксы разлагают организацию, заключалось в статье, революционеры чувствуют себя независимыми от рабочих, рабочие – от революционеров. Газета напоминала, что эсеры лишь стремятся поставить эксы под контроль ЦК, в то время как РСДРП запретила сначала денежные экспроприации, а затем, когда выяснилось, что революционный подъём отодвигается, были запрещены и экспроприации оружия.

Столыпинское аграрное законодательство и проходящие в стране реформы были обозначены газетой как «реакционные».

Статья «Закон 9 ноября», опубликованная в № 4 «Тюменского рабочего» положительно оценивала роль разрушенной законодательством крестьянской общины: «Не было особенно больших богачей, но не было и бедняков и сама жажда наживы не могла здесь особенно развиться»³⁸. Столыпинская же реформа, приведшая крестьянство к расслоению и пролетаризации, покровительствует лишь кучке деревенских «мироедов».

Последний 5-й номер «Тюменского рабочего» вышел 9 января 1909 г. и посвящался событиям начала революции 1905–1907 гг. в России³⁹. Озабоченная регулярным выходом газеты охранка активизировала деятельность своих секретных сотрудников. В январе 1909 г. были арестованы играющие видную роль в выпуске газеты политссыльные М.Т. Мишин и Н.К. Максимов. Обнаружены партийная библиотека, экземпляры «Тюменского рабочего», прокламации Тюменского, Петербургского и Екатеринбургского комитетов РСДРП. 4 февраля был арестован непосредственно занимающийся выпуском газеты нелегальный «Максим»⁴⁰. Местная полиция сразу установила его личность – бежавший из места ссылки еврей Борух Мельничанский. Однако, полиция спутала Григория Мельничанского с его братом и он не стал переубеждать её в обратном. Под именем брата он отсидел в тюрьме и по приговору суда был вынужден оставить Тюмень и отправиться на поселение в Преображенскую волость Киренского уезда Иркутской губернии.

Несколько иначе складывалась судьба А.А. Сольца. Через 2 дня после ареста Мельничанского, 6 февраля 1909 г. была разгромлена полицией тайная типография Тюменского комитета в которой как раз печатался № 6 «Тюменского рабочего». На месте «преступления» застали техника организации И.Н. Степкого, который предъявил паспорт на имя В.А. Городецкого⁴¹. В связи с найденными в типографии материалами арестовали также А. Сольца и Б. Шалаева. Организация тюменских социал-демократов в целом оказалась разгромленной. Список лиц, составленных полицией по делу ликвидации Тюменской организации РСДРП состоял из 57 фамилий⁴².

В результате январско-февральских арестов была провалена печатная техника, прекращён выпуск печатного органа тюменской организации. Но комитет организации всё же уцелел, вопреки мнению исследователя Е.И. Рябухина, явно склонного

преувеличивать в нём роль Сольца. Комитет продолжил даже, правда, не на печатном станке, а на гектографе, выпуск листовок. Уже в марте 1909 г. за подписью «Тюменский комитет РСДРП» вышла листовка «К рабочим Тюмени», извещающая об уничтожении типографии и прекращении выхода «Тюменского рабочего»⁴³.

По сведениям агентуры, в марте в Тюменский комитет РСДРП входили: И.И. Борисов, Н.А. Компанец, П.Е. Калугин, П.И. Шабалин, И.И. Силин, А.М. Баторгин⁴⁴. Но после 28 марта, когда в Екатеринбурге была провалена уральская областная конференция РСДРП и схвачен её делегат от Тюмени – И.Е. Гоникберг, серия обысков и арестов обрушилась и на Тюменскую организацию. В числе арестованных оказались и комитетчики И.И. Борисов, П.Е. Калугин, И.И. Силин. Их вина была доказана и они отправились в ссылку⁴⁵. Оставшиеся же на свободе подпольщики информировали «Социал-демократ», что «организация переживает теперь кризис вследствие последних арестов»⁴⁶. На поступивший в апреле запрос ЦК РСДРП по поводу созыва партийного съезда, из Тюмени был получен следующий ответ: «Тюменская организация потерпела недавно провал, хотя всё время вела усиленную работу – считает для себя возможным принять участие в съезде»⁴⁷. Тюменцы предложили наделить правом участия в съезде организации, насчитывающие не менее 200 членов, а для организаций с меньшей численностью оставить возможность «соединиться с соседями». Очевидно, эту возможность они оставляли для себя, т. к. численность подверженной целой серии провалов организации была невелика.

Однако и на этот раз кризис был преодолен ещё до вхождения в комитет оправданного по суду А.А. Сольца. От имени восстановленного комитета организации продолжался выпуск листовок и кассовых отчётов. Известны отчёты комитета с 23 марта по 18 мая и с 18 мая по 20 сентября 1909 года⁴⁸. Несмотря на крупные провалы и произведённые в июне и ноябре 1909 г. аресты комитет организации продолжал существовать. Но ему часто приходилось действовать в отрыве от самой организации, дезорганизованной репрессиями. Попытки возродить организацию «сверху» предпринимали созданные специально для этого две «исполнительные комиссии»⁴⁹. После ряда неудач, одной из них

удалось, наконец, провести 8 ноября собрание, на котором присутствовали 11 человек. Был избран комитет из 3 лиц⁵⁰.

В результате ноябрьской ликвидации, носившей согласно жандармским документам «частичный характер», комитет организации вновь был обновлён. В него вошли И.И. Буторин, П.П. Ермаков, П.И. Костарев, В.И. Бороздин, а также выпущенный из камеры предварительного заключения и оправданный за недостаточностью улик А.А. Сольц⁵¹. Восстанавливались связи организации, в частности, Сольц получил из-за границы письмо с сообщением о расширенном совещании редакции «Пролетария»⁵². Продолжался выпуск листовок. В начале 1910 г. за подписью Тюменского комитета вышли листовки «К тюменским рабочим», «К рабочим завода Кругляшова», «К солдатам тюменского гарнизона»⁵³.

3 февраля 1910 г. состоялось собрание комитета, на котором было решено приобрести и держать за счёт организации конспиративную квартиру для проживания лиц, нелегально прибывающих в Тюмень⁵⁴. Но полиции удалось установить имена членов комитета. В донесении помощника начальника Тобольского ГЖУ от 16 февраля 1910 г. в отношении Сольца указывалось, что его срок ссылки закончился 5 февраля 1910 г. и он, прибыв 7 числа из Туринска «в данное время в Тюмени проживает нелегально, так как права жительства в городе, как еврей, не имеет»⁵⁵. Было принято решение о ликвидации комитета. Но Сольца к этому времени в городе уже не было. Опасаясь очередного провала, он вынужден был покинуть Тюмень, тем более, что официальный срок его ссылки закончился.

После отъезда Сольца в Тюмени были арестованы его ближайшие соратники по организации – П. Костарев, П. Ермаков, П. Мартемьянов, И. Витте, Я. Просвирин, В. Осипов, И. Зайков⁵⁶. И.Е. Рябухин считал, что после отъезда Сольца и последующих арестов «Тюменская организация РСДРП к середине 1910 г. прекратила своё существование»⁵⁷. Действительно, подпольная работа ослабла, прекратился выпуск листовок, но архивные документы говорят о том, что всё же небольшая группа подпольщиков продолжала действовать в Тюмени в условиях глубокой конспирации⁵⁸. И в этой группе костяк состоял из социал-демократов, находящихся в политической ссылке или на поселении.

Примечания

1. Макаrchук С.В. Политическое подполье в восточных регионах России. Июнь 1907–февраль 1917 гг. Кемерово, 1994. С. 45.
2. Революционное движение в Тобольской губернии в 1905–1914 гг.: Сб. документов. Свердловск, 1981. С. 158-172.
3. Государственный архив г. Тобольска (ГАТ). Ф. 158. Оп. 21. Д. 143. Л. 9, 24.
4. ГАТ. Ф. 152. Оп. 21. Д. 351. Л. 4-6.
5. Щербаков Н.Н. Ссылные большевики и социал-демократическое движение в Сибири. 1906–1910 гг. //Ссылные революционеры в Сибири. XIX в. – февраль 1917 г. Вып.2. Иркутск, 1974. С. 147.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 124. Оп. 1. Д. 1828. Л. 1-6.
7. Макаrchук С.В. Евреи в социал-демократическом движении Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX вв. Сб. статей / Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Вып.1. Красноярск, 2003. С. 69.
8. Горелов И.Е. Большевики в период реакции. 1907–1910 гг. М., 1975. С. 79.
9. См.: Макаrchук С.В. Политическое подполье... С. 47.
10. Полный текст отчёта см.: Революционное движение в Тобольской губернии...С. 206-207.
11. РГАСПИ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
12. Там же. Д. 63. Л. 1-3.
13. Рябухин Е.И. Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение её связей с массами. 1907–1914 гг. Ч. 2. Саратов, 1972. С. 219.
14. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 193. Л. 149.
15. Полный текст письма см.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 193. Л. 149-151. Часть его опубликована в сб.: Революционное движение в Тобольской губернии... С. 208-209.
16. Цит. по: Самосудов В.М. Борьба большевиков Сибири против оппортунизма и объединительные тенденции в партийных организациях в период между двумя буржуазно-демократическими революциями // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири. 1905–1920 гг. Томск, 1982. С. 18.
17. РГАСПИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 30. Л. 1-5.
18. Революционное движение в Тобольской губернии... С. 254.
19. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. 239. Оп. 1. Д. 96. Л. 295.
20. ГАТюмО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 71. Л. 68.
21. Там же. Д. 76. Л. 72.

22. Революционное движение в Тобольской губернии... С. 236-237.
23. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 161. Оп. 2. Д. 52. Л. 63-66; Революционное движение в Тобольской губернии... С. 270-273.
24. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 23. Л. 188.
25. Социал-демократ. 1909. 4 июня.
26. Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 138.
27. РГАСПИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.
28. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 23. Л. 232.
29. РГАСПИ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
30. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 23. Л. 230-232.
31. Государственный архив общественных и политических объединений Тюменский области (ГАОПОТО). Ф. 1545. Оп. 6. Ед. хр. 304. Л. 26.
32. Полный текст Устава см.: ГАОПОТО. Ф. 1545. Оп. 6. Ед. хр. 304. Л. 29.
33. РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1828. Л. 5-6.
34. Мельничанский Г.Н. Указ. соч. С. 539.
35. Тюменский рабочий. 1908. 10 сент. // ГАОПОТО. Ф. 1545. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 5.
36. Там же. 1908. 20 дек.
37. Там же. 1908. 24 окт.
38. Там же. 1908. 20 дек.
39. ГАОПОТО. Ф. 1545. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 104.
40. Рябухин Е.И. Указ. соч. С. 222.
41. Революционное движение в Тобольской губернии... С. 265.
42. ГАПК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 123. Л. 108.
43. Текст листовки опубликован. См.: Революционное движение в Тобольской губернии... С. 268-269.
44. Революционное движение в Тобольской губернии... С. 271-272.
45. Рябухин Е.И. Указ. соч. С. 225.
46. Социал-демократ. 1909. 4 июня.
47. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 739. Л. 4-5.
48. См.: Рябухин Е.И. Указ. соч. С. 226.; Революционное движение в Тобольской губернии... С. 281-282.
49. ГАТюмО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 99. Л. 30-32.
50. Там же. Л. 33-34.
51. Рябухин Е.И. Указ. соч. С. 230.
52. Владимир Ильич Ленин и революционное подполье в Сибири. Омск, 1983. С. 179-180.
53. Революционное движение в Тобольской губернии... С. 236, 239, 243.
54. ГАТюмО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 97. Л. 6.

55. Революционное движение в Тобольской губернии... С. 300.
56. ГАТ. Ф. 152. Оп. 24. Д. 135. Л. 14.
57. Рябухин Е.И. Большевицские организации Урала... Ч. 3. С. 142.
58. ГАТюмО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 76. Л. 45.

УДК 93:343.264(571.56)

Е.С. Сальникова

Занятия ссыльных в местах их причисления в Восточной Сибири во второй половине XIX в.

В статье идет речь о положении ссыльных после их распределения в различные районы Восточной Сибири для отбытия наказания. О возможности их трудоустройства, которое представляло определенные трудности. Единственными занятиями были сельское хозяйство, ремесло, промыслы. К тому же труд ссыльных оказался гораздо менее эффективным, чем крестьян-сибиряков.

Ключевые слова: ссылка, поселенцы, сибирское сельское хозяйство, промыслы, добыча золота.

E.S. Salnikova

Employment of exiled in places of their reckoning in Eastern Siberia in second half XIX century

The article is devoted to the situation of the exiled people after their arrival to the different places of East Siberia for punishment's passing. The possibility of their employment presented some difficulties. Their only occupations were agriculture, trade. An additional their labor was much less efficient then that of the local farmers

Keywords: exile, settler, Siberian agriculture, trade, gold recovery

Устав о ссыльных являлся не только законом, регламентирующим ссылку в Российской империи, но и разрабатывал вопросы

по трудоустройству ссыльных в местах их поселения. В Уставе о ссыльных (в статьях 248, 249, 592 и др.) в точности определялись те виды занятий, которые должны были быть предоставлены ссыльным. С этой целью устав разделял ссыльнопоселенцев на пять разрядов: временные заводские рабочие, ремесленники, цеховые слуги, поселенцы, водворяемые рабочие и дряхлые. Они должны были распределяться следующим образом: временные заводские рабочие – на заводы; ремесленники – в особые ремесленные дома; цеховые слуги – оставались преимущественно в городах, и отдавались в услужение; поселенцы – занимались сельским хозяйством и приселялись к деревням старожилов; дряхлые – приписывались к волостям на вольное пропитание (ст. 717); водворяемые рабочие – посылались на общественные работы или же на золотые прииски (ст. 883). До окончательной приписки к местным обществам занятия ссыльных, по закону, осуществлялись под надзором полиции и по распоряжению Приказа о ссыльных.

Что же происходило в действительности? Ремесленных домов в Сибири не существовало, заводов было мало, да и там не было свободных рабочих мест. Поэтому большинство ссыльных причислялось в сельскую местность, в деревни к старожилам. К этой категории ссыльных относились ссыльнопоселенцы, бродяги и после отбытия каторги.

Прибывшие в деревню на водворение ссыльные, которые намеривались воспользоваться по закону наделом, обращались к сельскому старосте с просьбой отвести им землю. До получения земли, ссыльным с семьями приходилось ютиться из милости по избам старожилов. Последние, обыкновенно, входили в положение вновь прибывших ссыльных и редко отказывали им. После ряда проволочек, более настойчивым, старосты селений предоставляли землю. Усадебная и огородная земля отводилась, обыкновенно, в том же размере, каким пользовался каждый крестьянин данного села. При этом ссыльным доставались крайние и худшие участки земли. Надо было приложить много труда, прежде чем привести их в порядок и получить урожай. Покос, выгон, лесные угодья предоставлялись им в общее пользование с прочими старожилами.

Из пришедших ссыльных в назначенные им деревни, брали наделы далеко не все, а их меньшая часть. Препятствием для

ссылных к занятию земледелием, являлась крайняя ограниченность материальных средств или их полное отсутствие. Для того чтобы, приступить к земледелию, надо было купить лошадь, по крайней мере, одну корову, завести соху, борону, телегу, сброу и, наконец, поставить или купить избу. Даже при дешевизне сибирских цен на скот и лес, на все наиболее необходимое требовалось, в самом лучшем случае, ни меньше 50 рублей, число счастливых, обладающей такой суммой, среди ссылных было самое ничтожное. За 5 лет из 11 тысяч 258 человек и их семейств 74% прибыли совсем без средств, а на каждого ссылного, имевшего деньги, приходилось 23 руб. [1].

Примером положения ссылных в местах их причисления может служить произведенная перепись в 70-х годах XIX в. а волостях Енисейской губернии. Семейных среди ссылных 44%, домовладельцев 22% и земледельческих хозяйств 13%. Далее, 57% считается в отлучках и только 43% налицо. Из числа последних: старых и увечных 15% и нищенствующих – 7% [2; 265].

Что собой представлял разряд ссылных, оставшихся на местах причисления? Что побудило их не уходить и каковы были их средства к существованию? Многие ссылные оставались в местах не потому что имели склонность к оседлой жизни и работали над упрочением своего благосостояния, а исключительно в силу физического состояния. Сюда относились прибывшие в ссылку дряхлые и больные, которые не могли передвигаться на далекие расстояния, также ссылные, которые в местах причисления, по разным причинам (лень, отсутствие сил или средств и т. п.) не устраивались никак и не искали заработков, а предпочитали ходить по дворам и питались подаваемым. Количество таких ссылных было достаточно большое: в Енисейской губернии за 1892–96 г – 4,6%, из проживающих в местах причисления, в Иркутской губернии – 5,1% [3; 183].

Из тех, кто смогли завести свое хозяйство, его успешность и прибыльность прямо зависели от количества рабочих рук. Их недостаток, заставлял или нанимать работников, или сокращать размеры хозяйства, или вообще прекращать самостоятельную работу, а на наем батраков у большинства ссылных не было средств. Так, состав и рабочая сила отдельных хозяйств характеризовался следующими цифрами к 1890 году:

	Средний состав хозяйств		%	
	Всего чел.	взрослых	без рабочей силы	с работниками
Енисейская губ.				
старожилы	5,6	1,4	3,9	92,8
ссылные	2,5	0,7	14,7	7,6
Иркутская губ.				
старожилы	5,7	1,4	3,1	93,3
ссылные	2,8	0,7	13,2	7,1

Таблица весьма наглядно показывает, что хозяйства ссылных находились в более неблагоприятных условиях, нежели крестьянские. По сравнению с последними, хозяйства ссылных являлись малосемейными. Средний размер такого хозяйства – около трех человек, а взрослых работников – по одному на семью, тогда как старожилы имели в хозяйстве около шести человек, из которых более двух – работники. Вместе с тем, и число не имеющих дополнительную рабочую силу среди ссылных гораздо выше, чем у старожилков. Около 93% хозяйств последних имели наемных работников. Среди ссылных этот процент составлял от 13 до 17 [4; 220].

Показателем оседлости поселенцев служил, прежде всего, факт наличия у них усадьбы и двора. Не имея своего дома и хозяйства, невозможно было заниматься сельскохозяйственным трудом. Среди хозяйств старожилков, в Енисейской, Иркутской губернии и Забайкальской области насчитывалось едва лишь 5% не имевших дома, среди хозяйств ссылных в Енисейской, Иркутской губернии – 51,5% и 51,4%, в Забайкальской – 34,5%.

Более всего интересны сведения о количестве крупного рогатого скота и лошадей у ссылных – двух главных источников обеспечения крестьянского быта в Сибири:

	Хозяйства без кр. рогатого скота	на одно хозяйство приходится	
		кр. скота	рогатого в т. ч. лошадей
Енисейская губ.			
старожилы	5,7	12,4	4,9
ссылные	53,3	1,9	0,9
Иркутская губ.			
старожилы	7,9	7,4	3,3
ссылные	62,7	1,1	0,5
Забайкальская обл.			
старожилы	4,8	5,6	3,2
ссылные	41,2	4,4	1

Среди ссылных более половины были без всякого скота. У еще большего числа не было и рабочих лошадей. Более всего «безлошадных» ссылных было в Иркутской губернии – 70%, в ней же более всего ссылных без крупного рогатого скота – 65,5%. Во всех описываемых местностях скотоводство являлось одним из самых крупных промыслов. Количество крупного и мелкого скота достигало высоких цифр, совершенно неизвестных в России. Так, в Енисейской губернии на каждое хозяйство приходилось в среднем 26,9 голов всякого скота, в Иркутской – 14,9 и в Забайкальской – 24,8. У ссылных же скота на одно хозяйство приходилось от 2 до 6 голов, что, по общему уровню сибирского скотоводства, составляло ничтожное количество. И рабочих лошадей насчитывалось в среднем гораздо меньше у ссылных, чем у крестьян-старожилов. Последние имели от 3,2 до 4,9 рабочих лошадей, а ссылные от 0,1 до 1 рабочей лошади, а благосостояние крестьянских хозяйств зависит от числа рабочих лошадей не менее, чем от числа рабочих рук [3; 181].

После земледелия и скотоводства не малую роль в быту местного населения играли занятия промыслами и ремеслами. Согласно Уставу о ссылных, в течение 10 лет, предшествующих переходу ссылнопоселенцев в государственные крестьяне, который совершался с согласия крестьянских обществ, им разрешалось отлучаться на заработки. Заниматься торговлей и промыслами, они могли не раньше 3-х лет со дня водворения.

В Енисейской губернии, примерно 19% старожилов были заняты разными промыслами и ремеслами. Среди ссылных было около 25,3% мужчин, которые занимались этим, т. е. ссылные были больше заняты промыслами, чем старожилы. Это явление было вполне объяснимым. У сибирских крестьян главным делом

было сельское хозяйство, которое шло у них достаточно успешно, а промыслы и ремесла являлись побочным. Между тем, большинство ссыльных, не имея земли, искали себе другой источник существования. В Иркутской губернии ремеслами и промыслами занимались 23% крестьян, ссыльных – 29,1% .

Важнейшими сибирскими промыслами являлся извоз, лесные промыслы, охота и рыболовство.

	Занятия ссыльных (%)	
	Енисейская губ.	Иркутская
Земледелием	6,9	4,9
Земледелием и промыслами	14,1	11,0
Торговлей	2,9	4,3
Ремеслами и кустарными промыслами	15,4	13,0
Извозом, рыболовством заготов. дров	2,9	2,8
Письменными работами и учительством	1,3	1,5
Смешанными промыслами	11,8	2,8
Поденными работами	7,6	6,1
Срочными черными работами	25,7	35,7
Другими наемными работами	3,8	6,0
Без определенных занятий	3,3	2,7 [3; 185].

Приведенный расчет был сделан только на наличных ссыльных, а те, кто был уволен по паспортам и находился в безвестной отлучке, не учитывались. Но и при расчете на оседлых, оказывалось, что одним земледелием могли существовать около 5%, а 12,5% вынуждены были заниматься сельским хозяйством и искать дополнительный заработок в виде разных промыслов. Особое значение играли ремесла и кустарная промышленность, которыми занимались 14% ссыльных. Торговля привлекала к себе только 2,9 и 4,3% ссыльных, причем большинство из них торговали незаконно, без разрешения администрации. Среди торговцев было немало евреев, а из остальных те, кто имели коммерческие наклонности и те, кто привезли в ссылку деньги.

Совсем ничтожный процент ссыльных – около 1 – занимались письмоводством и учительством. Занятие письмоводством

осуществлялось, обыкновенно, в виде службы сельскими писарями и помощниками сельских писарей. Из 134 писарей трех Иркутских уездов 39 было ссыльных. Значение писаря в сельской среде, при невежественности крестьянского населения, было большим. От писаря в большой степени зависела защита прав крестьянского общества и отдельных крестьян. От него же зависело благополучное исполнение своих обязанностей разными выборными должностями – старостой, сборщиком налогов и др. Если писарь хотел, то всегда мог подвести под ответственность, даже уголовную, занимающего ту или иную должность крестьянина, обыкновенно, столь же безграмотного, как и другие односельчане. Между тем, ссыльные, попадающие на должность писарей, были лица самой низкой нравственности, обыкновенно, сосланные за подлоги, растраты, мошенничество и т. п.

То же самое можно сказать и про ссыльных, обучавших крестьянских детей грамоте. Безусловно, способствуя распространению просвещения, столь нужного в Сибири, они, наряду с сельскими писарями из ссыльных, внесли и укоренили в крестьянской среде страсть к жалобам, к бесосновательным искам и т. п.

Торгово-промышленных заведений по Иркутскому, Балаганскому и Нижнеудинскому уездам насчитывалось:

	У старожилов	%	У ссыльных	%
Мест для продажи крепких напитков	69	0,3	28	0,8
Лавок разных	95	0,5	57	1,6
Водных и др. мельниц	427	2,0	14	0,4
Кузниц	444	2,1	58	1,6
Прочих заведений	292	1,4	55	1,6
Всего	1327	6,3	212	6,0

Трактиры и лавки содержали большой процент ссыльных. По отзывам местных властей и жителей края, ссыльные были не очень хорошие торговцы, ремесленники и промышленники. Большинство из них были склонны к пьянству, на которое тратили весь свой заработок, неаккуратны в работе и обыкновенно не прочь обмануть своих покупателей [4; 229].

Одним из наиболее привлекательных промыслов для ссыльных был наем на золотые прииски. Оставляя деревни старожилов, ссыльные отправлялись искать по Сибири более выгодного заработка. Золотые прииски служили главной ловушкой, привлекаю-

щей тем, что проработав менее полугода, можно было возвратиться с деньгами, тем более, что задатки давали весьма хорошие.

Ссылный получал задаток в 5 руб. и подписывал контракт. Со дня получения задатка он находился у нанимателя в полном расположении. Большею частью рабочие нанимались на сроки от 1 апреля до 10 сентября. Договорная плата по 3 руб. в месяц. По закону 1838 г. рабочие на приисках должны были работать не более 14 часов (с 5 утра до 8 вечера с перерывом на обед). Это зачастую не выполнялось, работали больше.

«Наем на промыслы не только замедлял водворение ссылных на места причисления, но и часть их вовсе лишал возможности водвориться. Раз попав на прииски за тысячу верст от места причисления, поселенцы часто не имели возможности вырваться оттуда, и вынуждены были колесить по тайге всю свою жизнь, до тех пор, пока не сделаются совершенно негодными к работе и приисковая полиция не вышлет их к месту причисления – умирать» [5].

Серьезной проблемой для успешного водворения ссылных было отсутствие внимания к индивидуальным особенностям ссылных, которое наблюдалось при их распределении. Местная администрация не учитывала профессиональные наклонности ссылных. Вот только два примера подобной ситуации. «Живя постоянно в г. Иркутске с женой двумя сыновьями и тремя дочерьми, я занимаюсь промыслами, свойственными городским обывателям, потому что не могу быть способным к сельским работам, а посеми, испросив от местного крестьянского общества увольнительное свидетельство, желаю перечислиться вместе с семейством своим в мещане г. Иркутска». Ответ казенной палаты: «Крестьянин из поселенцев Иркутского округа, Малгинского селения Ипполит Иванов, сосланный в каторжные работы на пять лет, после отбытия этого срока, причислен на поселение, где находится по настоящее время. Указом Сената 10.10.1858 запрещается поселенцам, бывшим в каторжной работе, переход в городские сословия, а посеми в просьбе Иванову отказать» [6].

Водворяемый рабочий Архип Щапов обратился с просьбой о перечислении его в мещане г. Минусинска, так как он способен к земледелию и постоянно занимается торговлей. На что управляющий губернией отвечает, что проситель оказался поведения хорошего, под судом не был и со стороны общества нет

препятствий на перечисление в Минусинск, но т. к. он сослан только в 1856 г. и не пробыл 10 лет на поселении и, следовательно, на основании 896 ст. Устава о ссыльных, не может пользоваться правом перечисления в мещане [7].

Первоначально ссылка в Сибирь носила колонизационный характер, увеличивала русское население, способствовала развитию земледелия и ремесел. Но с притоком в край добровольных переселенцев, количество свободных земель резко сократилось, государство не смогло организовать постоянных работ, да и те, кому посчастливилось найти себе занятия, их труд оказался менее эффективным, чем крестьян-сибиряков.

Примечания

1. Восточное обозрение. 1900. 4 июня.
2. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Изд. 2-е исп. и доп. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1882. 474 с.
3. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Иркутск: Тип. штаба и газ. «Восточное обозрение», 1889. Т. 1. 190 с.
4. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения. СПб.: Тип. С.-П. тюрьмы, 1900. С. 339.
5. Вагин В.И. Ссыльные приисковые рабочие // Сибирь. № 39-42.
6. ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 394.
7. ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 50. Л. 11.

УДК 323.2 (С18)

И.П. Серебrenников

Террористическая деятельность ссыльных революционеров в Восточной Сибири в межреволюционный период (1907–1916 гг.)

Статья посвящена террористической и экспроприаторской деятельности ссыльных революционеров в 1907–1916 гг. в Восточной Сибири. Раскрываются как непосредственные выступления приверженцев терроризма, так и их взгляды на этот вид борьбы с самодержавием.

Ключевые слова: покушение, революционеры, ссылка, терроризм, террористический акт, экспроприация.

Terrorist activity exile revolutionaries in the Eastern Siberia in interrevolutionary period from 1907 to 1916

The article is devoted to terrorist and expropriative activity of exile revolutionaries in the Eastern Siberia from 1907 to 1916. Both direct actions of supporters of terrorism are considered and their opinions for this kind of struggle with the autocracy are investigated by the author.

Attempt, exile, expropriation, revolutionaries, terrorism, terrorist act.

С подавлением революционных выступлений 1905–1907 гг. российским властям удалось установить относительный порядок в стране. Арестами, ссылкой и казнями революционным партиям и организациям был нанесен серьезный урон. Оставшиеся на свободе революционеры либо ушли в подполье, либо оказались в эмиграции. Большая часть активных участников партии социалистов-революционеров и анархистских организаций были высланы в Восточную Сибирь. Среди них были сторонники радикальных средств борьбы с самодержавием, таких как политические убийства и экспроприации. Они не только не отказались от террористической деятельности, но и пытались возобновить ее в новых для себя жизненных условиях.

Одними из первых в межреволюционный период террористическую активность проявили ссыльные Туруханского края Енисейской губернии. «Их идейным вождем стал проповедник ассоциативного анархизма П.Д. Турчанинов (Лев Черный), создавший в Осиново группу своих последователей из числа ссыльных и местных жителей»¹. На собраниях в Осиново Турчанинов, дебатирова с ссыльным Яном Тиллоком, меньшевиком по своим убеждениям, доказывал, что не следует подчиняться никаким распоряжениям администрации, а нужно вести постоянную борьбу и для этого на каждом станке организовывать вооруженную группу. Единомышленники Турчанинова настаивали на необходимости насильственных действий против администрации и протеста против несвоевременной выдачи пособий посредством грабежей, т. е. совершением экспроприаций.

4 февраля 1908 г. полицейскому уряднику 1-го участка Туруханского края И. Дуракову местный крестьянин Е. Плотников доставил письмо неизвестного ссыльного за подписью «Е», в котором говорилось о задуманном анархистами-коммунистами нападении с целью ограбления на почту, следующую из Енисейска в Туруханск, а также предлагалось напасть на самого Дуракова, когда он повезет 4000 рублей для раздачи политическим ссыльным². Оба плана не были, по неизвестным причинам, приведены в исполнение.

Однако доведенные до отчаяния ссыльные, все же приступили к активным действиям. 26 августа 1908 г. один из них близ деревни Конготовой с целью ограбления тяжело ранил полицейского урядника. 28 августа группой ссыльных анархистов во главе с Дроновым в деревне Селиванихе был ограблен на 11000 рублей магазин английской фирмы «Рошет». Здесь же были захвачены 3 двуствольных ружья и 10 револьверов³. При нападении был ранен оказавший сопротивление управляющий магазина⁴.

В первых числах декабря по обвинению в совершении указанного ограбления были арестованы политические ссыльные Кадинер и Левин и под конвоем отправлены в Енисейск. В деревне Осиново они были освобождены в ночь с 6 на 7 декабря: помещение, где находились арестованные, подверглось нападению группы политических ссыльных. В результате перестрелки были убиты два конвоира и ранены хозяйка квартиры и два частных лица, следовавших в партии. Это выступление потопило начало разработанного Турчаниновым «плана массового коллективного побега из ссылки, который был назначен на весну 1909 г. в южном направлении, в сторону Енисейска»⁵. Однако после присоединения нескольких местных ссыльных анархисты направились в Туруханск, совершая по дороге политические убийства и экспроприации. Ими были убиты: полицейский надзиратель Нешумаев, помощник пристава Водяников, заподозренный в измене политический ссыльный Хозяшев, 2 казака, купцы Пономарев, Вяткин, Войлочников (Войлошников), а также ранены несколько человек, в том числе и мирные жители. В деревне Чулково беглецы ограбили почту, а на станках Верхне-Инбатское, Ново-Черноостровский, Мироедиха, Монастырский и других экспроприациям подверглись зажиточные крестьяне

и купцы. Трудно точно сказать, какая сумма попала в руки беглецов. Я.М. Свердлов считает, что, по приблизительным подсчетам, было набрано не менее 40–50 тысяч рублей⁶. Его предположение находит частичное подтверждение в воспоминаниях Д.И. Ермаковского, который говорит, что бывшего с беглецами врача они отпустили, наградив суммой в 10 000 руб.⁷

По дороге к группе присоединялись лишь отдельные ссыльные. Общее число беглецов составило, в конечном итоге, 20 человек, из них 9 анархистов, 1 максималист, 2 польских социалиста с «террористическим уклоном», 6 социал-демократов, 2 беспартийных (один из них – уголовный)⁸. 20 декабря беглецы заняли Туруханск, где освободили из тюрьмы политзаключенных, ограбили кассу и почту, разгромили полицейское управление и уничтожили архив. Пополнив запасы продовольствия и боеприпасов, группа двинулась дальше на север.

Для прекращения беспорядков в Туруханский край была направлена воинская команда под начальством офицера и командирован временно командующий 8-й Восточносибирской дивизией генерал-майор Трофимов с ротой стрелков и взводом казаков. 4 февраля 1909 г. край был объявлен на военном положении. 5 февраля беглецы были застигнуты воинской командой около селения Хатанга. После перестрелки, в которой погибло несколько бунтовщиков, оставшиеся в живых были захвачены. Кроме того, еще 150 политических ссыльных были арестованы по подозрению в пособничестве беглецам и в их укрывательстве. Край захлестнула волна репрессий⁹.

Эти события конца 1908–начала 1909 гг. получили название «Туруханского бунта». Е.И. Чувашова называет это выступление анархическим «не столько по количеству анархистов, принявших в нем участие, сколько по формам и методам деятельности»¹⁰. По вопросу о характеристике Туруханского бунта вполне можно согласиться и с мнением А.А. Штырбула. Отдавая должное мужеству участников выступления, он все же признает, что бунт стал «примером авантюризма в вопросе о вооруженном выступлении»¹¹. «Бунт не был увязан с политической ситуацией в стране и крае, не нашел отклика в массах ссыльных и местных жителей, не принес свободы его участникам и надолго резко ухудшил положение политссыльных»¹².

Достигнутый, казалось бы, порядок стал нарушаться уже со второй половины 1910 г. Так, 24 сентября в Бодайбо было совершено нападение местными ссыльными на магазин Степанченко, в результате которого было похищено 4500 рублей деньгами и золотом. Вскоре злоумышленники были задержаны, а при них найдены золотые вещи и деньги. Неудачной для ссыльных оказалась попытка совершить экспроприацию на прииске Блинова: ничего забрать не удалось. Но в результате этого нападения погибли сам Блинов, управляющий прииском, стражник, а также был убит один из грабителей¹³.

С началом нового революционного подъёма в революционной среде в Восточной Сибири стали вновь возникать разногласия по тактическим вопросам. Это привело к попыткам возобновить террористическую деятельность в крае. Особенно энергично стала настаивать на этом часть эсеров, образовавшая боевое течение среди политических ссыльных и членов местных организаций.

Толчком к возобновлению террористических актов послужили события в Горном Зерентуе, где в ночь на 28 ноября 1910 г., пытаясь остановить произвол начальника каторги И.И. Высоцкого, покончил жизнь самоубийством известный эсер Е.С. Созонов. Реакция на смерть товарища в эсеровской среде была острой: сразу же встал вопрос о проведении террористического акта по отношению к главному виновнику этой трагедии – Высоцкому. В Департамент полиции уже в декабре 1910 г. поступали сведения о том, что из-за границы по постановлению Совета ПСР в Россию командировается боевой отряд для выполнения акта «возмездия».

Откликнулись на трагические события и местные эсеры. Из агентурных данных стало известно, что 16 декабря 1910 г. во время прогулки во дворе иркутской тюрьмы староста Земсков предложил семи арестантам, принадлежащим к партии социалистов-революционеров, обсудить вопрос о террористическом акте по отношению к начальнику Зерентуйской тюрьмы. Во время обсуждения была вынесена резолюция, смысл которой сводился к тому, что террор необходим не только в отношении Высоцкого, но и всех, причастных к Зерентуйской истории¹⁴.

В конце того же декабря местными жандармами были получены сведения о том, что в Зерентуйскую тюрьму должны быть доставлены из Читы взрывчатые вещества для проведения терак-

та. Ввиду этого начальником тюрьмы был произведен обыск, во время которого было обнаружено 15 фунтов взрывчатых веществ¹⁵. Но, несмотря на такой горячий отклик на трагедию в Горном Зерентуе, террористический акт по отношению к Высоцкому удалось совершить лишь спустя почти год после трагедии.

Тем временем активизировалась работа эсеров в Иркутской губернии по сплочению политических ссыльных и включению части их в свою деятельность, пополнив таким образом ряды партии. Усиленно занималась сплочением ссыльных водворенная на поселение в г. Киренске Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Сочувствующая партийной деятельности на автономных началах, независимо и помимо Центрального Комитета, она, пользуясь своим авторитетом, сумела организовать летом 1911 г. «Автономную группу партии социалистов-революционеров» в целях постановки и оживления партийной работы в пределах Сибири. Эта группа насчитывала с самого начала до 30 человек. Из ее состава выделился особый «Сибирский летучий боевой отряд», который, по имевшимся у полиции сведениям, базировался в окрестностях села Черемхово. Главной целью отряда было возродить террористическую деятельность. Сибирский летучий боевой отряд в свою очередь выделил организованный в селе Зима так называемый «Зиминский поселковый отдел комитета боевой организации» численностью около 15 человек¹⁶.

Как следует из донесений и отчетов в Департамент полиции, во второй половине 1911 г. в Иркутске была осуществлена попытка создания «Сибирской автономной боевой группы» ПСР с её летучим отрядом. Главным организатором этой группы явился ссыльнопоселенец того же Киренского уезда, бежавший из мест водворения, Георгий Николаевич Бердиев. Его ближайшим помощником был Михаил Михайлович Вишневский, также ссыльнопоселенец. В группу вошли: А.С. Сыромьяский, бывшая сельская учительница К.А. Катышевцева и мещанка г. Илимска М.И. Ахроменко. По данным полиции, в состав «Автономной боевой группы» намеревались также вступить два ссыльнопоселенца, известные лишь по кличкам «Аркадий» и «Семеныч». Своей главной задачей группа поставила поднятие революционного настроения масс путём «предъявления... намеченных к повсеместному исполнению террористических актов в отношении

органов правительственной власти», главным образом, должностных лиц тюремной администрации¹⁷.

Есть основания считать, что упомянутый выше «Сибирский летучий боевой отряд», выделившийся из «Автономной группы партии социалистов-революционеров», и созданная Бердиевым «Сибирская автономная боевая группа» одно и то же боевое формирование эсеров (либо последнее формирование являлось отделением первого). Во-первых, их деятельность освещается совместно в делах Особого отдела Департамента полиции под названием «Автономная группа ПСР в Сибири и при ней Летучий боевой отряд»¹⁸. Во-вторых, в делах есть упоминание о том, что Бердиев в начале июня 1911 г. ездил к Брешко-Брешковской, которая «вполне одобрила его начинание и благословила на «такое хорошее дело»¹⁹. В-третьих, в полицейских отчетах говорится о том, что первым террористическим актом, совершенным по инициативе группы Бердиева, стало покушение на начальника Горно-Зерентуйской тюрьмы Высоцкого, выполненное Лагуновым²⁰, назвавшимся членом боевой организации Сибирской группы ПСР. В-четвёртых, вдохновителем и главным организатором покушения называется в одном донесении Брешко-Брешковская, а в другом – Георгий Бердиев, что, в общем-то, не противоречит выдвинутому предположению, так как последний действовал, как уже отмечалось выше, с благословения «бабушки русской революции».

Автономная группа предполагала организовать в Черемхове, а затем и в Ачинске, типографии, но эти дела были отставлены на будущее, так как на тот момент все средства группы были направлены на подготовку и осуществление террористического акта по отношению к начальнику Горно-Зерентуйской каторжной тюрьмы.

18 августа 1911 г. в квартире начальника Горно-Зерентуйской тюрьмы прогремел выстрел: по поручению Сибирского летучего боевого отряда было совершено покушение на Высоцкого. Около 10 часов утра в парадный подъезд квартиры Высоцкого позвонил неизвестный мужчина. Предъявив визитную карточку, в которой значилось: «Фёдор Никитич Тумашев, инженер-механик», сказал, что ему нужно видеть начальника тюрьмы для переговоров о найме арестантов на работы. Высоцкий принял посетителя в своём кабинете, сказав при этом, чтобы старший над-

зиратель Казанцев на всякий случай остался стоять в передней. Во время разговора под видом того, что собирается закурить, запустил руку в карман, но вместо спичек вытащил браунинг и выстрелил в Высоцкого, легко ранив его в правый бок. Второй выстрел также не достиг цели: нападавший промахнулся. Задержанный на месте преступления нападавший заявил, что он член боевой организации Сибирской группы партии социалистов-революционеров и что действовал по приговору партии²¹.

Во время допросов террорист вновь заявил, что «совершил покушение на Высоцкого по поручению боевой организации Сибирской группы П.С.Р., как приведение в исполнение приговора за смерть Сазонова»²². Он также утверждал, что является Тумашевым. На другие вопросы отвечать отказался. 24 августа все же дал показания, что он – ссыльнопоселенец Преображенской волости, Киренского уезда, Иркутской губернии Бер (Борис) Исаакович Лагунов.

По имевшимся у полиции сведениям, террористические акты замыслились членами Сибирского летучего боевого отряда в отношении бывшего прокурора Пограничного окружного суда Миллера, Иркутского и Томского губернаторов П.К. Грана и Ф.А. Бантыша, чиновника Иркутского жандармского управления статского советника Кондрашова²³.

Неудача покушения на И.И. Высоцкого вызвала решение повторить террористический акт «более надежным и испытанным лицом». Таким человеком был намечен М.М. Вишневский, выразивший полную готовность исполнить приговор партии. Только его арест в Иркутске в ночь с 3 на 4 декабря 1911 г. не дал возможность осуществить очередное покушение²⁴. По данным полиции, Г.Н. Бердиев сам отправился для организации покушения, но 5 июля 1912 г. был задержан в Благовещенске²⁵.

Заявил о себе и Зиминский поселковый отдел комитета боевой организации. 9 октября 1911 г. им было издано 500 экземпляров листовок по поводу убийства Богровым П.А. Столыпина, в которых содержался призыв к сбору денежных взносов²⁶. Последовавшие осенью 1911 г. аресты привели к разгрому «Автономной группы партии социалистов-революционеров» и ее «Сибирского летучего боевого отряда». Таким образом, развить широкую террористическую деятельность ссыльным социалистам-революционерам не удалось.

Ссылные анархисты заявили о своём существовании в 1910–1911 гг. лишь двумя неудачными попытками вымогательства денег. 5 марта 1910 г. владелец колбасного заведения в Иркутске Р. Эйхлер получил от неизвестного лица письмо от имени анархистов с требованием 1000 рублей, о чем заявил в Охранное отделение. 10 марта в магазин явился тот же неизвестный, где и был задержан. Он назвался Иваном Александровичем Семеновым, но на допросе показал, что в действительности является бежавшим из Нарымского края В.В. Готовым, сосланным в Сибирь за принадлежность к новороссийской группе анархистов-коммунистов. В Иркутске он познакомился с неким «Петром», которому и принадлежала инициатива требования денег у Эйхлера²⁷.

25 июня 1911 г. к крестьянину Мальтинской волости И.Г. Паршенникову, торговавшему близ станции Касьяновка Сибирской железной дороги, явился неизвестный молодой человек и подал письмо от имени анархистов-коммунистов с требованием о немедленной выдаче подателю письма 300 рублей. В случае отказа следовала угроза более решительных мер по отношению к крестьянину. Паршенников в выдаче денег отказал. Податель требования тотчас вышел и убежал в лес, где был арестован во время облавы. Задержанным оказался ссыльнопоселенец Балаганского уезда И.И. Чередников²⁸. Как в первом, так и во втором случае не последовало выполнения угроз в отношении Эйхлера и Паршенникова, поэтому вполне можно считать, что эти выступления были совершены анархистами одиночками, а не хорошо организованными группами.

Учитывая уроки прошлого и историю боевых организаций в России, видные представители революционных кругов каторги и ссылки стали разрабатывать проекты таких боевых групп, которые могли бы явиться сильным оружием в борьбе с правительством. В конце концов, они остановились на мысли о создании беспартийных террористических групп из представителей различных левых партий.

На деле эта идея была воплощена в образовании в 1911 г. в Верхотенском уезде Иркутской губернии межпартийной организации «Союз революционных социалистов». Инициаторами создания «Союза» выступили ссыльные большевики Е.М. Комаров, М.А. Булычев и эсер Е.А. Пославский. Из показаний Булычева,

данных впоследствии полиции, следует, что идея создания подобного сообщества возникла у него и Комарова еще летом 1910 г. Но первоначально мысль эта была неопределенной и все ограничилось лишь разговорами. Осень и зиму они переписывались, а уже в мае 1911 г. вновь встретились и решили на деле проверить свою готовность к боевой деятельности²⁹. С этой целью, а также, по-видимому, и для добычи денег, необходимых для начала формирования организации, 28 июня 1911 г. Комаров и Булычев совершили нападение на почту близ села Жигаловского, во время которого был убит почтальон Лисецкий³⁰. Позднее к Комарову и Булычеву присоединился Е.А. Пославский, после чего они уже втроем активно взялись за создание организации.

Члены «Союза» ставили своей задачей подготовку всеобщего вооруженного восстания в России для ниспровержения существующего строя и созыва всенародного учредительного собрания, после чего деятельность самого «Союза» ликвидировалась, а его члены переходили вновь к своим партиям. Проведенным полицией расследованием стало известно, что практическая деятельность организации должна была свестись к созданию складов оружия, широкой пропаганде своих идей, особенно в войсках, наконец, в формировании отдельных боевых дружин. Согласно указанным целям, были намечены «фракции»: литературная для ведения нелегальным путем агитации посредством печатных изданий; техническая должна была заняться приготовлением взрывных снарядов для боевой деятельности организации; штабная для сбора сведений о местностях и ведения личным составом «Союза» и, наконец, боевые дружины. Из всех этих «фракций» вполне организовалась лишь последняя, получившая название «Первой Сибирской народной дружины».

Девизом дружины были объявлены слова: «Жить в свободе, умереть в борьбе». Был выработан устав, который утвердили в марте 1912 г. Согласно уставу, основная цель дружины – «организация вооруженной борьбы с царским правительством путем партизанских (групповых и единоличных) выступлений против его учреждений и агентов». Пути для достижения этой цели разнообразны: захват «мелких правительственных центров», как, например, волостных и уездных правлений, почтовых контор и казначейств для уничтожения делопроизводства, чтобы тормозить таким образом деятельность правительственного механиз-

ма, и убийства «более энергичных» представителей власти. В случае серьезной необходимости, «лишь при серьезных денежных затруднениях дружины (чтобы не отвлекать ее силы на «экспроприаторский путь»)», разрешалось совершение конфискаций казенных сумм. Также допускалась экспроприация и частных средств, но при этом делалась оговорка о том, что прибегать к этому дружина будет «только в случаях крайней необходимости, когда нет возможности захватить суммы, принадлежащие правительству»³¹.

В организационном плане дружина имела следующий вид. Согласно выработанным в уставе правилам, она должна состоять из 13 членов, которые выбирают из своей среды: а) «воеводу» для руководства деятельностью дружины во время походов и активных выступлений; б) «заведующего хозяйством», на обязанности которого лежат заботы о продовольствии, одежде и амуниции дружинников; в) «оружейника», следящего за исправным состоянием вооружения и боевых припасов дружины и ведущего учет всем боевым ее средствам; г) «кассира», хранящего дружинную кассу...»³². Три последних ответственных лица периодически должны предоставлять отчеты. Каждый член дружины снабжался винтовкой и револьвером. Для вновь вступающих в состав организации были выработаны строгие правила: или личная рекомендация под свою ответственность испытанного члена дружины (активного или содействующего), или первоначальное прохождение кандидатом стажа «вспомогательного члена», путем оказания ряда услуг. Интересен тот факт, что вспомогательным (содействующим) агентом могли стать и женщины (что в действительности и было), но в саму дружину они не принимались³³.

Члены дружины организовали в глухой тайге четыре склада-тайника, в которых хранились съестные и боевые припасы и которыми дружинники пользовались как жилищами, в них они укрывались после своих боевых выступлений. В распоряжении организации имелась и химическая лаборатория для изготовления бомб³⁴.

Несмотря на заявление о лишь вынужденном характере экспроприаций, деятельность дружины в итоге свелась только к грабегам. Первым активным выступлением дружинников стало ограбление почты близ села Манзурки в ночь на 31 марта 1912

г., во время которого было похищено 920 руб. наличными, 2814 руб. почтовыми и 5100 руб. контрольными марками. 10 апреля в селе Боганты были обнаружены Комаров и Булычев. При их задержании последний оказал вооруженное сопротивление, ранив пристава 3-го стана Верхоленского уезда Голаменского и урядника Понкратова. При этом Булычев сам был ранен и взят под арест, а Комарову удалось скрыться³⁵.

Остальные члены дружины были обнаружены полицией и солдатами 3 июня около деревни Пономаревой, где они предполагали произвести очередное ограбление почты. При задержании дружинники оказали серьезное сопротивление представителям власти. И все же силы оказались неравными. В итоге большая часть членов дружины была арестована, а некоторые убиты во время этого столкновения. В числе убитых оказался и руководитель дружины Е.М. Комаров. В результате усиленных действий властей «Первая Сибирская народная дружина» была ликвидирована³⁶.

Деятельность дружины вызвала горячие споры в среде политических ссыльных Верхоленского уезда. Между социал-демократами и социалистами-революционерами возникли разногласия по вопросу о целесообразности существования подобной организации и, главным образом, о ее тактике. Произведенное членами дружины ограбление почты близ села Манзурка послужило поводом к полному разрыву между ссыльными различных партийных убеждений. Большая часть ссыльных социалистов-революционеров вполне одобрила деятельность дружинников, оправдывая факт нападения на почту необходимостью приобретения средств для дальнейшей работы. В то же время почти все ссыльные социал-демократы и небольшое число эсеров критиковали подобную боевую деятельность, называя членов дружины бандитами и разбойниками, и поспешили отмежеваться от этого объединения, вынеся резолюцию протеста, которую направили в сибирские газеты³⁷.

Тот факт, что среди отдельных ссыльных социалистов-революционеров были еще сильны настроения в пользу террора, подтверждают сведения полиции. Так, в состав «сплоченной организации социалистов-революционеров», существовавшей в Тутурской волости Верхоленского уезда во второй половине 1912 г., входил В.В. Колосовский, который являлся, по данным

полиции, «весьма серьезным деятелем боевого дела». Им летом того же года было намечено проведение ряда террористических актов, как указывали жандармы, «в целях поднятия всей ссылки и перенесения затем боевой партийной работы в пределы центральной России». С этой целью некоторые ссылкиные вели занятия по усвоению знаний боевой деятельности³⁸.

С разгромом «Сибирской автономной группы ПСР» и ее «Сибирского боевого летучего отряда» не оставлялись планы возобновления проведения террористических актов не только в Сибири, но и в Центральной России Е.К. Брешко-Брешковской. Так, 17 февраля 1912 г. в Киренске с ее участием состоялось совещание, на котором было принято решение организовать покушение на императора, если в связи с 300-летним юбилеем царствования дома Романовых «Манифест 1912 г. не коснется полной амнистии ссылкиных»³⁹. В марте 1913 г. в Киренске при участии все той же Брешко-Брешковской ссылкойным В.О. Мигуцким была организована боевая группа из возвращавшихся в Европейскую Россию административно-ссылкиных Л. Юнгера, Б. Билевича, П. Дронова, Х. Ярчука. Но, оказавшись на родине, они не выполнили планов⁴⁰.

В Иркутской губернии в 1913 г. в сёлах Черемхово и Зима действовала группа анархистов во главе с ссылкойнопоселенцами А. Гломаздой и А. Стуре. 27 августа этой группой была проведена экспроприация в Зиминской почтово-телеграфной конторе, где было похищено 5148 руб. 33 коп., винтовка и револьвер⁴¹. В ограблении, по агентурным сведениям, кроме упомянутых Гломазды и Стуре, также участвовали: В. Бондурко, М. Ямпольский, неизвестные «Михаил» и «Николай» и уголовный ссылкойнопоселенец С. Белов. Ограбление было совершено при участии чиновника конторы Скрыпова.

В начале июля 1913 г. в село Гымыль Балаганского уезда прибыли на поселение В.В. Гургенидзе и А.А. Апридонидзе. Гургенидзе сразу по прибытии начал выказывать стремление организовать группу анархистов. В августе он получил письмо из Черемхова от М. Ямпольского с предложением присоединиться к уже существующей группе, для чего был приглашен на собрание, которое состоялось 3 сентября. В нем приняли участие: А. Гломазда, А. Стуре, М. Ямпольский, В. Бондурко, «Михаил», «Николай», В. Гургенидзе, А. Апридонидзе. Было решено о слиянии

единомышленников Гургенидзе с черемховской группой. Объединённая группа поставила своими задачами: пропаганду идей анархизма, экспроприации казённого имущества и террор в отношении «наиболее выделяющихся своей деятельностью розыскных чинов правительства». При этом каждому члену группы был предоставлен выбор области деятельности: Гургенидзе избрал пропаганду, а остальные участники собрания решили быть «активными боевиками». Новых членов в организацию было решено принимать при условии безукоризненности их революционного прошлого. На этом же собрании была «произведена оценка жизни и деятельности каждого из вошедших в группу в соотношении задач, какие намечала себе группа». При этом было решено исключить из состава организации А.А. Апридонидзе «ввиду его нетрезвого и разгульного образа жизни»⁴².

10 сентября члены группы решили в целях конспирации и более успешной деятельности нанять отдельную усадьбу вблизи села Гымыль, где ими и была обоснована штаб-квартира. В усадьбе постоянно проживали Бандурка, Ямпольский, Гургенидзе и Нискей, а остальные члены группы бывали здесь лишь периодически. А. Гломазда по подложному паспорту выехал за границу для установления связи с заграничным центром анархистов⁴³.

Развить широкой деятельности не удалось и этой группе. В результате арестов и обысков, произведённых 1 октября 1913 г. в сёлах Черемхово и Гымыль, она была частично ликвидирована полицией⁴⁴. Оставшиеся на свободе члены группы проявили себя ограблением 9 ноября конторы копей Мильнера, во время которого был убит урядник Бондарук, и 16 ноября Куйтунской почтово-телеграфной конторы, где было похищено 3086 рублей 6 копеек наличными деньгами и 131 рубль 41 копейка почтовыми марками и оружие⁴⁵.

К концу нового революционного подъёма в эсеровских кругах Восточной Сибири как среди ссыльных, так и членов местных организаций, удалось здраво осмыслить текущую политическую ситуацию в стране и пересмотреть тактические вопросы в соответствии с существующими реалиями жизни. В частности, ими была понята и преодолена ошибочность представлений о применении террора как действенного средства борьбы с самодержавием.

Однако оставались ещё люди, которые пытались вернуться к действиям периода первой революции в России и последовав-

шей за ней реакции. В 1914 г. ссыльнопоселенец Серов получил от бывшего ссыльнокаторжного Кутомарской тюрьмы Израиля Брильона письмо, в котором последний писал, что, несмотря на вероятное осуждение партией его поступка, он решил совершить акт в отношении инспектора Главного тюремного управления И.П. Сементовского. В качестве побудительного мотива к совершению покушения И. Брильон называл репрессивные меры, принятые Сементовским в отношении каторжан, и в частности, лично против него, при подавлении в августе 1912 г. беспорядков, учинённых заключёнными в Кутомарской тюрьме. О намерениях Брильона стало известно полиции, и директор Департамента полиции личным письмом предупредил Сементовского о грозящей ему опасности⁴⁶.

Пытались возродить террор и анархисты. Весной 1914 г. в селе Манзурка Иркутской губернии состоялась конференция анархистов-коммунистов Восточной Сибири. Организации представляли 30 человек. Среди участников не было единого мнения по тактическим вопросам. В резолюции № 8, принятой в пятый день заседания, отмечалось, что конференция «констатирует различные течения и направления, даже принципиальные разногласия товарищей, участвующих на конф. в отношении к тактике. Намечается направление, которое видит центр тяжести в терроре... Намечается также другое направление, рекомендуемое немедленно приступить к организации анархо-коммунистических коммун, кооперативов и артелей, намечается 3/ направление, выражающееся исключительно в революционной деятельности против тюрем России. Наконец, высказывается необходимость для А. участвовать в профессиональных союзах...».

Далее в резолюции говорилось: «Конференция констатирует..., что настало время самой разнообразной анархической революционной деятельности.., не высказываясь против каких бы то ни было мер, средств и сил, могущих быть полезными для великой задачи осуществления анархизма»⁴⁷. Как известно, террор занимал у анархистов одно из ведущих мест среди средств борьбы с самодержавием. Таким образом, анархисты Сибири вновь признали одним из видов своей деятельности подготовку и проведение террористических актов в отношении представителей власти. И опять решения остались только на словах.

Свое отношение к войне и взгляды на тактику в новых условиях попытались дать в декабре 1915 г. ссыльные эсеры-максималисты из с. Рыбного на р. Ангаре в Енисейской губернии. Ими была принята резолюция антивоенного характера, в которой говорилось о необходимости опровергать взгляд, будто война ведется «во имя интересов национальной культуры», укреплять интернационализм на основе борьбы за немедленное прекращение войны без захватов и контрибуций, бороться с царским правительством, действуя «всеми способами, употреблявшимися до войны, не исключая террора». Однако сколько-нибудь активных действий по претворению в жизнь призывов, высказанных в резолюции, эсеры-максималисты не предприняли, слова остались на бумаге⁴⁸.

Таким образом, террористическая деятельность ссыльных революционеров в Восточной Сибири в межреволюционный период носила нерегулярный характер. Нередко проявления террористического характера возникали спонтанно. Попытки создать сплоченные организации для ведения покушений и экспроприаций не увенчались успехом. Пик «боевой» активности ссыльных пришелся на 1908–1911 гг. С началом нового революционного подъема, а особенно с началом Первой мировой войны, терроризм стал объектом теоретических дискуссий. От слов к делу ссыльные революционеры уже не смогли перейти.

Примечания

1. Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX в.: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Ч. 1 (1900–1918 гг.). Омск, 1996. С. 101.

2. ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 1011. Л. 1.

3. Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1908 г. СПб., 1909. С. 11.

4. Ермаковский Д. Туруханский бунт. М.;Л., 1930. С. 32.

5. Штырбул А.А. Указ. соч. С. 101.

6. Свердлов Я.М. Туруханский бунт / Избр. произв. Т. 1. М., 1957. С. 43.

7. Ермаковский Д. Указ. соч. С. 93.

8. Штырбул А. А. Указ. соч. С. 101.

9. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1020; Там же. Оп. 3. Д. 9; Там же. Ф. 860. Оп. 1. Д. 1; Штырбул А.А. Указ. соч. С. 101-102.

10. Чувашова Е.И. Ссылные анархисты в Восточной Сибири 1907–февраль 1917 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995. С. 146.

11. Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири (первая четверть XX века): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Омск, 1997. С. 26.

12. Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. С. 102.

13. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 435. Л. 238, 296 об.

14. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 9. Ч. 27. Лит. Б. Л. 380-381; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 303. Л. 12–12 об, 43 об.

15. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 9. Ч. 27. Лит. Б. Л. 379-380; Там же. Д. 346 в. Л. 32 об–33 об.

16. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1911. Оп. 241. Д. 106. Л. 6 об- 7; ГАИО. Ф. 242. Оп. 2. Д. 348. Л. 1-1 об; Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 519. Л. 101, 102, 108; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1822. Л. 3-4.

17. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Оп. 242. Д. 9. Ч. 27. Л. 5-6; Там же. Д. 106. Л. 98, 98 об, 110; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 331. Л. 182-183.

18. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1911. Оп. 241. Д. 106; Там же. 1912. Оп. 242. Д. 106. Лит. В.

19. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Оп. 242. Д. 106. Л. 98 об.

20. Там же. Л. 98-98 об, 110.

21. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 346 в. Л. 25-27, 36, 37, 42-53.

22. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4349. Л. 12 об.

23. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1911. Оп. 241. Д. 106. Л. 6 об; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 519. Л. 101 об.

24. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Оп. 242. Д. 106. Л. 110.

25. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 700. Л. 143.

26. ГАИО. Ф. 242. Оп. 2. Д. 348. Л. 1 об.; Там же. Ф. 245. Оп. 3. Д. 95. Л. 34 об.-35; Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 519. Л. 102, 108.

27. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 424. Л. 8–9.

28. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1911. Оп. 241. Д. 12. Ч. 27. Л. 8, 9; ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1562.

29. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 155. Л. 124, 124 об.

30. Там же. Л. 2, 3, 119 об., 124 об.

31. Там же. Л. 133 об.–134.

32. Там же. Л.133 об.

33. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 155. Л. 133, 134.

34. ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1912. Оп. 242. Д. 106. Л. 110 об.–111 об; Там же. 1913. Оп. 243. Д. 336; ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 155; Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 613, 629; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 329 а. Л. 170–172, 256–257.

35. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 155. Л. 15–15 об., 26, 28–28 об.

36. ГАРФ. Ф. 102. ДП 7-е делопр. 1912. Оп. 209. Д. 1309; Там же. ДП ОО. 1913. Оп. 243. Д. 336; ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 155; Ф. 143. Оп. 5. Д. 322; Ф. 600. Оп. 1. Д. 613, 629.
37. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 700. Л. 9 об.
38. Там же. Л.10 об.
39. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 596. Л. 5-5 об.
40. ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1913. Оп. 243. Д. 337.
41. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 235. Л. 12.
42. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 712. Л.10 об.
43. Там же. Л. 18 об.–19 об.
44. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1913. Оп. 243. Д. 12. Ч. 27. Л. 10–14, 18, 34–37; Там же. Д. 12. Ч. 27. Лит. Б. Л. 24, 25, 31–35; ГАИО.
45. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Л. 605. Л. 76-79, 80-81; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. С. 105.
46. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1914. Оп. 244. Д. 5. Ч. 27. Лит. Б. Л. 46, 76, 84.
47. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1 Д. 699. Л. 103 об.
48. Горюшкин Л.М. Эсеры в сибирской ссылке в годы первой мировой войны // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX–начало XX в. Новосибирск, 1988. С. 118.

УДК 343.26:94(520).032.3/.4

А.С. Шилина

Быт и нравы политической ссылки Енисейской губернии во время Первой мировой войны

Статья посвящена бытовому аспекту жизни политических ссыльных в Енисейской губернии. Повседневная жизнь оказывала значительное влияние на направление деятельности политической ссылки. Под её воздействием формировалось отношение высланных деятелей к своему новому месту жительства, складывалось общее русло не только общественной, но и политической деятельности этой обширной группы лиц.

Ключевые слова: этапирование, климатические условия, бытовое положение, материальное обеспечение, физическое состояние, моральный дух.

Life and customs of the political exile of Yenisey's province during the First World War

The post-graduate student of the Humanitarian faculty. The Siberian state technological university

The article describes household aspect of life of political exiled in the Yenisei province. An everyday life impacted on a political exile line of activity in a rather considerable way. Under its influence there was formed the relation of the sent figures to the new residence, also a general channel not only public, but political activity of this extensive group of persons was formed too.

Transportation of deported convicts – environmental conditions – household position – material maintenance – a physical condition – moral spirit.

Сибирская политическая ссылка сыграла заметную роль в жизни края в XX в. Ещё в самом начале этого столетия официальные власти сами признавали, что государственные преступники являлись «главным культурным цементом далекой окраины»¹. Собственно говоря, вся интеллигенция губернии на момент войны состояла «почти поголовно из бывших ссыльных и их потомства»². В значительной мере именно они формировали в освящаемый период мнение сибиряков о войне и деятельности правительства.

Говоря об общественной мысли в Сибири, нельзя ни отметить влияние на его формирование таких политических ссыльных, как: И.В. Джугашвили (Сталин), Я.М. Свердлов, А.С. Енукидзе, Л.Б. Розенфельд (Каменев), Г.И. Петровский, Е.Д. Стасова и другие.

В свою очередь бытовое положение, материальное состояние и моральный дух ссыльных зависели от тех условий, в которых они оказались. Тому, насколько серьезным было давление обстоятельств на человека, может служить примером судьба Николая Романовича Шагова, депутата социал-демократической фракции в IV Государственной Думе, сосланного вместе с четырьмя своими коллегами в Туруханский край: по мнению его современника Я.М. Свердлова, во время ссылки он «исчез из виду, не появлялся на общественном горизонте»³.

Во многом состояние политических ссыльных зависело от того, куда они попадали после приговора. Из пересыльных тюрем европейских губерний ссыльные отправлялись сначала в Красноярск, откуда по распоряжению Енисейского губернатора их этапным порядком перенаправляли по уездам. В уездах местные уездные исправники (в Туруханском крае – особый пристав) определяли конкретное место водворения. Поэтому первым столкновением с сибирской действительностью для каждого из ссыльных являлся этапный путь к месту жительства из Красноярска.

В Енисейской губернии наиболее известным местом водворения был обширный Енисейский уезд, в состав которого входил не только сам город Енисейск с прилегающей территорией, но и Туруханский и Приангарский края. Так, из 1 573 поднадзорных к началу 1916 года 95 % (1 492 человека)⁴ находились в ведении Енисейского уездного исправника, становых приставов Приангарского региона и Туруханского отдельного пристава.

Часто людям приходилось передвигаться во время холодного времени года (с октября по март). На этапах заключенных встречали задымленные и холодные помещения. В Енисейской тюрьме их ожидал «наrost льда в три пальца толщиной» и «мерзлые тлеющие дрова»⁵. Полушубки и другую теплую одежду конвоиры зачастую отбирали во время поездки в Сибирь под видом помощи армии. И, таким образом, перед арестантами ставилась сложная дилемма: или идти по холоду к месту ссылки, или сидеть в стылой тюрьме и ждать теплой погоды⁶. Деньги, которые государство должно было выдавать ссыльным, согласно уставу о гласном надзоре, на одежду (30 рублей – зимой и 14-20 рублей – летом), в Енисейской губернии не выдавались⁷, что делало этот регион не самым гостеприимным для высланных. Поэтому люди оказывались в дороге лишь в том, в чем их арестовывали. В результате многие из них получали страшные обморожения, и лишь единицы добирались до нового места жительства без серьезных травм. После 10 дней пути в холодных вагонах до Красноярска партии ссыльных направлялись по уездным городам. В уездном городе же оставались лишь самые больные, нуждавшиеся в скорой врачебной помощи, но после её оказания их тоже отсылали этапом вслед за остальной партией. Эта последняя стадия пути до деревень и сел проходила на лодках по

Енисею и его притокам летом, а зимой – пешком или на санях⁸. Путешествие от города могло длиться от одного дня до двух-трех недель в зависимости от дальности пункта. Места водворения находились вдоль небольших проселочных дорог, заматаемых зимой снегом. Ссыльнопоселенцев ссылали, по преимуществу, в маленькие деревеньки в 6–10 дворов по 1–2 человека⁹. В более крупных населенных пунктах число ссыльных могло достигать нескольких десятков человек. Так, например, в январе 1915 г. в таком крупном населенном пункте Туруханского края как с. Монастырское находилось 30 политических ссыльных¹⁰.

Немалая часть ссыльных ютилась в небольших избушках в деревнях. О состоянии таких жилищ писал А.С. Енукидзе, высланный в с. Ярцево на Ангаре: «дома здесь отвратительные»¹¹. Ни мебель, ни посуда ссыльным не предоставлялась. Для жительства им выделялись незанятые или покинутые дома, чье состояние и оценил в своём письме А.С. Енукидзе. Никаких условий для их жилья не создавалось, и им приходилось всё искать самим. Местное население относилось к политссыльным подозрительно, в лучшем случае – равнодушно¹². В кредит товары не выдавались. Почти все ссыльные, жившие в небольших деревнях и селах, существовали за счет казенного пособия. Однако не всем из них оно полагалось: из учтенных на начало 1916 года поднадзорных треть никаких дотаций, по тем или иным причинам, из казны не получала. Те же, кто имел право на казенное обеспечение, получали сравнительно небольшие суммы от 8 до 15 рублей¹³ в месяц, что, безусловно, было очень мало, и ссыльные, даже получавшие его, вынуждены были жить впроголодь. При этом самими государственными преступниками неоднократно отмечалась задержка с выплатами этих немногочисленных средств: «таковой задерживается на 2-3 месяца»¹⁴ и более, – писали они своим друзьям и родственникам в Европейскую часть России. В наиболее отдаленных населенных пунктах, где дороги заматало снегом на весь зимний период, казенный паек раздавался только летом. Всё оставшееся время высланные вынуждены были самостоятельно изыскивать средства на проживание. При этом приходилось учитывать не только минимальные затраты на продукты, но и нередко арендную плату за жилье. Последнее особенно было присуще для городов и крупных деревень, таких, как Казачинское и Монастырское, где население было больше и

пустующих домов, пригодных для жилья ссыльных, не хватало. Для периода военного времени было характерно также серьезное повышение цен на продукты первой необходимости¹⁵, что не могло ни сказаться на ссыльных. Отмечался высокий рост стоимости муки, сахара, дров, молока, мяса – всего того, что необходимо для жизни в небольших деревнях.

Чтобы не умереть от голода высланные были вынуждены искать приработок. Водворенные в маленькие деревеньки писали многочисленные ходатайства на временный перевод в города для поисков работы. Бывали, однако, случаи, что удавалось найти работу непосредственно на местах ссылки: «кто на постройках, кто на заготовке дров, а очень многие работали все лето по проводке телеграфа в Дудинку: прорубали просеку, заготавливали столбы, копали для них ямы, ставили их и т. д.»¹⁶ Находящиеся в тюремных замках этаплируемые арестанты занимались тяжелым физическим трудом: в теплое время года – нагрузка угля, зимой – возка и колка дров, реже – требующий более специфических навыков ремонт местных железнодорожных путей. Платили за эту работу сравнительно немного: 30 коп. в день за возку дров и 90 коп. за уголь. При этом полученные средства выдавались не сразу на руки рабочим, а шли через посредство надзирателей. В виду этого, около половины заработка поступало в виде налога в государственную казну и шло в казну тюремного замка на содержание арестанта. От оставшихся средств половина откладывалась в неприкосновенный фонд ссыльного, используемый им при освобождении. Таким образом, после отработки у заключенных на руках оставалась лишь четверть заработанного¹⁷.

Но много было и тех, кто не получал пособия и не мог найти даже самой простой работы. Другие же были не в состоянии это делать из-за плохого здоровья. Такие ссыльные могли жить лишь за счет частной помощи со стороны. Каждую неделю из енисейских колоний отправлялись письма в европейские губернии и сибирские города, где ситуация с работой и пособиями была лучше¹⁸. В них авторы просили у адресатов любой финансовой поддержки. Небольшие суммы собирались родственниками, бывшими сослуживцами и товарищами по политической деятельности и высылались на места ссылки. Суммы, конечно, были не очень большие, посылали, кто сколько мог. При этом деньги приходили в отдаленные енисейские деревни и села и

из соседних сибирских городов: Иркутска, Минусинска, Енисейска, даже Нарыма, где жившие тоже не очень богато ссыльные, пытались поддержать своих менее удачливых товарищей по несчастью. Однако даже в получении помощи от родных крылись свои проблемы. Как писал один из ссыльных из с. Богучанского, это, иной раз, грозило ещё худшими последствиями: «начальство объявит, что он-де имеет состоятельных родных и не нуждается в казенном кормовом пособии»¹⁹. Поэтому ссыльным приходилось экономить на всем, жить впроголодь и просить взаймы у друзей.

Помимо жестоких морозов зимой, влажного климата летом, а также голода и всяческих притеснений, ссыльные сильно страдали от различного рода болезней. Во влажном и морозном воздухе Сибири (населенные пункты строились, в основном, вдоль водных артерий) у непривычных к такой погоде людей обострялись различные болезни: астма, остеохондроз, артрит, ревматизм, болезнь зубов. Плохое питание и отсутствие нормального жилья вызывали многочисленные эпидемии цинги и заболеваний дыхательных путей. Особенно сильно ряды ссыльных редели из-за туберкулеза всех форм, вплоть до самых опасных и заразных. Медицинской помощи в деревнях и селах не было почти никакой. Врачи не очень спешили занимать вакантные должности уездных лекарей для ссыльных, которые по закону должны присутствовать на местах массовых ссылок. Поэтому высланным приходилось довольствоваться не очень умелой помощью местных фельдшеров, в распоряжении которых почти не было никаких лекарств²⁰. Попытки добиться перевода по болезни сильно затягивались, часто заканчивались отказом. Состояние больных, не дождавшихся медицинской помощи, из-за этого ухудшалось, особенно характерны такие ситуации были для Приангарского края, где открытая форма туберкулеза считалась обычным явлением в жизни ссыльных²¹. Немногим везло отправиться на лечение в уездные города или даже в Красноярск для операций или стационарного лечения.

Кроме физических страданий ссыльные испытывали постоянное чувство одиночества, поскольку они были вырваны из привычной среды общения. В этих условиях им приходилось самим искать выход: создавать образовательные общества, участвовать в легально существующих учреждениях и др. Незаменимой

для них оказалась почта. Они обращались в письмах на волю к друзьям и товарищам с просьбами прислать им, по возможности, в большом количестве журналы, газеты и книги. Просили даже информировать их о последних известиях в стране и за рубежом. Сами же писали много и во все уголки не только России, но и мира. Искали связей с родственниками, семьями, коллегами по работе, бывшими товарищами по партии, любыми знакомыми, согласными на письменное общение.

В таких тяжелых условиях у многих единственным выходом из сложившейся ситуации были прошения и ходатайства на переезд, хотя бы временный, в города – Енисейск, Ачинск, Минусинск, Красноярск. После полугода проживания на месте ссыльные имели право на отлучки по уезду, но даже это послабление не всегда получало одобрение со стороны губернатора²². Многие, пользуясь болезнями собственными и близких, писали запросы к Енисейскому губернатору, Иркутскому генерал-губернатору, депутатам Думы, министру внутренних дел и его заместителям, просили родных в Петрограде хлопотать о переезде. На местах добиться такого разрешения было трудно, но всё же возможно. Нередко такие дозволения могли быть получены лишь через Петроград. Как бы то ни было, постепенно, в течение войны ссыльные консолидировались вокруг городов.

Наиболее ярким примером такой организованности ссыльных стал Минусинск, где они проявляли наибольшую активность. Климат Минусинского уезда более теплый и мягкий, в виду чего для поправления здоровья туда добивались перевода многие политические. Однако кроме природных условий сюда влекла и политическая активность, проявляемая местной интеллигенцией. В Минусинске активно издавались многочисленные оппозиционные периодические издания, распространявшиеся по всей губернии. Местные издатели – Е.Л. Бройдо и В.К. Иков – активно привлекали политссыльных к работе в типографии, написанию статей. Нередко политическим ссыльным Минусинска удавалось устроиться на работу в кооперативы, куда их охотно брали в качестве мелких служащих: приказчиков, секретарей, делопроизводителей и помощников.

Таким образом, период Первой мировой войны у политической ссылки имелся ряд характерных черт, касающихся бытовой стороны жизни. Трудное этапирование ссыльных и отсутст-

вие минимальных условий жизни на местах водворения сильно сказывались как на их физическом, так и на моральном состоянии. Особенно четко проявились в этот период последствия тяжелых климатических условий Енисейской губернии: сильные морозы зимой и высокая влажность летом вызывали целые эпидемии болезней среди людей. Отсутствие необходимых медицинских кадров и лекарств ещё более усугубляло общее положение ссыльных на местах. Действия правительства по изоляции государственных преступников приводили к почти полной обособленности этих людей от внешнего мира, к их дезорганизации. Отсутствие минимальных возможностей к умственному труду и рассредоточение людей по обширной территории, мало способствовали улучшению морального духа.

Под влиянием вышеперечисленных обстоятельств политссыльные предпринимали активные попытки переехать в большие города. Вследствие этого и возникала большая их концентрация в уездных центрах, что влекло за собою увеличение влияния высланных на местное население и усиление оппозиционных настроений среди городских жителей. В целом, в среде Енисейской ссылки в период войны складывалось весьма неблагоприятное мнение о новом месте своего жительства. Многие революционные деятели, не единожды сославшиеся в различные уголки России, считали, что «эта ссылка хуже всякой другой»²³, «что эта поездка – конец...»²⁴. Это «путешествие» в Сибирь кардинально изменило жизни множества людей: одним подрывало здоровье и моральный дух, другие – наоборот, ещё больше зажигались революционными идеями и возвращались из Сибири с новыми силами.

Примечания

1. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 283. Л. 8.
2. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 282. Л. 2.
3. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 363. Л. 98 об.
4. Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7286. Л. 215.
5. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 363. Л. 38.
6. Там же.
7. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 363. Л. 37.
8. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 366. Л. 55.
9. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 363. Л. 36.
10. Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7286. Л. 2 об.
11. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 366. Л. 25 об.

12. Там же.
13. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 366. Л. 55 и 78.
14. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 366. Л. 78; Д. 363. Л. 37.
15. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 366. Л. 36 об.
16. Там же. Л. 66.
17. Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7202. Л.18-20.
18. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 366. Л. 69.
19. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 363. Л. 37.
20. Там же. Л. 36 об.
21. Там же. Л. 36-36 об.
22. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 363. Л. 36.
23. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 366. Л. 55 об.
24. Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 363. Л. 93 об.

Этно-конфессиональные аспекты политической и уголовной ссылки

УДК 9(571.1/5) (=84)

Ю.М. Гончаров

Процессы аккультурации и ассимиляции ссыльных поляков в Сибири во второй половине XIX–начале XX в.

Статья посвящена сложным проблемам аккультурации и ассимиляции ссыльных поляков в Сибири. Автор рассматривает эти процессы через призму этнокультурного взаимодействия различных народов в колонизируемом регионе второй половины XIX–начала XX в., при этом приходит к выводу, что семейная жизнь играла здесь важное, а порой и решающее, значение.

Ключевые слова: аккультурация и ассимиляция, ссыльные поляки в Сибири во второй половине XIX–начале XX в., национально-конфессиональные меньшинства, семейно-брачные отношения.

JU.M. Goncharov

Acculturation and assimilation processes Exiled of Poles in Siberia in second half XIX-beginning of XX century

Article is devoted challenges of acculturation and assimilation of exiled of Poles in Siberia. The author considers these processes through a prism of ethnocultural interaction of the various people in kolonizi-ruemom second half region XIX-has begun XX century, thus comes to a conclusion that home life played here important, and at times and solving, value.

Keywords: acculturation and assimilation, exiled Poles in Siberia in second half XIX-beginning XX century, national-confessional minority, family-marriage relations.

Сложные национальные и этнокультурные проблемы наших дней заставляют все более внимательно относиться к историческому опыту межнациональных отношений. Большой интерес с этой точки зрения представляет история поляков в Сибири, оказавшихся в силу разных причин в районе фронта многонациональной империи. Процессы аккультурации и ассимиляции¹ поляков, являвшихся в Сибири национально-конфессиональным меньшинством, на данный момент слабо изучены и в значительной степени дискуссионны.

В пореформенный период большинство поляков попадали в Сибирь как ссыльные. В частности, массовым было выселение поляков после восстания 1863 г. По подсчетам историков, только в Западную Сибирь в 1860-е гг. было выслано около 20 тыс. поляков². По данным переписи 1897 г., только в Западной Сибири проживало 13294 поляка, из них в Тобольской губ. – 5963, в Томской губ. – 6328, в Омском округе – 949³. Всего же в Сибири и на Дальнем Востоке, по официальным данным, проживало 29,5 тыс. поляков⁴.

В результате репрессий начала XX в. в Сибирь прибывали новые партии политических ссыльных поляков⁵. В этот период увеличивается также количество добровольных польских колонистов, а также чиновников, врачей, военнослужащих, предпринимателей, т.е. лиц, перебивавшихся в Сибирь по долгу службы ради карьеры или выгоды.

Поселившиеся на отдаленной окраине Российской империи, поляки активно включались в хозяйственную и культурную жизнь края. Постепенно в Сибири появляются католические костелы⁶, учебные заведения при католических приходах⁷. Ссыльные, попавшие сюда на долгие годы, пытались жить полноценной жизнью – здесь заключались браки, рождались и воспитывались дети.

Для сохранения национальных традиций, идентичности большое значение имеет семья. Но для ссыльных и, частично, для добровольных переселенцев, жить семейной жизнью далеко не всегда было возможно. Среди сосланных участников освободительного движения женщины упоминаются редко. Так,

О.Н. Шулбаев, характеризуя состав ссыльных поляков по Минусинскому округу за 1867 г., указывает: «в сведениях о численности государственных преступников, административно высланных по политической неблагонадежности, политических ссыльных по бывшему польскому вопросу были отмечены 823 мужчины, 5 женщин»⁸. Чаще женщины фигурируют в списках лиц, добровольно отправившихся за мужьями в ссылку. Для этих женщин настоящим подвигом был уже сам путь в место отбывания наказания⁹.

По данным переписи 1897 г., половой состав национальных групп, проживавших в городах Сибири в конце XIX в., значительно отличался. Наиболее гармоничное соотношение полов было у русских и евреев. В то же время, среди поляков в городах Западной Сибири на 1000 мужчин приходилось женщин: в Тобольской губ. – 749, в Томской – 571¹⁰. Это приводило к тому, что для многих мужчин создать семью со своей соплеменницей было сложно. В целом по Сибири эта диспропорция была еще больше. По подсчетам В.А. Скубневского, в 1897 г. из проживавших в Сибири 24 505 чел., назвавших родным языком польский, 17 099 (69,8%) составляли мужчины и только 7406 (30,2%) – женщины¹¹, т. е. на 1000 муж. – 433 жен.

В отличие от евреев, которые в сибирскую ссылку следовали со своими семьями, лишь немногие из ссыльных поляков прибывали с женами и детьми. Так, например, из 316 поляков, находившихся в 1860-х гг. в ссылке на Алтае, только 13 человек прибыли с семьями¹². Хотя случаи, когда жены следовали в ссылку за своими мужьями, не были массовыми, они встречались достаточно часто. Например, своего мужа С. Палинского, в 1897 г. сосланного в Среднеколымск – «один из наиболее далеких и оторванных от всего мира населенных пунктов на крайнем севере Якутии», в ссылку сопровождала жена Феликса, урожденная Гуминьская, пожелавшая разделить судьбу мужа¹³.

Трудности жизни в суровом крае, особенно значительные для ссыльных, заставляли искать опору, прежде всего, в членах семей и родственниках, так как семейная кооперация помогала выживанию. Так, например, в феврале 1865 г. Тит Францевич Ковальский, водворенный в деревню Старый Тартас Усть-Тартасской волости, собственноручно писал, что после выздоровления и выписки из Вознесенского этапного лазарета, его должны

были отослать в Томск. Он просил разрешения остаться в Усть-Тартасской волости для окончательного водворения, поскольку «...сверх ожидания встретил... водворенного в здешней волости сродного брата, живя с которым... будет легче переносить все противности и препятствия, встречаемые на каждом шагу при сегодняшнем положении на чужбине»¹⁴.

Польским детям, родившимся в Сибири, родители предпочитали давать имена, распространенные в их национально-культурной среде. Так, Р.В. Оплаканская отмечает, по данным метрических книг Томского римско-католического прихода за 1834–1860 гг., что среди новорожденных девочек наиболее популярными именами были Мария, Анна, Екатерина, Магдалена, Марта, Юзефа, Ядвига, а среди мальчиков, кроме имен Иван, Николай, Александр, Иосиф, встречались также: Владислав, Станислав, Витольд, Казимир, Викентий, Альфонс. При этом эти имена давались независимо от того, в какой семье родились новорожденные: в семье поселенцев, проживавших в сельской местности, или в семье, занимавшей в социальной иерархии более высокое положение (офицеров, чиновников, учителей). Характерно, что у поляков в Сибири все еще практиковалась западноевропейская традиция давать при крещении двойные имена, например, Викентий-Лаврентий или Юзефа-Ядвига. Практика сибирских поляков давать при крещении детям имена, не распространенные в принимающем обществе, но позволяющие идентифицировать их обладателей с польской культурой, указывает на то, что быстрой аккультурации поляков в Сибири не наблюдалось¹⁵.

Диспропорция полового состава польской общины в Сибири приводила к распространности межнациональных браков (по российскому законодательству браки католиков с православными были разрешены, в отличие от мусульман и иудеев), что естественным образом ускоряло процессы аккультурации и ассимиляции.

Статистик Е.В. Клячкин по материалам метрических книг исследовал национальную гомогенность браков, заключенных в Омске в 1916 г. Опираясь на его данные, мы можем вывести коэффициенты национальной гомогенности брака, которые составляли: для евреев 1,0, татар – 1,0, русских – 0,96, немцев – 0,80, поляков – 0,36 (т. е. только чуть больше трети браков поляков были национально-однородными)¹⁶.

Низкий уровень национальной гомогенности браков среди поляков обусловлен значительным преобладанием мужчин среди польской диаспоры в Сибири. Многие современники отмечали, что поляки в силу этого часто женились на православных женщинах и «осибирячивались». Например, политический ссыльный С. Анисимов, отбывавший ссылку в Ялуторовске, в своих мемуарах упоминал о многих таких фактах: «Другой поляк... хотя и утратил все связи с Польшей, но тоже гордился, что он поляк, несмотря на то, что имел жену сибирячку и взрослых детей, не умеющих говорить по-польски»¹⁷. Б.С. Шостакович отмечает, что документальные данные указывают на массовое заключение смешанных польско-русских браков, начиная уже с конца 1860-х годов¹⁸.

С.В. Максимов в своей книге «Сибирь и каторга» (Санкт-Петербург, 1900) писал о «доказанной опытом силе влияния брачных союзов на обрусение поляков в Сибири». Он говорил, что поляки: «сначала пленившись сходством родного языка с русским, забывают родную речь, потом, увлекшись девицею-сибирячкой, женятся и под влиянием среды и обаятельной жены отстают от обычая; в итоге сын поляка уже человек православной веры и коренной сибиряк, а сам отец на склоне дней человек национально-обезличенный»¹⁹.

Для поляков вопрос о смешанных браках был достаточно острым. Часть поляков – проповедники «чистоты польской национальности» придавали этому вопросу весьма большое значение. При этом польское национальное начало рассматривалось как тождественное воспитанию в духе истинного католицизма. Создание семьи, в которой одна сторона исповедует православие, с точки зрения патриотов, разрушало «польский дух», способствовало быстрому обрусению.

Как вспоминал сосланный на каторгу в Нерчинский завод Ю. Ручинский, на одном из собраний землячества «Ogół wugnańców» ссыльные соотечественники приняли решение не вступать ни в какие контакты с местными дамами, поскольку такое обращение «в крае диком и заполненном бродягами было небезопасно и даже угрожающе»²⁰.

Однако факты красноречиво свидетельствуют и о другой тенденции. Случаи вступления в брак с сибирячками польских ссыльных в 1860-х гг. исчислялись сотнями. Так, некоторые

польские ссыльные, ставшие видными деятелями науки и культуры в Сибири, нашли себе верных спутниц жизни среди местных уроженок. Например, Б.С. Шостакович упоминает выдающегося геолога Яна Черского, неразлучной спутницей и помощницей которого в научных экспедициях стала сибирячка Мавра Павловна. На сибирячке был женат известный ученый-археолог, польский ссыльный Миколай Витковский²¹.

Спокойнее всего к данной проблеме относились крестьяне. Как писал современник о польских крестьянах, сосланных в Сибирь за участие в национально-освободительном восстании: «Конечно, повстанцы из крестьян охотно устраивались на земле, заводили свое хозяйство, и теперь, через 40 лет их нельзя было отличить от сибирских старожилов: они имели такие же дома, хозяйство, скот, женились на сибирячках и обращались в крепких зажиточных «чалдонов»²².

В целом, несмотря на русификаторскую политику в сфере заключения браков между ссыльными поляками и сибирячками, и несмотря также на пропаганду сторонников националистических взглядов, сама жизнь в Сибири указывала естественное решение этого вопроса.

Конечно, смешанные браки ставили много проблем перед супругами в силу значительных национально-конфессиональных особенностей брачного поведения. В частности, много различий было в демографических параметрах семей разных национальностей, в прокреативном поведении, внутрисемейных отношениях. Один из современников приводил слова старого поляка, прожившего долгие годы в Сибири, женатого на сибирячке, имеющего детей: «Мы живем здесь, у меня русская жена и дети чалдоны, а я здесь чужой; здесь и земля не наша, и небо не наше!»²³.

Многочисленные примеры смешанных браков поляков в пореформенной Сибири говорят об интенсивности этнокультурных взаимодействий. По свидетельствам современников, в возникавших таким образом семьях обнаруживалось в большинстве случаев соединение элементов духовной культуры различных народов Российского государства. При этом религиозные моменты обычно отступали на второй план. У детей в подобных семьях воспитывалось уважительное отношение к прошлому своих родителей, к своему происхождению, вырабатывалась национальная и конфессиональная толерантность.

Б.С. Шостакович приводит пример семьи Локуциевских. Ссылный повстанец Анатолий Локуциевский (Локучевский) после получения права возвращения на родину предпочел остаться в Сибири и женился на сибирячке. В Сибири родились и жили несколько поколений этой семьи. При этом дети владели не только русским, но и польским языком, в семье выписывали польскую и русскую литературу, сохраняя культурную традицию и поляков, и русских²⁴.

Таким образом, в среде ссылных поляков Сибири протекали сложные процессы, являвшиеся частью этнокультурного взаимодействия в колонизируемом регионе многонациональной империи. Часть поляков, в силу языковой и конфессиональной близости, интенсивно участвовали в процессе формирования сибирского социума, что могло приводить к частичной или полной ассимиляции. Другие представители польской нации адаптировались к жизни среди преобладающего русского населения, пытаясь сохранить при этом национально-конфессиональные традиции, что можно трактовать как аккультурацию. Третья группа поляков предпочитала дистанцироваться от принимающего общества, стараясь при первой же возможности вернуться на родину. При этом семейная жизнь (или ее отсутствие) оказывала на эти процессы весьма важное, а порой решающее воздействие.

Примечания

1. Под аккультурацией мы имеем в виду процесс взаимовлияния культур, восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа; в отличие от ассимиляции, означающей слияние одного народа с другим с утратой одним из них своего языка, культуры, национального самосознания.

2. Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. Москва, 1966. С. 13.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том 78, Тобольская губерния. СПб., 1905. С. 76–77; Том 79: Томская губерния, СПб., 1904. С. X; Том 81: Акмолинская область. СПб., 1904.

4. Skubniewski W.A. Polacy na Syberii w świetle materiałópisu powszechnego z 1897 r. // Wrocławskie Studia Wschodnie. 1999. Nr 3. S. 75–76.

5. Островский Л.К. Численность, состав и размещение польских политических ссылных в Сибири (середина 90-х годов XIX века–1917 год) // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 143–146.

6. Оплаканская Р.В. Из истории формирования Томского римско-католического прихода во второй четверти XIX века // Вопросы истории Сибири XX в. Вып 5. Новосибирск, 2001. С. 24–37.

7. Титова Т.Г. Католические учебные заведения в Западной Сибири (конец XIX–начало XX в.) // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002. С. 53–64.

8. Шульбаев О.Н. Политическая ссылка в Минусинском округе (1825–1895 гг.): Дис. ... к. ист. н. Абакан, 2000. С. 105.

9. Подлевских Л.Г. Гендерный аспект в изучении истории польской политической ссылки в Российской империи 60–70-х гг. XIX в. // Женская повседневность в России в XVIII–XX вв. Тамбов, 2003. С. 30.

10. Первая всеобщая перепись... Т. 78. С. 76–77; Т. 79. С. X. Подсчет.

11. Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польская ссылка в России XIX–XX в.: региональные центры. Казань, 1998. С. 171.

12. Никулина И.Н. К вопросу о пребывании польских политических ссыльных на Алтае в 60-е гг. XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: III научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 180–181.

13. Гиза А. Воспоминания Станислава Палиньского как материал к истории ссылки поляков в Восточную Сибирь на рубеже XIX–XX вв. // Сибирско-польская история и современность. Иркутск, 2001. С. 80–81.

14. Майничева А.Ю. Польские переселенцы в Томской губернии (середина XIX в.). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/to_sun/maynich3.shtml.

15. Оплаканская Р.В. Землячества поляков в Сибири как фактор сохранения национальной идентичности в условиях иной этнокультурной среды (первая половина XIX в.) // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI–начала XX в. Новосибирск, 2004. С. 134–135.

16. Клячкин В.Е. Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск, 1928. С. 45.

17. Анисимов С. Исторический город Ялуторовск. Москва, 1930. С. 39.

18. Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.). Иркутск, 1995. С. 93.

19. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 338, 362.

20. Оплаканская Р.В. Землячества поляков в Сибири как фактор сохранения национальной идентичности в условиях иной этнокультурной среды (первая половина XIX века) // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI–начала XX в. Новосибирск, 2004. С. 129

21. Шостакович Б.С. Указ. соч. С. 93.

22. Анисимов С. Указ. соч. С. 31.
23. Там же. С. 43.
24. Шостакович Б.С. Указ. соч. С. 93.

УДК 343.26(47) (091)

Е.Л. Зберовская

**Сибирская ссылка этнических групп (1940–середина 1950-х гг.):
некоторые аспекты современного изучения темы**

Автор рассматривает итоги изучения специалистами-историками особенностей ссылки в Сибирь некоторых этнических групп в 1940–1950-е годы, делает обоснованные выводы о развитии этой темы и ее перспективах.

Ключевые слова: *принудительные этнические переселения, историография, региональная история, Сибирь.*

E.L. Zberovsky

**Siberian exile of ethnic groups (the 1940-middle of 1950th):
some aspects of modern studying of a theme**

The author considers results of studying by experts-historians of features of a Siberian exile of some ethnic groups in 1940-1950th years, does substantiated conclusions about development of this theme and its prospects.

Keywords: *compulsory ethnic resettlements, a historiography, regional history, Siberia.*

Проблематика принудительных переселений Советского периода, несомненно, относится к числу «молодых», но динамично развивающихся исследовательских областей, поэтому историографический сегмент темы пока незначителен. Здесь можно выделить специальные работы, наибольший интерес среди которых вызывают публикации Т.Н. Черновой и И.В. Черказьяновой, посвященные исследованиям о депортации (советских) российских немцев [1]. Отечественная историография сталинской «спец-ссылки», как часть истории политических репрессий в СССР,

представлена в трудах М.Г. Степанова [2]. Он осветил подходы к основным дискуссионным вопросам последних двух десятилетий в изучении проблематики депортации и спецпоселения (о численности «спецпереселенцев», оценке характера сталинских акций по принудительному переселению различных социальных и этнических групп и их последствий и т. д.). В связи с этим, представляется целесообразным подвести некоторые итоги изучения темы и высказать соображения по наметившимся современным направлениям ее развития.

К исследовательским достижениям последних двух десятилетий следует отнести появление пространственно-временной картины принудительных переселений. Она создавалась усилиями ученых центра и регионов, и, прежде всего, московских историков Н.Ф. Бугая и В.Н. Земскова [3]. Получив еще в годы «перестройки» доступ к центральным архивам страны, они стали публиковать материалы закрытых ранее фондов. Введенный в научный оборот огромный массив ранее засекреченных источников позволил оценить масштаб и географию репрессий. Эти ученые стали авторами первых обобщающих трудов по истории депортаций и спецпоселения в СССР.

В раскрытии сущности депортаций и связанных с ними проблем большую роль сыграли исследования о репрессиях против отдельных народов. В 1990–2000-е гг. благодаря усилиям национальных общественных организаций и научного сообщества, появились труды, посвященные истории депортированных этносов, принудительным переселениям и их последствиям. Особенно продуктивно изучалась история российских немцев, немного меньше поляков и калмыков, в незначительной степени других высланных национальных групп [4].

Продвижение изучения истории «спецсылки» стало возможным благодаря региональным исследованиям, среди которых особое место занимают труды сибирских ученых. В них обсуждаются причины депортаций, но в большей степени изучен феномен спецпоселения. Новосибирские исследователи С.А. Красильников, Л.П. Белковец, А.А. Шадт и др., рассматривая разные социальные («раскулаченные» крестьяне) и национальные (немцы) группы, показали механизм функционирования спецпоселенческой системы, проанализировали ее основные элементы, обозначили понятийное поле [5].

В последнее десятилетие в изучении депортаций региональный вектор исследования усилился. Появилось значительное количество работ по проблемам вынужденных переселений, касающихся в основном истории Урала и Западной Сибири [6]. Исследовательский интерес в них направлен на изучение различных сторон жизни на спецпоселении (хозяйственно-бытовое обустройство переселенцев, организация их трудовой деятельности, взаимоотношения с надзирающими органами НКВД-МВД и т.д.). Этническая ссылка в Восточной Сибири изучалась менее интенсивно, хотя и здесь можно отметить оригинальные работы Л.П. Сагановой, В.Ю. Башкуева, Т.Я. Гуршоевой, Е.Л. Зберовской [7].

Новым в некоторых работах стало обращение к адаптационным практикам вынужденных переселенцев. Подобное развитие темы предполагает применение междисциплинарного подхода, который становится неотъемлемой частью современных исследований. Изучение адаптационных практик, форм взаимодействия спецпоселенцев с органами власти и местным сообществом позволяет по-новому взглянуть на социокультурную историю регионов, оценить влияние спецссылки на поведенческие практики местного «правового населения». Появление подобных исследований по Сибири представляется наиболее интересным и перспективным, поскольку адаптация спецпоселенцев происходила в уникальном поликультурном пространстве, исторически сформировавшемся здесь в результате добровольных и принудительных миграций XVI–XX вв.

Некоторый опыт изучения адаптации депортированных накоплен новосибирскими учеными [8]. Они рассмотрели этот процесс применительно к трудпоселенцам и некоторым группам спецпоселенцев военного времени, размещенным в Западной Сибири. В поле зрения исследователей в основном попали два аспекта – участие государства в процессе адаптации и деятельность самих спецпоселенцев. Не вызывает сомнений, что изучение этой интересной темы должно быть продолжено во временном (до конца существования системы спецпоселений) и проблемном (анализ взаимоотношений с местным сообществом) плане. Требуется дальнейшей теоретической разработки социокультурный аспект адаптационных процессов.

В конце 1990–начале 2000-х гг. ученые В.И. Бруль [9] и В.В. Сарнова [6] стали изучать депортированные в Сибирь в 1940–

1950-х гг. спецпоселенческие группы в сравнительном плане. В публикации В.И. Бруля представлен обзор депортационных потоков, выделены их этапы. Исследователь стремился определить общие черты в жилищно-бытовом обустройстве, трудовом использовании, охарактеризовать общественные настроения ссыльных народов. В.В. Сарнова рассматривала в сравнительном контексте депортацию и первые годы пребывания на спецпоселении в Сибири нескольких национальных групп – немцев, поляков, калмыков, высланных в 1941 г. из Прибалтики, выявила различия их «правового» статуса. Дальнейшее развитие сравнительных исследований позволило бы определить специфику «спецссылки» для разных этнических групп.

В истории принудительных переселений сохраняется ряд незаполненных лакун. Применительно к Сибири (особенно Восточной) к таковым можно отнести исследование демографических последствий пребывания на спецпоселении высланных этнических групп. Здесь можно выделить лишь работы Л.Н. Славиной, рассмотревшей последствия политики депортации для немцев на примере Красноярского края [10].

Фрагментарным выглядит пока исследование религиозных настроений и групп спецпоселенцев в Сибири. Определенные усилия в этом направлении предприняты Е.В. Коневым (применительно к немцам западно-сибирского региона) [6] и В.Ю. Башкуевым (в отношении выселенцев из Прибалтики в Бурят-Монголии) [7]. Очевидно, что дальнейшее изучение феномена спецпоселения требует более глубокого рассмотрение этого вопроса.

Подводя некоторые итоги изучения проблем депортации и спецпоселения, следует отметить, что, несмотря на их активную разработку, существует определенная диспропорция в изучении темы – Урал и Западная Сибирь представлены в ней несравненно богаче, чем восточносибирские территории. Современное состояние проблемы показывает, что история отдельных спецпоселенческих групп неплохо изучена, но комплексное сравнительное исследование депортированных «спецконтингентов» в Сибири должно быть продолжено. Вместе с тем, перспективы дальнейшего развития темы, в определенной степени, лежат в плоскости междисциплинарного исследования, что позволит рассмотреть принудительные переселения и как социокультурный феномен.

Примечания

1. Чернова Т.Н. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. 1999. С. 261–279; Черказьянова И.В. Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-е – 2009 гг.). 2009. 286 с.

2. Степанов М.Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. 2009. 238 с.

3. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию ...». 1995. 265 с.; Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльно-поселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165; Его же. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. 2003. 306 с. и др.

4. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах / вступ. ст., сост. А.А. Герман. 1996. 320 с.; Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья 1918–1941 гг. 1999. 462 с.; Парсаданова В.С. Депортации населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26–44; Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг. 1991. 95 с. и др.

5. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. 2003. 288 с.; Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. 2-е изд. 2008. 359 с.; Шадт А.А. Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940–1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. 2002. С. 224–248 и др.

6. Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.) URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/s.../>; Конев Е.В. Немцы в Западной Сибири в 1940–1990-е гг. (на материале Кемеровской, Новосибирской и Томской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 22 с.; Сарнова В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 288 с.; Чевардин А.В. Поляки в Свердловской области в 1939–конце 1940-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2009. 24 с.

7. Саганова Л.П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. 24 с.; Башкуев В.Ю. Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии (1948–1958 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 240 с.; Гуршоева Т.В. Спецпоселенцы из Западной Украины в Иркутской области (1940-е – 1960-е годы): автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 25 с. Зберовская Е.Л.

Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. 242 с.

8. Красильников С.А., Саломатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930–начало 1950-х гг.). 2008. 392 с.; Сарнова В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь ...

9. Бруль В.И. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ (по мат-лам конф. 18–20 ноября 1999 г.). 1999. С. 95–117.

10. Славина Л.Н. Социально-демографические последствия депортации (на примере Красноярского края) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 34–39 и др.

УДК 94 (571.54)

Л.В. Кальмина

Адаптация ссыльных в Сибири во второй половине XIX в.: этнические нюансы

В статье предпринята попытка показать процесс адаптации ссыльных разной этнической принадлежности к сибирским условиям в зависимости от объективных (политика региональной администрации) и субъективных (особенности менталитета разных этносов) условий.

Ключевые слова: региональная политика, этническая принадлежность, адаптация, интеграция, ссылка, колонизационный элемент.

Lilia V. Kalmina

Adaptation of the Exiles in Siberia in the Second Half of the XIX Century: Ethnic Peculiarities

The aim of the article is to describe the process of the adaptation of the exiles of different ethnic groups as a result of objective (region authorities' policy) and subjective (specific mental features of different ethnic groups) conditions.

Keywords: regional policy, ethnic identity, adaptation, integration, exile, colonization aspect.

Не претендуя на полноценный историко-психологический очерк, мы сделаем попытку показать процесс адаптации ссыльных к сибирской социокультурной среде сквозь призму этничности. Принудительная адаптация ссыльных еще никем специально не изучалась, что признают сами специалисты по проблеме¹. Исследователи этнических особенностей адаптации переселенцев в Сибири тоже еще находятся на подступах к теме: посвященные ей статьи единичны².

Сразу хочу уточнить: за рамками данного исследования остается «устойчивый» криминалитет – поселенцы, привносившие в Сибирь нравы уголовной среды и разрушающие ее отлаженную жизнь, которых местное население опасалось больше, чем каторжных³. Речь пойдет об интегрировавшихся в сибирское общество и ставших его неотъемлемой частью. Пожизненная, как правило, ссылка в Сибирь способствовала легальной интеграции⁴.

В отличие от «добровольцев», исчерпывающую характеристику которым дал М.В. Шиловский⁵, – авантюристов всех мастей, рискованных и предприимчивых, заряженных кипучей энергией, психологически ориентированных на любые испытания, вынужденные переселенцы не были подготовлены к резкой смене статуса, окружения и образа жизни. Вольные мигранты, подвергаясь псевдоакутальной, по классификации О.Н. Шелегиной, адаптации, быстро уступали новым требованиям, корректировали стандарты поведения, жизненные ценности и ориентиры и уже в следующем поколении считали себя коренными сибиряками⁶. У ссыльных этот процесс был медленным и затруднительным: ему предшествовали многолетний переход к «вольному» состоянию и преодоление отторжения общества. У ссыльных, принадлежащих к неславянским этническим группам, этот процесс был вдвойне сложным. Они были вырваны не только из общества законопослушных, а потому пользовавшихся известными свободами подданных империи, но и из привычной этнической среды с ее обычаями и психологическими установками, что само по себе уже было серьезным стрессом.

Их адаптацию в некоторой степени облегчала роль колонизационного элемента, которая на них возлагалась, хотя демографические проблемы региона за счет ссылки решить, конечно, было невозможно. Весьма спорным кажется утверждение И.В. Нам об утрате ссылкой колонизационного значения и приобретении исключительно карательного смысла после отмены крепостного права⁷. Более точным представляется тезис А.В. Ремнева о том, что региональная власть, в отличие от центральной, не делала акцент на карательном значении ссылки и рассматривала ссылных, прежде всего, как колонизационный элемент, необходимый для экономического освоения региона⁸. А в Забайкалье, значительно отстававшем от других регионов Сибири по степени социально-экономического развития и значительно позже них вступившего в процесс экономической модернизации, ссылным принадлежит авторство многих новаций.

Общая тенденция – стремление ссылных сколотить капитал, в том числе и посредством занятий «темными делами», осесть в городе (в идеале – в губернском центре) и стать, благодаря своему богатству «уважаемыми» людьми, даже если окружению известно о происхождении их капитала⁹, – просматривается у всех этнических групп. Однако ее проявление во многом диктовалось правовым положением той или иной этнической группы, которое даже в штрафной колонизации дифференцировалось в зависимости от ряда факторов – от обстоятельств вхождения народа в империю до сиюминутной конъюнктурной политической ситуации. Кроме того, особенности этнического поведения, проявлявшиеся во всех сферах общественной жизни, определялись национальными традициями, психологическими установками этноса и целью, которую диаспора ставила перед собой в ссылке.

«Жертвы» или «просветители»?

Массовый одномоментный «выброс» польских ссылных – участников восстаний в 1831 и 1863 гг. – в сибирский социум и их изначально высокая концентрация, в частности, на некоторых территориях Западной Сибири и в Нерчинских рудниках, существенно замедлили их адаптацию. Серьезным препятствием служила и непрекращающаяся тоска по родине, надежда на возвращение, которая росла с появлением каждого правительственного распоряжения о смягчении участи той или иной категории

ссылных. Сибирь польские ссылные рассматривали как «почтовую станцию...одну из минутных остановок их жизни»¹⁰. Исследователи относят их к оптимистам, рассматривающим ссылку как временное испытание¹¹.

Характеризуя нравы окружающего общества с изрядной долей критики, польские ссылные проводили резкую «демаркационную линию» между собственной консолидированной группой, обладающей развитым этническим самосознанием, и аморфным сибирским социумом, пораженным «нравственной порчей». Брак с сибирячкой, как разрушающий «польский дух», встречал осуждение польской диаспоры, хотя региональная администрация относилась к смешанным бракам положительно, не без основания считая их важнейшим элементом адаптации ссылных. По мнению исследователей польской ссылки, у диаспоры с самого начала отсутствовала установочная ориентация на инкорпорацию в сибирское общество¹².

Внешним фактором, серьезно затруднившим адаптацию польских ссылных к сибирским условиям, была несогласованность в действиях местных и центральных властей и отсутствие четких правил, регламентирующих положение поляков в Сибири. К их массовой ссылке, последовавшей после восстания 1863 г., сибирские власти оказались не готовы, механически перенеся на них политику, обычно применимую к русским переселенцам: выделение участка земли и выдача казенного пособия на обустройство хозяйства. Попытка приобщения поляков к земледельческому труду закончилась неудачей: крестьянского труда они чурались, оценивая хлебопашество как аферу, а выданное пособие проматывали¹³. Причина кроется в том, что поляки были городским сегментом сибирской волны ссылки, не привычной к такого рода занятиям. По данным В. Пилсудского, в составе польских ссылных 1830–1850-х гг. две трети принадлежали к дворянскому сословию, половина имела образование¹⁴. По этой же причине для большинства поляков торговля и служба по найму на золотых приисках были вынужденной мерой, только средством выживания в тяжелых условиях ссылки¹⁵.

По мнению О.Н. Шелегиной, переселенцу тем легче было отказаться от накопленных культурных навыков и приспособиться к новым ценностям и стереотипам поведения, чем ниже был уровень его культурного развития¹⁶. Этот тезис кажется

нам правильным лишь отчасти. Действительно, ссыльные, происходившие из социальных низов, не избалованные большими доходами и не зараженные предпринимательским снобизмом, быстро находили работу из-за низкого уровня претензий. С другой стороны, в регионе с острой нехваткой грамотных людей, ссыльным полякам проще было обойти установки центральной власти, запрещавшие им занятия интеллектуальным трудом из опасений их действий «в противоправительственных целях». Даже при известной доле недоверия местной власти по отношению к ссыльным участникам восстаний поляки рассматривались ими как почти привилегированное «сословие», высокий образовательный и духовный потенциал которого часто использовался для решения региональных задач. Прошения ссыльных поляков-медиков о разрешении поступить на регулярную гражданскую службу по медицинскому ведомству, запрещенную для них официальным Петербургом, как правило, получали поддержку даже на уровне генерал-губернаторов¹⁷. Из-за незначительного числа медиков они довольно легко решали проблему трудоустройства, а их высокий профессионализм позволял быстро обзаводиться собственной клиентурой¹⁸. Среди врачей и аптекарей доля поляков доходила до 30-50 %¹⁹. Сибирские купцы охотно брали польских политических преступников на должности администраторов, бухгалтеров, управляющих приисками²⁰. Общий уровень образования даже без специальных технических знаний позволял им быстро овладеть необходимыми для этого математикой, химией, механикой, горным делом. Вопреки установкам центральной власти польские политические ссыльные занимались ремеслами, педагогикой, научными исследованиями, делопроизводством, иногда организовывали артели по предоставлению услуг горожанам, куда охотно принимали на работу и других политссыльных²¹. Поляки основывали фабрики по производству свечей, мыла, занимались изготовлением сигар из монгольского табака, строили кожевенные заводы, развивали гончарное производство, научили сибиряков изготавливать польские и швейцарские сыры, вводили более рациональные методы ведения сельского хозяйства. Значительная часть польских предпринимателей во второй половине XIX–начале XX вв. были либо ссыльными, либо их потомками²².

Большие возможности для успешного поиска работы и сохранения этнической идентификации через удовлетворение социокультурных потребностей делали губернские города наиболее привлекательными в глазах ссыльных поляков и усиливали их центростремительные наклонности. По интенсификации миграций, предпринятых по инициативе самих польских ссыльных в поисках оптимальных условий проживания, отмеченных к началу 1870-х гг., исследователи судят об ускорении темпов адаптации поляков²³. О полном принятии ими сибирской жизни можно почти с уверенностью говорить применительно к рубежу XIX–XX вв., когда ссылку сменила массовая польская вольная колонизация. Со строительством Транссибирской магистрали она еще более усилилась: в Сибирь поехали инженеры-путейцы и квалифицированные рабочие²⁴. Миграции способствовала не только пропаганда царской администрации, стремившейся к колонизации региона, но и преувеличенно восторженные сообщения адаптировавшихся в Сибири бывших ссыльных и их потомков, которых привлекал динамично развивающийся край. Образ жизни приезжих крестьян, так же как и оставшихся в Сибири потомков польских шляхтичей, к этому времени уже ничем не отличался от крестьянского. Принадлежность к привилегированному сословию, осознание своего высокого социального статуса и католическое вероисповедание, ранее значительно ограничивавшие выбор спутницы жизни в своем окружении, теперь уже не были препятствием, и ранее осуждавшиеся браки с сибирскими крестьянками стали обычным явлением²⁵.

Исследователи польской ссылки обратили внимание на крайности в ее мифологемах: место ссыльных поляков в Сибири варьируется от жертв жестокости царизма до просветителей, представителей региональной элиты, выполняющих важнейшую цивилизаторскую миссию на варварской окраине Российской империи²⁶. На наш взгляд, здесь нет противоречия. Происходит поэтапная смена поведенческих стратегий, когда сознательная самоизоляция польской диаспоры сменяется «наведением мостов» с принимающим обществом и последующей в него интеграцией при сохранении этнической самоидентификации, что характерно для всех диаспор.

Наличие культурной дистанции, на которую исследователи указывают как на фактор, повышающий уровень конфликтно-

сти и затруднявший интеграцию мигрантов²⁷, не стало, тем не менее, препятствием к инкорпорации поляков – равно как и отсутствие достаточной психологической готовности к переселению в Сибирь. Внутренние психологические процессы, запущенные переживаемым из-за миграции стрессом, повлияли на темпы адаптации, но не на ее сущность.

Период «полураспада»

Совсем иные поведенческие стратегии были характерны для балтийских народов и немцев. Первые сибирские поселения финнов, эстонцев, латышей, немцев были основаны ссыльными крестьянами, а деревня Рыжково в Тобольской губернии по Высочайше утвержденному в 1845 г. правительственному постановлению была официально назначена «сборным местом» ссылаемых за «маловажные» преступления в Западную Сибирь на поселение лютеран всех национальностей для приобщения к «честной жизни». Однако конфликты между жителями из-за смешения языков потребовали от властей основания новой колонии, где бы каждый этнос имел собственную деревню²⁸. «Более важные преступники» евангелического исповедания строили свои взаимоотношения по той же поведенческой схеме. Ссылаемые в Минусинский округ Енисейской губернии, где для них предполагалось образовать одну или две колонии, они также постепенно расселились по национальному принципу, поскольку плохо ладили между собой²⁹. Отбыв наказание в Минусинском остроге, латыши и эстонцы покидали деревню Верхний Суэтук, используемую властями для ссылки уголовных преступников, и селились в основанных ими деревнях Нижняя и Верхняя Буланка. В Верхнем Суэтуке оставались только финны. Однако лишь небольшой процент поселенцев (от 7,5 до 30) обосновались в этих деревнях, большинство отправлялось на заработки на золотые прииски, часть занималась ремесленничать, часть просто бродяжничала. Ссылаемые «латыши и чухны», отмечал Н.М. Ядринцев, оказались не только неспособными к земледелию, но и питали к нему явное отвращение, тем более что некоторые из них на родине были матросами и контрабандистами³⁰. Причину неудачной попытки создания царской администрацией колонии ссыльных лютеран исследователи видят в отсутствии мотивации к труду у уголовных и административных ссыльных, стремлении вернуться на родину после отбытия наказания и недально-

видности и непоследовательности политики губернских властей, которая вела колонистов больше к разорению, чем к адаптации: поощрение спаивания, отказ в денежном пособии и т. д.³¹ Первые две причины скорее социального, нежели этнического характера: психология ссыльного не направлена к созидательному труду, если он не планирует после отбытия наказания осесть в Сибири. К тому же «эстонская» или «латышская» специфика мало чем отличалась от «польской», что не учитывалось региональной властью, которая относилась к ссыльным латышам и эстонцам как к русским крестьянам. Только неудачный опыт, подобный «польскому», вынуждал их к ревизии собственных взглядов.

Однако некоторые из эстонских крестьян, участников антикрепостнических выступлений 1858 г., практически безболезненно адаптировались в Сибири – опять-таки не столько благодаря этническим, сколько социальным характеристикам. Крестьянский труд был для них привычен, и перспектива остаться в Сибири, где не было крепостного права, их не пугала, хотя земледельческие опыты приходилось проводить на неудобьях, в непривычно тяжелых условиях. Однако при утрате надежды на возвращение мотивация к быстрой адаптации была значительно сильнее.

Немцев селили компактно и изолированно от других этносов. Обособлены немецкие села были и между собой, часто по профессиональному признаку. Ссыльная немецкая масса в Западной Сибири отличалась большой разнородностью: в лютеранских поселениях к колонистам, отличающимся «доброй нравственностью», по указу Николая I 1845 г. «всех ссыльных лютеранского происхождения селить в определенном месте» подселяли «распутных бродяг», промышлявших драками и воровством³². Попытки создания лютеранских колоний из ссыльных, по-видимому, имели место и в Иркутской губернии. Архивные документы обнаруживают тенденцию поселения ссыльных лютеран в Яндинской волости Балаганского округа³³, по-видимому, достаточно обособленно. К сожалению, никаких сведений о том, насколько успешно они там прижились, мы не имеем.

В целом попытки царской администрации и Евангелическо-лютеранской консистории создать колонии ссыльных лютеран в Сибири потерпели крах. В обеих частях Сибири происходил аб-

солютно идентичный процесс их распада³⁴. Формирование моноэтнических сел с исповедовавшим лютеранство населением было более результативным. Однако, на наш взгляд, нет оснований для вывода об успешной адаптации их населения, даже при его «прочной оседлости» и зажиточности. Адаптация предполагает взаимодействие человека с окружающей социокультурной средой и взаимную трансляцию материальных и духовных ценностей. В данном же контексте ссыльные своей обособленностью провоцировали неприязнь сибирского общества, отличавшегося «привычкой» к евреям, мусульманам, лютеранам, католикам, которая выработала известную веротерпимость³⁵, и не только не сумели в него интегрироваться, но даже наладить приемлемые контакты друг с другом.

Вызов традиции

Из каждых 100 сосланных в Восточную Сибирь 15 совершали повторное преступление³⁶. Особенно большой процент рецидива давали правонарушители-мусульмане, лидировавшие по числу побегов с каторги. Е.Н. Анучин наиболее вероятной причиной их частых побегов считал близость к Сибири мест компактного проживания мусульман и «склонность к побегам». Отдавал он должное и их дерзости и решимости³⁷. С.В. Максимов также отмечал, что мусульманские народы – татары, башкиры, кавказские горцы – хуже других выдерживают пытку неволей³⁸.

Сосланные мусульмане в большинстве своем не делали установку на адаптацию в Сибири, поэтому степень сложности их интеграции в сибирское общество была достаточно высокой. Исследователи сибирских диаспор указывали на относительно безболезненный процесс адаптации татар к сибирским условиям³⁹. Однако здесь следует уточнить, что речь идет не о ссыльных, а о вольных переселенцах. К тому же это утверждение относится к Западной Сибири, где переселенцы-татары встретили родственную социокультурную и конфессиональную среду. В Восточной Сибири им самим пришлось закладывать фундамент для ее строительства. Препятствием к адаптации вынужденных мигрантов также служили низкий уровень образования, плохое знание русского языка и как следствие – низкий социальный статус⁴⁰. Особенно трудной была адаптация ссыльных мусульман (татар) в Забайкалье, где они составили основу диаспоры. Оказавшись в забайкальском экономическом пространстве зна-

чительно позже других этносов, они не смогли выдержать конкуренции и занять место, достойное статуса «торгового народа», которое им было отведено в других сибирских регионах⁴¹. Будучи преимущественно сельскими жителями, они зарабатывали земледельческим трудом, добычей руд, ремонтом зданий, находились в услужении. Адаптации препятствовала сложность в обустройстве семей – из-за значительной половой диспропорции, большей, чем у какой-либо иной этнической группы в Сибири⁴², и неукоснительно соблюдавшейся традиции женитьбы только на единоверках. Однако, с другой стороны, недостаток женщин способствовал быстрому переходу традиционной семьи к обычной для Сибири этого времени модернизационной, с отсутствием присущих мусульманской семье черт – многоженства и многодетности. Обстоятельства бросили вызов традиции.

Учителя капитализма

Еврейские ссыльные по классификации О.Н. Шелегиной относятся к числу реактивных адаптантов, для которых характерна стремительная скорость реагирования на изменения среды, последовательность и настойчивость в поиске достижения адекватности с ней⁴³. По легкости и скорости адаптивного процесса с ними могли сравниться разве что «семейские». Насильно высланные из Ветки, этапом пришедшие в Забайкалье, они обустроились за три-четыре года. Однако их вызывающе быстрое привыкание к новым условиям было достигнуто в результате серьезной поддержки государства, проводившего политику заселения пустующих и малонаселенных земель и руководствовавшегося задачей получения товарного хлеба в Забайкалье, с которой не справились ни казаки, ни старожилы⁴⁴. Еврейские ссыльные справились с трудностями адаптации исключительно собственными «резервами», несмотря на жесточайшие правовые ограничения, зачастую не позволявшие им без специального разрешения покидать место причисления. Единственное, чем «помогло» им в процессе адаптации государство, – принятием закона 12 июня 1860 г., запрещавшего компактное поселение евреев в Сибири и предписывавшего их водворение в деревнях сибирских старожилов для потери «многих из самых дурных свойств своего характера и... подчинения до некоторой степени условиям и требованиям окружающего их быта»⁴⁵. Сосредоточение ссыльных прежним порядком в особых селениях рано или

поздно породило бы вторую черту оседлости с ее скученностью и невозможностью прокормиться даже не столько из-за высокой численности евреев, сколько из-за однопрофильности их занятий. Несколько же семей еврейских ссыльных, «вкрапленных» в русские селения, не вызывали раздражения окружающих, а в сложившейся системе разделения труда евреи с легкостью заняли «вакантное» место «торгового меньшинства»,⁴⁶ которое веками было «закреплено» за ними во всех принимавших их обществах.

Затрудняя сохранение этнической идентичности, закон в то же время облегчал интеграцию евреев в сибирское общество, в результате которой они преобразились даже внешне. Без особых усилий самодержавия по русификации еврейской массы, целенаправленной политики по включению еврея в российскую жизнь, к чему, собственно, и сводилась «еврейская» политика в первой половине XIX в., царское правительство получило столь желаемый «продукт» – почти русского гражданина, ничем не отличающегося ни по говору, ни по одежде, ни по характеру и привычкам, ни по образу жизни и мыслям. Типичность евреев как сибиряков, их абсолютную органичность в сибирском обществе, высокую степень включенности в общественную жизнь отмечали современники⁴⁷.

Стремительным темпам адаптации еврейских ссыльных в Сибири способствовала психологическая установка сознательного «невозвращенца», продиктованная не столько этническими характеристиками, сколько правовым положением, фактически превратившим евреев в крепостных черты оседлости. Воспринятая ссылка в Сибирь как счастливый шанс, единственную возможность выйти за ее жестко очерченные границы, евреи выбиваются из общего поведенческого стереотипа ссыльного.

В числе внешних факторов, способствовавших их быстрой адаптации, была потребность Сибири в носителях «капиталистического духа», способных потеснить (а в идеале – разрушить) десятилетиями сложившиеся в сибирском обществе традиции монополии феодального типа с ее размахом и в то же время медлительностью и дороговизной доставки товаров⁴⁸. Типично «колониальное» состояние Сибири с огромными, но малозаселенными пространствами, неразвитой инфраструктурой и относительно свободными экономическими нишами и специфика

еврейского бизнеса с его необыкновенной гибкостью, быстрой оборачиваемостью капитала и невероятной проникающей способностью гармонично дополнили друг друга. Успеху адаптации ссыльных евреев способствовала и местная власть, всячески опощрявшая их деловую активность, часто даже в ущерб исполнению ограничительного «еврейского» законодательства. Другими словами, евреи были ангажированы властью, чтобы как уже сложившиеся носители капиталистических отношений «научили» капитализму регион, с опозданием входивший в новую экономическую систему.

Вместо заключения

В условиях принудительной миграции, каковой является ссылка, оптимальным для новопоселенца является, на наш взгляд, системная адаптация (если опять-таки воспользоваться классификацией О.Н. Шелегиной), когда процесс захватывает все сферы деятельности нового члена сибирского социума и требует от него усвоения новых социальных ролей⁴⁹. Как мы пытались показать в данном исследовании, на скорость, легкость (затруднения) и степень адаптации ссыльного влиял целый комплекс внешних и внутренних факторов. Из внешних наибольшее значение имели правовое положение того или иного этноса, определявшееся стереотипами сознания имперской власти и конъюнктурными политическими соображениями, и политика региональной администрации, во многом продиктованная ее представлениями о статусе ссыльного – «пораженного в правах» или перспективного «колониционного элемента». Из внутренних факторов первые роли мы бы отдали этническому психоментальным особенностям и целевой установке диаспоры: желание осесть в Сибири «всерьез и надолго» рождает совершенно иные поведенческие стереотипы, нежели стремление вернуться на родину.

При изучении этнических нюансов адаптации ссыльных в Сибири мы обнаружили достаточно сильно различающуюся степень сокращения социокультурной дистанции между социумом и той или иной этнической группой ссылки: практически полное и очень скорое включение в сибирский социум у евреев; «осторожная», с постоянной оглядкой на собственное этническое и религиозное мироощущение, интеграция поляков; весьма затрудненное вхождение в сибирское общество при значительной, тем

не менее, утрате традиций семейного быта у татар; «однобокая» адаптация у немцев, готовых принять сибирские ценности, но не их носителей.

Весьма интересным нам показался вывод Е.В. Петровой о главенстве роли духовных и гражданских руководителей семейских общин – уставщиков – в демографической и экономической адаптации семейских в Забайкалье⁵⁰. Исследование роли конфессиональных лидеров в адаптации новых сибиряков еще ждет своего часа.

Примечания

1. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII–начале XX века. Новосибирск: Сиб. науч. книга, 2005. С. 28.

2. Дьяконова Н.Н., Ермолаева Ю.Н. Поляки в Якутской ссылке (психоментальный аспект проблемы) // Россия и Польша: историко-культурные контакты (сибирский феномен). Новосибирск, 2001. С. 46-51; Мулина С.А. Участники Польского восстания 1863 г. в Сибири: проблемы адаптации // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. статей. Омск, 2005. С. 496-509; Кальмина Л.В. Диаспоры в Сибири: закономерности и особенности интеграции (середина XIX–начало XX в.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В.А. Ламина, О.Н. Шелегиной. Новосибирск, 2008. С. 86-90.

3. Сальникова Е.С. Периодическая печать об уголовной ссылке в Восточную Сибирь 80-90-х гг. XIX века // Сибирская ссылка. Вып. 5(17). Иркутск, 2009. С. 56.

4. Сысоев А.А. Сибирское общество в контексте пенитенциарной политики Российского самодержавия // Там же. С. 111.

5. Шиловский М.В. Специфика колонизации США и Сибири // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 44.

6. Шелегина О.Н. Указ. соч. С. 29.

7. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 46.

8. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX–начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 67.

9. Сысоев А.А. Указ. соч. С. 116.

10. Мулина С.А. Участники Польского восстания 1863 г. в Сибири: проблемы адаптации... С. 496-497.

11. Дьяконова Н.Н., Ермолаева Ю.Н. Указ. соч. Новосибирск, 2001. С. 47.

12. Мулина С.А. Участники Польского восстания 1863 г. в Сибири: проблемы адаптации... С. 509.

13. Мулина С.А. Ссылные участники восстания 1863 г. в западносибирской деревне. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. трудов. Ч. 1. Омск, 2004. С. 141-142.

14. Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 17.

15. Гапоненко В.В., Семенов Е.В. Польские политические ссылки в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в первой половине XIX века. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. С. 75-76.

16. Шелегина О.Н. Указ. соч. С. 29.

17. Шостакович Б.С. Поляки в Сибири: экскурс в историю // Поляки в Бурятии. Улан-Удэ, 1996. С. 56.

18. Мулина С.А. Поляки-медики в западносибирской ссылке // История и культура поляков в Сибири: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. «История и культура поляков Сибири» 2005–2006 гг. Красноярск, 2006. С. 37-38.

19. Новоселова М.Р. Влияние повстанцев 1863 г. на развитие хозяйства и культуры Иркутской губернии во второй половине XIX–начале XX в. // Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг.: материалы межд. науч. конф., Иркутск, 26–30 сентября 2007 г. Иркутск, 2008. С. 151, 152.

20. Гапоненко В.В., Семенов Е.В. Указ. соч. С. 47-48, 63.

21. Радченко Н.Н. Повседневная жизнь политических ссыльных в городах Якутии в начале XX века // Межкультурное взаимодействие в Сибири: историко-этнографические, лингвистические и литературоведческие аспекты: материалы межд. науч. конф. «Польша в истории и культуре народов Сибири», посвящ. 150-летию со дня рождения Э.К. Пекарского и В.Л. Серошевского. Якутск, 2009. С. 59.

22. Скубневский В.А. Источники изучения хозяйственной деятельности поляков в Сибири (вторая половина XIX–начало XX в.) // Восточная Европа и Россия: история, современное состояние, перспективы взаимоотношений: сб. статей, посвященный 5-летию специальности «Регионоведение» / под ред. М.И. Диброва, В.Н. Шайдунова. СПб., 2008. С. 85.

23. Мулина С.А. Миграции ссыльных участников Январского восстания по территории Западной Сибири // Актуальные вопросы истории ссылки участников... С. 145.

24. НАРБ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-68.

25. Крих А.А., Скуратович И.В. Судьба польских дворян в Сибири: смена этнической идентичности (на примере семьи Скуратович) // История и культура поляков в Сибири... С. 13.

26. Карнаухов Д.В. Мифологема сибирской ссылки поляков в общественном сознании России и Польши // Актуальные вопросы истории ссылки... С. 16, 18, 21.

27. Алишина Г.Н. Старожилы, «инородцы» и новоселы Азиатской России в конце XIX–начале XX в.: факторы конфликтности // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов четвертой регион. молодежной науч. конф. Новосибирск, 2010. С. 91.

28. Коровушкин Д. Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и этнокультурная адаптация). Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2003. С. 60, 62.

29. Нам И.В. Указ. соч. С. 46.

30. Ядринцев Н.М. Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс. Цит по: Коровушкин Д. Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Указ. соч. С. 64.

31. Там же. С. 66.

32. Там же. С. 60-61.

33. ГАИО. Ф. 25. Оп.1. К.9. Д. 287. Л.1; Д.254. Л.1; Д.313. Л.1; К.10. Д.420. Л.1; Д.479, Л.1; Д. 568. Л.1 и др.

34. Коровушкин Д. Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Указ. соч. С. 65-66.

35. Астырев Н. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М.: Тип. Д.Ш. Иноземцева, 1891. С. 30.

36. Сысоев А.А. Указ. соч. С. 120.

37. Анучин Е.Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период с 1837–1846 гг.: материалы для уголовной статистики России. СПб.: Тип. Майкова, 1873. С. 137.

38. Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. II. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871. С. 310.

39. Нам И. В. Указ. соч. С. 76.

40. Бобкова Г.И. История татарских общин Иркутской губернии конца XIX–начала XX в.: автореф. дис...канд. ист. наук. Иркутск, 2006. С. 16.

41. Щеглова Т.К. Образы и этнокультурная идентификация торговцев на ярмарках сибирского фронта во второй половине XIX–начале XX в. // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении. Иркутск, 2008. С. 124-125.

42. Солдатов В. Железнодорожные поселки по Забайкальской линии: Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. Вып. II. СПб., 1912. Т. V. Ч. 1. С. 100.

43. Шелегина О.Н. Указ. соч. С. 30-31.
44. Петрова Е.В. Начальный этап адаптации семейских в Забайкалье // Мир Центральной Азии: материалы межд. науч. конф. Т. II. Ч. I. История. Социология. Улан-Удэ, 2002. С. 130-131.
45. РГИА. Ф. 383. Оп.15. 1852. Д. 18271. Л. 262.
46. Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сборник. Иркутск, 1996. № 2. С. 10.
47. Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч.1. СПб., 1871. С. 341; Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 278; Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб.: Типо-лит. М.Я. Минкова, 1905. С. 12-13.
48. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX–начала XX вв. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. С. 220.
49. Шелегина О.Н. Указ. соч. С. 30.
50. Петрова Е.В. К вопросу о роли конфессии в процессах адаптации забайкальского старообрядчества // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития: материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 1996. С. 81.

УДК 94 (47) 22

Т.Н. Лялина

Организация местной властью исправления религиозных потребностей у ссыльных Забайкалья

Статья посвящена вопросам организации религиозного культа у ссыльных. Анализ архивных документов показал, что первые общины неправославных исповеданий в Забайкалье были образованы с целью обеспечения религиозных потребностей у ссыльнокаторжных, ссыльнопоселенцев и их потомков. Автор отмечает, что обширность Забайкальского края, незначительная плотность населения и разбросанность его на огромной территории не позволяли в полной мере обеспечивать вероисповедные нужды всего населения.

Ключевые слова: религиозные потребности ссыльных Забайкалья, Нерчинская каторга, вероисповедание, ссыльнокаторж-

ные и ссыльнопоселенцы, священники, организация приходов, администрация Восточной Сибири и Забайкалья.

T. N. Lyalin

The organization local authorities Corrections of religious requirements at exiled of Transbaikalia

Article is devoted questions of the organization of a religious cult at exiled. The analysis of archival documents has shown that the first communities of not orthodox confessions in Transbaikalia have been formed for the purpose of maintenance of religious requirements at ссыльнокаторжных, ссыльнопоселенцев and their descendants. The author notices that extensiveness of Transbaikalian edge, insignificant population density and разбросанность it in huge territory didn't allow to provide religious needs of all population to the full.

Keywords: religious requirements of exiled of Transbaikalia, Nerchinsk penal servitude, religion, ссыльнокаторжные and ссыльнопоселенцы, priests, the organization of arrivals, administration of Eastern Siberia and Transbaikalia.

Как известно Забайкальский край был местом ссылки всех категорий преступников (государственных, политических и уголовных), которых активно привлекали к тяжелым принудительным работам на горных заводах и рудниках. Лишенные средств существования, сломленные духовно, а часто и физически, не имевшие никаких прав, ссыльные могли найти утешение только в своей вере. Администрацию Восточной Сибири беспокоило большое скопление преступного элемента в регионе, а также их неустроенность. Все это создавало взрывоопасную обстановку в крае и могло привести к неповиновению. Поэтому местная власть Забайкалья и Сибири старалась обеспечить хотя бы религиозные потребности ссыльных.

Вопрос организации религиозного культа у ссыльнопоселенцев и ссыльнокаторжных в Восточной Сибири, и в том числе в Забайкалье, малоизучен. Некоторые его аспекты затрагивали Л.М. Дамешек, Б.С. Шостакович, В.И. Косых. В представленной статье будут освещены мероприятия местной власти, проводимые в целях закрепления религиозности среди ссыльных как

средства стабилизации поведения особо опасных преступных элементов.

Ниже представлены таблицы, которые дают представление о численности ссылных конца XIX века по их вероисповеданию.

Таблица № 1
Ссылнокаторжные в Забайкалье по вероисповеданиям
[2, л. 146 - об. 147].

Наименование мест заключения ссылнокаторжных	К 1 января 1893 г.	Из них								
		православного	армяно-грегорианского	римско-католического	евангелического-лютеранского	магометанского	иудейского	старобрядческого	языческого	скрывающие вероисповедание
А. Карийский р-н М. Ж.	202 99	150 75	- -	21 9	3 4	13 4	8 7	6 -	1 -	- -
Б. Алгачинский р-н М. Ж.	552 74	385 58	2 -	28 6	7 1	103	18	8	1	-
В. Зерентуйский р-н М. Ж.	952 125	720 103	5 1	47 6	13 -	137 12	17 2	11 1	- -	2 -
Г. Акатуевская тюрьма М. Ж.	94 6	67 6	- -	6 -	1 -	11 -	9 -	- -	- -	- -
Александровская богадельня М. Ж.	268 53	204 38	3 -	12 6	5 2	34 3	6 4	4 -	- -	- -
Итого М. Ж.	2068 357	1526 280	10 1	114 27	29 7	298 23	58 18	29 1	2 2	2 -

Таблица № 2
«Ведомость государственным преступникам по вероисповеданию к 1 января 1886 г.» [3, л. 24].

Вероисповедание	Муж.	Женц.	всего
Православных	57	13	70
Лютеран	2	-	2
Католиков	5	1	6
Евреев	7	-	7

Как видно из таблиц № 1 и 2 среди преступников существовало конфессиональное многообразие, а количество православных верующих преобладало. У последних не существовало особых сложностей с религиозными потребностями, при тюрьмах были устроены церкви, в которых велись службы.

Первоначально, численность верующих других исповеданий была незначительна, но впоследствии их число с каждым годом возрастало. На первом месте по численности из неправославных стояли католики-поляки. Уже в XVIII веке в Нерчинские горные заводы направляли поляков, осужденных на каторжные работы за оказание противодействия русской администрации после раздела Польши и присоединения части ее территорий к Российской империи. В результате польских восстаний 1830 и 1863 годов число католиков в Забайкалье значительно возросло. После восстания 1830 года в Забайкалье насчитывалось около 300 человек поляков, среди которых были и священники, например, П. Сегельный, К. Гаас, Ю. Зелинский и др. [4, л. 16]. Они и проводили богослужения для своих соотечественников. По данным ксендза Юревича, в 1864 году только в одном Нерчинском Заводе оказалось 847 человек католического исповедания [5, л. 60]. В 1871 году общая численность католиков в Забайкальской области составляла уже 1271 человек, в 1873 – 1400 [6, л. 3].

Таким образом, священнослужители неправославных конфессий, и в первую очередь католической, в начале XIX века появились в Сибири «первоначально для поселений, составляемых из ссыльных». Поэтому, чтобы организовать богослужения у ссыльных на такой огромной сибирской территории, было постановлено в «Высочайше подтвержденном докладе» 1806 года, «чтобы люди, одну веру исповедующие, поселяемы были вместе». Уже в 1806 году для Иркутской и Томской губерний по «Высочайше утвержденному штату назначались три римско-католических священника»: один – в Томскую губернию, а в Иркутскую – двое, и было утверждено штатное расписание [15, с. 236, 237].

В Забайкалье римско-католического прихода не существовало, католические священники приезжали из Иркутска, что было крайне неудобно для всех, если учесть размеры территорий Забайкалья. Поэтому указом императора Николая I в 1842 году было поручено Римско-католической коллегии дать распоряже-

ние об отправке из подведомственного ей Духовенства Западных губерний в Забайкальский край благонадежного священника [7, л. 79]. Таким образом, был образован Нерчинский римско-католический приход, который охватил весь Забайкальский край, с центром в Большом Нерчинском Заводе, куда в 1842 году прибыл первый постоянный ксендз – (польский католический священник) К. Филиппович [13, с. 3].

Ксендзам было разрешено посещать своих прихожан в тюрьмах, рудниках, а позже и на станциях Забайкальской железной дороги и даже по линии КВЖД до самого Харбина. Надо отметить, что из-за обширности территорий Забайкалья единственный католический священник в крае, конечно же, не мог удовлетворить религиозные нужды всех католиков. На эту проблему в 1902 году указывал военный губернатор Забайкальской области: «В проезде мной через село Тарбагатай Верхнеудинского уезда, ко мне обратились ссыльнопоселенцы-католики (15 человек) с заявлением, что они уже много лет не видели своего духовного отца...» [7, л. 29]. Об этом сообщал и начальник Нерчинской каторги подполковник Иванов: «Прошу посетить тюрьмы Нерчинской каторги в текущем году на предмет исполнения духовных треб для христиан римско-католического вероисповедания» [7, л. 40]. Были случаи, когда ксендз получал письма с угрозами от ссыльнопоселенцев, у которых долгое время не велись службы [7, л. 82].

С целью обеспечения религиозных потребностей у католиков, местные власти из читинского губернского казначейства выделяли деньги римско-католическому священнику на прогоны в размере 408 руб. 52 коп. Это было предусмотрено статьей 99 (XI ч. 1 Устава ДДИИ. 1896 г.), «на три лошади и причту на две лошади по делам службы по восточной половине области по числу вёрст» [7, л. 6].

Иначе обстоял вопрос с верующими лютеранского исповедания. Так как их число было довольно незначительным и согласно статье 268 (т. XIV Устава о ссыльных по прод. 1876 г.) они водворялись на жительство в Минусинский округ Енисейской губернии, поэтому лютеранского прихода в Забайкалье не существовало. Лютеранский пастырь для исполнения религиозного культа ежегодно приезжал в Читу и на Амур в июне месяце из города Иркутска. Обязательным для него было посещение каторги [8, л. 1, 11 – 13].

В конце 1884 года управляющий Петровским горным округом обратился к приамурскому генерал-губернатору с просьбой

оставить на поселении в Забайкальской области, а именно в Петровской волости, ссыльного лютеранского исповедания Генриха Гельцера, окончившего каторжный срок, так как он был очень полезен для завода. Военный губернатор Барабаш, предполагая, что такие случаи могли повториться, и в Забайкалье уже проживали лютеране свободного состояния, предложил учредить в области для водворения ссыльных лютеран две колонии в Читинском и Верхнеудинском округе [8, л. 9].

Затем было предложено не устраивать особой колонии, а избрать какой-нибудь населённый пункт в Забайкальской области. Инспектор тюремной части Камарский предлагал выбрать такое место, чтобы и ссыльнопоселенцам, и пастору было удобно осуществлять религиозные потребности. Лютеранского пастыря обязать помимо каторги посещать и другие места причисления лютеран, хотя бы один раз в год [8, л. 11-13]. Заведующий Нерчинскими ссыльнокаторжными разделял точку зрения инспектора Камарского. Он считал, что для поселения окончивших срок каторжных работ преступников лютеранского исповедания лучше выбрать деревни близкие к городу Чите, в котором находился лютеранский пастырь во время своего пребывания в крае [8, л. 16, 16-об.].

Помимо того само законодательство обязывало обеспечивать для ссыльных условия для исполнения религиозных треб. Так статья 268 устанавливала (в продолжении т. XIV СЗ РИ, 1876 г.), чтобы ссыльных лютеран, а также евреев водворяли в особо установленных поселениях или в поселениях по усмотрению генерал-губернатора с обязательным условием, чтобы ссыльные не были лишены средств духовного призрения. В результате предложения Камарского были утверждены приамурским генерал-губернатором Корфом [8, л. 7].

Таким образом, ссыльных-лютеран, окончивших сроки каторжных работ, стали причислять на поселение в местностях, более удобных для хлебопашества, расположенных вблизи Иркутского тракта и города Читы, а именно в Артинском и Дорнинском селениях Николаевской волости Читинского округа и Хараузском селении Никольской волости Верхнеудинского округа. Так, в Дарасунское селение Тыргетуевской волости было причислено 11 человек, один из которых был с семьей. К Ни-

кольской волости Читинского округа – 3. Об этом был уведомлен евангелическо-лютеранский пастырь [8, л. 24-об., 24, 48-49].

Что касается иудеев, то Забайкальская область по закону не была отнесена к местности постоянной оседлости евреев. Однако в Забайкалье состояли на причислении евреи, сосланные в Сибирь за преступления, а также их дети, как прибывшие за ними, так и родившиеся здесь и имевшие право состоять в свободных податных сословиях, и записываться в местные купцы [9 л. 2об.]. В религиозном отношении на них распространялось действие закона (ст. 268), как и для лютеран [8, л. 7].

В 1874 году министр внутренних дел разрешил устройство в городе Чите для проживающих здесь евреев молельни и правления при ней [9, л. 5]. В 1879 году военный губернатор утвердил в должности раввина Читинской молельни Исаака Копеля, со всеми правами и преимуществами [9, л. 23]. Еврейские молитвенные дома также действовали в городе Баргузине, Нерчинске, а также в селениях Селенгинского округа и т. д. [9, л. 6-21].

Как видно из таблицы № 1, среди ссыльных были и представители магометанской веры (исламской). Магометанские общества, появившиеся на территории Иркутской губернии, в том числе и в Забайкалье, в основном состояли из потомства ссыльных [1, с. 297]. Уже в начале XIX века в Забайкальском крае имелись молельни для магометан. А в 1868 году Оренбургское Магометанское духовное собрание, позволило осуществлять богослужения лицам, не обладающим специальной подготовкой, при условии, если они были избраны магометанским обществом [10 л. 1-12]. Для жителей Забайкальской области деревни Новокургатай в январе 1880 года была утверждена должность муллы, на эту должность был избран Мухаммед Умербаев [11, л. 1-1 об.]. С согласия Оренбургского магометанского духовного собрания в 1884 году, указом Забайкальского областного правления, в Елизаветинском селении Александровской волости Читинского округа в должности муллы был утвержден Лукян-Ян-Юлдашев [12 л. 10-10 об.].

Таким образом, власть, проводя политику веротерпимости, старалась обеспечить религиозные нужды ссыльных. Тем не менее, все-таки можно увидеть и противоречивые действия местной администрации в отношении неправославных конфессий. Иногда власть, соблюдая интересы РПЦ, чинила препятствия,

например, в постройке молитвенных домов, а иногда наоборот смягчала требования, предусмотренные законодательством (Уставом ДДИИ). Конечно, регулярно обеспечивать религиозные нужды всего населения имперские власти и администрация Забайкалья не могли, поскольку сказывалось геополитическое положение Забайкалья, удаленность края от центральной части России, незначительная плотность населения и разбросанность его на огромной территории. Также власти старались, чтобы затраты на организацию приходов были не обременительными для казны, а ложились на плечи того, или иного конфессионального общества.

Примечания

1. Бобкова Г.И. Мусульманская община Иркутска в конце XIX–XX веков. Конфессии народов Сибири в XVII–начале XX веков: развитие и взаимодействие // Материалы Всероссийской научной конференции (3-4 февраля 2005 г.). Иркутск: Анонс, 2005. 295 с.

2. ГАЗК Ф. 1 о. Оп. 1. Д. 6956.

3. ГАЗК Ф. 1 о. Оп. 1. Д. 13556.

4. ГАЗК Ф. 1о. Оп.1. Д. 657.

5. ГАЗК Ф.1о Оп. 1. Д. 36.

6. ГАЗК Ф. 1о. Оп. 1. Д. 8415.

7. ГАЗК Ф. 1о. Оп. 1. Д. 3679.

8. ГАЗК Ф. 1о. Оп. 1. Д. 9128.

9. ГАЗК Ф. 1о. Оп. 1. Д. 1757.

10. ГАЗК Ф. 1 о. Оп. 1. Д. 6821.

11. ГАЗК Ф. 1о. Оп.1. Д. 1941.

12. ГАЗК Ф. 1о. Оп. 1. Д. 2587.

13. Кудрявцев С. Католическая церковь в Забайкалье // Свет Евангелия. № 15, апрель.

14. Сибирь в составе Российской империи / под ред. Л.М. Дамешека. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 386 с.

15. Шостакович Б.С. Начальный период истории иркутского римско-католического костела и прихода // Конфессии народов Сибири в XVII–начале XX веков: развитие и взаимодействие // Материалы Всероссийской научной конференции (3-4 февраля 2005 г.). Иркутск: Анонс, 2005. 318 с.

УДК 947 (571.1/5)

И.Н. Никулина

Польская политическая ссылка на Алтай в XIX в.

Статья посвящена рассмотрению периода пребывания на Алтае поляков – членов «Общества военных друзей» в Белостоке, участников восстания 1830 г., польских освободительных организаций конца 1830–начала 1840-х гг., восстания 1863 г. в Царстве Польском, революционных кружков и организаций 1880-х гг.

На основе широкого круга источников в работе нашли отражение вопросы численности, мест размещения, сословного состава, характеристики отдельных слоев польского населения в ссылке, их материального положения, рода занятий, взаимоотношений с местным населением, влияния на жизнь края.

Ключевые слова: Алтай, польская политическая ссылка, Общество военных друзей, восстание, Царство Польское.

I.N. Nikulina

The polish political exile in Altai of the XIX century

The article is dedicated to the period of stay in Altai of Poles – members of War Friends Society in Byelostok, participants of the uprising of 1830, of the polish liberation organizations of the end of 1830-of the beginning of 1840, of the uprising of 1863 in the Congress Kingdom of Poland, of the revolutionary groups and organizations of 1880-s.

Based on the wide range of sources presented are the questions of size of the complement, its allocation, social and professional complement, description of separate strata of the Polish population in the exile, their financial position, occupation, interrelations with the local inhabitants and influence of the political exile upon social life of the region.

Keywords: Altay, polish political exile, War Friends Society, uprising, the Congress Kingdom of Poland.

История русско-польских отношений, польского освободительного движения XIX в. получила достаточно широкое освещение в российской и польской историографии, чему в немалой

степени способствовало расширение научных, экономических, культурных контактов России и Республики Польша. Безусловно, это коснулось и проблемы пребывания поляков в Сибири, в том числе и на Алтае¹.

Следует отметить особое положение, в котором находился Алтай как собственность царя, царской семьи, Кабинета его императорского величества. Алтай вошел в состав Российского государства только на рубеже XVII–XVIII вв., то есть значительно позднее других районов Сибири. В начале XVIII в., интенсивное освоение края было связано с именем известного в России промышленника Акинфия Демидова, который основал на Алтае Колыванский и Барнаульский медеплавильные заводы. 1 мая 1747 г. императрица Елизавета Петровна конфисковала имение Демидовых на Алтае, и эти земли стали собственностью царя вплоть до Февральской революции 1917 г.

Это особое положение Алтая и послужило причиной его закрытия для ссылки, которая была запрещена законами Правительствующего Сената от 22 января 1762 г., затем от 29 апреля 1776 г., высочайшими повелениями от 18 июля 1808 г. и 26 февраля 1862 г., запрещавшими водворять ссыльных всех категорий. Таким образом, запрет ссылки на Алтай получил свое законодательное оформление. Территория Алтая имела статус запретной зоны для размещения, как уголовных, так и политических ссыльных.

Однако все препоны, возводимые администрацией Кабинета, не могли полностью оградить округ от ссылки. В исключительных случаях в виду различных обстоятельств с учетом особого положения Алтая сюда допускались политссыльные, в том числе и польские. Польская политическая ссылка на Алтае в XIX в. была представлена ссыльными членами Общества военных друзей в Белостоке, участниками Ноябрьского восстания 1831 г. в Царстве Польском, ссыльными римско-католическими священниками конца 30-х гг. XIX в., участниками Январского восстания 1863 г. в Царстве Польском, ссыльными членами революционных кружков, партии «Пролетариат» 80 – 90-х гг. XIX в.

В данной статье на основе широкого круга источников и литературы рассматривается пребывание на Алтае в XIX в. польских ссыльных, участников польского национально-освободительного

движения, первыми из которых были члены «Общества военных друзей» в Белостоке Иван (Ян) Высоцкий, Карл и Феликс Ордынские.

По Высочайшей конфирмации от 15.04.1827 г. шляхтичи К. и Ф. Ордынские и И. Высоцкий были сосланы в крепостные работы на 5 лет и потом в Сибирь на поселение². Первоначально Высоцкий и Ордынские были направлены к Пермскому гражданскому губернатору для дальнейшего их препровождения, затем 7 июня 1827 г. доставлены в Омск для «отправления крепостных работ»³.

6 августа 1827 г. в Усть-Каменогорск был направлен Иван Станиславович Высоцкий (р. около 1803 – ум. до 1854 гг.) – шляхтич, родом из Гродненской губернии⁴. К месту назначения он прибыл 25 августа 1827 г. Письмо родителям, копия которого сохранилась в Третьем отделении, свидетельствует о трудностях, испытанных Высоцким на пути в Усть-Каменогорск. «По месячном в г. Омске пребыванию, с распоряжения местного начальства, отправлен верст за 900 в крепость Усть-Каменогорскую и прибыл в оную 25 августа. Во время дороги и по прибытии на место (где мне судьба определилась) слава богу здоров. Чувствительное ваше обо мне попечение запрещает описывать мои страдания, а только убедительнейше прошу не оставить прислать мне денег, в которых я имею крайнюю нужду»⁵. Установлено, что находясь в крепости, Высоцкий переписывался с отцом Казимиром Высоцким и братом Петром Высоцким. Очевидно, он сильно нуждался в средствах, т.к. ему постоянно посылались деньги родителями⁶. Известно, также о письме Высоцкого в Белостоке Василию Белявскому, доставленном в Третье отделение, но содержание этого письма остается загадкой⁷. В Усть-Каменогорске ссылный находился в крепостных работах около 2 лет 8 месяцев, затем по Высочайшему повелению от 27 января 1830 г. он был отправлен рядовым в Сибирский линейный батальон № 3 г. Петропавловска, куда прибыл 3 мая 1830 г.

Феликс Викентьевич (р. 1802 г.) и Карл Викентьевич (р. 1805 г.) Ордынские были направлены 20 марта 1828 г. из Омска на мельницу, принадлежащую Усть-Каменогорской крепости, а затем 12 января 1829 г. переведены в Усть-Каменогорск для отбытия крепостных работ⁸.

Некоторое представление о положении Ордынских в Усть-Каменогорске дает официальная переписка. В октябре 1829 г. комендант Усть-Каменогорской крепости де Лианкур доносил, что состоящие во вверенной ему крепости арестанты Ордынские по повелению командира отдельного сибирского корпуса Вельяминова «были отправлены в Семипалатинскую крепость, а оттуда на инженерную пильную мельницу, принадлежащую Усть-Каменогорской крепости»⁹. Причиной перевода послужило притеснение де Лианкуром Ордынских. Вельяминов узнал об этом из инспектировавшего каторжные тюрьмы полковника сибирского корпуса жандармов Маслова¹⁰. Очевидно, притеснение было настолько сильным, что даже жандармский полковник обратил на него внимание.

В Усть-Каменогорске ссыльные пробыли чуть больше года. Из переписки Ордынских следует, что в Усть-Каменогорске они сильно нуждались материально, поэтому им посылались деньги родственниками¹¹. Именно по ходатайству родственников 26 января 1830 г. последовало высочайшее повеление об определении Ордынских в Сибирский линейный батальон № 8 Семипалатинска. 30 мая 1832 г. они были произведены в унтер-офицеры¹².

Как известно, в 1831 г. в Сибирь на каторгу и ссылку были отправлены участники Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Большая часть поляков была зачислена рядовыми в Сибирское казачье войско и размещена в укреплениях Сибирских линий. Среди них можно назвать Адама Валечика, Селиверста Флерчика, Антона Ясковяка, которые после службы поселились в Усть-Каменогорске и женились там на местных жительницах (А. Валечик – на дочери отставного рядового Маргрене Ситниковой, С. Флерчик – на дочери казака Февронии Малыгиной, А. Ясковяк – на дочери казака Фекле Злобиной, принял православие). Говоря о роде занятий названных ссыльных, следует отметить, что А. Валечик был портным, знал польскую и русскую грамоту, С. Флерчик занимался хлебопашеством, знал польскую грамоту, А. Ясковяк занимался рыболовством, был отличным печником, в городе имел свой дом¹³.

В Усть-Каменогорске проживали также сосланные за участие в восстании 1831 г. Борковский, Жичковский, Ленковский, Пухарский, Самардак, Щепановский, Якубовский. Однако сведения о них крайне ограничены. Известно лишь, что «Ленков-

ский, сапожник по профессии, был убит в Усть-Каменогорске. Жичковский занимался выделкой овчин. Щепановский был скорняк. Жичковский, Щепановский, Самардак, Пухарский и Якубовский женились и умерли в Усть-Каменогорске»¹⁴.

В конце 30–начале 40-х гг. XIX в. была продолжена ссылка в Западную Сибирь участников конспиративных освободительных польских организаций и групп, среди которых были и неблагополучные в политическом отношении римско-католические священники, находившиеся на Алтае.

Согласно предписанию генерал-губернатора Западной Сибири от 23 декабря 1839 г. римско-католические ксендзы Анкудович, Шишко и Михайлович, Торчановский за хранение у себя возмутительного содержания бумаг, nepозволительную переписку и преступные речи были отправлены «под строжайший полицейский надзор»: Михаил Торчановский – в Барнаул, Антоний Анкудович – в Кузнецк, Павел Шишко – в Бийск, Андрей Михайлович – в Колывань¹⁵.

А. Анкудович был доставлен 9 января 1840 г. в Кузнецк под строгий надзор полиции. В августе 1840 г. генерал-губернатору Западной Сибири доносилось, что находившийся в Кузнецке ксендз Анкудович представил прошение «о дозволении ему заниматься какой-либо службой для снискания себе пропитания». Из Министерства внутренних дел Департамента духовных дел иностранных исповеданий в январе 1843 г. сообщалось также генерал-губернатору Западной Сибири, что Анкудовичу была «отправлена посылка с церковными вещами из г. Полоцка от дедана ксендза Вержковского без ведома надлежащего начальства и потому возвращена назад в г. Полоцк»¹⁶. В 1850 г. Анкудович получил разрешение на поселение в Томске под надзором полиции, с 9 октября был там викарием.

10 января 1840 г. прибыл в Бийск Павел Шишко, где в 1847 г. основал первую частную школу, что имело немаловажное значение для города в условиях нехватки грамотных людей. К сожалению, сведений о числе учащихся и о содержании обучения в ней не сохранилось. Известно, что он получал денежное пособие сначала 57 руб. 14 $\frac{1}{4}$ коп. в год, затем 114 руб. 28 $\frac{1}{2}$ коп. (1855). В полицейских донесениях отмечалось, что Шишко «занимается чтением книг, поведение полностью безупречно». В июле 1856 г. он подал прошение о возвращении на родину. 26

августа III Отделение удовлетворило просьбу при условии, если это не встретит возражения со стороны генерал-губернатора Западного края¹⁷.

К сожалению, сведения об остальных ссыльных католических священниках этого периода крайне скудны и отрывочны. Известно, что 25 апреля 1843 г. скончался от чахотки в Барнаульском заводском госпитале находившийся под надзором полиции в Барнауле Михаил Торчановский¹⁸. Практически отсутствуют сведения о Михайловиче, который с 1840 г. проживал в Колывани. Возможно, дальнейшие исследования прольют свет на обстоятельства жизни на Алтае этих людей.

Более значительная партия польских ссыльных оказалась на Алтае после подавления Январского восстания 1863 г. Как известно, после подавления восстания императором были утверждены правила высылки, водворения и отдачи под надзор полиции его участников. Среди городов Западной Сибири, определенных для жительства лиц, высланных по политическим причинам, были названы и города Алтайского горного округа Бийск, Кузнецк, Усть-Каменогорск¹⁹.

Найденный нами в фонде ГАРФ список польских политических преступников, находившихся на жительстве в Барнауле, состоящий из 54 человек, свидетельствует о том, что Барнаул был также пунктом сосредоточения польских политссыльных²⁰. Он содержит важные сведения о польской ссылке на Алтае. Часть ссыльных была зачислена на службу рядовыми в 10-й линейный Сибирский батальон г. Барнаула, «часть переведена в линейные батальоны № 12, 14 Усть-Каменогорска и № 7 Семипалатинска»²¹. Известно, что все они находились под полицейским надзором. Однако, в рапорте начальника Алтайских горных заводов от 21 сентября 1864 г. отмечалась сложность осуществления надзора и указывалось, что «людей подобного разряда до нынешнего года никогда в Барнаул не присылали, и, хотя они состоят под надзором полиции, но состав барнаульской полиции так ничтожен, что не представляется никакой возможности подробно следить за образом жизни сих людей»²².

Некоторую информацию о ссыльных поляках на Алтае дает краткий исторический очерк Бориса Герасимова, в котором содержатся сведения о некоторых из них. Так Николай Игнатьев Боровский, из дворян, за активное участие в отряде повстан-

цев был предан военному суду, по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа лишен всех лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, сослан на поселение в Томскую губернию. Первоначально находился в Барнауле, затем переведен в Усть-Каменогорск под строгий полицейский надзор, где имел частные занятия. Находясь в ссылке, Боровский получал от казны пособие: одно время ему выдавали по 6 коп. суточных, в другое – по 15 коп. По манифесту 16 апреля 1806 г. получил право выезда в Европейскую Россию и с разрешения генерал-губернатора Западной Сибири выехал в 1866 г. в Костромскую губернию²³.

В статье Бориса Герасимова имеются также сведения о значащихся в списке политических преступников польских ссыльных Клементе Матеумове Винче, Иосифе Матвееве Ленартовиче, Семене Николаеве Новицком, Станиславе Игнатъеве Петкевиче, Сигизмунде Игнатъеве Пелиском, Антоне Иосифове Соколовском, Александре Онуфриеве Славинском, Солеймане Якубове Смольском, Иосифе Турковском, Франце Карлове Эйбахе и др.²⁴ В библиографическом словаре есть информация только о Вильгельме Сокульском, где указывается, что он родился в 1823 г. Дворянин Минской губернии, отставной штабс-ротмистр Волынского уланского полка. Во время восстания 1863-1864 гг. Сокульский проживал в Витебской губернии, склонял крестьян к вступлению в ряды повстанцев, за что был предан военному суду и сослан в Сибирь²⁵. Находился в Барнауле, затем в Усть-Каменогорске под строгим надзором полиции. Пользовался от казны денежным пособием в размере 6 и 15 коп. в сутки. В дальнейшем выехал на родину²⁶.

Упоминания о ссыльных поляках в Кузнецке содержатся в воспоминаниях известного участника революционного движения, экономиста, социолога, публициста, писателя Василия Васильевича Берви-Флеровского и его жены Екатерины Ивановны. В.В. Берви отмечал сближение с польскими ссыльными. В воспоминаниях он указывал, что «во время моего пребывания в Кузнецке и вообще в Сибири (1866 г.), туда выслались в большом количестве поляки, прикосновенные к восстанию»²⁷. В воспоминаниях Екатерины Ивановны Берви содержатся упоминания о ссыльных поляках братьях Ландсбергах, Конюшевском, Кухарском, Ковальском, общающихся с Берви, часто собирающихся вместе и

беседующих²⁸. Характеризуя польских ссыльных Кузнецка, Екатерина Ивановна отмечала, что «большинство были шляхтичи с элементарным образованием. Кое-кто знал ремесло, и те сравнительно устраивались. Дворяне получали по 6 руб. в месяц ... , но большинство должно было проявлять настоящее искусство, чтобы прожить на свой паек»²⁹. Многие из ссыльных занимались ремеслами. Например, Феликс Альбертович Ковальский обучался сапожному мастерству, младший Ландсберг – кузнечному. Домановский пек вкусный пшеничный хлеб, изготавливал колбасы и сосиски³⁰. Несомненно, занятия ремеслом в Сибири оказывали определенное влияние на жизнь и быт местного населения. По этому поводу Василий Васильевич Берви отмечал, что «политические ссыльные из Польши...принесли с собой невиданное в этой глуши искусство и неизвестные до того ремесла. Все кинулись заказывать себе сбрую, мебель, экипажи, даже картины и изящные вещи. Стали устраивать праздники с небывалою до этого роскошью, выписывали музыку. Явился домашний театр, устроилось что-то вроде клуба или гостиницы»³¹.

В воспоминаниях Е.И. Берви указывалось на дружбу семейства Берви с ссыльными поляками. «На пасху муж разослал полякам чуть не весь запас имевшихся у нас визитных карточек. Когда все они собрались, то у нас было так тесно, что с трудом можно было пробираться в толпе. Пели...и какие то были чудные песни»³². Сам Берви подчеркивал, что поляки «к русским ненависти не имели и прекрасно уживались с русским народом»³³. Не случайно, по его мнению, «в Сибири поляки повсеместно расположили к себе русский народ», хотя «чиновники...в угоду правительства разжигали в населении вражду к полякам»³⁴. Тем не менее, большинство русского населения относилось к ним с сочувствием.

Важно отметить интерес поляков ко всему русскому. Именно этим объясняется чтение Василием Васильевичем Берви в Кузнецке полякам лекций о русских социальных идеях, в которых он критиковал социально-политические порядки в России, помещичье землевладение. О впечатлениях, производимых на слушателей, он писал: «Пылкие поляки быстро воспламенялись этими идеями»³⁵.

С пребыванием польских ссыльных на Алтае связана волна пожаров, прокатившихся в Барнауле с 19 по 27 августа 1864 г.

Причину пожаров пытались найти в злоумышленных поджогах польских ссыльных. В рапорте начальника Алтайских горных заводов от 21 сентября 1864 г. указывалось, что «пожары 19 августа истребили лучшую часть Барнаула и несколько строений в других частях». 19 августа сгорело 9 домов, принадлежащих разным лицам, 23 августа – 40 домов со службами. Пожары возобновлялись еще 5 раз. 28 августа 1864 г. в управление Томского жандармского штаб-офицера доносилось, что «граждане Барнаула, раздраженные частыми последствиями очевидных поджогов, подозревали злоумышленниками, находящихся там на жительстве политических преступников как лиц, недовольных правительством»... У одного из политических ссыльных Александра Мокроницкого «замечено было особое старание иметь свидание с товарищами из числа служащих в № 10 батальоне... Мокроницкий и Войниканис главным образом обвиняются в злоумышленных поджогах как подстрекатели и наниматели к сему преступлению. Обвинения эти заключаются в совершавшихся тайных переговорах их между собой посредством записок, а подробнее на словах передаваемых одного к другому через рядового из политических преступников Быстрановского относительно поджогов. При обыске у Мокроницкого были найдены стихи возмутительного сочинения»³⁶. Начальник Алтайских горных заводов сообщал в Кабинет, что «общий голос народа подозревает в этом поляков. Напуганный народ, находящийся в страхе и беспокойстве, до того озлился на этих поляков, что намеревается разорвать первого попавшегося поляка или бросить в огонь при первом же пожаре»...Поэтому с целью охраны ссыльных и для успокоения жителей полякам было приказано не выходить из квартир, «Мокроницкому и другим полякам запрещено отлучаться по вечерам из своих домов»³⁷, за ними устанавливался строгий надзор. Тем не менее показательным, что несмотря на желание администрации подчеркнуть ненависть народа к полякам, при расследовании пожаров не было обнаружено доносов на ссыльных со стороны местного населения, что, несомненно, свидетельствует о хорошем отношении жителей к полякам.

Ссыльные, зачисленные рядовыми на службу в 10 батальон, были взяты под арест в особую казарму. В Барнаул выехал томский губернатор Лерхе, который возглавил специальную следственную комиссию, созданную им для выяснения причин по-

жаров. Следственная комиссия пыталась свалить всю вину на ссыльных, обвинив в поджигательстве четырех ссыльных поляков и барнаульских мещан.

В целом, доказательств виновности поляков не нашлось, и следствие пришлось прекратить за недостатком улик. Очевидно, причину пожаров следует искать не в действиях польских ссыльных, а в новом подъеме классовой борьбы, вызванной грабительским характером реформы 1861 г. Алексей Павлович Бородавкин отмечал по этому поводу, что «наиболее тяжелыми были условия освобождения мастеровых Барнаульского округа, которые не получили даже мизерного земельного надела и вышли на волю без средств существования. Поэтому недовольство реформой и ненависть к горному начальству среди них были особенно сильны»³⁸. Несомненно, это привело к усилению борьбы мастеровых, проявившейся в пожарах как форе протеста против реформы 1861 г. и проводивших ее в жизнь горных чиновников. Кроме того, подобные пожары вспыхнули в Павловске и Сузуне, где поляков вообще не находилось.

Следует отметить, что в неоднократных ходатайствах начальника Алтайских горных заводов администрации Кабинета содержалась просьба о немедленном выселении всех ссыльных поляков из Алтайского горного округа, размещении их в других частях Томской и прочих губерниях, «как для спокойствия жителей края, так и в видах охранения интересов вообще Кабинета Е.В.». Именно после пожаров 1864 г. поляки были удалены из Барнаула. Генерал-губернатор Западной Сибири доносил министру внутренних дел 28 сентября 1864 г. о сделанном им распоряжении «о размещении по другим батальонам нижних чинов польского происхождения, состоящих в 10, расположенном в Барнауле, батальоне и начальнику Томской губернии о немедленном переведении в другие города всех состоящих на жительстве в Барнауле поляков, сосланных в Сибирь за участие в последнем восстании»³⁹. Несомненно, в соответствии с этим распоряжением, большинство польских ссыльных было переведено из Барнаула в линейные № 12, 14 батальоны Усть-Каме-ногорска и № 7 Семипалатинска, поскольку в этих городах «не существует казенных заводов, целости которых могло бы угрожать жительство ... политических преступников из поляков»⁴⁰. Информация о польских ссыльных, переведенных из Барнаула

в Усть-Каменогорск и Семипалатинск, содержится в уже указанном ГАРФ⁴¹.

Среди поляков, находившихся на Алтае, необходимо отметить особо врача Цезаря Иосифовича Тараевича (1833–1901), медицинская деятельность которого являлась выражением активной жизненной позиции в ссылке. В 1858–1863 гг. он учился в Московском университете на медицинском факультете и окончил его со степенью лекаря. За участие в польском восстании 1863 г. он был сослан в г. Тару Западной Сибири, где занимался врачеванием. В 1883 г. Цезарю Тараевичу было предоставлено право свободного передвижения и поступления на государственную службу. Выбор пал на Усть-Каменогорск, где он прожил до конца жизни. В Усть-Каменогорске он работал попеременно городским и уездным врачом, в 1900 г. занимал должность врача 1 участка Усть-Каменогорского уезда. Когда в 1892 г. в Усть-Каменогорске началась эпидемия холеры и голод, Цезарь Тараевич принял самое деятельное участие в борьбе с эпидемией. Он делал все возможное для оказания медицинской помощи населению. При этом заразился брюшным тифом с последующими тяжелыми осложнениями. Он скончался 5 мая 1901 г.⁴². По словам Бориса Герасимова, «это был весьма образованный человек и вместе с тем отличный врач, не отстававший от науки ... Это был замечательно остроумный человек ... Представители русской политической ссылки, известные в Усть-Каменогорске культурные деятели – Евгений Петрович Михаэлис, Александр Николаевич Федоров и др., а также местная интеллигенция, относились к Тараевичу с полным уважением»⁴³.

В целом, на основе изучения и систематизации архивных материалов ГАРФ, РГИА, ИАОО, ГАТО, КГУ ГААК, воспоминаний Е.И. Берви удалось выявить 345 польских ссыльных, находившихся в этот период времени на Алтае. Из них в Бийске проживало 156 чел., в Кузнецке – 62 чел., в Кольвани – 51 чел., в Усть-Каменогорске – 22 чел., в Барнауле – 54 чел., хотя в дальнейшем ссыльные поляки (32 человека) из Сибирского линейного батальона № 10 г. Барнаула были переведены в линейные батальоны № 12, 14 Усть-Каменогорска и № 7 Семипалатинска⁴⁴. Следует отметить, что ввиду частого перевода ссыльных с одного места жительства на другое, точный подсчет достаточно затруднен.

Малочисленность польской политической ссылки на Алтае при сравнении с общим числом сосланных в Сибирь в 60-х гг. XIX в. поляков⁴⁵ очевидна, что обуславливалось, на наш взгляд, закрытием долгое время Алтайского горного округа для ссылки. Администрация Кабинета стремилась любыми путями отклонить водворение здесь ссыльных, «опасаясь вредного влияния людей сих на местных жителей и для сохранения спокойствия в крае...», о чем свидетельствует ряд документов⁴⁶. Необходимо отметить, что после пожаров 1864 г. в Барнауле кабинетское начальство добивалось перевода «политических преступников из городов Бийска, Кузнецка, Колывани в города Усть-Каменогорск и Семипалатинск, подобно тому, как было сделано переселение из Барнаула. В этом настоятельная необходимость, т. к. в этих городах число сосланных по политическим делам будет весьма незначительно, – поэтому, при хорошем устройстве тамошней полиции представляется возможность строгого надзора за ними»⁴⁷. Таким образом, администрация, используя любую возникающую возможность, стремилась избавиться от присутствия политссыльных в округе.

Тем не менее, в 1865 г. по Высочайшему повелению временно разрешено было оставить на жительстве уже водворенных в городах Бийске, Кузнецке и Колывани политических преступников из поляков, но с тем, «чтобы прежнее восприятие водворения ссыльных в Алтайском округе осталось во всей силе»⁴⁸.

Не случайно, начальник Алтайских горных заводов сообщал генерал-губернатору Западной Сибири 17 ноября 1867 г., что «... несмотря на Высочайшее восприятие политических преступников из поляков до настоящего времени поселяют в городах, расположенных в Алтайском горном округе кроме Барнаула. На 21 марта 1865 г. было водворено политических преступников из поляков в Бийске 54, Кузнецке 19 и Колывани 14 человек, вновь поселено по настоящее время в Бийске – 94, Кузнецке – 40 и Колывани 38 человек. Следовательно, в последний период времени поселено гораздо больше, нежели в первый»⁴⁹.

На основании списков польских политических преступников удалось определить сословный состав польских ссыльных 60-х гг. XIX в., хотя достаточно часто сведения по данному вопросу в архивных материалах отсутствуют. Поэтому сословная принадлежность значительной части польских ссыльных пока не уста-

новлена. Среди 250 польских политических ссыльных из дворян было 192 человека, из ксендзов – 22 человека, из мещан – 12 человек, из чиновников – 8 человек, из крестьян – 8 человек, из купцов – 5 человек, из военных – 3 человека. Характерно, что среди ссыльных преобладали дворяне (192 человека). К сожалению, для 95 человек нет сведений о сословной принадлежности, поскольку достаточно часто информация по данному вопросу отсутствует в архивных материалах.

Среди польских политических ссыльных, находившихся в данный период на Алтае, нельзя не вспомнить женщин, сам факт пребывания здесь которых представляет немалый интерес, существенно дополняя общую картину политической ссылки. На основании списков политических преступников, высланных на жительство в Бийск, Кузнецк и Кольвань, хранящихся в ИАОО (Ф. 3) нам удалось установить, что 13 польских ссыльных – участников восстания 1863 г. в Царстве Польском прибыли на Алтай с женами и детьми. Среди них Франц Юхневич, поступивший в Бийск 9 апреля 1865 г. с женой Софией и сыном Станиславом; Казимир Осипович, поступивший в Бийск с 20 сентября 1865 г. с женой Марцианой, сыном Иорданом, дочерью Ириной, Михаил Еринович, поступивший в Кузнецк 16 августа 1865 г. с женой Екатериной, детьми Константином, Амалией, Юлией и матерью жены Анной Домбровской и др.⁵⁰

В списке политических преступников, находившихся под надзором полиции и получающим пособие из Бийского окружного казначейства в 1867 г., указывалось, что Леопольд Козловский также отбывал наказание с женой Ангелиной, сыновьями Виктором и Каземиром; Игнатий Романовский с женой Ангелиной, сыновьями Каземиром, Антоном; Франц Козловский с женой Павлиной, причем ей выплачивалось по 75 коп. квартирных денег⁵¹. Интересно отметить, что ссыльный ксендз Альберт Григалюнович, находившийся в Кузнецке с 16 августа 1865 г., прибыл к месту назначения с сестрой Екатериной⁵². Таким образом, женщины разделили изгнанническую жизнь своих близких в Сибири.

Среди польских ссыльных, направленных на жительство под надзор полиции в Кузнецк, с 21 июля 1865 г. находилась Юлия Стефановичева с детьми Анастасией, Алабиной и Королиной, принимавшая участие в восстании 1863 г. в Царстве Польском⁵³.

В Бийске находилось Эмма Осташкевич, Анна и Михалина Малевич, Юзефа Замбрицка⁵⁴.

Некоторые из ссыльных женились на местных жительницах. Так, в Усть-Каменогорске женился на солдатской вдове Александр Константинович Мучкиной Викентий Арцишевский, высланный в Сибирь «за нахождение в шайке мятежников» по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа от 24 сентября 1863 г. и определенный «в военную службу с лишением прав дворянства». Игнатий Бурачевский, сосланный за участие в восстании по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа на поселение в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ, в 1869 г. «вступил в брак с девицей православного вероисповедания, дочерью унтер-офицера Пелагеей Алексеевой Федоровой»; Петр Станкевич, высланный по решению военного суда в Томскую губернию за участие в мятеже, женился в Усть-Каменогорске на крестьянке Евфросинии Матвеевой и др.⁵⁵

В целом, материальное положение ссыльных было тяжелым. С разрешения шефа корпуса жандармов политические ссыльные, находившиеся в Западной Сибири и не имевшие собственных средств к существованию, получали казенное пособие 57 руб. 4 $\frac{1}{4}$ коп. или 114 руб. 28 $\frac{1}{2}$ коп. серебром в год. Это пособие выдавалось за каждый истекший год в феврале или марте следующего года⁵⁶. Ссыльным из дворян, высланным без лишения и ограничения прав и не имеющим собственных средств к жизни, разрешалось выдавать по 15 коп. в сутки⁵⁷. Следует отметить, что польские ссыльные долгое время не получали определенного от казны пособия, затем оно стало выдаваться частями и ссыльные долгое время не могли обзавестись хозяйством. Казенное пособие выдавалось полякам периодически. Эта выдача находилась в непосредственной зависимости от материального состояния ссыльных. Если ссыльные имели занятия, которые давали нормальное материальное обеспечение или получали денежную помощь от родственников, то выдача казенного пособия им временно прекращалась. Вместе с тем, размер пособия был ничтожен и ссыльным было необходимо работать, чтобы обеспечить себя средствами к существованию.

Многие ссыльные занимались ремеслами. В Усть-Каменогорске занимался кузнечной работой Адольф Геберт, высланный за

участие в восстании по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа на поселение в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ; портняжным ремеслом занимался Венедикт Станкус, отданный в военную службу без лишения прав «за участие в мятеже» по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа и др.⁵⁸ Известно, что пчеловодством занимались Викентий Арцишевский, Николай Пиотровский, отданный «за участие в мятеже» с лишением прав дворянства в военную службу в 4-й западно-сибирский батальон по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа, Адольф Землевский, сосланный за участие в мятеже на жительство в Сибирь, который занимался также хлебопашеством и др.⁵⁹

Следует отметить, что малочисленность местной интеллигенции, нехватка грамотных людей, достаточно высокий образовательный уровень ссыльных вызывали их привлечение к работе в качестве педагогов, писцов и т. д. Примером этого может служить пребывание в Усть-Каменогорске Викентия Арцишевского, имевшего частные письменные занятия, с 1870 г. служившего писцом после окончания срока полицейского надзора, с 1875 г. – бухгалтером в городской управе, Леон Берберуш, отданный «за участие в мятеже» в военную службу без лишения прав дворянства по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа, служил писцом при городской полиции Усть-Каменогорска; Игнатий Бурачевский, высланный за участие в восстании по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа с лишением всех прав и преимуществ на поселение в Томскую губернию, зарабатывал средства к существованию частной службой, подобное занятие имели Николай Тикоцкий, сосланный на жительство за участие в мятеже в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ, и Михаил Пржигоцкий, отправленный на поселение в Томскую губернию «за участие в политических беспорядках в Западном крае» с лишением всех прав и преимуществ. Николай Пиотровский занимал должность письмоводителя мирового судьи Усть-Каменогорска с 1875 по 1895 гг. был избран городским секретарем думы⁶⁰. Станислав Петкевич, сосланный на жительство в Томскую губернию «за намерение присоединиться к шайке мятежников» с лишением всех прав и преимуществ по конфирмации командующего вой-

сками Виленского военного округа, занимался письмоводством у частных лиц, затем служил управляющим в винном складе; Семен Новицкий, сосланный на поселение в Томскую губернию за участие в восстании с лишением всех прав и преимуществ по конфирмации военного начальника г. Тельни Ковенской губернии, служил рабочим в винном складе. По виноторговле служили Рафаил Путвинский, сосланный на житье в Томскую губернию «за сношение с мятежниками и снабжение их провизией» с лишением всех прав и преимуществ, и Солейман Смольский, отправленный в ссылку на поселение в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ «за распространение вредных для правительства слухов, которые могли дурно действовать на необразованный класс людей и располагать их к содействию мятежу» по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа. Занимался частным делом Иосиф Шкультецкий, сосланный на житье в Тобольскую губернию «за участие в мятеже» с лишением всех прав и преимуществ по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа, переведенный затем в Семипалатинск и Усть-Каменогорск. Станислав Яворовский служил по торговым делам⁶¹. В селениях Бийской волости занимались торговлей Иван Богут, Игнатий Мерило, Иван Жуковский, Викентий Кашинский, Мартын Комоцкий и др. Посевными работами занимались Константин Лозицкий, Александр Венцлавский, Владислав Корбут и др.⁶²

Несмотря на стремление правительства к изоляции политических ссыльных от населения посредством запретов и ограничений, многие ссыльные занимались учительской деятельностью.

Некоторые из ссыльных имели частные уроки в Усть-Каменогорске. Среди них можно отметить Леона Бербеиуша, Николая Боровского, Бронислава Вецкого, сосланного на житье в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ «за принятие к себе мятежников и доставление им продовольствия» по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа Виктора Жилинского, занимавшегося в доме полковника Катина, купца Задорова, Болеслава Лапинского, отправленного на жительство в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ за участие в восстании, Иосифа Ленартовича, Александра Славинского, Антона Соколовского, сосланного на

поселение в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ за участие в восстании⁶³.

Особенно следует выделить Солеймана Сокольского, который открыл без всякого разрешения в своей квартире школу, где обучалось до 30 мальчиков и 2 девочки. Он преподавал сам чтение, письмо, четыре правила арифметики, Закон Божий. За обучение взималась плата от 50 коп. до 1 руб. в месяц с ученика. Школа просуществовала около 5 лет⁶⁴.

Дальнейшее положение ссыльных в Сибири определялось рядом манифестов. Следует указать на Высочайшие повеления от 18 октября 1866 г. и 25 мая 1868 г. в соответствии с которыми польские ссыльные «приобрели право переселиться из мест ссылки на жительство под надзор полиции в Европейскую Россию или получали в Сибири право приписываться к сельским или городским обществам ...»⁶⁵. На основании Высочайшего повеления от 13 мая 1871 г. ссыльным возвращались «прежние права состояния» и они освобождались от надзора полиции «с дозволения...жить повсеместно, за исключением столиц и столичных губерний, уроженцам же Царства Польского и Западных губерний, за исключением и сих губерний»⁶⁶.

Воспользовавшись этим, некоторые ссыльные покинули Алтай. Среди них: Николай Боровский выехал в Костромскую губернию, Ян Войткевич – в Минскую губернию, Климентий Винч – в Вятскую губернию, Бронислав Вецкий – в Казанскую губернию, Адольф Геберт – на родину, Виктор Жилинский – в Вятскую губернию, Болеслав Лапинский – в казанскую губернию, Иосиф Ленартович – в Костромскую губернию, Рафаил Путвинский – в Ригу, Вильгельм Сокульский – на родину, Станислав Томашевич – в Костромскую губернию и др.⁶⁷

Следует отметить, что ссыльные, не воспользовавшиеся по неимению средств или по другим причинам правом переезда в Европейскую Россию, могли возбуждать ходатайства о применении к ним Высочайшего повеления от 13 мая 1871 г. Кроме того, на основании Высочайшего повеления от 9 января 1874 г. «... освобожденным от надзора полиции ... предоставить право поступления на государственную службу в тех местностях, где им дозволено свободное проживание»⁶⁸. Этим разрешением воспользовались некоторые из оставшихся на постоянное жительство ссыльных поляков.

Среди оставшихся в Сибири можно назвать Викентия Арцишевского (умер 17 октября 1905 г. в Усть-Каменогорске), Леона Берберииуша (умер в Усть-Каменогорске), Игнатия Бурачевского (умер в Павлодаре), Юлиуша Желязовского (умер в Барнауле), Адольфа Землевского (умер в Усть-Каменогорске), Семена Новицкого (умер в Усть-Каменогорске), Станислава Петкевича (умер 14 августа 1899 г. в Семипалатинске), Михаила Пржигоцкого, Николая Пиотровского (умер в 1898 г. в Усть-Каменогорске), Венедикта Станкуса, Антона Соколовского (умер в Усть-Каменогорске), Александра Славинского, Петра Станкевича, Солеймана Смольского, Николая Тыкоцкого, Иосифа Шкультецкого, Станислава Яворовского⁶⁹. Отметим, что окончательная амнистия значительной части ссыльных была объявлена манифестом от 15 мая 1883 г.⁷⁰

В 80–90 гг. XIX в. польская политическая ссылка на Алтае была продолжена. По нашим подсчетам в 80–90 гг. XIX в. на Алтае находилось 11 польских ссыльных, основным городом их проживания являлся Усть-Каменогорск⁷¹, определенный как место ссылки в Степном крае решением Совета по тюремным делам Министерства внутренних дел в 1882 г.⁷² Часть ссыльных попадала в Усть-Каменогорск в результате прошений переводом из других мест и последующее размещение обуславливалось прежде всего лучшими условиями жизни, большими возможностями изыскать средства к существованию. По воспоминаниям ссыльного А.В. Гедеоновского, это был «... маленький городок с 5 тысячами жителей, прекрасный, здоровый климат, две горных реки – Иртыш и Ульба – необыкновенная дешевизна продуктов ...»⁷³. Поэтому выбор Усть-Каменогорска, на наш взгляд, не случаен.

Польские ссыльные этого периода принимали активное участие в научном изучении Алтая. Ярким проявлением их научно-исследовательской деятельности было участие в работе Семипалатинского статистического комитета, созданного в 1878 г., благодаря которому находившиеся в Усть-Каменогорске или в Усть-Каменогорском уезде, имели возможность совершать поездки, экспедиции по заданию комитета, периодически приезжая в Семипалатинск.

В работе комитета активно участвовал Северин Гросс, высланный 13 января 1882 г. за участие в деятельности социал-революционной гмины в Вильно в Западную Сибирь на 5 лет под надзор

полицей, водворенный сначала в Ишим Тобольской губернии, в 1883 г. – в Семипалатинск, в 1885 г. – Усть-Каменогорск и в поселок Ульбинский Усть-Каменогорского уезда⁷⁴. Он занимался изучением обычного права местного населения, объехал в 1883 – 1885 гг. ряд селений: Канонирское, Большенарымское, Владимирское, Донскую и Семиарскую станицы. Очень хорошо отзывался о Гроссе ссыльный народник С.П. Швецов: «Гросс – один из самых крупных политических ссыльных того времени ... Широко образованный, он выделялся среди товарищей по ссылке и по возрасту – ему было около сорока – по цельности личности, стойкости и выдержанности характера»⁷⁵. Материал, собранный Гроссом, вошел в 1 выпуск исследования «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Материальное право» (1886)⁷⁶.

Геологическими исследованиями вместе с ссыльным Е.П. Михаэлисом занимался Адам Васильевич Бяловеский (3.02.1860–после 1915), окончивший в 1877 г. со званием кандидата физико-математический факультет Киевского университета, высланный за принадлежность к революционному кружку, стремящемуся к ниспровержению государственного порядка, под гласный надзор полиции на три года в Западную Сибирь, с 13 октября 1884 г. водворен в Усть-Каменогорск⁷⁷. Примечательно, что в Усть-Каменогорске с Бяловеским встречался известный американский журналист и путешественник Д. Кеннан, который отзывался о нем как о человеке «очень талантливым, с беспристрастным взглядом на вещи, с богатейшими знаниями русской литературы и права и с не менее значительными сведениями по истории западных литератур»⁷⁸.

А.В. Бяловеский занимался подробным изучением геологии Алтая. В письме к военному губернатору от 10 апреля 1886 г. Бяловеский писал, что вместе с Михаэлисом «мы предпринимаем составление геологической карты окрестностей города и интереснейших пунктов уезда. Осмотр местности придется, конечно, делать во время экскурсий, а чертить карту сообща, здесь в городе»⁷⁹. С этой целью ему была разрешена поездка по уезду. Как отмечает польский исследователь А. Кияс, минуя суровые правила, запрещающие свободное перемещение ссыльных, Бяловеский получил от генерал-губернатора Западной Сибири разрешение на необходимые поездки для проведения исследований⁸⁰.

Бяловеский интересовался оледенением гор Алтая. Вместе с ссыльным Михаэлисом он совершил путешествие по рудному Алтаю, обнаружил многочисленные следы древнего оледенения. Результаты были изложены в сообщении «Ледниковый период в горах Алтая» в английском журнале «Природа» за 1887 г. (Bialoveski A. Ice period on the Altai range // Nature. 1887. Vol. 35. P. 513). Однако сообщение не обратило на себя внимание, т. к. тогда было общепринятым мнение об отсутствии значительного оледенения в Азии. Впервые статьей Бяловеского заинтересовался выдающийся русский ученый, географ и путешественник Г.А. Обручев⁸¹. Он перевел текст на русский язык и напечатал как приложение к своей статье «Алтайские этюды». Г.А. Обручев полностью согласился с мнением Бяловеского и привел убедительные доказательства его правоты⁸². Таким образом, труд Бяловеского не потерял своего научного значения и получил должное признание.

Позднее А.В. Бяловеский напечатал заметку «О происхождении пород по р. Иртыш» в английском журнале «Природа», где указывал на то, что граниты по Иртышу выше Усть-Каменогорска, которые по Гумбольдту и Розе⁸³, покрывают глинистые сланцы, в действительности пересекают их жилами, что доказывает их более молодой возраст (Bialoveski A. Altaic granutes // Nature. 1889. Vol. 39. P. 30)⁸⁴.

В 1887 г. Бяловеский был подчинен негласному надзору с воспрещением жить в столицах, однако остался в Сибири, где проживал в Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Барнауле. Интересно, что в сведениях о политических ссыльных по Усть-Каменогорскому уезду военному губернатору Семипалатинской области от 18 сентября 1889 г. сообщалось, что 12 сентября Бяловеский с женой Агафьей Андреевой выехал в Барнаул. «Последние три года он был заведующим винною торговлею от Семипалатинского купца Степанова. Место, которое рассчитывает получить Бяловеский чрез посредство Статского Советника Николая Ивановича Мерцалова благодаря давнишнему тесному знакомству – одно из видных ... в Барнауле. Чтобы упрочить за собой такую службу Бяловеский ездил в Барнаул для свиданий с Мерцаловым, а затем Мерцалов, бывший по делам службы на Усть-Каменогорской пристани прожил у Бяловеского около недели, а по отъезду Мерцалова из Барнаула и Бяловеский выехал

окончательно вслед за ним туда же, передав заведывание складом по приказанию хозяина помощнику своему Нечволодову, также бывшему под гласным надзором полиции». Однако уже в сентябре 1890 г. Бяловеский выехал из Барнаула в Тифлис, в мае 1891 г. поступил на службу в управление Закавказской железной дороги, в 1896 г. получил право повсеместного жительства⁸⁵.

Многие из польских ссыльных в Усть-Каменогорске занимались ремеслами. Феликс Калиновский, Леон Ковальский занимались сапожным делом. Некоторые из ссыльных, находившихся под надзором полиции, состояли на службе. Адам Пржебысловский служил рабочим на винокуренном заводе купца Москвина. Михаил Быковский служил рабочим на колбасном заводе, на пароходстве Плещеева и К⁰. Уместно отметить, что Владислав Люциан Гинтовт-Дзевялтовский по окончании срока ссылки занимался золотопромышленностью, принимал участие в городских делах Усть-Каменогорска⁸⁶.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить роль и значение польской ссылки XIX в. на Алтае.

В первой половине XIX в. на Алтае находилось 17 польских политических ссыльных. Следует отметить, что этот период является малоизученным, поэтому сведения о них достаточно ограничены. Выявленные материалы не дают полного представления об этом периоде. Несомненно, дальнейшие исследования будут способствовать обнаружению новых данных. Польская политическая ссылка второй половины XIX в. на Алтае носила более массовый характер (356 чел.) в сравнении с первой половиной XIX в., что явилось отражением ужесточения карательной политики российского правительства в результате подавления Январского восстания 1863–1864 гг. и расширением территорий размещения ссыльных.

В сибирском изгнании ссыльные были вынуждены заниматься многообразной деятельностью, внося значительный вклад в экономическое и культурное развитие региона. Для польской ссылки 60 гг. XIX в. характерен относительно высокий уровень культуры и образования. Борис Герасимов в связи с этим отмечал, что «ссыльные поляки являлись...культурным элементом. Среди них немало было лиц с образованием. Местная интеллигенция относилась к ним ... с уважением»⁸⁷. По

воспоминаниям участника революционного движения 60-х гг. XIX в. Леонида Пантелеева, польская ссылка «... в огромном большинстве...представляла высококультурный элемент»⁸⁸. Значение польской ссылки определялось Василием Васильевичем Берви-Флеровским одной фразой «они вносили с собой цивилизацию»⁸⁹. Ссылные поляки общались с местным населением и пользовались с его стороны уважением и добрым отношением, о чем, несомненно, свидетельствует отсутствие на них доносов во время расследования причин пожаров, что отмечалось нами ранее. Некоторые из ссылных (Цезарь Тэраевич) оказывали медицинскую помощь населению.

Бесспорно значение научного изучения Алтая польскими ссылными. Их этнографические и геологические исследования (С. Гросс, А. Бяловеский) способствовали накоплению и обобщению значительного фактического материала не утратившего своей ценности и в настоящее время, определяли пути дальнейшего изучения края.

Педагогическая деятельность ссылных, их занятия ремеслами, торговлей, пчеловодством и т. д. оказывали значительное влияние на жизнь региона. Важно отметить чтение полякам Василием Васильевичем Берви-Флеровским лекций о русских социальных идеях в Кузнецке, что способствовало сближению русских и польских ссылных, распространению передовых идей. Очевидно, плохое знание поляками русского языка сужало в какой-то степени возможности их общения с местным населением.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что польская политическая ссылка на Алтай в XIX в. является составной частью истории поляков в Сибири. Безусловно, приведенные сведения не являются исчерпывающими, а проблема нуждается в дальнейшем исследовании благодаря привлечению новых источниковых материалов, что, несомненно, будет способствовать воссозданию полной картины польской политической ссылки на Алтае и в целом в Сибири в XIX в. Одновременно это одна из интереснейших страниц складывания основ российско-польских взаимоотношений, контактов и связей в практическом общении в сибирском регионе, дополняющая один из аспектов разносторонней проблемы русско-польских отношений XIX в., не потерявшей своей актуальности в настоящее время в условиях появ-

ления реальных возможностей для дальнейшего сотрудничества России и Польши.

Примечания

1. Под Алтаем подразумевается Алтайский (до 1834 г. – Колывано-Воскресенский) горный округ, включавший территорию современного Алтайского края, Республики Алтай, части Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей, восточной части Республики Казахстан.
2. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 16230. Оп. 1. Д. 642. Л. 232.
3. РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/837. Д. 29. Л. 27; ИАОО (Исторический архив Омской области). Ф. 3. Оп. 13. Д. 17815. Л. 159.
4. Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988. С. 47.
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 109. 1 эксп. 1827 г. Д. 136. Ч. 4. Л. 5.
6. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827 г. Д. 136. Ч. 4. Л. 7; ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17849. Л. 5-5 об.
7. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1827 г. Д. 136. Ч. 4. Л. 16.
8. ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17815. Л. 159.
9. РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Д. 29. Л. 47.
10. РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Д. 29. Л. 47-48.
11. ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17849. Л. 15 об.
12. РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Д. 29. Л. 51; Восстание декабристов. Т. 8. Материалы. Алфавит декабристов. Л.: Госиздат, 1925. С. 368.
13. Герасимов, Б. Ссылные поляки в Семипалатинской области (Краткий исторический очерк) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества / Б. Герасимов. – Семипалатинск, 1918. Вып. 12. С. 22–24.
14. Герасимов, Б. Ссылные поляки ... – С. 103 – 104.
15. ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18084. Л. 1-а, 1 об., л. 10, 10 об.
16. Śliwowska, W. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. / W. Śliwowska. – Warszawa : Wydawnictwo Dig, 1998. S. 40; ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18084. Л. 23, 33.
17. Śliwowska, W. Zesłancy ... S. 608–609; Исупов, С.Ю. Бийск: острог, крепость, город / С.Ю. Исупов. Бийск : НИЦБиГПИ, 1999. С. 149.
18. ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18084. Л. 37.
19. Сапаргалиев, Г.С., Дьяков, В.А. Общественно-политическая деятельность ссылных поляков в дореволюционном Казахстане / Г.С. Сапаргалиев, В.А. Дьяков. Алма-Ата: Наука, 1971. С. 16.
20. ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. 1864 г. Д. 171. Л. 80-82.
21. Там же.

22. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1391. Л. 13.
23. Герасимов, Б. Ссылные поляки ... С. 50.
24. Там же. С. 51, 52, 74, 77, 79, 81, 84-86, 91, 95, 99 и др.
25. Дьяков, В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии. 1856–1865 годов / В.А. Дьяков. М.: Наука, 1967. С. 162.
26. Герасимов, Б. Ссылные поляки... С. 85.
27. Берви, В.В. Воспоминания /В.В. Берви // Голос минувшего. 1915. № 6-8. С. 113.
28. Берви, Е.И. Из воспоминаний /Е.И. Берви // Голос минувшего. 1915. № 7-8. С. 129-134.
29. Там же. С. 130.
30. Там же. С. 130-133.
31. Берви-Флеровский, В.В. Избранные экономические произведения /В.В. Берви-Флеровский. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1958. С. 128.
32. Берви, Е.И. Из воспоминаний.. С. 134.
33. Берви, В.В. Воспоминания... С. 121.
34. Там же. С. 113.
35. Там же. С. 121.
36. ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. 1864 г. Д. 171. Л. 4, 4 об., 11, 12, 32 об., 33; РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1391. Л. 11.
37. Там же. Л. 79; РГИА. Там же. Л. 12.
38. Бородавкин, А.П. Реформа 1861 г. на Алтае /А.П. Бородавкин. Томск: ТГУ. 1972. С. 247.
39. РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1391. Л. 10, 10 об., 13, 15, 16.
40. Там же. Л. 89.
41. ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. 1864 г. Д. 171. Л. 80-82 об.
42. Галиев, В.З. Медики-революционеры в Казахстане / В.З. Галиев // Советское здравоохранение. 1972. № 3. С. 70-71.
43. Герасимов, Б. Ссылные поляки... С. 93.
44. ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. 1864 г. Д. 171. Л. 80-82.
45. Общее число сосланных в Сибирь поляков определяется различно. Так С.Ф. Коваль называл 22 тыс. чел., Л. Заштовт 38 тыс. чел. (Коваль С.Ф. За правду и волю. Иркутск, 1966; Заштовт Л. Депортации и переселения польского населения из западных губерний вглубь Российской империи после Январского восстания 1863–1864 гг. // Польская ссылка в России XIX-XX вв.: региональные центры. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. С. 166).
46. РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1391. Л. 9-10 и др.
47. Там же. Л. 89.
48. КГУ ГААК (Краевое государственное управление «Государственный архив Алтайского края»). Ф. 4. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

49. ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784. Л. 12-12 об.
50. ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784. 29 л.
51. КГУ ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 730 а. Л. 2, 2 об.
52. ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784. Л. 21.
53. Там же.
54. Там же. Л. 17 об., 19 об.
55. Герасимов, Б. Ссылные поляки... С. 47, 49, 86 и др.
56. Там же. С. 12.
57. Митина, Н.П. Во глубине сибирских руд / Н.П. Митина. М.: Наука, 1966. С. 15.
58. Герасимов, Б. Ссылные поляки... С. 56, 84 и др.
59. Там же. С. 47, 61, 82 и др.
60. Там же. С. 47-49, 80-82, 94.
61. Там же. С. 77, 79, 83, 91, 97, 101.
62. КГУ ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 729-а. Л. 2-3 об.
63. Герасимов, Б. Ссылные поляки... С. 48, 50, 53, 60, 68, 74, 84, 86.
64. Герасимов, Б. Ссылные поляки... С. 92.
65. 2-е ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 46. Отд. 1. № 49597.
66. Там же.
67. Герасимов, Б. Ссылные поляки... С. 50-53, 56, 60, 69, 74, 83, 94 и др.
68. 2-е ПСЗРИ. Т. 49. Отд. 1. № 53017.
69. Герасимов, Б. Ссылные поляки... С. 47-49, 61, 77, 80-82, 84-86, 95, 97.
70. 3-е ПСЗРИ. Т. 3. № 1583.
71. Подсчитано по: ЦГАРК (Центральный государственный архив Республики Казахстан). Ф. 15. Оп. 2. Д. 254. Л. 100; Д. 263. Л. 2; Ф. 64. Оп. 1. Д. 5213. Л. 15; Д. 5241. Л. 11 и др.
72. Сапаргалиев, Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссылных поляков... С. 18.
73. Гедеоновский, А.В. Из Петербурга в Сибирь / А.В. Гедеоновский // Каторга и ссылка. 1926. № 5. С. 206.
74. ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5208. Л. 1; Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. 2. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. С. 993.
75. Швецов, С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири / С.П. Швецов // Каторга и ссылка. 1928. № 3. С. 81.
76. Коншин, Н.Я. Очерки деятельности Семипалатинского отдела Государственного Русского географического общества за 25 лет его существования / Н.Я. Коншин // Записки Семипалатинского отдела Русского географического общества. Вып. 16. Семипалатинск, 1927. С. 2.

77. ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 83. Л. 1, 2, 6; Ф. 64. Оп. 1. Д. 5213. Л. 15; Д. 5241. Л. 11.

78. Кеннан, Д. Сибирь и ссылка / Д. Кеннан. СПб. : Типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1906. С. 124.

79. ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 83. Л. 24.

80. Kijas, A. Polacy w Kazachstanie. Przeszłość i terażniejszość / A. Kijas. Poznań: ABOS, 1993. S. 41.

81. Обручев, В.А. История геологического исследования Сибири. Период третий (1851–1888) / В.А. Обручев. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 85.

82. Сапаргалиев, Г.С., Дьяков, В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков... С. 230–232.

83. В 1829 г. известный немецкий естествоиспытатель, географ, путешественник А. Гумбольдт вместе с берлинскими учеными Г. Розе и К. Эренбергом посетили Урал, Алтай, занимаясь общими геологическими и географическими исследованиями.

84. Обручев, В.А. История геологического исследования Сибири. Период четвертый (1889–1917) / В.А. Обручев. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 119.

85. ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 190. Л. 17; Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. 1. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 508–509.

86. Там же. Д. 128. Л. 109, 109 об.; Д. 254. Л. 29, 55, 56; Д. 270. Л. 9; Д. 375. Л. 14; Д. 394. Л. 16 об.; Деятели революционного движения ... Т. 3. Вып. 2. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. С. 807.; Kijas, A. Polacy w Kazachstanie ... S. 42.

87. Герасимов, Б. Ссылльные поляки... С. 19.

88. Пантелеев, Л.Ф. Воспоминания / Л.Ф. Пантелеев. Л. : Гослитиздат, 1958. С. 561.

89. Берви, В.В. Воспоминания... С. 113.

УДК 9(571.53)(092)Черский + 9(438)(092)Черский

Б.С. Шостакович

**Был ли белорусом политссылный поляк Ян Черский?
О проблеме этноидентификации ссыльных в Сибирь участников
польского Январского восстания**

На примере биографии политссылного в Восточную Сибирь, выдающегося ученого-геолога Яна Черского исследуется вопрос о национальной идентификации этого известного ссыльного участника польского Январского восстания. С привлечением всего массива доступных источников устанавливается, что декларируемая современными белорусскими патриотами принадлежность Я. Черского к белорусскому этносу не находит бесспорного подтверждения. В теоретическом плане обосновывается необходимость при анализе данного вопроса следовать научному принципу историзма. Игнорирование последнего приводит к подмене научного знания о реальной сущности исторического прошлого внеисторической статичной его схемой и конструированием вокруг последней аналогичных же умозрительных неомифологем.

Ключевые слова: Ян Черский, политическая ссылка, вопрос о национальной идентификации, принцип историзма, национальная культура и язык, полиэтнокультурная среда.

B.S. Shostakovich

**Whether there was the Byelorussian a political exiled Pole Jan Chersky?
About a problem этноидентификации exiled to Siberia participants of
the Polish January revolt**

On an example of the biography of the political exiled to Eastern Siberia, the outstanding scientist-geologist Yana Chersky is investigated a question on national identification of this known exiled of the participant of the Polish January revolt. With attraction of all file of accessible sources it is established that the accessory of J. Chersky declared by modern Belarus patriots to the Belarus ethnos doesn't find indisputable acknowledgement. In the theoretical plan necessity is proved at this point in question analysis to follow a scientific principle of a historicism. Ignoring of the last leads to substitution of scientific knowledge of real essence of the histori-

cal past extrahistorical its static scheme and designing round last similar speculative неомифологем.

Keywords: Ян Черский, a political exile, a question on national identification, a historicism principle, national culture and language, полиэтнокультурная environment.

К данному эссе его автора подтолкнул целый ряд дискуссионных аспектов, выявившихся в ходе недавней международной конференции, посвященной исследованиям поляками Восточной Сибири (Иркутск, июнь 2011). Указанная научная встреча неожиданно заострила внимание на некоторых проблемах, принципиально важных в методологическом отношении.

Наиболее широкий полемический отклик участников вызвало экспромтное выступление гостя конференции, О.В. Рудакова, – лидера одного из наиболее активных общественных национально-культурных центров Иркутского региона – Товарищества белорусской культуры им. Яна Черского. Аудиторию задело недостаточно убедительное, но при этом явно пропагандистское по смыслу его заявление о Яне Черском как о бесспорном белорусе и в Январском польском восстании 1863 г., за участие в котором, как известно, будущий выдающийся ученый геолог был сослан в Сибирь, едва ли не поборнике особых национальных прав белорусского народа и своего родного региона. Столь вольное и категоричное интерпретирование биографии известного польского ученого вызвало откровенные возражения участников конференции.

Все изложенное окончательно укрепило автора этих слов в практической необходимости проведения специального исследовательского анализа затронутого вопроса. Цель данной работы определена ее автором как попытка изучения на примере биографии Яна Черского некоторых критериев (условно назовем их «базовыми») соотношения конкретных исторических персоналий польских политэссыльных с принадлежностью к тем или иным предполагаемым национальностям. Автор статьи считает необходимым подчеркнуть, что таким образом предпринимается первый опыт постановки обозначенной темы как нового исследовательского направления. Также хотелось бы выразить надежду, что специалисты осуществят в дальнейшем более широкие разработки проблематики, ныне впервые рассматриваемой нами на

одном конкретном, хотя и весьма броском примере из истории сибирской политической ссылки польских январских повстанцев в качестве объекта непосредственного научного изучения.

Здесь приходится констатировать, что опубликованные в последний период по указанной проблематике довольно уже многочисленные специальные работы (в том числе и автора данного очерка), неоправданно мало включались в серьезный научный обиход. Фактически они остались недостаточно известными даже профессиональному сообществу, ныне обсуждающему указанную тему, не говоря уже о более широком круге проявляющих интерес к историческому прошлому Сибири, в том числе и к проникновению в ее пространство этногрупп, происходящих с территории бывшей Речи Посполитой и обобщенно по укоренившейся традиции повсеместно воспринимаемых как поляки.

Таким образом напоминает о своей актуальности давно уже поставленный автором данного очерка вопрос о правомерности на современном уровне нашего научного знания неизменной характеристики всей затрагиваемой широкой и многоаспектной проблематики привычной, но безусловно устаревшей формулой «поляки в Сибири». Более безнадежный архаизм представлений о теме в целом при наличии уже достигнутого уровня современной ее разработанности, демонстрируют только рецидивы возврата ее трактовки вполне профессиональными историками до определения «польская ссылка». А между прочим, в упомянутой новейшей историографии в значительной степени уже ранее были обозначены подходы к решению отмеченных вопросов (1).

В ситуации, когда новейшая научная информация по интересующей нас теме остается слабо учитываемой и еще менее принципиально осваиваемой в сугубо научном осмыслении даже специалистов, встает необходимость в известной мере напоминания прежде опубликованных исследовательских наблюдений и заключений.

Итак, обратимся к вопросу о национальной принадлежности участников польского освободительного движения на землях расчлененной Речи Посполитой, в том числе и в эпоху Январского восстания 1863–1864 гг. Видимо, не будет излишним предварительно напомнить недостаточно сведущим в указанном вопросе очевидные данные о составе населения в регионе восточного пограничья этого государства, которое и в эпохи его скла-

дывания и существования и в сложные времена развития этих областей после насильственных разделов названного государства представляло собою полиэтничный конгломерат. Основную его часть (наряду с малыми этногруппами) составляли несколько крупных этнических компонентов, в число которых входили и этнические белорусы. При этом и большие, и малые этносы Речи Посполитой на протяжении указанных длительных и сложных этапов государственной (политической) истории последней отнюдь не пребывали в состоянии некоего «социокультурного вакуума», в котором бы консервировались неизменными изначально присущие каждому из этих этнокомпонентов и конкретных их представителей «собственные идентичности». А именно так, сугубо механистически-статично, толкуется некоторой частью «современных патриотов собственных национальностей» их историческое прошлое и той же самой логикой обосновывается «пересмотр» биографий известных исторических личностей как соответствующих национальных деятелей. Между тем, сколько-нибудь объективное познание истории обозначенной проблемы выявляет характерные тенденции, принципиально отличные от подобных трактовок. Каждый, без предвзятости знакомящийся с историей данного вопроса, может в ней наблюдать проявление сложных процессов этнокультурного генезиса со взаимными проникновениями и поглощениями, отторжениями и доминантными предпочтениями в межэтнических взаимодействиях, в особенности, между этничностями, близкими по культуре и языку.

Именно поэтому необходимо уже в самом начале данного очерка оговорить принципиальную необходимость последовательного соблюдения принципа историзма в процессе реализации намеченной нами задачи. Это означает то, что историю следует трактовать и осмысливать как динамично развивающийся и изменяющийся во времени процесс, а отнюдь не как застывшую, неизменно статичную категорию, к чему сплошь и рядом сводятся достаточно распространенные заблуждения непрофессионалов-дилетантов. Этим определяется и задача как можно более тщательного соотнесения рассматриваемых исторических реалий или ситуативных факторов с конкретным историческим временем. Только следование вышеназванному принципу спо-

способствует обеспечению научной достоверности и адекватности исследования рассматриваемой проблемы.

Теперь же обратим внимание на то обстоятельство, что в рассматриваемый в данном контексте исторический период (1850–70-е гг.), да и в позднейшее время (практически до начала XX в.), не существовало каких-либо устоявшихся, а тем более, официально узаконенных, общепринятых национальных дефиниций – в особенности, в отношении белорусской, украинской и некоторых иных национальностей, населявших общий для них исторический регион, попадающий в сферу нашего рассмотрения. Последний в указанное время по бытовавшей исторической традиции обозначало название Литва. Оно происходило от исторического названия геополитической реалии предшествовавшей эпохи – Великого Княжества Литовского и тем самым ни в коей мере не обозначало этнической принадлежности. Соответственно все население указанного обширного исторического пространства именовалось общим термином – литвины. Это название отнюдь не служило «маркером» какой-либо единичной, конкретной национальности. В сущности, оно являлось очевидным косвенным указанием на незавершенность в ту пору процесса формирования известных современных национальностей в указанном обширном историческом регионе. Так, почти до начала XX века там сохранялся своего рода рудиментарный этноконгломерат, в котором лишь постепенно вызревали критерии будущих субрегиональных национальных идентичностей.

Между тем, бытующее заблуждение, выражающееся в отождествлении термина «литвин» с этнонаванием «литовец», достаточно характерно даже для современных ученых, не являющихся прямыми специалистами в гуманитарно-исторической области. В частности, именно так был истолкован этот термин (указывавший на происхождение Яна Черского из соответствующего региона) выдающимся геологом С.В. Обручевым – руководителем научного коллектива, выпустившего в Иркутске обстоятельный сборник неопубликованных материалов самого Черского (в этом издании он именуется в русифицированной форме – Иваном Дементьевичем) и посвященных ему же исследовательских статей (2). В статье о «жизни и творчестве» ученого С.В. Обручев пишет: *«Иван Дементьевич Черский, литовец по происхождению*

(выделено автором статьи. – *Б.Ш.*) родился 3 мая 1845 г. в имении «Сволна», Дриссенского уезда, Витебской губернии» (3).

Здесь поясним, что в дореволюционную эпоху анкетные сведения о национальности конкретных лиц не фиксировались; взамен сообщались данные о их вероисповедной принадлежности. Нередко до сих пор, на дилетантском уровне, сведения подобного рода трактуются достаточно упрощенно, прямолинейно-схематично. Если в Российской империи кто-либо в графе «вероисповедание» был зафиксирован «веры православной», значит, – это «безусловно русский». Но ведь не исключено, что таковым мог быть и белорус, и украинец, и серб, и т. д. Обозначение же католического исповедания в сочетании со славянской формой имени и фамилии в подобном же толковании почти автоматически воспринимается как указание на принадлежность к «западнославянской национальности», что по преимуществу, толкуется как польская идентичность. При этом какие-либо иные национальные варианты, в том числе и смешанные, почти не принимаются в расчет. Сразу отметим, что такого рода «критерии» – достаточно условны. И обозначают они, скорее, известную предположительную тенденцию, нежели определенную закономерность.

Между тем, в среде даже современной титульной национальности Республики Беларусь исторически равноправно сосуществуют две основные конфессии. Православию более привержено население восточной и центральной части страны, а католицизму, соответственно, – западной. Встает вопрос, как по таким «критериям» отличить «истинного белоруса» от поляка, когда даже по официальной статистике, доля причисляющих себя к римско-католической церкви от общей численности населения современной Белоруссии составляет 12%? (4) К слову сказать, лидер Иркутского Товарищества белорусской культуры О.В. Рудаков, по собственным наблюдениям, «убедился в большом засилии стереотипов [в трактовке важных проблем и сюжетов истории славянских народов – *Б. Ш.*] даже «среди многих «профессиональных» историков» Иркутского госуниверситета. А на одной из университетских конференций столкнулся с тем, что «один ученый, говоря о католическом движении в Иркутске», отстаивал свое понимание о синонимичности понятий «поляк» и «католик» (5). Со своей стороны, заметим, что если среди приво-

димых в качестве безымянных примеров «ученых историков» и обнаруживаются заблуждения в отмеченных вопросах, это лишь говорит о недостаточной личной эрудиции таковых. Однако никоим образом не дает оснований для оспаривания профессионализма российской исторической науки, по поводу чего О. Рудakov в связи с приведенными им примерами выражает заметный скепсис.

Но ведь и самим цитируемым руководителем общества белорусской культуры ставятся риторические вопросы в категориях отнюдь не научного свойства: «кто они, братья-славяне, – белорусы и украинцы? А поляки, болгары, сербы и другие, – братья? [...] Или здесь нужно определять степень родства: родные, двоюродные, троюродные и совсем дальние?»(6). По его же утверждению, «если для россиян история своей земли все-таки представляет большой и более-менее понятный интерес, то отношение к своим братьям-славянам и вовсе покрыто сплошным мраком»(7). Вполне очевидно, что экстраполяция на целые национальности степеней родства, из сферы семейно-личных отношений, может расцениваться лишь как сугубо эмоциональная метафора. В строго научном смысле определения такого рода некорректны. Столь же малопродуктивно использование в качестве научных дефиниций метафор «родная земля россиян» (что собственно это означает?), «свои братья-славяне» (какие именно народы и для каких им подобных могут так характеризоваться?), «братские народы» (правомерно ли такое определение распространять на одни славянские народы?)

I. А теперь возвратимся непосредственно к проблеме выяснения национальности Яна Черского.

В ее решении может оказаться значимой его конфессиональная принадлежность. О том, что Черский был католиком, свидетельствует, в частности, мемуарно-биографический очерк о нем. Его автор – иной выдающийся польский ученый и политический ссыльный в Сибирь, – Бенедыкт Дыбовский. Уже более полувека назад этот очерк в переводе на русский язык был опубликован в Иркутске (8). К сожалению, как данное, так и другие произведения из мемуарно-очеркового наследия Б. Дыбовского, до сих пор остаются слабо вовлеченными в отечественную научную и общественно-популяризаторскую практику. А между тем,

– это первоклассные источники, высокая степень аутентичности которых заслуживает полного доверия (9).

В воспоминаниях Дыбовского отмечается «исключительная чувствительность Черского, которая была основой его моральной сущности». В частности, им описаны острые психологические реакции последнего на музыкальные эпизоды католической литургии: «...Однажды в иркутском костеле, когда одна из наших дам пела во время богослужения на хорах, – свидетельствует мемуарист, – с Черским случился нервный припадок. ...Другой раз мы были с ним в костеле во время заутрени. Когда началась процессия, запели песню о восстании из мертвых и раздался радостный гимн «Сегодня настал ликующий день», с Черским повторилась та же история» (10).

Конечно, описание Дыбовским столь субъективно-эмоционального состояния Черского во время католической мессы (сам он называл происходившее с ним «артистическим экстазом») прямо на вопрос о его национальности не отвечает. Однако оно же способствует косвенному постижению некоторых особенностей его духовного состояния, прежде совершенно нам неизвестных и нигде более в выявленных источниках не зафиксированных.

Автор данного очерка полагает, что можно хотя бы отчасти объяснить природу описанной Дыбовским-мемуаристом необычной психологической реакции Черского на музыкальные разделы совершаемых в иркутском костеле литургий. Со значительной долей вероятия можно предположить, что моменты эмоционального возбуждения Черского на католических мессах могло вызываться его подсознательным глубоким переживанием духовного единения с соотечественниками-единоверцами, наряду с ним самим, попавшими в сибирское изгнание за участие в движении, направленном на освобождение родины-Польши. Видимо, звучание проникновенных псалмов, с детства знакомых Черскому, как и другим присутствовавшим на католических мессах в Иркутске его землякам, польским ссыльным, вдали от родного края, по-особенному усиливало внутреннее душевное состояние впечатлительного Я. Черского.

Возможно, кого-то не удовлетворит данная трактовка психологического состояния Я. Черского как польского патриота во время католических богослужений в Иркутске. Однако, едва ли

вызовет сомнения ее логика, вполне отвечающая отмеченному Дыбовским характеру поведения героя нашего очерка. При том же становится очевидным, что в описываемых Дыбовским сценах Черский едва ли испытывал чувства, связанные с белорусской национальной спецификой. Последнее просто бы не вписывалось в самую атмосферу духовного сплочения на мессах в римско-католическом костеле Иркутска не просто единоверцев, но в значительной мере политических ссыльных, участников польского Январского восстания (1863-1864 гг.). Даже чисто гипотетически невозможно в описанных Дыбовским обстоятельствах вообразить сугубо белорусское единение, если только (вопреки всякой объективной реальности и здравой логике) не предположить еще и что присутствовавшие на католических мессах в Иркутске январские польские повстанцы ...были в большинстве своем этническими белорусами!

II. При установлении белорусской национальной принадлежности, безусловно, необходимо внимательно учитывать такой весомый критерий, как владение белорусским языком. Однако применительно к Яну Черскому доказательство данного факта оказывается весьма сложным. Строго говоря, мы вообще не располагаем сколько-нибудь внятными сведениями о владении будущего ученого белорусским, а тем более, о том, в какой мере он мог им пользоваться. Устно приведенный О. Рудаковым (во время уже упомянутого его экспромтного выступления) аргумент в пользу «белорусскости» Яна Черского почерпнут из современного сообщения о некоем выявленном собственноручном письме героя нашего очерка с упоминанием о том, что он «стал забывать родной язык».

В целях соблюдения возможной объективности и точности в рассмотрении затронутого вопроса необходимо сделать отсылку на распространяемые через сеть Интернет доводы в пользу белорусской национальности Яна Черского. В тексте статьи о последнем, размещенной в ресурсах небезызвестной электронной «свободной энциклопедии» Википедия», можно прочесть следующее:

«Ряд ученых, занимавшихся изучением биографии Ивана Черского, аргументировано (sic. – *Б.Ш.*) называют его белорусом по происхождению. Так, например, В.А. Ермоленко, основываясь на переписке Черского, не только приводит свидетельство

того, что белорусский язык был для ученого родным, но также и делает попытку объяснить, откуда пошел стереотип о польском происхождении ученого (sic. – *Б.Ш.*): «...Как ни странно, даже на страницах Большой Советской Энциклопедии уже в советское время все выдающиеся белорусы названы или «русский», или «великий росийский, поляк по национальности». Вот характерный пример: «Черский Иван Дементьевич (1845–1892), исследователь Восточной Сибири. По национальности поляк». Но ведь он родился на Витебщине в семье белорусских дворян, ни одного труда своего на польском языке не написал, да и в самой Польше ни разу не был! Более того, оказавшись в сибирской ссылке (...), он пишет из Иркутска на родину сестре Михалине: «Я тут ужо абрусеў и стаў забывацца роднай беларускай мовы» (sic. – *Б.Ш.*). И вдруг – «поляк по национальности». Как могла сложиться такая вопиющая несправедливость по отношению к белорусскому народу? Почему такое стало возможным (sic. – *Б. Ш.*)? После восстания 1831 года русский царь Николай I запретил белорусский язык в Западных губерниях и закрыл единственный в Беларуси Виленский университет (sic. – *Б.Ш.*). Огромную ошибку допустили Брокгауз и Ефрон (sic. – *Б. Ш.*), которые в «Энциклопедическом словаре» (1890–1907) всех знаменитых белорусов называли поляками (sic. – *Б.Ш.*). Их «материалы» автоматически перешли в советские энциклопедии» (sic. – *Б.Ш.*) (10).

Цитирование подобных «перлов» можно продолжить. Но и без того очевидно, что почти все они практически представляют заведомые натяжки и безосновательные упрощения. К примеру, разве любой «родившийся на Витебщине» и не проживавший в Польше, это бесспорно не поляк, а безусловно белорус?! Что же в таком случае следует сказать хотя бы о национальном герое польского народа Тадеуше Костюшко, о классике первой величины польской поэзии Адаме Мицкевиче, и о старшем товарище Яна Черского, выдающемся польском ученом Бенедикте Дыбковском?! Как известно, все они были поляками, уроженцами белорусской земли. Неужели же всех их следует отныне рассматривать как «огромные ошибки» Брокгауза и Ефрона и Большой Советской Энциклопедии? Безусловно, подобные безапелляционные риторические возгласы никакой доказательной силой не обладают и лишь вносят сплошную путаницу в данный вопрос.

Сложнее обстоит дело с приводимой фразой из некоего письма Яна Черского к своей сестре. (Видимо именно ее и подразумевал в своем ранее упомянутом устном выступлении-экспромте О.В. Рудаков). Однако в том виде, как виртуальная «Википедия» представила данный источник, оставлено без объяснения, каково именно его местонахождение, когда и каким образом оказался он выявлен. Столь же неясно и то, как именно выглядит оригинал цитируемого письма: написан ли полностью по-белорусски, соблюдены ли в нем грамматика и правописание. В любом случае, даже после экспертной атрибуции упомянутого источника как достоверного, существа интересующей нас проблемы он не проясняет.

На наш взгляд, достаточно показательно, что разысканный В.А. Ермоленко письменный фрагмент оказывается *единственным доводом* во всем «аргументированном» утверждении белорусской национальной принадлежности Я. Черского. При этом общеизвестно, что в шляхетской среде, к которой Черский принадлежал по своему происхождению и в которой прошло его детство, были наиболее распространены польская культура и польский язык. Белорусский в тот период оставался языком крестьянского населения региона. И тем более очевидно, что в период обучения в Виленском Шляхетском институте для Яна Черского белорусский просто не мог служить для него повседневным разговорным языком общения.

Здесь весьма ценным дополнением вновь становятся фрагменты мемуарно-биографического эссе Бенедикта Дыбовского о Яне Черском. Дыбовский свидетельствует: «Как рассказывал сам Черский, его воспитание было более подходящим для девочки. К этому следует добавить, что оно было чисто «аристократическим», так как заботились главным образом о салонном воспитании, состоявшем из французского языка, музыки, танцев и т. д. Родной язык и история были в пренебрежении» (12).

«Окончив вступительные (как он их называл) занятия, Черский приступил к самостоятельным занятиям, для чего постарался изучить один из европейских языков, – указывает Б. Дыбовский в своем биографическом очерке о Я. Черском. – Знание языков стоило ему больших трудов. Изучив один язык, он сохранял достигнутое, как великую святыню, и боялся испортить изучением другого языка.

Имея учебники и труды, написанные только по-русски, он избрал этот язык для изложения своих мыслей. Это прискорбное обстоятельство было причиной того, что даже переписку со своими земляками, Черский вел только по-русски (13)».

Со своей стороны, выскажем мнение, что избрание Яном Черским для себя именно русского основным языком, на котором и созданы основные научные и иные его работы (что особо отметил Бенедыкт Дыбовский) произошло далеко не случайно. С большой долей вероятности можно заключить, что в пору пребывания в Сибири Черского русский для него отнюдь не был «чужим» и тем более, – «иностранным» языком. Следует принять во внимание то обстоятельство, что на землях исторического Великого Княжества Литовского (в официальной терминологии, применяемой российскими властями в рассматриваемый период, их именовали Западными губерниями Российской империи) наблюдалось основательное распространение русского языка, при очевидном содействии этому царской администрации. Черский, с юных лет обучавшийся в образовательной системе Российской империи, просто не мог его не освоить.

Действительно, нетрудно убедиться в том, что все основное письменное наследие Я. Черского создавалось им на русском, которым владел он совершенно свободно. В сущности, и самого Яна Черского, с нашей точки зрения вполне справедливо характеризовать как заметно обрусевшего выходца из польско-(белорусской) среды Восточной Белоруссии. А то, что подобное не являлось каким-либо исключением в биографии именно этого будущего ученого, вполне подтверждается иными весьма показательными характеристиками (хотя и на пару десятилетий более поздними по времени, в них описываемому). Они принадлежат известному польскому политическому ссыльному, ученому-якутоведу и писателю Вацлаву Серошевскому, который оценивает с точки зрения национального происхождения ряд своих же польских коллег по якутской ссылке, подобно Черскому, происшедших из Западных губерний Российской империи.

«...Я поехал к Сиповичу, где находился главный центр ссыльных Намского улуса. [...] Александр Сипович был симпатичным молодым человеком, светловолосым, с широкой светлой бородой. Среднего роста, вежливый, воспитанный, он производил очень хорошее впечатление, вспоминает В. Серошевский. – Был он ро-

дом с Виленцины и считал себя поляком»... «В чурапчинской библиотеке я одолжил несколько книг... Их мне на время уступил Э. Пекарский, создававший подробный якутский словарь. Пекарский был поляком и еще немного говорил по-польски, но решил работать исключительно во благо русской науки. Он был безразличен к польской национальной идее, так же как Свистыч, который писал романы по-русски, хотя вполне прилично говорил и по-польски, как и Виташевский, который по-польски понимал, но не говорил. Из тогдашних ссыльных только доктор Костецкий и К. Багринович являлись патриотами Польши. Сестра Свистыча говорила по-польски и считала себя полькой, но вышла замуж за русского ссыльного и сыновей своих воспитала как русских. Все эти поляки были родом из Киева, Житомира, Одессы, Николаева – наших давних восточных окраин, пограничья или из черноморских городов» (14).

В контексте процитированных заметок В. Серошевского факты биографии Я. Черского вызывают целый ряд невольных ассоциативных параллелей. В частности, бросается в глаза, что Ян Черский, как впоследствии, и Эдвард Пекарский, будучи поляками по происхождению, приняли абсолютно сходные решения – «работать исключительно во благо русской науки». Видимо, сама подобная мотивация обязательно должна явиться объектом изучения в русле будущих конференций, которые намечено продолжить в соответствующем тематическом направлении.

Б. Дыбовский, сам происходивший из того же, что и Я. Черский, белорусского региона (из Минской губернии), всегда откровенно позиционировал себя как поляк. И под своими «земляками» он, безусловно, подразумевал поляков. Очевидно, что аналогичным же образом воспринимал он «родной язык и историю», упоминаемые в связи с Черским в его очерке. Характерно, что в своем описании юности Черского Дыбовский не обмолвился ни об одной детали, относящейся к его товарищу по ссылке и свидетельствовавшей о каких-либо проявлениях предполагаемой его белорусской этничности. Видимо, и сам Черский никогда не говорил своему старшему товарищу ни о чем подобном, а Дыбовский, всегда повышенно чувствительный к такого рода фактам, в данном случае их также не упомянул. На взгляд пишущего, это ли не доказательство простого отсутствия таких свидетельств?!

О том же, что и в Сибири в польскоязычной среде земляков Я. Черский оставался вполне адекватным «своим», убедительно свидетельствует воспоминание еще одного выдающегося ученого, – геолога мирового уровня В.А. Обручева: «Встретиться с Иваном Дементьевичем, – сообщает ученый, – мне пришлось уже весной 1891 г., когда он остановился в Иркутске по пути в Якутск, начиная свою последнюю экспедицию. [...] Я [...] пошел в гостиницу, где он остановился. В коридоре гостиницы дверь в комнату Черского была закрыта неплотно и оттуда доносился оживленный разговор на польском языке, который я знаю, так как с 3 до 17 лет прожил в Польше (15). Коридорный, приведший меня к комнате, сказал, что у Черского собрались его старые иркутские знакомые [...]» (16).

Характерна еще одна примечательная деталь, приведенная Б. Дыбовским в очерке о Я. Черском. «У всех проводников, с которыми он странствовал во время многочисленных путешествий, не хватало слов, чтобы выразить восхищение и удивление его энергией, отвагой, неутомимостью и умом. Они называли его «наш Иван Дементьевич», потому что это отчество легче запоминалось сибиряками, и так просил называть его сам Черский. Общаясь с народом, он сумел освоить язык и стиль разговора местного населения. Собрал большой материал, касающийся верований, предрассудков, народной медицины и т. д. Он несколько раз читал мне отрывки из своей прекрасно выполненной работы», – сообщает Б. Дыбовский (17).

Процитированный отрывок свидетельствует одновременно о нескольких характерных чертах личности Яна Черского. Во-первых, он показывает уровень владения русским языком Черского, вполне позволявший ему даже выявлять диалектальные тонкости стиля и лексики местного сибирского населения. При этом же обнаруживаются и такие показательные черты его личности как демократичные толерантность и деликатность в общении с местным сибирским населением. Можно полагать, что Черский не желал своим не вполне привычным для этих простых людей именем пробуждать отчуждение между ними и собою, как «чужаком». Поэтому он и адаптировал его в форму, принятую в русскоязычной среде, «с отчеством» (как известно, в польском языке таковое не употребляется) и в произношении, также более привычном русской речи, где оригинал был заменен

на русский вариант, внешне созвучный, хотя и абсолютно иной по своей смысловой сути.

Таким образом, поведению Яна Доминиковича Черского, самого себя «перекрестившего» в «Ивана Дементьевича», можно отыскать объяснение. Возможно, даже до некоторой степени оправдать таковое. Предположительный довод этому можно усмотреть в самом политическом курсе жестких гонений царского режима против поборников политической, социальной и национально-культурной независимости Польши (Речи Посполитой) и ее народа. Следствием такой официальной политики самодержавия являлись распространяемые правительственной пропагандой среди русского населения антипольские предубеждения. Вероятно, Ян Черский, прекрасно все это знавший, почитал за благо не афишировать перед простыми сибиряками признаков своего этнокультурного отличия, а тем самым, – не создавать дополнительного предлога для его использования в негативном плане.

Однако если нелегкие историко-политические условия существования в России второй половины 1860-х гг. и последующих десятилетий XIX в. вынуждали (как прямо, так и косвенно) часть ссыльного польского контингента, подобно Яну Черскому, «самоадаптироваться» ко внутрироссийской специфике, вплоть до прямых переделок «на русский лад» своих личных имен (между прочим, полученных в святом крещении!), то современный подход к этому же вопросу – обретает принципиально иной смысл.

Современное частое употребление имени ученого Черского (и не только его одного) в версии полуторавековой давности уже нельзя расценивать иначе, как новейший рецидив вульгарно-упрощенческой русификации. Последняя наносит серьезный ущерб адекватности восприятия этой выдающейся исторической личности и любых иных, ей подобных. Тем самым, в новейших исторических условиях рассматриваемый вопрос, наряду с первоначальной его культурно-ментальной сущностью, приобретает еще и серьезное идеологополитическое звучание.

Впрочем, пишущий эти строки полагает, что несправедливым было бы совершенное игнорирование владения Черского белорусским языком (видимо, свидетельство как раз такого рода и обнаружил господин В. Ермоленко). Наиболее вероятно, что оно относится к чисто разговорному, бытовому уровню. Черский

вполне мог в какой-то мере знать этот язык с детства. Само собою разумеется, что это еще совсем не равнозначно подтверждению белорусской национальной принадлежности героя нашего очерка. В доказательство высказанного суждения приведем современные данные о Беларуси: «2/3 населения страны заявили о свободном владении белорусским языком, количество жителей страны, утверждающих, что они разговаривают по-белорусски дома, составило 2 073 853 человек, назвавших себя белорусами, и 153 271 других национальностей (в том числе 120 378 поляков)» (выделено автором статьи. – Б. III.) (18). Если такое наблюдается в наше время, то не менее органично могло иметь место и в историческом прошлом. Более того, указанный документ (сам по себе еще требующий квалифицированной атрибуции в качестве полноценного исторического источника!) подкрепляет выдвинутую автором данного очерка гипотезу о характерной этнокультурной специфике региона исторической Литвы, откуда происходил Ян Черский

Итак, непредвзятый анализ данных о языковых признаках национальной принадлежности Яна Черского показывает, что все выявленные по этой теме свидетельства не представляют бесспорных свидетельств предполагаемой его белорусской национальной принадлежности.

III. Остается еще третий «аргументационный ряд» вокруг национальной идентификации Яна Черского: установление ментально-культурных личных предпочтений последнего, в том числе и соответствующего его национального самоощущения, если в рассматриваемом конкретном случае вообще возможно вести речь о подобных. Только на первый взгляд, указанный аспект выглядит несложным. Кажущаяся простота этой задачи видится, на первый взгляд, «всего лишь» в отыскании прямого подтверждения самим Яном Черским «своей национальности». Но в том-то и дело, что герой нашего исследования практически не оставил никаких прямых заявлений по интересующему нас вопросу. Именно поэтому ныне мы можем прибегнуть лишь к косвенным способам его разъяснения.

То, что в продолжение всей жизни у Черского не возникло какого-либо повода для конкретного декларирования собственной национальной принадлежности, по мнению автора очерка, не было случайным. Можно предположить, что в значительной

степени это предопределено самой спецификой его биографии. Еще юношей Черский стал участником Январского польского восстания. Вместе с единомышленниками вступил он в вооруженную борьбу за независимость своего отечества. Это было вполне в духе крылатой фразы «Еще Польша не погибла, пока мы живы!» – из повсеместно известной (несомненно, и Яну Черскому, в том числе) «Мазурки Домбровского», впоследствии ставшей и поныне являющейся вдохновенным гимном возрожденного польского государства.

Можно заключить, что все отмеченное нами в процессе исторической реконструкции социокультурного портрета юного Яна Черского и составляло фактическую кульминацию его этнополитического самоопределения. Он осознавал себя равным в среде соратников, происходивших из восточной, литовской провинции обширной исторической польской государственности – Речи Посполитой (или, как по-польски обозначается это, с ее восточных «крэсов» («пограничья»). Вполне закономерно он ощущал себя ее гражданином, поляком. Естественно, что все отмеченное скреплялось непосредственным его личным включением в национально-освободительное польское движение. Едва ли от Черского требовалось еще какое-либо иное, специальное декларирование собственной польской национальной принадлежности.

Ян Черский и жил, и поступал как польский патриот. Именно так его воспринимали товарищи по окружению, в том числе и в сибирской ссылке. В самом деле, чего еще можно было ожидать и тем более, требовать от 18-летнего юноши, непосредственно участвовавшего в освободительном выступлении за независимость Польши и заплатившего за это нелегкими изломами личной судьбы. Однако при том же, что вполне естественно, он и не являлся непосредственным идеологом национального движения и не вдавался в какие-либо специальные теоретические дискуссии с изложением своей трактовки национального вопроса. И у нас нет никаких оснований для оспаривания обоснованности подобной его позиции.

Юноша Я. Черский стремился к воссозданию Польши, свободной от ее поработителей, искренне желал, чтобы она стала демократическим государством, где все граждане, вне зависимости от национальной, конфессиональной, сословной принадлежности, получили бы равные права, наряду и с равными обязан-

ностями в собственном общем польском отечестве. Именно так было заявлено в первом манифесте Временного Национального правительства в Январском восстании 1863 г. Нам представляется объективно обоснованным расценить Яна Черского как вполне типичного представителя оппозиционно настроенной польской шляхетской молодежи с восточных «крэсов» исторической Речи Посполитой.

Как и большинство указанной социальной среды в современную ему эпоху (не забудем о соблюдении принципа историзма!), Черский очевидно разделял широкие демократические взгляды. Сторонникам таковых в пору кануна и развития событий Январского восстания 1863 г. в мульти-этнокультурном пространстве литовских «крэсов» Речи Посполитой (Польши) будущее независимое польское государство виделось как построенное на доминирующем равенстве всех его граждан (поляков), без каких-либо национальных (региональных) различий и претензий. По мнению автора очерка, Черский во всей своей деятельности, включая и сибирские годы жизни, придерживался именно этого убеждения, хотя напрямую и не пропагандировал его. С нашей точки зрения, тем же самым объясняется и то, что Черский никогда не акцентировал внимания ни на каких-либо проблемах национального характера вообще, ни на своей собственной национальной принадлежности, в частности.

Безусловно, мы не располагаем достаточными сведениями, чтобы составить во всей возможной полноте представление об идейно-политических взглядах Я. Черского. Однако существуют некоторые указания на то, что ему были свойственны довольно радикальные демократические воззрения. Можно предположить даже, что в Январском восстании он сочувствовал идеологии левого крыла партии «красных». Основание судить об этом отчасти (хотя и с определенными недомолвками) дают упоминания уже ранее цитируемого нами Б. Дыбовского.

По затронутому поводу Дыбовский свидетельствует: «Черский перебрался за город [имеется в виду Иркутск. – *Б.Ш.*], [...] туда же перенес все свои рукописи. «Рабочая слободка», как называют тот район, заселена рабочим людом, настроенным социалистически, а может и коммунистически. В дебатах с этим пролетариатом Черский излагал там принципы благородного социализма. Я старался убедить Черского, что принципы «мести»,

кровь» должны быть целиком устранены из сферы деятельности социализма, что только справедливость, право, прощение давнишних провинностей может обусловить благотворное существование социалистической партии. Вообще я видел, что характер нашего польского общества сменился на демократический. [...] (19).

Содержание приводимой цитаты выглядит не вполне ясным. Однако во всяком случае оно позволяет составить представление о том, что Черскому, как и его старшему товарищу, демократические (и даже социалистические) принципы не только не были чужды, но возбуждали к ним интерес, служили предметом оживленной дискуссии обоих по поводу их толкования.

Уже отмечалось ранее, что в изначальных пределах насильственно расчлененной Речи Посполитой, которую повстанцы стремились возродить, проживали не одни лишь поляки, но также – ряд иных народов и национальных групп. Критерии всех последних в то время еще только складывались. Следует учитывать, что тогда они не были идентичны современным ти-тульным национальностям региона и не могли вполне соответствовать их нынешним критериям. Здесь оказывается уместно вновь напомнить о принципе историзма, важность соблюдения которого при изучении подобной проблематики подчеркивалась уже неоднократно в данном очерке. Как показывают недавние научные дискуссии по рассматриваемой теме, процесс происходившего генезиса современных народов в отмеченном регионе до сих пор еще не изучен во всей надлежащей полноте даже непосредственными специалистами и нуждается в будущих целенаправленных исследованиях (20). Само название «поляки» в эпоху Январского восстания воспринималось не только как обозначение одной лишь конкретной национальности, но и как собирательное определение граждан одного отечества – Польши. При этом оба смысловые значения данного слова вполне уживались и сосуществовали. Логично предположить, что и Черскому было свойственно подобное двойственное восприятие указанного определения.

Дальнейшее становление ученого как личности происходило уже в нелегкой повседневности сибирской ссылки. Там происходило его гражданское мужание. Во все углублявшемся поглощении Я. Черского проявившимся собственным его призванием

к научной деятельности в естественнонаучном направлении, он как исследователь не располагал достаточными возможностями, но, подчеркнем это еще раз, явно и не стремился к откровенному выражению и развитию своих воззрений по национальной тематика.

IV. В заключение необходимо задаться еще одним немаловажным прикладным аспектом рассматриваемой нами проблемы: если уж имя Яна Черского предстает символом в титуле общественной организации национальной культуры белорусов, быть может, его прямой исторический носитель (если даже и не был он бесспорным белорусом) каким-то образом способствовал сохранению, изучению или популяризации культурного наследия белорусов, их истории, фольклора, ментальности и тому подобного? Естественно, из рассмотрения в подобном ракурсе Яна Черского следует полностью исключить результаты его исследований природно-научного характера, по существу не имеющие никакого отношения к Беларуси. Очевидный итог характеристики Я. Черского с обозначенной гипотетической позиции, на базе всей совокупности имеющихся в нашем распоряжении данных, приводит к следующей непреложной констатации: в области национальной белорусской культуры Ян Черский не имел никаких когда-либо установленных заслуг.

Таким образом, всестороннее объективное рассмотрение массива источниковых данных, выявленных современными исследовательскими методами, убедительно доказывает: заявление Иркутского товарищества белорусской культуры о том, что широко известный выдающийся ученый-самородок, борец за независимость Польши и политический ссыльный Ян Черский был белорусом, в свете суммарных источниковых данных по этому вопросу выглядит не просто недостаточно убедительным, но и во многом прямо им противоречащим. То, что в Сибири Я. Черский мог хотя бы отчасти олицетворять национальную белорусскую культуру, свидетельства вообще отсутствуют. Из этого вытекает заключение: приписываемые Яну Черскому характеристики следует расценивать как примеры новейшей этнокультурной агиографии, рассматриваемой выдающейся исторической личности.

Как же в выясненных нами обстоятельствах следует относиться к упомянутому и проанализированному самоназванию

Иркутского общества (товарищества) белорусской культуры? Как оно должно быть воспринято иными национально-культурными центрами, в том числе польским, и прочими?

Прежде всего, автор очерка считает крайне важным подчеркнуть, что в данном вопросе необходимо придерживаться максимально взвешенного и лояльного подходов. Однако и руководству белорусского общества надлежит со всей ответственностью признать самоназвание своей организации недостаточно продуманным, а потому закономерно вызывающим обоснованные нарекания относительно очевидных натяжек в столь деликатных областях как историческая память и межнациональные отношения. Из отмеченного следует сделать надлежащие выводы. Автор предполагает, что они должны состоять в необходимой профилактике допущенного в символике общества значительного промаха и соответствующем компенсировании его дальнейшей практической деятельностью центра культуры белорусов Приангарья.

В соответствии с мудрой народной поговоркой, гласящей: «назвавшись груздем...», необходимо на уровне руководства Иркутского общества (товарищества) белорусской культуры (ИО(Т)БК) признать, что использование имени Яна Черского в качестве символа последнего равнозначно аксиоматичному включению общества в последовательное решение целого комплекса соответствующих насущных задач.

Из таковых видится принципиально важным для деятельности Иркутского общества белорусской культуры – определение одной из приоритетных и неперенных его задач перманентное уделение серьезного внимания, наряду с историей собственно белорусов, также истории и соседних народов, развивавшихся в рамках государственности, являвшейся для всех них общей «исторической родиной». Здесь подразумеваются именно аутентичные исторические полиэтнокультурные среда и контекст, в которых, в частности, формировалась и личность Яна Черского.

Примечания

1. О недостаточной адекватности терминологического обозначения всего предмета научного изучения как «поляки в Сибири» велась речь в работе: Шостакович Б.С. «Польско-сибирская» история: методологические подходы к ее изучению и осмыслению на рубеже XX–XXI вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия история.

№ 1. Иркутск, С. 178–195. В качестве примеров работ по национальной специфике сославшегося в Сибирь контингента, упрощенно трактуемого в качестве «поляков», отметим: Дятлов В.И. Полония и «новые диаспоры» в современной России // Полонии в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения. Материалы Международного научного симпозиума (Иркутск, 8–12 сентября 2004 г.). Иркутск, 2006. С. 8–16; Карнаузов Д.В. Исторический миф как фактор стереотипизации взаимного восприятия поляков и русских // Там же. С. 17–31; Шостакович Б.С. К постановке задач изучения сибирских полоний в историческом прошлом и настоящем // Там же. С. 32–45; Мулина С.А. Образ поляка в Сибири // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 502–518.

2. См.: Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. Иркутск : Ирк.. кн. изд-во. 1956.

3. Обручев С.В. Основные этапы жизни и творчества И.Д. Черского // И.Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма ... С. 9.

4. См.: <http://www.zavtrasessiya.com/consp/bel/9.html>; Wikipedia.

5. Рудаков О.В. Поляк в Сибири – национальность или призвание? Католик для россиян – верующий, или польский патриот? // Полонии в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения. Материалы международного научного симпозиума (Иркутск, 8–12 сентября 2004 г.). Иркутск, 2006. С. 162.

6. Там же. С. 161.

7. Там же.

8. Дыбовский Б. Ян Черский (Биография) // И.Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. Иркутск: Ирк. кн. изд-во, 1956. С. 327–336.

9. См.: Шостакович Б.С. О характере сибирского мемуарно-очеркового наследия Бенедикта Дыбовского и задачах его изучения // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февр. 1917 г.). Иркутск, 1989. Вып. 11. С. 6–25.

10. Дыбовский Б. Ян Черский... С. 334–335.

11. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D7%E5%F0%F1%EA%E8%E9,%C8%E2%E0%ED_%C4%E5%EC%E5%ED%F2%FC%E5%E2%E8%F7 Черский, Иван Дементьевич; Ермоленко В.А. Белорусы и Русский Север, 2009.

12. Дыбовский Б. Ян Черский... С. 327.

13. Там же. С. 329.

14. Серошевский В.Л. Воспоминания // Серошевский В.Л. Якутские рассказы, повести и воспоминания. М., 1997. С. 532, 516.

15. Обручев В.А. Моя встреча с Черским // И.Д. Черский. Неопубликованные... С. 323, 324. Следует пояснить, что детство и юность В. А. Обручева прошли в Польше, где служил его отец, кадровый офицер. К тому же и его бабушка по отцу, Эмилия Тымовская, – была полькой. См. об этом, в частности: Корольков А. Т. Два великих однокурсника: В. А. Обручев, К. Я. Богданович // Польские исследователи Сибири. СПб.: Алтейя, 2011. С. 19–20.

16. Там же.

17. Дыбовский Б. Ян Черский... С. 331.

18. Wikipedia. Белорусский язык.

19. Pamiętnik Dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwow, 1930. S. 596.

20. Подробно об этом см.: На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. [Материалы круглых столов, проведенных Отделом восточного славянства Института славяноведения с апреля 2001 г. по май 2003 г.] / под ред. Л.Е. Горизонтова. М.: Ин-т славяноведения, 2004.

Бывшие политкаторжане и общественно-политическая жизнь Сибири

УДК 069(47)

Н.Ф. Васильева

Музейная работа Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев

О музейной работе Общества политкаторжан и создании музея каторги и ссылки.

Ключевые слова: Музейная работа, создание музея «Каторга и ссылка», фонды музея, экспозиция, недостатки музейной работы.

N.F. Vasileva

Museum work of the Society политкаторжан and ссыльнопоселенцев

About museum work of the Society политкаторжан and creation of a museum of penal servitude and the reference.

Keywords: Museum work, museum creation «Penal servitude and the reference», museum funds, an exposition, lacks of museum work.

Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921–1935 гг.) было нацелено на разнообразную агитационно-массовую работу, ангажированное сталинской политической системой. Наиболее продуктивно развивалась музейная деятельность Общества в рамках этой работы. По мнению бывших узников самодержавия, «история тюрьмы, каторги и ссылки, являясь одной из интереснейших страниц общего хода истории революционного движения и классовой борьбы, требует, по богатству материалов и их специфичности, выделения своей экспозиции в особые музеи, облегчающие целостность восприятия и имеющие большое

воспитательное значение для трудовых масс и подрастающего поколения»¹.

В 1924 г. при Обществе была создана музейная комиссия в системе Агитпропа Центрального совета Общества, в которую вошли старые революционеры, репрессированные царским режимом: А.В. Якимова-Диковская, Е.Н. Ковальская, Л.А. Старр, И.И. Жуковский-Жук, Р.А. Грюнштейн, Д.С. Пигит и др. В 1925 г. комиссия пополнилась новыми членами Мелковым, Плесковым, Баумом и др. С этого момента начинаются попытки внести в работу «плановость» и «подвести под нее научно-исследовательский фундамент». Свою главную задачу комиссия видела в организации историко-революционного музея «Каторги и ссылки», который должен выполнять двуединую задачу: стать опорным пунктом для развития исследовательской работы по восстановлению прошлого русской политической каторги и ссылки и центром, где молодое поколение могло бы видеть это прошлое, отражённое в вещественных памятниках. Члены Центрального совета В. Плесков и В.Д. Виленский-Сибиряков составили проект построения музея «Каторги и ссылки». К этому времени крепнет и материальная база. Приглашается фотограф, ассигнуются средства на оплату секретаря музейной комиссии. Постепенно музейная работа стала рассматриваться бывшими политкаторжанам как важная часть исследовательской деятельности Общества. По их замыслу, в процессе развития музея можно «продвинуть и исследование эпох русского революционного движения», заложив прочный фундамент общей историко-исследовательской работы.

Первоначально музейная секция сосредоточила своё внимание на сборе материалов о революционной эпохе и репрессивной политике царской системы. Сбором материалов занимались землячества, находившиеся в центре страны, отделения, расположенные в бывших районах ссылки и каторги, Музей революции и его филиалы, а также рядовые члены Общества. Разработкой историко-революционных вопросов и истории тюрьмы, каторги и ссылки занимались научно-исследовательская секция Центрального Совета Общества, народовольческий кружок, редакция журнала «Каторга и ссылка», издательство политкаторжан и библиографического словаря. Старые революционеры настолько увлеклись поиском материалов, что уже в первые годы

музейная комиссия сосредоточила 400 негативов деятелей революции и свыше тысячи фотографий о революционном прошлом². К 1927 г. было собрано в оригиналах и копиях до 10 тысяч портретов деятелей всех поколений революционеров, фотографии тюрем, видов бытового характера о тюрьме, каторге и ссылке, документы, рукописи, реликвии, художественные тюремные работы политических ссыльных³. К 1931 г. иконографический фонд музея сосредоточил до 13 тысяч портретов революционных деятелей всех периодов движения. Кроме того, был собран фонд снимков бытового и этнографического характера, который составлял 8 тысяч экземпляров и систематизирован в сотни фотоальбомов. Фонд негативов составлял 14 тысяч экземпляров, в фонде музея сосредоточились также художественные экспонаты: скульптуры, модели, макеты. Израильсон, бывший участник «романовского» протеста в Якутске в 1904 г., специально для экспозиции писал картины на темы ссылки, его руками была сооружена модель «романовки» с баррикадами и блиндажами, что, по мысли центральной музейной комиссии, являлось ценным экспонатом в отделе «якутской ссылки»⁴.

Фонды были сосредоточены в двух десятках шкафов, многочисленных картотеках справочного характера. Наиболее яркая и «показательная» его часть помещалась в разделах экспозиции музея, но из-за тесноты помещения экспонировалась только небольшая его часть – от 5 до 10%⁵. Приток материалов не прекращался до самого закрытия Общества.

Первым заведующим музеем и первым экскурсоводом был бывший узник Александровского централа В.Ю. Ульянинский. В конце ноября 1926 г. появился первый план построения музея «Каторги и ссылки», который постоянно уточнялся и дополнялся. План наметил углублённую работу по изучению истории тюрьмы, каторги и ссылки с начала революционного движения в России и до конца падения царизма в связи с общим ходом истории революционного прошлого⁶. По мнению заведующей музеем В. Светловой, сменившей В.Ю. Ульянинского, в создание музея был положен «монографически-топографический метод, который позволил каждую отдельную тюрьму, каждый раздел каторги и ссылки изучать и экспонировать обособленно в виде отдельных звеньев длинной вереницы мест заключения и ссылки, разбросанных на всем протяжении бывшей «царской вотчины»

– России»⁷. Постепенно, на основании собранных материалов, сформировались отделы «Якутская ссылка», «Александровский централ», «Сахалинская каторга», «Ленин в тюрьме и ссылке», «каторга и ссылка после первой русской революции», «история и деятельность Общества политкаторжан». Стали проводиться выставки к историко-революционным датам, например, была проведена юбилейная выставка к 10-летию Февральской революции и дню освобождения из царских застенков, состоявшая из нескольких разделов, в том числе о каторге, тюрьме и ссылке 1905–1917 гг.⁸

Вопросы о музейной работе не раз обсуждались на съездах и пленумах Общества. Третий съезд Общества (1928 г.) рассмотрел и одобрил разработанный план построения музея «Каторги и ссылки» и рекомендовал центральной музейной секции и секциям отделений Общества заняться исследовательской работой и держать связь с Центральным Музеем революции и его филиалами. Съезд поставил задачу и перед отделениями: разрабатывая «уголки тюрьмы, каторги и ссылки», строить их по образцу центрального музея «Каторги и ссылки». Причём снабжение материалами общего характера предполагалось обеспечивать через центральный музей «Каторги и ссылки»⁹.

По замыслу Общества, музеи должны облегчить восприятие истории революционного движения, а главное, иметь большое воспитательное значение для подрастающего поколения. Центр активно помогал созданию уголков на местах. К началу 30-х гг. существовало 53 отделения Общества, в некоторых из них организовывались музейные уголки в клубах отделений Общества, в местных государственных музеях или рабочих клубах. В отделения направляли инструктивные письма о формах и методах музейной работы, списки фотоотпечатков по истории каторги и ссылки с целью их заказа. Например, в Иркутском отделении в результате работы музейной комиссии, которая собирала и концентрировала материалы, в клубе появился музейный уголок «каторги и ссылки». В 1930 г. в отделении разработали проект плана организации музейного уголка. Проект представлял попытку осмысления истории каторги и ссылки в Сибирь. Предполагалось сосредоточить экспозицию музея в 7 разделах: революционное движение (от восстания декабристов 1825 г. до Октябрьской революции 1917 г.); методы революционной рабо-

ты (террористические акты, подпольные типографии, нелегальная литература, маевки, митинги, демонстрации, политические забастовки, вооруженное восстание); казни, тюрьма, каторга, ссылка (Петропавловская крепость, Шлиссельбург, каторга Карийская, Нерчинская, Александровский централ, ссылка Якутская, Енисейская, Приленская, Нарым); протесты в ссылке и тюрьме; репрессии в тюрьмах (кандалы, карцеры, порки, истязания); культурная работа ссыльных в Сибири; освобождение ссыльных в Сибири – политических деятелей Октябрьской революции¹⁰. К 1930 г. в уголке «каторги и ссылки» сосредоточилось 116 экспонатов и множество фотографий¹¹. Однако непрофессиональным историкам сделать музейный уголок «каторги и ссылки» настоящим научно-просветительным центром было трудно, поэтому реализовать проект плана в полной мере не удалось. Иркутское отделение располагало хорошим помещением в клубе, пригодным для музейной работы, но, как писал один из корреспондентов: «Из вещей и «реликвий» отделение выставило только арестантские ножные и ручные кандалы, развешанные на стенах в нескольких местах в виде декораций. Других предметов арестантского обихода нет. Все остальное – фотоснимки разных размеров и разного содержания ... Экспонатов довольно много, но среди них почти нет местного материала ... не показана Александровская и Иркутская пересылка, нет списка казненных и погибших в местных тюрьмах, нет ни одного их портрета, нет никакого материала о ссылке в бывшей Иркутской губернии»¹². Знакомство с музейными экспонатами проводилось не только в музейном уголке клуба. Организовывались передвижные выставки на подшефных предприятиях или в помещениях, где проходили краевые партийные конференции и съезды. В 1934 г. было проведено 7 выставок-передвижек во Дворце культуры г. Иркутска, в 103-м полку, в кинотеатрах «Гигант» и «Художественный», в авиашколе. В первом полугодии выставки-передвижки посетило 8420 человек, из них рабочих – 2350, красноармейцев – 1650, колхозников – 2650, учащихся – 450, служащих – 132. Экскурсии проводились членами иркутского отделения Общества Конецким, Щербаковым, Митаво¹³. Члены музейной секции отделения принимали непосредственное участие в организации и деятельности Музея революции г. Иркутска. Обеспокоенные гибелью исторических памятников на тер-

ритории Восточной Сибири, они обратились с письмом в органы власти о спасении Мальтинской палеолитической стоянки, остатков острогов и церковей (башен Братского острога, Бельской сторожевой башни, Илимской башни и деревянной церкви XVII в.), могил декабристов в Иркутске, Чите, Верхнеудинске. Члены Иркутского отделения составили подробный перечень реставрационных работ и смету на реставрацию памятников, подготовили подробный список надгробных памятников Иерусалимского кладбища, которые подлежали охране: декабристов, польских повстанцев, ученых-исследователей, известных общественных деятелей, памятники, имеющие историко-художественное значение. Кроме того, составили список могил Знаменского монастыря, Знаменского городского кладбища, кладбища в предместье Рабочее, Вознесенского монастыря, которые необходимо взять под охрану государства¹⁴.

Постоянной заботой музейной секции Центрального совета было накопление музейного материала и формирование экспозиций по различным районам ссылки и каторги. На 1928 г. было намечено разработать экспозицию «Енисейская ссылка», изготовить альбомы-справочники по Сахалинской каторге, Амурской железной дороге, о революции 1905 г., Февральской и Октябрьской революциях¹⁵.

Несмотря на достигнутые успехи, работа центрального музея «Каторги и ссылки» и музейной секции не раз подвергалась критическим замечаниям. Пленум Центрального Совета 1928 г. потребовал усилить и углубить разработку вопросов каторги и ссылки, давать материал не только в формате портретов, но и в соответствующих картограммах и диаграммах, отражать в них методы расправы царизма со своими наиболее активными врагами, социальный состав заключённых и ссыльных, их партийность, число арестов, каторжных приговоров, казней по годам и т. д.¹⁶

В начале 30-х гг. Центральный совет стал ориентировать музей на научно-исследовательскую работу, призывал развернуть научную обработку поступающих материалов. В 1930 г. в бюллетене Центрального Совета была опубликована статья секретаря Агитпропа П. Перкона «Немедленно перестроить работу музея «Каторги и ссылки», где автор указал на ряд недостатков: музей не выполняет основной своей функции – дать яркое и закон-

ченное представление о жизни и быте каторги и ссылки, 74% всех «накоплений» музея составляют фотографические снимки, «имеем всего на всего портретную галерею, на фоне которой случайными пятнами мелькают отдельные эпизоды из истории революционного движения, из быта каторги и ссылки. Тщетно было бы искать той социально-экономической базы, тех исторических корней, которые привели к революции деятелей, портретами коих увешаны залы нашего музея»¹⁷. Недостатки работы музея автор связывал с тем, что музей не имел сколько-нибудь продуманной программы и плана сбора материала, к тому же материалы, осевшие в музее, по его мнению, научно не изучаются и не обрабатываются, «музей это не архив». Особое недовольство было выражено по поводу отсутствия связи с массами. По его мнению, музей, имеющий своей задачей политико-просветительное обслуживание масс, должен идти этим массам навстречу, должен организовывать их и звать к себе, должен держать с ними постоянную связь, изучать их. Здесь же в помощь отделением была напечатана серия статей об организации музейного дела, инструкции о принципах музейного строительства на местах. В статье «Какими путями должна идти работа музея каторги и ссылки предлагалось вовлекать в музейную работу не только членов Общества, организовывать на местах ячейки содействия, выработать подробную инструкцию с исчерпывающими указаниями относительно того, где и как собирать материал, устраивать лекции по теории и практике музейной работы, заняться научным описанием поступающих материалов. В статье «О принципах музейного строительства на местах» предлагалось не дублировать экспозиции уголков «каторги и ссылки» и государственных музеев, больше помещать местный материал с репрессивной тематикой. Еще более откровенное недовольство музейной работой высказывалось на заседании коммунистической фракции президиума Общества 11 апреля 1932 г. Теодорович, например, прямо заявил, что музей в течение продолжительного времени оказался беспризорным (заведующая музеем В. Светлова была отстранена по политическим мотивам), во главе нет постоянного заведующего, Г.И. Шпилев только числится директором, но в действительности руководство музеем лежит на Филиппове – секретаре партийной ячейки. Была выдвинута идея поставить во главе музея правление в составе 5 человек

под руководством Кона, но он отказался. В свою очередь Ф. Кон предложил откорректировать тематику музея, не дублировать старые музеи, а создать «музей репрессий», показать, как по мере изменения социального состава каторги и ссылки, изменились репрессии, сделать упор на классовый характер репрессий¹⁸. По мнению И.А. Теодоровича, В. Светлова, бывшая заведующая музеем, будучи в прошлом эсеркой, больше внимания уделяла эсерам. В альбоме Александровского централа «бросались в глаза эсеры», например, Кругликов, Гоц, Архангельская, Тимофеев представлены в сотнях видах: Кругликов сидит, Кругликов читает, а группа эсдеков отсутствует. «Посадили Веру Светлову, которая была лицом политической окраски и связана традиционно в своем прошлом с определенными политическими традициями и у нее лучше не могло выйти»¹⁹. Л.В. Бабушкина еще более жестко высказала свое мнение о музее. На ее взгляд, положение с музеем ужасное, полнейший хаос, регистрация экспонатов не ведется. В музее 20 тыс. диапозитивов, предстоит выпустить еще массу новых, поэтому необходимо в ближайшее время взять технического работника, даже беспартийного, но окончательное решение должно приниматься под руководством партийного человека, «который привел бы все в порядок, все бы записал, чтобы знать, где какой материал находится».

Дальнейшая музейная работа сдерживалась нехваткой помещения, поэтому на повестку дня встал вопрос технических условий для этой работы. Решался вопрос о строительстве дома «Каторги и ссылки», где располагался бы клуб Общества и музей. Совнарком СССР удовлетворил ходатайство президиума Центрального совета: Обществу на постройку дома «Каторги и ссылки» в 1930 г. было выделено 750 тыс. рублей. Был образован строительный комитет из членов Общества В.И. Вельмана, К.В. Миронова, Н.М. Козубенко, Водолазского, В. Светловой, Я.Д. Баума и Тимошенко. Дом «Каторги и ссылки» в Москве предполагалось строить на Остоженке или в Антипьевском переулке, где в 25 залах предполагалось поместить музей²⁰. Подготовку научной экспозиции в Обществе начали заблаговременно. Для ознакомления всех членов Общества с материалами будущего музея и внесения своих поправок в двух бюллетенях Центрального Совета за 1931 г. были опубликованы ориентировочные планы построения отделов музея по Иркутской и Енисейской ссылкам²¹.

Каждый план состоял из нескольких разделов с подробной разработкой о последнем периоде ссылки 1905–1917 гг. В плане по Иркутской ссылке особое место отводилось жизни и деятельности ссылкеных большевиков М.В. Фрунзе, М.П. Томского, членов II Государственной Думы. Были затронуты вопросы об общественно-политической деятельности ссылкеных: политической организации в ссылке, участие ссылкеных в забастовках, связь с профессиональными организациями, подпольная революционная деятельность, участие в Ленских событиях 1912 г., культурная работа, отношение к войне и т. д. Кроме того, предполагался блок материалов о материальном положении ссылкеных: экономические организации в ссылке (кассы взаимопомощи, столовые, артели, коммуны), помощь ссылке со стороны подпольного Красного Креста и зарубежных комитетов помощи ссылкеным. Несомненно, разработка таких планов явилась следствием возросшего уровня исследовательской работы Общества.

Кроме общепринятых методов изучения и описания материалов, музей стал практиковать особые методы систематизации и научного описания материалов в специальных фотоальбомах. Обычно альбомы составлялись соответствующими землячествами, каждая фотография в альбоме сопровождалась пояснительным текстом. Таких альбомов было 4 типа: первый – альбомы-справочники, заключавшие в себе систематически подобранный фотоматериал по отдельным тюрьмам и районам ссылки; второй – тематические альбомы, посвященные отдельным историко-революционным событиям – «кружок долгушинцев», «кружок чайковцев», «якутский вооружённый протест 1904 года» и т. д.; третий – альбомы биографические, посвященные ветеранам революции; четвертый – альбомы-каталоги к отделам экспозиции. В 1932 г. насчитывалось 64 фотоальбома с 11 тыс. фотографий²².

Несмотря на организационные усилия, посещаемость музея в старом помещении была всё ещё низкой. За 10 месяцев 1931 г. музей посетили только 120 экскурсий в количестве 2640 человек. Сказывалась нехватка подготовленных кадров, в том числе экскурсоводов. В 1931 г. в Москве Центральный совет Общества организовал музейные курсы, которые за 90 часов учебного времени должны были подготовить кадры музейных работников для центра и филиалов. Они включали музееведение, методи-

ку экскурсионной работы, историю ВКП(б) и др. Прошли такие курсы 30 человек²³.

Серьёзную озабоченность вызывала теснота помещения музея. Поэтому было принято решение расширить музейное помещение за счёт выделения дополнительной площади. Готовясь к широкому развёртыванию музейного показа в новом помещении, музей обратился с открытым письмом ко всем организациям и лицам, связанным с революцией, с просьбой о сборе и выявлении музейных экспонатов, иллюстрирующих историю тюрьмы, каторги и ссылки с момента зарождения революционного движения в России, а также революционную борьбу в зарубежных странах. Материалы могли быть самыми разнообразными: документы, письма, печатные материалы, тюремные журналы, рисунки заключённых, орудия истязания, предметы тюремной конспирации, портреты ярких и типичных представителей реакции, провокаторов, петли для приковывания к стене или к тачке, клетки, «кобылы», смирительные рубашки, арестантские одежды, тюремная мебель, предметы тюремной конспирации, способы заделки, переноски и хранения запретных предметов и писем и др.

Ориентируясь на исследовательскую работу, в рамках музейной секции были созданы две бригады: статистическая и библиографическая. Перед статистической бригадой была поставлена задача восполнить статистические данные о каторжных и ссылных, которые дали бы возможность «языком цифр показать количественную значимость участников революционного движения различных периодов и все изменения, происходящие в составе лиц». С этой целью была опубликована карточка участника революционного движения и инструкция по её заполнению²⁴. В 8 разделах карточки было помещено 75 вопросов, включая революционный стаж до 1917 г., судимость, тюремный стаж, ссылку, деятельность революционера от февраля до октября 1917 г., от октября 1917 г. и до конца Гражданской войны, от конца Гражданской войны до настоящего времени. Материалами для заполнения должны были служить: историко-революционная литература, мемуары, архивные документы, биобиблиографический словарь деятелей революционного движения, биографический справочник членов Общества политкаторжан, результаты опроса непосредственных участников революционного движения. Заполнение карточек в центре должно было проводиться

статистическими бригадами, организованными землячествами, а на местах – музейными секциями отделений или секретариатом. Результат должен был вылиться в составление цифровых диаграмм и картограмм, характеризовавших изменение состава политических заключённых всех периодов революционного движения. Характерно, что в сфере интересов Общества была и послереволюционная деятельность бывших узников, которая, подчеркивала взаимосвязь революционной и настоящей общественно-политической работы. В 1931 г. библиографическая бригада музейной секции выступила инициатором по составлению библиографического справочника по истории тюрьмы, каторги и ссылки и внесла предложение для составления его привлечь силы научно-исследовательских секций.

Большую организационно-пропагандистскую работу провела музейная секция и её бригады в 1932 г. Наиболее интенсивно работали Якутская, Иркутская, Енисейская, Нерчинская, Сибирская бригады, а также сводные бригады: выставочная, статистическая, библиографическая, художественная, экскурсоводческая. Их силами было изготовлено 46 комплектов выставок-передвижек, в том числе «Нерчинская каторга» для подшефного «Нерчинскстроя», в адрес которой она была направлена. Секция продолжала собирать музейные материалы, в результате чего вновь было собрано 5272 экспоната, из них 3384 фотоснимка, 1888 экземпляров – рукописи, реликвии, модели, макеты и т.д. Фотографии поступали в дар (2174 экз.) и приобретались (1210 экз.). За счёт новых материалов пополнялись фотоальбомы по Якутской, Иркутской, Енисейской ссылке, Нерчинской каторге, Орловскому централу, Амурской железной дороге, Октябрьской революции и революционному движению в западных странах, разнообразный материал по сибирскому подполью²⁵.

Большую помощь оказывал центральный музей отделениям. В их адрес были направлены 12 макетов-передвижек, 114 посылок с фотоотпечатками, 55 альбомов по истории революционно-го движения.

Для изготовления фотографий при музее существовала фотолаборатория, которая изготавливала фотоотпечатки и снабжала ими отделения, редакцию издательства политкаторжан, Музей революции и его филиалы, другие учреждения.

Вне своих стен музей проводил передвижные выставки. В 1932 г. в Москве в парке культуры была развёрнута передвижная выставка «От разгрома революции 1905 года через тюрьму, каторгу и ссылку к борьбе за Октябрь, социалистическое строительство», которую посетили около 96 тыс. человек. Несколько разделов были посвящены «массовым протестам, переполнению тюрем, социальному составу политзаключенных, условиям заключения, взаимоотношениям тюремщиков и заключенных; каторге и ссылке в годы реакции, расправе над заключенными в каторжных централах, борьбе и протестам политзаключенных, побегам» и т. д.²⁶

Проводились передвижные выставки и на подшефных предприятиях. Тем не менее, бывшие политкаторжане сетовали, что выставки-передвижки «не всегда идеологически выдержаны и недостаточно проработаны в марксистско-ленинском освещении». В 1933 г. музеем было выделено новое помещение, после чего комиссия разработала схему экспозиции музея и схему основных экспонатов. В проекте-схеме два зала предполагалось выделить для разделов «политическая каторга» и «политическая ссылка»²⁷. Особое место отводилось темам о большевиках, в том числе, о пребывании Е.М. Ярославского на Нерчинской каторге, И.А. Теодоровича в Александровском центральном и т. д., в разделе «ссылка» предполагалось разработать экспозицию о ссыльных большевиках И.В. Сталине, Я.М. Свердлове, В.П. Ногине, Г.И. Петровском, Е.М. Ярославском, Е.Д. Стасовой и др. В схему для рассмотрения «ссылки» включалась численность и социальный состав ссыльных, партийность, национальный состав, протесты ссыльных, репрессии царского режима, культурно-просветительная деятельность ссыльных, побег.

Общество политкаторжан создавалось как организация, где можно было выразить альтернативную точку зрения на историю революционного движения. Однако, подчиняясь командно-административной системе, в Обществе всё больше внимания стали уделять деятелям большевистского крыла. Это обстоятельство отразилось на многих аспектах деятельности Общества, в том числе и музейной. Появилась тенденция к воспеванию представителей победившей партии большевиков, руководителей партии и государства, побывавших на каторге и в ссылке.

Масштабы деятельности музея настолько возросли, что в 1933 г. третий пленум ЦС принял решение выделить музей из систе-

мы культпропа в самостоятельное учреждение с функциями научно-исследовательского и политико-просветительного учреждения. Ещё раз было подчеркнуто, что основными задачами музея является всестороннее изучение истории репрессий эпохи царизма на основе «марксистско-ленинского социально-экономического анализа, пропаганды идей революционного марксизма-ленинизма на основе истории репрессий и мобилизация масс для активного участия в социалистической стройке, выявление и охрана памятников истории революционного движения, методическое руководство музеями местных отделений». Для организации научно-исследовательской и политико-просветительной деятельности музея был создан научный совет под председательством вновь назначенного директора музея Д. Виленского-Сибирякова. Особенно продуктивно шла работа в Московском отделении. Выставку-передвижку, организованную в парке, посетили в 1932 г. свыше 100 тыс. человек, в 1933 г. – около 200 тыс.²⁸ Центральный совет признал выставки-передвижки одной из лучших форм агитмассовой работы и наметил изготовить и разослать такие выставки в 29 отделений и групп. Совещание Культпропа 1934 г. подытожило музейную работу и подчеркнуло, что на основе применения марксизма к историческим событиям Общество добилось превращения музея в подлинное научно-исследовательское и политико-просветительное учреждение. К этому времени насчитывалось 9 музеев и 13 музейных уголков в отделениях.

Музейная работа Общества стала стимулом для научной разработки проблем истории революционного движения. Подготовка экспозиции центрального музея «Каторги и ссылки», выставок-передвижек для предприятий, сбор и систематизация материалов, в том числе по «Иркутской ссылке», «Якутской ссылке», «Енисейской ссылке», «Нарымской ссылке», «Нерчинском каторге», «Александровскому централу» и др., были результатом научной работы музейной секции и сотрудников музея, многочисленных подразделений Общества. Вследствие проделанной работы, в центральном музее «Каторги и ссылки» сосредоточился богатый вещественный и фотодокументальный материал. В картограммах и диаграммах был отображён количественный и партийный состав ссыльных и каторжан, фотодокументы запечатлели «колорит времени» – важные исторические события из жизни ссыльных и каторжан Сибири. С их помощью можно

получить сведения о маёвках ссыльных, забастовках рабочих в период между революциями, демонстрациях на похоронах умерших товарищей; определить состав участников делегаций конференций социал-демократических групп, съездов ссыльных и др. Некоторые фотодокументы отражают условия труда, быта и персональные снимки бывших узников царизма. К сожалению, к настоящему времени экспозиционный материал сохранился только в виде фотодокументов: фотографий и отпечатков с них в изданиях Общества, а также фотографий с некоторых экспозиционных витрин музея.

Примечания

1. Светлова В. Центральный музей каторги и ссылки // Десять лет, 1921–1931: Сб. статей и воспоминаний к десятилетнему юбилею О-ва политкаторжан. М., 1931. С. 116.

2. Светлова В. Работа музейной секции // Каторга и ссылка. 1927. № 6. С. 262-264.

3. Краткий обзор деятельности музейной комиссии // Там же. 1924. № 6. С. 262 – 270.

4. Светлова В. Центральный музей каторги и ссылки ... С.117.

5. Там же. С. 121.

6. Там же. С. 117.

7. Там же.

8. Светлова В. Работа музейной секции... С. 262-264; Из жизни Общества. Комиссия по ознаменованию 10-летия Февральской революции // Там же. 1927. № 1. С. 253.

9. III съезд Общества // Там же. 1928. № 4. С. 187–188.

10. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 31. Л. 17.

11. Там же. Д. 40. Л. 78 об.

12. Три музейных уголка // Бюллетень Центрального совета Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1932. № 12. С. 27-28.

13. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 78. Л. 4.

14. Там же. Д. 73. Лл. 1-10.

15. Там же. Д. 18. Л. 242.

16. О состоянии и задачах культурно-воспитательной и агитационно-пропагандистской работы Общества // Бюллетень Центрального Совета Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1930. № 1. С. 8.

17. Перкон П. Немедленно перестроить работу музея «Каторга и ссылка» // Бюллетень Центрального Совета... 1930. № 5-6. С. 10.

18. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 1 Д. 54. Л. 190-194.

19. Там же. Л. 192.

20. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 552. Л. 2.
21. Ориентировочный план построения отдела Енисейской ссылки в музее Каторга и ссылка // Бюллетень Центрального Совета... 1931. № 2-3. С. 29-30; Ориентировочный план отдела Иркутской ссылки в музее «Каторга и ссылка» // Там же. 1931. № 4-5. С. 24-25.
22. Шумяцкий Я. Пятнадцатилетие Февральской революции и пленум Центрального совета Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Каторга и ссылка. 1932. № 3. С. 39-40.
23. Светлова В. Музейные курсы при Культпропе Центрального Совета Всесоюзного общества политкаторжан // Бюллетень Центрального Совета... 1931. № 2-3. С. 7-9.
24. Инструкция по заполнению учетной карточки на участника революционного движения времен царизма. М., 1932.
25. Дубинский И. Отчёт о работе Культпропа ЦС Общества политкаторжан за 1932 год // Бюллетень Центрального Совета... 1933. М. С. 3-9; Светлова В. Краткий отчёт о работе музейной секции за 1932 год // Там же. С. 25-31.
26. Пигит А., Волков Р. Музей Каторги и ссылки в парке культуры и отдыха летом 1932 // Бюллетень Центрального Совета... 1933. № 1. С. 31-39.
27. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 559; Схема экспозиции музея «Каторга и ссылка»; На Лопухинском пер. 5 // Каторга и ссылка. 1933. № 11. С. 167-168.
28. Агитмассовая работа Московского отделения Общества с выставками-передвижками // Каторга и ссылка. 1934. № 4. С. 157-158.

УДК 316.35 + 323.5](571.5)(091)

Л.Н. Метёлкина

**К вопросу об особенностях социально-политического статуса
бывших политссыльных в 1920–1930-е годы
(на примере Восточной Сибири)**

В статье рассматриваются проблемы политико-социальной адаптации бывших политссыльных, деятельности всесоюзных организаций бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и старых большевиков как проводников политики советской власти в отношении данной категории на примере Восточной Сибири в 1920-1930-е годы.

Ключевые слова: бывшие политссылные, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Всесоюзное общество старых большевиков, Восточная Сибирь.

L.N. Metelkina

**To a question on features of the sociopolitical status
The former political exiled in 1920-1930th years
(On an example of Eastern Siberia)**

In article problems of politiko-social adaptation of the former political exiled, activity of the all-Union organizations were политкаторжан and ссыльнопоселенцев and old Bolsheviks as conductors of a policy of the Soviet power concerning the given category on an example of Eastern Siberia in 1920-1930th years are considered.

Keywords: the former political exiled, the All-Union society политкаторжан and ссыльнопоселенцев, the All-Union society of old Bolsheviks, Eastern Siberia.

Для Восточной Сибири – традиционного места политической каторги и ссылки – казалось бы, более чем естественным должно было стать активное участие бывших политссылных в политической жизни этого региона в революционный и послереволюционный период.

Несмотря на то, что эта проблема до сих пор не стала предметом специального исследования, интересные данные, подтверждающие факт активного включения бывших политссылных в политические процессы, имевшие место в Сибири уже в 1917–1920 гг., содержатся в работе Э.Ш. Хазиахметова¹. По данным этого автора, накануне Февральской революции в Сибири находилось не менее 9 346 политических ссыльных и 485 политкаторжан, всего – 9 831 человек. Большая часть из них уже в течение марта–мая 1917 г. вернулась на родину, однако, по подсчетам того же автора, в Сибири все же оставалось от 1 024 до 1 066 ссыльных, т. е. более 10,6% от общего дореволюционного количества политических ссыльных. Безусловно, это не исчерпывающие данные, поскольку цифры касаются лишь тех политссылных, которые занимали достаточно активную позицию в политических процессах этого периода². Установлено, что в целом по Сибири в революционный период доля бывших

ссылных в политическом активе составляла не менее 22,8%, что свидетельствует о их значительной роли в общественной жизни³. Отмечена и неравномерность распределения их по территории Сибири: в Западной осталось 374 политически активных бывших политссылных (т.е. 35% от общего количества), в Восточной – 692 (65%)⁴.

Однако, с развитием революции, все более очевидным становился факт, который предопределил неоднозначное отношение Советской власти к бывшим политссылным: помимо того, что их партийный состав и до революции был неоднородным – и после нее далеко не все из них встали под знамена новой власти. Так, по подсчетам того же Э.Ш. Хазиахметова, из 1054 ссыльных за власть Советов боролись 586 чел. (55,6%), против нее выступали 205 (19,4%). Не выяснены политические позиции у 263 чел. (25%). По всей вероятности, это объяснимо тем, что часть бывших ссыльных либо отошла от активной политики в принципе, либо заняла выжидательную позицию. У большинства же просто недостаточно ясны факты биографии, относящиеся к этому времени. Тем не менее, анализ имеющихся данных позволяет сделать вывод, что в период Гражданской войны на каждого противника Советской власти среди ссыльных приходилось по три ее сторонника, которые именно с ней связывали надежды на лучшее будущее страны⁵.

Участие в политической жизни в условиях Гражданской войны предопределило значительные потери в рядах ссыльного актива. Защищая Советскую власть, в боях, в плену, в белогвардейских застенках, «поездах смерти», концлагерях погибли 132 человека, из них 96 большевиков, 23 меньшевика и эсера-интернационалиста, 7 анархистов, 6 членов других партий и беспартийных. В то же время погибли 12 противников Советской власти – правых эсеров и меньшевиков, причем 7 из них стали жертвой колчаковцев и лишь 5 были расстреляны большевиками. В это число не вошли умершие по другим причинам – еще 33 человека. В целом же потери ссыльных, оставшихся в Сибири, составили 177 человек, или 16,8% от их общего числа, т. е. в 1917–1920 гг. ушел из жизни каждый шестой из них⁶.

Открытым остаются вопросы, связанные с дальнейшей судьбой переживших Гражданскую войну бывших политкаторжан. Насколько изменилась их численность в Сибири? Сохранилось

ли характерное для бывших политкаторжан стремление к возвращению на родину, в европейскую часть России – или же оставшиеся, по разным причинам, в Сибири на 2–3 года после освобождения теперь уже именно с этим регионом связывали свою даль судьбу? В каком качестве они, в значительной своей части – профессиональные политики, имели возможность реализовать себя в новых условиях? Каким образом смогли найти они свое место в стране победившей социалистической революции?

После окончания Гражданской войны для России в целом проблема выстраивания системы взаимоотношений Советской власти с бывшими политкаторжанами и ссылнопоселенцами приобрела особую актуальность. С одной стороны, часть бывших политкаторжан – меньшевиков выражала несогласие с проводимой новой властью политикой. Подобная позиция недавних борцов с самодержавием, и борцов достаточно активных – о чем свидетельствует сам факт их нахождения на каторге или в ссылке – была чрезвычайно опасна для Советской власти, на первых порах еще стесненной – во избежание аналогий со старым режимом – в выборе средств борьбы с ними. С другой стороны – несмотря на победу в Гражданской войне, не была окончательно решена проблема легитимации новой власти. И потому достижение лояльности со стороны людей, имеющих ореол «жертв царизма», имело большое политическое значение для этой власти. Для самих же бывших политкаторжан проблемой, требующей немедленного разрешения, стала адаптация к жизни в новых реалиях. Примечательно, что и реализации целей властей, и решение проблем самими бывшими политссылными настоятельно требовали создания специальной организации.

Попытки консолидации бывших политкаторжан и ссылнопоселенцев предпринимались уже с 1919 г. представителями разных политических партий и групп. Однако удалось это только в 1921 г., когда значительную роль в инициативной группе начинают играть представители правящей партии, в частности М.П. Томский и Я.Э. Рудзутак. Для РКП(б) важным было использование создаваемой организации в качестве основного канала материального снабжения и, тем самым, нейтрализации ветеранов революции, в том числе и тех, кто, сохраняя лояльность по отношению к партии большевиков, тем не менее, сохранял свои симпатии к другим социалистическим партиям и движениям, включая анархистов.

В результате 20 марта 1921 г. в Москве состоялось учредительное заседание Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (в дальнейшем – ОПК). Основной принцип вновь созданного общества четко оговаривался в п. 10 циркулярного письма Организационной комиссии от 1921 г. «Всеми бывшим политкаторжанам и ссыльнопоселенцам»: *«Общество — внепартийно, и потому при приеме членов обращается внимание только на характер того процесса, по которому данный товарищ получил каторгу и ссылку»*. И в первые годы существования Общества его членами могли быть представители различных партий и групп, в том числе подвергавшиеся репрессиям (тюремному заключению и ссылке) уже со стороны советской власти. До 1924 г. Уставом ОПК это допускалось.

Уже в 1922 г. ОПК оказалось перед реальной угрозой самоликвидации, причем инициатива исходила от людей, входивших в число учредителей – М.П. Томского и Я.Э. Рудзутака. Их первоначальные представления о возможностях использования Общества претерпели серьезные изменения: *«...2) Материальную помощь б. каторжанам можно оказывать или в партийном, через Ц.К. Р.К.П., или в советском, через В.Ц.И.К., порядке. 3) Все мало мало мальски дельные, стоящие на платформе Сов. Власти б. каторжане нашли и идейное и практическое приложение своих сил или в партии, или в гос. органах, общество каторжан нужно, как убежище, или никуда негодного, или явно антисоветского элемента»⁷*.

Судя по тому, что Общество все же было сохранено, возоблала позиция защитников общества, кстати, выраженная бюро коммунистической фракции ОПК, представляющая его принципиально лояльным, неполитическим, интегрированным в советское общество и полезным партии и государству. Полезность ОПК для партии и государства, среди прочего, по мнению бюро комфракции, выражалась в следующем:

- В новых условиях Общество является форумом для лояльных бывших революционеров независимо от их партийной принадлежности, особенно для тех, кто стал символами революционной борьбы.
- Существование ОПК служит контраргументом на критику «соглашателей различной окраски», утверждающих, что новое советское общество не дает свободы организаций никому,

кроме коммунистов. При этом даже в эмигрантской прессе детально отслеживается деятельность ОПК и положительно оценивается именно то обстоятельство, что его членами являются представители разных партий.

- Общество представляет возможность в организованной форме использовать авторитет ветеранов революционного движения, тем более что бывшие борцы с самодержавием, несомненно, являются решительными противниками реставрации монархии и попыток интервенции. Кроме того, они готовы посвятить все свои силы восстановлению народного хозяйства.

- С помощью ОПК могут быть вновь привлечены к работе «сотни и тысячи» бывших крупных общественных и политических деятелей, отстранившихся от всякой общественной и экономической деятельности.

- ОПК можно использовать как «фонд» для пополнения рядов советских работников⁸.

Однако в уставе общества, принятом в 1924 г., основные задачи общества были сформулированы значительно более сдержанно и аполитично:

а) всестороннее изучение жизни и быта каторги и ссылки при царском режиме;

б) распространение имеющихся в распоряжении О-ва материалов о каторге и ссылке и вообще революционном движении различными способами среди широких слоев трудящихся;

в) материальная и моральная помощь нуждающимся политкаторжанам и ссыльнопоселенцам⁹.

Примечательно, что, если §6 закреплял положение, что в члены О-ва принимаются все осужденные царским судом за революционную деятельность в каторгу и в ссылку на поселение, то уже следующий, §7 резко сужал круг потенциальных членов. Претендовать на членство не могли лица, совершившие деяния, противоречащие революционно-социалистической этике; подававшие прошения о помиловании и заявления о раскаянии и – новелла данного устава – осужденные органами Советской власти за всякого рода выступления против нее¹⁰.

Отделения Общества в Сибири в целом начали формироваться несколько позже, чем в европейской части страны, хотя уже в 1922 г. в Чите существовало «правильно функционирующее отделение»¹¹. До конца 1920-х гг. в Сибири существовало два ос-

новых центра деятельности ОПК – в Омске и Иркутске. Первое объединяло, помимо Омска, группы политкаторжан Новосибирска, Томска, Барнаула и Красноярска. Второе распространяло свое влияние на группы Верхнеудинска, Бурят-Монголии, Читы, Якутска, Бодайбо и Киренска. При этом, благодаря многочисленности Иркутского отделения, насчитывавшего около 150 действительных членов и кандидатов, сибирские организации входили в тройку самых крупных территориальных подразделений Общества – сразу после Московской и Ленинградской¹².

Следует отметить некоторые особенности деятельности Восточно-Сибирского Отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, которые, с одной стороны, учитывали специфику партийного, социального, возрастного, образовательного, профессионального состава его членов, с другой – отражали эволюцию основных направлений деятельности Общества в целом.

Во-первых, для Восточно-Сибирского отделения был характерен значительный – и постоянно возрастающий – удельный вес пенсионеров – от 30,4% в 1931 г. до не менее чем 68,2% от общей численности краевого отделения в 1934 г.¹³. Хотя в данном случае статус пенсионера – в большинстве случаев – не был произведен ни от возраста, ни от состояния здоровья.

Большая часть получателей пенсий – и по линии Народного комиссариата социального обеспечения, и по линии Центрального Совета Общества – была значительно моложе даже 50 лет, в то время как, согласно Правилам обеспечения по старости, утвержденным 11 февраля 1930 г. Наркоматом труда СССР, пенсионный возраст для мужчин составлял 60 лет, для женщин 55 лет; при общем стаже работе по найму для мужчин 25 лет, для женщин – 20¹⁴.

Сведения о пенсионном обеспечении членов Иркутского отделения Общества политкаторжан за 1934 г. позволяют сделать вывод, что в части материальной поддержки своих членов отделение действовало весьма эффективно. На учете отделения состоял 51 пенсионер, из которых лишь 13 (25,5%) получали пенсии от Народного комиссариата социального обеспечения, и 38 (74,5%) – от Центрального Совета Общества¹⁵.

Более того – только для 11 человек пенсии были единственным источником существования. Для остальных 40 пенсионеров (т.е. 78,4% от общего числа) пенсии были лишь дополни-

ем – причем весьма существенным – к получаемой заработной плате. Хотя еще III съезд Всесоюзного общества политкаторжан и политссыльных в резолюции «О ветеранской и медицинской помощи» специально оговаривал недопустимость разрешения вопросов безработицы и тем более – недостаточного заработка «пенсионированием»¹⁶.

При этом у 11 человек суммарный размер пенсии и заработной платы превышал установленный Центральным Советом Общества максимум в 500 рублей, и в некоторых случаях – превышал очень значительно. Так, у одного из членов Иркутского отделения общий доход достигал 860 рублей: заработная плата в размере 625 рублей дополнялась пенсией в 235 рублей, получаемой по линии Центрального Совета. Для сравнения – только в 1936 г. максимальная заработная плата председателей исполкомов наиболее значимых или находящихся в наиболее сложных природно-климатических условиях районов Восточно-Сибирского края достигла 750 руб¹⁷.

Возможно, подобное положение объяснялось тем, что, с одной стороны, большая часть членов Иркутского отделения имела и иные статусы, дававшие их обладателям права на дополнительное пенсионное обеспечение и прочие привилегии. Так, на начало 1934 г. Восточно-Сибирское отделение насчитывало 173 члена, из которых 16 человек имели статус бывших красных партизан, 23 – бывших красногвардейцев¹⁸. С другой стороны – рекомендованные III съездом Общества способы обеспечения дополнительным заработком членов ОПК, не связанные с назначением пенсий, такие как артели и сельхозкоммуны, в Восточной Сибири – в течение всего периода существования здесь соответствующего Отделения – так и не были созданы¹⁹.

Во-вторых, процесс «коммунизации» (или большевизации) затронул Восточно-Сибирское Отделение в значительно меньшей степени, чем Общество в целом или отдельные его территориальные отделения. Так, уже в 1934 г. в составе Восточно-Сибирского Отделения из 167 человек было лишь 55 членов и 5 кандидатов в члены ВКП (б), т.е. 35,9%²⁰. По данному показателю Отделение значительно уступало даже своим ближайшим соседям – западно-сибирским отделениям, где уже в 1932 г. партийная прослойка составляла в среднем 50,7%, а к середине 1935 г. вообще достигла 58%²¹. Это обстоятельство отчасти объясняет тот факт,

что, несмотря на достаточно большую численность Отделения, его актив состоял максимум из 10–15 человек. Именно члены ВКП(б) составляли руководящий состав Отделения и наиболее активно представляли Общество в его отношениях с партийными и советскими органами и общественными организациями. Так, согласно отчету Восточно-Сибирского Отделения ОПК,

- Связь с руководящими краевыми партийными органами производится персонально старостой (Грецов А.Н., чл. ВКП(б)) и ответственным секретарем Объединения (Маямсин А.С., чл. ВКП(б)), проводится устная информация, посылаются протоколы и отчеты;

- С культпропом ГК партии ВКП(б) связь осуществляется зам. зав. отделом культпропа Объединения тов. Засухиным А.Г., чл. ВКП(б).

- Связь с руководящими советскими организациями проводится персонально зам. старосты тов. Кригером В.А., чл. ВКП(б).

- С Обществом старых большевиков связь установлена самая тесная – ответственный секретарь Общества Политкаторжан (Маямсин А.С.) одновременно является ответственным секретарем ВОСБ. Проводятся совместно вечера, лекции, доклады в помещении клуба, используется актив.

- Периодически заслушиваются доклады и работе крайкома МОПР (председатель – Грецов А.Н.)

- С Обществом Красных партизан и ОСО существует «членская связь»²².

В-третьих, большая часть наиболее активных членов Восточно-Сибирского отделения ОПК одновременно составляла и ядро местного отделения Всесоюзного общества старых большевиков (в дальнейшем – ВОСБ).

На деятельности последнего, поскольку она практически неразрывно была связана с ОПК, следует остановиться несколько подробнее.

Общество старых большевиков было создано 28 января 1922 г.. Цель создания общества и его характер были зафиксированы в уставе и оставались неизменными при всех его переработках. Основными задачами общества провозглашались:

- 1) установление тесного товарищеского общения между старыми большевиками;

2) выявление путем обмена мнениями взглядов старых большевиков на вопросы современности с точки зрения их революционного опыта;

3) влияние на широкие массы более молодых товарищей «в духе старых товарищеских традиций большевизма»;

4) учет старых большевиков;

5) материальные заботы о поддержании жизни и здоровья старых большевиков;

6) содействие Истпарту в собирании живых свидетельских показаний о нашем партийном прошлом²³.

Хотя при первом обсуждении 28 января 1922 г. было совершенно определенно сказано, что общество должно объединять членов партии большевиков, вступивших в нее до 1 января 1905 г., в уставе параграф о членстве был сформулирован несколько иначе. По уставу, членами общества могли стать большевики с партийным стажем не менее 18 лет и не отходившие от партии в течение этого времени (§2). На момент принятия устава это практически означало, что принимаются лишь те, кто вступил в партию до 1905 г. Но со временем в общество стали принимать и тех, кто вступил в партию и после 1905 г. – при соблюдении общего стажа пребывания в партии не менее 18 лет. В связи с этим 5 декабря 1931 г. Президиум ВОСБ принял постановление: поскольку в 1932 г. в общество будут приниматься товарищи с партстажем с 1914 г., предложить Приемочной секции обращать внимание на следующие моменты: кем был до вступления в партию, какую позицию занимал во время войны, какое участие принимал в Февральской и Октябрьской революциях, был ли в Красной Гвардии и Красной Армии, что представлял собой в период советского строительства²⁴.

Длительное время ВОСБ оставалось преимущественно московской организацией и, по сути, несмотря на рост числа местных отделений, даже на начало 1935 г. из 2 102 членов Общества 1 257 (59,8%) проживали в Москве²⁵.

Восточно-Сибирское отделение ВОСБ образовалось на I краевой конференции, состоявшейся 1-2 октября 1932 года. При этом председателем вновь образованного Отделения стал Н.Е.Сапрыгин, прибывший на работу в Иркутск только в 1931 г., но уже с 1924 г. являвшийся действительным членом ВОСБ. (Прил. 2) В качестве первоочередной задачи своей деятельности избранное

конференцией бюро выделило связь с «т.т. подпольщиками-большевицами на предмет выявления их партстажа и возможности вхождения в члены общества»²⁶.

При этом, как признавало в своих отчетах бюро Восточно-Сибирского отделения ВОСБ, «значительная доля нашей работы проходила в контакте с О-вом политкаторжан и использовании их актива старых подпольщиков-большевиков или проверенных беспартийных»²⁷. (Табл. 2)

Малочисленность действительных членов ВОСБ объяснялась тем, что «из учтенных по краю подпольщиков не менее 40 человек имеют право быть членами О-ва, но одни не могут оформить за отсутствием рекомендаций, другие по загруженности или халатности»²⁸. Имеющиеся биографические данные позволяют сделать вывод о том, что далеко не все подпольщики с партийным стажем до 1905 г. были членами общества. (Прил. 2)

Такая ситуация не была исключительной: повсеместно отделения объединяли в своих рядах далеко не всех лиц, имеющих право на вступление в ВОСБ, при этом Москва и Ленинград представляли собой ее полюсы – соответственно самый высокий (43,7%) и самый низкий (6,7%) процент охвата большевиков-подпольщиков членством в обществе²⁹. С другой – около половины действительных членов Восточно-Сибирского отделения ВОСБ вступили в партию в период 1905–1914 гг., т.е. не являлись «старыми большевиками» в их первоначальном значении.

Именно к этой категории – «молодых» старых большевиков – относились и первые секретари Восточно-Сибирского краевого комитета ВКП (б) – Ф.Г. Леонов и М.О. Разумов. Примечательно, что имя первого лишь единожды упоминается в отчетах Восточно-Сибирского отделения ВОСБ – и только в качестве «выбывшего» из нее в 1933 г., при полном отсутствии какой-либо информации об обстоятельствах приема в его члены. Между тем, исходя из данных о его партийном стаже (с 1914 г.) и карьерных перемещениях (на работе в Восточной Сибири – сначала в качестве председателя Организационного бюро ЦК ВКП(б) по Восточно-Сибирскому краю, затем – первого секретаря крайкома ВКП (б) – с июля 1930 г.). Соответственно, в ВОСБ мог вступить только в Иркутске и не ранее 1932 г. Что касается М.О.Разумова – он уже прибыл в Восточную Сибирь, в ноябре 1933 г., будучи

членом ВОСБ, при этом еще до конца того же года успел встать на учет в качестве действительного члена местного отделения.

Представляет определенный интерес автобиография еще одного члена ВОСБ – А.М. Ионова, прибывшего на работу в Восточную Сибирь в качестве одного из «перетянутых» М.О. Разумовым из Татарии специалистов. (Прил.2)

Согласно сохранившимся отчетам о работе местного Отделения, члены ВОСБ и подпольщики принимали

- «активное участие в работе МОПР-организаций, являясь руководителями крайкома (т. Грецов, Маямсин, Гринберг), Горкома (т. Кочкин), Красноярского горкома (т. Августинович), не считая ячеекового актива»;

- был установлен тесный контакт с Истпартом через работающих там тов. Патлых, Тимофеева и др.; с ОГИЗ-Партиздатом – через тов. Грецова, Тимофеева, Патлых и др

- была «установлена связь с КрайКК, куда выделены для работы группа тт. – Маямсин. Милашевич, Коростелева, Митревич, Патлых и Тыкнус, которые ведут работу в качестве внештатных п/следователей и др. поручения КК-РКИ.»³⁰.

Принципиально значимым для отделения было решение «принять деятельное участие в предстоящей чистке ВКП(б), для чего выделить из числа членов О-ва и подпольщиков тт. в качестве кандидатов в председатели комиссий по чистке и принять участие в разъяснении смысла и задач чистки»³¹.

Пожалуй, именно участие в партийной чистке 1933 г. стало моментом максимального проявления политической активности членов обоих обществ, но в первую очередь – ВОСБ.

Так, в Иркутске для этих целей было выделено в распоряжение краевой комиссии по чистке 24 и Красноярске 8 человек из числа членов ВОСБ и подпольщиков, которые (за некоторым исключением по болезням или другим причинам) были использованы в качестве председателей и членов районных и ячейковых комиссий, зачастую в удаленных районах края. Связанные с этим командировки длились до 6-7 месяцев. Результаты этой большой работы нашли выражение в следующем отчете:

«Тов. Сапрыгин в Витимо-Олекминском национальном округе с 27/VI по 26/XI прочистил 351 чел., а проехал 5 126 километров, в том числе на лодках 850 км и 1250 на оленях и лошадях. Тов. Грецов чистил Красноярскую п/организацию с 16/XI по 14/XII,

проверил 3 922 чел., тов. Августинович в Уярском районе с июня по декабрь включительно, тов. Патлых в Эвенкийском (Нижн. Тунгуска) национальном округе с августа месяца и оставлена на постоянную работу. Персонально участвовали в качестве председателей и членов комиссий О-ва тт. Грецов, Сапрыгин, Маямсин, Крастин, Замарев, Богачев, Блицау, Гунн»³².

В-четвертых, несмотря на ограниченность возможностей использования членов ОПК в политических кампаниях первой половины 30-х годов, одним из основных условий сохранения членства в организации было активное участие во всех проводимых отделением мероприятиях. Этот критерий принимался во внимание при проведении проверки членов Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1932 г. И хотя Восточно-Сибирское отделение находилось на хорошем счету – «процентное соотношение активности» по отделению составляло 71% и уступало по этому показателю только Грузинскому (78%) и Украинскому (73%) отделениям³³ и 105 членов отделения прошли проверку без замечаний, все же 12 членам было предложено «принимать более активное участие в работе отделения Общества», а 31 члена считать прошедшими проверку «с различными замечаниями»³⁴.

Поскольку членство в ОПК давало право на различные льготы, а установка Центрального Совета жестко требовала «вовлечения всех членов О-ва в активное строительство социализма, по крайней мере, в тех областях работы, которые им, членам О-ва, наиболее доступны»³⁵, это резко повысило показатели массовости участия в деятельности Общества не только его членов, но и лиц, находящихся на их иждивении (Табл. 1). Подобная практика свидетельствовала о все большем подчинении Общества задачам построения социализма. То обстоятельство, что на начало 1935 г. на 167 членов Восточно-Сибирского Отделения приходилось 556 иждивенцев³⁶ создавало достаточно мощный стимул для участия в этих кампаниях и тех обремененных многочисленными семьями бывших политкаторжан, которые, уже после революции вынужденные отказаться от своей прежней партийной принадлежности, так и не вступили в ВКП(б).

В мае и июне 1935 г. Всесоюзное Общество старых большевиков и Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев были ликвидированы. Формально общества сами выступили с инициативой о самоликвидации, обосновывая ее необходимость

нецелесообразностью своего дальнейшего существования. «Когда последний пленум ЦС общества старых большевиков единодушно вынес решение о ликвидации общества, на пленуме проводились еще и такого рода соображения. По уставу общества членами его имели право состоять большевики, проработавшие не менее 18 лет в рядах партии. Таким образом, мы должны по уставу начать прием в партию в 1917 г., а затем в последующие годы. Из общества, которое включало меньше 3 тыс. членов, мы превратились бы, таким образом, в общество в несколько десятков тысяч, а затем и в сотни тысяч членов», это изменило бы лицо общества и поставило его перед задачами, параллельными задачам всех парторганизаций³⁷. Аргументом в пользу ликвидации ОПК стало признание факта, что «организованное в целях объединения бывших политкаторжан на почве оказания им, главным образом, материальной помощи и взаимопомощи... в настоящее время большую часть своих средств уже получает от государства. В данный момент государство имеет все возможности целиком принять на себя обеспечение материальных нужд членов этого Общества. Поэтому дальнейшее существование Общества является нецелесообразным»³⁸.

За бывшими членами обоих обществ были сохранены широкие привилегии: персональные пенсии, специальное медицинское обслуживание и санаторное лечение, льготы по квартплате, прикреплению к спецраспределителям и т. д.

Однако уже в 1937–1938 гг. стало очевидным, что ни нахождение под царским судом и следствием, в тюрьмах, на каторге и в ссылке, ни большой партстаж не дают не только никаких гарантий от новых репрессий (Прил. 3), но и не принимаются в расчет в качестве смягчающего обстоятельства. Только по Иркутскому отделению из 58 состоящих в нем на 1 января 1935 г. членов 30 будут репрессированы в 1937–1940 гг., из них 22 – приговорены к высшей мере наказания.

Примечания

1. Хазиахметов Э.Ш. Роль бывших ссылных в политической борьбе 1917–1918 гг. в Сибири // Исторический ежегодник [Омск]. 1997. С 103–112.
2. Там же. С.105.
3. Там же. С.106.
4. Там же. С.107.
5. Там же. С.109.

6. Там же. С.109-110.
7. Заключение Я.Э. Рудзутака и М.П. Томского // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935. М., 2004. С. 318.
8. Юнге М. Угроза ликвидации ОПК в 1922 г. // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев... С. 30.
9. Устав Всесоюзного Общества Политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С. 345
10. Там же. С. 346.
11. Заявление бюро коммунистической фракции ОПК в ЦК РКП(б) // Всесоюзное общество политкаторжан... С. 326.
12. Папков С. Эволюция политического контроля и преследования членов ОПК в Западной Сибири в 1925–1935 гг. // Всесоюзное общество политкаторжан... С. 164.
13. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.148. Оп.1. Д.56. Л.37; Д.69. Лл.20-20 об.
14. Известия НКТ СССР. 1930. № 10. С. 234
15. ГАНИИО. Ф.148. Оп.1. Д.69. Лл.20-20об
16. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1667. Л. 148.
17. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 114. Л. 27.
18. Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 9. Л. 115; Д. 56. Л. 37.
19. Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 56. Л. 37.
20. Папков С. Эволюция политического контроля и преследования членов ОПК в Западной Сибири в 1925-1935 гг.// Всесоюзное общество политкаторжан ... С.169.
21. ГАНИИО. Ф.148. Оп.1. Д.56. Л.22 об.
22. Там же. Ф.148. Оп.1. Д.133 а. Л.3.
23. Цит. по: Коржихина Т.П. Общество старых большевиков (1922–1935 гг.) // Вопр. ист. КПСС. 1989. № 11. С. 53.
24. Там же. С. 54.
25. Там же. С. 55.
26. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 133 а. Лл. 5-5об.
27. Там же. Л. 3.
28. Там же. Лл. 5-5об.
29. Коржихина Т.П. Указ. соч. С. 55.
30. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 133 а. Лл. 5-5об.
31. Там же. Лл. 12-13.
32. Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 68 Л. 1.
33. Там же Л. 11-13.
34. Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.
35. Там же.
36. Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 56. Л. 36 об.

37. Цит. по: Коржихина Т.П. Указ. соч. С. 64.
38. Всесоюзное общество политкаторжан ... С. 343.

Приложение 1

Сведения о составе и деятельности Восточно-Сибирского отделения Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев в 1931–1934 гг.

Таблица 1

Динамика участия членов ОПК
в проводимых Восточно-Сибирским отделением Общества меро-
приятиях

		1931	1932	1933	1934
Количество организованных выступлений по предприятиям, учреждениям, колхозам, воинским частям и школам		45	51	64	278
Количество обслуженных		12 460	17 570	28 197	63 230
Из них выступлениями обслужено	рабочих на предприятиях	2 400	2 600	8 667	28 060
	служащих по учреждениям	2 000	2 000	2 780	4 100
	колхозников	560	970	1 320	1 990
	красноармейцев	3 000	7 000	9 108	23 650
	учащиеся	4 500	5 000	6 330	5 430
Количество массовых кампаний, в которых О-во принимало организованное участие (выступления по линии О-ва)		59	119	213	329
Для проведения вышеперечисленных докладов было выделено докладчиков		45	51	64	108
Участие в общественно-полит. кампаниях	членов О-ва	36	47	72	146
	иждивенцев	-	-	-	54
Участие в обслуживании подшефных организаций	членов О-ва	-	9	27	41
	иждивенцев	-	-	11	25
Количество человеко-дней, проведенных членами О-ва и их иждивенцами в колхозах		-	14	72	268

Таблица составлена по данным: ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 56. Лл. 25-27.

Приложение 2

Данные об активе Восточно-Сибирского отделения
Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и Всесоюзного Общества старых большевиков

Таблица 2

Список членов о-ва старых большевиков,
большевиков-подпольщиков и политкаторжан – членов ВКП(б),
проживающих в Иркутске на 20/XII-1933 г.

		Фамилия	Занимаемая должность
Члены об-ва старых большевиков	1.	Грецов А.Н.	секретарь парт. коллегии Кр.КК
	2.	Крастин И.А.	край. прокурор
	3.	Разумов М.О.	секретарь Крайкома
	4.	Маямсин А.С.	секретарь О-ва ст. большевиков
	5.	Сапрыгин Н.Е.*	предс. О-ва ст. большевиков
Подпольщики - большевики	1.	Гринберг В.О.	пред. рев. комиссии Крайпотребсоюза
	2.	Гринберг П.К.	зав. столовой лит. «А»
	3.	Зырнис Я.П.	полпред. ОГПУ
	4.	Милашевич М.Т.	секретарь Краевой Деткомиссии
	5.	Коростелева М.П.	председатель Рабпроса
	6.	Питтель А.А.	зам. прок. Крайсуда (?)
	7.	Пестун И.С.	зав. горземлестреста
	8.	Черняков М.А.	зам. упр. Сиблес
	9.	Николаев И.В.	
	10.	Торопов А.С.	уполн. НКВнешторга
	11.	Мальванов	директор метзавода им. Куйбышева
	12.	Зиверт А.П.	ГорКК
	13.	Николенко Ф.М.	Промакадемия
Члены О-ва политкаторжан – чл. парт. ВКП (б)	1.	Тимофеев И.А.	зам. ответ. секретаря партколлегии Кр. КК
	2.	Кригер В.А.	пред. Горпотребсоюза
	3.	Засухин А.Г.	зав. 1-м сектором КрайЗУ
	4.	Далер Я.Я.	студент Промакадемии
	5.	Королев А.С.	инспектор «Золототранс»
	6.	Королева В.С.	бухгалтер Крайкома ВКП (б)
	7.	Сентюрин Н.С.	ст. инспектор Краймиллиции
	8.	Ровинский А.А.	политредактор «ОГИЗ»
	9.	Винницкий Г.В.	секретарь партколлегии обувной ф-ки
	10.	Партин В.В.	директор Лынопенькотреста
	11.	Черкашенинов И.И.	инструктор ВСКИК
	12.	Мичко ТТ.С.	персональный пенсионер
	13.	Скварчук	зам. директора «Лесзавода»
	14.	Трифонов Т.Т.	персональный пенсионер
	15.	Жарин С.Т.	Краймилиция, зав. мастерскими

**Вновь принят в 1934 г.*

Заливкой выделены члены Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Источник: ГАНИИО. Ф.148.Оп.1. Д.69. Лл.148-148 об.

**Анкеты и биографические сведения о членах
Восточно-Сибирского отделения
Всесоюзного общества старых большевиков**

1.	ФИО	Грецов Алексей Никанорович
2.	Когда, где родились?	25 марта 1885 г., в Дмитровском уезде Московской губернии
3.	Социальное положение: раньше теперь	рабочий парработник
4.	Образование	низшее
5.	Какая ваша основная профессия до революции и в настоящее время? Заработок? Средства существования?	литейщик-металлист. В настоящее время – работник В-СКрайКК и РКМ, член Президиума и зам. ответ. секретаря парткомиссии. Заработок 280 руб. в месяц
6.	Ваша семья? Кто живет с вами и кто на иждивении у вас? Их возраст? Или на чьем иждивении вы находитесь?	На иждивении: жена, 46 лет, при мне; мать, 67 лет, в Москве, ежемесячно помогаю
7.	С какого момента и в какой организации начало вашей революционной деятельности? Были ли перерывы, когда и почему?	Официально состою с 1905 г. Вступил в Москве, Замоскворецком районе, на заводе Доброва и Набоглыц
8.	С какого времени член фракции большевиков? № партийного билета? Были ли перерывы по партийной линии и какие годы?	С 1905 г. № 0537293 Перерывы: тюрьма
9.	Если состояли членом других партий, то каких и какую работу в них выполняли?	В других партиях не состоял
10.	Каким репрессиям подвергались за революционную работу: были ли в тюрьмах и ссылках (где?). Приговорены судами к тюрьме, ссылке, каторге, ссылке и т.д. и насколько лет?	С 5 июля 1906 г. по 1909 г. сидел в Московских тюрьмах, в Бутырке и Таганке. В 1909 г. осужден Московской судебной палатой по ст.102 и 126 1 и 2 части к каторге с заменой на поселение. В ссылке в Енисейской губ. того же уезда с сентября 1909 г. до оконч. освобожд. ? При Колчаке сидел в тюрьме
11.	Был ли в эмиграции, сколько времени, какое принимали участие в революционной жизни там и на какие средства жили? Кого знали?	В эмиграции не был
12.	Что делали во время гражданской войны, были ли на фронтах?	Был в Красной Гвардии. Сидел при Колчаке в Красноярской тюрьме. В ДВР служил в Народно-революционной армии
13.	Как прошла ваша последняя партпроверка и были ли вас сделаны замечания и какие?	Как член Сибирск. Краевой КК ВКП (б) проверялся комиссией ЦКК, высканий не имел

14.	После Октябрьской революции подвергались ли партийному и советскому суду и за что? Какие были наложены взыскания?	Ни партийным, ни судебным взысканиям не подвергался. Не судился
15.	Какую выполняете работу: партийную, профессиональную, советскую и т.д.	Член Президиума В.С.С.КрайКК и зам. ответ. секретаря парткомиссии. Председатель Крайкома МОПРа. Староста Общ-ва политкаторжан
16.	В чем нуждаетесь? Чем можно улучшить не только ваше здоровье, но и вашу способность к борьбе за наши идеалы?	Пока что помощи со стороны общества не требуется
17.	Место службы и должность. Служебный адрес и телефон	В.-С.КрайКК ВКП (б), зам. ответ. секретаря партколлегии
18.	Домашний адрес, телефон	Иркутск, 5-я Красноармейская д.2/28, кв. 1

«С 1924 г. переведен на постоянную работу в Енисейскую губКК ВКП (б) ответсекретарем Партколлегии, чл. Президиума ГубКК, работал до 1 июня 1925 г., а затем по запросу Сиб.КрайКК был переведен туда (в Новосибирск) сначала партследователем, а затем, после 2-й партконференции, был избран членом КрайКК и членом Партколлегии (Зам. ответсекретаря), проработал там до 1 декабря 1929 г. и направлен временно ответсекретарем ПК Окр КК. (после снятия Иркутского партруководства) на окружной конференции в мае 1930 был проведен в новый состав КК ВКП (б) в Президиум и Ответсекретарем Партколлегии, членом на 5-й Сибирской Краевой партконференции, опять переведен в члены Сиб.КрайКК ВКП (б). После ликвидации округов и создания Восточно-Сибирского края работал Ответсекретарем Партколлегии при Упол. ЦКК и после 1-й ВСКраевой конференции выбран членом Краевой ЦК ВКП (б) – членом Президиума и Зам. Ответсекретаря Партколлегии, кроме того, являюсь членом РайКК ВКП (б) Свердловской районной организации, Председатель Краевого МОПРа, был Пред. Крайкомиссии ИСТПАРТа, староста О-ва политкаторжан В.С.Крайотделения, член Президиума ОПК погранвойск и ряд других обязанностей.

16/IX-34 г.

Источник: ГАНИИО. Ф.148. Оп.1. Д.126 а. Лл.13-13 об, 18 об

Анкета Для старых большевиков и ветеранов революции

1.	ФИО	Маямсин Алексей Степанович
2.	Когда, где родились?	1887, в Самаре
3.	Социальное положение: раньше теперь	рабочий рабочий
4.	Образование	низшее
5.	Какая ваша основная профессия до революции и в настоящее время? Заработок? Средства существования?	металлист-слесарь Сейчас – ответсекретарь Крайсовета о-ва политкаторжан ВСКрая
6.	Ваша семья? Кто живет с вами и кто на иждивении у вас? Их возраст? Или на чьем иждивении вы находитесь?	Жена – 44 года дочери 16 и 14 лет
7.	С какого момента и в какой организации начало вашей революционной деятельности? Были ли перерывы, когда и почему?	С 1904 г., в Красноярской организации РСДРП
8.	С какого времени член фракции большевиков? № партийного билета? Были ли перерывы по партийной линии и какие годы?	1904 г., № 1809905 перерыв 1908-1913 - каторга
9.	Если состояли членом других партий, то каких и какую работу в них выполняли?	не состоял
10.	Каким репрессиям подвергались за революционную работу: были ли в тюрьмах и ссылках (где?). Приговорены судами к тюрьме, ссылке, каторге, ссылке и т.д. и насколько лет?	С 10/XI-1908 по 20/V-1910 г. в Красноярск. тюрьме, с 12/VI-1910 по 16/VIII-1913 г. Алекс. каторжн. тюрьма. Приговорен к 4 годам каторги по 192 ст. Уг.Ул. 1903 г.
11.	Были ли в эмиграции, сколько времени, какое принимали участие в революционной жизни там и на какие средства жили? Кого знали?	нет
12.	Что делали во время гражданской войны, были ли на фронтах?	принимал участие в свержении керенщины и колчаковщины в Иркутске
13.	Как прошла ваша последняя партпроверка и были ли вас сделаны замечания и какие?	без замечаний. Был председателем комиссии по чистке
14.	После Октябрьской революции подвергались ли партийному и советскому суду и за что? Какие были наложены взыскания?	не подвергался.
15.	Какую исполняете работу: партийную, профессиональную, советскую и т.д.	Отв. секретарь Кр.Совета о-ва политкаторжан партзаседатель КрайКК и внештат. партследователь КрайКК

16.	В чем нуждаетесь? Чем можно улучшить не только ваше здоровье, но и вашу способность к борьбе за наши идеалы?	Пока не нуждаюсь
17.	Место службы и должность. Служебный адрес и телефон	Иркутск, ВСКр, ул. К.Маркса №53, ответсекретарь
18.	Домашний адрес, телефон	

23/IV-31 г.

<...> 17 марта 1931 г. В.С.Краевой конференцией Всесоюзного о-ва политкаторжан был избран Ответсекретарем В.С.краевого Совета о-ва (платным), в должность которого вступил с 1 апреля 1931 г. и состою по сие время, т.е. июль 1932 г.

Источник: ГАНИИО. Ф.148. Оп.1. Д.126 а. Лл.39-39 об, 40 об

Анкета*

для старых большевиков и ветеранов революции

1.	ФИО	Патлых (Двинянина) Ольга Ивановна
2.	Когда, где родились?	1876 г., Верхотурский уезд Пермской губернии
3.	Социальное положение: раньше теперь	дочь священника и учительницы служащая
4.	Образование	средняя школа, педагогические курсы, неполный курс Петербургских курсов проф. Лесгафта
5.	Какая ваша основная профессия до революции и в настоящее время? Заработок? Средства существования?	Учительница, сестра милосердия Зав. ИСТПАРТом
6.	Ваша семья? Кто живет с вами и кто на иждивении у вас? Их возраст? Или на чьем иждивении вы находитесь?	Вдова
7.	С какого момента и в какой организации начало вашей революционной деятельности? Были ли перерывы, когда и почему?	1904., Уфа
8.	С какого времени член фракции большевиков? № партийного билета? Были ли перерывы по партийной линии и какие годы?	№ 0537461
9.	Если состояли членом других партий, то каких и какую работу в них выполняли?	

10.	Каким репрессиям подвергались за революционную работу: были ли в тюрьмах и ссылках (где?). Приговорены судами к тюрьме, ссылке, каторге, ссылке и т.д. и насколько лет?	1906, Пермь, арест (ст.126 УК) 1907, арест, суд через 2 года – ссылка на поселение (с. Тасеевское)
11.	Были ли в эмиграции, сколько времени, какое принимали участие в революционной жизни там и на какие средства жили? Кого знали?	нет
12.	Что делали во время гражданской войны, были ли на фронтах?	нелегальная работа в Иркутске
13.	Как прошла ваша последняя партпроверка и были ли вас сделаны замечания и какие?	
14.	После Октябрьской революции подвергались ли партийному и советскому суду и за что? Какие были наложены взыскания?	
15.	Какую исполняете работу: партийную, профессиональную, советскую и т.д.	
16.	В чем нуждаетесь? Чем можно улучшить не только ваше здоровье, но и вашу способность к борьбе за наши идеалы?	
17.	Место службы и должность. Служебный адрес и телефон	
18.	Домашний адрес, телефон	

* Анкета заполнена автором по данным автобиографии

< Из автобиографии >

<...> В 1922 г. в ноябре от отзыву ЦК Сиббюро партии переезжаю в Новороссийск и работаю в Губоно зав. соцвосом, членом правления Губотдела Союза, зав. культработой. В 1924 г. на Губернской партконференции избираюсь членом ГубКК, участвую в партпроверке совячек. 1925 г., по отзыву ЦК ВКП (б), переезжаю в Москву по личной просьбе, передаюсь в отдел просвещения на год к «Станку». До отъезда в Сибирь в июне 1926 г. работаю в ячейке первомайской текстильной фабрики и член Волкома, член методбюро Московского Укома, веду школу поллитграмоты, делаю доклады, провожу кампании по поручению Укома и Волкома.

1926 г. – в Новосибирске обследователь КрайКК. Обследую народное образование в Иркутской губ. как стар. Инспектор КрайРКИ-КК. 1927 г. – прошу ЦК партии направить меня для работы в Якутию. В Якутске с 1 мая 1927 г. по 1 июля 1931 г. заведую областным женотделом, выбираюсь членом бюро Обкома партии, член правления общества Политкаторжан, зав. пред.

комиссии КУТВ при ЯЦИКе, в совете пионеров, ВЛКСМ, Осоавиахим, член правления кооператива «Полярный». В 1929 г. член президиума ОблКК, секретарь Партколлегии, подготавливаю партпроверку, провожу партчистку в Калымском и Верхоянском округах. Избираюсь в ЯЦИК.

1932 г. откомандирована Якутским обкомом в распоряжение ЦК ВКП (б) по личной просьбе и расстроеному здоровью.

13 сентября 1932 г. передаюсь в распоряжение Вост.-Сиб. Крайкома, где назначаюсь зав. Отделом Истпарта, в данный момент работаю зав. ИСТПАРТом.

20/ХП-32 г.

Источник: ГАНИИО. Ф.148. Оп.1. Д.126 а. Лл.61-64

Анкета*

Для старых большевиков и ветеранов революции

1.	ФИО	Сапрыгин Николай Евменьевич
2.	Когда, где родились?	1877 г., Брянск
3.	Социальное положение: раньше теперь	служащий служащий
4.	Образование	законченный курс гимназии, незаконченное высшее (3 курса Казанского университета)
5.	Какая ваша основная профессия до революции и в настоящее время? Заработок? Средства существования?	рабочий, корректор, метеоролог На руководящей работе в Вост.Сиб. Комитете Севера
6.	Ваша семья? Кто живет с вами и кто на иждивении у вас? Их возраст? Или на чьем иждивении вы находитесь?	?
7.	С какого момента и в какой организации начало вашей революционной деятельности? Были ли перерывы, когда и почему?	? 1903 г., Казань
8.	С какого времени член фракции большевиков? № партийного билета? Были ли перерывы по партийной линии и какие годы?	1903
9.	Если состояли членом других партий, то каких и какую работу в них выполняли?	нет

10.	Каким репрессиям подвергались за революционную работу: были ли в тюрьмах и ссылках (где?). Приговорены судами к тюрьме, ссылке, каторге, ссылке и т.д. и насколько лет?	1903, арест – 1904 – 4 года административной ссылки 1913 – 3 года административной ссылки в Печорском крае Арханг. губернии
11.	Был ли в эмиграции, сколько времени, какое принимали участие в революционной жизни там и на какие средства жили? Кого знали?	нет
12.	Что делали во время гражданской войны, были ли на фронтах?	подпольная работа в Архангельской губернии
13.	Как прошла ваша последняя партпроверка и были ли вас сделаны замечания и какие?	
14.	После Октябрьской революции подвергались ли партийному и советскому суду и за что? Какие были наложены взыскания?	
15.	Какую исполняете работу: партийную, профессиональную, советскую и т.д.	
16.	В чем нуждаетесь? Чем можно улучшить не только ваше здоровье, но и вашу способность к борьбе за наши идеалы?	
17.	Место службы и должность. Служебный адрес и телефон	
18.	Домашний адрес, телефон	

* Анкета заполнена автором по данным автобиографии

<...>С 1923 г. был избран в состав ГубКК ВКП(б) (Архангельск. губ), в которой работал непрерывно до 1931 г. – членом и секретарем Партколлегии, Председателем, чл. Президиума, а с образованием Края – членом Партколлегии КрайКК. По совместительству работал Председателем Архангельского Комитета Севера и Уполномоченным комитета Севера при ВЦИК с 1924 г по 1931 г., председателем межгубернской, потом краевой Арбитражной комиссии с 1923 по 1931 г., редактором экономического журнала «Северное хозяйство» с 1923 по 1929 г. и членом редколлегии краевого эконом. журнала «Хозяйство Севера» 1929-1931 гг., членом Правления Крайохотсоюза в 1930-1931 г. и проч. Участвовал в организации и проведении всех чисток партии и партпереписи. <...> Был членом Горсовета в Архангельске 3-го созыва. <...> Был членом редколлегии Архангельского Истпарта <...>

В 1931 г. по предложению Комитета Севера при Президиуме ВЦИК переехал в Иркутск на руководящую работу в Вост.-Сиб.

Комитете Севера, где работаю до сих пор. По партийной линии выполняю нагрузки парторганизации.

С 1924 г. состою членом Общества Старых Большевиков. С октября 1932 г. выбран председателем вновь организованного Вост.Сиб. Отделения Всесоюзного О-ва старых большевиков.

9 июня 1933 г.

Источник: ГАНИИО. Ф.148. Оп.1. Д.126 а. Лл.67-68.

Анкета*

Для старых большевиков и ветеранов революции

1.	ФИО	Зиберт Анна Петровна
2.	Когда, где родились?	1887
3.	Социальное положение: раньше теперь	рабочая
4.	Образование	губсовпартшкола (9 мес.) 1921-1922 гг. рабфак, им.Покровского при МГУ, окончила в 1926 г..
5.	Какая ваша основная профессия до революции и в настоящее время? Заработок? Средства существования?	чернорабочая
6.	Ваша семья? Кто живет с вами и кто на иждивении у вас? Их возраст? Или на чьем иждивении вы находитесь?	семьи нет
7.	С какого момента и в какой организации начало вашей революционной деятельности? Были ли перерывы, когда и почему?	1907 г., Латышская СДРП
8.	С какого времени член фракции большевиков? № партийного билета? Были ли перерывы по партийной линии и какие годы?	Перерывов в партработе не было
9.	Если состояли членом других партий, то каких и какую работу в них выполняли?	с 1911 по 1919 г. член Американской соц. партии. С сентября 1919 г. по 1921 г. – член Американской объединенной коммунистической партии.
10.	Каким репрессиям подвергались за революционную работу: были ли в тюрьмах и ссылках (где?). Приговорены судами к тюрьме, ссылке, каторге, ссылке и т.д. и насколько лет?	В 1910 г. за принадлежность к ЛСДРП была приговорена Петербургской судебной палатой к ссылке на поселение. Была заключена в Рижской Центральной тюрьме с XI/1909 по III/1911 года. [Так в тексте] Была в ссылке в Тасеевском районе с IV/1911 по VIII/1911 года. Никаким иным репрессиям не подвергалась

11.	Были ли в эмиграции, сколько времени, какое принимали участие в революционной жизни там и на какие средства жили? Кого знали?	С 1911 по 1921 г. была в эмиграции в США, г.Бостон. Бежала из ссылки
12.	Что делали во время гражданской войны, были ли на фронтах?	В Гражданской войне не участвовала, находясь в эмиграции
13.	Как прошла ваша последняя партпроверка и были ли вас сделаны замечания и какие?	Во время последней партчистки 1929 г. работала в комиссии по чистке в Москве, во Фрунзенском районе.
14.	После Октябрьской революции подвергались ли партийному и советскому суду и за что? Какие были наложены взыскания?	Партвзысканий не было,
15.	Какую исполняете работу: партийную, профессиональную, советскую и т.д.	Член КрайКК
16.	В чем нуждаетесь? Чем можно улучшить не только ваше здоровье, но и вашу способность к борьбе за наши идеалы?	
17.	Место службы и должность. Служебный адрес и телефон	июнь 1933 г. - Иркутск, ГорКК-РКМ, - зав. бюро жалоб.; ноябрь 1933 г. – секретарь ячейки ВКП(б) трикотажной фабрики «Пролетарий»;
18.	Домашний адрес, телефон	

* Анкета заполнена автором по данным автобиографии

<Из автобиографии>

«В апреле 1921 г., вернувшись из Америки, вступила в ряды РКП(б). Работала во ВЦИК в общем отделе в качестве регистраторши; в октябре месяце того же года была командирована Замоскворецким РК РКП(б) в Губсовпартшколу. По окончании 9-месячных курсов Губсовпартшколы откомандирована в г.Серпухов, где работала на клубной работе один год. В 1923 г. получаю командировку в Москву – учиться. Поступила на рабфак им. Покровского при I МГУ, который кончила в 1926 г. <...>После окончания рабфака работала зав. клубом Нарпита в Хамовническом районе – октябрь 1926 – июнь 1927 г., потом в СПОНЕ. В 1928 г. на 14-й Типографии Мосполиграфии в качестве тех. секретаря ячейки ВКП(б) – с декабря 1928 по март 1930.<...> В начале 1930 г. по мобилизации членов Горсовета и секций мобилизована на низовую советскую работу в Сибирь. По приезде в Сибирь, в Канский округ, меня командировали в

Рыбинский РИК на работу политпросвет-инспектора, где проработала пять месяцев.

Летом 1930 г. на Окр. партконференции была избрана членом ОКП КК и при ликвидации округов была откомандирована в Ирбейский район уполномоченным КК-РКИ. На районной партконференции избрана членом ОКР КК и при ликвидации округов была откомандирована в Ирбейский район уполномоченным КК-РКИ. На районной партконференции избрана председателем РайКК-РКИ и на 1-й партконференции Вост.Сиб. Края избрана членом КрайКК-РКИ.

В Ирбейском районе в качестве председателя проработала до февраля 1932 г., после чего была КрайКК переброшена в Балецкий район, тоже в качестве председателя РайКК-РКИ, где работала до янв. 1933 г., когда КрайКК-РКИ и была отозвана.

В настоящее время работаю в Иркутске в ГорКК-РКИ, зав. бюро жалоб».

10 июня 1933 г.

Источник: ГАНИИО. Ф.148. Оп.1. Д.126 а. Лл.23-23 об., 27-27 об.

Ионов Алексей Максимович, 1895 г.р.

До революции – рабочий, в настоящее время – служащий.

Образование - начальная заводская школа (3 класса); 20-е годы – курсы марксизма; 1930-март 1933 – Историко-партийный институт Красной Профессуры.

Начало революционной деятельности – 1910 г.

В 1914 – арест и гласный полицейский надзор,

1916 – за побег из-под надзора» - тюремное заключение (не более полугода).

В эмиграции не был.

Во время гражданской войны – на Восточном фронте, комиссар бригады, дивизии, командир полка.

В 1935 г. - Директор Иркутского сельскохозяйственного института.

<Из автобиографии>

«<...> В Петрограде с первых же дней Февральской революции стихийно родились, росли и крепились массовые крестьянские

земляческие организации. В состав их входили имеющие связь с деревней рабочие, солдаты и матросы.

Только в одном Смоленском землячестве с первых же дней было большевистское руководство.<...>

В июне было создано центральное бюро крестьянских землячеств. Губернских землячеств было 21, с составом членов свыше 30 000 земляков. Председателем Центрального Бюро Землячества выбрали меня.

Окт.1917 «В эти же дни мною было поручено от ЦК партии предложение – срочно направить в деревню крестьян, моих земляков 21 губернии, на завоевание власти Советов.

В боевые Октябрьские дни свыше 10 000 «земляков», большевиков и большевистски настроенных, пройдя через Смольный, выехали в деревню и в абсолютной массе своей блестяще выполнили порученную им революционную задачу.

На II съезде Советов был избран в члены ВЦИК. Работал в ЦК партии. По заданиям выезжал на места установления Советской власти<....>

[1919-1920 – работа в Новгородской губернии, в Губкоме, Губисполкоме, Председателем Бугпрофсовета]

1921-1923 – туберкулез, активный процесс, 2 стадия.

В декабре 1923 г. был выдвинут и послан на новую работу в Одессу. Был в ней до ликвидации губернии председателем губпрофсовета. По ликвидации губпрофсовета был отозван на работу в ВЦСПС.

С ВЦСПС пошел учиться на курсы марксизма.

<...> В январе 1928 г. вновь послан на работу в ВЦСПС.<...>

В июне 1930 г. был принят на учебу в Историко-Партийный институт Красной Профессуры. <...>

В марте 1933 г. был мобилизован на политотдельческую работу. 11 апреля этого же года в Татарии стал работать начальником Политотдела Чистопольской МТС.

16 августа 1933 г. эта МТС была занесена газетой «Правда» первой МТС на Всесоюзную доску почета.

<...> Много пережито и пережито в жизни, не раз, бывало, говорил: «Везде в СССР бывал, вот только в Сибири не был».

В ноябре 1933 г. было предложено поехать на работу в Восточную Сибирь. Поехал с охотой. Работаю в ней с охотой. С декабря

1933 по февраль 1935 г. работал зам. начальника Политсектора МТС Вост-Сиб.КрайЗУ по работе в БМАССР.

С 10 марта 1935 г. работаю Директором Иркутского сельскохозяйственного института.

З все время своей активной работы в партии не имел ни одного замечания. Работал и боролся за дело родной партии, как умел. Продолжаю учиться у жизни и у книг работать лучше.

В 1930 г. был принят в члены Общества Старых большевиков.

В члены Общества старых большевиков принимают только подпольщиков, не имеющих за все время пребывания в рядах партии перерывов в партийной работе и верности делу партии. Этой верностью является их большевистская стойкость в борьбе за дело партии на позиции Генеральной линии Партии.

17 апреля 1935 г.

Источник: ГАНИИО. Ф.148. Оп.1. Д.126 а. Лл.32-38 об

Августинович Ал-др П., в РСДРП с 1907 г., рабочий, пред. кооператива инвалидов, г. Красноярск

Анашкин Василий Николаевич, в РСДРП с 1905 г., рабочий, директор музея, г. Красноярск

Блицау Карл Давидович, в РСДРП с 1910 г., рабочий, сотр. ОГПУ

Гунн Андрей Иванович, в РСДРП с 1903 г., служащий, пред. рай КК-РКИ Сухобузимского р-на

Замараев Семен Алексеевич, в РСДРП с 1905, рабочий, пенсионер, ст. Хилок

Кочкин Василий Сафронович, в РСДРП с 1912 г., рабочий, секретарь ГКК-РКИ г. Чита

Коростелева-Вахмина Мария Петровна, в РСДРП с 1912 г., служ., пред. Крайпрос, г. Иркутск.

Крастин Иван Андреевич, в РСДРП с 1904 г., служащий, краевой прокурор

Милашевич Михаил Тадеушевич, в РСДРП с 1907 г., рабочий, секретарь деткомиссии, г. Иркутск

Митревич Иван Адамович, в РСДРП с 1902 г., рабочий, В.С.Геологоразведка.

Разумов Михаил Осипович, в РСДРП с 1913 г., секретарь Вост.-Сиб. крайкома ВКП(б).

Тыкнус Роберт Викентьевич, в РСДРП с 1906 г., рабочий, студент, г. Иркутск.

Приложение 3

Члены Иркутского отделения Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, репрессированные в 1937-1938 гг.

Басин Арон Залманович. Родился в 1886 г., с. Побелово Черниговской губернии; грамотный; РСДРП; инспектор Заготтранс. Проживал: г. Иркутск. Арестован 8 февраля 1938 г. Приговорен: тройка УНКВД Иркутской области 15 ноября 1938 г., обв.: 58-1а, 7, 11. Приговор: ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян 20 ноября 1938 г. Реабилитирован 8 марта 1957 г. Военным трибуналом Забайкальского военного округа .

Васенин Алексей Степанович. Родился в 1887 г., Уральская обл., г. Свердловска; русский; б/п; работал прорабом в Иркутском горсовете. Проживал: г. Иркутск. Арестован 13 июля 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 15 ноября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-7, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 20 ноября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 23 июня 1956 г. определением Военного трибунала ЗаБВО .

Васильев Константин Иванович. Родился в 1883 г., г. Пенза; русский; б/п; работал начальником отдела снабжения на заводе им. Куйбышева. Проживал: г. Иркутск. Арестован 12 мая 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 17 июня 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН Расстрелян 27 июня 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 18 декабря 1956 г. определением Военного трибунала ЗаБВО.

Грецов Алексей Никанорович**. Родился в 1885 г., Московская обл., Дмитриевский уезд; русский; член ВКП(б); работал заведующим Иркутским собесом. Проживал: г. Иркутск. Арестован 13 января 1938 г. Приговорен: Особое совещание при НКВД СССР 28 августа 1941 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ Реабилитирован 13 апреля 1963 г. постановлением президиума Иркутского областного суда.

Дзеленковский Георгий Георгиевич. Родился в 1887 г., Гродненская губ.; русский; б/п; работал продавцом в Иркутском магазине «Акорт». Проживал: г. Иркутск. Арестован 11 августа 1928 г. Приговорен: , обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Реабилитирован 28 сентября 1928 г. реабилитирован постановлением Иркутского окружного отдела ОГПУ

Закон Матвей Моисеевич. Родился в 1887 г., Украина, Киевская обл., г. Криворожье; еврей; б/п; работал зав. магазином № 5. Проживал: г. Иркутск. Арестован 29 июля 1938 г. Обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Реабилитирован 9 июня 1939 г. постановлением УНКВД Иркутской области.

Захаров Иван Андреевич. Родился в 1887 г., Омская обл., Омутинский р-н, с. Плетнево; русский; б/п; работал десятником строительного участка ст. Слюдянка ВСЖД. Проживал: Иркутская обл., ст. Слюдянка ВСЖД. Арестован 12 марта 1937 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 26 февраля 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН Расстрелян 3 марта 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 21 января 1961 г. постановлением президиума Иркутского областного суда.

Зиверт Анна Петровна.** Родилась в 1887 г., Латвия, г. Рига; латышка; член ВКП(б); работала заведующей Иркутск. магазином № 54. Проживала: г. Иркутск. Арестована 3 июня 1938 г. Приговорена: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 29 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-9 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстреляна 14 ноября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирована 24 апреля 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области.

Ионов Алексей Максимович*. Родился в 1895 г., г. Петроград; русский; член ВКП(б); работал директором Иркутского сельхозинститута. Проживал: г. Иркутск. Арестован 19 августа 1937 г. Обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-7, 58-11 УК РСФСР. Реабилитирован 8 апреля 1940 г. постановлением УНКВД Иркутской области

Каменский Сергей Семенович. Родился в 1881 г., Тульская губ., Епифанский уезд, с. Волино; русский; образование среднее; б/п; работал счетоводом-кассиром магазина Иркутского агентства ГУТП. Проживал: г. Иркутск. Арестован 29 апреля 1937 г. Приговорен: Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР 25 июня

1938 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 15 августа 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 24 января 1958 г. определением Военного трибунала ЗаБВО

Кожевников Александр Яковлевич. Родился в 1886 г., г. Пенза; русский; образование высшее; б/п; работал экономистом Иркутского облпотребсоюза. Проживал: г. Иркутск. Арестован 26 октября 1937 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 8 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ Реабилитирован 23 марта 1957 г. постановлением президиума Иркутского областного суда

Конецкий Степан Францевич. Родился в 1885 г., Польша, Гродненская обл., д. Олыданты; поляк; грамотный; б/п; работал судебным исполнителем Иркутского нарсу-да. Проживал: г. Иркутск. Арестован 3 марта 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 20 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 4 ноября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 12 февраля 1957 г. определением Военного трибунала ЗаБВО

Королев Алексей Семенович. Родился в 1885 г., Горьковская обл., Дальнеконстантиновский р-н, с. Староселье; русский; б/п; работал главным бухгалтером Иркутского облсобеса. Проживал: г. Иркутск. Арестован 15 июня 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 25 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 31 ноября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 7 апреля 1989 г. реабилитирован заключением прокуратуры Иркутской области.

Королева Вера Силуановна. Родилась в 1884 г., Ленинградская обл., с. Изварь; русская; б/п; работала бухгалтером обкома ВКП(б). Проживала: г. Иркутск. Арестована 8 июля 1938 г. Приговорена: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 5 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирована 3 апреля 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области.

Лазебников Соломон Осипович. Родился в 1883 г., Каменец-Подольская обл., с. Ивановское; еврей; б/п; работал начальником цеха скорняжного и шапочного дела «Мехторга». Прожи-

вал: г. Иркутск. Арестован 1 ноября 1938 г. Приговорен: обв. по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Реабилитирован 26 мая 1939 г. постановлением УНКВД Иркутской области ;работал рабочим шапочной мастерской Ирпромторга. Проживал: г. Иркутск. Арестован 5 сентября 1941 г. Приговорен: Иркутский облсуд 4 ноября 1941 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Реабилитирован 10 января 1992 г. заключением прокуратуры Иркутской области

Левин Григорий Наумович. Родился в 1876 г., Красноярский кр., г. Канск; еврей; б/п; пенсионер. Проживал: г. Иркутск. Арестован 14 июля 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 20 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 23 октября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 11 апреля 1989 г. заключением прокуратуры Иркутской области .

Лепин Карл Петрович. Родился в 1872 г., Латвия, г. Риги; латыш; образование среднее; б/п; работал завхозом 63-го участка жилуправления г. Иркутска. Проживал: г. Иркутск. Арестован 9 мая 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 29 октября 1938 г., обв.: по ст. 58-1 «а» УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 14 ноября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 22 ноября 1957 г. Определением Военного трибунала ЗаБВО.

Лихтенштейн Зиндель Моисеевич. Родился в 1893 г., Польша, г. Тултуск; еврей; грамотный; б/п; работал модельщиком Иркутской обувной фабрики. Проживал: г. Иркутск. Арестован 15 мая 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 20 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-7, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 23 октября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 30 ноября 1956 г. Определением Военного трибунала ЗаБВО.

Маджаров Дмитрий Иванович. Родился в 1887 г., Молдавия, с. Камрад; болгарин; образование высшее; б/п; работал экономистом Иркутского облпромсоюза. Проживал: г. Иркутск. Арестован 18 ноября 1937 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 31 декабря 1937 г., обв.: по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 15 января 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 21 октября 1955 г. постановлением президиума Иркутского областного суда.

Маямсин Алексей Степанович.** Родился в 1887 г., г. Самары; русский; образование низшее; член ВКП(б); член партколлегии при ЦК ВКП(б) по Иркутской области. Проживал: г. Иркутск. Арестован 8 июня 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 25 октября 1938 г., обв.: по ст.ст. 58-1 «а», 58-2, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 11 ноября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 22 января 1957 г. Определением Военного трибунала ЗабВО.

Митава Любовь Николаевна. Родилась в 1891 г., г. Ростова-Дону; болгарка; б/п; пенсионерка. Проживала: г. Иркутск. Арестована 28 апреля 1937 г. Приговорена: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 25 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-1 «а», 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстреляна 1 ноября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирована 16 мая 1958 г. Определением Военного трибунала ЗабВО.

Мичко Тимофей Савич. Родился в 1878 г., Черниговская обл., местечка Ичня; украинец; грамотный; член ВКП(б); работал архивариусом Иркутского обкома ВКП(б). Проживал: г. Иркутск. Арестован 20 июля 1938 г. Приговорен: Тройка при УНКВД Иркутской обл. 20 октября 1938 г., обв.: по -8, -11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 14 ноября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 6 августа 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО.

Партин Венедикт Васильевич. Родился в 1888 г., Екатеринбургского уезда Пермской губ.; русский; образование низшее; член ВКП(б); заведующий областным партархивом. Проживал: г. Иркутск. Арестован 8 июля 1938 г. Приговорен: тройкой УНКВД Иркутской области 5 октября 1938 г., обв.: ст. -9, -11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 14 октября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 20 октября 1956 г. Президиумом Иркутского областного суда.

Пестун Игнатий Семенович. Родился в 1886 г., д. Рудевицы Вилейского уезда Виленской губ.; белорус; малограмотный; член ВКП(б); заведующий Иркутским Горземлетрестом. Проживал: г. Иркутск. Арестован 3 августа 1938 г. Приговорен: УНКВД Иркутской области 26 августа 1939 г., обв.: ст. -7, -11 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено.

Разняк Франц Яковлевич. Родился в 1888 г., Польша; поляк; малограмотный; б/п; начальник паротопительной станции Иркутского завода им. Куйбышева. Проживал: г. Иркутск. Арестован 12 февраля 1938 г. Приговорен: НКВД СССР и Прокурором СССР 25 июня 1938 г., обв.: ст. 58-1«а», -9 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 15 августа 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 18 июля 1957 г. Военной коллегией Верховного суда СССР.

Разумов Михаил Осипович* (Арханцев Арон Иосифович). Родился в 1894 г., с.Глухово Черниговской губ.; русский; окончил 6 классов гимназии экстерном; член ВКП(б); секретарь Восточно-Сибирского крайкома (обкома) ВКП(б), член ЦК ВКП(б). Проживал: Москва, гостиница «Метрополь», комн.384.. Арестован 1 июня 1937 г. Приговорен: ВКВС СССР 29 октября 1937 г., обв.: участия в антисоветской к.-р. организации. Приговор: ВМН. Расстрелян 30 октября 1937 г. Место захоронения - Москва, Донское кладбище. Реабилитирован 19 мая 1956 г. ВКВС СССР.

Руцц Яков Иванович. Родился в 1881 г., усадьбы Курситинская Гундижнского уезда Курляндской губ.; латыш; неграмотный; б/п; сторож Иркутского госпароходства. Проживал: г. Иркутск. Арестован 27 апреля 1938 г. Приговорен: НКВД СССР и Прокурором СССР 29 июня 1938 г., обв.: ст. 58-1«а» УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 7 октября 1938 г. Место захоронения - г. Иркутск. Реабилитирован 22 ноября 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО

Сентюрин Николай Степанович. Родился в 1888 г., г. Дядьково Западной обл.; русский; грамотный; б/п; слесарь Иркутской артели «Точмеханика». Проживал: г. Иркутск. Арестован 5 ноября 1938 г. Приговорен: ВТ Заб.ВО. 27 мая 1939 г., обв.: по ст. 58-1а, 7, 17, 8, 11.. Приговор: дело прекращено

Скундрик Август Семёнович. Родился в 1886 г., Вольмарско-го уезда Лифлянской губ.; латыш; образование начальное; б/п; экономист Иркутского Облпотребсоюза. Проживал: г. Иркутск. Арестован 4 декабря 1937 г. Приговорен: Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР 3 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-1а, 9, 11.. Приговор: ВМН. Расстрелян 21 февраля 1938 г. Реабилитирован 22 ноября 1957 г.

Тимофеев Иван Алексеевич. Родился в 1887 г., Пензенской губ.; русский; образование низшее; член ВКП(б); зав. отделом истории партии Иркутского обкома ВКП(б). Проживал: г. Иркутск. Арестован 8 июля 1938 г. Приговорен: Тройка УНКВД Иркутской обл. 20 октября 1938 г., обв.: по ст. 58-1а, 11, 13.. Приговор: ВМН. Расстрелян 23 октября 1938 г. Реабилитирован 15 января 1957 г.

Ткаченко Михаил Иванович. Родился в 1873 г., г. Глухово Черниговской губ.; русский; образование среднее; б/п; пенсионер. Проживал: г. Иркутск. Арестован 17 августа 1938 г. Приговорен: УНКВД Иркутской обл. 17 мая 1939 г., обв.: по ст. 58-1а, 11.. Приговор: дело прекращено.

Харин Семен Титович. Родился в 1880 г., с. Н. Гурово Курской обл.; русский; б/п; Проживал: г. Иркутск. Арестован 12 ноября 1938 г. Приговорен: УНКВД Иркутской обл. 19 июня 1939 г., обв.: по ст. 58-10, 11. Приговор: дело прекращено.

Федоров Георгий Георгиевич. Родился в 1878 г., г. Киев; русский; образование среднее; б/п; нач. инспекции госкотлонадзора по Восточной Сибири. Проживал: г. Иркутск. Арестован 21 июня 1938 г. Приговорен: Тройка УНКВД Иркутской обл. 20 октября 1938 г., обв.: по ст. 58-1а, 9, 11.. Приговор: ВМН. Расстрелян 31 октября 1938 г. Реабилитирован 15 апреля 1958 г.

* - члены ВОСБ, не входившие в состав О-ва бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев

** - лица, одновременно являвшиеся членами О-ва бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и ВОСБ

Курсивом выделены лица, входившие в состав Краевого Совета Восточно-Сибирского Отделения ВОСБ и руководители различных комиссий О-ва.

Политические репрессии Советского периода в Сибири

УДК 351.879(571.1/.5)(091)

В.С. Мильбах

Органы военной юстиции СибВО в период политических репрессий 1937–1938 гг.

В статье анализируется деятельность органов юстиции СибВО конца 1930-х гг. На основе значительного архивного материала автор пришел к выводу о том, что в результате насильственного устранения ряда руководящих работников, органы военной прокуратуры оказались неспособными осуществлять надзор за следственной деятельностью особых отделов НКВД и тем самым обеспечивать соблюдение законности.

Ключевые слова: органы военной юстиции, Сибирский военный округ, политические репрессии, военные трибуналы, обвинения в контрреволюционной деятельности.

Военная прокуратура Западно-Сибирского военного округа была образована 13 февраля 1923 г. Первым военным прокурором округа был назначен Н.М. Рычков. В последующее время военную прокуратуру СибВО возглавляли: Н.А. Малютин (1927–1929), Б.П. Антонов (1929–1931), бригадвоенюрис И.Н. Архипов (1931–1935), бригадвоенюрис П.Д. Нелидов (1936–1938), генерал-майор юстиции И.К. Лиховидов (1938–1941)¹.

Широкие масштабы деятельности, значительные полномочия за единообразным исполнением законов на всей территории СССР, а также двойственность взаимоотношений с судебными органами требовали преобразования прокуратуры в самостоятельный государственный орган. Утвержденное 17 декабря 1933 г. Положение «О Прокуратуре Союза ССР» закрепило правовой

статус Прокуратуры СССР как самостоятельного государственного органа. Во второй половине 1930-х гг. организационно сформировалась Главная военная прокуратура Красной Армии, в состав которой вошла и военная прокуратура Сибирского военного округа.

На военную прокуратуру возлагалось: осуществление общего надзора за законностью действий должностных лиц; опротестование нарушающих закон приказов, постановлений и распоряжений, изданных должностными лицами; возбуждение уголовного преследования и осуществление функций прокурорского надзора по делам, подсудным военным трибуналам; возбуждение в подлежащих случаях дисциплинарного преследования в отношении военнослужащих и военнообязанных; осуществление надзора за производством следствия военными следователями; осуществление надзора за правильным содержанием под стражей и надзора за исполнением приговоров военных трибуналов.

Военные трибуналы были созданы на фронтах Гражданской войны и руководство ими осуществлял реввоен трибунал республики. С 1923 г. руководство военными трибуналами было возложено на Военную коллегия Верховного суда РФ (с 1924 г. – ВС СССР). В Западной Сибири с 1922 г. существовал окружной революционный военный трибунал Западно-Сибирского военного округа, с 1930 г. – военный трибунал Сибирского военного округа. С 1936 по 1938 гг. председателем военного трибунала СибВО был бригадюр юрист Баумановский Федор Яковлевич, с 1938 по 1940 гг. – бригадюр юрист Ваганов Анатолий Васильевич².

В 1936 г. в статистике преступлений в войсках СибВО обозначился определенный рост политических преступлений, в основном – антисоветской агитации. Военный прокурор СибВО П.Д. Нелидов принимал деятельное участие и о некоторых случаях докладывал командующему и начальнику политотдела военного округа, например: «Возвращая донесение по делу контрреволюционной троцкистской группы Стык, докладываю, что мной при просмотре 13 сентября с. г. дела Стык установлено, что факты его антисоветской агитации действительно имели место. Мной даны указания дело закончить к 25 сентября с. г.»³. Далее отмечалось, что младший комвзвода Я.З. Стык⁴ вел агитацию среди сверхсрочников, четверых из которых он вовлек в антисоветскую группу. В качестве доказательства контрреволюционных

настроений арестованного Стыка, была приложена выписка из его записной книжки: «Народ больше сделал для Сталина, чем Сталин для народа. Сталин постепенно превращается, также как прочие вожди, из вождя в диктатора. Жалко и обидно смотреть на русский народ, который вековым рабством приучен заискивать и преклоняться перед тем, кто сидит на его спине»⁵. Это свидетельствует, что военный прокурор П.Д. Нелидов принимал деятельное участие в расследовании контрреволюционных преступлений, совершенных военнослужащими, старался вникнуть в причины происходящего, квалифицированно определить состав преступления.

В 1937 г. количество политических дел в СибВО значительно возросло; наказания, выносимые судебными и внесудебными органами по политическим статьям, становились более суровыми. Если на ранней стадии политических репрессий в войсках СибВО военный трибунал выносил приговоры по политическим статьям (в основном за контрреволюционную агитацию, ст. 59-10 УК РСФСР), назначая при этом небольшие сроки заключения, то военнослужащим, арестованным весной и летом 1937 г., приговоры военными трибуналами были вынесены уже более жесткие. Например, красноармеец А.И. Авдеев из 282-го стрелкового полка был приговорен военным трибуналом 94-й стрелковой дивизии к 10 годам ИТЛ, с последующим поражением в правах в течение 3 лет, красноармеец В.Е. Агафонов из 44-й авиабригады тем же трибуналом осужден на 10 лет с последующим поражением в правах в течение 5 лет, младший командир А.П. Бурлаков из 94-й стрелковой дивизии военным трибуналом СибВО приговорен к расстрелу.

Активно действовали в период массовых политических репрессий различные внесудебные инстанции – Особое совещание при НКВД СССР, высшая двойка (нарком внутренних дел и прокурор Союза ССР), тройки НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей (первый секретарь соответствующего комитета ВКП(б), начальник управления (отдела) НКВД и прокурор республики (края, области). Примечательно, что еще до начала массовых политических репрессий некоторые военнослужащие были осуждены особым совещанием НКВД СССР, например политрук М.Н. Бурлаков, арестованный в сентябре 1936

г., был приговорен особым совещанием к лишению свободы на 3 года.

В 1937–1938 гг. их деятельность значительно активизировалась. В эти инстанции следственные органы НКВД направляли наспех подготовленные материалы, которые представлять в военный трибунал или в Военную коллегию Верховного суда было рискованно. Заочно, без вызова подсудимых «двойки» и «тройки» оперативно выносили приговоры за политические преступления. Например, тройкой при УНКВД по ЗСК 4 сентября 1937 г. за антисоветскую агитацию были приговорены к 8 годам лишения свободы с последующим поражением в правах: командир отделения 71 ап А.И. Калиниченко, красноармеец 213 сп Т.И. Гречухин. Но уже к осени 1937 г. решения так называемых «двоек» и «троек», стали более жесткими, как правило: «к высшей мере наказания». Так, 9 сентября 1937 г. тройкой при УНКВД по Омской области был приговорен к расстрелу красноармеец И.И. Шнейдер из 219 сп, на следующий же день приговор был приведен в исполнение. Часто «тройки» выносили расстрельные приговоры сразу группе военнослужащих. Например, комиссией при УНКВД Алтайского края (тройкой) 8 декабря 1937 г. была приговорена к расстрелу группа красноармейцев из 234 сп, среди которых: В.С. Ефимов, Т.А. Заковряш, И.Т. Иконников, Н.Л. Кириллов, М.И. Попов, А.А. Черкасов.

С расширением репрессий внесудебные инстанции все чаще рассматривали дела по обвинению командно-начальствующего состава СибВО в политических преступлениях. Так, 10 ноября 1937 г. комиссией НКВД и прокуратуры (двойкой) были приговорены к расстрелу полковник А.А. Громилов и интендант 1 ранга М.А. Зубов. «Двойки», «тройки» и особое совещания при НКВД СССР функционировали весь период массовых политических репрессий и от их деятельности пострадал ряд командиров (начальников) из СибВО, например в 1938 г. ими были приговорены к расстрелу техник-интендант 2 р Ю.К. Волонтович, капитан И.С. Добржанский, старший лейтенант М.В. Новиков.

С лета 1937 г. военные трибуналы СибВО также активно включились в вынесение приговоров по политическим статьям УК РСФСР. Первоначально приговоры военных трибуналов доводились до соответствующих категорий военнослужащих СибВО секретными приказами. Например, 4 октября 1937 г. приказом

№ 0131 доведено объявление приговора военного трибунала 73 сд группе работников КЭЧ управления мобилизационного округа Омской области во главе с интендантом 2 р В.С. Ефимовым. В приговоре № 24 от 20 августа 1937 г. указывалось: «Ефимов, будучи антисоветски, контрреволюционно троцкистски настроен, в бытность его службы в Томске был исключен в 1930 года из ВКП(б)... в августе месяце 1936 года у себя в кабинете выразил контрреволюционной фразой, не одобряющей сообщение печати о расстреле врагов народа по делу троцкистско-зиновьевского блока, ...на строительство гостиницы деньги изъял из целевых средств для строительства воинской части»⁶. Приказом доводилось, что В.С. Ефимов был признан виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 58-7, 58-10, 193-17 п.а УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания.

Необходимо подчеркнуть, что с активизацией арестов в СибВО усилиями руководителей органов НКВД регионального уровня, всякое сопротивление их незаконным действиям со стороны представителей военной прокуратуры было сломлено. Давление со стороны органов НКВД было оказано на представителей военной прокуратуры СибВО, с санкции которых производились массовые аресты военнослужащих и которые были призваны осуществлять надзор за деятельностью следователей. 13 апреля 1938 г. был арестован военный прокурор П.Д. Нелидов, 25 августа 1938 г. он был осужден по ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества. Имеются сведения, что Петр Дмитриевич Нелидов «умер в местах лишения свободы 24 сентября 1940 г.»⁷. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 30 мая 1957 г. указанный приговор в отношении П.Д. Нелидова по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Подобная практика органов НКВД по устранению в прокурорском корпусе всех, кто пытался проявить заинтересованность в соблюдении «социалистической законности», неумолимо вела к опустошению военных прокуратур. Статистические данные Главной военной прокуратуры от 4 марта 1939 г. о количестве репрессированных работников военных прокуратур свидетельствуют о том, что в СибВО в 1937–1938 гг. было уволено 6 (из них арестовано 2) работников военных прокуратур округа,

кроме того, в военных прокуратурах Томской и Красноярской железных дорог было уволено 7 (из них арестовано 3) военных юристов⁸.

По некоторым данным, в СибВО после ареста военного прокурора П. Нелидова и других работников остался один помощник прокурора, которому надлежало «изучить» около 500 дел. В Красноярском гарнизоне надзор за краевым УНКВД «осуществлял» красноармеец Ериков. В Новосибирске обязанности военного прокурора исполнял только что назначенный интендант 2-го ранга, а следователя прокуратуры – красноармеец.

Деятельность военной прокуратуры, после ареста бригавоенюриста Нелидова, подвергалась критике на окружных партийных форумах. В материалах партактива СибВО, проведенного летом 1938 г., работе военной прокуратуры и самого военного прокурора была дана следующая оценка: «...во главе прокуратуры сидел враг народа Нелидов, который безусловно не мало навредил. ...в феврале месяце враг народа Нелидов послал прокурорам дивизий официальное письмо по вопросам карательной политики, в котором ориентировал военных прокуроров на то, чтобы легче судили врагов народа. Эту явно вредительскую директиву Нелидов скрыл от своих помощников, отправив в порядке личной переписки»⁹.

Заодно критике подвергся и военный трибунал СибВО во главе с бригавоенюристом Ф.Я. Баумановским: «т. Баумановский еще плохо руководит своим аппаратом, трибуналами дивизий». В качестве примеров извращения судебной практики были приведены следующие: «1) Военный трибунал 78 сд осудил к 4 годам лишения свободы курсанта ТАУ Безродина за контрреволюционную агитацию, а в действительности тот виноват только в выпивке. Приговор отменен. 2) Командир отделения зенитно-пулеметной роты 78 сд Антонов осужден на 4 года за контрреволюционную агитацию, а в действительности был хулиганский поступок – лез на вечер к студентам без приглашительного билета и попал из-за этого в милицию. Контрреволюционное преступление из приговора исключено. 3) Начальник ОВО 6-го отдельного местного стрелкового батальона Саркисов – 5 лет за антисоветскую агитацию (плохо владеет русским языком и на политзанятиях был неправильно понят). Приговор Военной коллегией Верховного суда отменен»¹⁰.

Вскоре после заседания партийного актива председатель военного трибунала СибВО бригадюр юрист Ф.Я. Баумановский был арестован 27 июля 1938 г. органами НКВД. Военный юрист прошел цепь многодневных допросов без сна и пищи, но сумел вырваться из застенков НКВД.

Перестановки руководящих должностных лиц военной прокуратуры и военного трибунала осуществлялись летом 1938 г. Это подтверждает ряд архивных документов. Например, анализ «Списка командно-начальствующего состава штаба, отделов и управления СибВО» свидетельствует о том, что вместе с председателем военного трибунала округа Ф.Я. Бумановским из списка были вычеркнуты представитель военного трибунала бригадюр юрист Я.П. Крикман и помощник военного прокурора округа бригадюр юрист Г.Г. Дубелир¹¹. Давлению подверглись не только представители окружного звена, но и военные юристы соединений. В сложный период не у каждого представителя военной юстиции выдерживала психика, например, покончил жизнь самоубийством председатель военного трибунала 78-й стрелковой дивизии военюрист 1-го ранга С.В. Власов.

В период массовых репрессий 1937–1938 гг. подавляющее большинство расстрельных приговоров командно-начальствующему составу СибВО за контрреволюционные преступления было вынесено не военными прокуратурами, а высшим судебным органом страны – Военной коллегией Верховного суда СССР. Значительное количество политических дел командно-начальствующего состава округа было рассмотрено выездными сессиями Военной коллегии Верховного суда в ходе закрытых судебных процессов. Все подсудимые этих процессов были приговорены к высшей мере наказания, с конфискацией имущества и лишением воинских званий. Обычно, заседание выездных сессий проходило в течение нескольких дней, в ходе которых представители Военной коллегии должны были рассмотреть дела и вынести приговор большому количеству обвиняемых. Поскольку времени было недостаточно (на каждого обвиняемого затрачивалось до 15 минут), работа данного судебного органа по вынесению приговоров напоминала работу конвейера.

Для большинства обвиняемых процедура суда занимала всего 10 минут. Именно столько времени понадобилось, чтобы осудить к высшей мере наказания комбрига В.М. Чистякова, бригадного

комиссара М.М. Полякова, майора А.П. Упельнек, батальонных комиссаров Г.Т. Быстрова, Ф.Е. Денисова, И.Р. Щербину, старшего политрука И.Г. Исаева. В некоторых случаях вершившие суд так спешили, что забывали или не успевали проставлять время начала и окончания судебного заседания, как, например, в протоколе судебного заседания по делу бригадного комиссара А.С. Коробченко¹². Иногда допускались ошибки в указании времени, так, в протоколе заседания по делу капитана Т.С. Танцура зафиксировано время его рассмотрения – с 18.00 до 17.10¹³.

К рассмотрению отдельных дел суд подходил более тщательно, затрачивая 20 минут (дело Н.Н. Кузьмина рассматривалось выездной сессией ВКВС 28 октября 1937 г. с 19.40 до 20.00, дело полкового комиссара И.И. Прохорова – 29 октября 1937 г. с 14.00 до 14.20), в редких случаях – полчаса (дело полкового комиссара А.Д. Турко – 31 октября 1937 г. с 15.15 до 15.45)¹⁴.

Приговоры выносились как отдельным представителям командно-начальствующего состава, так и группам военнослужащих. Так, по обвинению в подготовке террористического акта Военной коллегией Верховного суда СССР 7 июня 1938 г. был приговорен к высшей мере наказания военный комиссар Томского артиллерийского училища полковой комиссар С.И. Агейкин. Примерами групповых процессов является процесс 15 июня 1938 г., когда к расстрелу были приговорены представители военно-ветеринарной службы СибВО¹⁵.

Активная деятельность выездных сессий ВКВС по рассмотрению политических дел военнослужащих СибВО началась в конце октября 1937 г. В течение 5 дней (с 27 по 31 октября 1937 г.) без усталости трудились московские юристы, ежедневно, наряду с другими, рассматривая сразу несколько дел командиров и политработников. Например, 28 октября были приговорены к расстрелу 22 человека, среди них: Н.Н. Кузьмин, Ф.И. Кузнецов, Ф.А. Машенко, К.М. Мельниченко, В.С. Митрофанов, А.Ф. Молотов, А.И. Пожидаев, М.И. Свиридов, Т.П. Терехов, М.К. Фейгин. Всего в данный период было приговорено 52 командира (начальника).

В ходе июньских заседаний ВКВС дела командного состава рассматривались почти каждый день, причем часто приговоры выносились сразу 10–14 военнослужащим. Например, на заседании 17 июня 1938 г. были приговорены к расстрелу 13 военнослужа-

щих, среди них: И.И. Бохан, Г.Ф. Жильцов, А.Д. Зюзин, Г.Н. Иванов, П.В. Мухин, Д.П. Оленев, Л.И. Терехов, А.П. Упельнек. Нередко в один день судом приговаривались к расстрелу сразу несколько командиров из одной воинской части. Этому месяцу принадлежит печальный рекорд – 130 вынесенных ВКВС приговоров.

К последнему периоду работы выездной сессии ВКВС в СибВО может быть отнесен хронологический отрезок в июле 1938 г., когда на 3-х заседаниях (13, 14 и 21 июля) рассматривались дела военных.

Таким образом, деятельность выездных сессий ВКВС практиковалась весь период массовых политических репрессий в СибВО. Именно в ходе этих судебных заседаний была вынесена основная масса суровых приговоров командно-начальствующему составу.

Выход совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. внес изменения в деятельность органов военной юстиции. Постепенно стали меняться и отношения военной прокуратуры СибВО с органами НКВД, при этом военные юристы смогли более полно осуществлять прокурорский надзор, реагировать на жалобы осужденных по политическим статьям.

С осени 1938 г. активность выездных сессий Военной коллегии в СибВО стала снижаться, рассмотрение дел группы военнослужащих стало редкостью. Тем не менее, имели место случаи ее активизации, например, в октябре было вынесено 13 расстрельных приговоров командно-начальствующему составу. Зимой деятельность выездных сессий в СибВО носила характер единичных актов.

Несмотря на значительное сокращение количества политических дел в 1939 г., военный трибунал СибВО продолжал выносить приговоры по политическим статьям, как отдельным военнослужащим, так и целым группам. Примером группового процесса может служить процесс над представителями командно-начальствующего состава 94-й стрелковой дивизии. Командир дивизии полковник А.А. Трошин, начальник связи дивизии майор А.О. Розенберг, комиссар 280-го стрелкового полка батальонный комиссар М.М. Филатов обвинялись как участники антисоветского заговора по ст. 58-1 п. «б», 7, 8, 11 УК РСФСР.

Сведения о судебной работе военного трибунала СибВО позволяют сделать вывод, что в 1937–1938 гг. военными трибуналами округа было осуждено около 900 человек, причем военнослужащие составляли менее трети от этого числа. Больше всего военнослужащих было осуждено в 1937 г. – 215 чел., в т. ч. командно-начальствующий состав – 66 чел.

Представляет интерес статистика вынесения оправдательных приговоров: в 1937 г. они были крайне редки – 6 случаев или 1,2%, в 1938 г. также не были частым явлением – 21 случай или 3,5%, в 1939 г. – 93 случая или 28,3%, т.е. военные трибуналы практически по каждому третьему делу выносили оправдательный приговор. При этом в 1939 г. количество расстрельных приговоров уменьшилось более чем в 2 раза по сравнению с предшествующими годами.

Начиная с осени 1938 г. судебные инстанции отваживались на отмену приговора. Например, помощнику по МТО начальника ТАУ В.Ф. Звереву приговор был отменен 29 ноября 1938 г. Дела приговоренных командиров активнее отправлялись на следствие, после чего многим приговор был пересмотрен. Так, бывшему начальнику штаба дивизиона 78 ап В.Х. Шнайдеру приговор к ВМН был вынесен 14 ноября 1938 г, но уже 27 ноября дело было отправлено на следствие и 1 октября 1939 г. он был освобожден.

Ряду командиров расстрельные приговоры были заменены различными сроками заключения в ИТЛ. Например, бывший начпрод 233 сп И.В. Никулин 21 апреля 1939 г. был приговорен к расстрелу, но почти через три месяца приговор изменили, и он был осужден к 15 годам ИТЛ; бывший командир батальона К.Я. Куликов вместо высшей меры наказания 8 мая 1939 г. получил 10 лет лагерей; бывший врач 234 сп К.В. Ерков 1 год и 4 месяца добился изменения приговора, вместо расстрела он был приговорен 11 февраля 1940 г. к 20 годам ИТЛ; приговоренный к расстрелу бывший интендант 3 р И.А. Куцерыб 5 февраля 1940 г. был осужден на 4 года ИТЛ; бывший начштаба 73 сд Г.В. Кондратьев, осужденный 4 сентября 1939 г. военным трибуналом СибВО к высшей мере наказания, добился пересмотра дела и Военная коллегия Верховного суда 5 февраля 1940 г. вынесла приговор – 6 лет лагерей.

Во второй половине 1938 г. – в 1939 г. в результате пересмотра дел некоторым приговоренным к различным срокам лагерей командирам были сокращены сроки заключения, например, бывшему интенданту Я.С. Миллеру 5 февраля срок был снижен с 15 до 4-х лет ИТЛ.

Несмотря на позитивные тенденции в судебной практике и освобождение многих приговоренных по политическим статьям командиров, значительное количество безвинно осужденных командиров и начальников СибВО провели длительные сроки в местах лишения свободы. Например, капитан Цхай-Дя-Хен был оправдан 1 июля 1939 г., но до этого более года он находился в заключении; интендант 3 р С.Я. Свердлов (оправдан 1 августа 1939 г.), полковой комиссар Ф.А. Мащенко (оправдан 3 сентября 1939 г.), капитан Ше-Хан-Сун (освобожден 11 декабря 1939 г.) почти 2 года каждый провели за решеткой; П.Ф. Янковский был освобожден 3 апреля 1940 г., но до этого 2 года и 9 месяцев провел в застенках.

Необходимо подчеркнуть высокую смертность военнослужащих СибВО в ИТЛ, поскольку мало кто выживал длительный срок в тяжелых лагерных условиях. По сведениям Главной военной прокуратуры, умерли в местах лишения свободы: бригадир П.Д. Нелидов, полковники Н.С. Строчук и Ф.М. Каншин, майор Е.К. Кальсин, батальонный комиссар Д.Д. Пучков, капитан М.И. Квасенко-Нилов, старший политрук В.С. Селиванов, интендант 3 р М.Г. Алексеев, старший лейтенант В.Ф. Стрюльков, политрук С.И. Артемьев, воентехник 2 р В.М. Иовьюк, техники-интенданты 2 р Ф.В. Туманов, Н.И. Степкин и И.Г. Швердяков, М.А. Алексеев, Р.П. Лук.

Таким образом, органы военной юстиции СибВО, как составная часть репрессивного аппарата, в период политической чистки 1937–1938 гг. были вовлечены в процесс устранения политически неблагонадежных лиц из военного округа. В результате их исполнительской деятельности безвинно пострадали сотни граждан, в том числе более 300 военнослужащих СибВО. Со стороны органов НКВД были предприняты меры давления на работников военной прокуратуры и военного трибунала округа. В результате насильственного устранения ряда руководящих работников, органы военной юстиции более года (до ноября 1938 г.) оказались фактически неспособными осуществлять надзор за следственной

деятельностью особых отделов НКВД и тем самым обеспечивать соблюдение законности.

Примечания

1. Историческая справка о деятельности военной прокуратуры СибВО. Исх. 46/1/4678 от 16.02.2008.

2. Справка Западно-Сибирского окружного военного суда № 3256 от 25.11.2008 г.

3. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 1665. Л. 185.

4. Стык Ян Зофиевич, 1910 г.р., арестован 4.07.1936 г., приговорен ВТ СибВО 20.12.1936 г. (ИТЛ 8), ВКВС 14.06.1937 г. мера наказания изменена (10+4), реабилитирован 18.12. 1957 г.

5. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 1665. Л. 186.

6. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 1667. Л. 431-432.

7. ГВП. Ответ на запрос, исх. № 4ук-20092-38/529 от 13.07.2009 г.

8. РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 185-190.

9. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 39. Л. 154.

10. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 39. Л. 159.

11. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 1669. Л. 7-8.

12. Архив ФСБ СПб. и ЛО. Д. П-62066. Т. 7. Л. 32. Обзорная справка по АСД № 956443.

13. Архив ФСБ СПб. и ЛО. Д. П-62060. Т. 2. Л. 55.

14. Архив ФСБ СПб. и ЛО. Д. П-62066. Т. 7. Л. 8, 29, 37.

15. АКВС РФ. Оп. 64. Д. 9375. Л. 1-2.

УДК 9(571.53)

И.В. Наумов

Политика «Большого террора» в Иркутском регионе (1936–1938)

В статье сделан анализ основных причин «Большого террора» в СССР в 1936–1938 гг. На примере Иркутского региона показан механизм осуществления репрессий, роль в них работников органов внутренних дел, государственной безопасности, а также партийного актива.

Ключевые слова: политические репрессии, государственная безопасность, «большой террор», Иркутский регион.

Policy of «the Big terror» in Irkutsk region (1936–1938)

In article the analysis of principal causes «Big terror» in the USSR in 1936-1938 On an example of Irkutsk region is made the mechanism of realization of reprisals, a role in them workers of law-enforcement bodies is shown, to state security, and also a party active.

Keywords: political repressions, state security, «the big terror», Irkutsk region.

Участие в политике «Большого террора» 1936–1938 гг. является наиболее мрачной и трагической страницей в истории органов государственной безопасности. Именно с репрессиями, как правило, ассоциируется в общественном сознании деятельность органов государственной безопасности в 1930-е гг. И это не случайно. Таковы были масштабы и последствия этой грандиозной акции.

Как известно, политика «Большого террора» являлась закономерным итогом развития внутривластной обстановки в СССР после Гражданской войны – установления тоталитарной диктатуры коммунистической партии, ожесточенной борьбы за власть внутри ее руководства и захвата этой власти И.В. Сталиным. «Большим террором» И.В. Сталин стремился решить важнейшие задачи укрепления своей диктатуры: исключить любую возможность малейших посягательств на свою власть, создать в стране обстановку страха и подозрительности, добиться полного подчинения населения своей воле и, наконец, с помощью бесплатной рабочей силы осуществить ряд экономических мероприятий по подготовке к будущей большой войне.

Ключевую роль в их решении и должны были сыграть органы НКВД. Причем, по замыслу диктатора их сотрудникам одновременно предстояло выступать в роли и палачей, и жертв «Большого террора», поскольку в своей обычной манере И.В. Сталин первоначально провел чистку органов государственной безопасности от ненадежных по его мнению элементов, а затем возложил на органы всю ответственность за вакханалию безза-

кония, творившуюся в стране, и под этим предлогом избавился от исполнителей своих замыслов.

Подготовка органов государственной безопасности к «Большому террору» велась с начала 1930-х гг. Не являлась исключением в этом процессе и Восточная Сибирь.

К этому их сотрудников постепенно готовил целый ряд взаимосвязанных явлений. Прежде всего, это резкое расширение сферы деятельности органов государственной безопасности в связи с переходом к индустриализации и коллективизации, сопровождавшееся ужесточением классовой политики. Не случайно циркулярные документы ОГПУ начала 1930-х гг. меру наказания за т. н. политические преступления по печально знаменитой 58-й статье УК РСФСР ставили в прямую зависимость от социального происхождения обвиняемых.

Сотрудников государственной безопасности к «Большому террору» готовила и все более расширявшаяся практика применения внесудебных репрессий (противозаконных по самой своей сути), когда существовавшие при Полномочных представительствах ОГПУ «тройки» без суда приговаривали лиц, обвиняемых в политических преступлениях, к различным мерам наказания вплоть до расстрела. Причем, масштабы деятельности «Троек», и в частности, восточно-сибирской, непрерывно возрастали. В августе 1933 г. в Иркутске в Полномочном представительстве ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю циркуляром заместителя председателя ОГПУ СССР Г.Г. Ягоды в связи с большой загруженностью основной «Тройки» была образована еще одна дополнительная «тройка», на которую возложили применение внесудебных репрессий против нарушителей закона о паспортизации¹. После преобразования в 1934 г. ОГПУ в НКВД практика внесудебных репрессий сохранилась. При НКВД СССР стало действовать Особое совещание, наделенное необходимыми для этого полномочиями, а вскоре при региональных управлениях НКВД были воссозданы «тройки» с аналогичными полномочиями².

Приближали «Большой террор» и такие широкомасштабные акции как раскулачивание, борьба с вредительством и религией, сопровождавшиеся массовыми беззакониями, жертвами которых в Восточно-Сибирском крае стали десятки тысяч ни в чем не повинных людей.

Так, в частности, сотрудники государственной безопасности Восточной Сибири принимали самое активное участие в анти-религиозной политике ВКП(б). Как известно, на рубеже 1920-х – 1930-х гг. коммунистическая партия начала решительные наступления на религию. Под различными предлогами (отказ в регистрации общины, необходимость ремонта храма и т. п.) храмы закрывались и конфисковывались. Одновременно при помощи «Союза воинствующих безбожников» у населения, особенно у молодежи, формировали одиозный образ священнослужителя как тунеядца, стяжателя и контрреволюционера. Важнейшей формой борьбы с религией стали и репрессии против духовенства. В это время в Восточно-Сибирский край по обвинению в антисоветской и контрреволюционной деятельности было сослано значительное число его представителей. Но и здесь продолжалось их преследование.

Руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в начале 1933 г. категорически требовало от своих сотрудников усиления борьбы с духовенством и сектантами. Тот факт, что в течение 1932 г. в Читинском оперсекторе ОГПУ репрессировали 12 ссыльных священнослужителей, а в Красноярском оперсекторе и Бурят-Монгольском отделе ОГПУ только по 5, был расценен как «недооценка борьбы классового врага»³. Не осталось без внимания ОГПУ и местное духовенство. Руководство Полномочного представительства в своих директивных документах требовало: «Взять все духовенство на учет, повседневно выявлять их деятельность ... Выявить все имеющиеся секты, количество каждой секты и их руководителей»⁴.

Одной из акций предшествовавших «Большому террору» и готовивших его являлась внутрипартийная чистка 1933–1934 гг., ставшая логическим продолжением борьбы И.В. Сталина и его сторонников в 1920-е гг. против оппозиционных течений и групп в ВКП(б).

В Восточной Сибири эта чистка проходила особенно жестко. Ей предшествовало специальное постановление ЦК ВКП(б), в котором работа Восточно-Сибирского краевого комитета партии была признана неудовлетворительной. ЦК сместил все руководство крайкома ВКП(б) и направил в регион для укрепления партийной организации более 200 партийных и советских работников во главе с новым первым секретарем крайкома партии

М.О. Разумовым⁵. Новое руководство крайкома ВКП(б) взяло решительный курс на проведение чистки. В результате в Восточно-Сибирском крае из ВКП(б) исключили более 25% коммунистов, что значительно превышало как средние общесоюзные показатели (17%), так и показатели других сибирских регионов⁶.

Не миновала чистка и сотрудников ОГПУ. Во всех структурных подразделениях Полномочного представительства в конце 1933–начале 1934 гг. прошли партийные собрания, на которых проходила чистка. Следует отметить, что в целом в ОГПУ чистка дала меньшие показатели по сравнению с другими партийными организациями Восточно-Сибирского края. Так, например, в ноябре 1933 г. в Бурят-Монгольском отделе ОГПУ персональную чистку прошли 75 коммунистов. Из них исключили из партии лишь 6, еще 2 перевели в кандидаты, а 2 сотрудников перевели в сочувствующие как не проявивших «авангардной роли коммунистов» и как политически неграмотных⁷. Партийная чистка и последовавший вскоре – в 1935–1936 гг. – обмен партийных документов (бывший по сути той же чисткой) создавали среди коммунистов, в т.ч. и сотрудников ОГПУ, атмосферу неуверенности и подозрительности.

Наконец, еще до начала «Большого террора» на территории Восточной Сибири началось создание его важнейшей составляющей – системы ГУЛАГа. В частности, в мае 1936 г. руководство Управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю в соответствии с директивой Главного управления лагерей НКВД приняло решение сформировать «колонии массовых работ» для строительства дорог на территории региона. Согласно этому решению создавалось 5 новых групп лагерей с центрами: в с. Акша (Забайкалье), с. Лежниково (Красноярье), с. Шимки (Тунка), с. Нижне-Илимск, с. Усть-Орда⁸.

Как известно, отправной точкой политики «Большого террора» считается убийство одного из партийных лидеров – С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. в Ленинграде. В тот же день ЦИК СССР принял специальный закон о борьбе с террором и вредительством. Этот закон разрешал по данным делам проводить ускоренное следствие (до 10 дней), рассматривать дела в отсутствие обвиняемых и выносить смертный приговор, не подлежащий обжалованию и пересмотру. Закон 1 декабря открывал органам

государственной безопасности широкие возможности для осуществления репрессивной политики.

Одновременно партийная пропаганда стала искусно нагнетать атмосферу всеобщей подозрительности, объясняя любую аварию, любой дефицит, плохое качество продукции, невыполнение производственных планов и т.п. целенаправленной подрывной деятельностью вредителей, диверсантов и шпионов. Тем самым, искусственно нагнеталась атмосфера шпиономании и «врагомании», атмосфера чрезвычайной обстановки, в которой вполне естественно звучали требования чрезвычайных мер против «врагов народа» и беспощадной расправы с ними. Об этом ярко свидетельствуют уже одни заголовки центральных и местных газет того времени: «Злейшим врагам рабочих и крестьян не может быть пощады!», «Истребим врагов всех до одного», «Выкурим бандитов из всех нор», «Собакам – собачья смерть!» и т.д. и т.п. Особенно большой вклад в создание атмосферы «Большого террора» внесли известные Московские открытые судебные процессы 1936–1938 гг. над видными в прошлом деятелями коммунистической партии: Н.И. Бухариным, Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым, А.И. Рыковым, Г.Я. Сокольниковым и другими, которые широко освещались в печати, по радио и в устной пропаганде. На этих процессах обвиняемые на всю страну и на весь мир публично признавали любые самые абсурдные и нелепые обвинения, поражавшие сознание населения своей чудовищностью и масштабностью. Именно они озвучили нужный И.В. Сталину миф о существовании грандиозного и всеобъемлющего заговора во всесоюзном масштабе, позволивший ему «благословить» и узаконить «Большой террор».

Непосредственный переход к массовым репрессиям произошел на рубеже 1936–1937 гг., когда политика «Большого террора» стала стремительно набирать обороты. Это привело к резкому изменению форм и методов работы органов государственной безопасности. Главным основанием для ареста и обвинения того или иного лица становятся доносы, которые, как правило, не проверялись. Донositельство осуществлялось в двух основных формах: добровольное (из-за господствовавшей атмосферы взаимной подозрительности, из-за личных или корыстных интересов и т.п.) и принудительное – от секретных осведомителей НКВД (сексотов). При этом особая ставка делалась на молодежь.

В частности, в одном из документов той эпохи отмечалось, что «первейшей задачей всей воспитательной работы комсомола является высматривание и распознавание врага»⁹.

Одновременно меняются и цели, и методы допросов. Поскольку, настоящее расследование фактически не проводилось главной целью допроса становится получение признания подследственных в тех преступлениях, которые им приписывались доносчиками. Соответственно основным методом работы с арестованными становится т. н. «конвейер» (непрерывный допрос) с применением средств физического (пытки) и психического (угрозы в адрес ближайших родственников, обещания смягчить наказание в случае признания вины и т. п.) воздействия. Что касается пыток, то Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин в начале 1939 г. подчеркивал, что «применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП. ...Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа»¹⁰. О роли пыток в политике «Большого террора» говорил на XX съезде КПСС в 1956 г. и другой лидер коммунистической партии Н.С. Хрущев: «Как могло получиться, что люди признавались в преступлениях, которых они вовсе не совершали? Только одним путем – применением физических методов воздействия, пыток, которые заставляли арестованного...забывать свое человеческое достоинство»¹¹.

Новые методы допросов до предела упростили ход следствия. Основным показателем деятельности того или иного сотрудника НКВД становится количество разоблаченных «врагов народа», что в свою очередь способствовало раскручиванию маховика репрессий. В частности, если в первой половине 1930-х гг. руководители органов государственной безопасности Восточной Сибири наказывая подчиненных за допущенные в ходе следствия нарушения, имели в виду прежде всего нарушения законности, то в годы «Большого террора» зазвучали совсем другие мотивы наказания. Так, например, уже в конце 1936 г. руководством Управления НКВД Восточно-Сибирской области было наложено взыскание на лейтенанта госбезопасности Кусмарцева за то, что он не сумел обеспечить основания для осуждения обвиняемых. Как отмечалось в приказе, подписанном заместителем начальника Управления НКВД Н.Ф. Руничем: «Отсутствие у лейтенанта

Кусмарцева чувства ответственности за порученное дело, безобразно легкомысленная и халатная работа над арестованными ... дали возможность явному врагу уйти из наших рук»¹².

Упрощенное следствие закономерно вело и к упрощенному судопроизводству. В условиях массовых репрессий, когда суды не справлялись с делами, вновь расцвела практика внесудебных репрессий. Уже в августе 1937 г. действовавшие в регионах «тройки» получили право выносить обвиняемым смертные приговоры.

Что касается непосредственно Иркутского региона, то начало массовых репрессий здесь (как и на большей части территории СССР) связано с решениями печально знаменитого февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б). На этом пленуме И.В. Сталин, как известно, объявил о том, что все бывшие оппозиционеры «превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов и убийц», что в стране существует разветвленная сеть шпионско-террористическо-фашистско-троцкистских организаций и призвал к беспощадной борьбе с ними¹³. На этом же пленуме Сталину удалось сломить последние робкие попытки ряда членов ЦК не допустить массовых репрессий, в результате чего его личная власть в стране стала по существу абсолютной и бесконтрольной.

Именно под контролем и руководством И.В. Сталина и его ближайшего окружения органы государственной безопасности осуществляли политику репрессий. С этой целью специальные доверенные лица диктатора разъезжали по стране. Их направляли в те регионы, где, по мнению Сталина, репрессии проводились недостаточно активно. Одним из таких регионов являлась образованная в 1937 г. Иркутская область. В начале 1938 г. сюда на пост 1-го секретаря обкома ВКП(б) прибыл А.С. Щербаков, бывший одним из разъездных надсмотрщиков Сталина по «Большому террору»¹⁴. В Иркутске он устроил настоящий разгром местного партийно-государственного аппарата. Были репрессированы сотни партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских руководителей различных уровней. Только на уровне секретарей райкомов ВКП(б) репрессиям подверглось 80 человек¹⁵. В некоторых районах, как, например,

в Ольхонском¹⁶, было репрессировано и не по одному разу все районное руководство.

Очень сильно пострадали от «Большого террора» военнослужащие Забайкальского военного округа (ЗабВО). Только в мае-сентябре 1937 г. (до разделения Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую) областное Управление НКВД арестовало 189 военнослужащих ЗабВО, в т. ч. начальника штаба округа Я.Г. Рубинова, командиров корпусов В.С. Коханского, Л.Я. Давидовского и многих других офицеров¹⁷. Был репрессирован и бывший командующий ЗабВО, герой Гражданской войны А.К. Грязнов. Впоследствии эта же участь постигла и его преемника на этом посту М.Д. Великанова¹⁸.

Массовые репрессии охватили практически все слои населения Иркутского региона. В июле 1937 г. началось репрессирование семей т. н. «изменников Родины», членов правотроцкистских, шпионско-диверсионных организаций», осужденных после 1 августа 1936 г. В том же июле 1937 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное решение «Об антисоветских элементах», которым предписало местным органам НКВД немедленно взять их на учет с целью последующего репрессирования¹⁹. Во исполнения этого решения 30 июля 1937 г. глава НКВД Н.И. Ежов подписал оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В нем подчеркивалось, что перед «органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов ... раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»²⁰. В соответствии с рекомендациями политбюро ЦК ВКП(б) всех репресслируемых разделили на 2 категории. Тех, кому суждено было попасть в первую ждал немедленный арест и скорый приговор областной «тройки» к расстрелу, а отнесенных ко второй категории «тройки» должны были приговорить к заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет²¹. Всего планировалось репрессировать 258 тысяч 950 человек²², распределенных по всем регионам страны, включая Восточно-Сибирскую область.

На следующий день политбюро ЦК ВКП(б) своим решением утвердило этот приказ. Осужденных по 2-й категории было предписано использовать на строительствах ГУЛАГа и на строи-

тельстве новых лагерей в Казахстане и в районах лесозаготовительных работ. На организацию и проведение операции политбюро ЦК ВКП(б) выделило 75 миллионов рублей из резервного фонда СНК СССР. Кроме того, оттуда же выделили 10 миллионов рублей ГУЛАГу на организацию новых лагерей. В Восточно-Сибирской области операции планировалось начать 15 августа и закончить в 4-месячный срок²³.

Массовые аресты в Иркутске и других населенных пунктах области начались в соответствии с планом в ночь на 15 августа 1937 г. Первоначально всех арестованных, обреченных на скорый неправый суд и расправу, свозили во внутреннюю тюрьму УНКВД, находившуюся в подвалах здания управления на ул. Литвинова. Днем и ночью поблизости от нее, в Пионерском переулке толпилась очередь из родственников, пытавшихся хоть что-нибудь узнать о своих близких²⁴. В конце 1937 г. всех арестантов перевели в общую тюрьму, которую к этому времени удалось разгрузить от уголовников. Туда же переместилась и скорбная очередь.

Но на этом трагедия восточно-сибирского крестьянства не закончилась. 31 января 1938 г. ЦК ВКП(б) одобрил предложение Н.И. Ежова о дополнительном репрессировании кулаков и других антисоветских элементов по ряду регионов СССР. В Иркутской области планировалось 3000 человек осудить по первой категории и 500 человек по второй²⁵. На проведение этой операции ЦК отпустил НКВД 3 месяца, однако фактически она затянулась, поскольку НКВД не справлялся с объемами своей «работы».

В Иркутской области репрессиями руководили начальник областного Управления НКВД Г.А. Лупекин, награжденный в конце 1937 г. за свою «деятельность» орденом Ленина, и сменивший его в начале 1938 г. Б.А. Малышев²⁶, а также их ближайшие помощники – М.П. Бучинский, Н.А. Василькиотти, И.Д. Верещагин, А.Е. Дьячков, Е.М. Копов, Ю.И. Попов, К.Р. Руденко, П.В. Сарычев, Ю.С. Степин, А.Н. Троицкий и другие, принимавшие в них самое активное и непосредственное участие. В частности, секретарь партийной организации Управления НКВД Ю.С. Степин в июне 1938 г. прямо с трибуны областной партийной конференции ВКП(б) обвинил секретаря обкома партии Попок в пособничестве врагам народа и предложил освобо-

дить его от занимаемой должности²⁷ (что и было немедленно осуществлено).

Политика «Большого террора» крайне негативно сказалась на деятельности органов государственной безопасности и личной судьбе многих сотрудников. Как уже приходилось отмечать ранее, накануне «Большого террора» И.В. Сталин решил осуществить чистку органов государственной безопасности от тех в ком не было уверенности, что они готовы выполнить любой приказ, обвинить любое лицо в любых преступлениях. Кроме того, как неоднократно писали авторы работ на эту тему, Сталин был недоволен и тем, как руководство НКВД во главе с Г.Г. Ягодой подготовило и провело первый Московский процесс летом 1936 г., когда один из обвиняемых И.Н. Смирнов публично отказался от своих предварительных показаний, а главное, на процессе не прозвучала так нужная диктатору мысль о существовании всеобъемлющего заговора во всесоюзном масштабе.

Чистка началась с известной сочинской телеграммы И.В. Сталина в конце сентября 1936 г. о необходимости срочного назначения Н.И. Ежова на пост Народного Комиссара внутренних дел, поскольку «Ягода оказался явным образом не на высоте задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года»²⁸. Вслед за Ягодой было сменено все руководство НКВД (одним из заместителей нового наркома стал бывший начальник Иркутского губернского отдела ГПУ М.Д. Берман). Затем началась замена руководства на региональном уровне. Опытных работников безжалостно изгоняли из органов государственной безопасности. Были смещены со своих постов и начальник Управления НКВД по Восточно-Сибирской области, комиссар госбезопасности 3-го ранга И.П. Зирнис, его заместители, а также многие сотрудники НКВД.

Судьба уволенных в большинстве случаев была трагичной. Многих из них в 1937–1938 гг. арестовали вслед за Г.Г. Ягодой и обвинили в «шпионско-террористической деятельности», в организации «заговора в органах НКВД» и участия в нем. В 1939 г. по этому обвинению был расстрелян И.П. Зирнис. Жертвами произвола и беззаконий стал и ряд других сотрудников органов государственной безопасности Восточной Сибири – Д.Д. Никифоров, К.К. Спелит и другие. Немало сотрудников попало и в созданные ими же лагеря ГУЛАГа.

«Чистка» органов государственной безопасности, предпринятая Н.И. Ежовым по приказу Сталина, крайне отрицательно сказалась на их деятельности и качественном составе. В органах НКВД сложилась атмосфера подозрительности и взаимного недоверия. В них процветали различные злоупотребления властью. В основной своей массе сотрудники НКВД вели себя как самодовольные, безжалостные бюрократы, абсолютно равнодушные к судьбам людей. Робкие попытки отдельных работников более объективно вести следствие решительно пресекались²⁹.

На место уволенных пришли более молодые, часто призванные по партийному набору и не имевшие необходимого образования, опыта и навыков работы, но зато твердо убежденные в необходимости самой беспощадной борьбы с «врагами народа». Причем, на ответственные посты люди назначались, прежде всего, по принципу личной преданности. Такие лица становились надежными и бездумными исполнителями любых, самых преступных указаний. Нередкими были случаи, когда исполнители в расширении политики репрессий стремились пойти еще дальше ее организаторов. Не являлась исключением и Иркутская область. Так, например, в августе 1938 г. начальник Управления НКВД по Иркутской области Б.А. Малышев совместно с 1-м секретарем обкома ВКП(б) А.А. Филипповым отправили на имя И.В. Сталина и Н.И. Ежова шифрованную телеграмму следующего содержания: «Ввиду незаконченной очистки области от право-троцкистских, белогвардейских, панмонгольских контрреволюционно-враждебных элементов, колчаковцев, харбинцев³⁰, эсеров, кулаков, подпадающих под первую категорию, просим ЦК ВКП(б) разрешить дополнительный лимит по первой категории для Иркутской области на 5 тысяч человек»³¹. Иначе говоря, местное руководство НКВД просило разрешения на расстрел еще 5 тысяч человек в дополнение к тысячам и тысячам иркутян, ставших жертвами «Большого террора».

После того, как политика «Большого террора» позволила И.В. Сталину реализовать свои цели, он решил свернуть репрессии. Кроме того, к этому его побуждало и то обстоятельство, что во второй половине 1938 г. репрессии стали негативно сказываться на всех сторонах жизни государства, как на центральном, так и на местном уровнях. В стране остро ощущались нехватка и квалифицированных управленцев, и инженерно-технических работ-

ников во всех звеньях государственного аппарата. Нередкими были случаи, когда люди категорически отказывались от выдвижения на руководящую работу из-за страха быть обвиненным во враждебной деятельности и репрессированным³².

В конце 1938 г. диктатор взял курс на постепенное свертывание политики «Большого террора». Причем, как обычно в своей излюбленной манере, всю ответственность за творившуюся в стране вакханалию беззакония он возложил именно на органы государственной безопасности.

В декабре 1938 г. со своего поста был смещен Н.И. Ежов, получивший прозвище «кровавый карлик». Новым наркомом НКВД стал сталинский выдвиженец Л.П. Берия, фигура, как известно, не менее мрачная и злоеца. Еще раньше, в ноябре 1938 г., по инициативе И.В. Сталина ЦК ВКП(б) и СНК СССР совместно приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», фактически осуждавшего всю практику «Большого террора». Это постановление запрещало массовые аресты и выселения, упраздняло внесудебные «тройки» в регионах, отменяло упрощенное производство следствия. В то же время, постановление оставило в силе действие многих чрезвычайных законов, исключительный порядок расследования и судебного рассмотрения дел о вредительстве и терроризме, применение методов физического воздействия при допросах. Поэтому репрессии, хотя и в ограниченных масштабах продолжались и в последующие годы.

И, пожалуй, первой их жертвой стали сотрудники НКВД. 14 ноября 1938 г. ЦК ВКП(б) принял другое постановление, предписавшее территориальным партийным органам (от горкома) взять на учет всех сотрудников местных органов НКВД и провести их проверку. На эту акцию отводилось 3 месяца, причем, на проверку руководящего состава от начальников районных отделений НКВД и выше всего 1,5 месяца³³. «В результате этой проверки, – подчеркивал И.В. Сталин, – органы НКВД должны быть очищены от всех враждебных людей, обманном путем проникших в органы НКВД, от лиц, не заслуживающих политического доверия»³⁴. По существу, это было указание о проведении новой чистки органов государственной безопасности, теперь уже от организаторов и исполнителей сталинской политики «Большого террора». Причем, сталинское указание содержало прямой

намек на то, что репрессии – это результат преднамеренной деятельности «врагов народа», пробравшихся в органы НКВД.

Новый нарком НКВД Л.П. Берия в конце 1938 – начале 1939 гг. предпринял тотальную чистку кадров, в результате которой бесследно исчезли почти все руководящие работники НКВД и его местных органов периода «Большого террора». Эта участь постигла и начальника Управления НКВД по Иркутской области Б.Е. Малышева, смещенного с должности в январе 1939 г. и расстрелянного в 1941 г., а также ряд его подчиненных. Был расстрелян и предшественник Б.А. Малышева на этом посту Г.А. Лупекин (1940 г.), а также прешественник Лупекина М.И. Гай (Штоклянд), который сменил И.П. Зирниса. В январе же 1939 г. по указанию Л.П. Берии в ряде городов страны состоялись показательные процессы над сотрудниками НКВД, отличавшимися особой жестокостью. Состоялся такой процесс и в Иркутске. Он проходил в клубе им. Ф.Э. Дзержинского. На скамье подсудимых сидели вчерашние всеильные палачи-орденоносцы: М.П. Бучинский, Е.М. Копов, Ю.И. Попов, П.В. Сарычев, П.А. Шевелев³⁵ и другие.³⁶

В целом «Большой террор», безусловно, отрицательно сказался и на развитии страны и на состоянии органов государственной безопасности. В результате его в них нарушилась преемственность поколений, упала профессиональная квалификация сотрудников, а сами органы государственной безопасности получили столь мрачную репутацию, последствия которой ощущаются до сих пор. Не решил и не мог решить «Большой террор» и официально декларировавшейся во время его проведения задачи – «борьба с 5-й колонной врага» внутри страны. Как показало начало Великой Отечественной войны, реально существовавшая в СССР разведывательная сеть Германии и Японии в основном уцелела в годы «Большого террора». Скорее наоборот, политика раскулачивания, борьба с «вредителями» и, наконец, «Большой террор», в осуществлении которых самое непосредственное участие пришлось принимать органам государственной безопасности, создали базу для появления в стране пресловутой «5-й колонны» и значительно расширили ее ряды. Совсем не случайно, среди сотен тысяч граждан СССР, с оружием в руках пошедших в годы войны на службу к врагу, большой процент составляли

люди, пострадавшие от действий органов государственной власти в 1930-е годы.

Примечания

1. Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 99, 100.
2. См.: Курас Л.В. Очерки истории органов государственной безопасности Республики Бурятия. Улан-Удэ-Иркутск, 1998. С. 91.
3. Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 26.
4. Там же. Д. 22.
5. См.: История Сибири. Т. 4. С. 394.
6. См.: Там же.
7. См.: Курас Л.В. Указ. соч. С. 74.
8. Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 24.
9. Цит. по: Пленум ЦК КПСС 19–23 ноября 1962 г.: Стенографический отчет. М., 1963. С. 369.
10. Цит. по: Кубанская ЧК. Краснодар, 1997. С. 147.
11. Цит. по: Нева: Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Л., 1989. № 11. С. 138.
12. Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 23.
13. См.: Кубанская ЧК. С. 119.
14. После непродолжительного пребывания во главе Иркутской области А.С. Щербаков в течение 1938 г. последовательно возглавлял еще 3 области, где также активно участвовал в проведении «Большого террора». См.: Нева. 1990. № 3. С. 138.
15. См.: Вост.-Сиб. правда. 1938. 6 февр.
16. См.: Там же. 1938. 5 янв.
17. См.: Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 387, 388, 390 и др.
18. См.: Там же. С. 374, 378.
19. См.: Кубанская ЧК. С. 128-129.
20. Цит. по: Там же. С. 130.
21. См.: Там же.
22. См.: Курас Л.В. Указ. соч. С. 91.
23. См.: Кубанская ЧК. С. 134.
24. Воспоминания ветерана госбезопасности Г.М. Белоусова о беседах с бывшими сотрудниками НКВД.
25. См.: Курас Л.В. Указ. соч. С. 91.
26. Г.А. Лупекина перевели на должность начальника Управления НКВД по Ростовской области. – См.: Вост.-Сиб. правда. 1938. 4 марта.
27. Вост.-Сиб. правда. 1938. 15 июня.
28. Цит. по: Кубанская ЧК. С. 113.
29. Известный исследователь политики «Большого террора» английский историк Р. Конквест вообще считает, что «офицерам НКВД, у

которых сохранились остатки совести, не удалось пережить чистку наркомата, предпринятую Ежовым». Нева. 1990. № 6. С. 146.

30. Под термином «харбинцы» подразумевались все советские граждане, выехавшие из Маньчжурии после продажи КВЖД Японии в 1935 г. (в основном, железнодорожники и члены их семей), которых поголовно подозревали в шпионаже в пользу Японии.

31. Цит. по: Курас Л.В. Указ. соч. С. 91-92.

32. См., например,: Вост.-Сиб. правда. 1938. 15 июня.

33. См.: Кубанская ЧК. С. 144-146.

34. Цит. по: Там же. С. 144.

35. Все вышеперечисленные подсудимые в 1937–1938 гг. за свою «деятельность» были награждены различными орденами СССР. – См., например,: Вост.-Сиб. правда. 1937. 28 дек.

36. Воспоминания ветерана госбезопасности Г.М. Белоусова о беседах с бывшими сотрудниками НКВД.

Пенитенциарная и карательная система Советской Сибири

УДК 31:343.814(47)–058.56

О.В. Афанасов

О составе и численности заключенных особого лагеря № 7 МВД СССР (конец 1940–начало 1950-х гг.)

Статья посвящена истории особого лагеря № 7 МВД СССР «Озерный», располагавшегося на территории Иркутской области в 1948–1954 гг. Автор на основании архивных источников исследует численность и состав контингента данного лагеря.

Ключевые слова: исправительно-трудовые лагеря, политические заключенные, лагерные пункты, режим содержания, Иркутская область.

O.V. Afanasov

About structure and number of prisoners of special camp № 7 Ministries of Internal Affairs of the USSR (The end 1940-has begun 1950th)

Article is devoted history of special camp № 7 Ministries of Internal Affairs of the USSR «Lake», raspo-lagavshegosja in territory of the Irkutsk region in 1948-1954 the Author on osnovanii archival sources investigates number and structure of a contingent of is given th camp.

Keywords: corrective-labor camp, political prisoners, camp points, a maintenance mode, the Irkutsk region

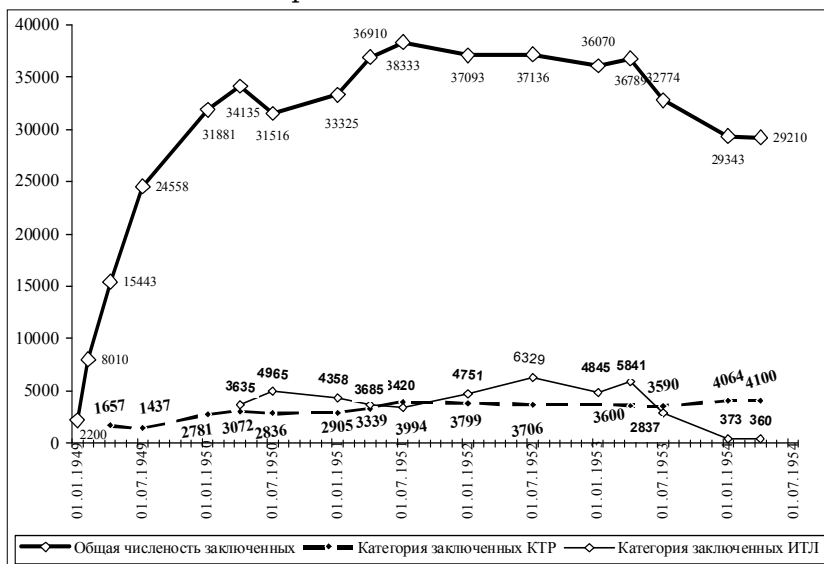
С выходом в свет Постановления Совета Министров СССР № 416-159сс от 21 февраля 1948 г. «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытию наказания на поселение в отдаленные местности СССР» на территории Советского Союза началось развертывание сети особых лагерей, отличавшихся более жесткими режимными условиями от обычных исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Особлаг №7 МВД СССР «Озерный» (1948 –1954), располагавшийся на территории Иркутской области в районе железной дороги Тайшет – Лена, слыл не только своей суровостью, но и входил в число крупнейших лагерных учреждений региона.

Важные сведения, характеризующие численность заключенных Озерлага, содержатся в материалах лагерного делопроизводства, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО) и архива Главного управления внутренних дел по Иркутской области (архив ГУВДИО). Данные лагерной статистики позволяют проследить динамику численности узников особлага №7 МВД СССР «Озерный» на протяжении всего периода его существования, начиная с организации лагеря (конец 1948 –1949 гг.) до его преобразования в Озерный ИТЛ в апреле 1954 года.

Согласно графику, представленному на рисунке 1, возрастающая тенденция в динамике численности заключенных особого лагеря №7 сохранялась до начала 1950-х гг. Наименьшее число узников Озерлага приходится на период его формирования (2200 человек на 1.01.1949 г.), а наибольшее количество осужденных падает на середину 1951 г., на 1 июля этого года в подразделениях лагеря числилось 38 333 человека. При этом, увеличение численности озерлаговского «контингента» происходило не за счет общего роста узников лагерных учреждений в системе МВД СССР, который к началу 1950-х годов стал замедляться, а в результате перераспределения заключенных в пользу лагерей центрального подчинения, т.е. концентрация рабочей силы на крупных стройках и предприятиях осуществлялась путем снижения численности в местах заключения территориальных органов МВД.¹ Сооружение Западного участка БАМа (Тайшет – Братск – Лена) и разработка прилегающих к трассе лесных

массивов входили в число приоритетных объектов того времени. Таким образом, направляя в Озерлаг новые этапы заключенных, МВД удовлетворяла возрастающую потребность строительства в рабочей силе.

Рис. 1.
Численность заключенных особого лагеря № 7 МВД СССР
«Озерный» в 1949–1954 гг.²

Изменения, происходившие в стране после смерти И.В. Сталина, сказались и на численности узников особлага №7. Так, в течение года после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии произошло резкое сокращение (см. рис.1) количества общережимных (ИТЛ) заключенных в Озерном лагере с 5841 чел. на 1.04.1953 г. до 360 чел. на 1.04.1954 г. Кроме того, снижение числа невольников Озерлага диктовалось и экономическими условиями развития региона. В связи с укладкой основного пути до Усть-Кута (ст. Лена) в конце 1950 г. постепенно снижается объем работ на железнодорожном строительстве, где прежде широко использовался труд озерлаговцев, а весной 1953 г. магистраль Тайшет – Лена передается из системы МВД в ведение МПС, что приводит к увеличению доли вольнонаемных рабочих на строительстве и

обслуживании железной дороги, а также других строительных и хозяйственных объектах «гражданских» организаций.

В официальных документах, наряду с количественной, иногда представлена и качественная характеристика основных категорий заключенных Озерного лагеря. Так, в протоколе закрытого партийного собрания первичной партийной организации Первого отдела лагеря от 18.04.1951 г. сообщается, что «особый лагерь №7 МВД в своем составе имеет 55 лагерных пунктов, из них 47 лагерных пунктов с особым контингентом, в которых содержится 33225 человек, в том числе 3339 человек с каторжным сроком наказания и 8 лагерных пунктов с общелагерным (ИТЛ. – О.А.) контингентом заключенных, где содержится 3685 человек, в том числе 1689 человек расконвоированных. Часть расконвоированных заключенных обслуживает лагерные пункты особого контингента»³. Эти данные говорят о том, что не все невольники Озерлага отбывали срок за «контрреволюционные» преступления по 58-ой статье Уголовного кодекса РСФСР и подобным статьям уголовных кодексов союзных республик. В особом лагере № 7 МВД СССР «Озерный» помимо политических узников находились и заключенные, осужденные по обычным статьям УК, так называемые «бытовики», из которых почти половина состояла из расконвоированных, осуществлявших «обслуживание» политзаключенных, занимая различные хозяйственные и другие должности на лагерных пунктах (заведующие столовых, кладовщики, каптёрщики, электрики, шафёры и др.). Кроме того, общережимные заключенные осуществляли в Озерном лагере и основные сельскохозяйственные работы (сельхозы №11, 12, 13, 14).

Согласно выявленным в ходе исследования данным (см. рис.1), количество общережимных заключенных в Озерлагере находилось в пределах 10–15% от общего числа лагерного контингента и доходило максимально до 6329 человек (17% от общей численности заключенных) на 1 июля 1952 г. В подобном процентном соотношении (около 10 %) к общей численности озерлаговцев находилась и еще одна категория узников особлага №7 – заключенные, приговоренные к каторжному труду (ктр).

Каторжане содержались в специально оборудованных лагерных пунктах отдельно от остальной массы «особого контингента», использовались исключительно на тяжелых физических ра-

ботах и трудились, бывало, в ручных и ножных кандалах⁴. Рост численности данной категории узников, как следует из представленного выше графика (рис.1), происходил, как правило, на фоне увеличения общего числа заключенных Озерлага. При этом, минимальное число каторжан падает на организационный период (1.07.1949 г. – 1437 человек), а максимальное – 4100 человек (14% от общей численности заключенных) относиться ко времени реорганизации особлага №7 в Озерный ИТЛ. Увеличение узников данной категории в 1954 г. можно связать с «издержками» амнистии от 27 марта 1953 г. и её некоторыми последствиями – резким снижением численности категории «бытовиков» и направлением в Озерлаг части участников лагерных восстаний того времени⁵.

Специальное внимание в делопроизводственных материалах уделяется количественно-качественной характеристике категории «особого контингента» Озерлага, что вполне естественно, если учитывать профиль лагеря. Данный аспект заслуживает отдельного внимания и более объемного исследования, так как помимо официальных документов мест заключения предполагает привлечение широкого круга мемуаров бывших узников Озерлага, которые, описывая лагерное лихолетье, вспоминали о многочисленных встречах на озерлаговских лагпунктах с людьми различных национальностей, возраста, социального происхождения и профессиональной принадлежности.

Итак, созданный в конце 1940-х гг. особый лагерь № 7 МВД СССР «Озерный» стал впоследствии одним из крупнейших лагерных учреждений региона, в подразделениях которого к началу 1950-х гг. насчитывалось более тридцати тысяч заключенных. Сокращение численности узников Озерлага в послесталинский период связывалось с объективными причинами политического и экономического характера, которые во многом определили и последующую реорганизацию Озерного особлага в обычный исправительно-трудовой лагерь.

Примечания

1. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник /сост. М.Б.. Смирнов. М.: Звенья, 1998. С. 57.

2. Источники: ГАРФ, Ф.9414, оп.1, д.1846, л.33; д.1401, л.38; оп.1а, д.472, л.4, 21, 46; д.479, л.6, 46, 94; д.485, л. 34, 40; д.495, л.2, 7, 39;

д.500, л.2, 14, 18; д.508, л.2; ГАНИИО, ф.5342, оп.1, д.79, л.38; архив ГУВДИО, ф.5, оп.2, д.179, л.117-118.

3. ГАНИИО, ф.5342, оп.1, д.79, л.38.

4. ГАРФ, Ф.9414, оп.1, д.463, л.34; Озерлаг как это было /сост. Л.С. Мухин. – Иркутск: Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1992. С.69.

5. О пребывании в Озерлаге «активных участников массовых неповиновений администрации», направленных из других особлагов см.: Афанасов О.В. Проявления социального протеста заключенных в Озерном лагере // Силовые структуры как социокультурное явление: история и современность. Мат. междунар. научно-практич. конфер. – Иркутск: Изд-во ВСИ МВД РФ, 2001. С.183-186; Афанасов О.В. Участники лагерных восстаний 1953 –1954 гг. в Озерлаге // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 50-53.

УДК 343815(571.53)(091)

Е.Н. Афанасова

Деятельность детских учреждений закрытого типа системы НКВД СССР на территории Иркутской области во второй половине 1930-х гг.

Автор рассматривает деятельность детских лагерей системы НКВД на территории Иркутской области во второй половине 1930-х гг. На основе анализа разнопланового материала сделан вывод о их невысокой эффективности в решении проблемы беспризорности и преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: беспризорность, преступность несовершеннолетних, детские учреждения системы НКВД, территория Иркутской области, детские приемники.

E.N. Afanasova

Activity of child care centers of the closed type of system of People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR in territory of the Irkutsk region in second half 1930th

The author considers activity of children's camps of system of People's Commissariat of Internal Affairs in territory of the Irkutsk region in second half 1930th On the basis of the analysis of a

versatile material the conclusion is drawn on their low efficiency in a solution of a problem of homelessness and criminality of minors.

Keywords: homelessness, criminality of minors, child care centers of system of People's Commissariat of Internal Affairs, territory of the Irkutsk region, children's receivers.

Во второй половине 1930-х гг. существенным образом изменяется политика советского государства по отношению к беспризорным детям и несовершеннолетним преступникам. Деятельность системы детских учреждений для беспризорных детей и несовершеннолетних преступников, находящаяся под контролем органов народного образования, оставалась недостаточно эффективной к середине 1930-х гг. В виду того, что детская беспризорность и преступность несовершеннолетних представляла серьезную угрозу для социальной стабильности советского государства, а прежние попытки перевоспитания подобного контингента не принесли результата, во второй половине 1930-х гг. начинается процесс перехода к репрессивной политике в отношении беспризорных детей. Ужесточение государственной политики по отношению к беспризорным детям и несовершеннолетним преступникам во второй половине 1930-х гг. нашло отражение в создании сети детских закрытых учреждений.

Основными элементами организационной структуры детских закрытых учреждений стали приемники-распределители и трудовые колонии для несовершеннолетних.

Согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» приемники-распределители и трудовые колонии были переданы в ведение НКВД. Все краевые и областные отделы народного образования получили распоряжения о передаче находящихся в их ведении приемников-распределителей и трудовых колоний органам НКВД.

По решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР в 1935 г. в системе НКВД СССР был создан Отдел трудовых колоний, имевший своей задачей организацию приемников-распределителей, изоляторов и трудовых колоний для несовершеннолетних беспризорных и преступников.

В Восточно-Сибирском крае передача приемников-распределителей из ведения Отдела народного образования в ведение УНКВД была произведена 1 июля 1935 г., когда было передано

6 детских приемников с бюджетом, оборудованием, штатом. В целях оптимизации управления детскими специализированными учреждениями УНКВД по Восточно-Сибирскому краю вместо шести детприемников было оставлено четыре – в Черемхово, Иркутске, Улан-Удэ и Чите, общая вместимость которых составляла 250 человек¹. Функциональной направленностью приемников-распределителей становится фильтрация беспризорных несовершеннолетних с последующим распределением их в соответствующие учреждения органов просвещения, лечебные заведения и трудовые колонии НКВД.

В соответствии с распоряжением Отдела детдомов № 20/003 от 28 июня 1935 г., пребывание в приемниках-распределителях НКВД было возможным только для подростков в возрасте не старше 14 лет. Несовершеннолетние дети направлялись в приемники-распределители преимущественно работниками милиции. Например, только за десять месяцев 1937 г. было направлено в детприемники Иркутской области 684 человека². Однако, встречались и другие способы поступления детей в приемники-распределители. Так, в 1937 г. в Заларинском детдоме заведующий Зеленин боролся с «неисправимыми» детьми, сдавая их в приемник НКВД, полностью отказавшись от их воспитания³. Страх воспитанников попасть в систему закрытых учреждений НКВД использовался педагогическими работниками в качестве одного из методов воспитания и оказания психологического воздействия на бывших беспризорников.

В системе НКВД характер деятельности детских специализированных учреждений претерпевает значительные изменения. Если в 1920-е гг. доминировали коммуну сельскохозяйственной или производственной направленности, то во второй половине 1930-х гг. происходит перепрофилирование подобных учреждений в трудовые колонии. Согласно Положению о трудовой колонии НКВД для несовершеннолетних от 29 июля 1935 г., в учреждении данного типа должны были содержаться несовершеннолетние преступники в возрасте от 12 до 16 лет и беспризорные в возрасте от 14 до 16 лет. Все несовершеннолетние, содержащиеся в колонии, делились на членов и кандидатов колонии. Членом колонии являлся находящийся в колонии несовершеннолетний, выполнивший производственное задание, примерный по своему поведению, принимавший активное участие в общественной

жизни колонии. Все остальные прибывшие в колонию воспитанники зачислялись кандидатами в члены колонии⁴.

Усиление карательной направленности детских закрытых учреждений происходило постепенно. Начало процессу положило Постановление ВЦИК и СНК от 25 ноября 1935 г. «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью», отменявшее возможность снижения срока наказания для несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 14 до 18 лет. Одновременно с этим ужесточался режим содержания в детских трудовых колониях.

На территории Иркутской области еще в 1934 г. на месте прежней тюрьмы в селе Александровском Усольского района (бывший Александровский централ) была создана колония для несовершеннолетних преступников, которая в июне 1935 г. была преобразована в детский дом трудового воспитания для трудно-воспитуемых. Планировалось разместить в этом учреждении 300 детей в возрасте от 13 до 16 лет. Однако правила приема в это детское учреждение серьезным образом нарушались. При проверке был обнаружен факт наличия в начале 1935 г. 12 воспитанников в возрасте от восьми до 12 лет, в марте 1935 г. насчитывалось 32 воспитанника в возрасте 10-12 лет, что составляло 25 % от общего числа детей. Стаж уличной беспризорности этих детей показывает низкий уровень оперативности и эффективности осуществления выявления и изъятия беспризорных детей с улицы и размещения их в детские учреждения: 45 человек имели стаж беспризорности от трех до шести лет, 44 воспитанника – от одного до двух лет, 20 детей – около одного года⁵. При этом большинство детей имели неоднократные приводы в милицию: свыше 20 приводов было у 20 воспитанников, от 16 до 20 приводов – у четырех воспитанников, от 11 до 15 приводов – у 22 детей, от шести до 10 приводов – у 33 человек, от одного до пяти приводов – у 48 человек. Только 18 воспитанников не имели ни одного привода в милицию. Приводы в уголовный розыск отмечены у 82 воспитанников. Систематический алкоголизм отмечался у 24 подростков, не употребляли спиртные напитки только шесть человек⁶.

Состав воспитанников оказался крайне сложным для осуществления учебно-воспитательного процесса вследствие большого

стажа беспризорности, неоднократного совершения противоправных действий, склонности к девиантным формам поведения. Архивные материалы содержат сведения о противоправной «специализации» воспитанников: 47 были названы «карманщиками», 13 – «хапунами», 24 – «кусочниками», двое – «конокрадами», шестеро – «домушниками».

Такой своеобразный состав воспитанников требовал особого подхода к организации учебно-воспитательного процесса. Однако подростки большую часть времени были предоставлены сами себе. Большая часть воспитателей Александровского детского дома были из состава бывших воспитанников этого учреждения, имели неоднократные судимости, не имели никакой курсовой подготовки, а тем более специального высшего образования⁷. В результате встречались случаи, когда в качестве поощрения за хорошее поведение воспитанникам выдавали махорку и папиросы. Воспитатели неоднократно в качестве метода воспитания применяли систематические побои.

Результаты инспекторского осмотра состояния учебно-воспитательной работы показывают, что из 85 необходимых по штату учебно-воспитательных работников, фактически работало 12. Такая же острая численная недостаточность отмечалась по отношению к техническому персоналу, который по штатным требованиям должен был состоять из 43 работников, а фактически состоял из 28 человек. Для ведения подсобного хозяйства было необходимо 15 работников, но на момент проверки было задействовано пять человек⁸. При этом отсутствовало разграничение и распределение трудовых обязанностей, не были заведены личные дела на работников, не был составлен и заключен коллективный трудовой договор. Правила внутреннего трудового распорядка не были утверждены, а работники не были с ними ознакомлены. Ведение документации носило бессистемный характер и в отношении воспитанников, личные дела которых отсутствовали.

Сохранившиеся в архивных документах сметы на оборудование данного учреждения показывают широкий размах, стремление создать учреждение, способствующее привитию трудовых навыков воспитанникам. На оборудование этого учреждения Восточно-Сибирскому краевому исполнительному комитету в течение 1934 г. было отпущено 900 тыс. рублей. Однако материальное обеспечение трудовой колонии было крайне неудовле-

творительным. Ремонт помещений оставался незавершенным даже в 1936 г. Детей вселяли в неотреставрированные бараки, в которых прежде жили заключенные Александровской тюрьмы. Стекла и отопление в помещениях отсутствовали, температура не соответствовала санитарным нормам. Воспитанники нуждались в одежде, обуви, финансовых средств крайне не хватало⁹. Сотрудники голодали из-за задержки выплаты заработной платы до полугода. Только за первое полугодие 1936 г. данное учреждение было недофинансировано на 130 тыс. рублей, деньги на содержание учреждения в декабре не были получены даже за июнь¹⁰.

Такое положение стало негативным образом сказываться на воспитанниках детского учреждения, которые стали искать различные способы избежать пребывания в данном учреждении. Только за восемь месяцев 1937 г. из трудовой колонии НКВД сбежало 459 человек. Из них был возвращен только 101 человек¹¹.

Дальнейшая судьба выпускников Александровской трудовой колонии зачастую оказывалась неустроенной. Архивные материалы свидетельствуют о том, что большая часть выпускников не трудоустроивалась администрацией колонии, как этого требовали нормативные материалы. Случаи трудоустройства выпускников колонии также были не всегда эффективными. Например, в 1935 г. 16 воспитанников Александровской трудовой колонии были трудоустроены на завод им. Куйбышева. Воспитанники были размещены в общежитие за плату, прикреплены к столовой, где кормили раз в сутки. В итоге после всех произведенных вычетов из заработной платы за месяц работы один воспитанник получил 16 копеек, остальные не получили ничего, все высчитали за общежитие и питание. Вскоре после такого трудоустройства ребята стали заниматься воровством в магазинах, в итоге большая часть снова оказалась в изоляторе¹².

Таким образом, государство во второй половине 1930-х гг. меняет политику по отношению к беспризорным детям и несовершеннолетним преступникам, происходит ужесточение законодательства, возникают специализированные закрытые детские учреждения с особым режимом, увеличивается финансирование данных учреждений. Однако, несмотря на принятые меры, эффективность деятельности детских учреждений закрытого типа

остается невысокой вследствие отсутствия высококвалифицированных подготовленных кадров, проверенного отлаженного механизма деятельности подобных учреждений, отсутствия окончательно сформированной системы нормативно-правового регулирования деятельности государственных органов, призванных решать проблему беспризорности и преступности несовершеннолетних.

Примечания

1. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 635. Оп.1. Д. 63. Л. 15.
2. ГАНИИО (Государственный архив новейшей истории Иркутской области). Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 288.
3. Там же. Л. 284.
4. Бороздина Е.С. Репрессивная политика Советского государства в отношении безнадзорных несовершеннолетних (1935–1940 гг.) //Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16). С. 335.
5. ГАИО. Ф. 635. Оп.1. Д. 43. Л. 66.
6. Там же.
7. Там же. Л. 50.
8. Там же. Л. 23.
9. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 285.
10. ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 43. Л. 40.
11. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 286.
12. Сбыли с рук // Вост.-Сиб. правда. 1935. 17 авг. С. 3.

УДК 37.068(571.150)

Ю.А. Малкова, Е.В. Суверов

Алтайский исправительно-трудовой лагерь (1943–1945 гг.)

Статья посвящена истории развития крупнейшего на территории Алтайского края исправительно-трудового лагеря – Алтайлага. В сложное военное время здесь в кратчайшие сроки был возведен комбинат по переработке соды и построена железная дорога. Рабочая сила состояла из заключенных и мобилизованных советских граждан немецкой национальности.

Ключевые слова: заключенный, исправительно-трудовой лагерь, трудовые колонны, добыча и переработка соды.

The Altay labor camp (1943–1945)

Article is devoted history of development of the largest Altay territory in territory in days of labor camp war – Altajlag. In a difficult wartime on Altai in the shortest terms the industrial complex on processing of soda has been erected and the railway is constructed. The labor consisted in the person of the concluded and mobilized Soviet citizens of a German nationality.

Keywords: the prisoner, labor camp, labor columns, extraction and soda processing.

Строительство Алтайского ИТЛ было начато 22.01.1943 г. с дислокацией в поселке Кулунда Алтайского края. Советским правительством было принято решение возвести в кратчайшие сроки комбинат по добыче соды, а также железную дорогу, соединяющую Содокомбинат с поселком Кулунда для вывоза сырья. Сырье начали добывать из озера Танатар, дно которого было покрыто многометровым пластом кристаллической соды. После окончания строительства 6.4.1945 г. Алтайлаг был ликвидирован.

На основании постановления ГКО № 4513 от 6.11.1943 г. требовалось подготовить и ввести в действие в июле 1944 г. карьер соды-сырца на 320 000 т в год. Содержание соды в алтайской руде определялось в 24%. Запасы содовой руды в озерах оценивалось в 11 млн т [1, л.1,4].

Решение о строительстве в трудное военного время завода на Алтае по добыче, переработке и выпуску кальцинированной соды, позволяло удовлетворить возрастающий спрос на использование соды в военной промышленности. Возведение завода и железной дороги было поручено заключенным, прибывшим из Амурлага и Печерлага, а также осужденным из алтайских тюрем и мобилизованным для работ гражданам немецкой национальности и спецпоселенцам. Помимо немцев, в Алтайлаге работали и трудопоселенцы – поляки (105 мужчин и 92 женщины) [2, л.159].

В 1942–1944 гг. НКВД СССР было проведено несколько мобилизаций советских граждан (немцев, финнов, румын, венгров, итальянцев) в, так называемые, рабочие колонны, организован-

ные в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны 10.01.1942 г. Всего в эти колонны было мобилизовано свыше 400 тысяч человек, в число которых входили также около 20 тысяч представителей других национальностей (китайцы, корейцы, болгары, греки, калмыки, крымские татары). 220 тысяч мобилизованных в рабочие колонны использовались на строительстве в лагерях НКВД и 180 тысяч – на объектах других наркоматов. Размещение этих контингентов было произведено в системе ГУЛАГа в отдельных лагерных пунктах, обнесенных проволочным ограждением и обеспеченных охраной [3, с. 55].

На Алтае было собрано для проведения различных работ в 1942 г. 19 565 мужчин и 12 175 женщин немецкой национальности [4, с. 142]. Трудовая мобилизация немецкого населения Алтайского края проводилась под личным контролем краевого УНКВД. Для обеспечения строительства Алтайлага требовалось около 15 000 человек, 1200 лошадей, 150 автомашин. Первоначально планировалось перевести 5000 заключенных с оборудованием из Нижне-Амурского исправительно-трудового лагеря, другую часть – из Печорского ИТЛ. Рельсы, крепления и связь были взяты с неиспользованной линии БАМ–Тында [5, с. 515]. Из Красноярского края прибыло 200 000 шпал. Наркомат путей сообщения выделил 12 паровозов, 125 платформ, 25 крытых вагонов.

Рабочая сила из других исправительно-трудовых лагерей поступила в недостаточном количестве. Например, Амурлаг так и не выделил 5000 заключенных. Из Печорского лагеря прибыли в основном больные цингой. Недостаток рабочей силы восполнили с помощью осужденных, находившихся в местных тюрьмах, спецпоселенцев, мобилизованных немцев. Только из Казахстана было направлено 1700 немцев [6, с. 516].

С 20.03.1943 г. по 1.09.1943 г. в Алтайлаг было принято из Нижне-Амурлага НКВД 1685 человек, Барнаула – 173, Славгорода – 665, Ашхабада – 557, Севдвинлага НКВД – 496, Новосибирской области УИТЛ – 465, Сталинобада – 310, Омска – 300, Иркутска – 350 и Печерлага НКВД – 348 человек [7, л. 11].

С апреля по ноябрь 1943 г. в лагере находилось 11 369 человек, из них 7031 заключенные, 2135 мобилизованные немцы, 712 трудопереселенцы, 875 вольнонаемных работников и 616

человек военизированной охраны [8, л. 26]. По мере окончания строительства, численность лагеря неуклонно сокращалась.

Уже 20. 03. 1943 г. в поселке Кулунда были сформированы из прибывших эшелонов 1-е строительное отделение, дислоцирующее в Кулунде и 4-е строительное отделение в поселке Содового завода Михайловского района. Поручалось 1-му строительному отделению строить ж/д Кулунда–Ключи, а 4-му – возведение деревянных зданий, проведение подготовительных работ в содовом карьере озера Танатар-3 с тем, чтобы к 15. 03. 1943 г. начать отгрузку сырья [9, л. 1].

Алтайский исправительно-трудовой лагерь состоял из рабочих колонн. Колонна № 41 была нацелена на строительство ТЭЦ, каменных сооружений и водоснабжения. Колонна № 44 специализировалась на отсыпке земляного полотна. Рабочие трех колонн №№ 41, 43, 44 трудились на строительстве Содокомбината. Колонна № 37 была штрафная, в ней содержались заключенные отрицательной направленности, которые использовались на строительстве бараков зоны.

12. 06. 1943 г. для выполнения работ по строительству Содокомбината и линии железной дороги Кулунда–Содозавод поступило 3400 человек мобилизованных немцев и 1000 спецпоселенцев. Были организованы земляная колонна на ст. Ключи (800 человек) и земляная тачечная колонна в 600 человек из состава мобилизованных немцев [10, л. 36].

Учитывая важность строительства содокомбината, руководство страны, несмотря на трудности военного времени, выделило значительное количество техники, что позволило в кратчайшие сроки (в течение двух лет) завершить работы.

В селе Михайловское были организованы самостоятельные механизированные колонны. Эскаваторная колонна состояла из 3 экскаваторов ЛК-А, одного ППГ, в другой механизированной колонне работало 5 бульдозеров «Беккера», 1 грейдер-элеватор действовавший на перегоне Кулунда–Буденовка [11, л. 29].

Плановые задания выполнялись строго по графику, и уже в 1943 г. было открыто рабочее движение по железнодорожной по линии Кулунда–Содовый завод, протяженностью 124 км, введено в эксплуатацию 2 печи цеха кальцинации, построено 126 тыс. кубометров временного жилья. В целом план за 1943 г. был даже перевыполнен на 103,4%. Производительность труда со-

ставляла 102% [12, л. 176]. 13.10.1944 г. представители Омской ж/д приняли построенную дорогу на «отлично».

Несмотря на улучшенное питание в Алтайлаге (на 25%), заключенные все же не могли восстанавливать свои силы после тяжелой работы. Монотонная, многочасовая работа, высокие производственные задания изнашивали тружеников лагеря. В колонне № 34 Алтайлага в декабре 1943 г. отмечено катастрофическое положение. В больнице из этой колонны направлено 49 человек, в ОЛП – 82. Пациенты были в основном больны той или иной степенью нарушения обмена веществ (пеллагра, дистрофия). Заключенным приходилось пешком в течение суток преодолевать 14-16 км., после чего, только начинали работать. В этой колонне выявлены большие хищения продуктов: так, только в последнюю неделю ноября здесь не было доложено 39 кг жиров, в первую неделю декабря – 84 кг рыбы, 24 кг мяса и 9 кг жиров. На кухне процветало воровство [13, л. 10].

Часто вновь прибывшие на строительство люди из тюрем или других лагерей были больны и могли заразить окружающих. В 1944 г. из Славгородской тюрьмы поступало в лагерь много завшивленных, а прибывшие 1.02.1944 г. в Алтайлаг из этой же тюрьмы заключенные Кулешов Н.К. и Моргун М.Ф. были больны тифом [14, л. 17].

В апреле 1943 г. заболевшие цингой в группе «В» составляли 12,3%, однако настой хвои здесь практически не выдавался. В колонне № 34 распределяли в качестве средства против цинги гнилой лук [15, л. 83].

Для укрепления иммунитета в борьбе с цингой и другими заболеваниями среди заключенных и охраны в Алтайском ИТЛ в конце мая 1944 г. был организован сбор съедобных и лекарственных ягод, трав. Ловля рыбы в местных водоемах использовалась для дополнительного питания заключенных. 7 июня 1944 г. в колонне № 48 собирали дикорастущий лук – слизун и щавель [16, л. 204, 28].

В зимнее время усугублял ситуацию в лагере постоянный холод и нехватка калорийного питания. В бараках отсутствовала стекла. Вместо них окна заделывали бумагой, что вызывало промерзание, сырость и темноту в бараках. Повара густую часть котла раздавали своим знакомым, а жидкую давали простым работникам [17, л. 8].

Аппарат цензуры Алтайлага (старший цензор и экспедитор) регулярно задерживал корреспонденцию заключенных. Большой проблемой для цензоров было чтение писем на немецком языке в виду отсутствия грамотного переводчика. За апрель-июль цензурой проверено 13 409 писем, из них 6255 входящих и 9054 исходящих. Письма конфисковались, если там указывалась информация о плохих условиях жизни в лагере и стране. Например, было изъято письмо заключенного Сычева И.Е. в село Новобийское Бийского района, где он писал: «Кормят очень плохо, кроме «болтушки» нет ничего. Если бы поесть досыта хлеба, тогда сказал бы, что сыт, а так живу голодный, как волк...».

Корреспонденции большей части немцев носили отрицательный характер. Почти на 50% текста приходилось вымарывать или конфисковывать письма целиком. Например, в письме Рейш Е.А. в колхоз им. Андреева Шипуновского района Алтайского края Ускорникову П.Е. говорилось: «попала я на строительство железной дороги, с утра до вечера на очень тяжелой работе, возила тачки и свалилась. Пролежала в больнице 16 суток».

Зейфер Д.Д. писал в Тульскую область Зейфер Д.А.: «Хлеба получаем от выработки до 700 гр. и 3 раза похлебку. Вначале суп был хороший, а сейчас одна вода. (Текст вычеркнут).

В письме Вифельта Е.И. к Вифельт О.И. в Рубцовский совхоз рассказывалось о невыносимых условиях труда: «работа тяжелая, валим лес, копаем землю, но здесь нет черной земли, а только камень, сода, еда одна вода» [18, л. 303].

Многочисленные лишения в Алтайлаге приводили к бегству части мобилизованных немцев. Советские граждане немецкой национальности использовались на заготовке стройлесоматериала, подсобном хозяйстве лагеря, на земляных работах и по специальности. Люди по 2-3 месяца не ходили в баню. Землянки колонны №№ 2, 3, 6 и сельхозколонны были построены из сырого леса, не просушены, не имели вентиляции и при топке печей получались испарения, в помещениях был спертый, тяжелый воздух, ставший причиной многих заболеваний. В октябре 1943 г. в колонне № 36 содержались в невыносимых условиях 125 человек немцев, размещенных в шалашах. Половина из них была разута и раздета. В колонне № 6 из 180 человек имели теплую обувь лишь 85. Остальные ходили в кирзовых ботинках без теплых чулок [19, л. 26].

12.9.1943 г. бежавшие немцы Пинер и Левин после задержания заявили, что причиной дезертирства стало отсутствие обуви и теплой одежды. Только за 25 дней октября 1944 г. скрылось 25 немцев [20, л. 63, 16].

С Амурлага в Алтайлаг был доставлен известный поэт Заболотский Н. работавший на добычи соды и получивший здесь сердечное заболевание. 18.08.1944 г. он был освобожден без права смены работы и свободного передвижения.

После окончания строительства в Алтайлаге с 1944 г. начинается отправка заключенных в другие лагеря. 23. 01. 1944 г. был этап на Печору со 150 авторботниками, оставив в лагере 28 автомобилей. 22.11.1944 г. произошла переброска личного состава Алтайского ИТЛ НКВД в г. Караганду и на строительство ГУЛЖДС НКВД на ст. Поварово Московской области. 23. 01. 1945 г. отправили этап на строительство № 500 (возведение железнодорожной линии ст. Комсомольск-на-Амуре—ст. Советская Гавань) [21, л. 156]. 13. 01. 1945 г. произошла передача в постоянную эксплуатацию железно-дорожной линии Кулунда-Малиновое озеро [22, л. 3,7].

Примечания

1. ОРАИ ИЦ ГУВД АК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 413. Л. 1, 4.
2. ГААК. Ф. Р. 635. Оп. 2. Д. 19. Л. 159.
3. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6.
4. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск. Изд-во СО РАН, 2003. С. 142.
5. Государством призванные. Главное управление исполнения наказания Министерства юстиции Российской Федерации по Алтайскому краю. Кн. 2. Барнаул. 2004. С. 515.
6. Там же. С. 516.
7. ОРАИ ИЦ ГУВД АК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 410. Л. 11.
8. Там же. Ф. 12. Оп. 2. Д. 413. Л. 26.
9. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 384. Л. 1.
10. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 383. Л. 36.
11. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 380. Л. 29.
12. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 389. Л. 176.
13. ГААК. Ф. Р. 635. Оп. 2. Д. 77. Л. 10.
14. ГААК. Ф. Р. 635. Оп. 2. Д. 77. Л. 17.
15. ОРАИ ИЦ ГУВД АК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 383. Л. 83.
16. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 389. Л. 204; Д. 390. Л. 28.

17. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 387. Л. 8.
18. Там же. Ф. 12. Оп. 2. Д. 407. Л. 303.
19. Там же. Ф. 12. Оп. 2. Д. 407. Л. 26.
20. Там же. Ф. 12. Оп. 2. Д. 407. Л. 63; Д. 391. Л. 16.
21. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 391. Л. 156.
22. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 396. Л. 3, 7.

УДК 94(47)

Е.С. Маменкова

«Спецконтингент» НКВД СССР – дополнительный источник трудовых ресурсов Красноярского края (1941–1945 гг.)

В статье рассчитана численность «спецконтингента» НКВД СССР – заключённых и спецпоселенцев (немцев, ингерманландских финнов, греков, калмыков), прибывших на территорию Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. Названный контингент стал дополнительным источником пополнения трудовых ресурсов региона.

Ключевые слова: «Спецконтингент» НКВД СССР, заключённые, спецпоселенцы, трудовые ресурсы, принудительный труд, исправительно-трудовое учреждение, лагерь, колония, трудмобилизованные.

E.S. Mamenkova

«Special squads» of the NKVD of the USSR is the additional source of labor supplies of Krasnoyarsk region (1941–1945)

In the article the number of “special squads” of the NKVD of the USSR was calculated. There were prisoner population, special settlers (the Germans, the Ingrian Finns, the Greeks, the Kalmucks) arrived on Krasnoyarsk Territory. These squads became the additional source of the labor supplies of the region during 1941 – 1945.

Keywords. «Special squads of the NKVD of the USSR», prisoner population, special settlers, labor supplies, forced labor, corrective labor institution, stockade, penal colony, labor conscripts, «Labor Army».

К началу Великой Отечественной войны в распоряжении Наркомата внутренних дел (НКВД) СССР находились многочисленные трудовые ресурсы. Согласно архивным данным, на 1 января 1941 г. только в лагерях (ИТЛ) и колониях (НТК) насчитывалось 1 929 729 чел., в т. ч. около 1680 тыс. мужчин трудоспособного возраста. При этом общая численность рабочих в народном хозяйстве СССР составляла 23,9 млн чел., т. е. заключённые составляли около 8% от общей численности рабочих в СССР [1, с. 139].

Понятие *трудовые ресурсы* в качестве важнейшей производительной силы характеризуется потенциальной массой живого труда, которой в данный момент располагает государство или отдельный регион [2, с. 327]. В настоящем исследовании речь пойдёт о «*спецконтингенте*» НКВД – дополнительном источнике пополнения трудовых ресурсов Красноярского края в годы войны. Зачастую исследователи используют понятие «спецконтингент» в широком смысле, объединяя все категории лиц, привлечённых к принудительному труду: заключённых, спецпоселенцев, высланных, репатриантов, раскулаченных крестьян, военнопленных и т. д. В данном случае понятие «спецконтингент» используется в узком смысле, т. е. включает в себя наиболее многочисленные его категории – заключённых и спецпоселенцев (немцев, ингерманландских финнов, греков, калмыков), прибывших на территорию Красноярского края в годы войны.

Для оценки трудовых ресурсов НКВД СССР в крае необходимо определить численность спецконтингента в составе его населения. К началу войны Красноярский край – стратегический регион страны по количеству действовавших и строившихся промышленных предприятий. В регионе насчитывалось 631 промышленное предприятие с общим среднегодовым числом рабочих 83,9 тыс. чел., или 4,1% от общей численности населения: в машиностроении и металлообработке – 18,9%, в угольной промышленности – 3,8%, в лесной и деревообрабатывающей – 40,6% [3, с. 120]. В 1940 г. численность населения края превысила 2 млн чел. [4, с. 142]. Начавшаяся война и мобилизация на фронт местных жителей способствовали обострению кадровой проблемы. С июня 1941 г. по ноябрь 1944 г. на фронт было призвано 561 902 чел. [5, с. 42] в т. ч. 14918 женщин [6, с. 108], т. е. подавляющее большинство призывников составляли мужчи-

ны трудоспособного возраста, мобилизация которых более чем на четверть сократила численность населения края относительно довоенного уровня.

В сложившейся ситуации остро встала задача максимального использования оставшихся кадров. Были внесены изменения в трудовое законодательство и ускорен процесс подготовки кадров через систему трудовых резервов. Так, на основании Указа Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 26 июня 1941 г. возросла продолжительность рабочего дня, были введены сверхурочные работы, отменены отпуска [7, с. 37]. Указом ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. все мужчины и женщины, занятые на производстве и строительстве, объявлялись мобилизованными на весь период войны. Лица, допустившие самовольный уход с работы, карались тюремным заключением сроком от пяти до восьми лет лишения свободы [8, с. 88-89]. 13 февраля 1942 г. был принят очередной Указ ПВС СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [7, с. 64]. На основании перечисленных указов в период с июня 1941 г. по ноябрь 1944 г. в Красноярском крае в промышленность было мобилизовано 82 252 чел. Однако это был менее работоспособный контингент, поскольку в его состав входили военнообязанные и призывники – 61 896 чел., лица старше 50 лет – 5749, женщины – 14 643 [5, с. 43].

Мобилизация молодёжи для школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) и училищ системы трудовых резервов в Красноярском крае в 1942 г. составила 9 тыс. чел. [9, с. 80]. На основании Постановления СНК СССР от 4 октября 1943 г. для укомплектования организуемых и действовавших в крае школ ФЗО, железнодорожных и ремесленных училищ предписывалось мобилизовать 6700 чел. не работавших и не учащихся подростков [5, с. 63-64]. Для сохранения квалифицированных кадров специалистам стали предоставлять «бронь» – запрет на мобилизацию. По итогам 1941 г. в крае было забронировано по промышленности – 12 589 чел., по водному транспорту и сельскому хозяйству – 5796, прочих – 5184. В г. Красноярске по промышленности и транспорту – 8107 чел., прочих – 2666 [10, с. 47-48].

Одним из источников пополнения трудовых ресурсов края стали рабочие эвакуированных предприятий – 73,5 тыс. [11, с.

167]. Но эвакуированные заводы всего на 30–40% были обеспечены прибывшими с ними рабочими, а 14 восстанавливавшимся предприятиям в г. Красноярске не хватало 43 тыс. чел. при общей потребности в 59 тыс. [9, с. 74].

Таким образом, начавшаяся война обусловила принятие целого ряда мер, направленных на восстановление утраченного в связи с началом войны трудового потенциала. Их реализация позволила закрепить за военными предприятиями оставшиеся рабочие кадры, а за счёт проведения трудовой мобилизации вовлечь в производство имеющиеся трудовые ресурсы, но по своему составу это были менее трудоспособные кадры. Прибывшие с эвакуированными предприятиями рабочие не смогли изменить сформировавшуюся тенденцию сокращения трудовых ресурсов в крае.

В чрезвычайных условиях военного времени руководство страны планировало частично восполнить утраченные в ходе мобилизации трудовые ресурсы за счёт расширения практики использования принудительного труда «спецконтингента» НКВД СССР.

Функционирование в Красноярском крае исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) – ИТЛ и ИТК было связано с решением двух задач: обеспечением надёжной изоляции заключённых и освоением богатейших природных запасов региона. Однако низкая плотность населения края в совокупности с суровыми природно-климатическими условиями и режимом чрезвычайной экономии финансовых средств затрудняли развитие экономики края, что в свою очередь способствовало расширению практики использования принудительного труда.

В период с июля по декабрь 1941 г. в восточные районы страны было эвакуировано 210 ИТК и 27 ИТЛ, т. е. почти половина от их довоенного количества с общим числом заключённых 750 тыс. чел. [12, с. 135], часть из них разместили в Красноярском крае. В годы войны на территории Красноярского края действовали следующие лагеря: ИТЛ Аффинажного завода № 169 (цветная металлургия), Норильский ИТЛ (металлургическая промышленность), Енисейский ИТЛ (промышленное строительство), Красноярский ИТЛ (лесная отрасль промышленности), Черногорский ИТЛ (угольная промышленность) [13, с. 231, 339, 220, 303, 509]. Место расположения архива и численность за-

ключенных Черногорского ИТЛ – неизвестно [14, с. 112-113] (таблица 1).

Таблица 1
Численность заключенных в ИТЛ Красноярского края в 1941–1945 гг.*

Год	Всего в СССР на 31 декабря (чел.)	В том числе в Красноярском крае (чел.):					
		Нор-лаг(1)	Краслаг	ИТЛ завода №169	Енисейлаг	Всего (чел.)	% от общей численности
1941	1 415 596	20 535	16 441(2)	691(3)	11 839	49 776	3,5
1942	983 974	23 779	22 686	922	...	47 387	4,8
1943	663 594	30 757	16 410	1 813	...	48 980	7,4
1944	715 506	34 570	14 190	1 349	...	50 109	7,0
1945	600 897	31 822	12 982	968	...	45 772	7,6

* Составлено и рассчитано по: Земсков В.Н. «Архипелаг ГУЛАГ»...// Аргументы и факты. 1989. № 45; Норильская голгофа. Красноярск, 2002. С. 7; Бахмутов В.И. Историческая справка. Красноярский форпост ГУЛАГа – КРАСЛАГ // Закон и жизнь. Декабрь, 1997; [13, с. 220, 231, 303]
1 – на 1 января; 2 – на 1 июля 1941 г.; 3 – на 1 октября 1941 г.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в годы войны численность заключённых в ИТЛ Красноярского края в среднем составляла 50–60 тыс. человек. К началу войны численность заключённых ИТК края была незначительна и составляла 5293 чел., из них в промышленных – 2341 чел., в сель-сельскохозяйственных – 2334 чел. и контрагентских – 618 чел. [15, с. 70]. В годы войны в регионе действовало более 15 ИТК, из них сельскохозяйственных – 2 (Ширина, Абанская), промышленных – 4 (Ачинская, Минусинская, Красноярская, Качинская), трудовых для несовершеннолетних – 2 (Берёзовская, Канская), массовых работ – 7 (Ладейская, Зыковская, Базаихская, Затонская, Черногорская, Абаканская, Усинская)^[1]. Однако точных сведений об общей численности заключённых выявить не удалось, но можно предположить, что в результате эвакуации, она также возросла. Исходя из того, что в годы войны в крае действовало более 15 ИТК, а численность заключённых в каждой составляла примерно 1-2 тыс. чел., общая численность контингента могла составлять от 15 тыс. чел. до 30 тыс. человек.

Динамика численности заключённых в крае была обусловлена влиянием нескольких факторов. Росту их численности способствовала эвакуация из прифронтовой полосы, поступление новых

контингентов (военнопленных) за счёт переброски осуждённых из других регионов страны и перевода заключённых из тюрем края для отбытия наказания по приговору суда. Снижение численности заключённых стало следствием роста уровня смертности, планового освобождения (призыв в армию, освобождение) и перевода в ИТУ других регионов страны [16, с. 91-94].

В годы войны в СССР значительно сократилась общая численность заключённых с 2,3 млн чел. на 1 июля 1941 г. до 1,4 млн чел. на 11 февраля 1945 г. [17, с. 49]. За три года войны из ИТУ по разным причинам убыло 2900 тыс. чел., а прибыло 1800 тыс. [12, с. 134]. Напротив, в Красноярском крае, численность заключённых в ИТУ возросла: в ИТЛ с 3,5% в 1941 г. до 7,6% в 1945 г., в ИТК примерно от трёх до шести раз. Таким образом, среднегодовая численность трудовых ресурсов НКВД из числа заключённых в крае составляла примерно 80–100 тыс. чел.

В начале 1940-х гг. система спецпоселений получила новый импульс развития за счет депортации новых национальных контингентов. *Спецпоселение* – ограничение прав граждан по месту жительства (в том числе депортированных – по новому месту жительства), прежде всего, права на свободное передвижение [18, с. 8]. В условиях начавшейся войны первыми на спецпоселение были направлены немцы. Постановления об их выселении из разных регионов страны принимались неоднократно (первое – 28 августа 1941 г., последнее – 20 марта 1942 г.), поэтому на территорию края они прибывали несколькими этапами (таблица 2).

Таблица 2

Численность немцев-спецпоселенцев
в Красноярском крае в 1941–1942 гг. (чел.)*

Всего по данным на 2 июня 1942 г.	из них размещено в Красноярском крае:			
	Сентябрь 1941 г.	Ноябрь 1941 г.	Март 1942 г.	Октябрь 1944 г.
807 293(1)	67 264(2)	77 259(2)	108 786(2)	57 701(3)

* Составлено и рассчитано по: 1 – [19, с. 97]; 2 – [21, с. 36, 42-43]; 3 – [20, с. 109].

В марте 1942 г. численность немцев-спецпоселенцев в крае достигла своего максимума – 108 786 чел., а в октябре 1944 г. сократилась до 57 701 чел., т.е. почти в два раза. Отмеченная динамика объясняется тем, что немцы- спецпоселенцы были мобилизованы в так называемую «трудовую армию» и на это время

снимались с учета спецпоселений [18, с. 8]. Очевидно, что мобилизации подверглась наиболее трудоспособная часть контингента – 51 085 чел. Например, всего за годы войны на лесозаготовках в Краслаге принудительно трудилось около 20 тыс. немцев^[2] (таблица 3).

Таблица 3
Численность трудмобилизованных немцев
в Краслаге в 1943–1945 гг. (чел.)*

	1 июля 1943 г.	Сентябрь 1943 г.	Февраль 1944 г.	1 августа 1944 г.	1 мая 1945 г.
Всего	6 178	4 052	4 074	4 177	4 584
Прибыло	–	–	237	52	37
Убыло	–	–	37	46	20

* Составлено и рассчитано по: ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк. ф. 6, оп. 16, д. 2, л. 82 об.; Там же, д. 3, л. 22; Там же, оп. 105, д. 7, л. 4.

В рамках проведения государственной политики «по очистке погранзон» депортации также подвергались лица тех национальностей, соотечественники которых составляли основное население сопредельных стран. Так, выселению подверглись ингерманландцы (советские финны), проживавшие в Ленинградской области (национальное образование Ингерманландия и Вепсия). Всего было выселено 44 737 чел., из них 17 837 чел. было размещено в Красноярском крае [19, с. 95], или около 25% от общего числа выселенных финнов. С территории Ростовской области и Краснодарского края весной 1942 г. был удален весь «социально опасный элемент», не менее 10 тыс. человек разных национальностей, но преобладали греки [19, с. 97]. Согласно архивным данным, численность этого контингента в Красноярском крае составляла примерно 8300 чел.^[3] На основании принятых в декабре 1943 г. и в марте 1944 г. Постановлений ПВС СССР из бывшей Калмыцкой АССР и Ростовской области были выселены калмыки [19, с. 107]. Сведения о численности калмыков на территории Красноярского края противоречивы и варьируются от 20 952 чел. до 24 998 (в том числе детей – 11705) [20, с. 110; 21, с. 73]. На основании данных местных архивов на 18 января 1944 г. в Красноярском крае было принято 25 024 чел. [22, с. 167].

Итак, в результате политики «массовых выселений» в 1941–1945 гг. всего было переселено 3 226 340 чел., из них в Красноярском крае было размещено более 160 тыс. чел., т. е. около 5%

от общей численности перемещённых [23, с. 135]. В годы войны на территорию региона были депортированы представители тех национальностей, соотечественники которых составляли основное население сопредельных стран, воевавших против СССР и народов, выселение которых проводилось уже постфактум, т. е. после совершения ими противоправных действий, как бы «в наказание». В чрезвычайных условиях военного времени трудоспособные представители этих национальных контингентов принудительно были привлечены к труду, став дополнительным источником пополнения трудовых ресурсов края.

Подводя итоги, отметим, что сосредоточенный в 1941–1945 гг. на территории Красноярского края «спецконтингент» НКВД СССР из числа заключённых и депортированных, стал дополнительным источником пополнения трудовых ресурсов региона. Однако общая численность этих контингентов не смогла восполнить утраченный в ходе мобилизации трудовой потенциал региона.

Примечания

1. Моруков М.Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006. 192 с.
2. Новицкий А.Г. Население и трудовые ресурсы. Справочник. М.: Мысль, 1990. 396 с.
3. Чудинова И.М. Промышленность Красноярского края в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: 60 лет Победы: Материалы научной конференции. Красноярск, 2005. С. 120.
4. Славина Л.Н. История Красноярского края в динамике роста его населения // Край большого будущего. История, действительность, перспектива. Материалы конференции. Красноярск, 2004. С. 142.
5. Красноярский край в истории Отечества: Кн. III. 1941–1953. Красноярск, 2000. 448 с.
6. Барсукова Н.В. Военная подготовка и призыв женщин в ряды Вооружённых Сил на территории Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: 60 лет Победы: Материалы научной конференции. Красноярск, 2005. С. 108.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5-ти т. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. 751 с.
8. Сборник основных нормативных актов органов государственной власти и управления об уголовной ответственности за преступления и освобождения от наказаний. М., 1968. С. 88–89.

9. Акулов М.Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ставрополь, 1967. 339 с.

10. Воронов В.Н. Мобилизационные мероприятия, проводимые в Красноярском крае в первые дни Великой Отечественной войны / Сборник. Вклад сибиряков в Великую Победу. Тезисы докладов научно-практической конференции. Красноярск, 28 апреля 1995. С. 47-48.

11. Деревянко А.П. Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма. Новосибирск, 1985. 395 с.

12. Доклад Начальника ГУЛАГа НКВД СССР В. Наседкина о работе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР за годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 134-135.

13. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923–1960. Справочник. М.: Звенья, 1998. С. 220, 231, 303, 339, 509.

14. Кокурин А., Моруков Ю. Гулаг: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 8. С. 112-113.

15. Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 70.

16. Маменкова Е.С. Лечебно-профилактические мероприятия и физическое состояние заключенных исправительно-трудовых лагерей, располагавшихся на территории Красноярского края в 1941–1945 гг. // Сибирский медицинский журнал. 2006. № 5. С. 91-94.

17. Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 30–50-е годы XX в.: проблемы и источники. Исторические записки. Вып. 5 (123) / отв. ред. Б.В. Ананьич; Отд-ние историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2002. С. 49.

18. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. док. (1940-е годы). 2-е изд. М., 2000. 352 с.

19. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 гг. М., 2003. 306 с.

20. Кокурин А.И. Спецпоселенцы в СССР в 1944 г. или год большого переселения // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 109-110.

21. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 319 с.

22. Минина С.А. Материалы Государственного архива Красноярского края о спецпереселенцах // Вклад сибиряков в Великую Победу. Тез. докладов науч.-прак. конф. Красноярск, 28 апреля 1995 г. С. 167.

23. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135.

* Отдела специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Главного управления внутренних дел по Красноярскому краю (далее ОСФ ИЦ ГУВД по Кк) фонд с при-

казами УНКВД по Красноярскому краю (1941–1945 гг.). ф. 6, д. 1, т. 1, л. 158-160.

** Информационно архивная группа Федерального бюджетного учреждения «Управления по конвоированию Главного управления федеральной службы исполнения наказания России по Красноярскому краю» (далее ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк) содержит архивные документы и материалы Управления Красноярского исправительно-трудового лагеря в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), ф. 65. Учётные карточки трудмобилизованных немцев.

* * * По данным ОСФ ИЦ ГУВД по Кк. На сегодняшний день архивных материалов в отношении этой категории депортированных на хранение нет. На учёте они были в ОВИРе, поэтому личные дела на них не заводили.

УДК 351.746(571.6)

Л.В. Курас, В.К. Тушемилов

Строительство органов государственной безопасности ДВР

Статья посвящена становлению и работе органов государственной безопасности Дальневосточной республики. Автор рассматривает некоторые формы деятельности этой службы: агитационную, агентурно-оперативную, разведывательную, репрессивную.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, Дальневосточная республика, агентурная деятельность, репрессии.

L.V. Kuras, V.K. Tushemilov

Building of agencies of state security DVR

Article is devoted formation and work of the agencies of state security of Far East republic. The author considers some forms of activity of this service: propaganda, agenturno-operative, prospecting, repressive.

Keywords: the agencies of state security, Far East republic, secret-service activity, reprisals.

10 (23) февраля 1918 года II Всесибирский съезд Советов торжественно провозгласил установление власти трудящихся на

территории всей Сибири. Установлению Советской власти в крае оказывали яростное сопротивление все антибольшевистские силы: от монархистов до областников, от кадетов до меньшевиков и эсеров. Повсюду стали создаваться различные контрреволюционные организации наподобие «комитетов общественного спасения», «комитетов защиты революции», «союзов спасения Отечества», которые стремились спровоцировать беспорядки, грабежи, погромы, организовать саботаж и спекуляцию и тем самым парализовать общественно-политическую и экономическую жизнь края. Особенно активизировалось «Временное правительство автономной Сибири» во главе с правым эсером П.Я. Дербером, которое вскоре перебралось в Харбин. Оказавшись в Маньчжурии, П.Я. Дербер в качестве главы правительства официально вступил в переговоры с А.В. Колчаком, Хорватом и представителями союзных держав, а через своих уполномоченных – с А.И. Дутовым, А.М. Калединым, Л.Г. Корниловым, Г.М. Семеновым¹. Одновременно с этим велась интенсивная работа по собиранию военных сил на местах. Поэтому не случайно, именно тогда, в 1918 году на территории Сибири Советская власть начинает создавать органы правопорядка, сыгравшие важную роль в становлении и укреплении власти на местах.

23 февраля 1918 года телеграммой ЦИК Советов Сибири (Центросибири) по всей линии Забайкальской железной дороги чрезвычайным комиссаром по борьбе с контрреволюцией назначался С.Г. Лазо², все распоряжения которого должны были исполняться всеми рабочими и служащими дороги без исключения.

22 марта 1918 года ВЧК предложил всем Советам немедленно организовать местные ЧК³.

На территории Бурятии также были созданы структуры, призванные защищать завоевания революции. 22 марта 1918 года решением Верхнеудинского Совета был создан Революционный трибунал под председательством А.М. Буйко (заместители – Т.М. Сентарецкий и А.Н. Соколов). При трибунале создавалась следственная комиссия, в которую вошли Лейтарчук, Новощицкий, Шиманович, Жуков, Гладышев, Горецкий⁴. Тогда же создается ЧК Верхнеудинского исполкома советских организаций во главе с Е. Матвеевым. Он же возглавил ЧК Забайкальской области⁵. В некоторых уездах создавались чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

21 апреля 1918 года на пленарном заседании Центросибири создается Сибирская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией в составе И.С. Посталовского, М.А. Трилиссера, Д.С. Шилова, А.Н. Зотова, И.М. Гейцмана, С.С. Блюменфельда⁶, деятельностью которой распространялась на территорию всего края (позднее вместо И.М. Гейцмана вводится Н.Е. Ершов). Ее председателем был утвержден И.С. Посталовский. Комиссия работала под контролем Центросибири и под руководством ВЧК. Телеграмма об этом была направлена в адрес Совнаркома.

В Сибири действовало много эсеровских, белогвардейских организаций, имелось контрреволюционное подполье, семеновские и дерберовские агенты. Здесь располагались иностранные консулы. Об активности Сибчека красноречиво говорят телеграмма от 21 мая 1918 г. Центросибири в Красноярск о борьбе с Временным сибирским правительством и объявление Сибчека от 2 июня 1918 года о мерах воздействия на спекулянтов⁷. Сибчека ликвидировала отдельные подпольные группы, закрывала антисоветские газеты, следила за появлявшимися деятелями царского режима. Особое внимание придавалось перехвату эмиссаров и представителей Харбинского «правительства автономной Сибири»⁸. По заданию Центросибири группы чекистов проводили операции в Чите, Верхнеудинске, Владивостоке и других городах. Значительную работу по борьбе с иностранным шпионажем по заданию Центросибири вел А.Н. Луцкий. Одновременно с этим чекисты боролись с саботажниками, спекулянтами, бандитами, взяточниками.

Даже эти фрагментарные сведения убедительно доказывают, что Советская власть на местах с первых дней своего существования стремилась выработать систему построения чрезвычайных комиссий, сформулировать принципы их оперативной деятельности.

В первой половине 1918 года местные чрезвычайные комиссии только создавались. Они по-разному понимали свои задачи, имели разные названия и различную организационную структуру, использовали разные методы работы с противниками Советской власти, были слабо связаны с Коллегией ВЧК. Агентурная работа находилась в начальной стадии. Кроме того, у сотрудников отсутствовала строгая специализация: каждый оперативник в зависимости от обстановки осуществлял наружное наблюдение

за объектом, производил обыски, аресты, вел следствие. Все это побудило ВЧК созвать 11 июня 1918 года I Всероссийскую конференцию чрезвычайных комиссий, которая наметила общий организационный план построения чрезвычайных комиссий, их основные задачи и методы борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности и приняла два важных документа: «Основные положения организации чрезвычайных комиссий» и «Положение о чрезвычайных комиссиях на местах» (второй документ в настоящее время хранится в архиве Гуверовского института (Стенфордский университет, США) в коллекции Б.И. Николаевского)⁹.

В работе конференции делегаты от Сибири в целом и Забайкалья в частности участия не принимали. В связи с началом белочешского мятежа военное положение Забайкалья осложнилось. Активизировалась и внутренняя контрреволюция. Особую опасность представляли действия атамана Семенова. Все это привело к временному падению Советской власти.

Начался новый период борьбы за власть Советов в регионе – период Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Этот этап находит отражение в отечественной историографии, где широко представлена деятельность партийного подполья, партизанского движения, успехов РККА в борьбе на Восточном фронте. Однако пока за чертой исследования остаются такие направления как деятельность особых отделов армии, агентурно-оперативная работа партизан и подполья. Между тем работа в тылу, скрытое проникновение в контрреволюционную среду и воинские части противника, вербовка, борьба со шпионажем в частях 5-й Армии и партизанских соединениях сыграли важную роль в достижении победы.

В этот период революционные военные советы и политотделы вели постоянную агитационную работу в войсках противника, а также среди населения оккупированной врагом территории. Политорганы распространяли литературу в тылу противника, направляли туда для проведения работы опытных агитаторов и организаторов, которые действовали совместно с подпольными организациями. В свою очередь чекисты связывались с подпольщиками, устраивали явки, информировали агитаторов о настроениях в войсках противника. Правильная постановка работы в Сибири на Восточном фронте дала свои плоды. терро-

ристический режим колчаковщины вызвал активное противодействие со стороны широких трудящихся масс. Активизации их борьбы способствовали действия политработников и чекистов на захваченной белогвардейцами территории. В тылу у Колчака действовали подпольные организации и целые партизанские армии. Разложение в войсках Колчака летом 1919 года приняло широкие масштабы. Зачастую удавалось распропагандировать целые воинские части. Это касалось и Забайкалья. Так, еврейская сотня личной охраны атамана Семенова, известная как «золотая сотня», в конце 1919 года в полном составе перешла на сторону партизан¹⁰.

14 ноября 1919 года пала «столица» Колчака – Омск. 22 января 1920 года власть перешла к Военно-революционному комитету в Иркутске. Адмирал Колчак был арестован и по постановлению Иркутского ВРК 7 февраля 1920 года расстрелян. Это была крупная военно-политическая победа над внутренней и внешней контрреволюцией. Страны Антанты были вынуждены вывести свои войска из Сибири и Дальнего Востока. Начинают восстанавливаться чрезвычайные комиссии губерний. Этот процесс завершился в феврале 1920 года.

С 3 по 6 января 1920 года в Москве работала IV Всероссийская конференция губернских чрезвычайных комиссий, которая приняла ряд важных решений относительно изменения тактики борьбы с контрреволюцией и совершенствования организационной структуры чекистских аппаратов применительно к новым условиям. В докладах руководителей конференции С.Г. Уралова и И.П. Павлуновского отмечалось, что с разгромом Колчака период иностранной военной интервенции и гражданской войны в Сибири завершился. Перед трудящимися края открылась возможность перехода к мирному хозяйственному строительству. Руководитель спецслужбы Ф.Э. Дзержинский призвал «искать такие методы, при помощи которых нам не нужно было бы производить массовых обысков, пользоваться террором, однако все время вести наблюдение и пресекать корни козней и злонамеренных врагов»¹¹. Это прекрасно понимала и контрреволюция, которая стремилась проникнуть в советские учреждения. На это обращал внимание губкомов ЦК РКП(б) в циркулярном письме от 2 марта 1920 года. Вследствие этого главная задача чрезвычайных комиссий состояла в том, чтобы не дать возможности

контрреволюции захватить аппараты хозяйственного строительства.

При этом следует отметить, что изменение форм и методов работы никак не повлияло на идеологическую направленность спецслужбы, имевшей четкую установку на подавление идейных противников. Так, 1 июня 1920 года во все губернские ЧК и особые отделы было направлено циркулярное письмо ВЧК, где имелся раздел «О сионистах». В документе сообщалось, что «в целом ряде городов предприняты аресты и обыски у активных деятелей сионизма, смещение с занимаемых ими некоторых ответственных советских должностей». В числе причин этих акций называется тот факт, что «нигде в Западной Европе, ни в колчаковщине, ни в деникинщине сионисты не преследуются, а, наоборот, к ним как будто относятся благосклонно». По мнению составителя циркуляра, уже «одного этого было бы достаточно, чтобы судить об организации отрицательно». Следующей причиной негативного отношения ВЧК к организации стало стремление сионистов создать еврейское государство в Палестине, что расценивалось как стремление поработить арабское крестьянство¹². В последующем этот циркуляр стал основополагающим документом при решении «еврейского вопроса» в Бурятии.

После освобождения Верхнеудинска дальнейшее продвижение советских войск встретило противодействие со стороны японцев. В Забайкалье и Приморье находились крупные японские гарнизоны. По данным оперативного управления 5-й Армии в феврале 1920 года в Восточной Сибири у противника насчитывалось свыше 143 тысяч штыков и сабель, из них – 70 тысяч японских¹³. Дальнейшее наступление РККА означало бы непосредственное столкновение с японскими войсками. Начать эту войну Советская Россия не могла в связи с тяжелым положением на западных границах государства. Из тактических соображений руководство РСФСР пошло на создание «буферного государства». Принято считать, что основной причиной создания «буфера» было стремление молодого Советского государства избежать столкновения с Японией. Между тем существовала еще одна причина. Из составленной 2 апреля 1920 года начальником разведывательного отделения Временного Приморского правительства К.А. Харнским «Ежедневной сводки разведывательного отделения штаба сухопутных и морских сил» о планах японского милитаризма

на русском Дальнем Востоке следовало, что Япония стремилась стать хозяйкой всей территории от океана до Байкала. При этом в газете «Кокумин» речь шла «о создании буферного государства в этих пределах, как о средстве соблсти международное приличие». В это же время в газете «Дзи-Дзи» появляется интервью с атаманом Семеновым, в котором он говорил «о своем намерении создать независимое государство к востоку от Байкала»¹⁴ (в воинских частях Семенова и уцелевших частях Каппеля насчитывалось до 20 тысяч штыков и сабель). В этой же сводке говорится о стремлении Японии распространить свою власть на Монголию и прочно закрепиться во всей Маньчжурии. Причем подчеркивается, что основным сторонником этой точки зрения является начальник японской разведки и контрразведки во Владивостоке генерал Такаянаги.

Таким образом, стратегические планы Японии стали известны советской разведке еще задолго до секретного «меморандума Танаки», принятого 7 июля 1927 года. Поэтому вполне естественным было стремление Советского государства провести превентивные мероприятия.

28 марта 1920 года начал работу Учредительный съезд трудящихся Прибайкалья. 6 апреля он обратился ко всем правительствам и народам мира с декларацией об образовании независимой демократической Дальневосточной Республики (ДВР). Республика включала в себя Забайкальскую, Амурскую, Сахалинскую, Камчатскую области и полосу отчуждения КВЖД. Столицей ДВР стал Верхнеудинск (с октября 1920 года столица перенесена в Читу). 22 ноября 1920 года постановлением правительства ДВР была образована Прибайкальская область, выделенная из Забайкальской области, с центром в Верхнеудинске.

С возникновением нового государства стала формироваться Народно-революционная армия ДВР на базе партизанских частей Прибайкалья, добровольческих отрядов иркутских партизан и отдельных частей 5-й Армии. Во главе Военного совета встал бывший командующий 5-й армии Г.Х. Эйхе.

Тогда же начинают формироваться и органы государственной безопасности, которые получили название Прибайкальского областного отдела Государственной политической охраны ДВР. На момент создания спецслужбы в республике действовал отдел Государственной охраны при МВД ДВР и Военный

контроль Народно-революционной армии¹⁵. Согласно директиве ВЧК, в августе 1920 года произошло объединение этих структур в Госполитохрану ДВР, которая фактически подчинялась представительству ВЧК в Омске. Окончательно это строительство завершилось в начале 1921 года, что совпало с завершением территориально-государственного строительства. Необходимость этих преобразований была обусловлена резкой активизацией внутренней контрреволюции в лице атамана Семенова, наличием «Читинской пробки» и постоянной угрозой со стороны Японии. Госполитохрана занималась пресечением подрывных актов японской разведки и белоэмигрантских организаций, борьбой с контрреволюционными заговорами, подрывной деятельностью, политическим бандитизмом и экономической контрреволюцией. Это подтверждается агентурными сводками, относящимися к июлю–августу 1920 года о военно-политическом положении на Дальнем Востоке, где приводятся сведения о военной технике семеновских частей, положении на монгольской границе и об угрозе вторжения из-за рубежа русских белогвардейских отрядов¹⁶. О качестве работы контрразведки и внешней разведки ДВР красноречиво свидетельствуют показания генерал-лейтенанта А.С. Бакича и генерал-майора Смольника в представительстве ГПУ по Сибири 5 мая 1922 года о планах вторжения с китайской стороны в августе–сентябре 1920 года и об их связях с японцами, относящихся к августу–декабрю, а также сообщение о результатах агентурного наблюдения в ноябре–декабре того же года за Чешской миссией в Сибири¹⁷.

Дальневосточные чекисты занимались еще одним важным делом – осуществляли фильтрацию едущих из ДВР в Россию русских военнопленных и беженцев, а также фильтрацию и регистрацию прибывающих из Маньчжурии бывших белогвардейцев. В этой связи в октябре 1920 года в Верхнеудинске возникла тревожная ситуация. Так, А.М. Краснощеков в телеграмме Сибревкому сообщал: «Верхнеудинск переполнен перебежчиками. В Гонконге находится более тысячи беженцев, в лагере Березовка – 600 женщин, детей, стариков, инвалидов. Ввиду острого катастрофического продовольственного и квартирного кризиса, наступления возможных холодов, настаиваю пропустить их немедленно в Советскую Россию»¹⁸. Несмотря на сложность положения, Сибревком поручил Иркутской Губчека производить

«строжайшую фильтрацию прибывающих». 16 февраля в ДВР поступает «Циркулярное распоряжение Сибревкома о контроле за поездками иностранцев и ужесточении режима выезда иностранцев в ДВР и страны Востока»¹⁹.

Первоначально органы Госполитохраны Прибайкалья существовали на правах отделения со штатом 150 человек. 8 февраля 1921 года правительство ДВР утвердило «Временное Положение о Государственной политической охране», согласно которому было осуществлено структурное оформление Прибайкальского отдела. Отдел имел в своем подчинении Троицкосавский, Баргузинский, Петровско-Заводской подотделы. Все сотрудники приравнивались к военнослужащим с правом хранения и ношения оружия. Прибайкальскому отделу предоставлялось право обыска, ареста, задержания граждан в порядке, предусмотренном «Положением о Политическом народном суде ДВР».

Согласно Временному Положению, военное ведомство и милиция Прибайкальской области обязаны были исполнять законные требования Прибайкальского областного отдела Госполитохраны и оказывать ему вооруженное содействие в случае необходимости. Так, по инициативе Госполитохраны Читинская городская народная милиция в декабре 1920 года провела ряд мероприятий для решения продовольственной проблемы: создала продовольственную организацию для борьбы со спекуляцией продовольствием и продовольственные заградительные отряды на границе для предотвращения утечки продовольствия за кордон, осуществляла реквизиции и продовольственное налогообложение²⁰.

Госполитохрана занималась не только своим непосредственным делом, связанным с укреплением правопорядка. Она жила интересами всей страны. Так, 6 ноября 1920 года на партийном собрании коммунистической ячейки при отделении № 5 Госполитохраны Баргузинского уезда было принято постановление об «отчислении от каждого члена и кандидата в размере половины жалованья за ноябрь по 5 фунтов муки для голодающего Китая»²¹.

В мае 1921 года, согласно директиве ВЧК, началась реорганизация органов Госполитохраны. По просьбе из ВЧК, направленной в адрес председателя Сибревкома И.Н. Смирнова, была учреждена должность уполномоченного Дальбюро по охране ДВР, которую занял представитель ВЧК в ДВР А.П. Марцинковский.

Все ответственные работники МВД и Госполитохраны обязаны были выполнять его директивы и согласовывать с ним свои действия. Кроме того, при Госполитохране создавался Военный отдел, который выполнял определенные функции в армии. На него возлагалась задача, связанная с охраной границ ДВР. Все войска пограничной охраны и органы Госполитохраны в пограничной полосе подчинялись Военному отделу. Он получал право осуществления обысков, арестов, ведения следствия. Большую роль в реорганизации Госполитохраны сыграл полномочный представитель ВЧК по Сибири И.П. Павлуновский (18 июля 1921 года Президиум ВЦИК РСФСР наградил И.П. Павлуновского высшей государственной наградой – орденом Красного Знамени, а решением ЦК РКП(б) он был введен в состав Сиббюро ЦК). Созданная по его инициативе комиссия 1 июля 1921 года представила проект нового положения о Госполитохране ДВР, который 7 июля был утвержден Дальбюро ЦК РКП(б). На основании принятого постановления создавалась Коллегия Главного управления Госполитохраны и аналогичные Коллегии областных отделов Госполитохраны. Первым председателем Коллегии Прибайкальского отдела Госполитохраны стал Ю.И. Клиндер²². При осуществлении оперативно-розыскной и агентурной работы, направленной на нужды ДВР, Госполитохрана подчинялась МВД и правительству республики; при обслуживании нужд РСФСР – ВЧК через Дальбюро ЦК.

Таким образом, деятельность Госполитохраны ограничивалась политическим сыском. Все карательные функции передавались милиции. Позднее были созданы особые воинские отряды при Госполитохране ДВР и Особый транспортный отдел, призванный бороться с саботажем, диверсиями и шпионажем на транспорте. В этот же период происходит активизация агентурной работы Госполитохраны. Так, в информационной телеграмме от 14–15 мая 1921 года уполномоченного по Дальнему Востоку, направленной в адрес И.Н. Смирнова и в Наркомат иностранных дел РСФСР, указывалось на создание заграничной агентуры, засылку агентов в Японию и Китай и налаживание связей с китайскими социалистами²³. Следом за этой телеграммой 19 и 23 мая в регистрационный отдел Восточно-Сибирского военного округа и Сиббюро ЦК РКП(б) поступают обращение и письмо с просьбой о

помощи в укомплектовании зарубежной военной разведки. Речь шла о японцах, китайцах, корейцах, монголах и бурятах²⁴.

В течение 1921–1922 годов чекисты сумели установить широкие и всесторонние связи с трудящимися массами ДВР и в своей оперативной работе опирались на их активную помощь. Этому во многом способствовал созданный в апреле 1922 года Восточный отдел ГПУ. В этот период получили распространение такие формы связи органов безопасности с трудящимися как выступление чекистов на собраниях рабочих с сообщениями о своей деятельности по борьбе с контрреволюцией, использование открытой печати. В свою очередь трудящиеся сообщали органам госбезопасности о преступных замыслах контрреволюционеров, зачастую участвовали в массовых операциях по задержанию и изоляции преступных антисоветских элементов²⁵.

В тесной взаимосвязи с чекистами работал Дальневосточный секретариат Коминтерна, который направлял иностранных интернационалистов для работы в местные органы безопасности, способствовал созданию иностранных коммунистических секций и партийных организаций от Верхнеудинска до Владивостока, засылал агентов в Японию, Китай, Корею, Монголию, способствовал распропагандированию белогвардейских частей. Так, благодаря агитации засланных через Синцзян коммунистов казахов и татар во второй половине августа 1920 года на сторону Народно-революционной армии ДВР перешел 1-й Татарский конный полк «Конно-азиатской дивизии» барона Унгерна в количестве около 200 человек²⁶. В числе нелегалов на территории Китая по заданию Коминтерна работала и М.М. Сахьянова (будущий секретарь Бурятского областного комитета партии), которая в Шанхае устанавливала связь с революционной частью корейской эмиграции²⁷.

Одновременно с Госполитохраной формируется военная контрразведка. 6 апреля 1920 года Военный Совет Народно-революционной армии ДВР издает приказ № 13, согласно которому для «ведения дел по борьбе с контрреволюцией, преступлениями по должности, шпионажем, спекуляцией и прочим... организуется при Военном Совете орган контрразведки»²⁸. Возглавил контрразведку Моисеев. 21 мая 1920 года при Военном Совете создается орган военного контроля, функции которого не претерпели изменения по сравнению с контрразведывательным отделом. В

результате последующей реорганизации всех органов госбезопасности отдел военного контроля перестал существовать. Контрразведывательная работа осуществлялась только в некоторых учреждениях и воинских частях, дислоцированных в Верхнеудинске и Чите. При Госполитохране создавался секретно-оперативный отдел и на него возлагались функции бывшего военного контроля. Однако Госполитохрана, не имея ни опыта подобного рода работы, ни кадров, ни финансов, ни связей с командованием Народно-революционной армии и воинскими частями, не могла решать поставленной задачи. Частые перегруппировки и перемещения бригад и дивизий еще больше затрудняли решение задач по обеспечению безопасности армии. Лишь 25 мая 1921 года Дальбюро ЦК РКП(б) утвердило положение о Военном отделе Главного Управления Госполитохраны при Штабе Главнокомандующего всеми вооруженными силами ДВР, который был призван вести борьбу с «военным шпионажем в Народно-революционных армиях в пределах Правительства ДВР...»²⁹. На отдел возлагалась также охрана границ республики.

В июле-августе 1921 года были созданы и начали действовать отделения Военного отдела во 2-й Армии, 1-й Читинской, 2-й Верхнеудинской, 3-й Амурской, 1-й Забайкальской дивизиях, Троицкосавской и Сретенской кавалерийских бригадах, Акшинском и Благовещенском пограничных отрядах³⁰. Они создавали осведомительную сеть в штабах, других органах управления и снабжения, а также в строевых частях. Под особым контролем были партизанские отряды, где сильны были анархистские тенденции. Особенно это касалось отряда Тряпицына, по вине которого погибло полторы тысячи мирных жителей Николаевска-на-Амуре.

Характер подрывной работы внешней и внутренней контрреволюции потребовал от чекистов максимальной гибкости, изменения тактики борьбы с противником, которая становилась все более ожесточенной. В отличие от прошлых лет, когда основное внимание уделялось методам открытого подавления контрреволюции, в изменившихся условиях необходимо было перейти, главным образом, к агентурным, более сложным и в то же время более эффективным методам выявления агентов империалистических разведок и эмиссаров белоэмигрантских центров, вскрытия законспирированных антисоветских организаций, к своевре-

менному предупреждению подготавливаемых контрреволюционных выступлений. Кроме того, в соответствии с циркулярным письмом ЦК РКП(б) от 2 марта 1920 года спецслужбы стремились не дать контрреволюции завладеть аппаратом хозяйственного строительства, отбросив ее от таких рычагов экономической жизни, как профсоюзы, кооперативы, органы руководства промышленностью, транспортом, продовольственным делом.

В середине 1921 года, в связи с начавшимися боями на территории ДВР с бароном Унгерном, обострилась ситуация в Забайкалье. В докладной записке секретаря Дальбюро ЦК РКП(б) А.М. Краснощекова наркому иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину от 3 июля 1921 года подчеркивалось, что центром тяжести является Забайкалье, где «получив точку опоры здесь, вне сферы оккупации, отрезав нас от Совроссии, черный буфер оформляется, и Япония сумеет открыто его признать»³¹. На другой день на имя И.Н. Смирнова поступил запрос от заместителя председателя РВСР Э.М. Склянского о возможности появления врангелевцев на Дальнем Востоке³². Вся эта ситуация, по оценке И.Н. Смирнова, обуславливалась тем, что «Япония, не имея возможности вступить с нами в войну в настоящих условиях, поставила целью образование черного семеновского буфера, который сыграет роль японского кулака, причем отвлекает от этого нового образования наше внимание унгерновской демонстрацией и движением в Маньчжурии»³³. В подтверждение оценки председателя Сибревкома 5 июня 1921 года из оперативного отдела штаба 5-й Армии поступило донесение, построенное на агентурных данных, о сосредоточении белобандитов на территории Монголии из числа русских, бурят, монголов, которые по приказу Унгерна должны слиться в одну армию и самостоятельно начать военные действия против Советской России³⁴. Все это способствовало активизации деятельности Госполитохраны и военной контрразведки. Более качественно стали работать секретно-оперативные подразделения. Только аппаратом Военного отдела и отделением 2-й Верхнеудинской дивизии осуществлялось активное наблюдение за более чем 70 военнослужащими и служащими, подозреваемыми в осуществлении военной деятельности. За шпионаж в пользу Японии были арестованы начальник административного управления штаба НРА Беляев, начальник разведотделения Колесник, сотрудники штаба Рыбинский,

Добромыслов, Хренов, командир бригады охраны железных дорог Гак, делопроизводитель управления снабжения Корзун. Несомненные успехи имели и военные контрразведчики 1-й Забайкальской кавалерийской дивизии, которым удалось выявить в Сретенске белогвардейскую организацию, созданную по указанию генерала Шильникова³⁵.

25 декабря 1921 года Главное управление Госполитохраны и Военный Совет приняли решение о реорганизации органов Госполитохраны в прифронтовой полосе. При Военном Совете вновь учреждался военно-полевой отдел, в задачу которого входила борьба со шпионажем, саботажем, контрреволюционной агитацией, войсковой агентурной разведкой.

В этот же период спецслужбы контролировали и деятельность национальных культурных центров, и молодежных организаций на территории Прибайкалья. Несмотря на наличие в Верхнеудинске Союза еврейской молодежи «Ахтио», на базе которого впоследствии была создана организация «Шолом Алейхем», и молодежной еврейской организации «Гешехер», уполномоченный по политическим партиям Госполитохраны в Верхнеудинске в донесении от 24 августа 1922 года подчеркивал, что «в сионистской партии работ никаких не ведется..., что даже ответственные работники не знают, кто у них состоит в комитете»³⁶.

Важным элементом в достижении победы стала деятельность спецслужб за рубежом. Так, 31 мая 1922 года поступила информация советской разведки в Китае о белогвардейском подполье в Сибири, в которой указывалось, что «в Восточной Сибири, в районе озера Шира, Иркул, Черного и Аткуль капитан Сипайло вербует и вооружает бурятский отряд, достигший уже 1700 человек». 29 июля поступила информационная сводка Госполитохраны о банде дезертиров в районе Баргузина, промышленявшей грабежом, и белогвардейских, меркуловских и монархических организациях в Харбине и Шанхае³⁷.

Таким образом, благодаря усилиям чекистов улучшалась политическая работа среди нарооармейцев, укреплялась воинская дисциплина, был налажен контроль за военными специалистами, наведен порядок в снабжении и вооружении, налажен пограничный контроль, пресекались попытки спекуляции и вывоза продуктов питания и стратегического сырья за границу, принимались жесткие меры против саботажников, велась активная

борьба со шпионажем, пресекалась деятельность белогвардейских контрреволюционных организаций, велась активная агентурная работа на территории ДВР и за ее пределами. Одновременно с этим чекисты совместно с партийными организациями принимали решительные меры по искоренению бюрократизма, волокиты и извращений в работе государственного аппарата. Все это в конечном итоге позволило повысить боеспособность Народно-революционной армии ДВР и после упорных боев изгнать интервентов и белогвардейцев с территории Дальнего Востока. Необходимость существования буферного государства отпала. ДВР и входившие в нее области в конце ноября 1922 года присоединились к РСФСР. Госполитохрана, а также Военный Совет с его подчиненными органами были упразднены. Взамен начали формироваться территориальные органы ГПУ и особые отделы РККА.

Примечания

1. Вольная Сибирь. 1928. № 4. С. 71.
2. Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии (1917–1918 гг.): Сб. документальных материалов. Улан-Удэ, 1957. С. 91.
3. Из истории ВЧК: сб. документов. М., 1958. С. 103.
4. Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии (1917–1918 гг.). С. 136-137.
5. Жамбалова С.Л. Руководители органов госбезопасности Республики Бурятия // Из истории спецслужб Бурятии. Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию ВЧК-ФСБ. Улан-Удэ, 1997. С. 91.
6. Подвиг Центросибири. 1917–1918: сб. документов. Иркутск, 1986. С. 169-171, 294-295.
7. Там же. С. 309, 321.
8. Агалаков В.Т. Подвиг Центросибири. Иркутск, 1968. С. 116.
9. История советских органов государственной безопасности. М., 1977. С. 26.
10. Курас Л.В. Атаман Семенов и «еврейский вопрос» // История «белой» Сибири. Тезисы второй научной конференции. Кемерово, 1997. С. 46-48.
11. Исторический архив. 1957. № 5. С. 184.
12. ВЧК – ГПУ. Вермонт, 1989. С. 125-127 / Сост. Ю. Фельштинский.
13. Белоглазов И.И. Из истории чрезвычайных комиссий Сибири (февраль 1918 – февраль 1922 гг.). М., 1986. С. 59.

14. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996. С. 37.

15. Доржиев Д.Л. Формирование Прибайкальского областного отдела Госполитохраны ДВР (ноябрь 1920 г.–ноябрь 1921 г.) – этап истории органов госбезопасности Бурятии // Из истории спецслужб Бурятии... С.24.

16. Дальневосточная политика Советской России... С. 104-105, 107-109, 120-121.

17. Там же. С. 126-128, 172-173.

18. Там же. С. 126-128.

19. Там же. С. 201-202.

20. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), ф. 18, оп. 1, д. 10, л. 16.

21. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ), ф. 57, оп. 2, д. 27, л. 6.

22. Жамбалова С.Л. Указ. соч. С. 91.

23. Дальневосточная политика Советской России... С. 70.

24. Там же. С. 71, 74-75.

25. О формах связи органов госбезопасности с трудящимися. Сборник статей. М., 1961. С. 22-37.

26. Дальневосточная республика. 1920. 4 сентября.

27. Батуев Б.Б. Мария Михайловна Сахьянова. Страницы политической биографии. Улан-Удэ, 1992. С. 12.

28. Зданович А.А. Организация и деятельность органов военной контрразведки в Народно-революционной армии Дальневосточной республики (1920–1922 годы) // Из истории спецслужб Бурятии. С. 29-30.

29. Там же. С. 33.

30. Там же. С. 38.

31. Дальневосточная политика Советской России... С. 262-264.

32. Там же. С. 267.

33. Там же. С. 267-268.

34. Там же. С. 268.

35. Зданович А.А. Указ. соч. С. 41.

36. Архив УФСБ РФ по РБ, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 120.

37. Дальневосточная политика Советской России... С. 338-339, 341-342.

История интернирования и плена

УДК 940.3/4(57)-054.65

А.И. Гергилева

К вопросу о видах наказаний, применяемых к военнопленным Первой мировой войны в Сибири

В статье рассматриваются виды наказаний иностранных военнопленных Первой мировой войны, интернированных в лагере Сибири, возможность применения Уложения о наказаниях за проступки и преступления, совершенные военнопленными на территории их размещения, а также описываются конкретные случаи следственных дел в отношении военнопленных.

Ключевые слова: военнопленные, Сибирь, судебное следствие, преступление, наказание.

A.I. Gergileva

To a question on kinds of the punishments applied to the prisoners of World War I in Siberia

The article describes kinds of punishments of foreign prisoners of the First World War interned in camp of Siberia, the possibility of application of Ulozhenija about punishments for offenses and the crimes made by prisoners of war in territory of their placing and concrete cases of investigatory affairs in the relation of prisoners of war.

Keywords: prisoners of war, Siberia, judicial examination, a crime, punishment.

Проблемой наказаний иностранных военнопленных Первой мировой войны никто из исследователей, изучающих соци-

ально-экономические и политические проблемы содержания военнопленных на территории России не занимался. Вместе с тем, интерес представляет изучение проступков и преступлений со стороны военнопленных и видов наказаний, применяемых к военнопленным. Отдельные эпизоды данной темы можно встретить в работе Н.В. Грекова¹ в части исследования «Реализация мероприятий государственных органов России по выявлению и пресечению разведывательной деятельности противника на территории тыловых военных округов в период Первой мировой войны».

Правовое положение военнопленных регулировалось на основе международных конвенций, и в частности, ст. I–XX Отдела I Положения о законах и обычаях сухопутной войны (1907). Ст. 8 данного Положения указывала, что «военнопленные подчиняются законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся»². Следовательно, военнопленные могли привлекаться к уголовной ответственности так же, как и военнослужащие державшего их государства. В соответствии со ст. 12, если отпущенный военнопленный вновь брался за оружие против этого же правительства и оказывался в плену, то он не получал прав военнопленного и мог быть передан суду. Норма ст. 12 в данном случае – не единственное основание уголовного осуждения, а лишь специальный состав преступления, который отсутствовал в национальном законодательстве³.

С началом войны был расширен контингент военнопленных, все лица, враждебного государства, находящиеся на территории противника автоматически становились военнопленными.

Так, уже 28 июля 1914 г. всем гражданским властям были направлены шифрованные телеграммы от Министерства внутренних дел (МВД), в которых указывалось на то, что «в виду призыва Австрией и Германией всех способных носить оружие, все австрийские и германские подданные мужского пола от семнадцати до сорока пяти лет должны считаться военнопленными и подлежат немедленному аресту и высылке в места, указанные в телеграмме 402»⁴. Местами для высылки определялись Вятская, Вологодская и Оренбургская губернии для лиц, находящихся на территории Европейской России и Кавказа, а из Сибири предлагалось направлять в Якутскую область.

Невероятно, но в огромной империи, имевшей колоссальные почти безлюдные северные районы, остро стоял вопрос о местах ссылки даже в мирное время. Петербург рассматривал Сибирь как одну большую тюремную камеру и почти во всех ее закоулках считал удобным помещать ссыльных. Между тем сибирские губернаторы во «всепоподданнейших отчетах» постоянно жаловались на «растлевающее влияние ссыльного элемента на местное население» и просили освободить их губернии от ссыльных. В конце концов, на отчете военного губернатора Забайкальской области Николай II написал, что вопрос о ссыльных «разрешить ко благу местного населения Сибири...следует выбрать одну местность из наиболее глухих и туда водворять ссыльнопоселенцев». Имелись ввиду политические и уголовники. 3 июня 1914 г. председатель Совета министров И.Д. Горемыкин просил министра внутренних дел Н.А. Маклакова дать ответ: какая из сибирских губерний в наибольшей степени подходит на роль места «всероссийской ссылки»⁵. 8 июля Н.А. Маклаков решил узнать мнение министра юстиции. Пока последний вел переписку с сибирскими прокурорами, выясняя их позицию, началась война. Прокуроры всеми способами убеждали столицу в непригодности их губерний для массовой ссылки. Так, прокурор Омской судебной палаты доложил в Министерство юстиции о том, что в Западной Сибири нет местностей, где «можно было бы сосредоточить водворение всех политических ссыльных». Однако, его мнение, как и мнение министра юстиции, уже никакого значения не имело. 2 августа 1914 г. Н.А. Маклаков, отбросив ставшие обременительными в условиях войны межведомственные согласования, известил Военного министра о том, что высылаемых из западных губерний следует направлять под надзор полиции в Западную Сибирь и «в северные уезды Тобольской губернии»⁶.

Порядок действий властей в отношении различных категорий подданных вражеских государств, определенный властями МВД, на практике не предусматривал никаких различий для тех, кто был объявлен военнопленным и заподозренным в шпионаже.

Арестованные германские и австрийские подданные с «уликами в шпионстве» должны были передаваться суду, «арестованные по подозрению в шпионстве, но без улик» – немедленно высылаться «в указанные губернии». Германцам и австрийцам, не находящимся под подозрением, разрешалось оставаться в

местах проживания и пользоваться покровительством российских законов. Семьи высылаемых австрийцев могли последовать за высылаемым. «Заведомо больные и неспособные к военной службе» аресту и высылке не подлежали⁷.

Сибирское жандармское управление, руководствуясь указаниями Главного управления Генерального штаба, всех германских подданных, невоеннообязанных решило высылать «в завожские губернии». За штатными германскими консулами, «коим предложено было выехать немедленно за границу», устанавливалось до выезда «самое строгое наблюдение»⁸.

Нормы Гаагской конвенции, хотя и были в большой степени восприняты национальным законодательством многих государств, однако, зачастую нарушались этим самым законодательством, в том числе и российским Положением «О военнопленных», которое было принято 7(20) октября 1914 г.

Согласно ст. 50 Положения «О военнопленных», главное заведование всеми военнопленными на территории Империи принадлежало Военному министерству в лице Главного управления Генерального штаба. Гражданские власти обязывались оказывать всемерное содействие военному начальству⁹.

Положение «О военнопленных» устанавливало лагерный режим содержания, вводило обязательное вовлечение военнопленных солдат к работам, указывая, что работы эти оплате не подлежат¹⁰. Немногим удавалось получить денежные переводы, помощь Красного Креста, либо обеспечить себе сносное существование. К тому же само положение пленника унижительно. Это и ограничение свободы, и обязательное соблюдение требований придирчивых караульных, и белая повязка на рукаве мундира. Ощущение безысходности, подавленности у солдата, оказавшегося в неприятельском стане, порождало внутреннее стремление к противодействию. Так, в Омском концентрационном лагере поручики Луис Шелер и Фриц Кене были наказаны за «варение квасу», поручики Карл Отто Бюлов и Герберт Фольк – за «неоднократное питьё чая», а штабс-капитан Франц Цегентер попал под арест за «курение папиросы в присутствии начальника бригады»¹¹. Наибольшее наказание – 30 суток ареста офицерам следовало за попытку побега.

Так, в приказании войскам Иркутского военного округа от 5 июля 1916 г. за № 140 говорилось, что «из ряда дознаний по

делам о побегах из гарнизонов округа военнопленных офицеров усматривается, что большинство офицеров для этих побегов воспользовались подложными паспортами, причем во многих случаях подставляли вместо себя военнопленных нижних чинов, которые под фамилиями бежавших офицеров получали положенное этим последним содержание». Причем начальники гарнизонов, в случае задержания таких офицеров подвергали их лишь аресту за побег и не привлекали к судебной ответственности. Временно исполняющий дела начальника штаба генерал-майор Иллешевич указывал, что «приобретение или составление и пользование подложными видами на жительство со стороны военнопленных офицеров, так и равно и получение путём обмана военнопленными нижними чинами, не принадлежащих им денег, составляет уголовного наказуемые деяния: для офицеров – предусмотренное ст. 975 и 977 Уложения о наказаниях Уголовных и исправительных, а для нижних чинов – ст. 1666 и 1668 того же Уложения»¹².

Ввиду этого «в целях всемирного предупреждения побегов и совершенного их искоренения» командующий войсками приказал: «о каждом обнаруженном побеге беззамедлительное производить дознание по поводу обстоятельств, сопровождавших его, и в зависимости от характера преступления, неукоснительно привлекать виновных к законной ответственности, направляя дела к подлежащим военным следователям для производства предварительного следствия»¹³.

Министр внутренних дел России Б.В. Штюмер, за девять месяцев до февральской революции, говорил о недостаточности репрессивных мер, имеющих в распоряжении властей, в особенности при отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы. Отказ от работ – явление заурадное, единственною мерой воздействия является арест; но и эта кара делается мертвой буквой, когда её предстоит применить к нескольким сотням, а иногда и тысячам человек»¹⁴.

Губернаторы посчитали: к военнопленным надо применять телесное наказание, что «давно применяется во вражеских странах по отношению к нашим пленным, а также и в России в исправительных арестантских отделениях и каторжных тюрьмах»¹⁵. «Возможно, было бы войти в сношение с военными властями, имеющими по закону право подвергнуть телесному нака-

занию, о предоставлении тех же полномочий местному военному начальству – воинским начальникам, с передоверием гражданскому начальству»¹⁶.

Товарищ министра внутренних дел граф А.А. Бобринский говорил о том, что «с формальной стороны в России телесное наказание применяется лишь к лицам, юридически опороченным, и каким способом можно было бы приурочить проявляющих сопротивление военнопленных к этой категории». Постановили: «о предварительном переведении провинившегося в разряд штрафованных, а затем применение к нему телесного наказания»¹⁷.

Министерством внутренних дел было «признано безусловно необходимым... предоставить губернаторам, в отношении арестования пленных, права, предусмотренные для командира полка, а именно: 1) Подвергать простому аресту¹⁸ до 1-го месяца; строгому аресту¹⁹ до 20-ти суток и усиленному²⁰ – до 8-ми суток. 2) Подвергать для усугубления наказания, простому, строгому и усиленному аресту вместе, до одного месяца. ...Подвергнутым аресту, как усиленному и строгому, так и простому, воспрещается курение табаку, всякого рода игры и песни, а также сообщения с посторонними»²¹.

В отношении военнопленных, на коих упомянутые меры наказания не оказали воздействия, высказывалось предложение применять «в виде самой крайней меры, и 3-месячное тюремное заключение», но лишь «в случаях крайнего упорства со стороны военнопленных»²². Объяснялось это тем, что трехмесячное заключение военнопленных «поставило тех лиц, коим предоставлены для работ пленные, в тяжелое положение, так как лишило бы их на весьма продолжительное время работников»²³.

Незадолго до Октябрьской революции МВД подвело плачевные итоги своих, длившихся с весны 1917 г. попыток, опираясь на общественные организации, принять меры против побегов пленных, установить за ними должный надзор. «Деятельность... местной власти не дала положительных результатов и случаи побегов военнопленных... приняли массовый характер, – отмечалось в циркуляре Главного управления по делам милиции и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, – и военнопленные бегут уже не в одиночку, а целыми партиями...

пользуются полной свободой и могут безнаказанно направлять свою деятельность во вред нашей родине»²⁴.

На фоне подобных действий и, по сути, беспомощности ответственных лиц, пленные заявили о себе как об одном из факторов преступности в регионе. Только в Омске за 20 дней августа 1917 г. за воровство было задержано 12 военнопленных. О пленных – «поджигателей городов и деревень» – открыто заговорили на улицах²⁵.

Неслучайно и появление подобного рода дел в окружных судах. Так, к примеру, в Государственном архиве Красноярского края, имеется «Дело о Шандоре Надь, обвиняемом в поджоге хлеба». Это дело – яркий пример тому, как велись подобного рода следствия. 28 октября 1918 г. полковник Михов в Песчанский сельский комитет отправил постановление выдать офицера Александра Надь в военный городок. Александр Надь обвинялся местными жителями в поджоге гумна, в результате пожара ущерб составил сумму 9 460 рублей²⁶. Дело было передано на рассмотрение мировому судье 1-го участка Красноярского уезда. Следствие велось до 31 мая 1919 г. когда прокурору 1 участка Красноярского уезда мировой судья Суриков доложил, что «дело Александра Надь, обвиняемого по ст. 1614 Уложения о наказаниях, за недостаточностью улик приостановлено»²⁷. Но основная причина была следующего содержания: полномочные власти не установили личность подозреваемого. Дело в том, что, обратившись в военный городок для вручения военнопленному повестки, выяснилось, что «таковых (Александров Надь – А.И.) очень много и они заявили, что никаких поступков не совершали»²⁸. Комендант лагеря военнопленных поручик Рихтер посоветовал обратиться в Красноярский лазарет, где находился на лечении еще один Александр Надь, но на документе красной ручкой написано, что и в Красноярском лазарете такого военнопленного не оказалось. Таким образом, дело было закрыто.

Но были и тяжкие уголовные преступления. Так, к примеру, по приговорам суда в пределах Иркутской губернии отбывали наказания в г. Чите: Герман Вильгельм, рядовой I гвардии гусарского полка германской армии и Франс Иосиф, рядовой I пехотного полка германской армии. Они были осуждены 10 июня 1916 г. на три года в каторгу, а Цвингер Юзеф, рядовой 23-го пехотного полка германской армии, осуждён на 1,5 года,

«за обливание глаз русскому солдату серной кислотой»²⁹. Курант Ласте, рядовой учебного пехотного полка германской армии, 3 февраля 1917 г. осуждён на 6 лет в каторгу «за ранение русского солдата». В Березовке 2 года тюремного заключения за обезоруживание и нападение на часового 21 января 1917 г. отбывали Штефан Вервой и Юсиф Петрачек, поручики австрийской армии, осужденные военным судом (до суда содержались в тюрьме 8 месяцев). Владислав Субек, нижний чин австрийской армии, был осужден за кражу денег у военнопленного 1 годом тюремного заключения. Йозеф Таллер – австриец – за оскорбление часового и за замах бутылкой на него – на 1 год 4 месяца тюрьмы. В Заиркутном городке: Генрих Шперлинг, доктор, кадет австрийской армии и Деже Штерн содержались в Иркутской губернской тюрьме «за переезд во время побега с подложным паспортом и за проживание по таковому», были осуждены на 3 месяца. Юлиус Байер и Пауль Беттин, рядовые германской армии, были осуждены на 2 года «за оскорбление караула» – содержались в тюрьме гражданского ведомства. Франс Меркатц – рядовой австрийской армии был заключен в тюрьму на 2 года «за нанесение побоев чину русской армии при исполнении им обязанностей службы»³⁰.

Власть в Сибири менялась, а военнопленные продолжали находиться на территории противника и ждали освобождения из под стражи и отправки домой.

Так, например, в Красноярской губернской тюрьме со 2 февраля 1915 г. содержались под стражей военнопленные Самуил Циммерман, Бернар Финк, Эберт Корн, которые 27 июня 1917 г. написали прошение на имя министра юстиции Перевязева. В прошении они указывали на то, что «содержание их в тюрьме незаконно и просили министра о скорейшей ликвидации дела и освобождения из тюрьмы»³¹. Военнопленные нижние чины обвинялись в «содействии к побегу офицеров деньгами». Солдаты не отрицали того факта, что деньги офицерам они давали, но объясняли это тем, что «в армии солдат является обреченным человеком, когда и просьба офицера к солдату равносильна приказанию»³². Побег офицерами совершен не был и на 27 июня 1917 г. они находились в Красноярском военном городке. Заключенные пленные уповали на то, что «обновленной России чужды старые приемы судейской волокиты и принципы справедливости и че-

ловечности будут камнем русской юриспруденции»³³. Последний документ в деле датирован 15 декабря 1917 г., в котором прокурор просил окружной суд прислать копию приговора и определение суда по делу лиц, причастных к содействию в побеге.

Политика репрессий в отношении военнопленных менялась в зависимости от власти. Чехословаки, заняв Красноярск, объявили на территории Енисейской губернии приказы командующего войсками Енисейского района полковника Гулидова № 7 и 8 от 28 июня и 8 июля 1918 г. соответственно. В приказах предписывалось: военнопленным, проживающим в г. Красноярске, «в трехдневный срок явиться к коменданту лагеря военнопленных, которому принимать и водворять их в лагерь.., ...по истечении трехдневного срока все предприятия, учреждения и частные лица, у которых будут обнаружены проживающие или служащие военнопленные, будут привлечены, как и сами военнопленные, к судебной ответственности»³⁴.

К судебной ответственности согласно приказа № 8 привлекались лица, ответственные за военнопленных, а военнопленные заключались в тюрьму за «свободное хождение по городу», не связанное с их службой в тех или иных учреждениях, за неимением на левом рукаве белой повязки с буквами «В. П.», за неуставное приветствие «при встрече с военнослужащими Сибирской армии и чехословаками», за участие в «каких бы то ни было профессиональных союзах и организациях»³⁵.

18 июля 1918 г. вышел приказ № 16, в котором оговаривались еще более строгие меры в отношении военнопленных. Всех военнопленных обязывали явиться к коменданту военного городка с имеющимися у них удостоверениями. «Все удостоверения, выданные на право жительства в городе военнопленным, должны быть подписаны комендантом военного городка и заведующим охраной чехословацкого караула в лагере военнопленных с должностными печатями... Без должностных печатей и подписей упомянутых лиц» удостоверения считались недействительными³⁶. Военнопленные, не явившиеся для проверки документов, «будут подвергаться самым строгим наказаниям военного времени»³⁷.

Таким образом, политическая власть при поддержке сильной военной власти, заработавшей себе авторитет на удавшейся попытке противопоставить себя Советской власти, разделяла бразды административного правления на занимаемой территории,

часто также нарушая международное право в отношении военнопленных.

Восстановление публично-правовых и частно-правовых отношений, обмен военнопленными и гражданскими пленными, вопрос об амнистии и другие вопросы явились предметом дополнительных договоров, которые были подписаны 3 марта 1918 г. и вступали в силу одновременно с Мирным договором.

Глава седьмая Мирного договора, решающая вопрос об амнистии декларировала: «Каждая из сторон представляет военнопленным противной стороны полное освобождение от наказания за все свершенные ими деяния, за которые предусмотрены наказания по суду или дисциплинарные взыскания»³⁸. Статья 26 договора гласила: «Военнопленные, находящиеся под предварительным арестом или в тюремном заключении за военную или государственную измену, умышленное убийство, разбой, грабительское вымогательство, умышленный поджог или преступление против нравственности, могут быть оставлены в заключении до их возвращения на родину, которое должно совпасть с первым обменом годных к военной службе»³⁹. Поэтому полномочные органы уже Советской России стали закрывать следственные дела и составлять списки военнопленных, отбывающих наказания за преступления по военным округам России, чтобы планомерно вести процесс эвакуации военнопленных и действовать в рамках международных обязательств.

Примечания

1. Греков, Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) / Н.В. Греков // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. Омск, 1997. С. 154-180; Он же. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы / Н.В. Греков. М.: МОНФ, 2000. 209 с.

2. Действующее международное право. Т. 2. М., 1992. С. 577.

3. См.: Щелокаева Т.А. Эволюция правового статуса военнопленных в XX веке / Т.А. Щелокаева // История государства и права. 2001. № 2. С. 40-41.

4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 1876. Л. 104.

5. Цит. по: Греков Н.В. Русская контрразведка... С. 99.

6. Там же.

7. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1876. Л. 101.

8. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1876. Л. 4.

9. Авербах О.И. Указ. соч. С. 342.

10. Высочайше утвержденное положение Совета Министров о военнопленных от 7 октября 1914 г. // Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1918 гг. Т. 1. ПГ., 1918. С. 339.

11. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 301. Оп. 1. Д. 1. Л. 7,9,10,12.

12. Российский государственный военно-исторический архив (РГ-ВИА). Ф. 1468. Оп. 3. Д. 478. Л. 172.

13. Там же.

14. Красный Архив. 1929. Т. 3/33/. С. 156.

15. Там же. С. 157.

16. Там же.

17. Там же.

18. Простой арест – виновные содержатся каждый отдельно, в светлом карцере. Они получают пищу и спят на голых нарах. (ГАОО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 63. Л. 108 об.).

19. Строгий арест – арестованные содержатся в светлом карцере, но на хлебе и воде. Им отпускается хлеб и соль ежедневно, а горячая пища через два дня на третий. Они спят на голых нарах. (ГАОО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 63. Л. 108 об.).

20. Усиленный арест – содержание в темном карцере, в соблюдении в остальном правил для строгого ареста предписанных. (ГАОО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 63. Л. 108 об.).

21. ГАОО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 63. Л. 108-108 об.

22. Там же.

23. Там же.

24. Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Омск, 2006. С. 130.

25. Омский вестник. 1917. 6 июня, 22 сент.

26. ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 2469. Л. 34.

27. Там же. Л. 35.

28. Там же. Л. 8.

29. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 414. Л. 37.

30. Там же.

31. ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1640. Л. 197.

32. Там же. Л. 197 об.

33. Там же. С. 197.

34. ГАКК. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д.1. Л.2.

35. Там же. Л. 3.

36. Там же. Л. 4.

37. Там же.

38. Там же. С. 178.

39. Там же. С. 179.

УДК 341.34(47)(=956)(091)

С.И. Кузнецов

**Политика советского государства
в отношении японских военнопленных советско-японской войны 1945 г.**

Статья посвящена исследованию политики советского государства в отношении японских военнопленных. Автор раскрывает внутри- и внешнеполитические мотивы интернирования японских военнопленных периода советско-японской войны в СССР.

Ключевые слова: военнопленные, советско-японские отношения, советско-японская война, Квантунская армия, идеологическая обработка военнопленных, репатриация.

S.I. Kuznetsov

**Policy of the Soviet state
Concerning Japanese prisoners of war of Soviet-Japanese war of 1945**

Article is devoted research of a policy of the Soviet state concerning Japanese prisoners of war. The author opens intra- and foreign policy motives of internment of Japanese prisoners of war of the period of Soviet-Japanese war in the USSR.

Keywords: the captured, Soviet-Japanese relations, Soviet-Japanese war, Kvantunsky army, brain washing of prisoners of war, repatriation.

Как известно, одним из результатов советско-японской войны 1945 г., было пленение большей части Квантунской армии и интернирование в Советский Союз, по разным оценкам, от 540 до 610 тыс. бывших военнослужащих японской армии. Основная их масса содержалась в лагерях военнопленных на территории Сибири и Дальнего Востока, хотя отдельные лагеря размещались и в европейской части СССР, а также в некоторых республиках – Узбекистане, Грузии, Казахстане. Период интернирования в СССР в основном продолжался с 1945 по 1949 гг., когда большая часть японцев была репатрирована, а до 60 тыс. чел. умерли вследствие различных болезней и тяжелых условий лагерной жизни и были похоронены на территории СССР. При этом некоторая часть военнопленных оставалась в СССР вплоть

до 1956 г. Плен фактически превратился в продолжение войны. Отправка военнопленных в СССР противоречила Потсдамской декларации, к которой СССР присоединился 8 августа 1945 г.: «Японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную трудовую жизнь»¹.

Условно, в политике советского (российского) государства по отношению к военнопленным японцам можно выделить несколько этапов.

1945–1953 гг. – когда вся внутренняя и внешняя политика СССР была полностью подчинена воле одного человека – председателя СНК (Совета Министров) СССР – И. Сталина. Приняты его единоличные решения относительно японских военнопленных, а позже власти отрицали высокий процент смертности в лагерях, игнорировали мировое общественное мнение. На основе имеющихся фактов инициатором разного рода акций, предопределявших направление политического курса, может быть назван прежде всего Сталин. По его предложениям (в большинстве случаев, можно сказать, приказам) проводились как государственно-террористические акции, так и «реформы». Пока не известно ни одного принципиального решения, принятого в 40-е годы помимо Сталина, а тем более против его воли.

1953–1956 гг. Пришел к власти Первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров Н.С. Хрущев, с ним была связана некоторая «оттепель» во внутри- и внешнеполитической жизни и курс на критику культа личности И. Сталина. В этот период советские власти демонстрировали «добрую волю» по проблеме военнопленных на советско-японских переговорах в Лондоне. В знак этого были освобождены последние из японских военнопленных, все еще находящиеся в заключении в СССР и осужденные за различные преступления (в основном за антисоветскую деятельность по 58-й статье) уже во время нахождения в лагере.

1956–1985 гг. Период правления Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и К.У. Черненко характерен курсом на замалчивание проблемы военнопленных в советско-японских отношениях и закрытость всей информации о них.

1985–1991 гг. В СССР провозглашена политика перестройки и гласности новым генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.

Горбачевым. Рассекречиваются многие документы и открывается доступ к архивным фондам по военнопленным, Японии летом 1991 г. во время визита М.С. Горбачева передается список до 40 тыс. умерших в СССР военнопленных с указанием места их захоронения. Список немедленно публикуется в японском журнале «Асахи гурафу», это событие становится центральным в японской жизни, оживленно обсуждается во всех средствах массовой информации, способствует стремительному росту авторитета и популярности М.С. Горбачева в Японии, заметно улучшает имидж СССР в глазах японцев.

С 1991 г., после распада СССР, Российская Федерация принимает его обязательства и ответственность во внешней политике. В 1993 г. во время визита в Японию Президент РФ Б.Н. Ельцин приносит извинения за несправедливость в отношении японских военнопленных, проявленную в советское время. Однако это событие прошло почти незаметно и уже мало что могло изменить, тем более, что после распада СССР Япония существенно ужесточила свою позицию по территориальной проблеме. В памяти современных японцев сохраняется М. Горбачев и факт передачи им списков и почти забыт Б. Ельцин с его извинениями. Неуклюжим с дипломатической точки зрения выглядит и награждение, откровенно позиционирующего свою деятельность, как антиправительственную, президента Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных Сайто Рокуро орденом Дружбы Народов (20 февраля 1993 г.). Откровенной насмешкой над бывшими военнопленными стало их награждение знаком «За труд в районах Сибири и Дальнего Востока», выдаваемым почему-то Росархивом (!).

Каждый из названных этапов возможно разделить на периоды, что позволяет более детально проследить те изменения, которые происходили в политике по отношению к военнопленным вследствие различных внутренних и внешних факторов.

К основным направлениям или аспектам политики СССР в отношении военнопленных можно отнести следующие:

Во внешнеполитическом плане:

- Принятие решений высшими органами власти Советского Союза, относительно судьбы военнопленных после окончания боевых действий в советско-японской войне 1945 г. К сожалению, отсутствие или недоступность документальных материалов, могущих пролить свет на эту пробле-

му, позволяет судить о ней лишь по ее результатам и делать в большей или меньшей степени достоверные выводы, исходя лишь из имеющихся прецедентов и аналогий. Очевидно, что все сколько-нибудь серьезные внешнеполитические решения этого времени не могли быть приняты без ведома или без прямого указания И. Сталина. Поэтому Постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 9898 сс «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии» от 23 августа 1945 г., подписанное И. Сталиным вытекает и является продолжением Заявления Советского правительства о войне с Японией, обнародованное им же. Из него следовало, что побудительной причиной интернирования военнопленных в СССР являлось «наказание» Японии за агрессивную политику в прошлом. Можно сказать и о том, что эта месть Сталина прикрывалась риторикой «недопущения возможной агрессии со стороны Японии в будущем». Приведем цитату из обращения И. Сталина к народу 2 сентября 1945 г.: «... У нас есть особый счет к Японии. Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году... В 1918 году Япония ... вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ... В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, а в следующем году повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола... Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил»².

Существует версия, что приказ 23 августа был ответом Сталина на отказ США от участия советских войск в оккупации Японии³. При этом, например, российский исследователь Е.Л. Катасонова ссылается на приказ Л.П. Берия, Н.А. Булганина и А.И. Антонова в адрес маршала А.М. Василевского от 16 августа об устройстве лагерей военнопленных в Маньчжурии. В нем интернирование японцев в СССР не предусматривалось. Нам неизвестны факты, подтверждающие связь приказа от 23 августа и позиции США по вопросу оккупации Японии (та же Е.Л. Катасонова свои предположения ничем документальным не подтверждает). Существует и другая гипотеза, согласно которой лагерь военнопленных предполагалось разместить на оккупированной СССР части острова Хоккайдо. Она так же не

бесспорна, поскольку польза для СССР от использования труда военнопленных в лагерях на территории Японии, по меньшей степени, сомнительна. В то же время известно, что крайний дефицит рабочей силы в Сибири и на Дальнем Востоке СССР после 1945 г. подталкивал его к максимальному использованию подневольного труда (как заключенных лагерей системы ГУЛАГа, так и военнопленных). Известны слова министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова: «Нам предстоит бороться за выполнение 4-й сталинской пятилетки. Имеющаяся у нас армия военнопленных, работающая в ведущих отраслях хозяйства, должна быть использована по-настоящему, и наше государство должно получить большую экономическую выгоду»⁴.

Дальневосточная кампания советских войск готовилась заблаговременно и очень тщательно. В ходе подготовки, конечно же предусматривалось и возможное большое количество пленных, необходимость их размещения, фильтрации и т. д. Что касается разночтения в приказах, то, считаем, что приказ (точнее – телеграмма-директива Берии, Булганина, и Антонова № 72929 Василевскому от 16 августа⁵) был военным (не зря же его подписал начальник Генерального штаба А.И. Антонов), а от 23 августа – окончательным и политическим решением. О чем сам Сталин на заседании ГКО 23 августа и сказал: «Да, этот вопрос решен, они (японцы – С.К.) достаточно похозяйничали на советском Дальнем Востоке в годы Гражданской войны. Теперь их милитаристским устремлениям положен конец. Пора отдавать долги. Вот они их и отдадут»⁶.

Советский Союз имел прецеденты создания системы лагерей военнопленных (после польской кампании 1939 г.) и в ходе Второй мировой войны в Наркомате внутренних дел был создан и функционировал специальный департамент – Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), а в советском плену оказалось более 4 млн солдат и офицеров армий противника. Политика в отношении японских военнопленных строилась с учетом предыдущего опыта и прецедентов. Другим образцом, который направлял советскую политику в отношении Японии и японских военнопленных было, послевоенное устройство Германии, ее деление на зоны и советизация восточной

зоны. В связи с этим в советском руководстве всерьез обсуждались планы оккупации северной части острова Хоккайдо.

- Проблема японских военнопленных, в частности, вопрос об их репатриации был предметом советско-американских переговоров и противоречий в Союзном Совете для Японии, а позже в специальной комиссии по военнопленным в ООН.

- Реакция на мировое общественное мнение советских правящих кругов претерпела следующую эволюцию: от полного замалчивания любой информации к оправданиям и даже контрдоводам, (например, ответом на специальный доклад американских представителей в Союзном Совете о тяжелом положении японских военнопленных в СССР стала контрпропагандистская акция МВД СССР (выпуск специальных фотоальбомов⁷, показывающих безмятежное или благополучное существование в лагере, допуск иностранных представителей в специально устроенные благополучные лагеря и др.), а позже – к признанию недопустимых условий лагерей и обнародованию полного списка погибших и перечня мест захоронения.

- К внешнеполитической сфере может быть отнесена и идеологическая обработка японских военнопленных, поскольку она направлялась на подготовку кадров будущей пятой колонны в самой Японии и других странах Дальнего Востока. «Окончательная цель идеологической работы политорганов состояла в преобразовании индивидуума с «феодалным» или «капиталистическим» складом мышления в «правильно мыслящего» члена нового общественного устройства»⁸. Решением ЦК ВКП(б) от 26 июня и приказом МВД СССР № 00933 «О создании политического отдела при Главном управлении МВД СССР по делам о военнопленных и интернированных и политотделов лагерей для военнопленных» от 19 октября 1946 г. под грифом «совершенно секретно» при ГУПВИ был организован политический отдел со штатом 18 человек (начальник – генерал-майор Е.И. Борисоглебский). Руководство всей политической работой среди военнопленных в лагерях МВД, а также учебно-воспитательной работой в антифашистских школах и на курсах взяли на себя политотделы ГУПВИ МВД СССР. Для выполнения поставленных задач при политотделе был создан отдел по антифашистской работе среди военнопленных (55 человек). В структуру отдела входило пять отделений: по руководству антифашистскими школами, по руководству политической работой среди военнопленных в лагерях, издательское, по учету антифашистов и военных коммунистов, снабжения культпросветимуществом и учебными пособиями. Кроме того, в структуру ГУПВИ входили редакции газет⁹.

Идеологическая обработка выполняла и внутренние задачи: с ее помощью политорганы стремились установить полный контроль над жизнью лагеря, ведь иностранные военнопленные представляли сложность для тотального управления поведением заключенных в лагерях. Созданы были юридические гарантии для политорганов, обеспечивающие проведение в жизнь идеологического воздействия на военнопленных. Они представляли собой совокупность постановлений советского правительства, указов, приказов ГУПВИ, инструкций лагерей и т. д. Справедливости ради, следует подчеркнуть, что идеологическая кампания, проводимая политорганами МВД, активно воспринималась и поддерживалась некоторой частью японских военнопленных

- Проблема военнопленных использовалась, правда, не особенно успешно, как позитивный внешнеполитический аргумент в советско- и российско-японских переговорах (Хрущев, Горбачев, Ельцин). При этом они демонстрировали добрую волю и стремление в ближайшее время и окончательно решить все проблемы, связанные с бывшими военнопленными.

Во внутриполитическом плане:

- Трудовое использование военнопленных считалось важным фактором восстановления послевоенной экономики и развития отсталых и отдаленных районов Сибири и Дальнего Востока. Очевидно, что корни советской системы принудительного труда следует искать в совокупности разнообразных факторов: в мировой практике, порожденной Первой мировой войной, с массами военнопленных и перемещенных лиц и организацией массового труда в колониях; в практике советского коммунистического хозяйства, начиная с эпохи «военного коммунизма»; в утопии «трудового перевоспитания»; в теории практического коммунизма, начиная с труда Н.И. Бухарина «Экономические проблемы переходного периода» (1920) и идей Л.Д. Троцкого о «милитаризации труда». Размещение лагерей военнопленных – в основном Сибирь и Дальний Восток.

- Соккрытие правды и любой информации о военнопленных (с этой целью размещение военнопленных в малонаселенных и труднодоступных районах СССР, отсутствие упоминаний о военнопленных в СМИ, недопущение контактов военнопленных и местного населения, использование в качестве надзирающего и контролирующего аппарата лагеря бывших репрессированных лиц, пленных, оказавшихся под оккупацией, и прочих «неблагонадежных»). Советский Союз не давал никакой информации о

судьбе военнопленных, долгое время ограничивал переписку, что вызывало большое беспокойство их родных и близких и безуспешные попытки через международную организацию Красного Креста получить такие сведения. Как известно, японцы работали во многих сферах советской экономики. Однако и здесь царил режим секретности и закрытости – в архивных документах предприятий японцы не упоминаются вообще, либо, в лучшем случае называются «спецконтингентом». Таким образом, выявить реальный вклад, реальные трудовые затраты японцев в СССР, не всегда представляется возможным. После окончания репатриации СССР в течение нескольких десятилетий (фактически до второй половины 80-х годов) не раскрывал сведения о судьбе, обстоятельствах смерти и местах захоронения почти 60 тыс. японцев.

- Отношение властей к военнопленным в лагере (равнодушие и расхождение между директивными указаниями и реальной жизнью: питание, жилищные и бытовые условия и др.) – обычная практика советских властей и советского менталитета. Официальные документы не дают основания для какой-либо идеализации положения военнопленных в СССР и отчетливо показывают, каким власти это положение хотели бы видеть и каким оно было на самом деле. Например, в директиве НКВД СССР № 196 о создании лагерей НКВД для военнопленных японцев говорится: «Прибывшим военнопленным японцам должны быть созданы в лагерях надлежащие условия быта, питания, медицинского обслуживания и правильного трудоустройства. Быстрое и качественное оборудование жилого фонда лагерей приобретает особое значение в связи с наступлением зимнего периода. В общежитиях должно быть чисто, уютно, тепло»¹⁰. Обратим внимание на то, что бараки и даже палатки сибирских лагерей зимы 1945 г., когда температура, например, в Иркутской области доходила до -50, совсем не соответствовали этим указаниям! Например, в лагере № 7 Иркутской области (Тайшетлаг) к январю 1946 г. 15 тыс. чел. были размещены в палатках¹¹.

- Отсутствие условий и материальных возможностей в условиях послевоенного СССР для создания нормальных условий жизни и работы интернированных. Условия жизни в послевоенном СССР трудно назвать даже удовлетворительными. Страна была истощена войной, до декабря 1947 г. существовала карточная система распределения продуктов питания и товаров потребления, значительная часть населения жила впроголодь. В свободной продаже отсутствовали даже элементарные предметы потребления. В таких условиях принять многотысячную армию военнопленных означало заведомо обречь их на существование в тяжелейших условиях.

Никто не ждал японцев в Сибири или на Дальнем Востоке, а та подготовка к их приему, которая началась после 23 августа, велась второпях, при отсутствии необходимых материальных средств. В достатке, видимо, была лишь колочая проволока, которой Сталин приказал заготовить для японцев 800 тонн¹². В Иркутскую область к декабрю 1945 г. было доставлено 68 088 японцев. При этом в докладе Иркутского управления МВД признавалось, что на месте будущих лагерей «совершенно не имелось помещений для размещения военнопленных, поэтому мы вынуждены были разгружать и размещать японцев в неподготовленных помещениях и силами прибывших готовить нормальные жилищные условия»¹³. По сообщению заместителя начальника лагеря № 1 (Северный Сучан, Приморский край) капитана Горшкова, в лагере 13, 14 и 15 декабря (1945 г. – С.К.) «не было совершенно хлеба, а 1, 2, 3 и до полдня 4 января с/г. почти не кормили японцев, т. к. не было в лагере продуктов питания, кроме муки для подболтки и свеклы»¹⁴. Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, являющееся типичным как для советской экономики, так и для советского образа жизни в целом. Указания, директивы, спускаемые центральными органами власти местным структурам, чаще всего никак не соотносились с жизненной действительностью, а потому не могли быть выполнены и не выполнялись. Например, Управлением вещевого снабжения НКВД была принята норма суточного довольствия военнопленных японской армии, согласно которой на человека полагалось 300 грамм риса, 50 грамм мяса, 600 грамм овощей и даже 30 грамм мисо¹⁵. О таком рационе в сибирских лагерях можно было только мечтать. Риса здесь не было, мясо чаще всего заменялось яичным порошком, а о мисо¹⁶ в Сибири вообще понятия никто не имел. Тем не менее, отчеты с мест (и это тоже признак советской системы) выглядели вполне благополучно.

- Изменение отношения властей к положению военнопленных произошло лишь по результатам высокой смертности зимы 1945-1946 гг., руководящие органы НКВД опасались и реакции извне. Многие бывшие военнопленные признавали, что 1945-1946 гг. были самым трудным и тяжелым периодом их жизни в СССР. На это время приходится наибольшее количество смертных случаев, сохраняется жесткий режим содержания пленных, бывали постоянные перебои в снабжении продуктами питания и т. д. Опасаясь, что количество умерших японцев может значительно возрасти, Совет Министров СССР 13 апреля 1946 года принял постановление № 828-338 сс вывезти из лагерей в Северную Корею через Посыет 20 тысяч «больных-хроников», надежды на выздоровление которых не было. Такого «контингента» набралось по лагерям до 30 тысяч человек. До Посыета

удалось доставить 27930 человека, из которых в Корею было доставлено 24200 (остальные умерли в карантинном лагере).

- После окончания репатриации официальные власти СССР продолжали сохранять режим секретности на всю информацию о военнопленных. Отсутствовали какие-либо упоминания о них в средствах массовой информации и производственных отчетах. Память о японцах сохраняло лишь местное население, которое в условиях сталинского режима старалось ее не афишировать. В то же время на территории СССР осталось множество японских кладбищ, которые оставались безмолвными свидетелями не только самого факта интернирования сотен тысяч японцев в СССР, но и крайне тяжелых условий их существования. После закрытия лагерей кладбища передавались под надзор местных властей, а это означало, что любой надзор за ними прекращался. К концу 50-х годов многие из кладбищ уже не были даже обозначены. Документы свидетельствуют, что в дальнейшем МВД СССР пошло на максимальное сокращение количества кладбищ, сохранив лишь некоторые из них для показа представителям Красного Креста. Скорее всего, это соответствовало и официальной позиции советского государства, которое продолжало отрицать смерть десятков тысяч военнопленных и признавало существование лишь минимального количества кладбищ японцев на территории СССР. Фактически до второй половины 80-х годов Советский Союз признавал существование лишь 26 кладбищ на территории СССР, на которых было похоронено 3957 человек. (Позднее выяснилось, что только в Иркутской области 81 кладбище!).

- После 1985 г., в связи с провозглашением политики перестройки и гласности, в СССР была открыта и рассекречена информация по многим аспектам советской истории. Стала доступна и часть документов по истории пребывания японцев в лагерях ГУПВИ. Для многочисленных родственников стали доступны поездки к местам захоронений военнопленных. В СМИ был снят негласный запрет на публикацию информации о бывших военнопленных, что вызвало поток таких публикаций в конце 80-х – начале 90-х годов, как в центральной, так и в местной печати. Вместе с тем официальные власти СССР вплоть до визита в Японию М.С. Горбачева весной 1991 г. никак не обозначали свое отношение в проблеме, правда и всерьез не препятствовали ее исследованию историками, членами общественных организаций и журналистами. Стоит вспомнить, что в 1989 г. автору этой публикации Иркутский ОК КПСС в лице зав. международным отделом Б.В. Недашковского настойчиво не рекомендовал заниматься темой японских военнопленных, поскольку «дело это уже прошлое, да и информации никакой найти невозможно». Однако только этим дело и ограничилось.

- Наряду с многочисленными публикациями конца 80-х – начала 90-х гг. в советской прессе материалов о жизни и работе военнопленных в СССР, параллельно в СМИ велась и пропаганда информации о сочувственном отношении советского населения 40–50-х годов к японским военнопленным. Хотя следует заметить, что подобное доброе отношение населения к военнопленным было не благодаря, а вопреки советской государственной политики.

Таким образом, судьба японских военнопленных, интернированных в СССР в 1945 г. представляет собой сложную и разноплановую проблему, а политика советских властей в их отношении была связана с многочисленными внутренними и внешними факторами. После окончания боевых действий, бывшие военнослужащие японской армии стали жертвами и заложниками «холодной войны», которая продолжалась несколько десятилетий. Вина же за «холодную войну» не может быть возложена на какую-то одну сторону. В результате этого сотни тысяч японцев в течение многих лет не могли получить информацию о своих родных и близких, исчезнувших в СССР, а позже, фактически до второй половины 80-х годов не могли посетить места их захоронения.

Советское правительство продолжало считать японских военнопленных противником, хотя и разоруженным и в силу этого соответствующим образом к ним и относилось: пленные содержались в специально созданных лагерях с достаточно строгим режимом (особенно в первые годы); принимались соответствующие меры, исключающие проведение отдельными военнопленными каких-либо враждебных действий и т. д. При этом, конечно, не предпринималось никаких действий к сознательному ухудшению положения военнопленных или чего-либо подобного (по мере сил и возможностей им пытались создать приемлемые условия жизни и работы. Были открыты многочисленные госпитали, лазареты и оздоровительные пункты для японцев). Однако в ряде случаев бездействие властей, как центральных, а чаще, местных, в конечном итоге приводило к этому.

СССР в нарушение Потсдамской декларации, которая предписывала «как можно скорее» вернуть военнопленных на родину, удерживал их в лагерях в течение длительного времени, использовал в своих внутри- и внешнеполитических целях. В результате судьба многих из них сложилась трагически.

Примечания

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сб. док-тов. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. М.: Политиздат, 1980. С. 383.
2. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 204-205.
3. См.: Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР. М.: Ин-т востоковедения, 2003. С. 35.
4. ГАРФ, Ф. 9401. Оп. 2. Д. 2005. Т. 14. Л. 3-4.
5. ЦАМО РФ. Ф. 67. Оп. 12028. Д. 31. Л. 311.
6. Цит. по: Карпов В. Пленники Сталина. Киев-Львов, 1997. С. 36.
7. Арубама. Сибэриа-но нихондзин ёкүрюся (Японские интернированные в Сибири. Альбом). Токио: Асахи симбунся, 1990.
8. Калугина С.А. Факторы идеологической «обработки» японских военнопленных и интернированных в период строительства БАМа 1945–1956 гг. // Вестник ТОГУ. 2009. № 2 (13). С. 179.
9. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1., Д. 794. Л. 23-24.
10. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорюлько и др. М.: Логос, 2000. С. 231.
11. Региональные структуры ГУПВИ НКВД–МВД СССР. 1941–1951. М., 2005. Т. 5. С. 710.
12. Карпов В. Указ. соч. С. 31.
13. Региональные структуры ГУПВИ... С. 710.
14. Японские военнопленные в Приморье. Труд военнопленных в угольной промышленности. Сб. документов. Вып. 1. Владивосток, 2005. С. 27.
15. Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 73.
16. Мисо – пищевой продукт, используемый в традиционной японской кухне. Мисо производится путем ферментизации соевых бобов, злаков или смеси из них с помощью специального вида плесневых грибов. Чаще всего выпускается в виде густой пасты. Наряду с рисом, является краеугольным камнем японской кухни, а точнее, традиции приёма пищи. В СССР не производился.

УДК 9(47)(=956)(091)

Томида Такэси
(Перевод С.И. Кузнецова)

**Архивные документы о японских военнопленных
в Советском Союзе, 1945–1956 гг.**

В статье рассмотрены основные архивные фонды России, Японии и США по истории интернирования японских военнопленных советско-японской войны 1945 г. в СССР. Автор особое внимание уделяет документам американской контрразведки в послевоенной Японии (материалы допросов японских репатриантов), а также материалам японского ведомства репатриации, проводившего анкетирование репатриантов в порт у Майдзуру в 1945–1950 гг.

Ключевые слова: советско-японская война 1945 г., интернирование японских военнопленных, репатриация, РГВИ, американские и японские архивные фонды, индоктринация военнопленных, «демократическое движение», КПЯ.

Tomita Takeshi
(S.I. Kuznetsova's translation)

**Archival documents on Japanese prisoners of war
in Soviet Union, 1945–1956**

In article the basic archival funds of Russia, Japan and the USA on stories of internment of Japanese prisoners of war of Soviet-Japanese war of 1945 in the USSR are considered. The author gives special attention to documents of the American counterspionage in post-war Japan (materials of interrogations of Japanese repatriates), and also to materials of Japanese department of the repatriation which have spent questioning of repatriates in port at Maizuru in 1945–1950

Keywords: Soviet-Japanese war of 1945, internment of Japanese prisoners of war, repatriation, РГВИ, the American and Japanese archival funds, индоктринация prisoners of war, «democratic movement», КПЯ.

В Японии вышло большое количество литературы о военнопленных, большая часть которой приходится на мемуары. Они написаны бывшими военнопленными и основаны на материалах их личного опыта. Вышло и небольшое количество научных работ, в том числе переводы трудов, написанных российскими исследователями в 1990-х и 2000-х годах¹. Закономерен вопрос: почему вышло так сравнительно немного академических работ? Одна из причин этого в том, что как советские, так и японские исследователи современной истории в течение долгого времени избегали этой темы в силу политических причин, к тому же в Японии эта тема была излишне политизирована вследствие раскола общественных организаций бывших военнопленных на левое и правое крыло. Открытие российских архивов после перестройки и краха Советского Союза открыло для российских исследователей большие возможности в изучении прежде закрытых тем. Однако проблема военнопленных не была приоритетной. Весьма контрастно в связи с этим выглядит историография темы о немецких военнопленных, которая насчитывает множество работ, основанных на архивных материалах².

Но говорить о том, что исследование японских военнопленных это – чистая страница, было бы преувеличением. Например, девять лет назад, в 2002 г., в Славянском исследовательском центре университета Хоккайдо состоялся симпозиум по японско-советской войне и проблеме военнопленных, были изданы его материалы, включая доклады С.И. Кузнецова, С.В. Карасева, «Интернирование в СССР высшего командного состава Квантунской армии, императора и правительства Маньчжоу-Го»; Ёкотэ Синдзи «Советская политика репатриации японских интернированных»; Тэраяма Кёсукэ, «Последние российские исследования по проблеме японских военнопленных периода Второй мировой войны в СССР»³. Сравнительно недавно Ёкотэ Синдзи выпустил очень интересную статью «Политика Сталина в отношении японских военнопленных, репатриации и японский курс на холодную войну», написанную на основе советских, американских и японских дипломатических архивных документов⁴.

В 2010 г., после того, как в июне парламент Японии принял специальный закон о принудительно интернированных⁵, в декабре того же года в Токио была учреждена «Ассоциация исследования проблем японских военнопленных в Советском

Союзе» (Сибэриа Ёкурю кэнкю кай). Ассоциация состоит из специалистов по советской и японской современной истории, включая специалистов по истории Второй мировой войны и «холодной войне», а также некоторых уважаемых журналистов, которые имеют публикации по этой теме, например Сираи Хасая («Асахи симбун») и Курихара Тосио («Майнити симбун») и др. Цель ассоциации – сбор материалов в российских и японских и других архивах, объединение научных сил как внутри страны, так и привлечение зарубежных специалистов международного уровня. Одна из важных тем – сравнение положения японских военнопленных в СССР с немецкими и военнопленными других стран в советских лагерях⁶, также как и с теми японскими военнопленными, которые содержались и были репатрированы Союзными силами в Южной части Тихого океана. Другим важным вопросом является дискриминация репатриантов, вернувшихся из Советского Союза, а также и сама репатриация, которая стала предметом политических противоречий в ходе «холодной войны».

1. Японские источники

Вышло достаточно много мемуаров (приблизительно 2000) написанные японскими военнопленными и интернированными: некоторые из них – книги, изданные для массового читателя; другие распространялись только среди товарищей военнопленных и родственников. Они очень важны, как источник, поскольку репатрианты под угрозой наказания и даже возвращения в трудовые лагеря) были вынуждены уничтожить свои дневники и заметки в Находке перед возвращением в Японию. Читая эти мемуары, мы, естественно, имеем в виду многие неточности в воспоминаниях, иногда идеологическую ангажированность, а зачастую, и самооправдание. Вообще говоря, интеллектуалы-профессора, должностные лица разного ранга, а также журналисты описали жизнь в трудовых лагерях и советском обществе вне трудовых лагерей в достаточной мере объективно⁷.

Наиболее важными архивными документами, имеющимися в японских архивах, являются анкетные опросы (Фукуин тэса хё), написанные вернувшимися из плена и опрошенные чиновниками японского репатриационного ведомства (Хикиагэ энго-кёку) в гаванях Майдзуру, Хакодате, и др. Среди вопросов анкеты были: полное имя, звание, должность, часть (армия, дивизия,

полк, батальон), дата погрузки на судно и его название, местонахождение на момент 15 августа 1945, полное имя и звание непосредственного начальника (офицера), местоположение самого продолжительного пребывания в советских лагерях, адрес в Японии, куда военнопленный намерен возвращаться. После 1948 г. в анкетах были и дополнительные вопросы: наименование рабочего батальона и его командир, его численность (приблизительно 1000) и номера военной части; наименование первого лагеря интернирования, включая дату помещения и его численность; те же самые вопросы касались нахождения во втором, третьем и т. д. лагере; численность каждого лагеря; был ли репатриант подвергнут судебному преследованию (или допрашивался) в советском лагере, знает ли он кого-либо, что, кто был подвергнут судебному преследованию (или допрашивался).

Должностные лица, проводившие сбор информации, делали в среднем 6 заметок о каждом человеке. Среди опрошенных репатриантов были и те, чьи показания вызывали сомнения. Причем их количество со временем возрастало. Если в 1946 г. среди 2000 репатриантов, прибывших на одном судне неискренние показания дали 80 человек, то в 1947 г. их было уже 300, а в 1949 – 800 на каждые 2000 человек. Чиновники репатриационного ведомства с 1947 г. дважды в месяц проводили встречи с репатриантами. Их интересовала жизнь военнопленных с конца войны до момента репатриации: медобслуживание в лагере, бытовое положение (одежда, жилье, продовольствие, санитарная обработка, работа и т. д.), идеологическая обработка военнопленных, культурный уровень советских людей, получаемые сведения о родине, впечатление военнопленных в связи с репатриацией и т. д. Бюро по репатриации в порту Майдзуру подготовило 204 доклада с 23 декабря 1946 г. по сентябрь 1950 г., в которых обобщило сведения о местоположении и ситуации в лагерях военнопленных в СССР⁸. Такие официальные издания как «Отчеты помощи репатриации» (Хикиагэ-энго-но кироку) (1950), «История Бюро Помощи Репатриации в районе Майдзуру» (*Майдзуру-тихо хикиагэ-энго кёку си*) (1961), «30 лет репатриации и помощи» (Хикиагэ то энго 30 нэн-но аюми) (1978), написанные на основе вышеупомянутых материалов, являются публикациями архивных документов. Но сегодня должностные

лица Министерства здравоохранения и труда Японии, кажется, не знают, насколько достоверны анкетные опросы и материалы.

Очень важно сравнить каждую анкету с картой регистрации военнопленного (учетное дело), которое было заведено на каждого военнопленного в лагере. Копии почти 700 тысяч карт были недавно переданы РГВА (Российский государственный Военный архив) японскому министерству здравоохранения и труда. 41 пункт учетного дела, сходны с данными японского анкетного опроса, но при этом указывают точно, когда и где каждый военнопленный был взят в плен Советской Армией, в какой лагерь он был направлен и через какой перевалочный пункт он был репатрирован⁹. Сопоставление данных этих японских и российских источников может воссоздать картину перемещения военнопленных в лагерях.

Автор изучил уникальные списки умерших интернированных, составленные бывшим военнопленным Мураяма Цунэо. Он использовал данные списка, переданного Президентом М.С. Горбачевым в апреле 1991 г., а также дополнительные данные, полученные от Всеяпонской ассоциации компенсации интернированным (Дзэн-ёку-кё) и вышеупомянутые анкетные опросы. Таким образом, он восстановил не только фонетическое соответствие каждого имени по-русски с конкретным японцем, но также и находил семьи, понесшие тяжелую утрату, правильное иероглифическое написание фамилий и имен этих людей¹⁰.

Важным источником являются газеты и другие периодические издания для репатриантов. Сегодня мы можем читать часть из них в собрании Гордона Пранджа. Например, всеяпонскую газету репатриантов «Дзэнкоку хикиагэса симбун», которая выходила дважды в месяц и имела тираж около 4000. Ее поддерживало консервативное правительство Ёсида Сигэру в своей политике «антикоммунистической демократизации». Издание настаивало на ускорении репатриации из Советского Союза и коммунистического Китая, помощи репатриантам (обеспечении их жильем, рабочими местами и т. д.). Оно иногда сообщало о переговорах, которые вели лидеры Бюро помощи репатриантам и призывало читателей участвовать в «Движение любви» под патронажем этой организации. Это движение, поддерживаемое Японским Красным Крестом, различными религиозными организациями – Бойскаутами, YMCA, YWCA, и т. д. (всего 28 ор-

ганизаций), предлагало услуги добровольцев для помощи репатриантам и их семьям. Руководитель Бюро помощи репатриантам Сайто в номере газеты от 15 июля 1949 г., призывал проявить терпимость к демонстрациям с революционными песнями после высадки на берег репатриантов. Он просил их семьи, и общество понять репатриантов, которые «получил специальное образование в СССР» и встретить их с участием¹¹.

Противоположную позицию занимал «Фронт репатриации», орган «Лиги Защиты репатриантов советской зоны» (Сорэн тикү хикиагэся сэйкацу ёго домэй сокидо), установленный в апреле 1948 г.) неполный комплект которого найден в коллекции Пранджа, а также его копии в Японии. Преемник Лиги японских репатриантов (Нихон киканся домэй – Никкидо), реорганизованный в октябре 1949 г.), был упомянут в Ежемесячнике Специального бюро защиты (Токусин Гэппо). Никкидо также была под контролем компартии Японии и имела сильную политическую ориентацию, которая вела к опасности раскола в движении помощи репатриантам¹².

Еще одним важным источником являются протоколы японского парламента (главным образом, палаты советников) и комиссии по репатриации соотечественников из-за границы. Эти документы не подвергались цензуре штаб-квартиры оккупационных войск. Они включают дискуссии об ускорении процесса репатриации и принятии законов, дающих помощь вернувшимся (ссуды, работа, жилье и т. д.). Были и весьма горячие дискуссии, особенно в условиях так называемой «Красной чистки» и «обратного курса» в Японии (выступления против демократизации и демилитаризации) по поводу скандала во Внешней Монголии (так называемого скандала Ёсимура в апреле 1949), «народных судов» в Находке, организованных активными просоветскими военнопленными, обращения генеральный секретаря КПЯ Токуда Кюити к советским властям с предложением, не репатриировать реакционно настроенных военнопленных (в феврале–марте 1950 г.)¹³

2. Документы штаб-квартиры оккупационных войск в Японии (GHQ)

Поскольку международная ситуация все больше превращалась в «холодную войну», GHQ, обратила пристальное внимания на советскую пропаганду, направленную на Японию, а также

на деятельность КПЯ, которая вновь возобновила свою работу. Отдел Civil Intelligence Section (G2) начал ежемесячный выпуск «Периодического резюме», которое выходило с 1 сентября 1946 г. по 15 ноября 1949 г. Первые четыре выпуска состояли из трех частей: содержание подвергнутых цензуре частных писем, отредактированных отделением цензуры, информация контрразведки, отредактированная отделом контрразведки (СИС), и ситуация в японских органах безопасности (полиция, служба исполнения наказаний и пожарная охрана). С пятого выпуска резюме стало снабжаться специальными приложениями, которые выходили почти с каждым выпуском¹⁴.

Много информации относительно положения японских военнопленных в СССР было собрано по результатам работы цензуры с письмами в период их содержания в лагерях, а также после репатриации в ходе допросов офицерами СИС, и опросов репатриантов служащими департамента репатриации. При этом около 10% опрошенных репатриантов, по мнению служащих СИС, дали недостоверную информацию.

Само собой разумеется, что письма военнопленных к их семьям и родственникам в Японии в течение интернирования имели «подозрительно однородный тон» вследствие цензуры советскими властями¹⁵. Обнаруживается резкий контраст между письмами, написанными до и после репатриации. Если в первых – осторожные оценки положения военнопленных в лагере, обеспечении продовольствием и одеждой, то, во вторых – оценка совершенно иная: «продолжительное интернирование в Сибири утомило меня. Продовольствие было бедно, и многие из моих товарищей солдат умерли от недоедания»¹⁶.

В то же время, письма японских военнопленных свидетельствуют о восстановлении советской экономики и об относительной эффективности советской идеологической обработки. Изменяется общая картина – власти удваивают усилия, чтобы знакомить японских военнопленных с советской действительностью. Условия проживания и работы улучшаются, а в некоторых лагерях даже разрешается контролируемое самоуправление (по данным анализа 129 000 писем в мае 1948 г.)¹⁷.

Специальный доклад «Идеологическая обработка японских репатриантов в СССР» в марте 1947 г. проанализировал методы коммунистической пропаганды и политического образования

японских военнопленных на советской территории, включая Даянь. В нем упоминается газета для военнопленных – «Нихон симбун», как наиболее действенное советское средство пропаганды, издаваемое в Хабаровске. Здесь же упоминается и «Общество друзей (Томо-но кай)», созданное в марте 1946 г. «Хотя это – якобы советская региональная организация для японских солдат, фактически, она является органом для организации коммунистических отрядов и распространения коммунистической пропаганды среди других военнопленных». При этом большинство подвергало сомнению и даже ненавидело идеи коммунизма. Но при этом они демонстрировали свою лояльность только для того, чтобы получить добавочную порцию еды, или же раньше других быть репатрированным»¹⁸.

В одном из докладов подробно описывалась система идеологической обработки; виды организаций (Общество друзей, группы просвещения и т. д.), выделение из среды военнопленных лидеров – коммунистов или прокоммунистически настроенных; образовательный материал (книги, рекламные листки, эмблемы, и т. д.), содержание идеологической обработки (распространялась информация о голоде и безработице в Японии, стремлении США к развязыванию новой войны, критиковалась императорская система и провозглашались призывы к ее ниспровержению и т. д.)¹⁹.

В более поздних сообщениях говорится о «демократические движения» и Антифашистских комитетах, как его ведущих органах: «В октябре 1947 г. в лагере были проведены выборы и избрали группу лидеров, которые сформировали комитет, который работал для повышения производительности труда и улучшения условий жизни... В мае 1948 г. антифашистский комитет был сформирован в нашем лагере, он имел полномочия, чтобы отменить репатриацию того или иного японца и контролировать работу, выполненную бывшими солдатами. Он также мог рассматривать донесения товарищей по лагерю и определять наказание за нарушение правил внутреннего распорядка»²⁰.

Часть I последнего специального доклада «Репатриация японцев из советских зон» в феврале 1949 г. вновь описывает советскую идеологическую обработку в лагерях военнопленных, и часть II в марте того же года, сконцентрирована на процессе репатриации через Находку. Здесь же упомянуто о выделении

японским правительством 400 млн иен на обеспечение репатриации. Есть также информация о деятельности КПЯ (встреча репатриантов в Майдзуру, встречи поездов с репатриантами, и т. д.) и репатриантских организациях, находившихся под влиянием КПЯ. Наиболее влиятельной из них была упомянутая выше Лига «Сокидо». В ней состояло около 40 000 членов. «Сокидо» играла ключевую роль в приеме репатриантов в 1949 г. Под прикрытием заманчивых предложений о ссудах, помощи в предоставлении работы, лига активно вела пропагандистскую работу по вовлечению репатриантов в ее состав, а также в КПЯ»²¹.

GHQ обратила внимание на идеологическую обработку военнопленных со стороны репатриантов-активистов. Наиболее показателен в этом плане допрос, произведенный СИС с Кохари Эндзиро, бывшим редактором и руководителем газеты «Нихон симбун». В Находке он был проинструктирован советским офицером и нацелен на сбор и передачу в Советский Союз всей возможной информации относительно: а) условий жизни демобилизованных японских солдат, б) отношения японцев к генералу Д. Макартуру, в) отношения оккупационных сил к демобилизованным солдатам, г) методов и характера допросов, которым подвергаются в центрах репатриации в Японии репатрианты. Кохари позже снабдил СИС информацией относительно Асахара Масамото (Сэйки), известном лидере демократического движения военнопленных²². 12 мая 1949 г. в специальной комиссии парламента Кохари, возможно, под угрозой или принуждением СИС, дал сенсационное показание о вербовке советских агентов среди японских военнопленных.

Интерес представляет его информация относительно случая, произошедшего с ним после репатриации: «он считал, что находится под наблюдением советской разведки в Японии. Однажды после его репатриации, он встретился с неким Ли, которого знал еще по Южному Сахалину. Ли уверял, что он – китаец и просил его собрать информацию относительно оккупационных сил в Японии, а также пригласил его в советское посольство в Токио. Здесь его расспрашивал советский офицер, спросивший, в частности, почему он не был более активен в коммунистической агитации после его возвращения на родину»²³.

Конечно, рассматриваемый источник содержит информацию об условиях существования военнопленных в лагерях, напри-

мер, их работу, болезни, и т.д. После того, как это издание прекратило выход (заключительный номер, датирован 22 октября 1949 г., то же ведомство опубликовало издание «Советское использование японских военнопленных», основанное на тех же самых данных (подвергнутые цензуре письма, материалы допросов и т. д.)²⁴.

Говоря о ценности названных материалов, мы должны учитывать, что документы штаб-квартиры оккупационных сил в Японию имеют сильную антикоммунистическую направленность, в них упор делается на освещение советской пропаганды и идеологической обработки военнопленных, в то же время недооценивается антимилицаристская направленность в деятельности «демократического движения» в среде военнопленных. В мемуарах бывших военнопленных отмечалось, что советская система политического образования в чем-то расширила их кругозор.

3. Советские (российские) документы

Наиболее важное документальное издание о военнопленных, вышедшее в России – весьма объемное собрание архивных документов «Военнопленные в СССР, 1939–1956», изданное в 2000 г. Этот сборник охватывает период от советско-польской войны до окончания репатриации японских военнопленных. Он содержит решения, приказы, директивы, распоряжения и инструкции СНК (Совмина), а также НКВД (МВД) СССР и его специального органа – Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), которое управляло трудовыми лагерями через его местный орган – УПВИ. Издание состоит из девяти частей: 1) общие правила, 2) система УПВИ/ГУПВИ в составе НКВД/МВД СССР, 3) регистрация и обслуживание, 4) поставка продовольствия, 5) медобслуживание, смертность и похороны, 6) рабочая сила, 7) изобличение и наказание преступников, 8) репатриация, 9) прочее²⁵. Само собой разумеется, система ГУПВИ и ее основные инструкции были приняты и начали функционировать намного раньше поражения Японии в войне с Советским Союзом. Приказ № 9898 от 23 августа 1945 г. ГКО, высшего органа в течение Второй мировой войны говорит о направлении в СССР 500 000 японских военнопленных, как естественное продолжение советской политики использования подневольной рабочей силы.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), фонд 9401 включает опись 1 (директивы, приказы и инструкции министра внутренних дел, опись 2 (донесения руководителя ГУПВИ Сталину, Берии и др.), а также опись 12, дело 205 – специальная папка материалов, собранных из различных источников относительно японских военнопленных. Некоторые важные документы из дела 205 были включены в вышеупомянутый сборник документов, но ниже автор представляет читателям другие важные неопубликованные документы.

Распорядок дня военнопленных определен приказом МВД СССР от 22 мая 1946 г. Он предписывает 8-часовой рабочий день для японских военнопленных, в том числе и тех, кто не выполнял норму производства. Однако НКВД ранее 29 сентября 1945 г. наказал их дополнительными двумя часами работы в день. 6 сентября 1946 г. МВД СССР направил приказ УПВИ руководству лагерей военнопленных о необходимости соблюдения 8-часового рабочего дня²⁶. Это произошло в результате сложившейся тяжелой ситуации зимы 1945-46, когда многие японские военнопленные умерли из-за непосильной работы, а также от голода.

Распределение японских военнопленных: 13 апреля 1946 г. Совмин СССР решил направить 50 000 военнопленных с Дальнего Востока и Сибири в Среднюю Азию из-за дефицита продовольствия, трудностей с жильем, и непосильной работой. В тот же самый день Совмин согласился обменивать больных военнопленных из Советского Союза на здоровых из Северной Кореи²⁷. Это решение, вероятно, также было вызвано названными выше причинами.

Корейские военнопленные в японской армии. Советское руководство оценивало их количество от 10 000 до 30 000 человек. МВД СССР приказом от 25 сентября 1946 г. освободил их, за исключением военных преступников, из трудовых лагерей, трудовых батальонов, и специальных госпиталей²⁸. Вероятно советское руководство стремилось как-то оправдать их в глазах корейского народа, при этом укрепить положение Ким Ир Сена в Северной Корее.

Таким образом, некоторые из документов в ГАРФ говорят о том, что высшее советское руководство частично признало непростую ситуацию с японскими военнопленными и приказало

несколько улучшить их положение, хотя зачастую, это и делалось формально. В то же самое время, провозглашаемые ими великие цели масштабных строителств не всегда могли выполняться в силу объективных причин. Для изучения реального положения дел с выполнением этих приказов высшего руководства, мы должны изучать документы местных архивов.

Автор пока не работал в местных российских архивах, но может сделать некоторые предварительные выводы, основанные на книгах, написанных российскими специалистами. Что касается рабочего дня военнопленных, приказы о соблюдении 8-часового рабочего дня часто нарушались, об этом говорят как многие мемуары бывших японских военнопленных, так и материалы местных архивов. Например, согласно ежедневному графику работы в 3-м отделении 34-го лагеря в Красноярске, время работы было установлено с 7:30 до 19:00 с перерывом на обед с 14:00 до 15:00, итого 10,5 часов работы²⁹.

Что касается снабжения продовольствием, имеется приказ НКВД от 28 сентября 1945 г. согласно которому 1-я категория (самые здоровые) военнопленных снабжалась по норме: хлеб 300 г., рис 300 г., мясо 50 г., рыба 100 г., овощи 600 г., мисо 30 г. и т. д. В действительности вместо риса, рыбы, и овощей в трудовых лагерях в Хабаровском крае выдавались просо, гаолян и соя. Ежедневное потребление калорий было 2500, что значительно ниже необходимой нормы в 3500³⁰. В том же Хабаровском крае зимой 1945–1946 гг. поставка риса, мисо и овощей прекратились, так что краевое управление НКВД перераспределяло те запасы, которые предназначались для солдат краевого НКВД и Дальневосточного военного округа японским военнопленным³¹. Голодной зимой, когда ГУПВИ не мог подготовить необходимые средства и материалы для недавно прибывших японских военнопленных, краевое управление НКВД было вынуждено идти на такие чрезвычайные меры, чтобы избежать наказания сверху из-за массовой смертности военнопленных.

В то же самое время нехватка продовольствия была и следствием хищения продовольствия, предназначенного для военнопленных администрацией лагеря. Например, в конце 1945 г. в 7-м лагере (Управление лагерей железнодорожного строительства, Тайшет) местное руководство изъяло 226 кг рыбы, 5 кг риса и другое продовольствие, предназначенное для военно-

пленных, чтобы кормить охрану лагеря и штат, что привело к физическому истощению, слабости и смертным случаям среди военнопленных³².

Мы должны обратить внимание на тот факт, что МВД СССР объявлял военное положение во всех трудовых лагерях 28 января 1947 г. в связи с нехваткой продовольствия и из-за массового голодания в европейских частях СССР (особенно на Украине), что не упоминается в вышеназванном сборнике документов³³.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) содержатся документы относительно похорон и надзора за могилами военнопленных соответствующего отдела регистрации ГУПВИ. Например, имеется свидетельство о могилах военнопленных в г. Елабуге от 25 мая 1949 г. В нем указывается, что могилы были сделаны в 1943 г. для умерших немецких военнопленных лагеря № 97, при этом 277 из 299 надмогильных холмиков кладбища немецких и японских военнопленных разрушились, но были восстановлены к этому дню. Сообщение МВД СССР полномочного представителя в Елабуге от 3 ноября 1949 г. включает список умерших японских военнопленных в том же самом лагере, всего 84 человека с перечислением имен и фамилий, года рождения, даты смерти и причины смерти³⁴. Анализ соответствующих документов позволяет сделать вывод, что за могилами военнопленных осуществлялся надзор, вплоть до упразднения системы ГУПВИ (и ГУЛАГа) в 1953 г.

В РГВА имеются также документы относительно деятельности политического отдела ГУПВИ (для политического образования должностных лиц лагеря, также как военнопленных), но мы не имеем свободного доступа к этим документам до настоящего времени.

Российские специалисты С.И. Кузнецов (Иркутск) и С.В. Карасев (Чита), описали в своих книгах идеологическую обработку японских военнопленных, основываясь на материалах местных архивов и документах штаб-квартиры оккупационных войск в Японии. С.В. Карасев заключил, что идеологическая деятельность МВД СССР (ГУПВИ) была эффективна, но степень успеха была различна в каждой области, и что многие, если не большинство, военнопленных принимали пропаганду, только чтобы улучшить условия жизни и ускорить репатриацию³⁵.

Другой российский специалист М.А. Кузьмина в своей книге описала конкретную ситуацию трудовых лагерей (Лагерь № 1, 2, 5, 18) в Комсомольске-на-Амуре на основе центральных и местных архивных документов (Особый архив Главного Архивного Управления и ГАХК, а также используя устные свидетельства местных жителей. «А.Д. Еремин, председатель городского исполнительного комитета, проходя мимо строящейся гостиницы на проспекте Сталина, остановился в удивлении, услышав песню «Катюша» на русском в исполнении японцев, которые строили гостиницу... Работа для японцев была очень трудна. Они хотели есть. Я сочувствовал им, и купил для них хлеб. Я испытывал чувство беспокойства, поскольку они были враги. Но если бы они победили, как они вели бы себя по отношению к нам?»³⁶

Изучая документы российских архивов, мы должны принимать во внимание идеологические установки, существовавшие в то время, а также и бюрократические искажения: преувеличенные или приуменьшенные цифры в отчетности, которые выводились на местах из-за инстинкта самосохранения и страха наказания.

Таким образом мы исследовали некоторые архивные документы, доступные в настоящее время. Стоит заметить, что и в Японии все еще не открыты многие документы по военнопленным. Это отчеты американской военной контрразведки, материалы допросов, уже упомянутые выше. Многие из этих документов хранятся в Национальном архиве США в Вашингтоне округ Колумбия и еще не изучались японскими исследователями проблем военнопленных³⁷. Советские архивные документы использовались уже широко, но есть и многие, к которым доступ все еще невозможен (материалы ФСБ, Министерство обороны и др.)

Мультиархивный метод исследования очень важен, особенно, для таких тем как история военнопленных и интернированных. Мы можем описывать, например, «демократическое движение военнопленных» настолько правдиво, насколько это возможно, сравнивая документы, отражающие различные точки зрения. Вот пример сопоставления фактов с взаимным дополнением документами: в отчетах Общества помощи репатриантам говорится о почти 26 000 японцев, которые были сконцентрированы около Канко (городе на границе с Северной Кореей) в мае 1946 г. чтобы быть отправленными в Сибирь³⁸.

Этот факт подтвержден соответствующими документами ГАРФ (13 апреля 1946 г.)

Только сопоставив данные различных архивов и воспоминания очевидцев, развивая международное сотрудничество, мы сможем познать прошлое в интересах будущего.

Примечания

1. Вакацуки Ясуо. Сибэриа хорё сюёдзё. (Сибирские лагеря военнопленных). 2-е изд. Токио, 1979; Хорё тайкен-ки (Заметки о военнопленных). В 8 томах. Токио, 1984-1998; Nimmo William F., Behind a Curtain of Silence: Japanese in Soviet Custody, 1945-1956, New York, 1988 (Kensho: Shiberia yokuryu, 1991 Сэнго кёсэй ёкюрю си (История Принудительного Интернирования после Войны). 8 изданий. Токио, 2005; Абэ Гундзи. Сибэриа кёсэй-ёкюрю-но дзитай (Факты принудительного интернирования в Сибири). Токио, 2005; Карпов В.В. Пленники Сталина. Сибирское интернирование японской армии. 1945–1956 гг. Киев-Львов, 1997. (Сутарин-но хорётати, 2001); Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956). Иркутск, 1997. (Сибэриа-но нихондзин хорётати. Токио, 1999); Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003. (Кантогун хэйси-ва надзэ. Сибэриа-ни юкюрю сарэтака. Токио, 2004.)

2. Karner Stefan, Im Archipel GUPVI: Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956, Wien, 1995; Hilger Andreas, Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenepolitik, Lageralltag und Erinnerung, Essen, 2000.

3. The SRC Research Reports series № 81, 2002.

4. Ёкотэ Синдзи. Сутарин-но нихондзин сокан сэйсаку то нихон-но рэйсэн хэно мити, 1-3, Хогаку кэнкю (Кэйё дайгаку). Вып. 82 (2009), № 9, С. 1-56; № 10, С.35-85; № 11, С. 1-35.

5. Сэнго кёсэй ёкюрюся никакару мондай ни кансуру токубэцу-соти-хо. Закон включает 13 статей. Ст. 1 предписывает цель этого закона: выделение специального гранта бывшим интернированным для исследования интернирования. Ст. 4: объем гранта соответствует длительности периода интернирования. Ст. 13: исследование проблем интернированных, которые умерли в СССР и Монгольской Народной республике, их могил, реликвий, и интернирования вообще, а также сбор воспоминаний и их сохранение как исторического наследия и т. д.

6. Одно из немногих сравнительно-исторических исследований такого рода – диссертация, выполненная в Швейцарии: Döhler Richard, Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1945-1956: Vergleich von Erlebnisberichten, Wien, 2007.

7. Исикава Масао (бывший корреспондент Асахи симбун), Татакау хорё: Собиэто киканся-но сюки (Воинственные военнопленные: биогра-

фия одного репатрианта из Советского Союза). - Токио, 1948; Сугавара Мититаро (бывший чиновник с Южного Сахалина), Акай рококу: собиэто-фурё ки (Красная тюрьма: мемуары советского заключенного). Саппоро, 1949; Минами Нобусиро (бывший профессор Харбинского Института), Хорё-цуюку ки (Биография одного военнопленного-переводчика). Токио, 1949; Такасуги Итиро (бывший редактор журнала «Кэйдзо»), Кёкко-но кагэ ни (В тени под Северным сиянием). Токио, 1950; Нисимото Сосукэ (бывший профессор Университета Маньчжоу Го), Собиэто-но Синдзицу Собиэто фурё ки (Действительность в Советском Союзе. Мемуары одного военнопленных в СССР). Токио, 1953.

8. Майдзуру-тихо хикиагэ-энго кёку си (История Бюро помощи репатриации в районе Майдзуру). Токио, 1961, pp. 205-228.

9. Копия Карты регистрации двоюродного деда автора статьи, который был интернирован в елабугский лагерь и репатрирован 15 августа 1948 г. Часть офицеров, которые не были подвергнуты судебному преследованию, были интернированы в Тамбовский лагерь (Новая Ляда) (Лагерь в п. Новая Ляда Тамбовской области создан в 1942 г., в нем содержались немецкие, румынские, а после августа 1945 г. – японские военнопленные. – Прим. переводчика), а затем в Елабугу, а позже через перевалочный пункт на Дальнем Востоке, репатрированы в Японию.

10. Мураяма Цунэо. Сибэриа-ни юкиси 46300 мэи-о кидзами сорэн ёкурося мэйбо-о цукуруи (Отчет об именах 46 300 умерших в Сибири). Токио, 2009.

11. Собрание газет и журналов (коллекция Гордона Пранджа) прежде и после цензуры штаб-квартиры оккупационных сил в Японии GHQ (SCD), первоначально принадлежала американскому университету штата Мэриленд, позже была скопирована и куплена Японской Национальной библиотекой парламента. Оно включает названную газету от первого выпуска 1 сентября 1948 г. до № 20 (15 сентября 1949 г.). Что касается «Движения Любви», см. Хикиагэ-энго-но кироку (Отчеты Бюро репатриации), Токио, 1950, часть материалов, С. 106-108.

12. Токусин Гэппо, № 2 (1951), № 9, С. 95-108. Специальное бюро защиты (Токусин кёку) было предшественником Общественного агентства безопасности (Коан тэса тё), учрежденном в июле 1952 г.).

13. Эти протоколы доступны на сайте: <http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/sangiin/005-007ksessions>. При этом следует учесть, что были и секретные обсуждения, на которых не велись протоколы.

14. Сэнрэгун Тянь тёхо гэппо (далее – SCCG), Токио, 2006. Коллекция состоит из оригиналов источника на английском языке (46 вып. в 14 томах), кроме одного отдельного тома, составленного на японском языке.

15. SCCG. № 12, 15 февраля 1947. P.25, и др.

16. Там же. № 28, 15 мая 1948. P.31.

17. Там же. № 14, 15 марта 1947. Р.91-97.
18. Там же. № 22, 15 ноября, 1947. Р.9-10.
19. Там же. № 21, 34, 15 ноября 1948. Р.38
20. Там же. № 37, 15 февраля 1949. Р.9-20; № 38, 15 марта 1949. Р.31-39; № 43, 15 августа 1949. Р.3-9.
21. Там же. № 23, 24, 15 января 1948. Р.26.
22. Там же. № 24, 26, 15 марта 1948. Р.21-23. Следующий подобный случай был с Сии Сёдзи, репатрированном из СССР в ноябре 1948 г. Он был допрошен отделом СИС в Майдзуру, а в июле 1950 г. был допрошен в головной СИС. Позже, немедленно после ухода к американцам Ю. Растворов (Ю.А. Растворов (1921–2008 гг.) – сотрудник советской внешней разведки, работал в специальной комиссии, занимавшейся вербовкой среди бывших японских военнопленных, сотрудник токийской резидентуры в 1946 г. и в 1950–1954 гг. 24 января 1954 г. после отзыва в СССР перебежал к американцам. Жил в США под именем Мартина Ф. Саймона. Скончался в Потомаке в доме для престарелых «Мэнор Кейт». (Прим. переводчика) дал сведения о себе, как о советском агенте с 1952 г., завербованном и давшем присягу в карагинском лагере военнопленных. См. его меморандум в газете «Сюкан симбун», 12 сентября 1954. Подлинность его показаний нуждается в проверке, так же как и версия о том, что Сии был двойным агентом СССР и США.
23. Там же. № 25.
24. Микрофильм этого документа хранится в Национальной библиотеке японского парламента (Коллекция современных политических и конституционных материалов).
25. Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000.
26. ГАРФ. Ф.9401, Оп.12, Д.205, ЛЛ. 19; 123; 23-24.
27. Там же. Ф.9401, Оп.12, Д.205, Л.15-18.
28. Там же, Ф.9401, Оп.12, Д.205, Л.77-78.
29. Отдел специальных фондов Информационного центра Управления внутренних дел по Красноярскому краю. Ф.9Л, Д.2, Л.13. Цит. по: Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. Красноярск, 2003. С. 43.
30. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.35, Оп.1, Д.7, Т.1, Л.67, Цит. По: Кузьмина М.А. Плен: японские военнопленные в Хабаровском крае. Комсомольск-на-Амуре, 1996. С. 68.
31. ГАХК. Ф.35, Оп.3, Д.123, Л.123. Цит. по: Бондаренко Е.Ю. Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. Владивосток, 1997. С. 22-23.

32. Государственный архив новейшей истории Иркутский области (ГАНИИО). Ф. 4765, Оп. 1, Д.44, Л.1-5, Цит. по: Кузнецов С.И. Указ. соч. С. 175.

33. Карасев С.В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945–1956 гг.). Иркутск, 2006. С. 256. Военное положение продолжалось до мая. (Karner, op.cit., p. 92.).

34. РГВА. Ф.1Р. Оп.05е, Д.384, Л.3; 28-31.

35. Карасев С.В. Указ соч. С. 236.

36. Кузьмина М.А. Указ. соч. С. 36; 46.

37. Автор написал статью об Абэ Коити, предположительно советском агенте в Сеуле и Харбине с 1927 г. на основе отчетов американской военной контрразведки его допросов. (Рэкиси то дзинбуцу. (История и Люди).

38. Хикиагэ энго-но кироку. С. 49.

История ссылки в лицах

УДК 908(571.1/.5)(092) Ефимов

А.Н. Гаращенко

И.В. Ефимов – знаток сибирской жизни

В статье рассказывается об Иване Владимировиче Ефимове (6.7.1820 – 1.01.1903), который в период 1848–1853 был управляющим Александровским винокуренным заводом, с 1853 – Иркутским земским исправником, а позднее – горным исправником золотых промыслов северной части Енисейского округа. Ефимов являлся талантливым администратором, хорошо знал быт и нравы как самих сибиряков, так и каторжных. Его высоко ценил генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. Ефимов занимался литературным трудом, примером может служить статья «Из жизни каторжных Илгинского и Александровского, тогда казенных, винокуренных заводов», публикуемая в данном сборнике.

Ключевые слова: Александровский винокуренный завод, Илгинский винокуренный завод, винокурение, каторга, декабристы, Н.Н. Муравьев, И.В. Ефимов.

A.N.Garashchenko

I.V. Efim – the expert on the Siberian life

In article it is told about Ivan Vladimiroviche Yefimov (7/6/1820 – 1/1/1903) which in 1848–1853 was operating Aleksandrovsky distillery, with 1853 – Irkutsk земским исправником, and later – mountain исправником gold-fields of northern part of the Yenisei district. Yefimov was the talented manager, well knew a life and customs both Siberians, and unbearable. It was highly appreciated

by the governor general of Eastern Siberia N.N.ant. Yefimov was engaged in literary work, as an example article «From life unbearable Ilginsky and Aleksandrovsky, then state, distilleries», published in the given collection can serve.

Keywords: Aleksandrovsky distillery, Ilginsky distillery, distillation, penal servitude, Decembrists, N.N.ant, I.V.Efim.

Воспоминания Ивана Владимировича Ефимова занимают особое место в литературе, посвященной каторжным тюрьмам России. Написанные от первого лица, ярко и, что главное, на наш взгляд, достаточно объективно.

Как отмечал автор, эта «статья никогда для печати не предназначалась», а была лишь отрывком его автобиографии. Но в этом утверждении можно усомниться, читая его вступление к излагаемому материалу: «Если иногда и попадало что-либо мое в печать, то это только в тех исключительных случаях, когда было нужно: опровергнуть неправильные о ком-либо из сибирских деятелей отзывы; хлопотать о восстановлении каких-либо прав, или, наконец, поправить какое-либо неверное историческое или же бытовое описание, касающееся исключительно Сибири¹. Я – Сибиряк, довольно хорошо ее знаю, и писать в подобных случаях, на сколько могу и умею, считаю для себя обязательным. Вот и теперь приступаю к этому ради возбужденного волею горячо и сердечно заботящегося о благе России государя императора (да поможет Господь ему исполнить все его добрые предназначения!) важного для нашего отечества, а для Сибири и в особенности, вопроса об изменении системы наказания и отмене ссылки». Так что рассматривать этот материал можно не только как биографические записки, а, скорее, как возможность поделиться знаниями и опытом, накопленными за годы жизни в Сибири.

Иван Владимирович Ефимов родился 6 июля 1820 г. в Якутске. «По семейным преданиям и некоторым литературным указаниям, собранным покойным в записках о свой жизни, предки его были выходцами Великого Устюга и в числе первых русских пришельцев участвовали в покорении инородческих племен на крайнем северо-востоке Сибири и приведении их в русское подданство, а отец покойного занимал последовательно разные должности в правительственных учреждениях Якутской облас-

ти, Охотского края и Иркутской губернии и умер в 1844 г. во время командировки по делам службы в пустынях Якутской области, между реками Угуром и Нельканом, где в камнях утеса и был погребен своими спутниками»².

В 1825 г., после смерти матери, И.В. Ефимова перевозят в Иркутск, а когда его отца переводят казначеем в Тельминскую казенную фабрику, то 21 октября 1827 г. туда переезжает и семилетний Иван. Здесь он прошел начальное обучение у каторжного – бывшего семинариста И.С. Попова, что дало ему возможность в 1830 г. поступить в Иркутскую гимназию и окончить в ней курс в 1835 г. В Тельминской фабрике Ефимов впервые познакомился с жизнью и бытом каторжных, что пригодилось ему в дальнейшей деятельности.

Ефимову из-за недостатка средств не удалось получить университетского образования, но он всю жизнь занимался самообразованием, много читал, знал два языка – французский и польский.

В 1837 г. Иван Владимирович выдержал экзамен при Иркутской гимназии на звание учителя уездного училища по истории и географии и был определен на работу в Нижнеудинское уездное училище, где прослужил до 1841 г. Впечатления об Ефимове того времени сохранились в воспоминаниях польского ссыльного Ю. Ручиньского: «Ефимов, учитель уездной Удинской школы, был он с Михалом Глэмбоцким в близких, почти дружеских отношениях. Родившийся и выросший в Сибири, благодаря труду, постоянным поискам лучшего, более образованного общества дошел до определенного культурного развития и стал заметным чиновником. Со временем занял высокий пост в местной служебной иерархии, но всегда питал особую симпатию к полякам. Неоднократно доказывал это даже в сложных случаях и происшествиях, но об этом упомянут, возможно, подробно те мои товарищи, которые впоследствии были с Ефимовым в более близких и длительных отношениях»³.

В этом году он переселился в Иркутск и поступил на службу в канцелярию иркутского губернатора (по другим данным – в губернском совете, исполняющим должность столоначальника 3-го отделения⁴). В 1847 г. Ефимов был назначен управляющим казенным Илгинским винокуренным заводом. Илгинский винокуренный завод, основанный в 1736 г., находился почти в 400

верстах от Иркутска (современный Жигаловский район), на нем использовался труд ссыльных и каторжан. В 1836 г. на этом заводе находились поляки, сосланные за выступление 1830–1831 гг.

Сохранилось краткое описание Илгинского завода, принадлежащее декабристу А.П. Беляеву и относящееся к 1832–1833 гг.: «Илгинский завод был расположен в ущелье при небольшой речке из родников. Это было огромное здание, день и ночь оглашаемое шумом и гамом. Иногда при какой-то работе раздавалось какое-то очень стройное пение с уханьем. Ночь он был весь освещен; пар стоял над ним, и искры выбрасывались из труб. Я нанял себе квартиру на одной полугоре, на противоположной стороне ущелья, и эта мрачная, хотя величественная картина была беспрестанно перед глазами. Редкий день проходил, чтоб на двор ко мне, перед мои окна не являлись личности, возбуждавшие самые горькие чувства. Это были несчастные, оборванные, полунагие, босые каторжники, которые, проходя, останавливались перед окнами и без обычных нищенских выпрашиваний, молча стояли до тех пор, пока им не выдавалось что-нибудь; тогда они безмолвно уходили.

Это зрелище поражало меня в сердце, особенно когда я увидел их обнаженными в страшный мороз; но один из ссыльных, посещавших меня, уже уволенный от работ, объяснил мне причины этих явлений. У рабочих была страсть к игре в кости, и тут они все проигрывали даже до рубашки»⁵.

Через год Ефимова переводят управляющим казенным Александровским винокуренным заводом. Новое назначение состоялось из-за предполагавшегося закрытия Илгинского завода, на котором настаивал новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. «Исправляющий должность ген.-губ. Вост. Сиб. нашел, что существование Илгинского з-да бесполезно, ибо оный выгоден был для казны в то время, когда хлеб мог заготавливаться в близ лежащих по рекам Лене и Ангаре местах. Но как с открытием золотопромышленности хлеб в больших количествах обратился на прииски, то завод не может уже снабжать себя хлебом прежними дешевыми ценами и от того в настоящее время все расчеты на пользы от него казне, показывают явный убыток. Вся выгода в настоящее время от Илгинского з-да состоит только в том, что отпращиваемое с онаго вино в Якутский край обходит-

ся дешевле, чем с Александровского з-да. По мнению ген.-лейт. Муравьева, если выкурка вина на Алекс. з-де будет усилена, тогда цена этого вина будет менее, потому что штатные расходы разложатся на большее число ведер». В этом мнении его поддержал и министр финансов, и 3 мая 1849 г. на заседании Комитета Министров решение о закрытии завода было принято⁶.

Здесь уместно немного рассказать о заводе в период управления им Ефимовым.

За четыре года до вступления Ефимовым в управление заводом, в 1844 г., винокуром Григорием Ефимовичем и его сыном Федором Григорьевичем Сафроновыми было произведено переустройство Александровского казенного винокуренного завода «из огневого на паровое действие», но «самое здание винницы, построенное в 1828 г., осталось без перестройки...»⁷.

Завод избавил казну от лишних издержек и выкуривал вино с наименьшими расходами. В это время он снабжал вином Иркутскую губернию и, совместно с Илгинским, Якутскую область.

Хлеб привозили крестьяне и инородцы прямо на базар, тем самым избавляя заводскую администрацию от сложных операций по закупке. Более всего муки в завод доставляли буряты из Идинской думы (волости). Иркутский и Нижнеудинский округ снабжали завод хлебом в таком достатке, что бывали времена, когда пуд хлеба продавали менее чем за 10 коп. в урожайные годы; по 24–25 коп. – в годы среднего урожая; в неурожай цена доходила до 90 коп. Завод мог выкуривать свыше 500 тыс. ведер, и казна получала прибыль около миллиона рублей. До поступления завода в казну (в 1787 г.) в нем были рабочие из ссыльных, с переходом в казну, ему, кроме дроворубов и бочкарей, было определено иметь 154 каторжных. Но так как потребность в людях гораздо превышала назначенное число, то оно постепенно увеличивалось и к началу 1850-х гг. дошло до тысячи человек⁸. На это количество работавших в заводе для караула состояло нижних воинских чинов Иркутского гарнизонного батальона 98 человек, а также 6 казаков Иркутского казачьего конного полка. Воинская команда занималась содержанием караулов, встречей и препровождением арестантских партий, а казаки сопровождали транспорты со спиртом, несли полицейскую службу по заводу и командировались с заводскими чиновниками при поездках в Иркутск за получением казенных денег.

Контингент проживавших в заводе был следующим: сюда ссылались люди за различные уголовные преступления, такие как убийство, бегство со службы, убийство своего помещика, грабеж, бегство с места поселения после бродяжничества, за святотатство, поджоги. Сроки наказания были 7, 8, 13, 17, 19, 20 лет, 23 года. Большинство ссыльных из солдат и крестьян. После отбытия наказания многие отправлялись по другим волостям Иркутской губернии, а другие просто увольнялись на проживание и самостоятельное пропитание.

Просматривая малочисленные архивные дела из фонда Александровского винокуренного завода, а это в основном статейные списки каторжан, находившихся здесь на работах в 1830–1839, 1854–1855 и в 1857–1866 гг., видим, что многие из ссыльнокаторжных мужчин женились здесь же в заводе на ссыльноработчих женщинах, а также и на свободных крестьянках, обзаводились домами (покупали или строили), хозяйством, скотом⁹. Некоторые ссыльные были женаты до совершения преступления, и некоторые из жен приезжали к мужьям. Интересен тот факт, что каторжникам выделялись деньги на приобретения, например, «...1842 г. апреля 13 числа выделено (Ефиму Ильину. – А. Г.) на покупку лошади 70 руб. ассигнациями»¹⁰.

Постепенно, с развитием завода, росло и Александровское селение, в котором размещались на жительство и казенные крестьяне, а также отбывшие свой срок каторжники. С.В. Максимов, давая в своей книге «Сибирь и каторга» описание поселений вокруг заводов в 40-е годы XIX в., писал: «...все селения ссыльных приметно застроены, все тюрьмы каторжные окружены большим количеством домов, множеством улиц. Большой Нерчинский завод – целый город, перед которым город Нерчинск уступает в величии и населенности. Хорошего и сильного соперника этому городу мы встречаем в Петровском, Александровском и Усольском заводах»¹¹.

Завод – «...значительное селение, имеющее внешний вид города. Одна его улица тянется вдоль узкой долины, которая сходится под прямым углом с другой, также застроенной. Холм между этими двумя долинами является главной основой Александровска. Он состоит из нескольких улиц и рынка, на котором сосредоточивается лоточная торговля около палаток перекупщиков. Однако движение здесь небольшое, поддерживают его прежде

всего буряты и поселенцы из окрестностей. Деревянная церковь, окрашенная в желтый цвет, редко заполняется прихожанами, поскольку местное население не отличается ни набожностью, ни нравственностью. В суровом его облике отражается одичание... Вообще, Александровск напоминает российские городки: в нем домики, огороженные заборами, покосившиеся, старые, построенные из дерева, среди которых несколько каменных домов на горе, и топкие улицы, служащие превосходным лежбищем для свиней. Эти животные и скот всюду бродят на самовыпасе, их можно видеть даже перед наиболее солидным домом правителя поселения и перед зданием полиции»¹².

Сам завод располагался в непосредственной близости от спиртовых и хлебных магазинов, мастерских, был окружен домами ссыльнокаторжных и в случае пожара полностью бы выгорел, как и селение.

Согласно клировым ведомостям, в 1830 г. в заводе числилось 248 дворов, в которых проживало 1338 мужчин и 580 женщин¹³. В 1845 г. эти цифры выглядят следующим образом: дворов 338, душ мужского пола 1676 и 885 женского. Все православные. Итого 2662 человека. Помимо этого, было 7 еврейских дворов (26 мужчин и 16 женщин) и 8 татарских (45 мужчин и 14 женщин)¹⁴. С течением времени количество населения в заводе увеличивается, что можно проследить, просматривая клировые ведомости Николаевской церкви. (Ко времени закрытия завода число дворов здесь было 544, проживало 1557 мужчин и 1378 женщин (данные на 1863 г.)¹⁵). Проживали здесь и мусульмане, и католики, и иудеи, и лютеране. Большую часть населения составляли бывшие каторжные, отбывшие срок и вышедшие на поселение, а также их дети.

В конце 1840-х гг. завод был отдан в арендное содержание почетному гражданину Ефиму Михайловичу Медовикову¹⁶ и находился у него и его контрагента¹⁷ Алексея Сергеевича Юдина¹⁸ до 1866 г. В первые годы совместно с Медовиковым и Юдиным арендаторами являлись и братья Шведовы. Е.М. Медовиков на свои деньги в 1853–1854 гг. возвел новую каменную винницу.

По распоряжению генерал-губернатора Н.Н. Муравьева, бывавшего в заводе лично, после передачи завода в аренду Медовикову острожных и кандалных каторжных перевели на Иркутский солеваренный (в Усолье) и Петровский железодельный

заводы, оставив 400 человек по контракту для винокура и 200 для завода, т. е. одни оставались за казной, другие передавались контрагенту. Положение тех и других было различным. Казенные ссыльные получали 3 руб. ассигнациями и два пуда муки в месяц, контрагентские – до 3 руб. серебром. Однако вышло так, что казенные, оставшиеся на задельной плате, стали жить лучше, в особенности те, которые знали какое-либо мастерство. Немастеровые старались приписаться к какому-либо из семейств, жители завода охотно принимали ссыльных к себе на квартиры и «довольствовались их харчевым содержанием без платы, получая от них один только провиант». Кроме этого, устроившиеся на квартирах, обязывались помогать в домашнем хозяйстве старожилам. Ссыльные имели еще возможность зимой работать на заводе по вольному найму за 50 коп. в сутки, а летом, когда с половины мая до половины августа прекращалось винокурение, большая их часть находилась на заготовке леса для бочек, получая от 4 до 6 руб. в месяц. Из ссыльных также выбирались самые благонадежные на особые работы с жалованием согласно штату. Например, нарядчик получал 70 руб., медяки¹⁹ – 150 руб., кузнецы – 60 руб., плотники, мельники и солодовщики – 50 руб., браговары – 40 руб. в год. Усердные рабочие, прожив один-два года, имели возможность купить домик и завести собственное хозяйство. При этом каторжные женились на дочерях каторжных, раньше поступивших в завод и уже обзаведшихся домами и семействами.

Трудно сегодня по разноречивым данным судить о положении работавших на заводе. С.В. Максимов отмечал, что ссыльные от контрагентов чаще пускались в бег: им не давали порядочной одежды, в самые сильные морозы водили почти босыми; получая по 6 руб. ассигнациями в месяц, ссыльные платили по 4 руб. за еду и за квартиру; одежда выдавалась им под жалование. Представитель же контрагента Медовикова купец Юдин в своем обращении к смотрителю завода сообщал: «Большая часть рабочих... хорошо одеты и ни в чем не нуждаются, тем же рабочим, которые нуждаются, всегда выдается из конторы в пособие на обзаведение одежда и даже самую одежду впредь под жалование... рабочие же, преданные пьянству, карточной игре и лени, всегда и во всем нуждаются, ничем не довольны, жалуются и утруждают начальство...»²⁰

Находящимся при работах на виннице винокур был обязан выделять винную порцию. На заводе существовал овощной огород, ссыльным выдавались капуста, говядина, крупа и картофель. Семейные и обзаведшиеся хозяйством на содержание свиней получали барду. Барда выдавалась и для лошадей, чьи конюшники составляли особый разряд – конно-рабочих. Получая пособие от казны в лесе и материалах, а также лошадьми, некоторые ссыльные были в состоянии нанимать, например, для возки дров других ссыльных, беднейших. В свободное время ссыльные могли наниматься к крестьянам, сдающим на завод хлеб, носить мешки за договорную плату²¹.

Интересно отметить количество бежавших с Александровского винокурного завода: в 1833 г. их было 633 человека, в 1834 г. – 770, в 1835 г. – 754, в 1836 г. – 591, в 1837 г. – 293, в 1838 г. – 32, в 1839 г. – 76, в 1840 г. – 40, в 1841 г. – 71, в 1842 г. – 82, в 1843 г. – 98, а за период с 1 января 1846 г. по 1 ноября 1859 г. – 1013 мужчин и 19 женщин, что в среднем составляло 74 человека в год. Уменьшение числа побегов объяснялось уменьшением количества присылаемых на завод рабочих и ослаблением тюремного надзора. Возвращалось на завод добровольно или принудительно крайне незначительное число бежавших²². Количество солдат, охранявших осужденных, было невелико, и поэтому, как отмечал управляющий заводом И.В. Ефимов, следить за каторжными, «в сущности, было невозможно, потому что один солдат должен был, хотя и посменно, наблюдать за 10 каторжными». Интересно отметить, что В.И. Ефимов ввел надзор за заключенными со стороны самих арестантов. «...Для надзора, где бы то ни было на работах за каторжными, назначались десятники из каторжных же. Они же пред началом работ приходили в тюрьму и там счетом получали от военного караула людей, разводили их по работам и потом счетом же, по окончании работ, их сдавали. Само собою, при этом бывали и недочеты: кто-нибудь, а иногда и несколько, оказывались бежавшими. Но число бежавших, как я и предполагал, не только не превысило числа убежавших при военном карауле, но было немного меньше. Вероятно, каторжные берегли караульных из своей братии больше, чем караульных инвалидов»²³.

После того как завод и его рабочие перешли в ведение Е.М. Медовикова, они стали получать плату за свой труд от 5 до 6

руб. и более ассигнациями в месяц, «смотря по их способностям и поощрению к труду, усердию и порядку», и два пуда муки, а при нахождении завода в казне рабочим платили только 3 руб. и те же два пуда муки». И еще один любопытный факт приводит А. Юдин: «Жители завода охотно принимают к себе на квартиры рабочих и довольствуют их харчевым содержанием без платы, получая от них один только провиант с тем, чтобы они в свободное от работы время, которого у них во время действия винокурения половина суток, помогали им по хозяйству, кроме того, имеют еще выгоду в заводе зимою повольно зарабатывать до 50 коп. серебром в сутки, а летом большая часть из них, находясь в дровосеке и в добыче бочечного леса, получают задельную плату, на этой работе усердные могут заработать от 4 до 6 руб. серебром в месяц, так что многие из рабочих, поживя в заводе один или два года, имеют возможность купить домик, завести собственное свое хозяйство и жить безбедно...»²⁴

На Александровском заводе в 1849 г. произошло знакомство Ефимова с Михаилом Сергеевичем Волконским, тогда еще совсем юношей. Причем, эта встреча могла закончиться довольно печально для сына декабриста. Об этом Ефимов рассказывает в своих воспоминаниях. Хорошо знал Ефимов и В.Ф. Раевского, который жил недалеко от завода, в Олонках, и занимался винным откупом. Но не только это связывало И.В. Ефимова с Раевским. Брат Ефимова – Федор Владимирович²⁵ – был женат на дочери Раевского Вере. Кстати, одним из поручителей со стороны невесты при венчании, которое состоялось 6 октября 1850 г. при Олонской церкви, был М.С. Волконский, а со стороны жениха – И.В. Ефимов²⁶.

Вообще же Иван Владимирович был знаком со многими декабристами. Еще в детстве, в 1828 г., в Якутске в доме своего деда по матери протоиерея о. Федора Амвросова он часто видел живших тогда там декабристов графа З.Г. Чернышева и А.А. Бестужева (Марлинского), рассказы которого любил слушать, а, возвращаясь из Якутска по Лене вместе с отцом в Олекминске, он был у декабристов Н.А. Чижова и А.Н. Андреева, а в Киренске – у А.В. Веденяпина и князя В.М. Голицина²⁷.

Позднее Ефимов был хорошо знаком с большей частью декабристов, находившихся на поселении в Иркутском округе: С.Г.

Волконским, С.П. Трубецким, П.А. Мухановым, Н.М. Муравьевым, братьями Поджио и другими, с жившими в Западной Сибири В.И. Штейнгелем, И.И. Пуцциным, а также с забайкальцем М.К. Кюхельбекером. «Пребывание декабристов в Сибири, насколько я знаю, едва ли оставило в ком-либо из нас, сибиряков, дурные о себе воспоминания», – писал о декабристах Ефимов²⁸.

В целом отношение Ефимова к декабристам было уважительным. Его воспоминания о них доброжелательны и сочувственны. С некоторыми из них он поддерживал отношения и после их амнистии, например, с М.И. Муравьевым-Апостолом и М.А. Назимовым.

В Александровском заводе Иван Владимирович прослужил до 1853 г., когда был назначен иркутским земским исправником. В 1856 г. И.В. Ефимов переведен на должность горного исправника северной части Енисейской тайги, а в 1858 г. вышел в отставку.

Высочайшим повелением от 26 сентября 1858 г. он был утвержден директором Красноярского тюремного комитета. С тех пор Ефимов жил частным человеком сначала в Красноярске, а затем с 1863 г. в Томске. Он служил с 1860 по 1869 гг. в золотопромышленной компании Д.Е. Бенардаки доверенным по доставке и сдаче золота в Барнаул, где в то время было сосредоточено все золотосплавное дело Сибири. В этот период им было сдано более одной тысячи пудов золота, за которое получено кредитными билетами и ассигновками 9 677 712 руб.²⁹

Интересен отзыв, который оставил об Иване Владимировиче Б.В. Струве – чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве: «Ефимов один из таких редких сибирских людей-самородков, которыми нельзя довольно дорожить; ими нужно уметь пользоваться, и тогда они становятся неоценимы для дела. Честность, энергичность, практичность и стойкость – вот неразлучные качества этих самородков. Муравьев знал им цену и умел ими пользоваться»³⁰. Сам же Муравьев в 1860 г. писал в «Аттестате о службе отставного надворного советника» И.В. Ефимова, что он «действовал по службе с соблюдением казенной пользы и законных интересов населения, выказав при этом отличную деятельность, безукоризненную честность, замечательные способности и знание в административном деле» и особенно высоко оценивал его способность

«не только отлично распоряжаться, но и постоянно наблюдать за исполнением распоряжений»³¹.

Современник писал: «...с Томском и его интересами связана была, главным образом, вся вторая половина жизни Ивана Владимировича. Общественные нужды и где-нибудь нарушаемое право всегда вызывали в нем самый горячий интерес и сочувствие». Активный по натуре и склонный к общественной деятельности, здесь он много сил и внимания уделил открытию в Томске университета и расширению женского образования. Будучи гласным Томской думы, он инициировал вопрос о восстановлении прав на прибыли Сибирского общественного банка. Ранее прибыли банка распределялись не только специально между томскими учебными заведениями, но и в других городах, так, например, на Омскую и барнаульские гимназии. Иваном Владимировичем была составлена записка об изменении устава томского общественного банка в том смысле, чтобы прибыли этого банка шли бы исключительно на томские учебные заведения. И через 12 лет упорных трудов Ефимов добился, что город Томск стал обеспеченным надежным источником средств, специально назначенных на расширение в нем женского образования. За это Томская городская дума почтила труды своего сочлена постановкой его портрета в помещении Общественного банка.

Следует также отметить, что, любя и интересуясь сельским хозяйством, Иван Владимирович в начале 1880-х гг. в принадлежавшем ему одно время под Томском имении делал опыты по разведению разного рода усовершенствованных сортов овоцдей, сыроварению и улучшению местной породы рогатого скота, для чего им было привезено в Сибирь стадо голландской породы.

Факт этот обратил на себя в свое время внимание Императорского вольного экономического общества как первый почин в этом роде в Томске. Некоторые сведения о результатах и дальнейшей судьбе этого хозяйства заключаются в его статье «Заметки об улучшении в Сибири скотоводства и сельского хозяйства вообще», помещенной в «Сибирской жизни» за 1899 г.

Последнее десятилетие своей жизни Ефимов прожил большей частью вдали от Томска, на южном берегу Крыма и, главным образом, в Петербурге³².

Ефимов умер 1 января 1903 г. и похоронен на Томском Воскресенском кладбище. Как отмечал современник: «В покойном

Иване Владимировиче сошел в могилу живой свидетель большой части XIX века в Сибири и человек, лично хорошо знавший обе ее половины (имеется в виду Восточная и Западная Сибирь. – А.Г.) по своей жизни в разных ее местах и многочисленным поездкам...»

Примечания

1. Граф Муравьев-Амурский пред судом профессора Буцинского. Заметки и воспоминания. СПб., 1896; Заметки на воспоминания Львова // Русский архив. 1885. № 12. С. 553–564; Записки о минеральных водах за Байкалом и об одном таком же источнике в Тункинском крае Иркутского округа // Сиб. жизнь (Томск). 1900. № 144, 146.

2. Томский некрополь. Томск, 2001. С. 81.

3. Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / публ., сост., перевод, вступл., предисл., коммент. Б.С. Шостаковича. Иркутск, 2009. С. 352–353.

4. Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1845 г. СПб., 1845. Ч. 2. С. 57.

5. Воспоминания декабриста (А. Беляева) о пережитом и перечувствованном, 1805–1850 гг. СПб., 1882. URL: http://dugward.ru/library/belyaev/belyaev_vospom_dekabrista1.html#otvsib

6. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2022 Журнал. Л. 71–71об., 78–79.

7. ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 496. Карт. 1307; Там же. Д. 592. Карт. 1830. Л. 72.

8. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., б/г. Ч. 4. С. 109–110.

9. ГАИО. Ф. 248 – Александровский винокуренный завод (всего пять дел, из которых четыре – статейные списки).

10. Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

11. Максимов С.В. Указ. соч. СПб., 1896. Т. I. Ч. 1. С. 267.

12. Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки... С. 676.

13. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3883. Л. 43об.

14. Там же. Оп. 7. Д. 181. Л. 67об.

15. Там же. Оп. 1. Д. 7718. Л. 93об.

16. Медовиков Ефим Михайлович (?–2.02.1858) – почетный гражданин, занимался винным откупом более 40 лет, был достаточно известен правительству по устройству и содержанию винокуренных заводов в Тобольской и Пермской губерниях. Строил казенные винокуренные заводы Ератский (в 1844 г.) и Талицкий (в 1846 г.) в Пермской губернии. В 1846 г. откомандирован министром финансов «для устройства в Иркутских казенных винокуренных заводах спиртового действия». Был арендатором Александровского винокуренного завода. После его

смерти арендатором завода стала его семья. По доверенности заводом и всеми делами, с ним связанными, остался управлять купец 1-й гильдии А.С. Юдин.

17. Контрагент – обязатель, лицо, заключающее с кем-нибудь, преимущественно с казною, контракт.

18. Юдин (Июдин) Алексей Сергеевич (1817–1872) – из рода Юдиных, дядя известного библиофила красноярского купца Г.В. Юдина. Обучался искусству винокурения у Е.М. Медовикова. В начале 1850-х гг. камышловский, а в 1858 г. – читинский 1-й гильдии купец, позднее был возведен в потомственное почетное гражданство под фамилией Юдин. Организатор частного Ново-Александровского винокуренного завода у деревни Гороховой Уриковской волости, открытого в 1866 г. Этот завод, работавший на английском оборудовании, давал продукцию не только для Иркутской губернии, но и для далеких территорий российского Дальнего Востока. Благодаря своей исключительной энергии и трудолюбию А.С. Юдин выдвинулся в первый ряд сибирских предпринимателей участием в освоении территорий по р. Амуру. Умер в Иркутске.

19. Медяк – человек, работающий в винокурне с медной посудой.

20. ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 398. Л. 5.

21. Максимов С.В. Указ. соч. СПб., б/г. Ч. 4. С. 111; ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 398.

22. Максимов С.В. Указ. соч. СПб., 1896. Т. 1. Ч. 1. С. 187.

23. Ефимов И.В. Из жизни каторжных Илгинского и Александровского, тогда казенных, винокуренных заводов // Рус. архив. 1900. № 1. С. 104.

24. ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 398. Л. 4об.–5.

25. Ефимов Федор Владимирович (1823–1882) во второй половине 1840-х гг. служил в Иркутском губернском совете, в 1859–1861 гг. – в Чите исполняющим должность областного прокурора Забайкальской области, в 1860-е гг. был председателем и прокурором Иркутского окружного суда; в 1867 г. – председателем Енисейского губернского суда и дослужился до чина действительного статского советника.

26. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 694. Л. 663об.–664.

27. Томский некрополь. Томск, 2001. С. 81.

28. Ефимов И.В. Заметки на воспоминания Л.Ф. Львова // Рус. архив. 1885. № 12. С. 553.

29. Он же. Из жизни каторжных Илгинского и Александровского, тогда казенных, винокуренных заводов // Рус. архив. 1900. № 2. С. 271.

30. Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 г. СПб., 1889. С. 37.

31. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников / Автор-сост. Н.П. Матханова. Новосибирск, 1998. С. 339.

32. Томский некрополь. Томск, 2001. С. 82, 83, 84.

УДК 34(47)(092)Фарберов

Казарин В.Н.

**Изломы судьбы профессора Н.П. Фарберова:
страница идеологических репрессий советской эпохи**

Наум Павлович Фарберов – человек, сыгравший решающую роль в воссоздании юридического образования в Иркутском университете. Известный ученый, имевший внушительный послужной список до приезда в Иркутск, первый доктор юридических наук в университете после восстановления здесь юридического образования в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Ключевые слова: Иркутский государственный университет, юридическое образование, политические репрессии.

V.N. Kazarin

**Breaks of destiny of professor N.P.Farberova:
page of ideological reprisals of the Soviet epoch**

Naum Pavlovich Farberov – the person who has played a pivotal role in a reconstruction of juridical education in Irkutsk university. The known scientist who had an impressive track record before arrival to Irkutsk, the first doctor of jurisprudence at university after restoration here juridical education in the late forties – the beginning of 1950th.

Keywords: Irkutsk state university, juridical education, political repressions.

Что же нам известно об этой личности, особенно об иркутском периоде научно-педагогической деятельности Н.П. Фарберова? В справочном издании, выпущенном к 80-летию Иркутского университета, указано следующее: «Профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права с 1949 г. С воссозданием 1 сентября 1954 г. юридического факультета был его деканом до 1956 г.»¹. Если о других профессорах-юристах в этом справочнике даны более информативные данные, то о Н.П. Фарберове они очень скудны. Попытаемся восполнить этот пробел. Особенно нас интересует, каким образом, при каких обстоятельствах профессор Н.П. Фарберов оказался в Иркутске, и какова его роль

в становлении юридического образования в университете после почти двадцатилетнего перерыва.

Н.П. Фарберов родился в еврейской семье в местечке Шерстин 22 июля 1909 г. в Белоруссии недалеко от г. Гомеля. В анкете в разделе «национальность» он всегда писал «еврей», но родным языком указывал русский. Его отец – Пинхус Лейбович Фарберов, 1872 года рождения, родился в Гомеле, а мать Бася Моисеевна, 1876 года рождения, в местечке Шерстин. В 1919 г., в период Гражданской войны, мать умерла. Трагически оборвалась жизнь его отца: он был расстрелян немецкими захватчиками во время оккупации г. Харькова в 1941 г. Еще один немаловажный факт из биографии Н.П. Фарберова: его старший брат, Зиновий Павлович, 1897 года рождения, был арестован Воронежским управлением НКВД в 1936 г. и, как отмечал Н.П. Фарберов, «с тех пор мне о нем ничего не известно».

Трудовой путь Наум начал в ноябре 1928 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова канцелярским служащим. После года работы Н. Фарберов становится ответственным секретарем местного комитета Московского университета, а еще через год – помощником начальника отдела кадров МГУ. В октябре 1932 г. он становится ответственным секретарем редакции газеты Московского университета «За пролетарские кадры».

Работу он совмещал с учебой, поскольку в 1931 г. поступил в Институт советского строительства при ВЦИК, который окончил в 1934 г. Обучаясь в институте, Н.П. Фарберов одновременно вел педагогическую работу на рабфаке им. Покровского. После окончания института он был направлен на работу на заочные курсы советского строительства при ВЦИК, где в должности инструктора-методиста проработал до 1938 г. В том же году поступил в аспирантуру Юридического института Прокуратуры СССР. Обучение в аспирантуре Н.П. Фарберов совмещал с педагогической работой во Всесоюзной Правовой академии на военно-юридическом факультете.

В мае 1941 г. окончил аспирантуру и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Суверенитет союзных республик». В этом же году Фарберов был зачислен в кадры Вооруженных Сил СССР и назначен преподавателем Военно-Юридической Академии, в которой

проработал до 15 апреля 1952 г. В 1952 г. ему было присвоено ученое звание доцента. Таким образом, он прошел все ступени научно-педагогической деятельности: преподаватель, старший преподаватель, доцент, начальник кафедры государственного и международного права. Имел звание подполковника юстиции.

С 1944 по 1952 гг. Н.П. Фарберов работал также по совместительству во Всесоюзном институте юридических наук в должности старшего научного сотрудника; преподавал также в Высшей дипломатической школе, Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), Институте международных отношений. Читал также лекции аспирантам Академии общественных наук при ЦК ВКП(б).

В июне 1949 г. Н.П. Фарберов защитил докторскую диссертацию на тему «Основные начала государственного строя Народных Республик Центральной и Юго-Восточной Европы». А в декабре того же года решением Высшей Аттестационной Комиссии ему был выдан диплом доктора юридических наук. В марте 1950 г. ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре государственного права. Как видим, все складывалось как нельзя лучше в научно-педагогической биографии Н.П. Фарберова. Но затем приказом начальника Главного политического управления от 31 июля 1952 г. Фарберов был демобилизован из Советской армии с формулировкой: «реорганизация аппарата и сокращение штатов».

Только ли это было истинной причиной прерывания столь успешной карьеры Н.П. Фарберова? Сопоставим ряд фактов. В седьмом номере главного теоретического и политического журнала «Большевик» за 1952 г. была опубликована статья М. Морозова и М. Харламова «За высокий идейный уровень юридической литературы», в которой жесткой критике были подвергнуты некоторые новые книги по вопросам советского права, международного права, государственного устройства стран народной демократии. Среди них брошюра З. Черниловского «Государственный строй Китайской Народной Республики», книга «Международное право» под редакцией чл.-корр. АН СССР Е.А. Коровина, один из авторов которой В.Н. Дурденевский, кстати, работавший в Иркутском университете в 1920-е гг., был раскритикован за некоторые положения своей статьи. Но наибольшей критике подверглась книга Я. Айзенштата «Государственный

строй Народной Республики Болгарии», редактором которой был Н.П. Фарберов.

Книга Я. Айзенштата в журнальной статье была названа «вредной», ошибочно освещавшей вопросы государственного строя в Болгарии. «Очевидно, издательство слепо доверилось авторитету профессора Фарберова, создавшего себе рекламу «специалиста» по вопросам стран народной демократии, - отмечали авторы статьи. Между тем издательству должно быть известно, что в статьях и книгах Н. Фарберова и, в частности, в его недавно вышедшей работе «Экономическое устройство, классы, партии и народный фронт в европейских странах народной демократии» (сборник «Некоторые вопросы государства и права стран народной демократии Центральной и Юго-Восточной Европы», изд-во АН СССР, 1951) содержатся серьезные ошибки. Для Н. Фарберова, как и для Я. Айзенштата, характерны безответственные оценки важнейших явлений и процессов, происходящих в странах народной демократии, искаженное освещение вопросов государственной политики в деревне, перспектив развития строя народной демократии и т. д.»².

Обошлось ли только статьей в журнале «Большевик»? Нет, это повлекло последующие события. Ученый Совет Военно-Юридической Академии, в которой Н.П. Фарберов проработал 11 лет, в том числе начальником кафедры, обсудил указанную статью, а также отметил в работах своего коллеги «серьезные политические и теоретические ошибки» и проявил инициативу: поставил перед ВАК при Министерстве высшего образования вопрос о лишении Фарберова ученой степени доктора юридических наук. Вскоре Н.П. Фарберов был освобожден от работы в Академии по «сокращению штатов». А из Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР он ушел «по собственному желанию», как было отмечено в характеристике на Фарберова, подписанной директором института профессором И.Т. Голяковым.

Именно в силу этих обстоятельств и оказался профессор Н.П. Фарберов в Иркутске. Юристов здесь стали обучать недавно, квалифицированных кадров было явно недостаточно, а профессоров, докторов юридических наук не было вообще. Можно ли это действие рассматривать как репрессию? Обратимся к понятийному аппарату. Знаменитый словарь Владимира Даля не со-

держит определения «репрессии». В нем есть понятие «Репрессивные меры, репрессалии, понудительные и притеснительные, нудящие к чему»³. Понятие «репрессии» словарь иностранных слов объясняет от позднелатинского *repression* – подавление, и определяет как «карательная мера, наказание». А репрессивный как карательный, имеющий целью подавить, пресечь что-либо⁴. Словарь С.И. Ожегова уточняет: «Репрессия – наказание, карательная мера, применяемая государственными органами»⁵. Точно такое же определение дано в словаре В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной⁶. Таким образом, подавление, пресечение чего-либо можно отнести к репрессиям. Научно-педагогическая деятельность профессора Н.П. Фарберова в московских учебных и научных учреждениях была пресечена. Он был отстранен от работы по очень гибкой формулировке: «по сокращению штатов». И это - в 43 года! Отстранить доктора наук, профессора, начальника кафедры, автора признанных научных трудов, а не какого-нибудь неперспективного в науке преподавателя! Но были ли эти меры приняты государственными органами? Действия последовали после публикации в журнале «Большевик», теоретическом и политическом органе ЦК ВКП(б). А коллеги Н.П. Фарберова по Военно-юридической академии, осудившие его «в едином порыве», ходатайствовавшие о лишении ученой степени доктора юридических наук, представляли собой не случайное соединение физических лиц.

В Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова Н.П. Фарберов был направлен на основании приказа заместителя министра высшего образования СССР от 9 октября 1952 г. Как же был принят в университете опальный профессор? Приказом ректора ИГУ от 3 ноября 1952 г. д.ю.н. Н.П. Фарберов был зачислен на должность профессора кафедры теории и истории государства и права. Должности профессора в штатном расписании кафедры не было, поэтому ректор университета Т.Т. Деуля обратился со специальным письмом в Главное управление университетов Министерства высшего образования СССР и просьбой установить штатную единицу профессора взамен штатной единицы старшего преподавателя⁷.

В Иркутском университете стал работать опальный профессор, который имел более 50 научных работ, из них 17 монографий, учебников и учебных пособий, а также статьи в таких

журналах, как «Большевик», «Советское государство и право», «Новое время», «Пропагандист и агитатор Советской Армии» и др. Н.П. Фарберов был автором учебника «Иностранное государственное право», Ч. 1, Издание Военно-юридической академии; «Государственное право стран народной демократии», Издание ВЮА. Этот учебник был допущен Министерством высшего образования в качестве учебника для юридических вузов и факультетов, переведен на китайский язык и издан в КНР. Профессор Н.П. Фарберов был также соавтором учебников «Советское государственное право», «Всеобщая история государства и права», Т. IV. Ряд учебников Н.П. Фарберова и его научных работ были переведены на иностранные языки, преимущественно в странах народной демократии. Научно-педагогический труд Н.П. Фарберова был отмечен наградами «За Победу над Германией», «XXX лет Советской Армии», «В память 800-летия Москвы», «За боевые заслуги». Таким образом, Иркутский университет, не имевший специалистов высшей квалификации, приобрел в силу указанных выше обстоятельств крупного ученого-юриста и опытного лектора-педагога.

Итак, профессор Н.П. Фарберов стал работать на кафедре теории и истории государства и права, с которой и начиналось возрождение юридического образования в Иркутском университете. А вопрос об отмене решения ВАК от 31 декабря 1949 г. об утверждении Фарберова ученой степени доктора юридических наук на основании защиты 7 июня 1949 г. в Совете Военно-Юридической академии и об отмене решения ВАК от 11 марта 1950 г. об утверждении его в ученом звании профессора тем временем рассматривался в ВАКе. Наконец, 29 ноября 1952 г. состоялось заседание президиума ВАК; по итогам которого было принято следующее решение: разрешить Фарберову переработать диссертацию с учетом сделанных замечаний и после переработки представить в ВАК без повторной защиты к 1 июня 1953 г.

6 февраля 1954 г. ВАК вновь рассмотрел вопрос об ученой степени и ученом звании Н.П. Фарберова. Решение было принято следующее: «Учитывая, что Н.П. Фарберов, согласно решению ВАК от 29 ноября 1949 г. переработал диссертацию с учетом сделанных замечаний, оставить в силе решение ВАК от 31 декабря 1949 г. об утверждении Фарберова в ученой степени доктора юридических наук и решение ВАК от 11 марта 1950 г.

об утверждении Фарберова в ученом звании профессора»⁸. Это явилось оптимальным решением с учетом меняющейся политической и идеологической ситуации в стране.

Пока ВАК рассматривал вопрос о том, оставлять или нет за Фарберовым ученую степень и ученое звание, руководство Иркутского университета назначило Н.П. Фарберова исполняющим обязанности заведующего кафедрой советского уголовного права и процесса с 1 сентября 1953 г., а не с 1949 г., как ошибочно указано в справочном издании по ИГУ 1998 года издания. В 1949 г. профессор Н.П. Фарберов трудился на научно-педагогическом поприще в высших учебных заведениях г. Москвы.

Сам же Фарберов написал служебную записку ректору университета доценту Т.Т. Деуля, в которой указывал: решение кафедры теории и истории государства и права о разделении считает вполне правильным «и даже крайне необходимым, так как в нынешнем виде она стала явно неработоспособной». Разделение кафедры должно способствовать улучшению работы юридического отделения. Но заведующий кафедрой должен быть специалистом по одной или нескольким дисциплинам кафедры. Я же, – писал Н.П. Фарберов, – не являюсь специалистом по уголовному праву и процессу. Поэтому в эту кафедру наряду с другими дисциплинами должны быть обязательно включены все дисциплины моей специальности «Государственное право», «Международное право». В связи с этим новой кафедре должно быть дано и иное наименование, например, кафедра государственного права и уголовного права.

После обсуждения этого вопроса, ректорат Иркутского университета направил письмо в Управление университетов и юридических вузов, в котором обосновывал разделение кафедр. В кафедре теории государства и права целесообразно было оставить теорию и дисциплины историко-правового цикла, а во вторую включить дисциплины государственно-правового, уголовно-правового и гражданско-правового циклов. А на должность заведующего новой кафедрой ректорат представлял профессора Фарберова, который смог бы обеспечить руководство кафедрой.

Между тем, в марте 1953 г. Ученый совет ИГУ принял постановление, в котором было отмечено, что в лекциях профессора Н.П. Фарберова были отмечены «ошибки методологического характера». В связи с этим Фарберов выступал на объединенном

заседании кафедр теории и истории государства и права, философии и марксизма-ленинизма, а также написал ректору университета специальную записку, в которой отрицал все обвинения в свой адрес.

В июле 1954 г., после того как состоялось решение ВАК о сохранении Н.П. Фарберову ученой степени доктора наук и ученого звания профессора, приказом Главного управления университетов, экономических и юридических вузов он был утвержден в должности заведующего кафедрой уголовного и гражданского права и процесса⁹.

А в октябре 1954 г. приказом этого же управления профессор Н.П. Фарберов был утвержден в должности декана юридического факультета ИГУ. Ректор университета Т.Т. Деуля так характеризовал Н.П. Фарберова: «Со своими служебными обязанностями справляется успешно. Среди профессорско-преподавательского состава пользуется авторитетом. Является руководителем действующего при Иркутском ОК КПСС семинаром юристов-преподавателей. Требователен к себе и подчиненным, энергичен и инициативен. Дисциплинированный, политически и морально устойчив».

Но в этой должности Н.П. Фарберов проработал сравнительно недолго. В июле 1956 г. директор Института права им. А.Я. Вышинского АН СССР, чл.-корр. АН СССР П.Е. Орловский направил новому ректору Иркутского университета доценту В.Я. Рогову официальное уведомление, что д.ю.н. Н.П. Фарберов избран по конкурсу на должность старшего научного сотрудника Института права и утвержден в этой должности Бюро отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР и просил ректора откомандировать Фарберова в Москву на новое место работы. В том же месяце Н.П. Фарберов покинул Иркутск¹⁰. Таким образом, приехавший в ноябре 1952 г. в Иркутск опальным доктором юридических наук и профессором, ставший в университете заведующим второй базовой кафедрой и деканом уже самостоятельного юридического факультета, сохранивший ученую степень и ученое звание Н.П. Фарберов проработал в Иркутском университете три года и восемь месяцев. Поначалу неоднозначно встреченный некоторыми университетскими преподавателями, он стал первым доктором юридических наук в университете после долгого перерыва, создал здесь новую много-

отраслевую кафедру, на высоком уровне читал государственно-правовые дисциплины, возглавил самостоятельный факультет, а не отделение. Как видим, добившись здесь многого, он, тем не менее, не связал свою дальнейшую жизнь с сибирским университетом, а с триумфом возвратился в Москву, город, с которым была связана вся его предыдущая научно-педагогическая деятельность.

Необходимо отметить, что юридическое сообщество высоко оценило научную и педагогическую деятельность Н.П. Фарберова. В статье, опубликованной в журнале «Советское государство и право» к 80-летию ученого, разумеется, ничего не говорилось о гонениях на Н.П. Фарберова, его критике в центральном партийном журнале, попытках лишить его ученой степени доктора юридических наук и ученого звания профессора, обстоятельствах его появления в Иркутском университете и вкладе в развитие здесь юридического образования. Это объяснимо и понятно. Но это еще раз подчеркивает необходимость целостного воссоздания портрета ученого и педагога.

Н.П. Фарберов - один из немногих профессоров, работавших в Иркутском университете, получившем международное признание. Его труды издавались в Болгарии, ГДР, Венгрии, Индии, Канаде, МНР, Польше, Румынии, США, Франции, Чехословакии, Югославии. В этом отношении рядом с ним из профессоров-юристов ИГУ можно поставить, пожалуй, только В.Н. Дурденевского.

Н.П. Фарберов участвовал в разработке важных законопроектов, был членом рабочих групп по разработке Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. Под его руководством работали большие исследовательские коллективы. Он был одним из организаторов, руководителем, одним из авторов и редактором многотомного издания «Марксистско-ленинская общая теория государства и права», двухтомного издания «Маркс, Энгельс и Ленин о социалистическом государстве» и книги «Закономерности развития социалистического государства». В течение 8 лет Н.П. Фарберов был председателем одного из специализированных советов по защите докторских диссертаций при Институте государства и права АН СССР¹¹.

Таким образом, в настоящей публикации восстановлены основные этапы научно-педагогической деятельности профессора Н.П. Фарберова, устранены ошибки о нем, содержащиеся в справочном

издании по персоналиям Иркутского университета 1998 г. Но, самое основное, показаны обстоятельства и причины, в силу которых московский профессор оказался в провинциальном Иркутске. Это стало возможным в результате идеологической репрессии начала 1950-х гг., административным наказанием с понижением должностного статуса, проявлением социально-корпоративной психологии коллектива, в котором трудился Н.П. Фарберов. И это тоже – отражение политической ситуации и морально-психологического климата тех лет.

В Иркутском университете профессор Н.П. Фарберов явился одним из «отцов-воссоздателей» юридического образования. Крупный ученый, автор многочисленных трудов в области юриспруденции, читавший несколько базовых юридических курсов в университете, успешно занимавшийся административной деятельностью – таким он остался в истории юридического образования Восточной Сибири. За тот недолгий период пребывания здесь он сделал очень многое. Таковы зигзаги судьбы профессора Н.П. Фарберова, отразившие сложную и противоречивую эпоху.

Примечания

1. Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С.И. Кузнецов. Иркутск, 1998. С. 175.
2. Морозов М., Харламов М. За высокий идейный уровень юридической литературы // Большевик. 1952. № 7. С. 66, 67, 69.
3. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4. СПб. М., 1882. (Репринт 1980). С. 92.
4. Словарь иностранных слов. 18 изд., стер. М., 1989. С. 441.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Ок. 57 000 слов. Изд. 9-е, испр. и доп. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1972. С. 624.
6. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь: Ок. 35000 слов. М., 1990. С. 505.
7. Архив ИГУ. Оп. 11. Д. 134. Л.1, 4, 5, 6, 12, 13., 15.
8. Архив ИГУ. Оп. 11. Д. 134. Л. 18, 31.
9. Архив ИГУ. Оп. 11. Д. 131. Д. 12, 13, 14, 15.
10. Архив ИГУ. Оп. 11. Д. 134. Л. 32, 47, 50.
11. Наум Павлович Фарберов (К 80-летию со дня рождения) // Советское государство и право. 1990 . № 2. С. 144.

УДК 9(47)(092)Андреев

В.С. Мильбах, А.Н. Чернавский

1937 год, дело бригадного комиссара Андреева

В статье на примере дела бригадного комиссара И.И. Андреева показана организация тотального уничтожения командных кадров Красной Армии перед Великой Отечественной войной, в том числе, и в частях Забайкальского военного округа.

Ключевые слова: политические репрессии, командные кадры Красной Армии, сфабрикованные политические процессы, Забайкальский военный округ.

V.S. Milbah, A.N. Chernavsky

1937, business of brigade commissioner Andreeva

In article on an example of business of brigade commissioner I.I.Andreeva the organization of total destruction of command shots of Red Army before the Great Patriotic War, including, and in parts of Transbaikalian military district is shown.

Keywords: political repressions, command shots of Red Army, forged political processes, Transbaikalian military district.

Весной 1937 г. в Забайкальском военном округе (ЗабВО) аресты по политическим мотивам командно-начальствующего состава стали расширяться. После ареста ряда средних командиров из механизированных частей, в поле зрения особых отделов НКВД попали некоторые командиры и военные комиссары соединений. Например, показания, полученные следователями НКВД от арестованного командира роты М.М. Захарова, послужили основанием для возбуждения ряда других политических дел, в частности – дела на бывшего бригадного комиссара Ивана Ивановича Андреева. В постановлении на арест И.И. Андреева, подписанном 19 апреля 1937 г., отмечено: «Находясь в 32 мехбригаде, проводил контрреволюционную троцкистскую деятельность, направленную на подрыв боеготовности бригады. ...В январе месяце 1936 года при переброске 3 т. батальона в МНР не обеспечил политически мотомехколонны на марше вследствие чего свыше 50 % всей боевой матчасти колонны вышло из строя»¹.

Действительно, 3-й танковый батальон 32-й механизированной бригады 11-го мехкорпуса, имеющий на вооружении легкие танки БТ-5, получил приказ совершить 250-км марш в Монголию, но колонне удалось преодолеть только 45 км этого маршрута, при этом 26 танков вышли из строя по техническим причинам. Безусловно, начальник политотдела бригады должен был уделить максимум внимания подготовке и проведению этой военно-политической акции. Но в период подготовки и совершения марша И.И. Андреев находился в отпуске, следовательно, повлиять на качество проводимых мероприятий не мог. Тем не менее, оценка качеству воспитательной работы в бригаде была дана, и организационные выводы по Андрееву были сделаны: приказом НКО № 2997 от 27 декабря 1936 г. он был уволен из РККА по ст. 43 п. «б» Положения о прохождении службы начальствующим составом, т. е. в аттестационном порядке по служебному несоответствию.

Прошло два месяца. Ведомственные приказы, вызванные решениями февральско-мартовского пленума ВКП(б), требовали от органов НКВД на местах активизировать работу по вскрытию и обезвреживанию оппозиционных групп, контрреволюционных организаций, антисоветских заговоров. Это заставило органы НКВД Восточно-Сибирской области вспомнить об И.И. Андрееве, мирно работавшем на станции Бада помощником по хозяйству начальника УВСР-433. Компетентным органам было известно, что еще в 1925 г. И.И. Андреев выражал несогласие с политической партией по крестьянскому вопросу и поддерживал взгляды зиновьевской оппозиции. В результате появилось постановление на арест И.И. Андреева, где было указано, что он обвиняется в политических преступлениях по ст. 58-1, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

19 апреля 1937 г. И.И. Андреев был арестован органами НКВД. Первый имеющийся в деле протокол допроса датирован 25 апреля 1937 г. Судя по его содержанию, следователь старший лейтенант ГБ Зиновьев пытался выявить связи Андреева с партийной оппозицией в Ленинграде в 1925–1926 гг. Андреев показал, что начальник политотдела 11-й стрелковой дивизии Ритман проводил с работниками политотдела «беседы в оппозиционном духе, защищая идеи зиновьевской оппозиции». Следователя интересовали конкретные связи Андреева с оппозицией:

«Вопрос: С кем из троцкистов-зиновьевцев Вы были связаны по Ленинграду и 11-й дивизии?»

Ответ: Организационной связи из троцкистов-зиновьевцев я ни с кем не имел, но лично знал ряд лиц, примыкающих к оппозиции...».

Далее следовали фамилии военнослужащих, служивших в политуправлении ЛВО: Гугин, Зеликсон, Федоров Иван, Федоров Георгий, Гусев. Следующий вопрос следователя: «Кого из троцкистов-зиновьевцев Вы знаете по 11-му мехкорпусу, и в частности, по 32 мехбригаде?» Андреев назвал командира стрелково-пулеметного батальона 32-й механизированной бригады Яковлева, командира танковой роты Захарова, сообщил, что от начальника политотдела корпуса Гладышева слышал о том, что председатель военного трибунала корпуса Ревзис в 1923 г. примыкал к троцкистской оппозиции².

На допросе 26 апреля 1937 г. И.И. Андреев еще раз подтвердил связь с начальником политотдела 11 сд ЛВО Ритманом, показал, что знал, как троцкиста, Зюка, который был связан с Туровским и Рубиновым. Таким образом, следствие получило информацию о причастности к троцкистской деятельности начальника штаба ЗаБВО Я.Г. Рубинова.

На допросе 29 апреля 1937 г. Андреев признал, что скрывал свое участие в оппозиции во время партийных чисток в 1929 и 1933 гг., подтвердил факт выдачи партийного билета командиру батальона 32-й мехбригады Яковлеву, несмотря на его троцкистские взгляды.

На допросах 14 и 20 мая следователем вновь были подняты вопросы о причинах провала марша 3-м танковым батальоном в Монголию. Обвиняемый признал, что «провал Баинтуменского марша, в известной степени, есть результат к/р вредительской работы троцкистов». Следствию нужны были конкретные фамилии.

«Вопрос: Кто персонально проводил к/р троцкистскую вредительскую работу?»

Ответ: Точно сказать, кто именно проводил вредительскую работу, я не могу...».

При этом Андреев отметил: «...бывший командир роты Захаров – троцкист, всю работу которого, как я уже показал ранее, иначе как вредительскую назвать нельзя... .. Подозрительна и

непонятна для меня роль командира б-на Швецова. Он в батальоне работал также крайне плохо»³.

«Вопрос: Зная, что 3-й батальон был худшим батальоном по всем видам боевой и политической подготовки, дисциплине, политико-моральному состоянию, наличию троцкистов, вы допускаете, чтобы этот батальон пошел на выполнение боевого задания, заранее зная, что батальон поставленную задачу не выполнит, вы это сделали с целью провалить операцию. Признаете Вы это?

Ответ: Я уже ранее показывал, что отправку батальона делали командир корпуса Чайковский, командующий войсками Грязнов. О том, что 3-й батальон послать было в Монголию нельзя, этот вопрос был ясен, батальон был хуже других батальонов и я лично сам сомневался в успешном разрешении батальоном задачи, об этом я говорил командиру корпуса Чайковскому, комбригу Иконостасову, нач. покура Гладышеву...».

По словам бывшего начальника политотдела бригады, непонятные силы удерживали этот батальон на последнем месте в бригаде. Андреев сообщил следствию: «Во всей системе как боевой, так и политической подготовки замечал, что встречается какой-то тормоз, препятствие (ставят палку в колеса), об этом я информировал Особый отдел, который меня внимательно выслушивал, но мер не принимал»⁴.

Прошло более месяца с момента ареста И.И. Андреева, но убедительных доказательств в его антисоветской деятельности органами НКВД получено не было. В связи с развернувшимися в мае 1937 г. арестами в высшем командном звене РККА, перспектива раскрытия заговора в ЗабВО показала заманчивой руководству Восточно-Сибирского Управления НКВД. На основании телеграфного распоряжения начальника Управления НКВД по ВСО старшего майора ГВ Лупекина, И.И. Андреев был затребован из особого отдела ЗабВО (г. Чита). Постановлением от 3 июня 1937 г. Андреев был переведен в Иркутскую тюрьму. Поскольку срок следствия, согласно ст. 116 УПК, истек, было возбуждено ходатайство через НКВД СССР о продлении срока следствия и содержания И.И. Андреева под стражей до 3 сентября 1937 г.

Допрос И.И. Андреева 9 июня 1937 г. проводили помощник начальника УНКВД ВСО капитан ГВ Южный, заместитель на-

чальника 3-го отдела УНКВД ВСО лейтенант ГБ Кульвец и оперуполномоченный 5-го отдела УНКВД ВСО младший лейтенант ГБ Фоменко. Состав следовательской бригады, характер задаваемых вопросов и объем протокола (18 страниц) свидетельствовали о том, что сотрудники НКВД были настроены решительно, жестко, бескомпромиссно. Им были необходимы сведения о контрреволюционном заговоре в ЗабВО. Судя по ответам подследственного, он был сломлен, и следователи получили нужные им результаты.

«Вопрос: Двуручничеством объяснить факты содействия Вашей диверсионной работе Захарова – не выйдет. Захарова Вы прикрывали потому, что вместе с ним вели работу в контрреволюционной троцкистской организации. Рекомендуем Вам говорить правду.

Ответ: Предъявленное мне обвинение в участии в подпольной контрреволюционной троцкистской организации полностью признаю. Вы не ошиблись, арестовав меня, как одного из активных звеньев троцкистского подполья в Забайкальском военном округе, который, как пограничный округ, особенно сильно поражен троцкистами и является одним из активных участников троцкистского подполья, направлявшего свою работу на подрыв боеспособности армии, как основы средств поражения СССР в войне с Японией.

Вопрос: Кем и когда Вы были завербованы в контрреволюционную троцкистскую организацию?

Ответ: В троцкистскую организацию я был завербован в 1932 году Гладышевым Николаем – Нач. Политотдела XI дивизии».

Под напором следователей Андреев сообщил об известных ему по ЛВО членах контрреволюционной организации, часть из которых в сентябре 1934 г. вместе с 11-м мехкорпусом прибыла в Забайкалье. Но следователей интересовал руководящий состав троцкистской организации, якобы существовавшей в ЗабВО.

«Вопрос: Кто Вам известен из участников троцкистского руководства, находящегося в Забайкальском военном округе?

Ответ: Из информации Гладышева вскоре после того, как он установил организационную связь через Шестакова с к/р троцкистской организацией в ЗВО, мне стало известно, что в составе руководства троцкистской организацией в ЗВО входят следующие лица: Шестаков Виктор Николаевич – нач. ПУОКРа ЗВО,

Рубинов Яков Григорьевич – нач. штаба ЗВО – комдив; Давидовский Яков Львович – командир 11-го мехкорпуса, комдив; Дмитриенко Филипп Николаевич – нач. СКО ЗВО, интендант 1-го ранга; Грязнов Иван Виссарионович⁵ – командующий ЗВО, комкор...».

Этого следователям НКВД было недостаточно. Они усилили напор на обвиняемого.

«Вопрос: Только ли этими лицами ограничивался состав руководства к/р троцкистской организации в ЗВО?

Ответ:...кроме лиц, входящих в центральное руководство троцкистской организации, в руководство ее входил также ряд лиц из войсковых соединений округа».

Далее И.И. Андреев назвал еще восемь фамилий, прибавив: «Все эти лица, в свою очередь, по отдельным войсковым соединениям руководили троцкистскими группами».

Сотрудники НКВД продолжали прессинговать арестованного. Следует вопрос: «Кто входил в контрреволюционную троцкистскую группу по 11 мехкорпусу?». И в протоколе появляется 12 фамилий (почти весь руководящий состав корпуса и 32-й мехбригады). Но и этого недостаточно следствию. Через некоторое время следует вопрос: «Был ли Вам известен состав участников контрреволюционных троцкистских групп в других воинских соединениях ЗабВО?» Андреев с готовностью отвечает: «Да, был известен». Далее следуют фамилии командиров и начальников из 64-й авиационной бригады, из УВСП-433 и из СКО.

Казалось бы, такой объем информации, должен успокоить следователей, но они продолжали дожимать Андреева: «Были ли Вам известны участники к/р троцкистской организации, кроме названных Вами лиц?» И следователи получают еще две фамилии.

Получив достаточно полную картину заговора в ЗабВО, следователи постарались увязать его с так называемым московским троцкистским центром.

«Вопрос: Имела ли Ваша к/р троцкистская организация связи с другими контрреволюционными троцкистскими организациями?

Ответ: Да, имела. В 1934 г., вскоре после переброски XI мехкорпуса в Забайкалье, я, будучи в штабе округа в г. Чите, встретился с Рубиновым. Об участии Рубинова в организации к тому

времени я знал от Гладышева. В беседе Рубинов мне рассказал, что к нему в Читу приезжал Дрейцер Ефим, работавший в то время директором Петровскстроя, и что он – Рубинов установил с Дрейцер организационную связь, как с представителем «Московского троцкистского центра». Тогда же Рубинов мне сообщил, что Дрейцер поддерживает организационную связь с Федотовым и Марченко из 64-й авиабригады».

Протокол завершался вопросом: «Какая цель преследовалась вашей организацией?» На что последовал ответ обвиняемого: «Работа нашей к/р организации была направлена на разложение технических частей округа, имея основной целью обеспечение успеха японской армии в войне с СССР»⁶.

Таким образом, сотрудниками УНКВД по ВСО в ходе одного допроса была получена информация о широкомасштабном заговоре в ЗабВО и стали известными около трех десятков фамилий заговорщиков.

Почти три недели И.И. Андреев на допросы не вызывался. В это время окружной партийной комиссией было рассмотрено его персональное дело. В выписке из протокола № 7 заседания ОПК при ПУ ЗабВО от 17 июня 1937 г. указано: «Слушали дело. Андреев Иван Иванович, член ВКП(б) с 1920 г., партбилет № 0456010 образца 1936 года, служащий, образование низшее, рождения 1901 г., в РККА с 1920 г., бригадный комиссар – бывший нач. политотдела 32 МБ. В 1925-26 гг. принадлежал к зиновьевской оппозиции, вел активную оппозиционную работу, из РККА уволен, органами НКВД арестован за контрреволюционную троцкистскую деятельность. Постановили: Андреева И.И. из членов ВКП(б) исключить как разоблаченного врага народа»⁷.

Следующий протокол допроса И.И. Андреева в Иркутске датирован 28 июня 1937 г. Следователи усиленно интересовались техническими возможностями материальной части 32-й мехбригады и тем, каким образом заговорщики старались создать «условия для поражения частей ЗабВО японской армией в период войны Японии с СССР». И.И. Андреев сообщил следствию: заговорщики умышленно довели техническое состояние танков до такого уровня, что в случае войны они смогли пройти лишь до Хайларского укрепленного района противника и там бы окончательно потеряли свою боеспособность и были уничтожены противником. По показаниям Андреева, эту сложнейшую зада-

чу выполнил комдив Я.Л. Давидовский: «Практически эта диверсионная работа осуществлялась следующим путем: Давидовский, пользуясь правами командира корпуса, систематически выводил корпус на учения без разрешения Наркомата обороны, расходуя на них больше моторо-часов, чем это положено тратить их по приказу Наркомата обороны СССР»⁸.

Возросший интерес следователей к личности Я.Л. Давидовского можно объяснить тем, что он был арестован 7 июня 1937 г. и органы НКВД остро нуждались в получении показаний о его антисоветской деятельности. При этом они явно спешили: протокол написан зелеными чернилами, а подписан обвиняемым черными. Это свидетельствует о том, что, составленный заранее протокол, был позже дан на подпись Андрееву, который фактически не допрашивался.

Летом 1937 г. аресты командно-начальствующего состава ЗабВО приняли массовый характер. Необходимость в проведении очных ставок Андреева с фигурантами, проходящими по его делу, требовала его присутствия в Чите. Постановление УНКВД ВСО от 16 августа 1937 г. гласило: Захарова Михаила Михайловича и Андреева Ивана Ивановича направить спецконвоем в отдельности друг от друга в ОО УГБ НКВД ЗабВО г. Чита.

Первоначально делом И.И. Андреева занялись представители особого отдела 32-й мехбригады сержанты ГБ Степанов и Погорелов, которых интересовала его контрреволюционная деятельность исключительно в этой бригаде. Допрос 13 октября 1937 г. следователи начали с того, что называли фамилию военнослужащего, а затем добивались от Андреева показаний о том, каким образом и для каких целей он завербовал данного военнослужащего:

«Вопрос: Вы продолжаете скрывать свою контрреволюционную деятельность и состав троцкистской организации по 32 мехбригаде. Следствием установлено, что вы завербовали в состав организации Гапионюк Николая и руководили его вредительской работой по ремонтно-восстановительному парку. Почему вы это скрываете?

Ответ: Признаю, что я имел попытку скрыть от следствия состав троцкистской организации из лиц, лично мною завербованных. Сейчас решил говорить правду. Подтверждаю, что в троцкистскую организацию мною лично был завербован Гапионюк

Николай, быв. начальник ремонтно-восстановительного парка 32 мехбригады летом 1936 г.».

О результатах подрывной деятельности Гапионка, в свете поставленных ему контрреволюционных задач, Андреев сообщил следующее: «О своей вредительской работе мне Гапионка не говорил, так как я в сентябре месяце 1936 года уехал в отпуск и после был уволен из РККА».

Далее И.И. Андреев признал, что «в разное время, в период 1935–1936 годов завербовал в троцкистскую организацию: Яковлева Илью – б. командира 4 СПБ 32 мехбригады, Логинова Василия – комиссара 1-го батальона 32 мехбригады и Швецова Семена – быв. командира 3-го батальона 32 мехбригады. Бывшего командира 4-го стрелково-пулеметного батальона И.И. Андреев знал с 1927 г., поэтому «предупредил Яковлева И. проводить свою работу более осторожно и дал ему задание подбирать и готовить своих людей на вербовку в нашу троцкистскую организацию». Но на вопрос следователей: кого Яковлев И. завербовал в контрреволюционную троцкистскую организацию? – последовал ответ Андреева: «Кого завербовал в троцкистскую организацию Яковлев И. мне не известно и о составе троцкистской группы в 4 СП батальоне я не знаю».

Логинова Василия И.И. Андреев знал по совместной службе с 1930 г., но завербовал в 1936 г. При этом он сообщил следователям: «Заданий Логинову В. по троцкистской работе не дал, имея ввиду к нему присмотреться и проверить его для дачи ему задания».

Швцову С. Андреев дал задание «вербовать кадры в нашу троцкистскую организацию», но результаты вербовочной работы его не интересовали. И.И. Андреев сообщил следствию: «Кого завербовал Швецов С. я не знаю, он мне не говорил»⁹.

Из содержания протокола этого допроса прослеживается стремление следователей получить показания на ряд командиров и начальников бригады, к тому времени уже арестованных или намеченных ими к аресту. Примечательно, что ответы И.И. Андреева не содержали сведений о составе преступления лиц, которых он, якобы, вербовал. Следователи пропускали двусмысленные словесные обороты Андреева, например: знал его шесть лет, но задания не давал, присматривался; дал задание на вербовку, но результатами вербовки не интересовался.

На следующий день, 14 октября 1937 г., как было запротоколировано, «произведена очная ставка между арестованными Андреевым Иваном Ивановичем и Гапионок Николаем Антоновичем». Первоначально они при помощи следователей выясняли, с какого года знакомы друг с другом – с 1933-го или с 1934-го? Призная факт вербовки, стороны разошлись во мнениях, когда и где это произошло. Андреев утверждал, что завербовал Гапионка в августе 1936 г. в мастерских ремонтно-восстановительного парка бригады, Гапионок настаивал, что вербовка произошла в январе 1936 г. на квартире Андреева.

Оба признали, что основная цель их троцкистской организации – вредительство во имя поражения Красной Армии в войне с Японией. Но и здесь обнаруживались нестыковки в методах. Так, Гапионок признал, что получил следующие установки по вредительству в ремонтно-восстановительном парке: «Удлинять срок простоя машин в ремонте, задерживать своевременный отпуск их; снижать качество ремонта для понижения боеспособности частей 32 мехбригады и создавать обстановку для недовольства личного состава перегрузкой их в работе»¹⁰. Т.е., с одной стороны – не ремонтировать автобронетехнику, а с другой – заваливать подчиненных ремонтников работой, чтобы они выражали недовольство. Подобные несоответствия свидетельствуют о том, что ряд фактов искажался, и в материалах дела присутствовала информация, привнесенная извне.

Тем не менее, арестованного, сделавшего массу признаний и разоблачений, не спешили предать суду. Сроки следствия по делу И.И. Андреева неоднократно продливались, о чем свидетельствует ряд документов: постановление от 20 ноября 1937 г. о продлении содержания под стражей до 20 декабря 1937 г.; постановление от 14 декабря по следственному делу № 6006 Андреева И.И. о продлении срока следствия до 20 февраля 1938 г.; постановление от 13 февраля 1938 г. о продлении срока следствия на 2 месяца до 20 апреля 1938 г.

Обвиняемый И.И. Андреев был нужен органам НКВД в качестве первичного источника о военно-троцкистской организации в ЗаБВО. Сломленный морально, он подтверждал нужную следователям информацию, что позволяло расширять круг подозреваемых лиц и искусственно создавать новые политические дела. Достаточно красноречиво это отражает, например, протокол оч-

ной ставки И.И. Андреева и бывшего начальника политотдела 11 мк Н.Я. Гладышева, проведенной 7 марта 1938 г.

«Вопрос Гладышеву: Кого из участников антисоветской троцкистской организации назвал вам Андреев по 32 МБ, как руководитель организации?»

Ответ: Андреев в разное время мне назвал участников троцкистской организации: Швецова – б. командира 3 батальона, Захарова – комроты 3 батальона, Лаймоева – б. секретаря партбюро 3 батальона, Гапионов – быв. командира ремонтно-восстановительного парка и Шибкова – б. нач. боепитания ремонтно-восстановительного парка.

Вопрос Андрееву: Вы подтверждаете показания Гладышева?

Ответ: Показания Гладышева подтверждаю. Я ему назвал участников троцкистской организации: Швецова, Захарова, Лаймоева и Гапионов. Уточняю, что Шибкова, как участника троцкистской организации, не называл, а говорил ему, что Шибков в прошлом подозревался в связях с троцкистами. Кроме того дополняю, что Гладышеву я сообщал участников организации Логинова, б. комиссара 1-го батальона, и Яковлева – б. командира 4-го стр. пулеметного батальона.

Вопрос Гладышеву: Вы настаиваете на своих показаниях?

Ответ: Показания Андреева подтверждаю. Уточняю, что Шибкова по информации Андреева, я считал участником организации. Действительно, напрямую участником организации Андреев Шибкова не называл.

Вопрос Андрееву: Кого из участников троцкистской организации по ЛВО, ЗабВО и мехкорпусу называл вам Гладышев, как руководитель организации мехкорпуса?

Ответ: По ЛВО, ЗабВО мне Гладышев участников троцкистской организации не называл. По 11-му мехкорпусу Гладышев назвал Чайковского, как руководителя троцкистской организации, Чикина – б. корпусного инженера, Орехова – б. начальника ВХС 11-го мехкорпуса и Молоканова – быв. нач. связи мехкорпуса. Других участников организации, кого Гладышев называл, я не помню.

Вопрос Гладышеву: Вы подтверждаете показания Андреева?

Ответ: Показания Андреева подтверждаю и дополняю, что я Андрееву называл участниками организации по 11-му мехкорпусу: быв. начштаба Иконостасова и Рудакова – быв. нач.

политотдела 6-й мехбригады. Называл Шестакова – быв. нач. политуправления ЗВО, как руководителя троцкистской организации ЗаБВО, и Славина – быв. на. ПУОКРа Ленинградского военного округа – называл как руководителя военной троцкистской организации по ЛВО.

Вопрос Андрееву: Вы подтверждаете дополнительные показания Гладышева?

Ответ: Показания Гладышева подтверждаю, названные лица: Иконостасов, Рудаков, Шестаков и Славин назывались мне как участники троцкистской организации»¹¹.

Вероятно, проводившие очную ставку старшие лейтенанты ГБ Видякин и Скакунов остались удовлетворены. Обвиняемые, словно соревнуясь друг с другом, старались сообщить дополнительные фамилии лиц, якобы известных им как заговорщиков.

Обвинительное заключение по делу И.И. Андреева было составлено 10 апреля 1938 г. Во всех его 12 пунктах присутствовал состав политического преступления, например: «...являлся руководителем антисоветской военно-троцкистской организации в 32-й мехбригаде, ...кадровый троцкист, ...проводил широкую диверсионно-вредительскую работу». В обвинительном заключении даже появился некий «японский след»: указывалось, что начальник политотдела бригады И.И. Андреев «...в интересах японского командования организовал диверсионно-вредительский акт при переброске 3-го батальона 32-й мехбригады с танками БТ-5 на усиление частей РККА в Монголию». Оказывается, именно он винен в том, что «взятая матчасть из неприкосновенного запаса, вследствие общего вредительства троцкистской организации, была выпущена неисправной в результате в обстановке 43–46 градусного мороза на протяжении первого пути – 110 км, из 33 танков БТ-5 3-го батальона было растеряно от аварий и неисправностей 17...». В ходе всего 360-км марша колонна пополнялась танками из других батальонов, но и они, в экстремальных условиях марша, вскоре выходили из строя. В обвинительном заключении отмечалось: «Таким образом, при переброске танкового батальона было выведено из строя 45% боевой готовности всей 32 мехбригады. Не было выдано теплого обмундирования, в результате чего было обморожено свыше 20 человек».

И.И. Андреев обвинялся в том, что «являлся активным участником антисоветской военно-троцкистской террористической организации в 11-м мехкорпусе, ...умышленно снижал боевую подготовку 32-й мехбригады, разрушал материальную часть, срывал партийно-политическую работу, сохранял вредительские боеприпасы в бригаде с целью создания условий для поражения РККА, для свержения советской власти и реставрации капитализма в СССР, т. е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 п. «б», 58-7, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР»¹².

14 апреля 1938 г. к делу были приобщены шесть документов (акт проверки мобготовности бригады, акт о состоянии материальной части, экспертная справка о приведении в небоеспособное состояние машин и т. п.), которые должны были отрицательно характеризовать боевую и мобилизационную готовность мехбригады, а также выявить роль И.И. Андреева в развале соединения. Но все эти документы относились к 1937–1938 гг., когда Андреева в бригаде не было и его причастность к отмеченным в них недостаткам в этот период сомнительна.

Отдельные же документы характеризуют 32-ю мехбригаду, как вполне боеспособное соединение. Например, в акте всесторонней проверки боевой и мобилизационной готовности бригады о выходе бригады по тревоге отмечено: «Экипажи и водители машин по подготовке к выходу машин работали спокойно, без суеты, сноровисто, организовано, чувствуется сработанность боевого экипажа по подготовке танка к выходу и его полной вооруженности. Первые танки были заведены через 20 минут». Почти все подразделения бригады вышли в район сосредоточения через 3 часа 50 минут после получения сигнала». Необходимо учесть, что при объявлении тревоги (середина марта 1937 г.) температура воздуха была минус 39 градусов и в бригаде имелся некомплект командно-начальствующего состава 35 человек и младшего начсостава – 75 человек, но личный состав бригады уверенно справился с поставленной задачей. Выводы комиссии были соответствующие: «1. Бригада по боевой тревоге вышла хорошо. 2. Срок для поднятия по боевой тревоге в зимнее время может быть доведен, как максимум до 4 часов, но при условии обеспечения парков стационарными водомаслогреями. 3. Личная готовность личного состава оценивается удовлетворительно»¹³. Этот акт опровергает обвинения против бывшего

начальника политотдела бригады Андреева и других представителей командно-начальствующего состава бригады, обвиненных в диверсиях и вредительстве, поскольку даже в экстремальных условиях бригада была способна выполнить боевую задачу.

Предъявленное обвинение в политических преступлениях И.И. Андреев пытался опротестовать, как ложное. Судя по имеющимся в деле документам, усилиями следователей это сопротивление было сломлено. Следователями НКВД, в присутствии помощника военного прокурора ЗаБВО, было получено от И.И. Андреева заявление на имя начальника ОО ЗаБВО: «При предъявлении мне материала об окончании следствия мною была допущена бестактность и неверность по существу заявления о том, что следствие создало мне дело. Отказываюсь от этого заявления как клеветнического и сделанного под впечатлением нервности»¹⁴.

Чтобы подстраховаться от возможного отказа обвиняемым на суде от своих показаний, в нарушение уголовно-процессуального кодекса, следователями был проведен еще один допрос 1 июля 1938 г. В его материалах запротоколировано: Андреев подтверждает, что действительно являлся участником антисоветской троцкистской организации и полностью подтверждает показания, данные им ранее следствию (указаны конкретно даты допросов).

Подготовительное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР состоялось 4 октября 1938 г., где председательствующий бригавоенюрист Д.Я. Кандыбин, члены суда бригавоенюристы С.М. Калашников и И.Г. Китин и секретарь военюрист 1 ранга И.П. Кондратьев заслушали дело с обвинительным заключением УНКВД по Читинской области, утвержденное прокурором военюристом 2 ранга Липовым, о предании суду Военной коллегии Андреева Ивана Ивановича по ст. 58-1 п. «б», 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР. Объективность судей ограничивалась тем, что из текста протокола заседания было изъято обвинение по ст. 58-9 (диверсия).

На закрытом судебном заседании 5 октября 1938 г. тем же составом судей И.И. Андреев был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, приговор приведен в исполнение в тот же день.

Дело И.И. Андреева было одним из начальных звеньев в цепи политических репрессий 1937–1938 гг. в ЗабВО, в результате которых были арестованы более 400 командиров и начальников. Забайкальские чекисты приложили максимум усилий в стремлении раскрыть «заговор в ЗабВО», объявить крупных военачальников «врагами народа» и отличиться перед московским руководством. Исследование материалов дела, хранящегося в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, свидетельствует о том, что оно было сфабриковано и И.И. Андреев осужден без всяких оснований. Прошло 19 лет, прежде чем была доказана невиновность бывшего бригадного комиссара. И.И. Андреев был реабилитирован посмертно 30 ноября 1957 г.

Примечания

1. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 1. Здесь и далее орфография документа сохранена.
2. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 24
3. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 39.
4. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 44-45.
5. Правильно – Грязнов Иван Кенсоринович. Комкор И.К. Грязнов был назначен командующим войсками САВО (Среднеазиатского военного округа), но вскоре после прибытия в САВО был арестован 15.08.1937 г., осужден и расстрелян 29.07.1938 г.
6. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 49-65.
7. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 14.
8. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 82.
9. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 89-93.
10. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 105-110.
11. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 117-118.
12. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 511-515.
13. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 498-500.
14. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-62733. Л. 502.

Мемуарное наследие

И.В. Ефимов

Из жизни каторжных Илгинского и Александровского, тогда казенных, винокуренных заводов 1848–1853 гг.

I.

«Не спеши карать – спеши миловать»

(пословица)

Настоящая статья никогда для печати не предназначалась. Она – отрывок из моей автобиографии, которую я пишу отнюдь не для печати, а исключительно для моих детей. Я не писатель. Если иногда и попадало что-либо мое в печать, то это только в тех исключительных случаях, когда было нужно: опровергнуть неправильные о ком-либо из сибирских деятелей отзывы; хлопотать о восстановлении каких-либо прав или, наконец, поправить какое-либо неверное историческое или же бытовое описание, касающееся исключительно Сибири. Я – Сибиряк, довольно хорошо ее знаю, и писать в подобных случаях, насколько могу и умею, считаю для себя обязательным. Вот и теперь приступаю к этому ради возбужденного волею горячо и сердечно заботящегося о благе России Государя Императора (да поможет Господь Ему исполнить все Его добрые предначертания!) важного для всего нашего отечества, а для Сибири и в особенности, вопроса об изменении системы наказания и отмене ссылки.

Прежде чем приступлю к моему рассказу, должен предварить, что с каторжными, о которых буду здесь говорить, я более или менее ознакомился еще с моего детства, быв привезен, 21 октября 1827 г., семилетним мальчиком в Тельминскую

(тогда казенную) фабрику* отцом моим, определенным туда на должность казначея. Здесь я провел почти все время до поступления моего в Иркутскую гимназию (1830 г.); здесь же первым учителем моим, начавшим правильно со мною заниматься, был каторжный, Иван Семенович Попов, происходивший из духовного звания и получивший образование в семинарии. За что попал он в каторгу, не знаю; но я до сих пор храню о нем доброе воспоминание за его кротость в обращении со мною, бывшим под единственным его, кроме отца моего, руководством, и за умение преподавать. До окончания гимназического курса (1835 год – тогда гимназии были 4-х классные), каждую вакацию и на праздники я постоянно приезжал к отцу, и таким образом отношения мои к фабрике не прерывались. Когда же я кончил курс, то приехал к отцу на фабрику и жил с ним до отъезда моего в Нижнеудинск на должность учителя, в январе 1838 г. Таким образом, отношения мои к фабрике и общение с ее жителями продолжались в течение 10-летнего периода. За это время, в особенности, когда и прислугою у нас в доме бывали большею частью каторжные, я мог, сначала мальчиком, а потом юношею, при некоторой наблюдательности, довольно хорошо ознакомиться с характерами и бытом каторжных. Кроме того, с некоторыми из них я имел и общение, ходя часто с сыновьями их, когда приехал домой, по окончании уже курса, на охоту. Часто в разговорах мне случалось слышать, кого именно из начальствовавших над ними лиц и за что именно они хвалят, а кого нет. Поэтому, когда назначили меня управлять Илгинским винокуренным заводом, большая часть жителей которого состояла из каторжных, то я поехал туда как человек, более или менее знакомый с характерами и потребностями того люда, которым мне приходилось управлять и о котором буду говорить. Так как рассказ мой (кроме одного только случая, провода партии в 153 человека из Илгинского завода в Янды) будет об единичных личностях, то поэтому в нем не будет никакой общей связи, кроме того вывода, который из отдельных рассказанных мною случаев могут сделать интересующиеся настоящим вопросом о том, как должно относиться к каторжным и что с ними можно делать.

* Суконная, полотняная и стекольная.

Илгинский завод

Приехав в него и вступив в управление, я приступил к приемке заводского имущества и команды от предместника моего, Василия Михайловича Петрова. Квартира моя, как и квартиры всех служащих, были в домах казенных. Вся, без исключения, прислуга состояла из каторжных; только в день моего приезда (помнится, после того как уже представлялись служащие) явился ко мне одетый по форме молодой казак и сейчас сказал: «К вашему высокоблагородию на ординарцы прислан». Я начал его расспрашивать и оказалось, что он первый год на службе, родители его имеют в заводе маленький домик и хозяйство, и что он, как это у них установлено, прислан ко мне не неделю. Предложенный мною вопрос, что же он будет у меня делать? – видимо, привел его в недоумение, и он, подумав, отвечал мне: «Что прикажете». Имею в виду, что приказывать-то ему мне нечего, что для этого при доме есть человек 5–6 каторжных (защитником, в случае надобности, от них он один тоже быть не может), я сказал, чтобы он ушел домой и занимался там своим делом. По дороге я приказал ему зайти к ближайшему начальнику, пятидесятинику Мишарину, и сказать, чтобы тот по сведениям, посылаемым полковому начальству, ординарцев этих у меня показывал, но чтобы ко мне они не приходили, а занимались у себя тем, что им нужно. С этого дня до того времени, как я в феврале 1853 года оставил заводскую службу, в течение пяти лет ни одного караульного, кроме каторжных, в доме у меня не было.

Казак, которых на службе в Илгинском заводе под командою пятидесятника было 12, употреблялись на посылки при казенном имуществе и иногда за преследованием и поимкою бежавших, а также и на какие-либо другие служебные рассылки. Для караулов же была военная команда, называвшаяся инвалидною ротой и состоявшая из людей штрафных, мало способных, а иногда и вовсе неспособных.

В тот день, когда я уволил первого и последнего моего ординарца, пришел ко мне Петров и, удивившись, что в передней нет никого, кто бы снял с него шубу, спросил меня: «Как же это до сих пор не прислали к вам казака?» Когда же я ему сказал, что прислали, но я, не имея никакой надобности, раз навсегда уволил казаков от этой обязанности на деле, предоставив им исполнять ее на бумаге. Петрова это очень удивило, и он начал доказывать, что

казак есть признак, что тут живет начальство; а затем, полагая, что верно я каторжных не знаю вовсе, начал рассказывать, какие он принимал меры, когда обходил по наружным работам, где каторжные имеют в руках какие-либо орудия, или когда посещал те здания (кузницы, столярную, медячную и проч.), в которых работы производятся. Много давал он мне советов; но теперь их не помню, да не стоит и перечислять. Скажу только один, который он считал очень важным: это, приходя на работы, тотчас же остановить их и приказать положить имеющиеся в руках инструменты и орудия. Выслушав терпеливо все его наставления, я сказал ему: «Знаете ли что, Василий Михайлович? Если я буду поступать так, как советуете вы, то они – народ опытный и смысленный – увидят, что я боюсь их. Я же этого не хочу. Пусть боятся они меня, но вместе с тем пусть видят, что я поступаю с ними справедливо, не позволяю никому их обидеть, вхожу в их нужды и обращаюсь с ними как с людьми».

Г. Петров к словам моим отнесся с видимым недоверием и говорил мне, что впоследствии я и сам приду к убеждению, что обходиться с каторжными так, как я предполагаю, нельзя, и что с ними нужно быть крайне осторожными и беречься их. После этого с советами своими он ко мне более не обращался, вероятно, потому, что пока сдавал мне завод, то видел, что я поступаю с каторжными иначе, чем поступал он.

Начальства разных сортов было над каторжными (не считая принадлежащих к администрации завода чиновников) слишком уже много: и казаки, и караульные солдаты, и даже из товарищей же их, таких же каторжных, назначаемые надзиратели и десятники. «Кто раньше встал, да палку взял, тот и капрал». Закончив приемку завода, я объявил всему этому, всех сортов, начальству, начиная с чиновников, чтобы они отнюдь не смели самовольно управляться с каторжными и в случае какой-либо надобности обращаться ко мне. Точно так же я приказал и каторжным обращаться, без всяких посредников, прямо ко мне во всех своих нуждах и обидах. Взыскания, по произволу каждого, прекратились и делались только на основании указанных законом правил полицией; а так как последняя вместе с конторой завода была в одном здании, в нескольких шагах (через улицу) против моей квартиры, то и полицеймейстеру, если бы он даже и хотел отступить от моих приказаний, это было невозможно. Но с его стороны попыток на

это не было. Здесь (чтобы не повторяться потом, говоря и об Александровском заводе) я должен сказать, что сам я за все пять лет моего управления заводами одному только каторжному (надзирателю при выделке кирпича) приказал дать три розги. Но виноватых без возмездия, однако же, я не оставлял; расправа с ними была у меня короткая: дам лично хорошую трепку (я был молод и силен), и конец. Виноватый, получив ее, знал, что этим уже кончилось все дело и дальнейших возмездий, как прежде бывало, не будет. Узнав из моих слов, что ко мне со всеми просьбами должно обращаться смело и лично, без всяких посредников, каторжные держались этого порядка и шли ко мне с уверенностью, что, если только можно, то жалоба или же просьба их без удовлетворения не останутся.

Жалобы их состояли большею частью в том, что иногда пекарь дурно выпекал хлеб, или же повар давал худые щи, утаив в пользу свою часть мяса или крупы. Само собою, возмездие за это производилось мною безотлагательно, и как пекаря, так и повара, видя, что я часто пробую хлеб и щи, от старых привычек отвыкли. Просьбы же каторжных касались больше частью изорвавшихся одежды и обуви или денег на табак и на нитки, или же, наконец, у тех, которые были приговорены на срок в кандалы (сроки были разные: 5, 10, 15 и 20 лет), о перемене их, потому что носимые ими или были очень тяжелы, или терли ногу. Жалобы и просьбы эти высказывались мне каторжными, когда они приходили ко мне во время утреннего у меня разных служащих рапорта или же когда я посещал работы. Кроме того, освобожденные уже от оков могли приходиться и вечером, пока еще не стемнело.

1. Однажды, когда я осматривал земляные работы, подошел ко мне один каторжный и начал просить о перемене носимых им кандалов. Видимо, что человек этот, по складу своему, был когда-то сильный, но теперь уже хилый и все покашливал. Вероятно, «умаяли бурку крутые горки»: побег, тюрьма, наказания и неоднократные путешествия из России в Сибирь и обратно. «Ты что, срочный что ли?» – спросил я его. «Да, – отвечал он, – в кандалы на 20 лет». – «Может быть, ты просишь переменить их для того, чтобы было удобнее от новых освободиться и бежать?» – «Куда мне, барин*, бежать? Вы видите, что я человек больной», – ска-

* Так называли некоторые каторжные начальника завода; иные же обращались со словами: ваше высокоблагородие. Первые были большею частью из крепостных, а вторые из дезертиров. Сила привычки.

зал он. На вопрос, как его зовут, оказалось – Иван Петров 6-й. Я тотчас же приказал увести его и перековать с тем, чтобы новые кандалы он выбрал себе уже сам. Спустя несколько дней, не помню, на каких-то работах, вижу, что он опять идет ко мне. «Что же, хорошо тебе перековали?» – спросил я его. – «Хорошо, очень благодарен». «Ну, так что же тебе еще нужно?» – «А мне нужно, барин, с вами переговорить; отойдемте, чтобы не слышали другие». Думая, что он хочет, из благодарности, о чем-нибудь предварить, я исполнил его желание, и мы отошли. Оказалось самое другое. «Вы, барин, простите меня за то, что я буду говорить, и не взыскивайте». Удивленный таким вступлением, я разрешил ему высказаться, и из слов его оказалось, что он был когда-то известным разбойником (не могу сказать наверное, забыл) чуть ли не в Подольской или Волынской губернии, и имеет там большой запас золота и серебра, закрытый в таком месте, которое хорошо помнит и которое можно, по известным ему приметам, легко найти. Так вот теперь, чувствуя, что остается ему недолго жить, хочет, чтобы все это досталось мне. В словах его и тоне голоса мне слышалось, что он не врет. Я не стал его расспрашивать о прежнем имени и других подробностях, поблагодарил за предложение и в утешение сказал ему, что расспрошу его потом, призвав к себе. Это было раннею весною 1848 г., а в конце августа я уехал в Александровский завод. К себе его я не призывал. Так он и остался с невысказанною тайною. Думаю, что он жил недолго. Если он говорил правду, то это, мне кажется, хорошая черта благодарности.

2. С наступлением тепла винокурение в заводе закрылось. И нужно было приступить к исправлению винницы, которая была тогда огневая, т. е. каждый котел (а их было 12) был вставлен в особую печь, а все вместе они представляли как бы одну большую, длиною во всю винницу, печь с 12-ю независимыми топками, одно от другого отделениями, в каждом из которых было по котлу. По смете, утвержденной еще при моем предшественнике, нужно было старые печи сломать и сложить новые. Кирпича на это назначено было много, а в наличности, по счетам, его оказалось мало. Нужно было спешить сделать его так, чтобы он был готов своевременно, и успеть сложить печи, не опоздав открыть винокурение. Вот выделка этого кирпича и добыча для него двух сортов глины – обыкновенной и для внутренностей печей (огнеупорной) – поставили меня в тревожное положение. Почти каждый день мне приходилось де-

лать, ездивши на эти работы, по 18 верст верхом. Если, по случаю многих прошедших лет (слишком 50) не ошибаюсь, то дорога шла так: сначала 6 верст до Константиновщины (к месту добычи обыкновенной глины, где была выделка обыкновенного кирпича); затем 6 верст до Знаменской слободы, где добывалась белая глина и выдывался из нее огнеупорный кирпич, и потом 6 верст домой в завод. Замедление работы могло навлечь на меня ответственность; нужно было смотреть хорошо. Но все, как выделка кирпича, так и кладка печей, было окончено своевременно. Огнеупорная глина добывалась в большой яме. Рабочие во время работы жили под военным караулом, недалеко от этой ямы, в большой избе. Когда они спускались для добычи глины в означенную яму, то караул (солдаты с ружьями, на десять каторжных – один солдат) стояли наверху по борту ямы. Приезжая, я обыкновенно спускался в яму, осматривал работу и спрашивал каторжных, хорошего ли качества доставляются припасы и не нуждаются ли они в чем. Все рабочие были с теми орудиями, которыми работали: у кого в руках лом, кайла, лопата. На эту работу посылались мною исключительно срочные, т. е. те, которые приговорены на известный срок в кандалы. Вот один из них, во время посещения ямы, обратился ко мне с просьбою о перемене кандалов. Имя и фамилия его были Андрей Кутилов (фамилия, очевидно, благоприобретенная в бродяжестве); прежде был он в гвардии, в Финляндском полку, приговорен же на 20 лет в каторгу, из них 5 лет в кандалах. Когда я сказал ему, что, может быть, он просит перековать для удобства к побегу, то он, подняв за один конец одною рукой бывший у него в руках лом и указывая на стоявших сверху караульных, как-то иронически сказал: «Барин! Да неужели вы думаете, что эти солдатики, если захочу бежать, меня удержат?» Сравнив могучую фигуру Кутилова, указывающего вверх на караульных своим ломом, с жалкими инвалидами, я невольно сказал ему: «Да ты говоришь правду – удержать трудно», – и приказал перековать его, взяв обещание, что он не убежит. Вероятно, прошло с неделю, а может быть и больше, как однажды, в то время, когда мы вдвоем с Бершадским* обедали, я, увидев, что солдат привел к крыль-

* Василий Иванович Бершадский. Чиновник особых поручений при новом генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве, привезенный им с собою из Тулы, один из числа честнейших и добрейших при нем людей, был прислан Муравьевым в Илгинский завод для производства следствия над

цу дома какого-то каторжного, извинился перед Бершадским за перерыв обеда и вышел, чтобы узнать, в чем дело. Бершадский пошел со мною. Оказалось, что приведен Кутилов. Когда я спросил солдата, «зачем привел», то он сказал, что старший в карауле за каторжными при добыче огнеупорной глины приказал ему отвести Кутилова и другого срочного каторжного, Захарку (фамилию я его забыл), в заводскую больницу, где они хотели открыть себе кровь (прежде это было в большом употреблении). Когда же они дошли до часовни (на половине дороги к заводу), то Захарка, сказав «прощай служивый», побежал от них, и он, хотя долго преследовал его, но поймать не мог, вернулся к часовне, нашел тут Кутилова, которого и привел. «Отчего ты не стрелял в него?» – спросил я. «Стрелял!» – отвечал он. Взяв из рук его ружье, я провел внутри ствола пальцем и увидел, что никаких следов копоти, которая должна была быть после выстрела, не было. Когда же я брал его, то услышал, что внутри его о стенки ствола что-то стукнуло. Отомкнув штык, я повернул ружье дулом вниз, и мне на руку выкатилась пуля, но пороха не было ни зерна. Считаю после этого лишним расспрашивать солдата, я приказал Кутилову рассказать, как все было. От него я узнал, что когда они дошли до часовни, то товарищ его, сказав «прощай служивый», побежал, а за ним и солдат; он же лег на крыльцо часовни и часа два ждал, пока солдат вернулся, но только один; тогда пошли они ко мне.

моим предместником. В виду того, что в заводе негде было иметь сколько-нибудь сносный стол, а мне, так как в то время я был совершенно одинок (незадолго умерла жена) было одному скучно, я пригласил В.И. обедать постоянно у меня, так как у меня был хороший повар (разумеется, каторжный, как и вся прислуга) и можно было иметь всегда простой, хороший обед. Бершадский принял мое предложение и приходил ко мне, если был здоров и имел свободное от занятий своих время, почти каждый день. Не раз случалось мне, по его желанию и по ходу его дела, брать его с собой на работы, и ему за это время не раз случалось видеть мое обращение с каторжными, которое ему, человеку совершенно незнакомому с их бытом и только что приехавшему из России, было ново и кинулось в глаза. Впоследствии оказалось, что, по возвращении своем, в июле месяце, в Иркутск, он рассказал все Муравьеву, а тот, имея в виду предстоявшее, по его ходатайству, закрытие Илгинского завода и предположенное им увольнение смотрителя Александровского завода, 3-го августа 1848 г. перевел меня, совершенно неожиданно в этот последний.

Сказав, что стрелял, солдат врал. Когда же я спросил, почему он не схватил Захарку, когда тот только что кинулся, то он отвечал: «Дурак, что ли я? Солдат подумал бы, что и я хочу бежать, и воткнул бы мне штык в спину». Едва ли при этом было у Кутилова подобное соображение; скорее можно объяснить это желанием не мешать товарищу. «А ты как же не бежал?» – спросил я. «Да ведь я вам, барин, обещал, что не убегу». Впоследствии, когда часть команды Илгинского завода была переведена в Александровский, Кутилов пришел в ней в этот завод. За означенный поступок его я ходатайствовал о сокращении ему срока работ, но мне разрешили только выдать ему в награду 5 рублей. Мне кажется, что оценка сделана ниже стоимости поступка человека, честно сдержавшего свое слово.

3. <...>

Александровский завод

Сдав Илгинский завод моему преемнику Дмитрию Егоровичу Муромову, я, через Иркутск, в половине сентября 1848 года приехал в Александровский. Здесь, точно так же, как и в Илгинском, явился ко мне на ординарцы казак, которому было сказано, чтобы службу эту они отбывали дома в своем хозяйстве. Точно так же повторялись и моим предшественником П.Т. Шипицыным советы относительно осторожности в обращении с каторжными и рассказы об их неблагонадежности. И его удивляло мое к ним доверие. Так, например, однажды он увидел, что я даю встреченному на дороге каторжному серебряную табакерку и посылаю ее домой, чтобы он попросил моего человека насыпать табаку и тотчас же принес ко мне. В другой раз, что я снимаю верхнее пальто и отсылаю с каторжным к себе домой. Я привел два случая из нескольких. Видя это, Шипицын спрашивал меня потихоньку, так, чтобы не слышали рабочие, бывшие у приемки: «Как это, И.В., вы им так доверяете?» А я обыкновенным голосом отвечал ему: «Что же он сделает? Я думаю, что доверие, с которым я, главный их местный начальник, обращаюсь к ним, для них лестно». Система управления осталась у меня так же, что и в Илге, и доверие мое каторжными никогда не было обмануто; в доме моем, кроме одного случая, о котором расскажу ниже, никогда ничего не было украдено. В комнатах у меня прислуги было три человека: истопник (и он же лакей при столе) Матвей Манжос, родом из Бессарабии; второй лакей и он же хранитель всех припасов – из петербургских

мещан Иван Филипп. Бутылкин, и третий – хранитель оружия и при разных посылках осетин Тотурбек Цореов. Каждый из них был, как значилось в статейных списках, сослан за убийство. Вот они трое, да еще две собаки, были моими охранителями в доме, в котором было более 9 комнат. Окна в них ни зимой, ни летом ставнями не закрывались; а летом, в теплую ночь не закрывались в некоторых комнатах даже самые створки окон. По обе стороны дома были два флигеля. В одном из них, с отдельными хозяйственными службами, жил казначей – Карл Петрович Лисковацкий; а в другом были мои хозяйственные службы, где помещалась и остальная прислуга (кучер, два повара, охотник и коровница), и кроме того еще отделение из двух комнат, в одной из которых был бильярд и цветоводство. Прочитав, что у меня было два повара, можно подумать, что я был большой гастроном. Напротив: один из поваров этих, лучший и очень хороший, был больной переведен в числе многих ко мне сюда из Илги и дослуживал свой срок. Его, как человека часто хворавшего, мне жаль было посылать в непривычную ему работу, и он был в числе моей прислуги. Тотурбек Цореов, о котором я сказал выше, в число прислуги моей попал случайно. Однажды, когда с предместником своим я поверял в одной из кладовых наличность имущества, заметил я в числе каторжных, бывших при этой работе, одного, по-видимому, из горцев. По расспросам оказалось, что он осетин, присланный в каторгу за убийство. По его словам, «голова 12 куска рубал» соседу, который начал ухаживать за его женою. Говорил по-русски он очень худо, но все-таки можно было кое-как понимать. Я спросил его, хочет ли он жить у меня, и он с радостью сказал, что хочет*. Когда он пришел, то я, дав ему денег на черкесскую одежду, назначил для жилья место в той передней, с главного входа в дом, в которую я обыкновенно, после рапорта полицмейстера, выходил к разным надзирателям и простым рабочим каторжным, поговорить о том, что было нужно. На стене ее висели мои ружья и другое оружие, которое я предоставил его наблюдению, чему он был искренне рад, и очень часто показывал его каждому из приезжавших ко мне в

* Я спросил его согласия вместо того, чтобы приказать, потому что у него было несколько своих мазанок вроде дрянных саклей, которые он, в свободное от работ время, умел как-то смастерить из собираемых тут же на горе камней. В мазанки эти он пускал за ничтожную плату бездомных рабочих, а в одной жил сам.

завод откуда-либо гостей. Стоило его только спросить, и он готов был, хоть говорил худо, рассказывать целые часы.

Одно из таких показываний оружия чуть-чуть не кончилось большим несчастьем. В числе разного рода оружия были у меня два кавказских пистолета, у которых спуски замка были очень своеобразными, и нужно было обходиться с ними осторожно. Осенью 1849 года управлявший Иркутским солеваренным заводом, директор Тельминской фабрики и я условились устроить на острове Ангары, удобном для всех нас, охоту на коз. Узнав от меня о времени, когда она назначена, ко мне приехал из Иркутска бывший тогда при генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве дежурным штаб-офицером Иван Петрович Корнилов (в настоящее время почетный опекун) и привез с собою двоих страстных молодых охотников – Михаила Сергеевича Волконского (теперь обер-гофмейстер и член Государственного Совета)¹ и Николая Васильевича Баснина (который потом, служа в Нижегородских драгунах, в 50-х годах был убит под Курюк-Дара)². Кроме означенных гостей и меня был еще приехавший ко мне Владимир Федосеевич Раевский³. Молодым охотникам захотелось посмотреть мой охотничий арсенал, и они пошли в переднюю. Тотурбек того только и ждал, чтобы пуститься в свои непонятные для многих рассказы. Для объяснения и из осторожности пошел туда и я. Все оружие было развешено на стене; около нее был ларь, а близ него стояли все мы. Стоя между обоими молодыми людьми, я что-то показывал Баснину, как вдруг раздался выстрел из пистолета, который держал в руках Михаил Сергеевич, и пуля ударила между нами в крышку ларя, пробив ее насквозь. Оказалось, что Михаил Сергеевич, в то время как мы говорили с Басниным, снял опять со стены осматриваемый им уже раньше пистолет, хотел повесить его и, вероятно, плохо укрепил на первом взводе, вследствие чего он и выстрелил. Увидев его невредимым, я был от души рад как за него, так и за его почтенных и уважаемых родителей, что выстрел кончился так счастливо. Охота наша была неудачна, и гости мои, переночевав у меня, уехали назавтра в Иркутск. <...>

Только что закончил я прием завода, и оставалось подписать приемные ведомости, как генерал-губернатор Н.Н. Муравьев предписал мне ехать за покупкою хлеба для винокуренных заводов и других мест гражданского ведомства, получив на это деньги из Иркутского казначейства. Собирая количество назначенного к

закупу хлеба, я видел, что денег на это для того, чтобы не тратить потом времени на разъезды за ними взад и вперед, потребуется брать с собой довольно значительное количество, и что для охраны их нужно иметь с собой вооруженного надежного человека, с которым вместе, в случае надобности, можно было постоять за себя. Я решил взять с собою каторжного Тотурбека. На казаков, бывших в команде завода (24 человека), хотя были между ними люди очень хорошие, я как-то не решился бы, в случае опасности, положиться. Тотурбек был вооружен, как говорится, до зубов. На нем были ружье, пистолет, кинжал и шашка. Надобно было видеть удовольствие его, когда он все это навесил на себя, и как он был доволен, что едет со мною, чтобы охранять казенные деньги.

«Черкес оружием обвешен;

Он им гордится, им утешен», –

сказал наш великий поэт⁴. Кроме того я взял с собою бульдога, очень хорошо натравленного, который, стоило только ему приказать, кидался тотчас же на человека и делал скачок, чтобы схватить за горло.

Проездив неделю и закупив довольно значительную часть хлеба, я, проездом через Иркутск в другой край округа, явился к Муравьеву доложить о том, как идет закуп. Поблагодарив меня за успех и цены, по которым я покупаю, он спросил меня, сколько и как я вожу с собою денег и кто со мною для охраны. Я отвечал ему, что они, по 10 тысяч рублей, зашиты у меня в карманах того пальто, которое я ношу (это для того, чтобы, если лошади разнесут, опрокинут повозку и меня выбросят, то деньги остались бы при мне); что я взял с собою в первый раз 40 тысяч рублей, а потом буду брать по мере расхода, и что для охраны вожу с собою хорошо вооруженного черкеса-каторжного. Муравьев улыбнулся и спросил, откуда и за что он попал в каторгу. Муравьев горцев, по своей службе на Кавказе, любил. Ответив на вопросы его, я попросил позволения прислать к нему моего черкеса, чтобы он сказал ему ласковое слово за охрану денег. Он позволил, и я, возвратившись в квартиру, послать Тотурбека во всем оружии, кроме ружья, к Муравьеву. Возвратившись домой часа через два, черкес был, видимо, чрезвычайно рад. Он рассказал мне, что Муравьев сказал ему спасибо, спрашивал его и дал записку, приказав отнести ее к Молчану (Дмитрий Васильевич Молчанов)⁵, и когда он пришел к тому, то, прочитав записку, он дал ему 15 руб., а запис-

ку по его просьбе возвратил ему*. Вопрос Муравьева относительно хранения мною денег последовал, как я потом слышал, вследствие чьего-то сообщения ему о том, каким незаконным способом я оберегаю деньги. Положим оно и так, но зато надежно. <...>

Закончив в начале апреля 1849 г. порученный мне закуп хлеба и составив об этом отчет, я полагал, что буду уже теперь, как мои предместники, сидеть в заводе и управлять им, как вдруг получил предписание Муравьева приехать немедленно в Иркутск. Когда я явился к нему, то, после двукратных с ним объяснений, получил приказание отправиться в Илгинский завод, выбрать там 150 каторжных и передать их горному инженеру И.А. Бароцци-де-Эльс⁶, которому была поручена постройка Николаевского железодельного завода. Как и почему дано мне было это поручение, говорить не буду. Это описано мною в книге моей: «Граф Муравьев-Амурский пред судом профессора Буцинского», стр. 117–121. Здесь расскажу только подробности моего похода с каторжными, чего в книге той, как не подходящего по содержанию, я не поместил. Получив это поручение, я немедленно отправился в Илгинский завод, где, предъявив оное преемнику моему, Д.Е. Муровому, на завтра же приступил к выбору людей и заготовлению на дорогу припасов. Нужно было спешить, чтобы, закончив все дело, вернуться к 15 мая, дню выезда из Иркутска Муравьева, и доложить ему об исполнении поручения.

По приказанию, данному им мне, я должен был выбирать людей более молодых, здоровых и крепких. Большая часть их оказалась их срочных, приговоренных на 5, 10, 15 и 20 лет в кандалы. Они составляли главную часть моей партии. Некоторые из рабочих просились в отряд сами, даже женатые, но только бездетные. Между женатыми были двое, имена и фамилии которых я помню и теперь. Это были Григорий Федоров, который по счету одинаковых имен и фамилий (таковые соименники бывали часто и отличались номерами), теперь не помню, но знаю, что он был с №, и Филат Нестеров. Первый из них был срочный. Оба они слыли, как я знал, между товарищами за отчаянных. Я взял их обоих, предварительно поговорив с ними насчет возможности исправить поведение и сделаться хорошими людьми.

* Записку эту Тотурбек бережно хранил и увез с собою на родину, когда его, как будет ниже сказано, возвратили.

Обходя однажды ту камеру, в которую были отделены выби-
раемые мною рабочие, я увидел на нарах случайно не спрятанную
скрипку, разумеется, самой примитивной работы. На вопрос мой,
кому она принадлежит, хозяин отозвался тотчас. Скрипка эта на-
вела меня на мысль составить походный оркестр, и я спросил, нет
ли в партии еще каких музыкантов и кто из них на чем играет.
Умеющие отозвались тотчас же. Всего нашлось их человек 7–8.
Между ними, помню, как и теперь, были: Василий Шараль, цы-
ган, играл на бубне, и Дубровин, забыл его имя, на так называе-
мой им бандуре. Это что-то вроде гитары, но только четырехструн-
ной. Инструменты были не у всех. Для тех, у которых их не было,
я купил, у заводских же рабочих, на свой счет, и таким образом
составился у меня походный оркестр.

Я думаю, что в первый, а может быть и в последний раз, шла
такая партия каторжных, в которой вместо звона цепей раздава-
лись звуки музыки, под которые желающие пускались в пляс.
Когда каторжные исправили для похода, насколько то было воз-
можно, свою одежду и обувь, и когда были заготовлены припасы,
из которых самыми главными были сухари, крупа и квашеная
капуста, я назначил день выступления. Ранним утром на пло-
щадь пред винницей завода военная команда, в последний для
нее раз, привела тех каторжных, которые жили под ее караулом в
заключении. Поверив наличность их, я попросил приглашенного
мною заводского священника, о. Михаила Некрасова, отслужить
молебен, по окончании которого мы двинулись: обоз с припаса-
ми, живым скотом для мяса и имуществом рабочих впереди; за
ними рабочие пешком, а я, 6 казаков и бывший со мною для услуг
мальчик – верхами. Только что шедшие впереди других рабочих
музыканты, идя еще заводским селением, по приказанию моему
заиграли, как некоторые любители пустились уже в пляс.

В 6 верстах от завода находится большое село «Знаменка», в
котором были Илгинское волостное правление, квартиры земского
заседателя и церковного причта, а также поверенного, существо-
вавшего еще тогда (недоброй памяти) откупа, и разных торгую-
щих. Между заводом и Знаменкой, не доходя до последней версты
с две, а может быть, немного и больше, нам нужно было своротить
с тракта на проселочную дорогу, через волок, с Илги на Ангару.
Большая часть жителей Знаменки ждала нас близ этого сворота,
чтобы посмотреть, как идет такая большая партия рабочих без

обычного военного конвоя, да еще и с музыкой. Многие из зрителей, когда мы остановились, чтобы устроить порядок нашего обоза, подавали кто припасы, а кто деньги, холст и полотенца. Все это собирали, для раздела потом, двое артельных старост: Филипп Атаманчук и Павел Масютин (из московских торговых людей). Пользуясь остановкою, я приказал всем бывшим в кандалах каторжным снять их и положить в свой у каждого мешок, что и было исполнено живо. Снимать и даже расклепывать их они умеют как-то скоро. Затем, с песнями и музыкой, мы двинулись вперед. Старшим между казаками, как по годам, так и по службе, был очень опытный и бойкий Гавриил Константинович Кузнецкий, а из остальных трое были молодые ребята, поступившие в тот только год на службу. Кузнецкого как человека исполнительного и бойкого предместники мои посылали иногда ловить убежавших по этой дороге каторжных. Он знал хорошо местность и находящиеся по дороге деревушки. Расспросив его, в каких из них есть кабаки, а в каких нет, я решил первые проходить мимо и, миновав их с версту, останавливаться для завтрака и отдыха, а во вторых уже ночевать. По расстоянию (кроме одного места, о котором скажу ниже) это было везде удобно. Приближаясь к первым, я посылаю вперед двух казаков с приказанием стоять по обе стороны дверей кабака, наблюдая, чтобы кто-нибудь из каторжных или из погонщиков обоза не завернул за водкой. Казакам этим я давал денег на полтора ведра водки и оставлял при них двоих из партии с имевшимся при них ушатом. В ушат этот выливали купленную водку, вдергивали в ушки палку и приносили на нашу за селением стоянку, где ее и выпивали. На 159 человек (153 каторжных и 6 казаков) полутора ведер было довольно, так как некоторые из каторжных и казаков не пили вовсе. Ко времени нашего на эту стоянку прихода обед был уже готов, потому что кухня и все припасы посылались вперед на лошадях, ранее нашего выхода с ночлега. По окончании обеда все это опять отсылалось немедленно на то место, где должны были ужинать и ночевать; мы же оставались часа два отдохнуть, а потом опять в поход, до места ночлега, на который приходили так, что до сумерек оставалось еще много времени. На усмотрение партии предоставлялось ужинать тотчас или спустя несколько времени. В первом случае после, а в последнем до ужина, начиналась музыка, и желающие (а таких было много) пускались в пляс. Дамы, как я сказал выше, были свои в

числе партии, а зал для танцев обширный, потому что табор наш устраивался против какого-либо дома, в так называемом телятнике (пространстве, огороженном для молодого скота). Заинтересованные музыкой, пляской и новыми пришельцами, которые, если и проходили когда-либо прежде через эти места, то беглыми, по одиночкам, а тут шли такою большою партией, жители поселка обоих полов собирались вокруг нас. Услышав от меня, что и они, если хотят, могут тоже участвовать в пляске, они сначала переменились, как бы конфузясь, а потом тоже начинали плясать. Поселившись таким образом, расходились на отдых в отведенные в домах или других пристройках квартиры, а со светом, не позже 2 часов по полуночи, опять в поход. Каждый день одно и то же, и на счастье наше погода все время была превосходная, теплая. Люди шли хорошо и весело. Дневков я нигде не делал: торопился, чтобы, кончив поручение, застать Муравьева еще в Иркутске. Сколько дней шли мы, не помню; но полагаю, что никак не менее недели. Все ночлеги были в деревнях, исключая одного, при перевале через хребет (кажется, зовут его Березовым), с которого одна часть речек составляет приток Ангары, а другая – Лены. Здесь должны мы были, для ужина и ночлега, остановиться на довольно обширной, сухой, хорошей поляне, на берегу речки, названия которой не помню, вокруг разведенных костров. Выйдя из тайги и пройдя еще несколько деревушек, я остановился в одной довольно большой, которая называлась «Милославская». Она была на правом берегу Ангары и принадлежала Яндинской волости (тогда Нижнеудинского, а теперь, кажется, Балаганского округа), не доходя до селения «Янды», которое находилось на том же берегу, в 12 от нас еще верстах впереди. Туда должен был приплыть Бароцци-де-Эльс; но я решил ждать его в Милославской, в которой не было кабака, а в Яндах он был, и я опасался его за моих людей, потому что «во хмелю всяко бывает». В ожидании г. Бароцци я провел здесь если не две недели, то, наверно, дней 10. Ужасно досадно было ждать его. Я боялся, что не застаю Муравьева в Иркутске, и он уедет в Камчатку, а потом на Амур, беспокоясь, исполнено ли и как мною поручение, а мне потом придется ехать вслед за ним к Якутску, чтобы догнать и успокоить его докладом о благополучном исполнении. Наконец-то Бароцци приплыл, в тот же день приехал ко мне, и мы решили, что назавтра я приведу к нему в Янды мою партию и сдам ему. По отъезде его, я собрал рабочих, приказал приго-

товиться к завтрашнему походу, а вместе с тем, чтобы заковали тех, которые должны были быть в кандалах. Пройти назавтра 12 верст до Яндов было недолго. Там распростился я с каторжными и казаками, в приеме первых получил от г. Бароцци квитанцию; последним же приказал отправиться обратно в Илгинский завод и посакал в Иркутск.

Я забыл сказать в начале рассказа о нашем походе, что накануне выхода нашего из завода я приказал всем рабочим, не исключая и находившихся еще за военным караулом, собраться против моей квартиры, разделиться на десятки и выбрать себе десятников. Всех десятников было 15, но один из них вместо 10 заключал в себе 13 человек. Это все были кавказцы, разных племен. Когда все это они исполнили, то я призывал по очереди к себе в комнату каждый десяток, объясняя, что вместо обычного препровождения, под военным конвоем, через Иркутск, до места назначения, этапным порядком, я могу вести их прямым, ближайшим путем, без военного конвоя, если только они дадут мне крепкое слово, что не уйдут; если же уйдут, то мне придется за них отвечать. Когда перебивали у меня все десятки, то я вышел к ним на улицу и повторил, уже всей партии, то, что говорил каждому десятку порознь. Испытав раньше ходьбу по этапам, все предпочли идти прямым путем и дали в том, что не уйдут, слово, которое и сдержали свято.

Ни в одном из селений, в которых мы имели ночлеги, ни в Милославском, в котором, в ожидании г. Бароцци, долго жили, не было ни на одного каторжного никакой жалобы. Единственное, в чем их заподозрили, это было бегство вслед за партией, когда мы пошли в Янды, трех или четырех (хорошо не помню) подражательниц «прекрасной Елены». Когда я, сдав г-ну Бароцци партию, возвращался к Милославской, то встретил несколько человек тамошних крестьян, ехавших верхами за своими, по словам их, убежавшими за партией девицами. Желая успокоить их, я сказал им, что в партии с нами их не было, а если они убежали стороной от дороги, то г. Бароцци на плоты с собою беглянок не возьмет. Выслушав меня, они, однако же, все-таки поехали в Янды. Чем и как кончились поиски их, не знаю; потому что, переменяв в Милославской только лошадей, я поспешил в Иркутск.

Закончив рассказ о нашем походе, с хорошей стороны его, я не должен умолчать и о бывших у нас незначительных неполадках, которых было всего три.

1. На одной из наших в дороге, для завтрака, остановок, бойкий и сметливый Кузнецкий перехватил и представил мне штоф водки, передаваемый одним парнем из ямщиков одному каторжному, и их обоих. Парню этому, для стыда и чтобы не было по-вадно другим, я приказал дать тотчас же три розги. С каторжным же (которого фамилии теперь не помню) поступил иначе и для него тяжелее. Собрав в кружок всех принадлежавших к партии женщин, я сказал им, что такой-то попросил у меня позволения угостить их, отдал им водку (водки в походе женщинам не давалось) и приказал выпить за его здоровье, что они, при мне же, немедленно исполнили, при общем хохоте их и зрителей. У виновного же, который все это слышал и видел, «по усам текло, да в рот не попало».

2. На одном из ночлегов, когда я обходил, по обыкновению, перед тем, как ложиться спать, все помещения, где размещены были рабочие*, при входе в одну большую избу, где было их человек более 20, меня резко поразил запах водки, чего к ночи, после бывшего днем обеда, никак не должно было уже быть. Идя медленно по большой комнате, в которой стояли каторжные, я все внюхивался (в молодости обоняние у меня было превосходное), а они, видя это и привыкнув к моему с ними обращению, говорили между собою, не стесняясь так, что мне было слышно: «Что это барин так нюхает?» Я на ходу отвечал им: «А вот увидите, что». Когда я, пройдя эту комнату, вошел в другую, меньшую (куть, загородка около печи), то здесь увидел одного из старост, Атаманчука, от которого и пахло водкой. «А ну-ка, Филипп, – сказал я, – дохни на меня». Оказалось, и он тотчас же сознался, что действительно пил он. Последовала обычная моя расправа, а затем, уходя в другую избу, я сказал: «Ну, теперь узнали, что я нюхал». По-видимому, их очень изумило, что я так скоро и легко нашел виноватого.

3. Во время одной остановки на берегу Ангары, только что подали порцию, но еще не разместились для обеда, я увидел, что кто-то из рабочих, раздевшись, кинулся в воду и поплыл на ост-

* Местами я говорю «каторжные», а местами «рабочие», как попадется; но это все одно и то же. Делаю эту оговорку, чтобы не ввести читателей в недоумение.

ров, находящийся в 30–40 саженьях. Оказалось что, это Филат Несторов захотел показать свою удачу. Опасаясь, чтобы от холодной воды не сделались с ним судороги и он не утонул, я несколько раз крикнул ему, чтобы вернулся, но он все-таки переплыл. Не желая спускать непослушание, я подошел к воде, и когда он только что вышел из нее, то получил от меня надлежащую награду. После нее, опасаясь, чтобы продолжительное плавание и холодный ветер не имели для его здоровья вредных последствий, я приказал подать ему стакан водки, чем все кончилось.

Вот и все бывшие у нас в течение нашего похода неполадки.

В воспоминаниях о Сибири 1848–1854 гг. один из лучших, бывших при Муравьеве людей, Б.В. Струве, говорит о походе этом (стр. 38) так: «Ефимов менее чем в три недели совершил этот переход. С песнями и весельем, бубнами и барабанами, он провел эту ватагу, и у него не было ни одного беглого. Дело было сделано беспримерно хорошо, и немалые суммы сбережены».

Прибыв в Иркутск ранним утром 15 мая, я тотчас же поехал к Муравьеву, который, как сказал мне встретившийся близ его дома Б.В. Струве (тогда чиновник при нем особых поручений), очень беспокоился о том, что не получал от меня никаких сведений. Когда же я вошел к нему и доложил об успешном исполнении поручения сдачею всех каторжных Бароцци, то он искренне обрадовался, обнял и благодарил меня, а затем сказал, что, тотчас по отъезде его, мне опять придется ехать докупать оказавшееся нужным количество хлеба.

При разъездах по этому закупу, который был кончен мною 16 июня, я брал с собою другого из служивших при доме каторжных – Ивана Бутылкина, а Тотурбек оставался дома. Вот в этот мой выезд и останавливался у меня в доме преосвященный Нил. Вероятно, Тотурбек ему понравился, потому что, когда того возвратили на родину и он, по указанию моему, заходил к преосвященному проститься, то получил от него очень хороший работы финифтяный образ Божьей матери. Тотурбек, рассказывая о получении этого подарка, говорил, что Ильчерим (так он называл архиепископа) перекрестил его и подарил ему «патрет».

В проезд мой в 1888 г. чрез Владикавказ, который Тотурбек называл «капкай», я расспрашивал о нем, но ничего разузнать не мог. Жаль, что я не знал названия того аула, к которому он принадлежал.

Не могу не рассказать еще следующие два случая. Зимой 1850 г. приезжал ко мне в завод Михаил Сергеевич Волконский, чтобы ехать вместе со мною в Олонки, на свадьбу моего покойного брата, женившегося на дочери В.Ф. Раевского. Теперь уже не помню, два или три дня пробыл у меня Михаил Сергеевич*, а потом собрался возвратиться в Иркутск. Перед отъездом своим он, видимо стесняясь из своей деликатности, сказал мне, что в числе мелких денег, которые лежали у него близ кровати на столике, был один полуимпериал, которого теперь нет, но что он хорошо не помнит и, может быть, тогда, как он ложился, его уже не было, и он потерял его как-нибудь раньше днем. Я сказал ему, что, вероятнее всего, случилось последнее, а люди, которые служат, взять не могли. Когда он уехал, я рассказал об этой потере моим людям, что очень их огорчило. После отъезда Михаила Сергеевича, может быть, через неделю, а может быть, и меньше, они пришли ко мне и радостно заявили, что полуимпериал нашелся, и который-то из них его мне подал. Оказалось, что его украл взятый незадолго до того мною мальчик-сирота, сын одного каторжного (я взял его для услуг по просьбе его матери). Я спросил его, и он сознался. Оставить этого мальчика у себя я уже теперь не мог: прислуга моя просила уволить его, говоря, что, он опять что-нибудь украдет, а подозревать будут их. Я считал себя не в праве им отказать и отослал его к матери.

В конце зимы того же года, не помню уже по какому поручению, пришлось мне поехать на несколько дней по Иркутскому округу, и я, оставив хозяйничать в доме, по обыкновению, Цореова и Бутылкина, взял с собой казака Зверева, человека бойкого и хорошего. Торопясь выездом из завода, я забыл замкнуть комнату, в которой на столе лежали бумаги, а на них 1000 рублей. Когда я через несколько дней вернулся домой, то помянутые выше люди, сказав о моей забывчивости и об оставленных деньгах, передали мне ключ. В комнате все оказалось на своем месте, и деньги лежали, как и прежде. А их, если бы оба каторжные захотели бежать и унести с собой, было для них слишком достаточно, чтобы, приписавшись где-нибудь под другими именами (что часто бывало) на поселение, обзавести своим хозяйством.

Большей частью все, что описано мною, было известно Муравьеву и, как я полагаю, могло иметь некоторое влияние на изме-

* Древнее княжеское достоинство возвращено ему тогда еще не было.

нение присмотра или, точнее сказать, караула за каторжными и некоторые им облегчения, что будет видно из следующего.

1. Не помню хорошо, в конце ли 1849 или начале 1850 г., но только зимою, приехал в завод и, по указанию общих знакомых, прямо ко мне, незнакомый еще со мною бригадный генерал Павел Иванович Запольский. Он сказал мне, что Муравьев поручил ему съездить в оба завода и Тельминскую фабрику, чтобы узнать на месте от начальствующих ими, нельзя ли уменьшить количество военных караулов, а также нельзя ли из инвалидных команд обоих заводов взять, после этого уменьшения, часть годных солдат в другие места. Говорю об инвалидах собственно в заводах; караулы же в фабрике содержались солдатами линейного батальона, которые, конечно, все были годны. Солдаты тогда были нужны по случаю предполагавшегося движения на Амур. При этом Муравьев поручил ему прежде всех видетсья и обсудить все со мной, добавив, что я, по мнению его, знакомый с этим вопросом лучше других, могу дать ему такие сведения, которыми и должно уже руководиться относительно солеварного завода и фабрики. Затребовав от командира инвалидной роты сведений обо всех военных в заводе караулах, Запольский просил меня отметить в нем, какие именно из них я нахожу возможным отменить совершенно, а какие оставить. Я просил его оставить, по-прежнему, все караулы, которыми охранялись деньги и разное казенное имущество, а затем все караулы за каторжными на разных работах, как в самом заводе, так и вне его (как то в дровосеках, кирпичных сараях и других местах), отменить, оставив только один при заводской тюрьме (остроге), в которой жили те каторжные, которые не были освобождены еще от оков. На вопрос его, чем заменится в таком случае военный караул, я отвечал, что десятниками из каторжных же. К этому я добавил, что число побегов, как думаю я, не увеличится, а солдаты не будут подвергаться ответственности за упуск из-под своего надзора каторжных, следить за которыми, в сущности, было невозможно, потому что один солдат должен был, хотя и посменно, наблюдать за 10 каторжными. Генерал Запольский, вполне согласившись с моими предположениями, сказал, что доложит об этом Муравьеву, когда кончит с фабрикою и солеваренным заводом. Как был решен вопрос этот там, не знаю. У меня же с тех пор для надзора где бы то ни было на работах за каторжными назначались десятники из каторжных же. Они же

пред началом работ приходили в тюрьму и там счетом получали от военного караула людей, разводили их по работам и потом счетом же, по окончании работ, их сдавали. Само собою, при этом бывали и недочеты: кто-нибудь, а иногда и несколько, оказывались бежавшими. Но число бежавших, как я и предполагал, не только не превысило число убегавших при военном карауле, но было немногим меньше. Вероятно, каторжные берегли караульных из своей братьи больше, чем караульных инвалидов.

Определить в точности % побегов, не имея к тому данных, которые все сторели во время пожара в моем томском доме, не могу. Писать наобум, не помня хорошо, не желаю. Если я сказал, что побег при надзоре каторжных были немного меньше, чем при надзоре за каторжными инвалидов, то, собственно, потому, что это мне хорошо памятно по следующему обстоятельству. Однажды от III-го отделения Главного управления В. Сибири, за подписью начальника его Н.Е. Тюменцева⁷, я получил уведомление, что, по приказанию генерал-губернатора, делается мне, за значительные побегі рабочих, замечание. Я находил, что начальник отделения переступил за границу того, что ему дозволено законом, и решил, пользуясь поездкой в Иркутск, доложить об этом Муравьеву. Для этого я приказал составить в конторе завода сравнительную ведомость о побегіх каторжных за 2 или за 3 предшествовавшие года, и именно за те месяцы, о которых шла речь в сделанном мне именем генерал-губернатора замечании. Оказалось, как я сказал выше, побегов меньше; но сколько %, не помню. Поехав в Иркутск, я захватил с собою как эти сведения, так и бумагу, которою сделано мне замечание. Явившись к Муравьеву, я доложил ему, что получил незаслуженное и несправедливое, именем его, замечание. Это его чрезвычайно удивило, и он, рассмотрев поданные мною бумаги, сказал, пожав плечами, чтобы я оставил их у него. Больше они ко мне не возвращались, и тем кончился этот разговор со мною. Полагаю, что продолжение его уже было с Н.Е. Тюменцевым. Для меня было ясно, что Н.Е. Тюменцев не мог еще отстать вполне от привычки изображать из себя начальство. Привычки этой, во времена других до Муравьева генерал-губернаторов, придерживались многие из лиц, близко к ним стоявших. Муравьев этого не терпел. Настоящий случай с Н.Е. Тюменцевым был у меня второй и последний. Больше этого не повторялось.

2. Осенью, если не ошибаюсь, 1851 года Муравьев приехал ко мне на завод часов в 10 или 11 утра. День был чисто летний, прекрасный. Он посетил острог, больницу, гауптвахту, все производимые постройки и работы, а потом, после раннего обеда, мы вдвоем с ним поехали на Ангару, откуда, через деревню Жилкину, возвратились в завод, уже другой дорогой. Отъезд из завода он назначил на завтра ранним утром, говоря, что торопится для того, чтобы не опоздать приехать в селение Усть-Куду на свадьбу Елены Сергеевны Волконской с Дмитрием Васильевичем Молчановым. Назад тому года 3 или 4, видевшись в Петербурге с Еленой Сергеевной, я спрашивал ее о дне свадьбы, и она сказала мне, что это было 17 сентября 1851 года⁸. Значит, Муравьев приезжал в завод 16 сентября 1851 года. Когда мы с ним, отправляясь на осмотр завода, вышли из комнаты во двор, то там к нему обратилась толпа просительниц, каторжных женщин, прося, чтобы он разрешил мне не заковывать их. Это его чрезвычайно удивило, и он, приказав просительницам дожидаться, возвратился в комнаты и спросил меня, что это значит. Я доложил ему, что хотя в уложении о наказаниях уголовных и исправительных изд. 1845 г. есть правило, что женщины, ссылаемые на заводы, вместо бессрочных работ в рудниках должны содержаться в оковах ручных и ножных, но менее тяжелых, но что я никогда ни одной не заковывал, да и не решусь на это. Пользуясь этим случаем, я также доложил ему, что точно такое же отступление я делаю относительно каторжных мужчин. О них, в этих же правилах, сказано, что снятие оков, когда это необходимо для работ, должно быть так же разрешаемо высшим местным начальником, но только на время работ; по окончании же их заковывать вновь. К этому я добавил, что в снятии в этом случае оков я руководжусь тем, что главный местный начальник я, и поэтому полагаю, что отступления от правил тут нет; но оно состоит в том, что, раз сняв оковы, вторично заковывать в них я уже не приказываю, если только раскованный ведет себя хорошо. Расковывание пред работами и заковывание после них заставляли бы кузнецов тратить по пустякам время, необходимое для других заводских работ; а на того, над кем это будет каждый день производиться, не говоря уже о вреде для его ног, могли производить не только угнетающее, но и озлобляющее действие: не зная, что это делается по известным правилам закона, он мог видеть тут произвол и надсмехательство над ним. Выслушав

все это, Муравьев одобрил мои действия и сказал, чтобы я так поступал и впредь, а затем сказал просительницам, что заковычивать их никто не будет. Все они, поблагодарив его за это, отправились, кому куда следовало; но из них осталась одна, не принадлежавшая к числу их и пришедшая просить за своего мужа, который был в тюремном навсегда заключении, в отдаленной камере, при гауптвахте, вместе с таким же другим. Оба они, находясь уже в каторжной работе завода, сделали, каждый порознь, убийства, были наказаны с прикованием к стене на пять лет на цепь, а по окончании этого срока оставлены навсегда в тюремном заключении, и застал я их, принимая завод. Один из них был холостой, а другой женатый и имел несколько человек детей. Вот жена-то его, во время утренних мне рапортов служащих, приходила, по крайней мере, два раза в месяц просить о пособии, которые я и делал. Но главная просьба ее была отпустить из тюрьмы ее мужа домой. Не имея возможности исполнить этой просьбы, я говорил ей: «Дождись, когда приедет генерал-губернатор, и проси уже его. Он, может быть, и выпустит». Когда приехал Муравьев в завод, то я послал ее позвать. Вот она и обратилась к нему с просьбою. Объяснив на вопросы его все дело, я сказал, что покажу ему ее мужа, когда будем осматривать завод, что и исполнил. Когда мы вошли в ту камеру, где помещались означенные двое заключенных, то Муравьев начал их расспрашивать, и тот из них, который был холостой, произвел, видимо, на него неприятное впечатление. После него он обратился к тому, за которого просила его жена. Поговорив с ним, мы вышли, и когда поехали дальше, то Муравьев начал меня расспрашивать относительно того, можно ли его употребить на работу и что не делает ли он, если выпустить его, нового преступления. Я отвечал, что употреблять на работу, когда он по спискам считается в тюрьме, я, из опасения, как бы не произошло на работах какого-нибудь, хотя не от него, а от других, несчастного случая, нахожу неудобным; что уже, если выпустить его, то исключительно с тем, чтобы он жил дома и работал на семью. Того же, чтобы он сделал опять какое-либо преступление, насколько я мог узнать его, бывая за время управления заводом (с 1848 г.) довольно часто в месте заключения, я не опасуюсь. Вот за товарища его, добавил я, не мог бы ручаться; потому что каждый раз, как вхожу к ним в камеру, мне, может быть, и неосновательно, приходит, при его виде, мысль, как бы чем не ударил. Выслу-

шав все это, Муравьев разрешил мне выпустить семейного к его жене и не употреблять на работы*. Уходя часов около 11 вечера спать, Муравьев повторил мне свое приказание, чтобы отправить его часов в 7, и вместе с тем поручил мне приготовить и подать к отъезду записку обо всем, что я докладывал ему относительно каторжных и о надобностях завода. Все, что было им приказано, я исполнил, и он уехал из завода ранним утром. В записку мою я включил просьбу о возвращении на родину, за оказанное усердие к охранению казенных денег, Тотурбека Цореова, который, по сношению Муравьева с наместником Кавказа (кажется, тогда еще графом Воронцовым), и был, как сказал я выше, возвращен.

II.

Описывая жизнь каторжных в заводах, находившихся под моим управлением, и порядок, которого я в течение пяти лет, ни в

* В Илгинском заводе я принял от предместника и оставил, уезжая в Александровский, четверых каторжных, приговоренных за повторенные преступления к прикованию к стене на разные сроки. Один из них был довольно грамотный, и я давал ему для чтения вслух книги. Посещая часто их камеру, я спрашивал их, читает ли товарищ им то, что я даю. Они благодарили меня за книги, а его за чтение, и говорили, что теперь им не так скучно сидеть, как прежде. Я должен добавить здесь для характеристики вообще каторжных, что как к этим, так и вообще ко всем, содержащимся под военным караулом, для того чтобы показать им доверие, с которым отношусь к ним, я входил всегда один, не позволяя войти за мной караульным солдатам и закрывал за собой дверь. Доверяем этим они, видимо, были всегда довольны. Не раз случилось мне, приехав вечером неожиданно в острог и войдя в камеру, застать играющих в карты или юлу (6-гранный волчок; на каждой из граней точки от 1 до 6; кого упал большим кверху числом точек, тот и выиграл). Инвалиды были плохие караульные, даже иногда попадались с проносимой водкой; то и другое я отбирал, а участникам игры доставалось обычное возмездие. Не участвовавшие в этом обыкновенно над ними смеялись. Точно так же, как юлу и карты, я отбирал при посещении ночью винницы от встретившихся рабочих трубки, если они на ходу их курили, разумеется, иногда и не без обычного взыскания. В один обход случилось отобрать трубки 3–4. Я приносил их к той жаровне, около которой, как поставленной в безопасном месте для обогрева рабочих, было разрешено мною курить. Принесенные трубки я клал на огонь, а стоявшие тут и курившие рабочие обыкновенно над теми, у которых я отобрал, смеялись и говорили: «Поделом; не кури, где не велено».

чем не изменяя, держался, могу смело сказать, что все это можно было делать только при *самостоятельном*, справедливом и относившемся сердечно к людям Муравьеве и при полном доверии. При других начальниках, особенно при влиянии на них близких к ним лиц, пользовавшихся этим для проявления своего (хотя и quasi, но все-таки начальственного) влияния, вероятно, этого не дозволили бы, и вместо одобрения я заслужил бы взыскание за отступление от разных формальностей. *Муравьев был враг их. Он смотрел на пользу дела, а не на форму, по которой его делают.* Может быть, теперь, когда началу того, что мною описывается, прошло более полустолетия, кто-нибудь из читателей подвергнет осуждению как действия мои, так и *личную* иногда с виновными расправу. Что делать? Писал так, как было, описывая все фотографически верно. «Из песни слова не выкинешь», – говорит пословица. Вот ее-то я и придерживался. Хорош ли, худ ли был тот порядок, которого я держался с каторжными, судить не мне. Предоставляю это другим. Могу сказать только одно, что жил и расстался с ними хорошо, и, несмотря на личные мои с виновных взыскания, никогда со стороны их никакого покушения, при удобстве и имении в руках орудия, относительно меня не было. Единственный случай, в котором я (может быть, однако же, и ошибочно) подозреваю это, расскажу дальше, когда буду говорить о сделанных каторжными, в мое управление, преступлениях. Нельзя быть односторонним: рассказывая хорошее, нужно рассказывать и то, что было худое.

В Илгинском заводе, кроме того, что я сказал о Лазаре Селезневе как очевидце, а не участнике преступления, во время управления моего случилось только одно убийство. Оно было какое-то бесцельное, без всякого повода, и необъяснимое. В одной казенной, вблизи моей квартиры, небольшой избушке жило четверо каторжных: все люди довольно пожилые и более или менее не очень здоровые. Летом, когда случилось убийство, они занимались плетением лаптей из березовой коры (бересты) для рабочих. (Липы там нет.) Из числа их один куда-то ушел в завод, а другой только что вернулся с добытой им в лесу берестой; из остальных же один на лавочке у стены спал, а другой пил так называемый им чай*. Вошедший, по-

* Для этого варят они большей частью растение, называемое в Сибири «белоголовник» (*spirea ulmaria*), или чагу. Это бывающий на стволах березы нарост; может быть, какой-нибудь гриб или же паразит, не знаю.

ложив на место бересту, осмотрелся и, увидев под лавкой спящего топор, взял его, подошел к тому, который пил чай, ударил им его по голой шее так ловко, что чуть-чуть не отрубил напрочь голову, бросил топор и сел к столу около убитого, свалившегося на пол. Спавший, услышав стук и падение тела, проснулся и, увидев все то, что случилось, выскочил из избушки и закричал. На крик его прибежали из полиции десятники, каторжные же схватили убийцу и повели в полицию. Увидев, как привели его, я пошел и начал его спрашивать, за что он убил товарища. Вот содержание того, что он отвечал. «В заводе есть казак Казачинский (действительно, был), казак – чинский, казак чиновный. Я как-то иду ночью около его дома; а он, подозвав меня к окну, у которого сидел, показал мне на месяц, который хорошо и ярко светил и спросил: “А это что?” Я ответил ему: “Месяц”; а он говорит: “Месяц, месяц, умейсяц, умейсечь”; вот я его и секнул». Показание, данное им производившему об этом следствие, полицмейстеру, было повторением этого рассказа. Думаю, что он был душевно больной. Следствия, произведенные о преступлениях, подлежащих рассмотрению и решению судебных мест, а также и совершившие преступления эти, отсылались в Иркутск, где и поступали в суды, сначала окружный, а потом губернский, а по окончательном приговоре их виновные отсылались уже в Нерченские рудники. Так было сделано в настоящем случае, и так всегда делалось, как я знаю, в других заводах и в Тельминской фабрике.

В Александровском же заводе во время управления моего были сделаны следующие преступления:

1. Однажды, сколько помнится, в ноябре или декабре 1849 года, за час или полтора до рассвета, меня разбудили и сказали, что в каталажной* один рабочий убил другого. Приехав туда, я увидел на нарах труп и около него сидящего, со связанными уже руками, каторжного. Между трупом и убийцей, на какой-то довольно грязной тряпке, лежали 3–4 ломтя хлеба, накрошенный лук и окровавленный ножик. Оба, как и убитый, так и убийца, были люди пожилые. В Александровский завод они были присланы для дослужения срока из уничтоженных тогда в Томской губернии Керевского и Боготольского заводов (из которого именно, не помню). Убийство, по словам бывших тут каторжных, произошло так. Когда все бывшие в каталажной встали по звонку, чтобы приго-

* Каталажная, по словарию Даля, – тюрьма при полиции.

товляться к выходу на работы и начали завтракать: то оба, как убитый, так и убийца, евшие всегда вместе, сели друг против друга: и первый из них сначала нарезал хлеб, а потом начал крошить луковицу. Когда же все это кончил, то убийца, взяв у него ножик, ударил им его неожиданно в грудь так, что тот упал мертвым. Убийство это было такое же бессмысленное и бесцельное, как и описанное выше. На все вопросы убийца отвечал только: «Не помню за что; сам не знаю, как это сделал», и все в этом роде. Одним словом, обо всем отозвался незнанием и беспамятством. Так ничего, и при следствии, больше не доспросились.

2. Один молодой каторжный, из молдован, рассорившись с каторжной женщиной, с которой был в близких отношениях, нанес ей ножом рану, по счастью легкую, и убежал. Но через два дня явился сам обратно в завод.

3. Весною, не помню года, когда кончилось винокурение и в виннице началось уже исправление, а в спиртовом отделении еще нет, как-то утром, во время рапорта, я приказал нарядчику сходить в это отделение и указать находившимся в нем двоим (из слабых здоровьем каторжных) караульным, где нужно складывать те лесные материалы, доставкой которых, для исправления того отделения, я приказал ему одновременно распорядиться. Едва ли после ухода его от меня прошло полчаса, как мне дали знать, что в спиртовом отделении произошло убийство. Приехав туда, я увидел такую картину. При входе в отделение (в сенях) лежал похолодевший уже труп и около него застывшая лужа крови, несколько медных денег и разбросанные грязные, игральные карты. Оба караульные стояли тут же со связанными руками. Убитым оказался медник, каторжный, из крещеных евреев. Не помню фамилии, но все звали его Корнюшкой, вероятно, потому, что при крещении он был назван Корнилом. Из расспросов оказалось, что когда посланный мною нарядчик хотел войти в спиртовое отделение, то двери онаго оказались запертыми изнутри и, несмотря на стук его, никто ему их не открывал. Тогда он, кликнув с близких работ несколько рабочих, приказал выставлять окна; но тотчас же отворились двери, и он увидел труп и обоих караульных, которых приказал связать, и послал ко мне дать знать обо всем. Оба виновные тотчас же мне рассказали, что Корнюшка пришел к ним с вечера, и они стали играть в карты. Играли долго, но потом рассорились, и один из них, как теперь помню, рыжий, хромой, с больными ногами,

хватил Корнюшку так ловко топором по шее, что чуть не отрубил голову совсем. Совершив это, хотели труп куда-нибудь оттащить; но так как уже рассветало, то не решились и отложили до ночи, рассчитывая, что так как работ в отделении еще не начиналось, то никто и не придет, а между тем успеют очистить следы убийства. Если же кто и придет из знакомых рабочих, то не открывать, от-молчаться, как бы спят. Но пришел посланный мной нарядчик, отсидеться молчком было нельзя, и все открылось.

4. Весною, помнится 1850 года, я приступил к постройке нового конного двора (для казенных лошадей и волов) и помещений для конюхов. Прежний был ветх, тесен, а главное, помещался в самом центре лучших жилых зданий завода; да, кроме того, возить в него все, что было нужно, воду, барду и проч., нужно было в гору, расходуя на это без надобности силу лошадей и волов. Необходимо было выбрать место не на горе, а ровное и близко к воде. Такое было как раз за заводом, по дороге к селению «Олонки», против заводского кладбища. Кстати заодно я решил устроить на кладбище, взамен развалившихся, новые часовню и ограду, но уже хозяйственным образом, пользуясь сбережением против сметы рабочих рук и материалов, что и сделал. Место, выбранное для конного двора, было ниже противоположного, довольно мокрое, но несколько покатое. Поэтому, для осушения его*, нужно было прорыть три канавы: одну – вдоль дороги, а две, от концов ее, – к находящейся вблизи речке. Для исполнения этого, а также и для постройки, рабочих назначалось много. Все они, вследствие отмены, как выше уже сказано, военного за ними караула, находились под караулом своих же собратий.

Однажды вечером, когда, прекратив работы, отобрали инструменты и начали переключку, тринадцать человек, бывшие близко друг к другу и, очевидно, сговорившиеся раньше, вскрикнули и побежали в начинавшийся от кладбища лес. Остальных пересчитали и повели в завод, а часть более надежных и некоторые из десятников кинулись преследовать бежавших. Дали мне знать. Я усилил погоню, как пешими, так и конными, и к утру было поймано из бежавших восемь человек, да еще один чужой. Свои, как

* В этом месте впоследствии, когда взял в аренду завод Ефим Михайлович Медовиков в К^о со Шведовыми и А.С. Юдиным, была построена ими большая, каменная уже, винница, переделанная потом, как говорят (сам я не видел), в центральную тюрьму, существующую и ныне.

это полагалось по закону, были наказаны по приговору полиции, а о чужом она начала собирать по его показанию справки. Звали его, как хорошо помню, Иван Карацупенко, рыжий с неприятным в веснушках лицом и каким-то странным складом головы. До собраний справок он, как и все прочие, употреблялся закованным в работы, с которых скоро бежал. Через несколько времени был он где-то пойман и опять пришел в Александровский завод. Долго ли проработал, не помню, захворал, попросился в больницу, и из нее бежал опять, унеся с собой все, в котором был, казенное белье и платье. Так как это был уже третий известный побег (пойман беглый и два раза бежал из управляемого мною завода), то полицмейстер представил свое следствие в Окружной суд, а тот прислал потом дело это, со своим приговором, для исполнения в свое время, в полицию. По приговору было назначено: Карацупенке 50 ударов кнутом, а полицмейстеру (он же смотритель больницы) ни с того, ни с сего, выговор за невнимание к хранению похищенных при побеге Карацупенкою казенных вещей. Мы с полицмейстером думали, что с Карацупенкою больше уже не увидимся: или сложит где-нибудь свою голову, или, опасаясь своей кражи, покажется в какой-нибудь другой завод. Случилось иначе. В начале лета 1852 года я только что вышел из конторы завода, как увидел, что конвойные вводят в двор ее (тут же и полиция) двоих арестантов, из которых один Карацупенко. Рассерженный этим обратным приходом его ко мне в завод, тогда как он мог точно так же показать себя бежавшим не из него, а из другого, и уверенный, что он опять сделает побег, я подошел к нему и хотел уже его ударить: но увидел в глазах его такое недоброе, можно сказать, зверское, выражение, что, сдержав руку от удара, начал ею, близко к его лицу, грозить и выговаривать за побег. Потом я спросил его, зачем он пришел опять ко мне в завод, когда ему, как видно, в нем худо и он из него второй раз убежал? Он отвечал мне: «Нет, барин, лучше здешнего житья нет ни в одном заводе, а все-таки воля лучше». Зная, что Карацупенку ожидает уже приговор и опасаясь, чтобы он как-нибудь не убежал до приведения его в исполнение, я приказал конвойным увести и сдать обоих арестантов вместо острога на гауптвахту, а полицмейстеру сказал, чтобы завтра же исполнил приговор. Назавтра, вскоре после того, как увели Карацупенку к наказанию (которое всегда производилось на площадке перед винницей, чтобы большее число рабочих могло его видеть), и пре-

жде чем, судя по времени, оно могло быть исполнено, приехал ко мне полицмейстер (он производил исполнение), он привез с собой изорванный Карацупенкой, при чтении ему, приговор, и рассказал мне следующее. Когда он, подойдя близко к Карацупенке (у полицмейстера, от болезни, быть слабый и хриплый голос) начал читать приговор и только что дошел до того места, где сказано: «каторжному Карацупенко, за третий побег, дать 50 ударов кнутом», как Карацупенко кинулся на него и схватил его за руки, а зубами приговор. Конвойные солдаты чуть-чуть не подхватили его на штыки; но полицмейстер, освободив руки, успел вскричать: «Прикладом». Началась свалка, в которой Карацупенко все-таки успел изорвать приговор, разбить до крови нос палачу и чуть-чуть не изуродовал одного конвойного, но, к счастью, тот успел вывернуться. Оставив Карацупенку в руках держащих его конвойных, сидящим на земле, полицмейстер приехал доложить и спросить, что делать? Я сказал ему, что так как приговор уже объявлен, то необходимо привести его, насколько я знаю, в исполнение, а новое преступление должно судиться особо. Не полагаясь, однако же, на то, что сказал выше, я попросил полицмейстера съездил в контору и привезти, если не ошибаюсь, XIV т. Св. Зак. Когда он привез его, то оказалось, что я не ошибся. Отослав полицмейстера к исполнению, я, в виду важности происшествия, поехал туда и сам. Со мною поехал приехавший ко мне из Иркутска близкий мой приятель горн. инж. Матвей Иванович Кованько, которого очень заинтересовал рассказ полицмейстера, а также и то, чем все это кончится. Когда мы с Кованько подъехали, то полицмейстер, подойдя ко мне, сказал, что десять человек не могут пособиться с Карацупенкой, чтобы распрямить и привязать его к кобыле*. Заметив полицмейстеру его нераспорядительность, я крикнул сто-

* «Кобыла» – наклонная плоскость с выемками для вставления шеи и рук с отверстиями для ног. Голова за шею, а также руки и ноги вкладывались в выемки и отверстия и привязывались к кольцам так, что спина наказуемого была вся открыта ударам кнута. Кнуты, или лучше сказать, наконечники их, длинной вершков в 10–12, были приготовлены из сырой, обстриженной от шерсти кожи, таким особым способом, что от твердости ломались, а не гнулись. Они были желобоковаты, но не овально, а с углами и оканчивались загибами вроде когтя. Наловчившись в своем деле, палач мог при ударе не только просекать кожу, но, как думаю я, когтем сдирать ее. Образцы этих кнутов, точно так же, как плетей и даже розог, были присланы в Иркутск из Петербурга,

явшим безучастными зрителями каторжным, чтобы они распрямили и помогли палачу привязать Карацупенку, не нанося ему побоев и вреда. Все было исполнено скоро, и палач приступил к исполнению. Начиная от 1-го до последнего 50-го удара, Карацупенко, хотя обозленный им палач употреблял, насколько мог, все свое усердие, не издал никакого крика боли. Все время, пока продолжалась экзекуция, он ругал всех без изъятия крупною русскою бранью и обещал всех резать. Ввиду этого, опасаясь, чтобы он, когда его будут отвязывать, действительно не убил кого-нибудь, я приказал послать в больницу и привезти имевшиеся для буйных сумасшедших полотняные рукава. Когда отвязали шею, то по мере отвязывания рук на них надевались эти рукава, а потом уже, когда обе руки были рукавами связаны, отвязали ноги, и он сошел с кобылы. При этом с каким-то страшно злобным выражением обратился он к палачу и, похваляясь тем, что тот, несмотря на свое усердие, не мог добыть из него крика боли, добавил: «Ну, а если бы ты мне попал, то сразу бы у меня завизжал, а потом издох». Я спросил Карацупенку, может ли он дойти до больницы сам, и он отвечал, что может, но чтобы я позволил ему выпить стакан водки. А так как тут взять ее было негде, то я сказал полицмейстеру, чтобы Карацупенку по дороге в больницу мимо моего дома завели во двор получить стакан водки, а потом уже увести в больницу.

Через два дня после описанного мною происшествия приехал на завод возвращавшийся из осмотра губернии губернатор Карл Карлович Венцель и, осматривая работы, места заключения и больницу, увидел в числе больных и Карацупенку. Когда я доложил ему обо всем описанном выше, то он приказал мне, чтобы не затягивать вопроса и донести не к нему, а прямо к генерал-губернатору, что я, по отъезде его из завода, и исполнил. Вскоре после этого было получено мною предписание выслать Карацупенку в Иркутский солеваренный завод для предания военному суду в тамошней военно-судной комиссии (в Александровском заводе таковой не было). Опасаясь, чтобы он, когда будут вести его в означенный завод, а в особенности при переправе через реку Ангару, кого-нибудь не убил, или не сделал чего-нибудь с собою, я приказал оба кольца ручных и ножных кандалов соединить железным прутом. Прут этот называли почему-то лисою и употребляли обыкновенно

после издания Уложения 1845 года, когда я служил еще в канцелярии Иркутского губернатора.

для самых отчаянных преступников. Случай такой заковки был у меня единственный; все, которые носили кандалы, имели их только ножные. Да нет, впрочем, был один, на котором были кандалы ручные; но, это потому, что ножных надеть было не на что: у него были отзноблены обе ступни, и он ползал на коленях. Таковым он поступил в завод, да и самое-то преступление, за которое был прислан, сделал, будучи безногим. Не помню теперь, в котором-то из двух округов, Каинском или Канском, но только именно в одном из них он, пробираясь через какое-то селение, попросился ночевать, и когда все уснули, вырезал пригревшую его семью. Его употребляли на работу: толочь, какие были нужны для заводских потребностей, краски или другие материалы.

Возвращаясь к Карацупенке, о дальнейшей судьбе его я узнал случайно, может быть, через месяц, а может быть, и больше, в Иркутском благородном собрании. Приехав туда на обед, устроенный не помню по какому-то случаю, я встретился с командиром Иркутского казачьего полка Николаем Павловичем Моллером, который, подойдя ко мне, сказал, что утром того дня он приводил в исполнение приговор военного суда над одним каторжным моего завода, которого фамилию забыл. Когда я назвал Карацупенку, то он сказал, что именно над ним. По словам г. Моллера, Карацупенке было назначено пройти сквозь строй, через 1000 человек, четыре раза. Он получил 1800 ударов, не издав ни одного крика боли, а потом упал, и его возили, как это делалось всегда с такими преступниками, на тележке. Вероятно, он умер. Смерть его, хотя и тяжелая, думаю я, сохранила жизнь многих. Он, как слышал я потом от каторжных, был ужасный злодей, сделал в своей жизни много убийств и попал случайно, как выше сказано, ко мне в завод, убежав с цепи из одного из Нерчинских рудников. Вероятно, все это рассказывал им он сам в то время, пока был в заводе.

Кстати, хоть и не из заводской жизни, я расскажу здесь другой пример такой же выносливости и жесточенности, какие проявил Карацупенка. Я видел случайно в Иркутске в 1845 году во время управления генерал-губернатора Руперта, как зимою, в сильный мороз, на перекрестке Арсенальской и 1-й Солдатской улиц наказывали одну поселянку за убийство, в сообществе двоих беглых из Забайкала каторжных, всей семьи мецкан Русиновых. Оба каторжные за несколько дней до этого были загнаны сквозь строй; а ее, привезенную видеть их наказание, было приказано наказать вбли-

зи места совершенного преступления. Палач, как было заметно, снисхождения не делал. Почти при каждом ударе наконечники кнута ломались, и он заменял их новыми. Приводивший в исполнение приговор полицейский чиновник, опасаясь, что за израсходованием наконечников может остановиться наказание, послал привезти их еще; и не ошибся, потому что привезли их как раз только что вовремя. Наказываемая во все время наказания не издавала никакого крика боли. Но когда оно кончилось, и ее отвязали, то она без чувств скатилась к подножию кобылы. Полицейские служители и палач подняли ее и, вероятно, считая мертвою, вместо того, чтобы положить осторожно, бросили в телегу (не сани, снег выпал поздно), чтобы увезти в острог. В это время она как раз пришла в себя, села в телеге и начала бранить их всех трехэтажною русскою бранью. В больнице острога она выздоровела и была сослана в Нерчинские каторжные работы.

Такие ожесточенные и озлобленные люди встречаются, мне кажется, не часто: в продолжение моей 80-летней жизни мне случилось видеть, как сказал я, только дважды.

5. Вскоре после проезда Карла Карловича, приехал для ревизии завода новый председатель Казенной Палаты Павел Иванович Кокуев. Он приступил к ней в 6 часов вечера и начал с осмотра денежных и других книг разного заводского имущества, предлагая мне и казначею разные вопросы, которые мы и объясняли. Взглянув случайно в это время в сторону, я увидел, что полицмейстер завода делает мне, из другой комнаты, знаки и зовет к себе. Извинившись перед П.И., что мне нужно выйти, я подошел к полицмейстеру, а он вынул из-за спины голую левую человеческую руку, которая была отгрызена ближе к плечу, чем к локтю, но далее совершенно без всякого повреждения, и сказал, что руку эту в дом одного рабочего принесла его собака, и тот доставил ее в полицию. Доложив Павлу Ивановичу о происшествии и показав ему руку, я попросил позволить мне заняться с полицмейстером розысками, а для продолжения ревизии оставить казначея, что он и позволил.

Приехав с полицмейстером в дом того рабочего, собака которого принесла руку, я из расспросов его узнал, что каждое утро он, или жена его, выпускают из дома свою годовалую телку к выезду из завода по тракту к Иркутску на пастьбу в лесу, а за ней всегда идет выросшая с нею собака, и потом вечером возвращаются до-

мой. Они всегда неразлучны и ходят постоянно в ту только сторону, о которой сказано выше, откуда собака и принесла доставленную им в полицию руку. При этом он показал мне телку и собаку, которые лежали друг подле друга.

Имея в виду, что эта местность завода и дальнейшая часть дороги идут версты с две, до подъема на гору, узким ущельем (падью), я приказал полицмейстеру, чтобы он распорядился, чрез нарядчика работ, собрать на завтра, со светом дня, к выезду из завода (местность, куда ходили телка и собака) 300 человек каторжных и, разделив их на две половины, линией по обе стороны дороги, в недалеком друг от друга расстоянии (составить цепь), поехал бы туда сам, заехав предварительно за мною. При этом я приказал, чтобы нарядчик и рабочие, растянув цепь, оставались до нашего приезда на одном месте, где кто стоит. Все было исполнено так, как сказано, и когда мы с полицмейстером приехали верхами к выезду из завода, то я приказал двинуть цепь по лесу вперед, а сами мы поехали по дороге. Услышав вскоре, что с правой стороны ее раздаются какие-то крики, я послал туда полицмейстера; а сам, проехав, может быть, 3–4 минуты, услышал с правой же стороны и очень близко крики: «Сюда, сюда, нашли!» Подъезжаю и вижу несколько человек рабочих, которые указали мне лежащую в промоине, между разбросанными сухими сосенками, одежду. Я приказал мне ее показать. Она состояла из пары хороших бродней (обувь), крестьянского сукна однорядки, шапки синего сукна и довольно нового шерстяного кушака, на котором были два узла. По ним можно было судить, что труп, на котором была эта одежда, одним узлом кушака был завязан около шеи, а другим под коленями: все это для удобства переноски, чтобы надеть кушак через шею и захватить труп руками. При одежде ни одного, хотя бы малейшего, куска от трупа. Только что я взглянул на шапку, как тотчас же вспомнил, кто был ее владелец, которому, если только она не перешла раньше во владение другого, должна принадлежать и найденная рука. Я приказал остановить поиски и сзывать к этому месту всю команду. Подошедшим ко мне рабочим я сказал, что знаю, кто это был, но, чтобы не сбивать с толку, не скажу: может быть, кроме меня, признает кто-нибудь и другой. Так и случилось. Вскоре подъехал полицмейстер, которому я сказал, чтобы он, если вспомнит по признакам одежды, кто это должен был быть, то, пока я ему не дозволю, не говорил бы. Вопрос

разрешился тотчас же и без моего позволения. Один из подошедших каторжных, взглянув на одежду, тотчас сказал мне: «Барин! Да ведь это вот кто» и назвал одного каторжного, переведенного перед тем, не более как за месяц, в числе 200 или более человек, в Иркутский солеваренный завод*. Он назвал именно того, кого предполагал я. «А как ты знаешь, что это он, а не другой кто?» – спросил я его. «Да, как же, барин, ведь кушак то мой; мы с ним сменялись» (на что, я уже не помню), и он дал мне еще придачу». Тогда я обратился к полицеймейстеру, который был человек очень наблюдательный, и спросил его, не узнал ли он? И получил в ответ, что узнал тотчас же, как подъехал, по шапке. Из числа знавших убитого постепенно подходили другие и сказали то же самое, а также и то, что видели его приходившим иногда в завод после высылки в Усолье, потому что у него оставались в заводе должники. Он был в своем круге ростовщик. Определив убитого, нужно было искать виновников. Я спросил, не знает ли кто, где он в заводе жил, и мне сказали, что у коннорабочего, каторжного Далматова, мимо дома которого нам придется возвращаться в завод. Когда мы возвращались, то рабочие отбили у одной собаки обглоданную, только еще не совсем, часть ноги, а у другой верхнюю часть головы, но совершенно уже без тела. Когда нарядчик указал мне домик Далматова, то я увидел, что он, сидя под окном, не обращая никакого внимания на такую толпу народа и на нас с полицмейстером, спокойно пьет чай. Я вызвал его и спросил, приходил ли к нему тот рабочий когда-нибудь из Усо́лья и живет ли у него кто-нибудь из рабочих? В ответ на это он сказал, что приходил и живут еще двое. Тогда я приказал полицеймейстеру как Далматова, так и двоих жильцов его взять под арест и, рассадив порознь, приступить к следствию.

Возвратившись домой, я отправился в свое время к г. председателю и доложил ему все, что сказано выше, а затем он приступил к подробному осмотру всего завода и потом чрез два дня уехал. Его очень интересовало, открыты ли убийцы; но никто еще не сознавался. Так после отъезда его продолжалось с неделю или больше, и мне ужасно надоело слышать от полицмейстера каждый

* Тогда было решено отдать Александровский завод в аренду Медовинову, Юдину и Шведовым, оставив им для производства работ, помнится мне, только 400 человек. Вследствие этого и началось уменьшение команды высылкою каторжных в другие заводы.

день рапорт, что никто не сознается. По счастью, мне пришли на память читанная как-то давно биография митрополита Платона и описанный в ней способ, употребленный им к открытию произведенной, как помнилось, при постройке Вифании, значительной кражи из церкви. Преосвященнейший приказал собрать в церковь всех рабочих, которых было значительное количество, сказал им, что в церкви произведена кража и потому, чтобы не было напрасного нареkania на людей невинных, нужно молить Бога открыть виноватого. Для этого он приказал всем стать на колени и вместе за ним молиться. Когда начали молиться, то он вскоре спросил: «Молитесь ли вы?» Отвечали: «Молимся, владыка!» Вопрос этот он повторял несколько раз, а потом в последнем он спросил: «Молится ли вор?» Ответом было: «Молюсь, владыка!» Тогда преосвященнейший, обратившись к молившимся, сказал, что, так как Бог открыл вора, то нужно благодарить Его за это, что и исполнили.

Вот когда на следующее утро, после того как я вспомнил описанное выше, приехал ко мне с рапортом полицмейстер, то я, по выслушании его, вместо каких-либо распоряжений спросил: «А читали ли вы биографию митрополита Платона?» Вопрос так его озадачил, что он, смотря на меня с изумлением, не скоро собрался ответить, что не только не читал, но и самом Платоне не слыхивал. Мне казалось, что он усомнился в моем здоровье. Отпустив всех служащих, я оставил полицмейстера и рассказал ему то, что сказано выше, а затем попросил его съездить и привезти ко мне священника, но о слышанном от меня ничего ему не говорить. Когда они приехали, то я предложил священнику тот же самый вопрос, который задал раньше полицмейстеру. Священник был тот самый отец Гавриил Сенявин, о котором я говорил выше, очень хороший, умный и способный человек. Читал или не читал он биографию Платона, не знаю; но отвечал, что читал. Когда же я сказал ему, что если читал, то, вероятно, помнит, каким образом тот открыл церковную кражу во время постройки в Вифании, он отозвался запамятованием. Повторив ему и полицмейстеру помянутый рассказ, я попросил священника отправиться тотчас в церковь, а полицмейстера доставить поскорее туда всех троих подозреваемых в убийстве. При этом я попросил священника, когда приведут их, то прежде чем приступить к молитве, сделать им хорошее, подходящее к данному случаю, наставление, а полицмейстера, когда начнется молитва, стоять в стороне от них и наблюдать, если толь-

ко это случится, кто отзовется на вопрос: «Молится ли убийца?» Видя, что тот и другой относятся как бы с некоторым недоверием к могущему быть результату, я попросил обоих отнестись к делу как можно серьезнее и исполнить в точности все, что я им говорил. Они дали слово. Я думаю, пришло не более часа, как они вернулись ко мне и рассказали, что на вопрос: «Молится ли убийца?» – отвечал утвердительно из троих только один, сосланный в каторгу довольно давно за бывший когда-то в Севастополе холерный бунт. Посмеявшись над замеченным мною недоверием их ко мне и поздравив с открытием убийцы, я приказал полицмейстеру приступить к продолжению над убийцей следствия, а остальных двоих опустить по домам. Когда при дальнейших расспросах убийца рассказал подробности своего преступления, то, в избежание сомнения в том, что не обмолвился ли он в церкви нечаянно и потом уже боится отпираться, я сказал полицмейстеру, чтобы он приказал убийце показать то место, куда он отнес труп, и тот привел прямехонько туда, где найдена была одежда убитого.

Вот все преступления, бывшие при мне в течение пяти лет в обоих заводах.

Рассказ мой о каторжных я считаю необходимым дополнить некоторыми подробностями о порядке и ходе заводской жизни, чтобы познакомить с нею читателя и дать возможность видеть, какие и в чем именно делались мною отступления. Может быть, все это лучше было высказать раньше, в начале, приступая к рассказу, а у меня пришлось как-то к концу. Но мне кажется, что это все равно: сущность дела от этого не изменится. Я рассказал все, что было, и так, как оно было.

Винокуренных заводов, на которых работали каторжные, было в Иркутской губернии в то время, о котором я говорю, два: Илгинский, почти в 400 верстах от Иркутска, и Александровский – в 64. Оба они, принадлежа Министерству финансов, были в ведении Казенной Палаты, председатель которой и был ближайшим их начальником. Теперь я забыл уже, как велика была выкурка вина на каждом из заводов, а так же, как велика была в каждом из них команда каторжных. Не имея необходимых к этому данных, которые у меня в Томске все сгорели вместе с домом, я говорю приблизительно. Но, сколько соображаю все обстоятельства, полагаю, что цифры мои будут недалеко от действительных и, скорее, меньше, чем больше.

Считая на полугар, Илгинский завод выкуривал 250 000, Александровский – 500 000 ведер. Но иногда к выкурке назначалось количество и большее, которое заводы и выполняли. Вся рабочая сила заводов состояла исключительно из каторжных. В первом заводе было их до 600 человек, а во втором более 1000.

Управление завода состояло из конторы и полиции. Членами конторы были смотритель, как главный начальник завода, и казначей, который в отсутствие смотрителя исправлял, кроме своей, и его должность. Для писмоводства был писмоводитель, а для счетоводства бухгалтер. Полиция же состояла только из одного полицмейстера. Писцами, как в конторе, так и в полиции, кроме двоих, определенных на службу из кантонистов, были каторжные. Точно так же из каторжных была вся при полиции команда (так называемые десятники), а за сим все надзиратели и нарядчик всех работ. Ротою инвалидов, содержавшею все заводские караулы, командовал один военный обер-офицер, а казаками казачий урядник или же, иногда, пятидесятник. Кроме того, были еще: священник, доктор и один или два (теперь уже не помню) фельдшера. Инвалиды содержали караулы: при денежной кладовой, магазинах винных, хлебных и материальном; при надзоре за каторжными на работах, как в самом заводе, так и вне его, пока это (как выше сказано) не было отменено; при остроге, где содержались каторжные, содержимые в оковах до времени вывода их на работу, когда они поступали под караул каторжных же; и наконец, при больнице, когда в числе больных были находящиеся в оковах. Все эти караулы разводились по надлежащим местам из имевшейся в центре завода гауптвахты. Против нее были дома, где жили смотритель, казначей и полицмейстер. Здание острога деревянное, обнесенное кругом тыном (частоколом из заостренных палей), состояло из четырех камер, разделенных коридором так, что на каждой стороне его было по две камеры. В одной из них помещалась кухня и столовая, а в трех остальных каторжные. В них было очень тесно, и могло поместиться не более ста человек. Теснота помещения отзывалась тяжело, в особенности зимою, когда прекращалось плавание через Байкал, и следовавшие в Нерчинские рудники и заводы каторжные, до покрытия его льдом, скоплялись в Иркутском тюремном замке. По мере переполнения его приходившими каждую неделю партиями, излишек каторжных высылался в два ближайших к Иркутску завода: солеварен-

ный и управляемый мною Александровский (даже чуть ли ни высылали иногда и в Тельминскую фабрику). Тяжесть высылки этой ложилась преимущественно на Александровский завод, так как он находится на одном с Иркутском правом берегу Ангары. Э тот, хотя и временный, месяца на 2–3, приход нежелательных гостей, в которых не было никакой для работ надобности, делал путаницу в распределении работ и затруднение в размещении пришедших. Приходилось, чтобы не были праздными, приискивать работу, а для избежания тесноты выводить из острога своих и помещать лучших из них в одно старое здание, называвшееся каталажной, а других – в другое старое здание, где когда-то была больница. В каталажной, о которой я говорил уже выше по поводу одного убийства, помещались обыкновенно те каторжные, которые, быв выпущены из острога, не приискали себе еще квартиры или не поступили в такие работы, при которых можно бы было иметь помещение для жилья. Например: в услугу к служащим в заводе, в караульные при разных казенных зданиях и имуществе или же, наконец, в помощь, как бы в работники, к каторжным же, принадлежавшим к отряду конно-рабочих. Конно-рабочие эти имели свои дома, хозяйство и лошадей. За производимые ими заготовку и вывозку того, что было нужно для завода, они получали задельную, по определенной таксе, плату. Вот им-то и давались в работники каторжные. Давались они также, в случае какой-либо потребности в спешной вывозке, и другим конным жителям завода, а именно: пропитанным и малолеткам. Да не подумает читатель, что малолетками они назывались потому, что были несовершеннолетние. Отнюдь нет: многие из них были даже старики, но все-таки их так называли. Это были дети каторжных, приписанные к разным волостям в крестьяне, но оставшиеся в заводе при своих отцах, бывших каторжных, но отслуживших в работе свои сроки и выпущенных, как говорилось тогда, «на пропитание», то есть на все четыре стороны, с полным правом жить, как знают и умеют. Это пропитанные тоже приписывались к волостям, но только для одного счета, без платы податей и отбывания каких-либо повинностей. Но многие из них оставались в заводе навсегда, при своих хозяйствах, тут жили и умирали. Тут же оставались и дети их. Из них-то большей частью и составились селения в округе (езде) Иркутском Александровское и Никольское, а в Верхоленском – Илгинское. Остальные каторжные, составлявшие большую часть,

распределялись по работам в виннице и спиртовом отделении, при ссылке в магазины принимаемого от земледельцев хлеба, а потом при перевозке его на винокурение и другие заводские потребности; в кузнице, слесарной, медячной, бочкарне и на постройку заводских зданий. Одним словом, все, что было нужно для действия заводов, делалось руками каторжных. Более слабые или с хроническими болезнями назначались в сторожа, караульные и на другие более легкие работы.

В числе команды Александровского завода было у меня 5 человек интеллигентных поляков, сосланных из Вильны. Это были: доктор Аницетий Ренье, в статейном списке которого было сказано, что сослан в каторгу по делу эмигранта Рёра, а затем четверо не окончивших курс гимназистов: Владислав Ключковский*, Цивинский, Слободзинский и Вейшторг. Они были сосланы во время революций в 1848 году во Францию и других местах Европы чуть ли, насколько помню, не за намерение экспатриироваться. Никого из них в помянутые выше работы я не назначал. Я поручал им обыкновенно такие занятия, при которых был нужен безусловно честный и верный человек. Доверие мое они оправдывали вполне. Ренье был при приеме от землевладельцев в заводские магазины муки: одного хлебоприемщика (хоть им был у меня хороший и честный казак Аким Александрович Зверев) для приема муки, а в особенности в короткие зимние дни, когда приходилось принимать ее до 8 т пудов в день, было мало; можно было легко ошибиться, не только во время приемки, но и потом, при выдаче в этом квитанций, которые, чтобы не задерживать поставщиков, выдавались всегда вечером того дня, когда была произведена приемка. Ключковский надсматривал за кузницей и слесарною и медячною мастерскими. Цивинский был на заводской мельнице, в

* Этот Ключковский, узнав в 1873 г., что я приехал и живу (1873–1877 г.) в Петербурге, разыскал меня и заходил ко мне часто. Он рассказывал, что в 1863 г. был выслан со своей родины в гор. Мезень, где, как человек бойкий и труженик, занялся выделкой из дичи твердого бульона, который в 70-х годах был довольно в ходу здесь. Ключковский о высылке своей в Мезень говорил, что подвергся ей без всякой с его стороны вины, а так, из предосторожности, как человек, побывавший однажды в ссылке. Такие высылки и длительное нахождение под надзором бывали. Александр Иванович Деспот-Зенович, сделавшись градоначальником в Кяхте, очутился сам у себя под надзором, который был учрежден над ним ранее этого времени.

4-х верстах от онаго, у приема поступавшей на нее для перемола, в количестве нескольких десятков тысяч пудов, ржи. При каких занятиях были двое остальных, не помню.

К сделанному мною описанию жизни каторжных, для полноты онаго, я должен еще сказать. 1) Во время моего управления заводами бритье голов каторжных не производилось; такое искажение лица человеческого я находил ненужным: от побегов предохранить оно не могло, а унижая, без всякой надобности, человека, только ожесточало его. 2) Возвратившись (после сдачи г-ну Бароцци Илгинской партии) в Александровский завод и узнав, что в остроге его имеются тоже музыканты, я разрешил им приобрести инструменты и играть в летнее время во дворе острога после ужина, пока не пойдут спать. Разрешалось и пение. В праздники же, Рождество и Пасху, дозволялось им обойти дома служащих и тех из жителей завода, где им могли что-либо дать. Для присмотра, чтобы как-нибудь не выпили где лишнего, посылался с ними упомянутый не раз выше Тотурбек Цареов. Этот острожный оркестр существовал недолго, потому что некоторые из участвующих выпускались на свободное житье в заводе, и заменить уже их было некем; песни же остались; но все это, повторяю, в летнее время. 3) Бывши горным исправником золотых промыслов северной части Енисейского округа, я дважды встретился с каторжными, убежавшими из Александровского завода, еще в мое управление. В первый раз, летом 1856 г., приехав на Гавриловский прииск К^о Рязановых, Горохова и Машарова, на речке Огнё, впадающей в р. Енашимо, и идя по разрезу онаго, я узнал в одном из работавших каторжного, которого помнил еще фамилию. Подойдя ближе к нему, я сказал «здравствуй» и назвал фамилию. Он, видимо, очень испугался, но я, сказав ему, чтобы не боялся, что я ничего ему не сделаю, начал расспрашивать его, где и как он приписался на поселение. Только что он начал рассказывать, как вдруг сзади слышу: «Здравствуйте, барин». Я оглянулся и увидел другого каторжного, фамилию которого также знал. «Здравствуй такой-то, – сказал я ему, – что тебе нужно?» – «Я увидел, барин, что вы с ним разговариваете, и подошел с вами повидаться». – «Да разве ты не боишься, что я прикажу его и тебя взять?» – спросил я. «Нет барин, мы знаем, что худого вы нам не сделаете. Мы сами теперь ничего худого не делаем и будем исправляться». Расспросив их о новой жизни, я сказал им, чтобы хорошо трудились, обзаводились

хозяйством и на каторгу больше не попадали. Они это обещали, а я, уходя, добавил, чтобы они не боялись; потому что о старом я никому не скажу.

Во второй раз, летом 1857 года, заехав на неработавший в то время на речке Дытгане (если не ошибаюсь) прииск Николаевский, повидаться с временно проживающим тут хорошим моим знакомым М.А. Дейхманом, я только что слез с коня и начал его привязывать, как увидел идущую навстречу мне с речки женщину с наполненными водою ведрами. Лицо ее мне показалось знакомо, и я, всмотревшись, тотчас узнал в ней каторжную Александровского завода цыганку Чупурнову. Она, бросив в заводе каторжного мужа и лет 12 сына, бежала, еще при мне, с молодым парнем, каторжным Крыловым. Встреча со мною, видимо, ее испугала. Два раза спросил я ее фамилию, она все говорила чужую. Я строго сказал ей, чтобы она вспомнила настоящую и что я спрашиваю ее в последний раз. Тогда она, поставив на землю ведра, бросилась мне в ноги, со словами: «Виновата, барин, – Чупурнова». Приказав ей скорее встать, чтобы кто-нибудь не увидел, я начал ее расспрашивать. Из рассказа ее оказалось, что они с Крыловым, точно так же, как и упомянутые выше двое, приписались на поселение, где, теперь не помню уже, и в настоящее время она в кухарках у Дейхманов, а Крылов на соседнем, верстах в 3-х, прииске. Успокоив ее, я дал ей те же советы, как и каторжным на Гавриловском прииске, приказав, чтобы все, сказанное мною, она передала и Крылову, а затем пошел к Дейхманам. Сцены этой никто не видел.

Худо или хорошо сделал я в обоих случаях, не знаю. Но, говоря откровенно, видя, что люди, как казалось мне, стараются исправиться и выйти на лучший путь, я пожалел столкнуть их с него. Примеры закрепления под чужими именами бывали нередко, многие под ними так жили, так и умирали. Что было далее с теми беглыми, о которых я сказал, не знаю. Знаю только одно, что все они пробыли на приисках до осени, потом рассчитались и ушли с деньгами, а не с долгом. Я справлялся об этом, записав, при разговоре с беглыми, новые их фамилии, в конторах приисков, на которых они были. Я был доволен, что они к словам моим отнеслись с полным доверием и со страха не убежали.

Здесь, собственно, и кончаются мои воспоминания. Я передал все то, что хорошо сохранилось в моей памяти и что мог передать безошибочно, так, как оно было. Будучи довольно близко знаком

с каторгою, что видно из моего рассказа, а также и вообще со ссылкой (в нынешнем году исполнился сорок один год, как я состою директором попечительного о тюрьмах комитета), я решаюсь высказать некоторые мои соображения по возбужденному волею Государя Императора вопросу об изменении системы наказаний и отмене ссылки^{*}. Приступая к этому, я должен предварить, что я не юрист и не психолог, научные звания которых, думаю я, при обсуждении вопроса, безусловно, необходимы. То, что скажу я, то скажу исключительно на основании многолетнего знакомства. Когда в начале 1848 года я вступил в управление заводами, уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 15 августа 1845 года, было новинкою и едва-едва, да и то в самой малой степени, начинало вводиться в заводах. Впрочем, да простится мне откровенное мое о нем мнение, и ввести-то его на практике было далеко труднее, чем составить на бумаге изложенные в нем правила. Написанные людьми, стоявшими вдалеке от дела, не знавшими быта каторжных, местных условий, потребности и порядка заводских работ, в теории они казались, может быть, очень хорошими, но на практике-то были если не вовсе, то, по крайней мере, в значительной степени неудобоприменимы, каковыми и остались надолго. Лучшее доказательство этого – книга нашего известного, даровитого писателя А.П. Чехова «Остров Сахалин». На 71 странице ее я читаю: «Устав о ссыльных разрешает жить вне тюрьмы, а стало быть, и обзаводиться хозяйством, только каторжным разряда исправляющихся; но этот закон постоянно *обходится в виду его непрактичности*^{**}; в избах живут не одни только исправляющиеся, но также испытуемые, долгосрочные и бессрочные». Даже и через 37 лет после того времени, о котором я пишу (А.П. Чехов был на Сахалине 1890 г.), не могли ввести вполне те правила, которые определены означенным уставом, несмотря на израсходованные на это миллионы. Не доказывает ли это неоспоримо, что они непригодны и что их нужно заменить новыми, целесообразными и, смею сказать, более человечными, если только ссылка в Сибирь

* 13 ноября 1858 г. № 50 вице-президент Красноярского Енисейской губернии тюремного комитета уведомил меня, что высочайшим повелением от 26 сентября того года я утвержден в звании директора того комитета. В 1879 году я перешел на эту обязанность в Томск, где и состою в ней по настоящее время.

** Курсив мой.

на каторгу будет продолжаться? Читая означенную книгу, я удивлялся тому, как можно было в столь короткое время (три месяца) изучить так подробно быт сахалинских каторги и колонии. Мне кажется, что это можно было сделать (да и то с большим трудом) именно только при удачно выбранном автором способе «переписи». При нем, как бы по сподручности, он мог хорошо познакомиться с бытом и хозяйством тех, которых переписывал, и вообще как со строем всей их жизни, так и со всеми порядками на острове.

Я должен сказать, что и для меня, довольно хорошо со всем подобным знакомого, в труде этом встретилось многое, до сих пор неизвестное. Не буду перечислять всего, а приведу только несколько примеров, а именно: 1) перевозку строевого леса, взамен лошадей, на каторжных (стр. 89 и 563), 2) прикование каторжных к тачкам, на все время дня и ночи, так что с тачками этими они должны были и спать (стр. 160 и 161), и 3) продажу ссыльным, для замужества, каторжных женщин, с тем, чтобы уплата за них производилась натурою – вывозкою грузов и т. п.

Неужели нельзя было употреблять на вывозку строевого леса лошадей или волов, не заменяя их людьми? Может быть, скажут, что это делалось из экономии, чтобы не было одновременно расхода на рабочий скот и каторжных; может быть, делалось потому, что не было дороги и найдено было более удобным, вместо того, чтобы ее сделать, возить людьми, а может быть, и потому, что люди-то эти были каторжные? Нужно же было употреблять их на какую-нибудь работу, а лучшей подыскать не удавалось. Я думаю, что была полная возможность избежать этого и не увеличивать тяжести наказания.

Прикование, в воеводской тюрьме, осьми каторжных, к тачке, да еще в ручных и ножных кандалах, и без употребления в работу, мне кажется не только усилением наказания, но даже каким-то издевательством над человеком, давая ему навсегда, как какую-то неотступную спутницу жизни, – тачку, которая мешает ему во всем. Не лучше бы было, сняв с него ручные и ножные кандалы, приковать его к стене, как это сказано у меня там, где я говорю об Илгинском заводе?

Что имелось в виду при продаже каторжных женок в замужество ссыльным, мне кажется, объяснить не только трудно, но даже и вовсе невозможно. Может быть, руководились тем же сбережением интересов казны, который я предполагаю, говоря о за-

мене рабочего скота каторжными. Интересно бы знать, что именно принималось здесь в основание оценки? Была ли цена одинаковая для каждой поступавшей в продажу каторжной; или же расценка их производилась различно, смотря по летам и качествам, как наружным, так и внутренним, и кто были при этом экспертами?

Хотя в одной из наших газет мне пришлось встретить как бы упрек г. Чехову в «дилетантском» характере его труда и в ознакомлении с каторжной жизнью лишь с «казовой» ее стороны; но присоединиться к такому мнению нельзя решительно. Все, сообщенные А.П. Чеховым, в его описании сахалинской каторги, сведения составят, как думаю я, весьма ценный материал при рассмотрении и обсуждении вопроса об изменении системы наказания и отмены ссылки.

Теперь, когда, исполняя Высочайшее поселение Государя, г. министр юстиции обратился к лицам, знакомым как теоретически, так я практически с обстоятельствами, касающимися этого вопроса, приглашая их доставить свои мнения, выскажутся, вероятно, или уже и высказались, многие. Может быть, кроме юристов и медиков, а в особенности психиатров, до которых все это, если я не ошибаюсь, близко касается, выскажутся, или уже тоже высказались, и те, которые знают каторгу, что очень ценно, по личному опыту. Но мне как-то не случалось до сих пор ничего об этом читать, кроме двух следующих мнений.

1) О запрещении отдавать каторжных в услугу тюремному начальству и частным лицам. Запрещение это едва ли необходимо, и весьма сомнительно, чтобы могло принести какую-либо пользу. Каторжные, поступая в работу к хорошим людям и видя хорошие примеры и жизнь, мало-помалу исправляются сами и делаются лучшими. Само собою, нет правила без исключения; но тогда такого человека никто у себя в услужении держать не будет. Поводом к запрещению этому послужило будто бы то, что подобная отдача в услужение «освобождала каторжных от общих тюремных работ». Да разве они так уже необходимы? Мне кажется, что исправление человека гораздо важнее и полезнее, чем неустанное карание его каторжной работой, да еще в течение двадцати лет, а то, пожалуй, и больше. Мысль эту подтверждает и самое название правил – «Уложение о наказаниях уголовных и *исправительных*».

2) Желание запрещения следовать добровольно за ссыльными их семействам, а ссыльным, не имеющим семейств, ими обзаво-

даться. Жаль, что не сказано того, что именно подразумевается при этом под словом «ссылка»? Все ли ее виды, или только поселение и каторга? Мне думается, что изъясвивший это желание понимал под этим словом именно только поселение и каторгу. Первое из них имело целью не только наказание виновного, но (и это, кажется, самое главное) – колонизацию края, тогда бедного населением. Последняя цель хотя и достигалась, но слишком в малой степени. Хорошо, если сосланные что-нибудь у себя имели. Они могли кое-как устраиваться. Те же, у которых, как говорится, «не было за душой ни гроша», приходя на место причисления, встречали, может быть, на первый раз, что весьма естественно, недоверие и, не видя ни от кого заботливости и попечения о них, пускались в бродяжество, а затем постепенно к нему привыкали и оставались на всю жизнь бродягами. Правда, устраивались из них разные поселения, с пособием от правительства; но устраивались-то, к сожалению, очень плохо. Большею частью они были устраиваемы или неумело, или же с корыстной целью, в ущерб устраиваемого, но с пользой для устроителя. Живя, в детстве, в Тельминской фабрике, когда устраивались, между Иркутском и Мальтинской станицей, поселение Боковское, Суховское и Лужковское, я сам слышал разговоры старших о проделке одного такого устроителя. Когда один из главных начальствующих вздумал поехать осмотреть эти поселения; то он, услышав об этом, попросил близкого своего знакомого (заседателя того участка, в котором устраивались поселения) взять для показа ожидаемому лицу у Биликтуйских крестьян, так сказать, на прокат лошадей и рогатого скота, чтобы «не ударить в грязь лицом» и показать все в лучшем виде. Осматривавший остался всеми вполне доволен. Когда же он уехал, то скот был возвращен владельцам, а для устраиваемых начали покупать потом и кое-как. Эта проделка, мне кажется, еще остроумнее проделки когда-то с поросенком в Аракчеевских военных поселениях. Вероятно, теперь означенные три местности заселились уже другими жителями; а то я помню время, когда в Боковском и Суховском поселениях большая половина домов была пуста (жители разбежались), а в Лужковском все шесть были пусты, и их начали уже растаскивать.

Извиняясь, что рассказом этим увлекся, да и то, кажется, немного, в сторону от предмета, о котором начал говорить, я возвращаюсь к нему опять. Если, как сказал я выше и как мы знаем,

цель ссылки, кроме наказания, есть колонизация, к которой, как мы видим, стремятся и теперь: то каким же образом ожидать в ней успеха, если сосланный – глава семьи – будет с нею разлучен и она останется там, откуда он выслан? Или же, если каторжному, пока он находится в работе, будет запрещено обзаводиться семьей, а разрешится только тогда, как он отслужит свой срок, состарится и будет не в силах ее пропитывать и поднять на ноги детей? Ведь это, пожалуй, выйдет что-то вроде подарка белке на старость мешка орехов. Зачем усиливать наказание подобными запрещениями? Они только могут ожесточить людей, заставляя их отдаваться бродяжеству и делаться навсегда безвозвратно погибшими. Мне странно то, что желание лишить человека семьи высказано под предлогом человеколюбия, а именно потому, что семьи эти, во время следования их по этапам, подвергаются заключению в тюрьмах, нераздельно от всей партии, и поэтому терпят разные лишения и видят много дурного, а затем все увиденное ими, усиленное тем, что увидят на месте ссылки, будто бы сбивает с доброго пути их самих. Да кто же мешает тому, чтобы как перед ссылкой, так во время оной и потом на месте семьи эти не помещались в острогах, где партия, а помещались на ночевку, или даже и на дневку, в домах селения, в котором этап. По свойственному русскому человеку состраданию к «несчастливым» (так, большею частью, называют осужденных) никто из хозяев в этом, наверное, не откажет. Если же бы это и случилось, то расход на уплату за ночлег будет, думаю я, невелик. Теперь же, когда препровождение ссылных партий делается уже не по-прежнему, этапным порядком, а в вагонах по железной дороге, еще легче избежать всех этих неудобств. Стоит только, чтобы следующие добровольно помещались в вагонах отдельно от осужденных; по прибытии же на место ссылки, позволять семейным жить с семьей на свободе, а не в тюрьме. Побегов в этом случае бояться нечего: семейные не убегают. У меня в течение пятилетнего управления каторжными был только один такой побег: бежала, как сказал выше, каторжная Чупурнова. Из мужчин семейных не убежал никто.

Высказав мое личное мнение о семье, я не могу удержаться от того, чтобы не привести, в доказательство хорошего влияния ее, опять слова А.П. Чехова. На 364 стр. той же книги «Сахалин» он говорит: «В огрубевшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они (дети) вносят элемент нежности, чистоты, кротости, ра-

дости. Не смотря на свою непорочность, они больше всего на свете любят свою порочную мать и разбойника-отца, и если ссыльного, отвыкшего в тюрьме от ласки, трогает ласковость собаки: то какую цену должна иметь для него любовь ребенка? Я уже говорил, что присутствие детей оказывает ссыльным нравственную поддержку; теперь же еще прибавлю, что дети часто составляют то единственное, что привязывает еще ссыльных мужчин и женщин к жизни, спасает от отчаяния, от окончательного падения».

В другой книге (хорошо и обстоятельно описывающей ссылку вообще и составленной при полной возможности собрать все сведения из самых близких к делу официальных источников, из личных осмотров и, наконец, из расспросов разных лиц, сведения которых можно было тут же и проверять) я читал следующее по поводу одного устроенного для детей каторжных приюта: «В приют принимаются, кроме сирот, дети обоого пола тех семейных каторжных, которые пожелают отдать их туда. Чтобы уговорить их на это, начальникам тюрем приходится часто употреблять большие усилия, и многие каторжные соглашаются на это лишь под условием, чтобы их самих перевели в ту местность, где приют». Не доказывают ли ясно и положительно оба приведенные мною отзывы, что каторжные те же люди, что в душе их не заглохли добрые чувства, и в числе их одно из самых важных – родительская любовь. Жаль только, что автор второго отзыва, признавая связь родителей, хотя бы и каторжных с их детьми, далее, говоря об устроенном для последних одном приюте, добавляет, что даже в той слабой степени, в какой допускается ее сохранение, «связь эта представляет едва ли не самое большое место приюта». Она, по словам автора, поддерживается свиданиями, которые разрешаются родителям, как добровольно последовавшим за ссыльными, так и самим каторжным, вне тюремного разряда, раз в две недели, и «хотя они происходят в присутствии надзирателей или надзирательниц и ограничены коротким временем, тем не менее, влияние этих свиданий на воспитанников приюта сводится к пробуждению в них воспоминаний о прошлом и к духовному возвращению их в ту среду, из которой, для их же блага, им бы следовало быть навсегда изъятыми».

Согласиться с этим мнением нельзя. Дети, если к ним относятся и учат их хорошо и разумно (что, несомненно, имелось в виду при учреждении приюта), не могут от свиданий с родителями нау-

читься ничему худому. Постоянное при соблюдении означенных условий влияние приюта окажет, безусловно, на нравственность их спасительное действие и охранит от того дурного, что (как подзревается) могли бы они получить при свиданиях с родителями. Но смело можно сказать, что родителей-то таких, которые бы могли, пользуясь свиданиями с детьми, учить их худому, не найдется, а если и найдутся, то как самое редкое исключение, которое не должно вовсе приниматься в соображение. Напротив, свидания-то эти могут иметь даже на самих родителей великое исправительное влияние. Я опять обращаюсь к А.П. Чехову. На 365 стр. он говорит, что, записывая, в одной избе татарского мальчика лет трех, он сказал ему несколько ласковых слов, и вдруг лицо его отца, казанского татарина, прояснилось, и он весело закивал головой, как бы соглашаясь, что его сын очень хороший мальчик, и показалось, что этот татарин счастлив.

Может быть (что часто бывает), надзирающие, сознавая в себе частицу «начальства», без всякой надобности, вслушиваются и вмешиваются в разговоры, а иногда, в случае какого-либо своего особого, не всегда безошибочного воззрения, или же дорожа временем для своих надобностей, прекращают эти свидания и отсылают детей на место, а родителей вон. Тут, как мне кажется, не достигнется святая цель учреждения приюта; потому что как у детей, так и у родителей, вместо любви к нему за попечение, останется в душе недоброе чувство за разрушение между ними взаимной связи, которая отнюдь не может быть «слабою стороною приюта». Поставим себя на их место, тогда увидим, что это предположение мое верно. Не лучше ли бы было сделать так: назначить minimum свиданий один раз в неделю, а продолжительность их один час; пусть наговорятся, но только без всякого, стеснительного для тех и других, соглашения надзирателей и надзирательниц, отведя для свиданий особую комнату. Без этого радость родственного свидания обратится в выполнение какого-то срочного урока. Не от излишней ли мнительности, а может быть неопытности, и даже боязни каторжных составилось у местного надзора мнение о вреде этих свиданий?

Описав все, что знаю и вполне помню о жизни каторжных, сделав некоторые заметки на то, что было мною в последнее время

о них читано, я решаюсь сказать несколько слов и по возбужденному теперь вопросу о ссылке.

Что ссылка отжила свой век – в этом, думаю я, не может быть никакого сомнения. Прежняя, колонизационная, цель ее потеряла всякое значение. Теперь, в добрый час, хлынула к нам в Сибирь волна нескольких сот тысяч переселенцев, и там, где были пустырь, тайга и непролазные урмины, работает земледелец и родится хлеб. Жаль только, что многим переселенцам, как приходится читать, встретилась полнейшая неудача, и они возвратились в свои места, истратя на свои странствования все то, что имели. Все это большей частью происходит, как мне кажется, от того, что они попадают на земли чужие, неразграниченные, или же на такие, к которым они непривычны. Так, например: степняк попадает в густые леса, с которыми не умеет совладать, или жители побережий в степь, где берет их тоска от непривычного для них отсутствия рек и т. п. Бог даст, со временем все перемелется, будет мука. Но все это вопрос посторонний к тому, о чем я веду речь. Я сказал о переселении только для того, чтобы показать, что оно вполне и более удачно устраняет надобность в колонизации ссылкой, а особенно в том порядке, в каком она до сих пор велась. Что Сибирь «по горло сыта» ссылкой, это мы ясно видим, читая: о нападении на транспорт провозимого с приисков золота и отнятии его, о нападении с выстрелами на проходившие почты, о похищении грузов железнодорожных вагонов и, наконец, о нападении на них, тоже с перестрелкою, да еще вблизи губернского города Красноярска. Из многого множества я привел только несколько примеров. Вред, причиняемый Сибири ссылкой, переступил границы. Прежде этого не было. Может быть, скажут, что не было и железнодорожного груза. Совершенно верно, но этот же груз шел на лошадях. Бывали срезывания с возов мест с чаем или с товаром, угон целых возов, но перестрелок-то не бывало. Что касается до нападения на почту, то очень давно, чуть ли уже не около 30 лет, недалеко от Читы, близ озера Кинона, была ограблена почта. Главным руководителем этого дела был какой-то купец, да чуть ли не бывший еще городской голова, которого фамилию я забыл. Как он, так и сотрудники его были открыты и осуждены. Больше о таких нападениях было не слышно.

Нападений же на провозимое с приисков в Барнаул* золото не бывало вовсе. Я сам, служа в золотопромышленной К^о Д.Е. Бенардаки, с 1860 по 1869 год включительно, возил туда иногда с приисков, а иногда из Красноярска, золото и получал за него расчет. В этот десятилетний период времени сдано мною более одной тысячи пудов золота, за которое получено кредитными билетами и ассигновками 9 677 712 рублей. Из них первыми**, пока они, прежде введения ассигновок, выдавались в Барнауле, авансом до окончательного на монетном дворе расчета, 2 827 519 рублей. Если по количеству золота (не более 30–35 пудов) можно было ехать в одном экипаже, то я брал с собой одного казака; а если золота было больше и нужно было прибавить экипажей, то в каждый из них я сажал еще по одному казаку. Более чем в трех экипажах ездить не приходилось. Таким образом, вперед до Барнаула с золотом, а обратно до Красноярска с деньгами было нас самое большее четверо, а меньшее – двое. Охрана нельзя сказать, чтобы большая. Все по станциям знали, что я вперед еду с золотом, а назад, вероятно, с деньгами на расчет рабочих; но никогда никаких посягательств на нападение не случилось, хотя я ехал безостановочно день и ночь. Не значит ли это, что тогда в Сибири не было еще такого, как теперь, переполнения разным сбродом? Большая часть ссыльных, на поселение ли то, или на жительство, составляет приток самых дрянных и нежелательных жителей. Я почти вполне уверен, что если бы собрать из судебных мест Сибири статистические сведения, то, наверное, оказалось бы, что большая часть преступлений против собственности и жизни сделана ссыльнопоселенцами, а не каторжными. Вот потому-то и нужно бы было как можно скорее избавить Сибирь от присылки первых.

Решение этого вопроса насколько важно, настолько же и трудно. К нему можно вполне применить пословицу: «Десять раз примерь, а одинова отрежь». Дай Бог, чтобы он разрешился вполне основательно, а не полумерами, и чтобы Сибирь избавилась от присылки в нее всех ссыльных, не исключая (если только это окажется возможным) и каторжных.

* Томской и Иркутской золотосплавочных тогда еще не было. Барнаул был единственное место, где сплавлялось золото и делались за него расчеты.

** То есть кредитными билетами.

В отношении последних, если бы вопрос о них затянулся, необходимо принять меры как к лучшему устройству всего склада их жизни, так к более разумному и правильному распределению работ и надзора. А то теперь отчет, из которого приведены мною некоторые цитаты, говоря о ссылке вообще, не исключая каторги, описывает подробно такие беспорядки, которые ужасны. Не говоря о дурных помещениях и пище, самый-то «тюремный персонал, как высший, так и низший, за ничтожными исключениями, не удовлетворяет своему назначению». Как же, при этих порядках, можно успешно достичь цели карательной и исправительной? Само собою, надзор, заслуживший такой отзыв, преимущественно старается только о первой из них, отбрасывая последнюю, но более важную (как, по его мнению, ненужную), в сторону. Для надзора этого нужно таких людей, которые более или менее руководились бы такими же чувствами, как известные и памятные Говард и Гааз и другие, подобные им, друзья человечества; или же описываемый А.П. Чеховым (стр. 441) тот смелый майор Ш., который не побоялся в бурю, с опасностью жизни, разыскивать в море, с вечера до 2-х часов ночи, унесенного на сеноплавке каторжного, отыскал его и спас.

Как бы хорошо было Главному тюремному управлению устроить в своем ведомстве такой отряд людей, какие устроены в Красном Кресте и других подобных учреждениях.

Кончаю, желаю искренно, чтобы все, ведающие ссылными, руководились (что самое главное) указаниями справедливости и человеколюбия, да чтобы меры исправительные употреблялись предпочтительно гораздо чаще, чем карательные. Исполняя это, можно успешно достичь многого хорошего.

8 декабря 1899 года.

Петербург

И.В. Ефимов

Текст публикуется по: Рус. архив. 1900. № 1. С. 79–107; № 2. С. 246–272.

Исправлены явные опечатки. В публикации звездочками обозначены сноски, сделанные самим И.В. Ефимовым.

Текст публикуется по: Рус. архив. 1900. № 1. С. 79–107; № 2. С. 246–272.

Исправлены явные опечатки. В публикации звездочками обозначены сноски, сделанные самим И.В. Ефимовым.

Публикация и примечания А. Гаращенко

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Волконский Михаил Сергеевич (1832–1903), сын декабриста Сергея Григорьевича Волконского, князь, русский государственный деятель. В 1849 г. окончил с золотой медалью Иркутскую гимназию. В ноябре того же года определен на службу коллежским регистратором в главное управление Амурского края, где состоял чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири графе Н.Н. Муравьеве-Амурском. Принимал участие в первых Амурских экспедициях. В 1856 г. Волконский получил права дворянства и княжеское достоинство (отцу его княжеский титул возвращен не был). Затем перешел на службу на Кавказ, где входил в состав комиссии по разбору пограничных дел с Персией, состоял чиновником особых поручений при наместнике Кавказа кн. А.И. Бярятинском. С 1862 г. помощник статс-секретаря Государственного совета по Департаменту законов; член Комиссии для составления законоположений о преобразовании судебной части. В 1876–1882 гг. попечитель Петербургского учебного округа. В 1880 г. назначен почетным опекуном и членом Совета министра народного просвещения. В 1882–1896 гг. товарищ министра народного просвещения (при министре гр. И.Д. Делянове). С марта 1885 г. – сенатор. В январе 1890 г. пожалован придворным званием обер-гофмейстера. В мае 1896 г. назначен членом Государственного совета; в 1901–1905 гг. заседал в Департаменте промышленности, наук и торговли, а с 1906 г., после реформирования Государственного совета, входил в число непричастствующих членов. Награжден высшими российскими орденами, до ордена Св. Владимира 1-й ст. включительно. Последние годы жил за границей.

2. Баснин Николай Васильевич (старший) (1832–1854), сын известного иркутского купца Василия Николаевича Баснина, поручик драгунского полка. Принимал участие в Крымской войне, где погиб в сражении при Кюрюк-Даре, в котором русская армия разгромила трехкратно превосходящие ее силы турецких войск.

3. Раевский Владимир Федосеевич (1795–1872), поэт, публицист, декабрист. Родился в дворянской семье. Воспитывался сначала дома, а затем в Московском университетском Благородном пансионе. Участник войны 1812 года. Он семнадцатилетним юношей начал службу в артиллерии, причем за Бородинское сражение получил золотую саблю с надписью «За храбрость». Участвуя во многих сражениях с французами в России и за границей, был награжден орденом Св. Анны 4 ст. В 1820 г. служил майором 32-го Егерского полка, в Тульчине его приняли в

«Союз благоденствия». Занимался просвещением солдат, возглавляя с 1821 г. т. н. ланкастерские школы. С юности и до глубокой старости Раевский писал стихи. Был знаком с А.С. Пушкиным. 6 февраля 1822 г. арестован и находился под надзором в Кишиневе. Затем был заключен в Тираспольскую крепость, из которой переведен в Петропавловскую; в общей сложности он провел в заключении почти шесть лет. За это время был судим четыре раза, в четырех военных комиссиях. Приговорами этих комиссий признан непричастным к обществу, результатом деятельности которого было 14 декабря, но все же его сослали в Сибирь на поселение «как вредного в обществе человека» (15-го окт. 1827). В Сибирь Раевский прибыл в следующем году и был поселен в с. Олонках, недалеко от Иркутска; здесь он вскоре женился на крещеной бурятке и занялся хлебной торговлей, винным откупом, наймом рабочих на Бирюсинские золотые промыслы. На его дочери Vere был женат брат И.В. Ефимова – Федор.

4. Автор цитирует строки из повести А.С. Пушкина «Кавказский пленник»: Черкес оружием обвешен; //

Он им гордится, им утешен; // На нем броня, пищаль, колчан, // Кубанский лук, кинжал, аркан // И шашка, вечная подруга // Его трудов, его досуга.

5. Молчанов Дмитрий Васильевич (ок. 1824–1857), выпускник императорского Училища праведения; в 1850–1854 гг. – управляющий отделением и член Совета Главного управления Восточной Сибири. Был женат на дочери Волконских Елене Сергеевне.

6. Бароцци де Эльс Иван Антонович (1804–1863), полковник, с 1860 г. – генерал-майор корпуса горных инженеров. Выходец из дворянской семьи. Его родители имели итальянские корни и жили в Молдавии. Отец – майор, полицеймейстер г. Бендер. Выпускник Горного кадетского корпуса 1825 г. С 1827 г. Бароцци де Эльс служил в штате Грузинской экспедиции. В 1831 г. по прошению был переведен в Златоустовские заводы чиновником особых поручений по Оружейной фабрике, затем был управителем Каменского завода, и позднее, до 1845 г., служил помощником горного начальника Гороблагодатских заводов. В 1845 г. по распоряжению министра финансов командирован в Нижнеудинский округ Иркутской губернии для проведения изысканий и определения способов производства чугуна и железа на новом железодельном заводе. Руководил постройкой Николаевского железодельного завода. В 1854 г., после выхода завода на полную мощность, И.А. Бароцци де Эльс был назначен ревизором по чугуно-железному и солеваренному производству при Главном управлении Восточной Сибири с правами Уральского Берг-инспектора. 26 октября 1858 г. по предписанию генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского провел испытания парохода «Граф Муравьев-Амурский». Награжден орденами Св. Анны 3-й ст.,

Св. Станислава 3-й ст., Анны 2-й ст. с Императорской короной, Станислава 2-й ст. и знаками беспорочной службы за XX и XXV лет. Кроме того, он был представлен к званию члена-корреспондента Российской Академии Наук по Горному отделению. Похоронен на Иерусалимском кладбище в Иркутске.

7. Тюменцев Николай Егорович (1795–1856), сын казацкого сотника, экстерном окончил Иркутскую гимназию, служил в различных учреждениях Иркутской губернии, был чиновником особых поручений при губернаторе Н.И. Трескине, в 1835 г. – чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири, с 1837 г. – член Совета, начальник III отделения Главного управления Восточной Сибири, в 1845 г. – статский советник, в 1850 г. – действительный статский советник.

8. Любопытный факт для исследователей-декабристоведов. В других источниках утверждается, что свадьба Е.С. Волконской с Д.В. Молчановым состоялась в 1850 г. Неужели и автор, да и сама Елена Сергеевна ошибаются? Любопытно и указание на место, где происходила свадьба. Правда, в метрических книгах Усть-Кудинской церкви Казанской иконы Божией Матери за 1850 и 1851 г. не зафиксирован факт сочетания браком названных лиц. Возможно, что в Усть-Куде проходили только свадебные торжества, а само венчание было в городе.

Е.С. Петрушина

Дорога Иркутск–Слюдянка: воспоминания невольного строителя

(Запись и обработка Ю.А. Петрушина)

Автор воспоминаний – Е.С. Петрушина – в годы Великой Отечественной войны была мобилизована на строительство насыпи под железную дорогу Иркутск–Слюдянка и вместе с сотнями своих сверстниц испытала все тяготы и лишения тяжелого и губительного для человеческого организма подневольного труда.

Ключевые слова: трудовая мобилизация, Иркутск, Слюдянка, железная дорога, выемка грунта, бараки.

E.S. Petrushina

Road Irkutsk-Slyudyanka: memoirs of the involuntary builder

(Are written down and processed by J.A. Petrushinym)

The author of memoirs – E.S. Petrushina – in days of the Great Patriotic War has been mobilized for embankment building under the railway Irkutsk-Slyudyanka and together with hundreds contemporaries has tested all burdens and deprivations of heavy and pernicious forced labor for a human body.

Keywords: labor mobilization, Irkutsk, Slyudyanka, the railway, dredging, barracks.

Я, Петрушина Евдокия Сергеевна, родилась в 1926 г. в участке Кундуй, Куйтунского района, Иркутской области в семье крестьян-переселенцев из Орловской губернии. Отец – Сергей Филиппович Черняков был работающим и мастеровым хозяином. Мать Екатерина – заботливой женщиной, родившей и воспитывавшей 6 детей, рано умерла. Отец построил дом, купил молотилку, корчевал залежь, обихаживал свою землю. Семья считалась зажиточной и в 1932 г. попала под раскулачивание. отобрали все: дом, живность, инвентарь, даже домашнюю утварь. Отцу дали 2 года тюрьмы, семья пошла побираться. К фамилии прочно пристала «репутация раскулаченных, недругов советской власти». Это в конечном итоге и сказалось, на том, что я в 15 лет попала под трудовую мобилизацию, объявленную в начале войны. Под трудовую мобилизацию попадали в первую очередь неквалифицированные молодые кадры, в основном юноши и девушки, те, за кого не было заступа в деревне или раскулаченные советской властью.

На 12-ю стройку мобилизовывалась в основном сельская молодежь Приангарья. Сюда также направлялась татарская молодежь. Разрядка поступала в районные исполкомы, оттуда доводилась до сельских советов. Председатели сельсоветов с председателями колхозов решали: кого направить на стройку. Райкомы партии контролировали этот процесс.

Отобранные по мобилизации кадры, вызывались в сельсовет. Им в присутствии участкового милиционера вручались мобилизационные листы, где был указан объект назначения – 12-я стройка, о которой никто не имел никакого представления. Давались сутки на сборы. Так закончилось детство и юность для 15-летней Е.С. Петрушиной (Черняковой) и ее ровесниц, деревенских подружек: С. Анастасовой, Г. Коротченко, А. Рябиковой, К. Юшкиной, мобилизованных из с. Кундуй, Куйтунского района Иркутской области. На колхозных подводах их доставили в районный пункт сбора.

Здесь мобилизованных объединяли в более крупные партии, назначали старшего группы. Ему выдавали проездные документы и пропуск, обязательные для военного времени. По прибытию в г. Иркутск они были обязаны явиться в железнодорожное отделение милиции для дальнейшего препровождения к месту строительства дороги. В поезде, по дороге в Иркутск, нет-нет да раздавались смех и шутки. Молодость брала свое, хотя никто не знал, какие испытания ждут деревенских ребят и девочек, многие из которых впервые покинули свой отчий дом, родное село.

Иркутск встречал будущих строителей крепкими декабрьскими морозами 1941 г., усиленными милицейскими нарядами, строго проверявшими документы и пропуска, унылостью настроений пассажиров, прибывающих на неухоженный, холодный вокзал областного центра. Группы из других районов области направлялись в ближайшее Глазковское отделение железнодорожной милиции, где их ожидали такие же мобилизованные. Здесь формировались команды для отправки на автомобилях на стройку. Молодежь рассаживали на открытые бортовые полупортки, старшим группы вручались документы и всю партию отправляли непосредственно к месту строительства.

По дороге на стройку люди быстро замерзали на ветру, они тесно прижимались друг к другу, пытались сохранить хоть какое-то тепло. Кругом была тайга. Дорога на стройку шла по малонаселенной местности. Тогда еще не было поселений современного Шелеховского района. Скалистые обрывы, нависавшие над грунтовкой, пугали невольных пассажиров своей массивностью, рождали грустные мысли о предстоящей неизвестности. Через несколько часов езды, прибывали на 12-ю стройку. Взору замерзшей и оробевшей молодежи открывались первые сооружения стройки: бараки, склады, производственные помещения. Чтобы попасть в жилые бараки, нужно было пройти по его крыше, между торчащими из-под земли печными трубами. Строителям предстояло, как кротам, жить в огромных полужемлянках и работать с землей.

Производственный процесс на стройке был прост и тяжел как на сотнях или тысячах объектов страны Советов 1920–1940-х гг. «Нулевые циклы» по выемке и перемещению тысячами людей огромных объемов грунта (ДнепрогЭС, Магнитка, Беломорканал и т. п.) считались героическим и ударным трудом первых сталинских пятилеток. Сколько же грунта перелопатил советский человек в

социалистическую эпоху, кто это подсчитает, и сколько стигнуло людей в этих котлованах?!

12-я железнодорожная стройка в 1941 г. не была сплошным строительным участком от Иркутска до Слюдянки. В условиях военного времени она сосредоточилась на наиболее трудоемком, болотистом участке, между станциями Андриановская и Глубокая. Здесь предстояло выполнить огромный объем ручных неквалифицированных земляных работ по сооружению прочной насыпи для будущей укладке рельсов, а также пройти сложные скальные участки. Мобилизованная молодежь, в основном девушки, должны были выполнить эти тяжелейшие работы. Технический персонал стройки был из вольнонаемных кадров. На этом участке дороги и были обустроены бараки типа больших землянок для строителей, столовая, склады, гараж, дома для вольнонаемных.

Вдоль участка шли забои, в каждом из которых трудилась одна бригада из 10–15 человек. Каждому строителю, т. е. девчужке, выдавались со склада: тяжелое кайло, лопата, тачка. От забоя до насыпи прокладывался деревянный трап с желобом в центре, чтобы по нему шло колесо тачки. Строители пробивали трассу будущей дороги. В забое делались шурфы. В них закладывалась взрывчатка, и производился взрыв. Так происходило от забоя к забою. После этого в забои направлялись бригады. Они тачками вывозили грунт в болото. Трудились каждый день, без выходных и праздников, с перерывами на обед и сон. Нормой выработки считался трудодень. Контроль вел учетчик и мастер из вольнонаемных кадров. За невыполнение нормы трудодней полагалось суровое наказание по законам военного времени. Суд военного трибунала мог дать срок заключения на Колыму. По иронии судьбы, суды заседали в Красных уголках, туда кроме судей и провинившихся никто не ходил. Мягким наказанием считалось продление пребывания на стройке. Боязнь сурового наказания гнала серую массу строителей в забой с первыми ударами тяжелой железякой о подвешенный рельс. Этот звук проникал во все уголки стройки, и казалось, не угасал даже в лесной чаще. Он был слышен на Колыме, в Магадане, на Соловках, не утихал по всей стране до 1953 г. Никаких механизмов, облегчавших тяжелейший труд на стройке, не было. Все делалось вручную. Производительность труда зависела от степени принуждения строителей, жесткого учета и контроля над ра-

ботавшими подростками. В качестве поощрения практиковалась выдача бригадам двойного пайка хлеба и каши.

Повседневная жизнь стройки была обусловлена властными инициативами, продиктованными военным временем. Она носила ярко выраженный экстраординарный характер. Девушки в возрасте 15–16 лет стали основной частью трудовых ресурсов стройки. Это – будущие жены фронтовиков, матери послевоенных детей, формировавшие генофонд страны победительницы фашизма, героически выстоявшие в глубоком тылу.

Доминантой внешнего облика строителей была разношерстная одежда. Суконные или ватные штаны, латанные-перелатанные кофты, поверх них суконные бушлаты. Головы повязывали платками и шальями. Единообразной для всех строителей были зимой – лапти, сплетенные из толстой веревки, летом – грубые ботинки на деревянной подошве. Запас лаптей был основательным (в Иркутске трудилась большая артель, где такие же подростки изготавливали эту российскую обувь), поэтому на лапти не было лимита, их выдавали часто, без нормы. Так страна одевала и обувала своих детей социализма, будущих, если выживут, строителей коммунизма. Но даже этой одеждой и обувью люди дорожили, стараясь уберечь ее от воровства. Сразу после смены девчужки спешили в бараки, жались к печкам, сушили одежду и обувь, крепко держа ее в руках. В стихотворении А. Жигулина «Воспоминание» есть строки, точно отражающие то трагичное время:

...В худых, заплатах бушлатах,
В сугробах, на краю страны –
Здесь было мало виноватых,
Здесь больше было –
Без вины...

Освещались бараки керосиновыми лампами. Матрасов и подушек не было. На ночлег обитатели барачных устраивались на трехъярусных деревянных нарах, кто как мог. Наказывали дежурным «шибче» топить печи. Ночью барак напоминал одновременно казарму, вокзал, лазарет. Здоровый храп перебивался тяжелыми стонами, сонными придыханиями и бормотаниями. Во сне девушки переносились в родной дом, на теплую печь, они вволю ели кашу и картошку, встречались с родными и сужеными. Пересказывая друг дружке сны и полученные письма, они сами, того не осознавая, снимали психологическое напряжение тяжелой повсе-

дневности. Сведений о положении на фронте никто из руководства стройки не сообщал, разве что иногда приходили нерадостные новости в письмах. Тягостная морально-психологическая обстановка угнетала, подтачивала физическое состояние. Молодые люди мало чем интересовались, кроме еды и отдыха. Утром строители вставали тяжело. Больше всего донимала сырость, проникавшая, казалось, в самую душу. Разогревались тяжелой работой, мечтая о горячей баланде в обеденный перерыв. После обеда думка была об окончании смены, отдыхе в бараке.

Каждому строителю было положено по норме 200 граммов хлеба в день. Если он хотел питаться в столовой, то сдавал один талон на 100 граммов хлеба администрации и мог рассчитывать на горячий обед. Обед составляла свекольная или капустная, чаще постная, баланда или разваренный вермишель с мороженой картошкой. Все достоинство баланды было в том, что человек мог похлебать горячего супа со 100 граммовой пайкой хлеба. В столовой было мало посадочных мест, поэтому здесь обедали лучшие бригады, «награжденные» двойным пайком. Об этом сообщал «Боевой листок» на дверях столовой. Остальные строители, изрядно потолкавшись, и даже помутузив друг друга у раздаточного кухонного окна, получали постные жидкие порции в свою посуду, как правило, маленькие чугунки и шли обедать в бараки.

Тяжелые земляные работы быстро выматывали и истощали даже молодой организм. Беда была в том, что у девушек не было возможности подкормиться на стороне. Таежная, лесная полоса, отсутствие далеко в округе населенных пунктов, сельхозпредприятий лишали их такой возможности. От цинги спасал только подножный корм тайги – летом щавель, черемша, саранки, сок и мездра с молодых березок, мягкая хвоя с лиственниц, осенью и зимой брусника и клюква, которые люди жадно хватали и ели прямо у забоев. Вечером возле столовой можно было увидеть истощенных девчушек, выковыривавших из помоев остатки еды. Администрация стройки рьяно боролась с этим явлением, но свалка настойчиво манила голодающих. Зачастую оголодавшие девчата не обращали внимания на свою нравственную деградацию, подчинялись внутренней потребности организма – главное выжить, не умереть от голода. Администрация нашла «выход борьбы» с этим явлением. Помойку пищевых отходов стали заливать краской,

химическими чернилами. Показушная официозность заглушала у администрации милосердие и сочувствие к голодающим.

Маленький праздник бывал в бригаде, когда на стройку разрешили приезжать родственникам и привозить кое-какую деревенскую еду. Нехитрую провизию быстро съедали, мучились заворотами кишок, безуспешно прятали еду в снег. Но оголодавшие знали, где и как искать, припрятанные продукты воровали без всякого зазрения совести. Дистрофия, чесотка, педикулез стали повседневностью на стройке. Не выручали санчасть и баня, существовавшие больше для порядка. Белье не менялось месяцами, а одежонка на строителях изнашивалась до неузнаваемости. В бараках и вокруг них царила вопиющая антисанитария. Люди испражнялись прямо возле барачков, ходили по нужде неподалеку, в лес. Больные оставались в бараках, санчасть не имела стационара. Смертельные случаи от голода и болезней на стройке становились нормой. По воспоминаниям Е.С. Петрушиной, ежедневно дневальные выносили из барачков своих умерших подруг. Их увозили на крытой брезентом машине и хоронили в неизвестном месте. Деградивавшие люди особо не интересовались этим у администрации. Не ценилась человеческая жизнь в сталинскую пору. Безутешным лишь было горе матерей и родственников, приезжавших на стройку и не находивших живыми своих кровинушек. Иногда небольшие группы девчат, отчаявшихся и истощенных до предела, решались на побег, ведь стройка не охранялась. Но куда было убежать обессиленным людям, разве что до ближайшей конюшни в 5 км от стройки. Здесь сердобольные пожилые конюхи подкармливали беглянок жареным на противнях зерном, настойчиво советовали вернуться обратно, иначе будут преследоваться их родственники в деревнях, да и не избежать Колымы, страшнее которой в сознании народа, видимо, ничего не было. Такие побегии были больше имитацией, своеобразной психологической отдушиной, стремлением вырваться хотя бы на короткое время из голодной обстановки.

В среде разуверившихся во всем и вся женщин-строителей оставалось устойчивое к невзгодам ядро, пытавшееся поддерживать в коллективе нравственное равновесие. В первую очередь это были бригадирши, авторитет которых был непререкаем. От них зависела норма выработки в бригаде, распределение сил и нагрузки, а в конечном итоге, паек и жизнь. Они не давали разыграться стадным, низким чувствам среди своих бригадников. Регулировали,

по мере возможности, взаимоотношения в бараках. Не случайно, здесь почти не было случаев драк, личных «разборок», люди не играли в карты. Не потому ли так сердечно и сиротливо оплакивали девчонки смерть своего уважаемого бригадира Жени Шергиной из с. Кучурма, Куйтунского района, которая ей всячески оберегала от невзгод, помогала выжить. Вечная ей память! Слава Богу, на стройке не было уголовных элементов, привносящих свои «законы и понятия». Примерно одинаковый средний возраст девушек-строителей по 15-16 лет объективно сдерживал проникновение «дедовщины», в бригадах были уравнилельные принципы, которыми многие десятилетия жило наше советское общество.

Голодная и холодная смерть ходила за плечами каждой девчонки на стройке. Они ощущали ее своей кожей, а некоторые даже искали и находили ее во время взрывных работ: эти девочки не уходили в безопасное место, калечились, их убивало взрывом. В навсегда остановившихся печальных глазах словно отпечатывалась страшная картина из летящих комьев земли, камней, побитых осколками стройных и молодых, как они сами, березок. Их юные души не выдерживали тяжелых страданий, мы не вправе их судить. Всевышний и народ знает на ком лежит грех за их преждевременную смерть.

В 1943 г. на 12-й стройке стали постепенно сворачиваться работы. Людей начали отпускать небольшими партиями по домам. Каждому выдавали проездные документы и по кирпичику хлеба. Домой добирались чуть живыми. Многие потеряли здоровье, рано ушли из жизни. Другие – так и не смогли восстановиться, полноценно трудиться и жить. До наших дней дожили единицы. Их воспоминания – бесценные страницы истории, которая еще хранит немало нераскрытых фактов для современного и будущего поколения.

Сведения об авторах

1. **Архипова Алена Ивановна**, старший лаборант Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, сектор истории Якутии.

2. **Афанасов Олег Владимирович**, к. ист. н., доцент, заведующий кафедрой права Усть-Илимского филиала Байкальского государственного университета экономики и права.

3. **Афанасова Елена Николаевна**, к. ист. н., доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и общих естественнонаучных дисциплин Усть-Илимского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

4. **Бакшт Дмитрий Алексеевич**, выпускник исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета.

5. **Болонкина Елена Владимировна**, к. ист. н., доцент гуманитарного института кафедры истории России Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

6. **Васильева Наталья Федоровна**, к. ист. н., доцент кафедры политологии и отечественной истории исторического факультета Иркутского государственного университета.

7. **Волочаева Анна Владимировна**, к. ист. н., ст. преподаватель кафедры истории Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита.

8. **Гаращенко Алексей Николаевич**, редактор журнала «Земля Иркутская».

9. **Гергилева Алла Ивановна**, к. ист. н., доцент Сибирского государственного технологического университета, г. Красноярск.

10. **Гончаров Юрий Михайлович**, д. ист. н., профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, ст. научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН.

11. **Гулин Алексей Степанович**, предприниматель, г. Чита

12. **Дамешек Ирина Львовна**, д. ист. н., профессор кафедры истории России Восточно-Сибирской государственной академии образования, г. Иркутск.

13. **Дамешек Лев Михайлович**, д. ист. н., профессор, заслуженный деятель науки России, заведующий кафедрой истории России исторического факультета ИГУ.

14. **Зберовская Елена Леонидовна**, доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета.

15. **Иванов Александр Александрович**, д. ист. н., профессор кафедры политологии и отечественной истории исторического факультета ИГУ.

16. **Иванова Елена Владимировна**, ассистент кафедры административного права и таможенного дела Забайкальского государственного университета, г. Чита.

17. **Исачкин Сергей Павлович**, д. ист. н., профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения.

18. **Казарин Виктор Николаевич**, д. ист. н., профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета.

19. **Казарян Павел Леонович**, д. ист. н., профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник Северо-Восточного федерального университета.

20. **Кальмина Лилия Владимировна**, д. ист. н., доцент, вед. науч. сотр. отдела истории, этнологии и социологии ИМБТ СО РАН.

21. **Кравцов Станислав Евгеньевич**, аспирант Сибирской академии права, экономики и управления, г. Иркутск.

22. **Кузнецов Сергей Ильич**, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ.

23. **Курас Леонид Владимирович**, д. ист. н., профессор, главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН.

24. **Курас Софья Леонидовна**, к. ист. н., доцент кафедры правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения.

25. **Курусканова Наталия Петровна**, к. ист. н., доцент кафедры истории и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар.

26. **Лялина Татьяна Николаевна**, соискатель Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Чита.

27. **Макарчук Сергей Владимирович**, д. ист. н., профессор кафедры истории и культуры России Кемеровского государственного университета.

28. **Малкова Юлия Александровна**, Алтайский институт экономики – филиал Санкт-Петербургского университета управления и экономики.

29. **Маменкова Елена Сергеевна**, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета.

30. **Метёлкина Лариса Николаевна**, к. ист. н., доцент кафедры политологии и отечественной истории исторического факультета ИГУ.

31. **Мильбах Владимир Спартакович**, д. ист. наук, профессор Михайловской артиллерийской академии, г. Санкт-Петербург.

32. **Мошкина Зоя Вениаминовна**, д. ист. н., профессор Читинского государственного университета.

33. **Наумов Игорь Владимирович**, д. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории Иркутского государственного технического университета.

34. **Никулина Ирина Николаевна**, д. ист. н., профессор кафедры «Реклама и культурология» Алтайского государственного технического университета, г. Барнаул.

35. **Перцева Тамара Алексеевна**, к. ист. н., доцент кафедры истории России исторического факультета ИГУ.

36. **Петрушин Юрий Александрович**, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета ИГУ.

37. **Плотников Александр Александрович**, к. юр. н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Хабаровской государственной академии экономики и права.

38. **Романюк Лариса Борисовна**, преподаватель, методист факультета гуманитарного образования Забайкальского краевого ин-

ститута повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, г. Чита.

39. **Сальникова Елена Сергеевна**, к. ист. н., доцент кафедры истории Иркутского государственного технического университета.

40. **Серебренников Игорь Петрович**, к. ист. н., доцент Восточно-Сибирской государственной академии образования, г. Иркутск.

41. **Степанова (Шенмайер) Наталья Григорьевна**, к. ист. н., доцент кафедры философии, социологии и истории Иркутской государственной сельскохозяйственной академии.

42. **Суверов Евгений Васильевич**, д. ист. н., профессор Барнаулского юридического института МВД России.

43. **Терновая Ирина Ивановна**, Заслуженный работник культуры РФ, директор Музея истории города Иркутска

44. **Томита Такэси**, профессор университета Сэйкэй, Токио.

45. **Тушемилов Владимир Карлович**, к. ист. н., г. Улан-Удэ.

46. **Чернавский Александр Николаевич**, старший преподаватель Михайловской артиллерийской академии, г. Санкт-Петербург.

47. **Шайдурова Галина Александровна**, к. ист. н., преподаватель истории лицея № 1 города Братска.

48. **Шапова Любовь Васильевна**, к. ист. н., доцент кафедры истории России исторического факультета ИГУ.

49. **Шахеров Вадим Петрович**, к. ист. н., доцент кафедры истории России исторического факультета ИГУ.

50. **Шахерова Светлана Леонидовна**, к. ист. н., доцент кафедры истории России Восточно-Сибирской государственной академии образования.

51. **Шилина Анна Сергеевна**, аспирант кафедры отечественной истории и культурологии Гуманитарного факультета Сибирского государственного технологического университета, г. Красноярск.

52. **Шиловский Михаил Викторович** – д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета, заведующий сектором Института истории СО РАН.

53. **Шостакович Болеслав Сергеевич**, д. ист. н., профессор кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ.

Оглавление

	Уважаемые коллеги!	3
	Вопросы методологии, историографии и источниковедения	8
	С.П. Исачкин	
	Политическая культура ссыльных и местных социал-демократов Иркутска в 1907–1917 гг. (историография и постановка проблемы)	8
	П.Л. Казарян	
	Численность и состав якутской политической ссылки 1906–1917 гг. (Историко-сравнительный анализ)	28
	С.Л. Курас	
	Отчётная документация министерств и ведомств Российской империи как источник изучения ссылки в Сибирь	40
	Н.П. Курусканова	
	Ссылная тематика в нелегальной печати сибирских эсеров начала XX в.	47
	И.И. Терновая	
	Положение об Александровской центральной каторжной тюрьме	57
	Законодательство о каторге и ссылке; деятельность правоохранительных и пенитенциарных органов, следствия и суда в Сибири	66
	И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек	
	Ссылка и каторга в имперском законодательстве	66
	Н.Г. Степанова (Шенмайер)	
	Управления каторгой в Сибири в начале XIX века (правовой аспект)	92
	Т.А. Перцева	
	Наказание декабристов: долженствующее и реальное	107
	А.А. Плотников	
	Этапирование ссыльнокаторжных на остров Сахалин во второй половине XIX в.	125
	Д.А. Бакшт	
	Подавление «Туруханского бунта»: карательный аппарат царской России за Полярным кругом	137
	С.Е. Кравцов	
	О некоторых направлениях деятельности губернских жандармских управлений в начале XX в. (по материалам Иркутской губернии)	144
	С.Л. Шахерова	
	Присяжная адвокатура Сибири: разработка проекта создания профессиональной группы (60-е гг. XIX в.)	153

Г.А. Шайдурова Развитие пенитенциарных учреждений в Иркутской губернии во второй половине XIX века.....	164
Л.В. Шапова Амнистии и начало реорганизации пенитенциарной системы в Иркутской губернии в 1917 г.	170
Уголовная ссылка и освоение Сибири в XVII–XX вв.....	181
А.А. Иванов Политика штрафной колонизации Западного Забайкалья в XVII–XX вв. и ее итоги.....	181
В.П. Шахеров Ссылка как фактор хозяйственного и социокультурного освоения Сибири.....	208
М.В. Шиловский Экономическая эффективность каторжного труда в Сибири во второй половине XIX–начале XX в.....	223
Нерчинская каторга: ее место в карательной и пенитенциарной системе государства....	237
А.В. Волочаева Виды труда на Нерчинской каторге во второй половине XIX в.	237
А.С. Гулин Гарибальдийцы на Нерчинской каторге 1863–1867 гг.....	258
Е.В. Иванова Побеги уголовных ссыльнокаторжных Нерчинского горного округа и Петровского железодельного завода (30–40-е гг. XIX в.).....	278
З.В. Мошкина Учреждение жандармского надзора на Нерчинской политической каторге	282
Л.Б. Романюк Организация труда ссыльнокаторжных Нерчинского горного округа.....	294
Политическая ссылка XIX–начала XX в. и сибирское общество	307
А.И. Архипова Участие политических ссыльных в подготовке проекта земельной реформы губернатора В.Н. Скрыпицына в Якутской области	307
Е.В. Болонкина Ссылка в истории Енисейской губернии (1820-е – начало 1860-х гг.)	313
С.В. Макарчук Ссыльные социал-демократы в Тюменской организации РСДРП. Июнь 1907–1910 гг....	315
Е.С. Сальникова Занятия ссыльных в местах их причисления в Восточной Сибири во второй половине XIX в.	330
И.П. Серебренников Террористическая деятельность ссыльных революционеров в Восточной Сибири в межреволюционный период (1907–1916 гг.)	338

А.С. Шилина	
Быт и нравы политической ссылки Енисейской губернии во время Первой мировой войны.....	355
Этно-конфессиональные аспекты политической и уголовной ссылки.....	364
Ю.М. Гончаров	
Процессы аккультурации и ассимиляции ссыльных поляков в Сибири во второй половине XIX–начале XX в.	364
Е.Л. Зберовская	
Сибирская ссылка этнических групп (1940–середина 1950-х гг.): некоторые аспекты современного изучения темы	372
Л.В. Кальмина	
Адаптация ссыльных в Сибири во второй половине XIX в.: этнические нюансы	377
Т.Н. Лялина	
Организация местной властью исправления религиозных потребностей у ссыльных Забайкалья	392
И.Н. Никулина	
Польская политическая ссылка на Алтай в XIX в.	400
Б.С. Шостакович	
Был ли белорусом политссыльный поляк Ян Черский?О проблеме этноидентификации ссыльных в Сибирь участников польского Январского восстания	426
Бывшие политкаторжане и общественно-политическая жизнь Сибири	449
Н.Ф. Васильева	
Музейная работа Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев	449
Л.Н. Метёлкина	
К вопросу об особенностях социально-политического статуса бывших политссыльных в 1920–1930-е годы (на примере Восточной Сибири).....	463
Политические репрессии Советского периода в Сибири.....	499
В.С. Мильбах	499
Органы военной юстиции СибВО в период политических репрессий 1937–1938 гг.	499
И.В. Наумов	
Политика «Большого террора» в Иркутском регионе (1936–1938).....	510
Пенитенциарная и карательная система Советской Сибири	526
О.В. Афанасов	
О составе и численности заключенных особого лагеря № 7 МВД СССР (конец 1940–начало 1950-х гг.).....	526
Е.Н. Афанасова	
Деятельность детских учреждений закрытого типа системы НКВД СССР на территории Иркутской области во второй половине 1930-х гг.	531
Ю.А. Малкова, Е.В. Суверов	
Алтайский исправительно-трудовой лагерь (1943–1945 гг.)	537

Е.С. Маменкова «Спецконтингент» НКВД СССР – дополнительный источник трудовых ресурсов Красноярского края (1941–1945 гг.).....	544
Л.В. Курас, В.К. Тушемилов Строительство органов государственной безопасности ДВР	553
История интернирования и плена	569
А.И. Гергилева К вопросу о видах наказаний, применяемых к военнопленным Первой мировой войны в Сибири.....	569
С.И. Кузнецов Политика советского государства в отношении японских военнопленных советско-японской войны 1945 г.	580
Томита Такэси (Перевод С.И. Кузнецова) Архивные документы о японских военнопленных в Советском Союзе, 1945–1956 гг.....	592
История ссылки в лицах.....	610
А.Н. Гаращенко И.В. Ефимов – знаток сибирской жизни.....	610
Казарин В.Н. Изломы судьбы профессора Н.П. Фарберова: страница идеологических репрессий советской эпохи	624
В.С. Мильбах, А.Н. Чернавский 1937 год, дело бригадного комиссара Андреева.....	634
Мемуарное наследие.....	649
И.В. Ефимов Из жизни каторжных Илгинского и Александровского, тогда казенных, винокуренных заводов 1848–1853 гг.....	649
Е.С. Петрушина Дорога Иркутск–Слюдянка: воспоминания невольного строителя	704
Сведения об авторах.....	712

Уважаемые коллеги! Сегодня Интернет-пространство – не только источник знаний, но и средство научного общения, обмена результатами исследований историков различных регионов, по существу стирающий границу между «центрами» науки и «периферией». Одним из таких средств стал наш сайт [www. penpolit.ru](http://www.penpolit.ru). Он был открыт в качестве постоянного информационного органа координационного совета по исследованию истории пенитенциарной политики Российского государства в Сибири, созданного при ИГУ в 2008 г. На сайте представлены результаты исследований профессиональных историков, специалистов этой темы из Иркутска, Якутска, Улан-Удэ, Кемерово, Читы, Барнаула, Новосибирска, Омска, Красноярска, Краснодар, других городов страны и сибирского региона. За два года своего существования сайт сумел объединить более 50 ученых, опубликовавших здесь около 150 статей по историографии и источниковедению темы, истории революционной и уголовной ссылки, деятельности тюремных ведомств и жандармских управлений, вкладу политических ссыльных в социально-экономическое, культурное и общественное развитие края, истории плена, политзаключенных и спецпереселенцев советского периода.

Несмотря на столь незначительную собственную историю, сайт уже сегодня является верным барометром, отражающим интересы и новые направления в исследовании пенитенциарной проблематики. Редакция сборника приглашает всех специалистов к активному участию в работе сайта.

WWW. PENPOLIT.RU

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

Сборник научных статей
Выпуск 6 (18)

Издается в авторской редакции

Издательство «Оттиск». Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 18.11.2011 г. Формат 60x84 ¹/₃₂

Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 43,73. Уч.-изд. л. 39,9.

Тираж 250 экз. Заказ № 265.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

664025, г. Иркутск, ул.5-й Армии, 26.

Тел./ факс: (3952) 34-32-34. E-mail: ottisk@irmail.ru